

ДОЧЬ
ПЕТРА
ВЕЛИКОГО

К. Валишевский

ДОЧЬ
ПЕТРА
ВЕЛИКОГО

К. Валишевский

К. Валишевский

К. Валишевский

ДОЧЬ
ПЕТРА
ВЕЛИКОГО

Репринтное воспроизведение
издания 1911 года

МОСКВА
«КНИГА» — СП «ВНЕШИБЕРИКА»
1990

84P1-4
В 15

Вступительная статья
доктора исторических наук Е.В.Анисимова

Оформление
художника М.А.Вакарчука

Издание подготовлено
издательством "Книга" и совместным
советско-испанским предприятием "Внешиберика"

ПУСТЬ БУДЕТ И ВАЛИШЕВСКИЙ...

Как-то раз после публичной лекции о Елизавете Петровне в Центральном лектории Ленинграда ко мне подошла пожилая женщина, речь и манеры которой с безошибочностью свидетельствовали о ее принадлежности к последним петербуржцам, и тихо спросила: "Скажите, как вы относитесь к "Дочери Петра Великого" Казимира Валишевского? Помню, как папа по вечерам доставал из шкафа этот огромный роскошный том и мы, дети и взрослые, рассматривали гравюры..." Женщина вздохнула и улыбнулась, ожидая моего высокоученого ответа. А я в этот момент хорошо представил себе, что за вздохом и улыбкой скрываются и бесценные воспоминания о теплом и уютном домашнем очаге, о мягком свете лампы, вокруг которой собирались близкие, чих могил, вероятно, уже не найти никогда, и память о бесконечной веренице лет страха, неустроенности коммуналок, очередей... И поэтому я не мог пренебрежительно махнуть рукой и сказать: "Знаете, Валишевский — это несерьезно, ненаучно и даже нехудожественно", ибо я понимал, что все не так просто — позолоченные суворинские издания книг Валишевского — это частички, элементы той утраченной дореволюционной культуры, которую мы так долго и старательно вытантывали, а теперь пытаемся хотя бы отчасти возродить.

Это наше естественное желание неслучайно, ибо мы теперь наконец-то ясно поняли: наша культура, наша жизнь бедны еще и потому, что некогда грубо и безжалостно были порваны тысячи нитей, связующих нас с нашим прошлым, были уничтожены традиции, без которых не существует культура вообще.

Переиздание забытых и фактически запрещенных книг прошлого — в высшей степени благородное дело, попытка хотя бы отчасти восстановить разорванную связь времен, вновь нарастить тот гумус культуры, без которого не может быть подлинной демократии и свободы.

Конечно, не все одинаково ценно среди книг, которыми зачитывались наши прадеды. Мы должны ясно отдавать себе отчет в этом, не умиляясь просто виду изящно переизданной старинной книги, хотя зрелище это весьма отраднo для каждого, кому дорого прошлое нашего Отечества. Нам не должен изменять вкус, здравый смысл и совесть.

Именно об этом думал я, берясь проводить книгу Казимира Валишевского в свет. Вообще же сочинения Казимира Валишевского —

поляка по происхождению, написавшего и издавшего на французском языке во Франции в конце XIX – начале XX века немало книг по русской истории, – особая страница в историографии России XVIII века. Можно с уверенностью сказать, что труды Валишевского о Петре I, Екатерине II не вошли в научный оборот. Этому есть немало причин.

Во-первых, книги Валишевского появились в русском переводе незадолго до революции, после которой жизнь российских императоров, прямо скажем, не привлекала внимания историков. Долгие годы писать о так называемой “эпохе дворцовых переворотов” (1725–1762), Екатерине II было не принято, и если об этом упоминали, то лишь в разделе “Внутренняя политика феодально-крепостнической России XVIII века” или в качестве фона развития общественно-политической борьбы, жизни Ломоносова или Радищева.

Во-вторых, многие историки не считали книги Валишевского научными трудами и поэтому не включали их в историографию. Сам Валишевский в предисловии к настоящему изданию приводит мнение крупного знатока истории России XVIII века, автора вышедшей в Берлине “Истории Екатерины II” В.А.Бильбасова, назвавшего произведение Валишевского романами. Валишевский пишет, что эту характеристику он “готов принять... за похвалу”, хотя я не исключаю, что образованный Бильбасов, знавший толк в том, что в его век – век Толстого и Достоевского – называли романами, вкладывал в такое определение иное – саркастическое – содержание, подчеркивая тем самым ненаучность сочинений бойкого бытописателя.

Конечно же сочинения Валишевского и близко не лежали возле романистики, в том числе – и исторической. Но они не были и научными трудами, монографиями – исследованиями, тип которых был принят уже в начале XX века как в русской, так и в западноевропейской науке.

Думаю, что Валишевский был, в определенном смысле, первопроходцем научно-популярного жанра, получившего развитие лишь много лет спустя как особый (и вполне уважаемый) тип литературы.

Из текста книги “Дочь Петра Великого” можно видеть, что Валишевский, в отличие от многих современных нам романистов и популяризаторов, проработал огромное количество литературы и источников и, в отличие, опять же, от некоторых современных авторов, не скрыл этого обстоятельства, оснастив свой труд справочным аппаратом. Весьма важно, что Валишевский изучил многочисленные донесения французских и немецких дипломатов, аккредитованных при дворе Елизаветы Петровны. Они хранятся в архивах Парижа и Берлина и не всегда доступны современному исследователю.

Добросовестная работа в архивах и библиотеках, несомненно, дала свои плоды – книга Валишевского до сих пор является наиболее полным собранием сведений о двадцатилетнем царствовании Елизаветы Петровны, жизни ее двора, людей, ее окружавших.

Конечно, ему, как историку, можно предъявить немало претензий. Они относятся к структуре, содержанию глав и разделов его труда. Но это не самое существенное. Наиболее серьезные претензии вызывает методика работы Валишевского с богатейшими историческими материалами, использованными им в книге. Речь идет о том, что для Валишевского характерно полное пренебрежение к источниковедению как науке, к принципам работы с историческим источником. Он даже не задумывается над тем, откуда исходит использованная им информация, не замечает явных противоречий известных ему источников, трактуящих один и тот же сюжет по-разному — он просто берет то, что ему кажется более подходящим для темы. На это можно возразить, что Валишевский писал давно и что он ставил перед собой иные, чем автор научной монографии, цели. Но, во-первых, источниковедение как наука, как отлитые опытом принципы работы с источником во времена Валишевского не только существовало, но и добилось заметного прогресса.

Во-вторых, не существует никаких принципиальных различий в работе над материалом историка, пишущего научную монографию или популярную книгу. И в том, и в другом случае источниковедение — непрменный элемент творчества историка. Успех же его труда — зависит от способностей, вкуса автора, ибо мы знаем немало таких научно-популярных книг, читать которые — подлинная мука и, наоборот, — есть научные монографии, написанные необычайно легко, на литературном и доступном широкому читателю языке.

Вообще же "источник" — весьма символический научный термин, ибо исторический документ дает жизнь истории как науке, питая ее своими соками. Пройдя через сознание человека далекого прошлого, исторический источник всем своим содержанием, видом, стилем, пометами и т.д. несет историку самую разнообразную и ценную информацию, позволяющую глубоко проникнуть в прошлое. И это прекрасно понимали В.О.Ключевский, С.Ф.Платонов и многие другие профессионалы, и этого совершенно не понимал сам Валишевский. Более того, он не скрывал и даже гордился своим дилетантизмом: "Да, излагая перед читателями содержание хотя бы и дипломатических документов, я считаю возможным сделать чтение их не менее привлекательным, чем фельетон. Это достижимо при условии устранения из них всего того, что не представляет действительного интереса, то есть девяти десятых большинства текстов, и введения в них того, что составляет прелесть всего человеческого: жизни". А как раз источник и создает прелесть возрождения ушедшей навсегда жизни, ибо сам он и есть жизнь, ее частичка!

Поэтому, когда читаешь книгу Валишевского, не покидает ощущение свойственной автору "легкости мысли необыкновенной". Особенно это хорошо видно из тех "философских" отступлений о судьбах России, которые время от времени позволяет себе автор. Только улыбку могут вызвать рассуждения о специфике

”дамского правления” XVIII века, в которые он пускается, даже не пытаясь учесть и вскрыть глубинные истоки политического режима самодержавия, бюрократической системы ”эпохи дворцовых переворотов”. Следует отметить, что в книге Валишевского очень мало глубоких и оригинальных суждений о судьбах России. Он — типичный бытописатель, увлеченный желанием отразить по возможности все, на чем останавливается его взгляд. Обладая несомненным литературным дарованием, он делает это подчас виртуозно. Но вместе с тем к его книге приложимо высказывание итальянского философа и историка Б.Кроче о том, что писать историю, не сопереживая ей, нельзя. Валишевский же почти всегда — лишь наблюдатель, коллекционер случаев и явлений.

Упрощенный подход к истории нередко приводит автора к легковесным, неглубоким выводам и даже ошибкам. Приведу лишь один пример. Описывая государственный переворот 1741 года, возведший на престол Елизавету Петровну, он пишет о решающей роли некоего ”иностранныго элемента”, имея в виду сподвижников цесаревны — врача Лестока, гвардейца Грюнштейна и музыканта Шварца. Дворцовый переворот 1741 года как раз и отличался особой патриотической окраской, стал завершением явно национального по своему характеру движения, охватившего достаточно широкие низы гвардии и горожан. Документы конца 30 — начала 40-х годов XVIII века с несомненностью свидетельствуют о росте недовольства режимом немецких временщиков накануне смерти Анны Ивановны и во время правления Анны Леопольдовны. Параллельно с этим процессом заметна идеализация Петра Великого, представлявшегося многим великим русским царем, заботившимся, в отличие от тогдашних правителей, о благе России и русского народа. Идеализация первого императора в полной мере распространялась и на его дочь — наследницу, незаконно отодвинутую немецкими временщиками от власти.

Вместе с тем, справедливости ради, отметим, что в книге Валишевского много и ценных наблюдений и характеристик. Это относится и к тому разделу, где идет речь о Ломоносове, Шувалове, самоѢ Елизавете, общих тенденциях внутренней политики. Валишевский дает вполне адекватную оценку внешней политике самодержавия, характеризуя ее как имперскую, что в отечественной литературе делалось крайне охотно.

Валишевский — историк, которого у нас мало читали, но много ругали, относя его творчество к разряду ”чтива”, бульварной литературы. Хотелось бы разуверить в этом читателя. В главе под интригующим названием ”Женщина и императрица” и перед разделом с еще более интригующим названием ”Интимные нравы. Ночной император” Валишевский пишет: ”Однако я приступаю здесь к области интимной жизни, где опыт прошлого заставляет меня подразделить моих читателей на категории. Пусть те из них, чью стыдливость я имел несчастье оскорбить в своих прежних трудах, лучше покинут меня

здесь и вновь ко мне вернуться в следующей главе”. Ах, скажем мы, какое кокетство! Но суть не в этом. Прочитав раздел о ночных императорах, иной читатель крайне удивится, не найдя в тексте ничего фривольного, и подумает, что, вероятно, нынешние издатели сделали купюры. Ничего подобного – никаких купюр нет. Просто сильно изменились времена и нравы, изменилась и литература. Читатель иных современных бульварных исторических романов заглядывает, по воле их авторов, туда, куда бы Валишевскому и его читателям и в голову не приходило заглянуть. Поэтому и создается впечатление известной целомудренности Валишевского, для которого этические принципы, безусловно, распространялись и на историю.

Поэтому, ни в коей мере не являясь поклонником писаний Валишевского, я считаю, что он должен появиться в круге нашего чтения, дать еще один оттенок многоцветию исторической литературы. Будем доверять вкусу и знаниям читателей. Пусть будут серьезные монографии, сборники документов, исторические романы, пусть будет ”черный хлеб” истории и ”пирожные”, пусть будут Карамзин, Соловьев, Платонов, Покровский, Тарле. Пусть будет и Валишевский...

Евг.Анисимов

Императрица Елизавета Петровна.

Съ гравюры Нильсена.

К. ВАЛИШЕВСКІЙ

ДОЧЬ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

ЕЛИЗАВЕТА I

ИМПЕРАТРИЦА ВСЕРОССИЙСКАЯ

По новымъ, частью неизданнымъ документамъ, заимствованнымъ изъ Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ во Франціи, изъ тайныхъ архивовъ въ Берлинѣ и Вѣнѣ, изъ разныхъ другихъ хранилищъ и изъ новѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ изданій.

Съ 72-мя иллюстраціями въ текстъ и 41-й на отдельныхъ листахъ — изъ картинныхъ галерей Императорскихъ Дворцовъ, Императорскаго Эрмитажа, Академіи Художествъ и проч.

ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ, 13

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

	СТРАН.
Отъ издателя	XVII
Предисловіе	XIX
1. Ноябрьскій переворотъ 1741 г.	I

I. Первые годы. — Первые испытанія. — «Подрѣзанные крылья». — Первые любовныя увлеченія. — «Венера» и «Минерва». — Первые честолюбивые порывы. — Уединеніе. — Темныя связи. — Предполагаемый бракъ. — Алексѣй Разумовскій. — II. Движеніе въ казармахъ въ пользу Цесаревны. — Ея побужденія. — Ея агенты. — Салтыкова. — Преобладаніе иностранцевъ въ организаціи заговора. — Роль хирурга Лестока. — Тайны Цитеры. — Переписка Мардефельда съ Фридрихомъ II по этому поводу. — III. Отношенія Елизаветы къ Франціи и Швеціи. — Обращеніе къ содѣйствію Франціи. — Уклончивый отвѣтъ Шетарди, одобренный его дворомъ. — Предложенія Нолькена. — Перемѣна намѣреній въ Версалѣ, вызванная проектомъ коалиціи противъ Австріи. — Приказаніе Шетарди содѣйствовать заговору. — Нолькенъ требуетъ отъ Елизаветы письменнаго обязательства и отказа отъ земель, завоеванныхъ Петромъ Великимъ. — Колебанія Цесаревны. — Отказъ. — Отъѣздъ Нолькена. — Швеція внезапно объявляетъ войну Россіи. — Ни плана, ни руководства. — Скупость Шетарди. — Елизавета считаетъ себя оставленной всѣми. — Матримоніальные планы принца Конті. — Отказъ Елизаветы. — IV. Неожиданное стеченіе обстоятельствъ ускоряетъ развязку заговора. — Бурное свиданіе въ Зимнемъ Дворцѣ. — Елизавета выдаетъ Лестока. — Приказаніе выступленія, отданное гвардейскимъ полкамъ. — Рѣшительныя дѣйствія. — Новая просьба о пособіи, обращенная къ Шетарди. — Отказъ. — Революція *безъ участія Франціи*. — V. Ночь 24 ноября. — Собраніе въ домѣ Елизаветы. — Въ казармахъ преобразенцевъ. — Шествіе къ Зимнему Дворцу. — Переворотъ. — Бывшій императоръ увезенъ на колѣняхъ новой императрицы. — Выводы.

II. Восшествіе на престолъ 40

I. Ночь съ 25-го на 26-ое ноября. — Пробужденіе князя Шаховскаго. — Во дворцѣ новой императрицы. — *Cedat toga armis!* — Манифесты. — Права Елизаветы. — II. Бывшій императоръ. — Семейство принцевъ Брауншвейгскихъ. — Дорога въ ссылку. — Холмогоры. — Смерть Іоанна III. — Остальные члены семьи. — Освобожденіе. — Въ Даниі. — III. Другія жертвы переворота. — Приговоры къ смертной казни. — Остерманъ на эшафотѣ. — Полу-помилowanіе. — Бывшій канцлеръ въ Березовѣ. — Минихъ въ Шелымѣ. — Торжественное возвращеніе. — Манштейнъ. — Левенвольдь. — Головкинъ. — Женскій элементъ. — IV. Новый штатъ. — Упраздненіе Кабинета. — Возвращеніе Сенату его прежняго значенія. — *Какъ было при Петръ Великомъ.* — Возвращенные изъ ссылки. — Долгорукіе. — Красавецъ Шубинъ. — Дѣйб-кампанія. — Торжества и крайности милитаризма. — Столкновенія. — Націонализмъ и нѣмецкій элементъ. — V. Коронаваніе. — Прибытіе принца Голштинскаго. — Путешествіе въ Москву. — Церемоніи и празднества. — Герцогъ Голштинскій провозглашается наслѣдникомъ престола. — Нѣмецъ ли онъ или Русскій? — Рокковыя послѣдствія дѣла Петра Великаго. — Прорубленное въ Европу окно. — Германія въ Россіи. — Будущее.

III. Женщина и Императрица 76

I. Нравственный обликъ. — Дѣтство. — Двѣ системы воспитанія. — Образованіе и характеръ. — Умъ и темпераментъ. — Страсть къ нарядамъ. — Пятнадцать тысячъ платьевъ. — Переодѣваніе въ мужской костюмъ. — Доброта Елизаветы. — Великодушныя инстинкты, жестокіе порывы. — Нравственная эволюція современной Россіи. — Недержанность. — Умственная лѣнь. — Набожность и суевѣріи. — Отношеніе къ духовенству. — Религіозное рвеніе. — Старая и новая Россія. — Смѣшеніе и компромиссы. — Популярность Елизаветы. — II. Дворъ и внутренняя жизнь. — Приближенные цесаревны. — Дворъ императрицы. — Новыя ассамблеи. — Попытка порвать съ византійскими традиціями. — Быстрые успѣхи съ точки зрѣнія роскоши и изящества. — Менуэтъ въ С.-Петербургѣ. — Столъ императрицы. — Игра. — Опера. — Новая Астрей. — Препятствія и сопротивленіе. — Показанія современниковъ. — Д'Эонъ въ Лѣтнемъ дворцѣ. — Автомобили въ Царскомъ Селѣ. — Въ Москвѣ. — Путешествія Елизаветы. — Кочевая жизнь. — Женскій элементъ. — Неудовлетворительность его съ общественной точки зрѣнія. — Личное участіе государыни въ придворной жизни. — Ея достоинства. — Интимная жизнь. — Любовь къ деревенской жизни. — Ночныя бдѣнія. — Чесальщицы. — III. Интимныя нравы. — Первые связи. — Бутурлинъ. — Нарышкинъ. — Шубинъ. — Судьба Разумовскаго. — Ночной императоръ. — Предполагаемый бракъ. — Характеръ фаворита. — Легенда о дѣтяхъ, рожденныхъ Елизаветой. — Княжна Тараканова. — Семья фаворита. — Кириллъ Разумовскій. — Соперники. — Шуваловъ. — Трагикомическое приключеніе Бекетова. — Женщина и императрица. — IV. Политическая роль Ели-

заветы. — Умѣнье играть се. — Проницательность. — Скрытность. — Сознаніе долга. — Любовь къ Россіи. — Недочеты. — Лѣнь и разбѣянная жизнь. — Постепенное отреченіе отъ всякой дѣятельности. — Распутство. — Послѣдствія его. — Безостановочное развитіе страны и проявленіе силы. — Причины этого явленія.

IV. Приближенные императрицы. Политическіе и военные дѣятели . 133

1. Иностранннй элементъ и націонализмъ. — Удаленіе или добровольная отставка персонала служебнаго, заимствованнаго у сосѣдей. — Нѣкоторыя исключенія. — П. Лестокъ. — Его роль и поведеніе. — Хирургъ и государственный дѣятель. — Хорошо оплаченное кровопусканіе. — Отношенія съ Елизаветой. — Борьба съ Бестужевымъ. — Грубое обращеніе съ Елизаветой. — Опала. — Арестъ. — Дыба. — Ш. Бестужевъ. — Происхожденіе. — Затрудненія въ началѣ карьеры. — На службѣ у Англій. — При дворѣ Анны Іоанновны. — Въ Копенгагенѣ. — Научныя занятія. — *Tinctura inervi Bestuchevi*. — Назначеніе на постъ канцлера. — Характеръ. — Дарованія. — Сотрудники. — Общественная и частная жизнь. — Бестужевъ и Вальполь. — Продажность. — Видимость и дѣйствительность. — Вліяніе на Елизавету. — Причины его. — Борьба съ Шуваловыми. — Пораженіе. — Арестъ и процессъ. — Впечатлѣніе, произведенное на Европу. — Оптический обманъ. — «Россія на ходуляхъ». — Послѣдствія катастрофы. — Кажущееся уменьшеніе могущества. — IV. Шуваловы. — Основы ихъ общаго благополучія. — Мавра Егоровна. — Петръ Шуваловъ. — Универсальныя знанія. — Государственный дѣятель и восначальникъ. — Національный складъ ума. — Дѣятельность въ экономической и военной областяхъ. — Тайственная гаубица. — Нравственность. — Спекуляція и хищеніе. — Общественная роль. — Александръ Шуваловъ. — Тайная канцелярія. — Иванъ Шуваловъ. — Начало его возвышенія. — Любовь и набожность. — Портретъ фаворита. — Недостатки и достоинства. — V. Мелкіе дѣятели. — Политическіе дѣятели. — Канцлеръ Воронцовъ — Прокуроръ Трубецкой. — Распри изъ-за прачекъ. — Дипломаты. — Чернышовъ. — Олсуфьевъ. — Военный персоналъ. — Въ поискахъ генерала. — «Инвалиды и дураки». — Любезный воинъ. — Апраксинъ. — «Измѣнникъ или дуракъ». — Ферморъ и Салтыковъ. — Бутурлинъ. — Настоящіе герои Семилѣтней войны.

V. Политическая эволюція 182

1. Политическій строй. — Упраздненіе Кабинета. — Возстановленіе Сената въ его прежнихъ правахъ. — Конференція министровъ. — Преобразование collegій. — Отступленіе отъ объединяющей программы Петра Великаго. — Возстановленіе гетманства въ Малороссіи. — Успѣхи въ противоположномъ направленіи. — Уничтоженіе казачьей автономіи. — Колонизація степей. — Устроеніе Сибири. — II. Администрація. — Продажность должностей и порожденныя ею злоупотребленія. — Бессиліе центральной власти. — Недостатки суда. — III. Законодательство. — Изобиліе указовъ. — Попытка кодификаціи. — Преобразованіе уголовнаго права. — Исторія тѣлесныхъ наказаній. — Отмѣна смерт-

ной казни. — Либеральныя стремленія встрѣчаютъ препятствія въ религиозномъ рвеніи Елизаветы и ея политическомъ положеніи. — IV. Высшая и административная полиція. — Тайная канцелярія. — Безпрерывный заговоръ. — Общественная безопасность. — Несправедливое отношеніе. — Разбои. — Сообщничество властей, арміи, населенія. — Пожары. — Вліяніе ихъ на экономическое состояніе страны. — V. Экономическій режимъ. — Монополіи. — Отступленіе отъ принциповъ Петра Великаго. — Поощреніе промышленности и торговли. — Система разумнаго вмѣшательства государства. — Недостатки его. — Геніальный изобрѣтатель. — Автомобили и часо-верстный счетчикъ Шамшуренкова. — Противорѣчія системы. — Законы противъ роскоши. — Посредственные результаты. — Причины. — VI. Финансы. — Нарушеніе равновѣсія. — Задолженность. — Отсутствіе отчетности. — Всеобщее хищеніе. — Слѣдствія войны. — Неспособность страны поддерживать выпавшую на ея долю роль. — VII. Армія и флотъ. — Сужденіе современниковъ о военномъ устройствѣ Имперіи. — Недостатки его. — Преобразованія 1755 г. — Нравственный элементъ. — Упадокъ флота. — Дѣло Петра Великаго разрушается. — Его парадоксальный характеръ. — Послѣдствія.

VI. Соціальная эволюція 231

I. Церковь. — Секуляризація монастырскаго имущества. — Временный разрывъ съ программой Петра I-го и частичное возвращеніе къ ней. — Рѣшительное отступленіе отъ нея съ точки зрѣнія духовной. — Воинствующее православіе. — Религиозная пропаганда и нетерпимость. — Расколъ. — Другія секты. — Преслѣдованія самоубійства. — Отрицательные результаты. — Политика Елизаветы по отношенію къ духовенству. — Ея развращающее вліяніе. — Скучность матеріальная и скучность духовная. — Распутство и безчинства. — Синодъ. — Церковь и религиозная жизнь. — II. Общественное движеніе. — Нравы. — Дворянство. — Перемѣна условій его быта. — Освободительная эволюція, уравновѣшенная расширеніемъ крѣпостнаго права. — Быть крѣпостныхъ. — *Дворня*. — Крѣпостное право и законодательство. — Юридическая власть господъ. — Злоупотребленія. — *Салтычиха*. — Кровавая карьера. — 138 жертвъ. — Особенности крѣпостнаго права въ Россіи. — Причины ихъ. — Отсутствіе патриархальнаго принципа. — Защитники и худители этого строя. — Явленія, обнаруживающія его недостатки. — Постоянные побѣги и бунты закрѣпощенныхъ крестьянъ. — Неспособность мѣстнаго дворянства умѣрить недостатки этой системы. — Порочный составъ этого сословія и влѣденіе въ него развращающихъ элементовъ. — Недостаточность умственного развитія. — III. Національное воспитаніе. — Отсутствіе или недостаточность начальнаго и средняго образованія. — Кадетскій корпусъ. — Чужеземные воспитатели. — Французъ Лапи. — Замѣна нѣмецкаго вліянія французскимъ — Франкоманія. — Злоупотребленія ею. — Щеголи. — Юность Волотова и его наставника. — Высшее образованіе. — Московская академія. — С.-Петербургская Академія Наукъ. — Вольба русскаго

элемента съ нѣмецкимъ. — Нартовъ и Шумахеръ. — Научное безплодіе. — Начало болѣе плодотворной эпохи. — Миллеръ. — Начало научной прессы. — Образовательная реформа. — Московскій университетъ. — Гимназіи. — Причины, препятствовавшія независимому развитію въ этомъ направленіи. — Офіціальная наука. — Цензура. — Деспотическіе инстинкты. — IV. Литературное движеніе. — Ломоносовъ. — Его жизнь и труды. — V. Первые шаги въ искусствѣ. — Безвѣстное начало. — Убожество пластическихъ искусствъ. — Русскіе и иностранные художники. — Французскіе живописцы въ Россіи. — Токке. — Лагрене. — Ле-Дорренъ. — Театръ и хореографія. — Созданіе русскаго театра. — Провинція и столица. — Русская комедія въ Ярославлѣ. — Волковъ и его труппа. — Сумароковъ и его драмы. — Зачатки новой культуры. — Заключеніе.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I. Конецъ шведской войны. — Романъ маркиза Шетарди 297

I. Елизавета и европейская дипломатія. — Война за Австрійское наслѣдство. — Опасенія по поводу той роли, которую Россія пожелаетъ играть въ этой войнѣ. — Дипломатическій корпусъ въ С.-Петербургѣ. — Маркизъ Шетарди. — Его первое свиданіе съ новой императрицей. — Война между Россіей и Швеціей. — Вмѣшательство французскаго дипломата. — Перемиріе. — Протестъ Фридриха II. — Успѣхи маркиза Шетарди. — Путешествіе въ Москву. — Неожиданный поворотъ въ дѣйствіяхъ Россіи. — Его причина. — Елизавета и ея министры. — Бестужевъ. — Шетарди взываетъ къ чувствамъ императрицы. — II. Романъ маркиза Шетарди. — Борьба съ министрами и нѣжныя отношенія съ императрицей. — Любовныя свиданія. — Въ «опочивальнѣ». — Паломничество въ Троице-Сергіевскую Лавру. — Торжество любви. — Политическое пораженіе. — Отъѣздъ. — III. Между Версалемъ и Москвою. — Маркизъ Шетарди въ Берлинѣ. — Неудача. — Возобладаніе англійскаго вліянія при русскомъ дворѣ. — Англо-русскій договоръ. — Проектъ брака герцога Голштинскаго съ французской принцессой. — Пораженіе. — Побѣда Пруссіи. — Шетарди во Франціи. — Лестокъ убѣждаетъ его возвратиться въ Россію. — Требованіе, предъявленное имъ Елизаветѣ. — Она должна прежде уволить своихъ министровъ. — «Они или я». — Отказъ. — IV. Миръ въ Або. — Разгромъ шведовъ. — Безсиліе Франціи. — Договоръ, продиктованный Россіей. — Франція принимаетъ рѣшеніе держаться въ сторонѣ. — Событіе, заставившее ее измѣнить эту политику. — V. Дѣло Вотта. — Австрійская дипломатія въ Россіи, ея успѣхи и пораженія. — Ложный заговоръ. — Лестокъ хочетъ воспользоваться имъ, чтобы свергнуть Бестужева. — Австрійскій посланникъ скомпрометированъ. — Арестъ жены Бестужева. — Судебный приговоръ и казни. — Новая неудача. — Положеніе Бестужевыхъ остается попрежнему твер-

дымъ. — Шетарди, тѣмъ не менѣе, находитъ время подходящимъ чтобы свергнуть ихъ. — Вопросъ объ его отъѣздѣ въ Россію рѣшенъ. — Давныя ему инструкціи. — Окончательный планъ. — Рискованная авантюра. — VI. Возвращеніе въ Россію. — Опасное путешествіе. — Первый разговоръ съ Елизаветой. — Портретъ короля. — Вопросъ объ императорскомъ титулѣ. — Французскій дипломатъ не признается русскимъ правительствомъ. — Повѣренный въ дѣлахъ д'Алліонъ. — Его отношеніе къ Шетарди. — Рѣзкое столкновеніе. — Елизавета потѣшается надъ нимъ. — Пучокъ розогъ. — Шетарди и Мардефельдъ. — Прусская дипломатія. — Пріѣздъ въ Россію принцессы Цербстской и ея дочери. — Двойственная игра Фридриха. — Отъѣздъ въ Москву. — Новый соперникъ. — Лордъ Тироули. — Соглашеніе англійскаго дипломата съ Бестужевымъ. — «Мина». — Ничтожная роль французскаго посланника. — Отказъ министровъ имѣть съ нимъ дѣло. — Обманчивая любезность Елизаветы. — Опасное положеніе. — Последнее упованіе на Лестока. — Измѣна хирурга. — Мина взрывается. — VII. Катастрофа. — Перехваченная переписка. — Слова Шетарди, оскорбительныя для Елизаветы. — Гнѣвъ императрицы. — Бестужевъ предлагаетъ ей выслать дипломата изъ Россіи. — Колебанія. — Вмѣшательство Тироули. — Отъѣздъ императрицы въ Троицкую Лавру. — Русскія власти занимаютъ домъ Шетарди. — Приказъ выѣхать въ двадцать чetyре часа. — Возвращеніе во Францію. — Конецъ карьеры.

II. Разрывъ съ Франціей и Пруссіей. Австрійскій союзъ 372

I. Вмѣшательство Австріи. — Графъ Розенбергъ въ Петербургѣ. — Ботта приносится въ жертву. — Письмо Маріи-Терезіи къ Елизаветѣ. — Проектъ союза. — Финансовыя затрудненія. — Бестужевъ хлопочетъ о субсидіи и ждетъ награды. — Отчаяніе Розенберга. — Мардефельдъ предлагаетъ деньги и вновь беретъ верхъ. — II. Прусская дипломатія и французская дипломатія. — Фридрихъ требуетъ вооруженнаго вмѣшательства Россіи. — Предложеніе посредничества со стороны Россіи. — Смерть императора Карла препятствуетъ этому. — Ничтожество д'Алліона. — Его хвастовство. — Онъ вводитъ д'Аржансона въ заблужденіе относительно намѣреній Россіи. — Письмо французскаго короля къ Елизаветѣ («La lettre d'agasegie»). — Вольтеръ въ качествѣ секретаря Людовика XV. — Неудача. — Предложенія д'Алліона Бестужеву. — «Милліоны на словахъ». — Отказъ русскаго канцлера. — Фридриху приходится разсчитывать только на собственныя силы. — Сдѣлка Мардефельда съ Бестужевымъ и Воронцовымъ. — Опасность вооруженнаго вмѣшательства со стороны Россіи устранена. — Фонтенуа. — Положеніе Австріи и Англійи поколеблено. — Одна Пруссія извлекаетъ выгоду изъ побѣды. — Попытка д'Алліона начать переговоры о союзѣ. — Окончательная неудача. — Двуличная политика Бестужева. — Ссора двухъ представителей Англійи въ Петербургѣ. — Фридрихъ переходитъ къ наступленію. — Гогенфридбергъ. — Ганноверская конвенція. — Отъѣздъ Розенберга. —

Саксонія въ отчаяніи взываетъ къ Россіи. — Рѣшеніе Петербургскаго двора прійти ей на помощь. — Слишкомъ поздно! — Дрезденскій миръ. — Торжество Фридриха. — Франція не принимаетъ въ немъ участія. — III. Австро-Русскій договоръ. — Новый посланникъ Марин-Терезіи въ Петербургѣ. — Баронъ Претлакъ. — Энергичная дипломатическая кампанія. — Новая опасенія Фридриха. — Прусская дипломатія и англійская дипломатія. — Гиндфордъ обманываетъ Мардефельда. — Тайна короля Георга. — Подписаніе договора. — Воронцовъ во Франціи. — Радужный пріемъ. — Заблужденіе. — Подвиги д'Аллиона. — Бестужевъ пьетъ за успѣхъ англійской арміи. — Пораженіе франко-прусской партіи въ Петербургѣ. — Отъѣздъ Мардефельда. — Русскій канцлеръ ведетъ переговоры о субсидіи съ морскими державами. — Русская армія по пути къ Рейну. — VI. Аахенскій миръ. — Русскіе не дѣлаютъ ни одного выстрѣла. — Они исключены изъ переговоровъ. — Возвращеніе въ Россію. — Новая опасенія Фридриха. — Вопросъ о Швеціи. — Русская опасность. — Коалиція, составленная прусскимъ королемъ противъ нея. — Онъ не боится больше Россіи и отзываетъ своего посла. — V. Разрывъ. — Фридрихъ и Елизавета. — Личная неприязнь императрицы. — Ея причина. — Скрѣпленіе союза съ Австріей. — Его послѣдствія.

III. Коалиція противъ Фридриха 413

I. Первые неувѣренные шаги. — Россія первая дѣлаетъ попытку къ сближенію съ Франціей. — Дипломать-любитель. — Мишель. — Русскій путешественникъ во Франціи. — Графъ Санти. — Искатель приключеній. — Баронъ Летремъ. — Перемѣна политики въ Версалѣ. — Секретная дипломатія. — Миссія кавалера Дугласа. — Англо-русскій договоръ. — Возвращеніе Дугласа во Францію. — Новый французскій агентъ въ Россіи. — Мейссонье де Валькруассанъ. — II. Вестминстерскій договоръ. — Англо-русскій союзъ побуждаетъ Фридриха войти скорѣе въ соглашеніе съ Англіей. — Иллюзіи Фридриха насчетъ послѣдствій этого акта. — Впечатлѣніе, произведенное имъ въ С.-Петербургѣ. — Русскій дворъ признаетъ свой договоръ съ Англіей уничтоженнымъ. — Поворотъ французской политики. — Переговоры съ Австріей. — Россія выражаетъ желаніе принять въ нихъ участіе. — Австро-русскій союзъ. — Поднимается вопросъ о приступленіи Франціи къ этому союзу. — Безуспѣшныя стремленія Англіи помѣшати этому. — III. Дугласъ и Бехтѣвъ. — Возвращеніе французскаго эмиссара въ Петербургъ. — Кавалеръ д'Эонъ. — Милостивый пріемъ. — Затрудненія, встрѣченныя Дугласомъ вслѣдствіе неофициальности его положенія. Онъ проситъ, чтобъ его акредитовали въ качествѣ полномочнаго министра. На это соглашаются подъ условіемъ, что во Францію тоже будетъ отправленъ посолъ. — Пріѣздъ Бехтѣва въ Парижъ. — Принцъ Конти пытается войти въ его довѣріе. — Затрудненія вслѣдствіе этикета. — Бехтѣвъ въ Компьенѣ. — Утренній пріемъ короля. — Характеристика французовъ, сдѣланная русскимъ дипломатомъ. — Бехтѣвъ подчиненъ австрійскому послу по желанію

С.-Петербургскаго двора. — Времяпрепровождение Бехтѣва въ Парижѣ. — Его покупки для Елизаветы. — Русскіе въ Версалѣ. — Маркиза Помпадуръ. — Возвращеніе Бехтѣва въ Россію. — Отправленіе пословъ. — Князь Голицынъ и маркизъ Лопиталь. — Начало военныхъ дѣйствій. — IV. Приступленіе Россіи къ Версальскому договору. — Почему Франція не вела переговоры непосредственно съ Россіей. — Истинный характеръ этихъ переговоровъ. — Они ведутся Австріей. — Военственные замыслы. — Проектъ мобилизаціи. — Отказъ Елизаветы. — Затруднительное положеніе Дугласа. — Тактика Бестужева. — Вопросъ о Турціи. — Дугласъ соглашается на секретную декларацію. — Отказъ Версальскаго двора ратифицировать ее. — Елизавета сдается. — Подписаніе договора. — Образованіе коалиціи. — Присоединеніе къ ней Швеціи. — Второй Версальскій договоръ. — Война.

IV. Завоеваніе Пруссіи 449

I. Посольство маркиза Лопиталья. — Два С.-Петербургскихъ двора. — Будущая Сѣверная Семирамида. — Недоразумѣнія и размолвки. — Секретная дипломатія. — «Письмо довѣрія» Людовика XV. — Елизавета на него не отвѣчаетъ. — Замыслы принца Конти. — Постигшая ихъ неудача. — Пассивная роль Лопиталья. — Несогласіе между союзниками. — Превосходство Фридриха надъ ними. — II. Первая встрѣча русскихъ и пруссаковъ. — Восточная Пруссія. — Защита провинціи. — Генералъ Левальдтъ и его армія. — Самоувѣренность Фридриха. — Попытка вступить въ переговоры о мирѣ. — Русское нашествіе. — Положеніе обѣихъ армій въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніи. — Прусскіе шпіоны. — Первое столкновеніе. — Битва при Гросс-Эгерсдорфѣ. — Побѣда русскихъ. — Дорога на Кенигсбергъ открыта. — Отступленіе Апраксина. — Его причины. — Обморокъ и болѣзнь Елизаветы. — Судъ надъ Апраксинымъ. — Послѣдствія отступления. — Росбахъ. — III. Паденіе Бестужева. — Интриги канцлера. — Понятовскій. — Бестужевъ и Екатерина. — Арестъ канцлера. — Екатерина и Елизавета. — Ссора и примиреніе. — Паденіе Бестужева — побѣда французовъ. — Зарождающіяся симпатіи между обѣими странами. — Проектъ замѣны англійскихъ товаровъ французскими на русскомъ рынкѣ. — Неудача. — IV. Кенигсбергъ и Цорндорфъ. — Русская армія подъ командованіемъ Фермора. — Возвращеніе въ Пруссію. — Взятіе Кенигсберга. — Захватъ провинціи. — Командованіе прусской арміей переходитъ къ Дона. — Онъ не можетъ остановить наступленія русскихъ, угрожающихъ Бранденбургу. — Осада Кюстрина. — Фридрихъ является къ нему на помощь. — Битва при Цорндорфѣ. — Сомнительная побѣда. — Отрицательный результатъ кампаніи. — Армія Фридриха обезсилена въ сравненіи съ русской. — V. Версалъ и Петербургъ. — Отношеніе Елизаветы къ Франціи становится все болѣе дружественнымъ. — Благоприятное для Франціи рѣшеніе курляндскаго вопроса. — Отъѣздъ Понятовскаго. — Предложеніе, сдѣланное Франціи, приступить къ

австро-русскому договору. — Недовѣріе Берни. — Подозрѣнія, вызванныя въ немъ завоеваніемъ Пруссіи. — Коалиція въ разбродѣ. — Новые поводы къ соглашенію. — Пуассонье въ Петербургѣ. — Врачъ-дипломатъ. — Елизавета соглашается вести секретную переписку съ Людовикомъ XV. — Министерскій кризисъ въ Версалѣ. — Опасенія и миролюбивыя намѣренія Берни. — Онѣ совпадаютъ съ желаніями австрійскихъ министровъ. — Спротивленіе со стороны женщинъ. — Марія-Терезія, Елизавета и маркиза Помпадуръ. — Торжество партіи войны. — Герцогъ Шуазель.

V. Отчаянное положеніе Фридриха. — Смерть Елизаветы 494

I. Кунерсдорфъ. — Политика герцога Шуазеля. — Его честолюбивые замыслы. — Проектъ высадки французскихъ войскъ въ Англіи. — Отказъ Россіи принять въ немъ участіе. — Причины этого отказа. — Возвращеніе герцога Шуазеля къ миролюбивымъ планамъ. — Предложеніе о заключеніи мира. — Противоположный проектъ Воронцова. — Завоевательные планы Россіи. — Вопросъ о Восточной Пруссіи и объ Украйнѣ. — Возобновленіе военныхъ дѣйствій. — Новый главнокомандующій русской арміи. — Салтыковъ. — Планъ кампаніи, выработанный между Петербургомъ и Вѣной. — Несогласіе между Дауномъ и Салтыковымъ. — Движеніе русскихъ къ Франкфурту. — Фридрихъ поручаетъ командованіе Веделлю. — «Диѳтаторъ». — Пораженіе Веделли при Кафъ. — Фридрихъ идетъ къ нему на помощь. — Битва при Кунерсдорфѣ. — Разгромъ арміи Фридриха. — Берлинъ въ опасности. — Отчаяніе короля. — Намѣреніе покончить съ собой. — «Чудо Бранденбургскаго дома». — Отступленіе русскихъ и австрійцевъ. — Его причины. — II. Дипломатическая кампанія. — Новая попытка герцога Шуазеля склонить Россію къ заключенію мира. — Официальная и секретная дипломатія. — Характеръ и предѣлы ихъ антагонизма. — Польскій вопросъ. — Французская политика въ Польшѣ. — Турецкій вопросъ. — Франція отказывается вступить въ договоръ съ Россіей. — Соглашеніе Россіи съ Австріей. — Конвенція 23 марта 1760 года. — Франція одобряетъ ее, но отказывается къ ней приступить. — Маркизь Лопиталь одураченъ. — Назначеніе новаго посла. — Баронъ Бретейль. — Официальныя и секретныя инструкціи, данныя ему. — Событія на театрѣ войны мѣшаютъ ему привести ихъ въ исполненіе. — III. Вятіе Берлина. — Смѣлый набѣгъ. — Генералъ Тотлебенъ. — Русскіе и австрійцы. — Осада города. — Капитуляція. — Конtribusiція, грабежъ и разрушеніе города. — Шарлоттенбургъ разграбленъ. — Пріѣздъ Фридриха. — Отступленіе побѣдителей. — Салтыковъ замѣняетъ Бутурлинымъ. — Русскіе во второй разъ осаждаютъ Кольбергъ. — Паника среди осаждающихъ. — Осадъ снята. — Фридрихъ тѣмъ не менѣе находится въ безвыходномъ положеніи. — Новая попытка вступить въ отдѣльное соглашеніе съ Россіей. — IV. Герцогъ Шуазель старается связать съ ними проектъ непосредственнаго договора съ Россіей. — Желаніе придать этому трактату характеръ исключительно торговаго договора. — Баронъ Бретейль превышаетъ свои полномочія

и предлагаетъ политическій союзъ. — Уступка, сдѣланная во Франціи касательно польскаго вопроса. — Воронцовъ не принимаетъ ея. — Покинутая въ Версалѣ, Польша находитъ себѣ защитниковъ въ Петербургѣ. — Двѣ русскія политики. Умѣренная и миролюбивая программа канцлера. — Честолюбивая и воинственная программа Шувалова. — Шуваловъ беретъ верхъ. — Польшѣ суждено быть растерзанной. — Намѣреніе Людовика XV предложить миръ въ Лондонѣ. — Отказъ Россіи и Австріи принять посредничество короля. — Русскій проектъ благопріятенъ Австріи и партіи войны. — Французскій контръ-проектъ. — Переговоры предоставляется вести Россіи. — Начало переговоровъ въ Лондонѣ. — Благодаря Россіи, они терпятъ полную неудачу. — Отчаяніе Фридриха. — Имя Тотлебена раскрыта. — Августѣйшій шпіонъ. — Взятіе Кольберга. — Фридрихъ покинутъ Англіей. — Онъ хочетъ просить мира. — V. Смерть Елизаветы. — Послѣдніе годы ея жизни. — Болѣнь и кончина. — Восшествіе на престолъ Петра III. — Послѣдствія этого событія. — Имя Россіи коалиціи. — Пруссія спасена. — Союзники Россіи принуждены согласиться на разорительный для нихъ миръ. — Начинается новая страница европейской исторіи.

Заключеніе 549

ИЛЛЮСТРАЦИИ ВЪ ТЕКСТѢ.

	СТРАН.
Алексѣй, принцъ (силуэтъ), сынъ правительницы Анны Леопольдовны.	
Съ рисунка съ натуры лекаря Бошняка	59
Анна Иоанновна, императрица. Съ портр. Каравака (Б. Царскос. Дв.).	35
Анна Леопольдовна, принцесса. Съ портрета Л. Каравака и гравюры Х. Вортманна.	55
Аничкинъ дворецъ и Невскій проспектъ въ половинѣ XVIII в. (видъ).	
Съ гравюры М. И. Махаева	372
Апраксинъ, гр. Ст. Фед.	525
Бутурлинъ, гр. А. Бор. Съ портрета раб. Д. Людерса (Гатч. Дв.).	537
Возокъ зимній имп. Елизаветы Петровны (Оруж. палата въ Москвѣ).	297
Воронцовъ, гр. Ром. Илар. Съ гравюры А. Колпашикова	261
Герольдъ во время коронаціи имп. Елизаветы Петровны. Съ гравюры И. Соколова	75
Голицынъ, кн. Мих. Съ портрета И. Варду и грав. Я. Малютина	437
Дворъ дачный на Каменномъ о-ву на М. Невкѣ, бл. Петербурга, гр. Бестужевой-Рюминой. Гравюра М. И. Махаева	231
Долгорукій, кн. Вас. Влад. Съ портр. раб. Я. И. Аргунова и грав. В. Храмова.	433
Домъ зимній (деревянный)—видъ. Съ гравюры А. Грекова.	171
Дубянский, Ѳ. Як. (духовникъ имп. Елизаветы Петровны). Съ грав. В. И. Ивановой (Скородумовой)	459
Екатерина I, императрица. Съ портр. Л. Каравака (Б. Царскос. Дворецъ).	13
Екатерина, пр-сса (силуэтъ) дочь правительницы Анны Леопольдовны.	
Съ рисунка съ натуры лекаря Бошняка	59
Елисавета Петровна, императрица — съ портрета на фарфоровой табакеркѣ (Имп. Эрм.).	1
— — портретъ на золотой табакеркѣ	449
— — цесаревна. Съ портр. Л. Каравака (Б. Царскос. Дворецъ).	37
Елизавета, пр-сса (силуэтъ), дочь правительницы Анны Леопольдовны.	
Съ рисунка съ натуры лекаря Бошняка	59
Зеркало туалетное имп. Елизатеты Петровны (Имп. Эрм.).	469
— золотое ручное, подаренное Имп. Елизаветѣ Петровнѣ турецкимъ султаномъ (Имп. Эрм.).	548

Иоаннъ Антоновичъ, императоръ. Съ единств. достовѣрнаго портрета на грамотѣ 1741 г.	63
Коробочка золотая, для мушекъ (Имп. Эрм.)	554
Ларець серебряно-вызолоченный, украшенный алмазами (Имп. Эрм.)	445
Лестокъ, Германъ, л.-хирургъ имп-цы Елизаветы Петровны. Съ портрета Гроота, грав. Штенглиномъ.	165
Людвикъ XV, франц. король. Съ эмали Буа (Имп. Эрм.)	18
Матрость Елизаветинскаго времени. Съ грав. Дальстена	486
Медаль 1754 г., по случаю основаніи Московскаго университета	277
— (рѣдкая) въ память восшествія на престолъ имп. Елизаветы Петровны.	40
Мойка, рѣка, видъ на Синій мостъ. Съ рис. М. И. Махаева (Акад. Худ.)	448
Монограмма на заглавномъ листѣ «Описанія коронованія имп-цы Елизаветы Петровны».	39
Мунсей, Яковъ, л.-медикъ имп. Елизаветы Петровны. Съ гравюры Г. Шмидта.	550
Наталья Алексѣевна, царевна. Съ портр. Л. Каравака (Б. Царскос. Дв.)	31
Невскій просп.—видъ со стороны Адмиралтейства. Съ грав. М. И. Махаева	465
— — видъ на Адмиралтейство и Зимній Дворецъ. Съ грав. М. И. Махаева.	494
Ораніенбаумскій садъ—катальная гора XVIII ст. Съ гравюры прошлаго столѣтія	161
Ораніенбаумъ—дворецъ. Съ гравюры XVIII в.	551
Остерманъ, гр. Анд. Ив. Съ портрета Я. Агунова, грав. А. Грачовымъ	89
Охотничій павильонъ («Монбсжъ») имп. Елизаветы Петровны въ Ц. Селѣ. Съ грав. М. И. Махаева	413
Паннинъ, гр. П. Ив.	319
Петръ Θεодоровичъ, в. кн., и Екатерина Алексѣевна, в. княг. По фотогр. съ карт. Гроота (Романовская гал. при Имп. Эрм.)	335
Петръ, принцъ (силуэтъ), сынъ правительницы Анны Леопольдовны. Съ рисунка съ натуры лекаря Бошняка	59
Проспектъ Биржи и Гостиного двора вверхъ по М. Невѣ. Съ гравюры М. И. Махаева	313
Разумовскаго, гр. К. дворецъ въ Батуринѣ (развалины)	182
Разумовскія, гр. Ек. Ив. (супруга гр. К. Гр-ча)	203
Разумовская, гр. Нат. Дем. (Разумиха). Съ гелиографюры по рис. Соколовской.	73
Разумовскій, гр. Ал. Гр. Съ миниатюры.	71
Растрелли, гр. Варѣ. Варѣ. Съ портрета гр. Ротари и гравюры Н. Мосолова	243
Салтыковъ, гр. П. Сем. Съ портрета Ротари (1760 г.)	531
Священникъ въ Елизаветинское время. Съ офорта Дальстена.	267
Табакерка, золотая, имп. Елизаветы Петровны, съ ея портретомъ (Имп. Эрм.)	107

Табакерка, золотая, Имп. Елизаветы Петровны, съ иниц. Е. I, осыпанная бриліантами (Имп. Эрм.)	133
— то же	216
— то же	371
Тепловъ, Гр. Н. Съ портрета работы Э. С. Рокотова.	389
Торговецъ дичью въ Елизаветинское время. Съ офорта Дальстена	362
Фонтанка —видъ XVIII в. Съ грав. М. И. Махаева	493
Царскосельскій Большой Дворецъ (видъ). Изъ проспектовъ М. И. Михалева.	441
Чаша въ золотой оправѣ, нефритовая (Имп. Эрм.)	181
Черкасова, бар. Ек. Ив. Силуэтъ Сидо (Имп. Эрм.)	230
Чаркасовъ, Ив. Ант.	453
Чернышова, гр-ня Ек. Андр. Съ портрета Рослена	249
Чернышовъ, гр. Зах. Григ. Съ портрета Ф. Де-Мейса	507
Чернышовъ, гр. П. Григ. Съ портр. А. Рослена, гр. Н. Дюкюи	255
Шаховской, вв. Як. П.	115
Шлиссельбургская крѣпость —внутр. видъ каземата, въ которомъ содержался имп. Іоаннъ Антоновичъ. Съ рисунка съ натуры 1876 г. Г. П. Давилевскаго	65
— — видъ въ концѣ XVIII в. Съ рисунка съ натуры 1789 г. Угрюмова	67
— — домъ коменданта въ концѣ XVIII в. То же	69
Шуваловъ, гр. Ив. Ив. Съ миниатюры въ Имп. Эрмитажѣ	151
Эрмитажъ въ Ц. Селѣ при им-цѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Съ гравюры М. И. Махаева	76
Яйцо , осыпанное драг. камнями, подвешенное имп. Елизаветѣ Петровнѣ марк. де-ла-Шетарди (Имп. Эрм.).	353

ИЛЛЮСТРАЦИИ НА ОТДѢЛЬНЫХЪ ЛИСТАХЪ.

Антонъ-Ульрихъ , пр. Брауншвейгскій. Съ портрета, гравир. въ Аугсбургѣ (Имп. Эрм.).	49
Архангельскій Николо-Корельскій Монастырь . Съ гравюры Пуля	123
Бестужевъ-Рюминъ , гр. А. П. Съ портрета Преннера и грав. Бернигерота	145
Бокаль съ крышкой слоновой кости (Имп. Эрм.)	401
Большая Нѣмецкая —нынѣ Милліонная. Съ рис. М. И. Махаева 1756 г. (Имп. Акад. Худ.).	407
Воронцова , гр. А. Карл. (ур. гр. Скавронская). Съ грав. А. Грекова.	101
Воронцовъ , гр. М. Ил. Съ портрета Токе и грав. Шмидта	395
Голицына , вв. Ек. Дм. Съ портрета Ванъ-Лоо и грав. Р. Гальера	209

Дворецъ Зимній въ Спб., построенный въ концѣ царствованія Елизаветы Петровны. По акварели XVIII ст. Бенуа (Изъ собр. П. Я. Дашкова)	541
— — въ первой половинѣ XVIII ст. Съ грав. М. И. Махаева	25
— — съ Адмиралтейскаго луга. Съ рис. М. И. Махаева 1753 г. (Имп. Акад. Худ.)	427
Дворецъ Лѣтній (нынѣ не существующій) въ Спб. въ XVIII ст. Съ грав. М. И. Махаева	513
— — (фасадъ), находившійся на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Инженерный Замокъ. Съ ориг. рисунка (Имп. Эрм.)	95
Долгорукая, кн. Ек. А. Съ гравюры Буша.	85
Елизавета Петровна, императрица:	
— Съ гравюры Нильсона	шмудцъ-титулъ
— Съ портрета Ванъ-Лоо (В. Петергоф. Дворецъ)	1
— Въ коронаціонномъ костюмѣ. Съ портр. Л. Каравака и грав. I. Штенглина.	43
— Съ портрета работы Гроота (Паж. Его Величества корпусъ).	139
— Съ портр. Л. Каравака и грав. П. Соколова	189
— Съ грав. I. Е. Ридингера	237
— Съ портрета Токе и грав. Чемезова	305
— Съ портрета Л. Каравака и грав. Штенглина.	377
— Съ портрета работы Бухгольца	417
— Съ портрета гр. П. Ротари (В. Петергоф. Дворецъ).	501
— Рельефъ изъ слоновой кости (Имп. Эрм.)	519
Елизавета Петровна, цесаревна въ образѣ Венеры. Съ портрета, приписываемаго Л. Караваку (В. Петергоф. Дворецъ)	81
Ломоносовъ, М. В. Съ грав. Уткина	276
де-Лопиталь, маркизъ, франц. посолъ. Съ оригинала Токе	327
Марія-Терезія, австрійская императрица. Съ оригинала А. Киліана	383
Минихъ, гр. В. X. Съ гравюры работы Гайда.	53
Набережной Невы и дома гр. Г. Г. Орлова (н. Мраморный дворецъ) видъ въ XVIII ст. Съ гравюры того времени Эйхлера	343
Петропавловской крѣпости видъ въ концѣ XVIII ст. Съ рис. съ натуры Иреніуса (Изъ собр. П. Я. Дашкова)	477
Петръ I, императоръ. Съ портрета работы Л. Каравака (В. Царскос. Дворецъ)	7
Продавецъ гречисвой крупы, привезенной Ладожскимъ каналомъ, въ Елизаветинское время. Съ офорта Купецкаго.	225
Разумовскій, гр. К. Гр. Съ портрета Л. Токе 1758 г. (У гр. Уварова)	197
Сумароковъ, А. П. Рис. И. Перелешинъ, гр. Н. Саблинъ.	286
Штелинь, Яковъ. Съ гравюры Штенглина	289
де-Шуазель, герц., министръ Людовика XV	545
Шуваловъ, гр. П. Ив. Съ грав. И. Штенглина	157
Шуваловъ, гр. Ив. Ив. Съ гравюры Рокотова (У гр. Е. В. Шуваловой)	177
Фридрихъ II, Великій, король Пруссіи. Съ ориг. Киліана	423

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Царствованіе императрицы Елизаветы Петровны — представляет блестящую эпоху въ новой русской исторіи. Предлагаемый вниманію русскихъ читателей очеркъ К. В. Валишевскаго, посвященный дочери Петра Великаго, значительно отличается отъ французскаго оригинала. Для нашего изданія, единственнаго авторизованнаго, К. В. Валишевскій переработалъ весь свой капитальный трудъ, заново написавъ нѣкоторыя главы.

Французское изданіе вышло безъ иллюстрацій—мы сочли необходимымъ украсить наше изданіе рѣдкими портретами и другими рисунками, чтобы ярче представить время этой прекрасной русской государыни, дочери Великаго Петра. Считаемъ долгомъ принести свою благодарность хранителю отдѣла картинъ, гравюръ и эстамповъ Императорскаго Эрмитажа Б. К. Веселовскому и въ особенности его помощнику В. Я. Адарюкову, а также хранителю отдѣла драгоценныхъ вещей бар. А. Е. фонъ-Фелькерзаму, своими совѣтами и указаніями значительно облегчившимъ выборъ рѣдкихъ иллюстрацій въ этомъ нашемъ изданіи.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Она была дочерью Петра Великаго. Родившись вдали отъ трона, она была вознесена на него, потому что въ ея жилахъ текла кровь величайшаго изъ Русскихъ и одного изъ самыхъ замѣчательныхъ людей, когда-либо существовавшихъ. Если бы она даже не имѣла никакихъ другихъ правъ на наше вниманіе, всетаки было бы удивительно, что ни въ Россіи, ни въ другихъ странахъ ей до сихъ поръ не было воздвигнуто историческаго памятника, гдѣ была бы освѣщена вполнѣ роль, сыгранная ею въ исторіи ея отечества.

Но ея судьба и личность интересны и въ другихъ отношеніяхъ. Въ силу своего происхожденія отъ Петра Великаго и несмотря на выдающееся участіе иностранцевъ въ ея восшествіи на престолъ, ея царствованіе ознаменовалось, между регентствомъ Бирона или Анны Леопольдовны и правленіемъ Екатерины Ангальтъ-Цербстской, такимъ расцвѣтомъ національнаго чувства, какое Россіи не скоро еще пришлось пережить.

Елизавета ни своимъ нравомъ, отъ природы безпечнымъ и причудливымъ, ни небрежнымъ воспитаніемъ, полученнымъ ею, не была подготовлена къ занятію престола. Но въ качествѣ дочери Полтавскаго героя, ей все же удалось вознести славу русскаго оружія, впервые боровшагося въ сердцѣ Западной Европы съ грознѣйшимъ изъ противниковъ, на высоту, едва ли превзойденную имъ съ той поры.

Наконецъ, если она въ недобрый часъ и взяла себѣ въ наслѣдники Петра III, то ея счастливая звѣзда—или счастливая звѣзда Россіи—внушила ей мысль выбрать ему въ подруги несравненную принцессу, ставшую впоследствии Екатериной Великой.

А какими словами обрисовать картинную и романическую сторону ея судьбы и царствованія, не имѣющихъ, можетъ быть, равныхъ себѣ въ современной исторіи и своими причудливымъ рисункомъ и рѣзкими противоположностями сбивавшихъ съ толку то недовольную, то очарованную, то негодующую, то восхищенную Европу! Безумная роскошь и ужасающая нищета; мягкость и жестокость; косность и героизмъ; грубый развратъ и ревностное благочестіе, въ теченіе двадцати лѣтъ Россія являла міру эти противоположности, сохранивъ и до нашихъ дней глубокой слѣдъ нравовъ, образа мыслей и чувствъ, выработавшихся въ тѣ времена.

Меня упрекали прежде въ чрезмѣрномъ пристрастіи къ этимъ прихотливымъ картинамъ прошлаго. Съ тѣхъ поръ моимъ критикамъ не трудно было убѣдиться въ томъ, что я не искалъ ихъ преднамѣренно, но и не отстранялъ ихъ, когда онѣ представлялись наблюденію историка и настойчиво вѣдрялись въ его сознаніе. Впрочемъ, я убѣжденъ, что между моими критиками и мною произошло лишь недоразумѣніе и смѣшеніе причины со слѣдствіемъ. Эту распрю можно сравнить съ упрекомъ, брошеннымъ степнымъ жителемъ кавказскому горцу: «Вы мнѣ показываете однѣ только горы!» Но исторія Россіи XVIII вѣка вовсе не походитъ на альпійскій пейзажъ; она напоминаетъ скорѣй земной рельефъ въ космогоническій періодъ. Мы присутствуемъ здѣсь при народженіи новаго міра. Не одинъ романъ и драма были написаны на основаніи матеріала многихъ главъ, вошедшихъ въ составъ этой книги. Къ сожалѣнію, авторы напрасно изукрасили ихъ чертами совершенно ненужнаго вымысла, хотя и неприкрашенная дѣйствительность далеко превосходитъ здѣсь все, что могло бы измыслить воображеніе всѣхъ Дюма, взятыхъ вмѣстѣ.

Продолжительное владычество женскаго элемента само по себѣ должно было наложить *романическій* отпечатокъ на эту эпоху; Елизавета приняла скипетръ, уже пятнадцать лѣтъ находившійся въ женскихъ рукахъ и такъ и оставшійся въ нихъ до конца столѣтія, хотя не существовало закона, устанавливавшаго или охранявшаго женодержавіе. Страна самовольно создала эту теорію престолонаслѣдія по женской линіи и подчинилась власти цѣлой серіи государынь. Но она такъ же самовольно и свергла ихъ. Освободившись отъ гнета создателя народнаго величія, духъ анархій и страсть къ приключеніямъ, свойственные славянскому темпераменту или, скорѣй, лежащіе въ основѣ всякаго нарождающагося общества, предъявили свои права къ существованію подъ различными видами. Однимъ изъ нихъ было женодержавіе, другимъ—господство фаворитовъ.

Оба эти обстоятельства чрезвычайно благопріятствовали возникновенію различныхъ легендъ и анекдотовъ, прельстившихъ, по мнѣнію моихъ критиковъ, и меня. Но я нахожу въ нихъ удовольствіе, когда они занимательны, и не уклоняюсь отъ обязанности воздать имъ должное, когда они ложны. Послѣднее случается девять разъ изъ десяти. Но и въ этомъ случаѣ я считаю возможнымъ вылущить изъ нихъ зерно истины. Какимъ образомъ? Я уже это объяснялъ въ другомъ мѣстѣ и отъ своихъ словъ не отказываюсь. Путемъ сопоставленія и согласованія.

— Неужели количество ихъ можетъ служить ручательствомъ за ихъ качество?

Таково было сдѣланное мнѣ возраженіе. Оно меня не поколебало. Если вы обратитесь къ двумъ людямъ, бѣгущимъ по улицѣ, съ вопросомъ, куда они спѣшатъ, то одинъ изъ нихъ скажетъ, что горитъ театръ, другой,—что пожарные поскакали въ Думу. Вы не будете далеки отъ истины, предположивъ, что дѣйствительно гдѣ-нибудь показался дымъ.

Женщину, имѣвшую, согласно преданію, двадцать фаворитовъ, мнѣ трудно считать безупречною, хотя бы я не собирался дѣлать изъ этого факта никакого другаго вывода.

Не достаточно ли и того, что исторія указываетъ подобныя явленія?

По мнѣнію нѣкоторыхъ критиковъ, я слишкомъ сдержанъ въ своихъ заключеніяхъ. Дѣйствительно, я не считаю себя торговцемъ достовѣрныхъ свѣдѣній, и хотя одинъ изъ самыхъ блестящихъ моихъ собратьевъ и считаетъ возможнымъ утверждать, что Юлій Цезарь чихнулъ три раза, переходя въ извѣстный часъ извѣстный ручеекъ въ Галліи, я все же не принадлежу къ этой школѣ.

Но вотъ передъ нами пирожникъ, превращающійся въ регента могущественной имперіи и обручающій свою дочь съ императоромъ; вотъ императрица, бывшая прачкой или маркитанткой; вотъ другая императрица, захватывающая власть, проникнувъ ночью во дворецъ, гдѣ спитъ едва отнятый отъ груди ребенокъ, мнимо-законный государь, и выкрадывающая его съ помощью горсти сопровождающихъ ее гренадеръ: все это, конечно, сказки и мнѣ пришлось бы краснѣть за себя, если бы я ихъ сочинилъ. Но развѣ я могу не считаться съ ними, когда неопровержимая дѣйствительность записала ихъ въ прошломъ многострадальнаго сто-милліоннаго народа? Онѣ составляютъ существенную часть его жизни и его исторической эволюціи въ эпоху, требующую изученія всѣхъ этихъ подробностей и малѣйшихъ изгибовъ чудесной судьбы этого народа,—изученія, необходимаго для пониманія его настоящаго облика.

Сознавая долгъ, налагаемый на меня этимъ положеніемъ вещей, и стараясь выполнить его по мѣрѣ силъ, мнѣ неизбѣжно пришлось вызвать другого рода споры и довольно рѣзкіе, хотя и противорѣчивые, укоры. Съ одной стороны, меня обвиняли въ томъ, что я поношу Россію, даже клевету на нее, съ другой—считали меня низкимъ льстецомъ. Эти маленькія злоключенія меня также не смутили. Я ихъ ожидалъ; скажу больше: я надѣялся, что они возникнутъ. Я вижу въ нихъ доказательство того, что я приблизился, по крайней мѣрѣ,—не разчитывая на достиженіе его,—къ идеалу безпристрастія, являющемуся нашей общей

цѣлью, высокою вершиной, куда должны устремляться наши усилія. Доступъ къ ней усѣянъ шипами и терніями; я не жалуясь на выпавшіе на мою долю уколы. Но мнѣ сдается, что уязвленные моими изслѣдованіями чувства коренятся, главнымъ образомъ, въ ложномъ пониманіи какъ цѣли, преслѣдуемой мною, такъ и предмета всякаго историческаго изысканія.

Одинъ русскій критикъ не побоялся даже утверждать, что если я взялъ на себя роль толкователя двухъ различныхъ міровъ, то мнѣ по необходимости приходилось жертвовать однимъ изъ нихъ, и что пожертвованнымъ долженъ былъ оказаться тотъ, гдѣ говорятъ на языкѣ Пушкина.

Почему, скажите, жертва эта обязательна? Истина—богиня, не требующая принесенія жертвъ на ея алтарь. Ей нужны только безпристрастные умы и искреннія сердца.

Болѣе полустолѣтія тому назадъ, Чаадаевъ рисковалъ жизненнымъ заточеніемъ за то, что высказалъ своимъ соотечественникамъ нѣсколько жестокихъ истинъ, признанныхъ впоследствии многими изъ нихъ справедливыми. Меня ужъ никто не собирався заключать въ тюрьму. Нетерпимость, обрушившаяся на мой трудъ, столла, кажется, въ связи лишь съ моимъ происхожденіемъ, въ подражаніе своенравной вспышкѣ великаго національнаго поэта, справедливо составляющаго гордость Россіи и сказавшаго, что, хоть онъ и презираетъ свое отечество съ головы до ногъ, но не терпитъ, чтобы иностранецъ раздѣлялъ это чувство. Мнѣ крайне непріятно касаться здѣсь личнаго вопроса, но онъ, къ сожалѣнію, занимаетъ слишкомъ большое мѣсто, даже внѣ Россіи, въ критикѣ моихъ книгъ, чтобы я могъ считать его, какъ бы мнѣ того ни хотѣлось, не заслуживающимъ вниманія. Иностранецъ ли я? Въ качествѣ Поляка, пишущаго на французскомъ языкѣ главы русской исторіи, я могу считать себя принадлежащимъ къ нѣкоторой исторической общинѣ народовъ, еще недавно казавшейся парадоксальной, но силою обстоятельствъ превратившейся въ живую дѣйствительность. А чтобы жить общою жизнью, необходимо другъ друга узнать.

Руководствуясь этимъ чувствомъ, я принялся за изученіе прошлаго одного изъ членовъ этой общины, изученіе, свободное отъ всякихъ побочныхъ соображеній, и повель его безусловно самостоятельно и въ духѣ неизмѣнной искренности, наложившей, я полагаю, свою печать на мои труды. Если вслѣдствіе заблужденій, неизбѣжныхъ во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ, оно и отклонилось отъ начертаннаго пути, то происхожденіе мое тутъ ни при чемъ. Я искалъ лишь истины. Но я хотѣлъ, не скрою, обрѣсти ее во всей ея полнотѣ и раскрыть ее безъ ограниченій и безъ покрывалъ, такую, какою преданіе и пластическія искусства изображаютъ ее, выходящую изъ колодца.

Въ рамкахъ, избранныхъ мною, какъ болѣе всего отвѣчающихъ не только моимъ наклонностямъ и способностямъ, но и вкусамъ и потребностямъ читающей публики, я, кажется, не упустилъ ни одного изъ серьезныхъ элементовъ научнаго изслѣдованія. Но я, каюсь, старался использовать ихъ, не нагоняя ту скуку, которая, оказывается, является теперь обязательной, согласно требованіямъ профессиональной этики. Основательны ли эти требованія? Согласны ли они со славными традиціями ремесла? Хотѣлось бы мнѣ сослаться на Светонія, а то и на Тацита. Но помимо этихъ старинныхъ образцовъ, другіе, болѣе современные и, слѣдовательно, болѣе авторитетные, оказались отвергнутыми большинствомъ моихъ собратьевъ, находящихся подъ вліяніемъ новаго и упорнаго вѣянія, побуждающаго ихъ раздражать суровости точныхъ наукъ. Если бы, по крайней мѣрѣ, ими цѣль была достигнута! Но какое это заблужденіе! Какое смѣшеніе совершенно различныхъ областей! Возьмите берлинское или лейпцигское изданіе полнаго собранія сочиненій математика или химика: я убѣжденъ, что въ немъ не будетъ выпущена ни одна запятая. А чего только не хватаетъ въ перепискѣ Фридриха Великаго, изданной тамъ же! И для кого же эта наука? Тѣ времена далеки, когда Тьеръ увлекалъ читателей «Constitutionnel» своей «Исторіей Французской революціи». Если бы «Constitutionnel» еще существовалъ, то его подписчики искали бы тѣхъ

же впечатлѣній въ чтеніи сенсаціоннаго романа. Исторія сдѣлалась постепенно областью, доступною исключительно все болѣе и болѣе суживающемуся кругу избранныхъ. Но не равносильно ли это крушенію ея настоящей цѣли? Не является ли она *magistra vitae*? А кѣмъ создается умственная, экономическая, даже политическая жизнь въ наши дни? Учеными? Конечно, нѣтъ. Всѣ въ ней принимаютъ участіе, вплоть до разсыльнаго, стоящаго на перекресткѣ улицъ. Слѣдовательно, всѣхъ и надо просвѣщать, на всѣхъ проливать лучезарный свѣтъ, идущій изъ глубины нашего прошлаго. А вы хотите запретить его въ академію!

Одинъ русскій историкъ—передъ знаніемъ и талантомъ его я во всякомъ случаѣ преклоняюсь и до сихъ поръ оплакиваю его смерть—В. А. Бильбасовъ, назвалъ мои книги *романами*. Я готовъ принять это за похвалу. Да, излагая передъ читателями содержаніе хотя бы и дипломатическихъ документовъ, я считаю возможнымъ сдѣлать чтеніе ихъ не менѣе привлекательнымъ, чѣмъ фельетонъ. Это достижимо при условіи устраненія изъ нихъ всего того, что не представляетъ дѣйствительнаго интереса, т. е. девяти десятыхъ большинства текстовъ, и введенія въ нихъ того, что составляетъ прелесть всего человѣческаго: жизни. Если это мнѣ не удалось, то лишь за недостаткомъ таланта,—за отсутствіемъ также нѣкоторыхъ умственныхъ навыковъ, утерянныхъ нынѣ большою публикой. Тутъ приходится воспиты- вать или перевоспитывать ее. Нѣкоторые писатели во Франціи уже приступили къ этому дѣлу, вкладывая въ него искусство, недостигаемое для меня; но въ ихъ начинаніи я черпаю оправданіе, поощреніе и надежду.

Вѣдь произведенія Генриха Гуссе, Фредерика Массона, несмотря на обиліе въ нихъ документальныхъ данныхъ, и Лависса и Лампрехта, не смотря на точность ихъ изысканій, не уступаютъ по живости и прелести языка излюбленнымъ авторамъ читающей публики.

Но и на этомъ пути встають препятствія и попадаются камни преткновенія. Однимъ изъ нихъ было бы смѣшеніе видовъ научныхъ работъ, указанное однимъ выдающимся критикомъ. Я высказывалъ, дѣйствительно, мнѣніе, что трудъ историка стоитъ въ болѣе тѣсной связи съ искусствомъ, чѣмъ съ наукой, не утверждая, конечно, что онъ не наученъ. Но ограничить не значитъ исключить. Я все же полагаю, что въ силу своихъ естественныхъ предѣловъ и спеціальнаго назначенія, историческій трудъ ничѣмъ не походитъ ни на трудъ математика, ни на трудъ химика; за отсутствіемъ непосредственнаго наблюденія, картины, воскрешаемыя исторіей въ зеркалѣ съ потертой амальгамой, со стекломъ, отбитымъ во многихъ мѣстахъ, не могутъ хвалиться безусловной точностью; къ тому же польза исторіи мнѣ понятна лишь въ томъ случаѣ, когда она, наполняя зрѣніе массъ отраженіемъ прошлаго, тѣмъ самымъ обостряетъ въ нихъ видѣніе настоящаго и предвидѣніе будущаго; такимъ образомъ, историческій трудъ не только самонадѣянь, но и лживъ, если считаетъ себя непогрѣшимымъ, и бесполезенъ, и не оправдываетъ своего существованія, если онъ не популяренъ. Для того, чтобы построить мостъ, установить электрическую батарею, привести въ движеніе паровозъ, достаточно одного ученаго и извѣстнаго количества рабочихъ; для того, чтобы создать одинъ часъ чело- вѣческой жизни, нуженъ цѣлый народъ.

Съ Елизаветой прямое потомство Петра Великаго привилось черезъ сестру Императрицы къ иноземному стволу. Я не преувеличиваю значенія этого событія. И на тронѣ, и въ другихъ областяхъ жизни большинство великихъ историческихъ именъ продолжаютъ существовать лишь путемъ передачи по боковой линіи. Женская наслѣдственность считалась въ нѣкоторыхъ странахъ болѣе цѣлесообразной въ силу того, что ее можно болѣе точно установить.

Какъ историкъ, я не могу, однако, отрицать значенія традицій, олицетворенныхъ дочерью Петра Великаго, и упадка, постигнаго ихъ послѣ ея смерти. Петръ III родился въ Килѣ

и до 13 лѣтъ воспитывался въ лютеранской вѣрѣ и въ поклоненіи передъ своею нѣмецкой родиной: мы знаемъ, чѣмъ онъ сталъ, и по какому пути онъ направилъ политику Россіи.

Будучи Нѣмкой по отцу и по матери, Екатерина, въ противоположность своему мужу, приложила всѣ старанія къ тому, чтобы вмѣстѣ съ языкомъ и нравами усвоить и духъ своего новаго отечества. Удалось ли ей это? Въ значительной мѣрѣ удалось. Она сумѣла сдѣлаться настоящей русской *Матушкой-Царицей*, и это и составляетъ, можетъ быть, самый прекрасный лучъ ея славы. «Ни въ одной исторіи не встрѣчается ни лучшихъ, ни болѣе великихъ людей, чѣмъ въ *нашей*», писала она про русскихъ Нѣмцу Гриму. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, ей случалось писать ему же: «*Das ist unmöglich, dass ich mir sollte auf der Nase spielen lassen...* Ни одинъ *Нѣмецъ* этого не потерпитъ».

Въ этихъ словахъ она выдала тайну своего внутренняго «я» съ роковой двойственностью, вытекавшей изъ ея происхожденія, обнаруживъ умственное и нравственное сродство, тысячью невидимыхъ нитей связывавшее ее съ ея домашнимъ очагомъ, съ первоначальнымъ воспитаніемъ, съ ея расой; распространяясь отъ ея ума и сердца на ея управленіе, проникая въ самую душу народа, который великая государыня лѣпила по своему образу и подобию, оно наложило на это управленіе и на эту душу печать, неизгладимую и по сію пору.

Если мы отъ внѣшней политики этого ослѣпительнаго царствованія перейдемъ къ внутренней, то увидимъ, что она отчеканена по тому же образцу. Сравните національную литературу, современную Елизаветѣ, съ литературными памятниками, оставленными намъ послѣдовавшимъ за нею такъ называемымъ «золотымъ вѣкомъ;» поставьте рядомъ Ломоносова и Державина, и разница станетъ ясна. Въ этомъ-то и состоитъ значеніе и особая прелесть предшествовавшаго Екатеринѣ царствованія, вызваннаго мною къ жизни на предлагаемыхъ страницахъ. Менѣе пышное, оно кажется болѣе самобытнымъ и потому болѣе симпатичнымъ.

Образъ Елизаветы, гораздо менѣе яркій, тоже не лишень очарованія. Въ рамкѣ, окружающей ее, она даже съ извѣстной точки зрѣнія интереснѣе свой преемницы, потому что она здѣсь совершенно на мѣстѣ. Она представляетъ собой чисто русскій и чрезвычайно любопытный типъ.

Еще любопытнѣе рамка сама по себѣ. Являя сначала взору пятнадцать лѣтъ внутренняго и внѣшняго мира, между революціонными грозами прошлаго и грядущими бурями, этотъ фазисъ національной жизни даетъ намъ возможность изучить ея черты въ состояніи сравнительнаго покоя и впервые при плѣнительной обстановкѣ, — праздничной, безмятежной, чарующей, неизвѣстной странѣ Іоанна Грознаго и долгое время къ ней не возвращавшейся. Одновременно возникаютъ зачатки умственный жизни, художественной культуры, общественности. Затѣмъ настаетъ внезапное оживленіе дипломатическихъ сношеній, вовлекшее страну въ близкое общеніе съ европейскими дворами.

Наконецъ, разражается Семилѣтняя война—великолѣпная военная эпопея, обнаружившая не только передъ Турками и Шведами, но передъ всей Европой военныя доблести русскаго народа. Гроссъ-Эгерсдорфъ и Кунерсдорфъ, Фридрихъ, доведенный до отчаянія, нарождающійся имперскій орелъ Гогенцоллерновъ, едва не раздавленный «расходившимся медвѣдемъ», — торжество, какого Россіи впоследствии не пришлось ужъ пережить!

Стоило оно, конечно, дорого, и я укажу ниже, цѣною какихъ несчастій, какихъ бѣдъ покушались эти внѣшнія побѣды. Но и эта сторона картины не менѣе достойна нашего вниманія.

Внутренняя исторія этого царствованія еще не написана даже въ Россіи. Одинъ англійскій историкъ утверждаетъ, что ея вовсе не существуетъ. Постараюсь доказать противное, не надѣясь, однако, совершенно заполнить этотъ пробѣлъ. Въ связи съ исторіей всѣхъ европейскихъ странъ, историческое описаніе внѣшней стороны царствованія Елизаветы предпринималось не разъ. Мнѣ придется внести въ него нѣкоторыя поправки. Въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ во Франціи

мнѣ удалось разыскать нѣсколько документовъ, ускользнувшихъ отъ вниманія моихъ предшественниковъ и проливающихъ новый свѣтъ на нѣкоторые эпизоды, между прочимъ на первыя попытки сближенія между Россіей и Франціей и на роль, сыгранную при этомъ секретной дипломатіей. Въ тайныхъ архивахъ въ Берлинѣ мнѣ еще болѣе посчастливилось. Политическая переписка Фридриха, изученная мною отчасти въ оригиналахъ, дала мнѣ возможность установить, не безъ нѣкотораго изумленія, что ученые издатели ея ¹ поторопились, заявивъ, что ими не оставлено безъ вниманія ни одного значительнаго текста. Предоставлю судить объ этомъ моимъ читателямъ.

Явленіе это не заключаетъ въ себѣ, однако, ничего особеннаго. Переписка Наполеона I выдержала въ Парижѣ три изданія; первое изъ нихъ было объявлено полнымъ; между тѣмъ, два остальныхъ были предназначены для пополненія его. Французское военное министерство готовитъ въ настоящее время четвертое изданіе. Взятые изъ того же хранилища, что и прежде опубликованные документы, и вмѣстѣ съ ними побывавшіе въ рукахъ предыдущихъ издателей, документы, предназначенные для новаго изданія, достигаютъ цифры *шести тысячъ* изъ тридцати тысячъ ихъ, составляющихъ литературное наслѣдіе Наполеона.

Хотя Вѣнскій архивъ и былъ тщательно изученъ во всемъ, что касается Елизаветинской эпохи, г. д'Арнетомъ и другими историками, мнѣ все же удалось почерпнуть въ немъ неизданныя еще свѣдѣнія.

Въ заключеніе, позволю себѣ выразить еще разъ мою глубокую благодарность всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя какъ въ частныхъ, такъ и въ общественныхъ хранилищахъ, изученныхъ мною, облегчили мою задачу, руководили моими изысканіями и открыли мнѣ доступъ къ сокровищамъ, ввѣреннымъ ихъ попеченіямъ, помогая мнѣ своими просвѣщенными совѣтами.

---

¹ «Politische Correspondenz Friedrichs des Grossen» (изд. Драйзена, Дункера и фонъ-Зибелля. Берлинъ 1879—1898).

Гг. Козеръ, директоръ Государственнаго архива въ Берлинѣ, докторъ Густавъ Винтеръ и г. Арпадъ де Кароли, директоръ и вице-директоръ Императорскаго архива въ Вѣнѣ, и г. Фаржъ, начальникъ отдѣла историческихъ изысканій въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ да соблаговолятъ принять отъ меня особую дань почтительной признательности!

К. Валишевскій.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВНУТРЕННЯЯ ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА.

Императрица Елизавета Петровна.

Съ портрета Ванъ-Лоо.

Большой Петергофскій Дворецъ).

Императрица Елизавета Петровна.
Съ портрета, находящагося на фарфоровой табакеркѣ.
(Императорскій Эрмитажъ).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Ноябрьскій переворотъ 1741 г.

I. Первые годы. — Первые испытанія. — «Подрѣзанныя крылья». — Первые любовныя увлеченія. — «Венера» и «Минерва». — Первые честолюбивыя порывы. — Уединеніе. — Темныя связи. — Предполагаемый бракъ. — Алексѣй Разумовскій. — II. Движеніе въ казармахъ въ пользу Цесаревны. — Ея побужденія. — Ея агенты. — Салтыкова. — Преобладаніе иностранцевъ въ организаціи заговора. — Роль хирурга Лестока. — Тайны Цитеры. — Переписка Мардефельда съ Фридрихомъ II по этому поводу. — III. Отношенія Елизаветы къ Франціи и Швеціи. — Обращеніе къ содѣйствію Франціи. — Уклончивый отвѣтъ Шетарди, одобренный его дворомъ. — Предложенія Нолькена. — Перемяна намѣреній въ Версалѣ, вызванная проектомъ коалиціи противъ Австріи. — Приказаніе Шетарди содѣйствовать заговору. — Нолькенъ требуетъ отъ Елизаветы письменнаго обяванія и отказа отъ земель, завоеванныхъ Петромъ Великимъ. — Колебанія Цесаревны. — Отказъ. — Отъѣздъ Нолькена. — Швеція внезапно объявляетъ войну Россіи. — Ни плана, ни руководительства. — Скудость Шетарди. — Елизавета считаетъ себя оставленной всѣми. — Матримоніальные планы принца Конти. — Отказъ Елизаветы. — IV. Неожиданное стеченіе обстоятельствъ ускоряетъ развязку заговора. — Бурное свиданіе въ Зимнемъ Дворцѣ. — Елизавета выдаетъ Лестока. — Приказаніе выступленія, отданное гвардейскимъ полкамъ. — Рѣшительныя дѣйствія. — Новая просьба о к. валишевскій. дочь Петра великаго.

пособіи, обращенная къ Шетарди. — Отказъ. — Революція *безъ участія Франціи*. — V. Ночь 24 ноября. — Собраніе въ домѣ Елизаветы. — Въ казармахъ преображенцевъ. — Шествіе къ Зимнему Дворцу. — Переворотъ. — Бывшій императоръ увозится на колѣняхъ новой императрицы. — Выводы.

I.

Она родилась 19 декабря 1709 года; годъ этотъ достаточно краснорѣчиво говоритъ уму и сердцу каждаго русскаго человѣка.

Въ это время отецъ Елизаветы не былъ еще повѣнчанъ съ ея матерью, въ чемъ впослѣдствіи жестоко упрекали обѣихъ дочерей, Анну и Елизавету, родившихся отъ этого союза, столь странно возникшаго и испытывающаго такія необычайныя переживанія. Но въ это же время Петръ вернулся въ Москву послѣ Полтавы въ сопровожденіи цѣлаго поѣзда шведскихъ плѣнниковъ, и эта слава окружила даже его новое потомство такимъ сіяніемъ, что, не взирая на страшныя потрясенія и мучительныя испытанія, судьба великой имперіи оказалась неразрывно связанной съ участіемъ смиренной ливонской плѣнницы и ея дочерей.

Какъ извѣстно, послѣ неожиданнаго возвышенія Екатерины I и преждевременной смерти Петра II, наслѣдіе Полтавскаго героя сдѣлалось предметомъ спора между тремя вѣтвями царствующей династіи. Елизаветѣ сперва какъ будто вовсе и не суждено было принять участіе въ этомъ соперничествѣ. Вступивъ на престолъ, ея мать возымѣла относительно нея весьма честолюбивые замыслы, направленные совершенно въ другую сторону. Это отразилось на дѣтствѣ и на воспитаніи Елизаветы. Старшая дочь императрицы, Анна, заключила болѣе или менѣе подходящій бракъ въ Германіи, и Екатерина «по важнымъ соображеніямъ» желала, чтобы младшая дочь ея умѣла говорить по-французски и хорошо танцевала менуэтъ. «Соображенія» эти извѣстны. Менуэтъ долженъ былъ произвести впечатлѣніе въ Версалѣ: императрица думала, что бѣльшаго и нельзя было требовать отъ благовоспитанной принцессы.

Поэтому, за исключеніемъ учителей французскаго языка и учителей танцевъ, воспитаніе цесаревны было предоставлено ея собственному усмотрѣнію. Неудивительно, что оно не было особенно мудро направлено. Елизавета не любила ни читать, ни учиться. Она заполняла время верховой ѣздой, охотой, греблей и уходомъ за своей несомнѣнной, хотя и не очень тонкой красотой.

Черты ея лица были неправильны, носъ короткій, толстый и приплюснутый, но великолѣпные глаза украшали и освѣщали ея лицо. Впослѣдствіи, имѣя или воображая, что она имѣетъ власть надъ зрѣніемъ художниковъ, она не допускала правдиваго изображенія своего носа на портретахъ и знаменитому граверу Шмидту пришлось передѣлать его на портретѣ Токе ¹.

По той же причинѣ она никогда не позволяла изображать себя въ профиль. Но она была хорошо сложена; у нея были красивыя ноги, бѣлоснѣжное свѣжее тѣло и ослѣпительный отъ природы цвѣтъ лица. Несмотря на пристрастіе къ французскимъ модамъ, она никогда не пудрила волосъ; они были того красиваго рыжаго цвѣта, что такъ цѣнятся любителями венеціанской красоты. И отъ всего ея существа вѣяло любовью и сладострастьемъ.

Въ первой молодости, въ костюмѣ итальянской рыбацки, въ бархатномъ лифѣ, красной коротенькой юбкѣ, съ маленькой шапочкой на головѣ и парой крыльевъ за плечами—въ тѣ времена дѣвушки носили ихъ до 18 лѣтъ,—а впослѣдствіи въ мужскомъ костюмѣ, особенно любимомъ ею, потому что онъ обрисовывалъ ея красивыя, хотя и пышныя формы, она была неотразима. Она сильно возбуждала мужчинъ, чаруя ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ своею живостью, веселостью, рѣзвостью. «Всегда легкая на подъемъ», какъ говорилъ про нее саксонскій агентъ Лефортъ, она была легкомысленна, шаловлива, насмѣшлива. «Она какъ будто создана для Франціи,—писалъ онъ,—и любитъ лишь блескъ остроумія».

Въ январѣ 1722 г., объявляя ее, согласно обычаю, совершеннѣйшей въ присутствіи многолюднаго собранія, Петръ ножицами обрѣзалъ ей крылья ². Ангелъ превратился въ женщину.

Однако Екатерина I не оставляла своей мысли, и въ 1725 г. она болѣе или менѣе осторожно предложила Елизавету въ жены Людовику XV. Въ то время уже подготовлялся франко-русскій союзъ; но послѣ Петра I, задумавшаго его, Екатерина хотѣла положить въ основаніе его это совершенно неприемлемое условіе. Ясно было, что даже такой цѣною не оправдывалось принесеніе въ жертву естественныхъ интересовъ Россіи вездѣ, гдѣ они въ то время соприкасались съ интересами Франціи—въ Турціи, Даніи, Швеціи, Польшѣ. Въ этомъ направленіи одинъ

¹ Ровинскій. «Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ», IV, 377.

² Weber, «Moritz Graf von Sachsen», 1863, стр. 92.

вопросъ объ обладаніи Шлезвигомъ открывалъ ужь цѣлую пропасть. Франція гарантировала Даніи владѣніе имъ, между тѣмъ какъ на него предъявлялъ права Голштинскій домъ, состоявшій уже въ родствѣ съ російскимъ царствующимъ домомъ.

Къ тому же было чистымъ безуміемъ предполагать, что въ Версалѣ согласятся серьезно обсуждать вопросъ о бракѣ французскаго короля съ одной изъ принцессъ, рожденныхъ до брака.

И, дѣйствительно, вопросъ этотъ вовсе и не подвергался обсужденію. Подлинныя документы, относящіеся къ начатымъ по этому поводу переговорамъ, не оставляютъ на этотъ счетъ ни тѣни сомнѣнія. 11 апрѣля 1725 г., принимая въ аудіенціи французскаго посланника, Кампредона, и разговаривая съ нимъ по-шведски, чтобы не быть понятой окружающими, Екатерина объявила, что «дружба и союзъ съ Франціей были бы ей пріятнѣе дружественныхъ отношеній всѣхъ остальныхъ европейскихъ державъ». Въ тотъ же день императрица, не желая входить лично въ дальнѣйшія объясненія, послала къ Кампредону Меншикова, открыто предложившаго на разсмотрѣніе вопросъ о бракѣ Елизаветы съ Людовикомъ XV. Онъ выказалъ себя весьма стоворчивымъ относительно условій брака и отъ себя сдѣлалъ предложеніе, впоследствии считавшееся всегда совершенно недопустимымъ въ Россіи: о переходѣ Елизаветы въ католическую вѣру.

Кампредонъ объявилъ себя весьма польщеннымъ сдѣланнымъ предложеніемъ, но попросилъ дать срокъ для сообщенія его въ Версалъ и полученія оттуда отвѣта. И не успѣлъ еще курьеръ вернуться изъ Франціи, какъ въ Петербургѣ разнесся слухъ о предстоящемъ бракѣ Людовика XV съ англійской принцессой.

Екатерина все же не сдалась. На этотъ разъ она выбрала посредникомъ своего зятя, герцога Голштинскаго, и сообщила черезъ него Кампредону, что, движимая желаніемъ выдать Елизавету замужъ во Франціи, она удовольствуется и герцогомъ Орлеанскимъ.

Во Францію вновь поскакалъ курьеръ. Но отвѣтъ изъ Версаля, отправленный 21 мая, окончательно разбилъ упорныя надежды императрицы. Выраженія безграничной благодарности сопровождали самый рѣшительный отказъ, едва смягченный нѣсколькими вѣжливыми формулами: въ Версалѣ «опасались что императрицѣ оказалось бы слишкомъ неудобнымъ передъ

своими подданными согласиться на переходъ цесаревны въ другую вѣру». Затѣмъ выразалось крайнее сожалѣніе, что «герцогъ Орлеанскій принялъ уже другія обязательства»...

Это положило конецъ мечтамъ и отсрочило на долгіе годы союзъ съ Франціей. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя Россія стала во враждебныя отношенія съ Даніей, и франко-русская война казалась неизбѣжной¹.

При посредствѣ саксонскаго посланника Лефорта, Елизавета чуть было не вышла затѣмъ замужъ за побочнаго сына Августа II, несчастнаго кандидата на курляндскій престолъ, красиваго, мужественнаго, но слишкомъ ужъ предприимчиваго Морица. Какое паденіе! Лефортъ послалъ этому странствующему рыцарю портретъ цесаревны, снабдивъ его заманчивыми комментаріями: «хорошо сложена, прекраснаго роста; прелестное круглое лицо, глаза, полные воробьиного сока (sic), свѣжій цвѣтъ лица и красивая грудь».

Морицъ былъ обольщенъ скорѣй курляндскимъ престоломъ, чѣмъ возможностью раздѣлить его со столь прекрасной подругой. По словамъ Лефорта, она ждала его «съ величайшимъ нетерпѣніемъ» (*avec démangeaison*)². Но въ то время мѣсто въ Митавѣ было занято Анной Іоанновной, племянницей Екатерины I и вдовой Фридриха-Вильгельма, герцога Курляндскаго, менѣе привлекательной, чѣмъ Елизавета, но въ данную минуту обладавшей лучшимъ приданымъ. Морицъ не колебался въ выборѣ между богатствомъ одной изъ предполагаемыхъ невѣстъ и прелестями другой. Герцогиня Курляндская также не замедлила благосклонно принять предложеніе жениха, тѣмъ болѣе, что Лефортъ предупредительно описалъ всѣ его качества «вплоть до самыхъ сокровенныхъ».

Однако Елизавета одно время какъ будто одержала верхъ надъ своей соперницей. Морицъ убѣдился, что, благодаря дѣятельности своего агента, французскаго полковника де-Фонтенэ, онъ имѣлъ болѣе шансовъ получить герцогскую корону вмѣстѣ съ рукой красивой цесаревны. Но когда Курляндія, а за нею вся Польша возстали противъ этой сдѣлки, то и Саксонія отступила отъ своего плана, и въ концѣ концовъ Морицъ остался безъ герцогства, а Елизавета безъ мужа.

¹ Переписка Кампредона. Архивъ франц. Министерства Иностр. Дѣлъ. Россія. За 1725—6 гг.

² Weber, «Moritz Graf von Sachsen», стр. 93 и слѣд.

Вскорѣ послѣ этого ей пришлось, за неимѣніемъ лучшаго, изъявить согласіе на бракъ съ епископомъ Любской епархіи, Карломъ-Августомъ Голштинскимъ, младшимъ братомъ правящаго герцога. Партія эта была болѣе, чѣмъ скромная, но злой рокъ или, скорѣй, счастливая звѣзда цесаревны не допустили этого брака. Женихъ умеръ, не дойдя до алтаря. Не предвидя лучшей партіи въ будущемъ, Елизавета глубоко опечалилась его смертью.

Въ утѣшеніе ей, великій государственный дѣятель слѣдующаго царствованія, Остерманъ, облюбовалъ другой планъ. Соперничество разрозненныхъ вѣтвей потомства Петра Великаго становилось тягостнымъ. За отсутствіемъ какого бы то ни было династическаго закона, престолонаслѣдіе, послѣ Екатерины, находившейся на одрѣ смерти, вовсе не было обезпечено за сыномъ Алексѣя Петровича. На официальныхъ торжествахъ и общественныхъ богослуженіяхъ имена цесаревенъ Анны и Елизаветы провозглашались раньше имени маленькаго Петра Алексѣевича, отпрыска наслѣдника, отвергнутаго своимъ отцомъ. Но это дѣло могло уладиться путемъ брака. Если бы Елизавета стала женой своего племянника, то престолонаслѣдіе не было бы оспариваемо по крайней мѣрѣ съ этой стороны.

На этотъ разъ осуществленію этого плана воспрепятствовала церковь и, опираясь на ея голосъ, тогдашній властный хозяинъ страны,—а передъ нимъ Остерманъ, въ ожиданіи будущихъ благъ, былъ еще весьма мелкой сошкой,—Меншиковъ не желалъ брака Елизаветы съ Петромъ, потому что готовилъ для будущаго императора другую невѣсту въ лицѣ своей собственной дочери.

Всѣмъ извѣстна развязка этой интриги,—опала и ссылка всемогущаго временщика и несчастной Маріи Меншиковой вслѣдъ за воцареніемъ Петра Алексѣевича.

Елизавета не сумѣла воспользоваться этимъ поворотомъ счастья, хотя сдѣлать это было вполнѣ въ ея власти. Подъ вліяніемъ Остермана Петръ II влюбился въ свою красивую тетку, и отъ нея зависѣло направить это весьма горячее чувство къ цѣли, указанной честолюбію будущей императрицы тонкимъ нѣмецкимъ политикомъ. Но въ 17 лѣтъ это честолюбіе еще недостаточно окрѣпло и не приняло опредѣленной формы. Петръ II самъ еще былъ ребенкомъ—ему шель тринадцатый годъ,—слѣдовательно любовь,—какъ ни склонна была Елизавета подчиняться ея велѣніямъ,—также не могла руководить ею въ данномъ вопросѣ.

Императоръ Петръ I.
Съ портрета работы Л. Каравака.
(Большой Царскосельскій Дворецъ).

Такимъ образомъ она упустила случай и потеряла время.

Она не обольщала своего племянника, но принялась усердно будить въ немъ жизненные инстинкты. Она оторвала его отъ серьезныхъ занятій и учебниковъ, съ единственной цѣлью дѣлать съ нимъ самыя невинныя изъ тѣхъ удовольствій, которымъ она склонна была предаваться по свойству своего темперамента, хотя они и не всегда соответствовали достоинству государя. Она развила въ немъ охоту, даже страсть къ физическимъ упражненіямъ. Будучи безстрашной наѣздницей и неутомимымъ охотникомъ, она увлекала его съ собой на долгія прогулки верхомъ и на охоту. Во время этихъ поѣздокъ молодой императоръ любовался прекрасными глазами, полными, по выраженію Лефорта, «воробьиного сока», вздыхалъ у ногъ своей спутницы и слагалъ въ ея честь плохіе стихи; но, по возвращеніи домой, онъ вмѣстѣ съ Иваномъ Долгорукимъ ускользалъ по ночамъ изъ дворца въ поискахъ болѣе доступныхъ наслажденій; его романъ возбуждалъ въ немъ желаніе ихъ отвѣдать, не давая ему вмѣстѣ съ тѣмъ никакого удовлетворенія.

Но и этотъ романъ, едва начатый, встрѣчаетъ вскорѣ препятствіе, остановившее его дальнѣйшее развитіе. Опять-таки противъ него вооружается Меншиковъ. Онъ дерзаетъ даже отнимать у цесаревны, уже тогда очень расточительной, кошельки съ золотомъ, которые ей даритъ щедрый Петръ II.

Тутъ уже Елизавета, глубоко уязвленная, сопротивляется и беретъ верхъ надъ врагомъ. Несчастную Марію Александровну заставляютъ вернуть кольцо, служившее залогомъ лучезарной будущности. Молодой государь теперь свободенъ располагать собой, и Елизавета на этотъ разъ какъ будто готова использовать это обстоятельство.

Ей удается ввести въ кругъ приближенныхъ Петра новаго фаворита, Александра Борисовича Бутурлина, „министра священныхъ тайнъ развлеченій императора“, какъ называетъ его Лефортъ, а впослѣдствіи фаворита цесаревны. Она сближается съ Остерманомъ, все еще не отказавшимся отъ своего плана. Слѣдуя совѣтамъ своего руководителя или собственнымъ наклонностямъ, она возбуждаетъ ревность Петра, кокетничая съ Иваномъ Долгорукимъ ¹.

¹ Дешети герцога Лирія, испанскаго посла при русскомъ дворѣ. «Осьмнадцатый Вѣкъ», II, 59. Извлеченія изъ этой переписки были помѣщены въ «Русской Старинѣ», 1873, II. Другіе отрывки ея находятся въ журналѣ, соста-

Но она заходитъ слишкомъ далеко. Неокрѣпшее чувство, которое она старается насильственно развить этимъ путемъ, блекнетъ подѣ давленіемъ такихъ осложненій, и среди непрерывныхъ охотничьихъ развлеченій въ Горенкахъ, куда Долгорукіе постоянно приглашаютъ государя, любовь устраиваетъ западню слишкомъ предприимчивой цесаревнѣ.

Пока она увлечена зародившейся страстью къ Бутурлину, Петръ II противопоставляетъ ей соперницу, молодую дѣвушку, раскрывшую передъ нимъ всю прелесть цѣломудренной и чистой привязанности.

Онъ обручается съ Екатериной Алексѣевной Долгорукой, «она великолѣпнаго роста, цвѣтъ лица у нея ослѣпительной бѣлизны, глаза огненные»¹.

Идиллія эта имѣла трагическую развязку, и у смертнаго одра Петра II наслѣдственные права дочерей Петра не подвергались даже обсужденію. Другое потомство взяло верхъ; въ царствованіе Анны Иоанновны и во время регентства Бирона судьба Елизаветы претерпѣла долгое и полное затменіе.

При жизни Петра II ее звали «Венерой», въ противоположность сестрѣ царя, серьезной и долгое время безупречной Натальѣ Алексѣевнѣ, носившей прозвище «Минервы». Елизавета и осталась «Венерой», «допуская безъ стѣсненія», писалъ испанскій посолъ, герцогъ Лирія, «вещи, заставлявшія краснѣть наименѣе скромныхъ людей»². Она собирала у себя въ Александровской Слободѣ самое легкомысленное общество; когда Анна Иоанновна заставила ее послѣдовать за собой въ Петербургъ, она продолжала тотъ же образъ жизни и здѣсь въ домѣ, стоявшемъ на окраинѣ города и пріобрѣвшемъ весьма дурную славу.

Она жила въ немъ сѣро, почти бѣдно, билась въ постоянныхъ денежныхъ затрудненіяхъ и находилась подѣ неослабнымъ надзоромъ. Въ 1735 г. одну изъ ея горничныхъ заключили въ тюрьму, обвинивъ ее въ непочтительныхъ отзывахъ о Биронѣ.

вленномъ изъ тѣхъ же депешъ, въ Архивѣ франц. Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.—«Mémoires et documents. Russie», т. VIII. Ср. депеши Лефорта въ «Diplomatische Beiträge»—Hermann'a, 1870—1871, I, 3 и слѣд. и въ «Сборникѣ Историческаго Общества», III, 510 и слѣд. См. также «Историческій Вѣстникъ» LXXI, 192 (Бюшингъ).

¹ «Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ», изд. 1840 г., стр. 112. Объ этомъ обрученіи см. секретныя донесенія Гогенгольца, «Вѣстникъ Европы», 1896, III.

² «Осьмнадцатый Вѣкъ», II, 163.

Ее подвергли допросу, высѣкли и сослали въ монастырь. Возникъ было вопросъ о заточеніи въ обитель самой цесаревны ¹. Она носила простенькія платья изъ бѣлой тафты, подбитыя чернымъ гризетомъ, «дабы не входить въ долги,—разсказывала она впослѣдствіи Екатеринѣ II,—и тѣмъ не погубить своей души; если бы она умерла въ то время, оставивъ послѣ себя долги, то никто ихъ не заплатилъ бы и ея душа пошла бы въ адъ; а этого она не хотѣла». Но бѣлая тафта и черный гризетъ должны были вмѣстѣ съ тѣмъ производить впечатлѣніе вѣчнаго траура и служили своего рода знаменемъ. Ея семья,—несчастливая семья литовскихъ крестьянъ, трое дѣтей, двѣ тетки, получившія аристократическія имена и титулы, но бѣдныя и испытывавшія самое презрительное обхожденіе со стороны Анны Іоанновны,—доставляли ей также не мало хлопотъ и вводили въ большіе расходы. Она воспитывала на свой счетъ двухъ дочерей Карла Скавронскаго, старшаго брата Екатерины I, и старалась выдать ихъ замужъ ².

Знать пренебрегала ею какъ за ея рожденіе, такъ и за характеръ ея любовныхъ увлеченій. Такимъ образомъ ей пришлось, чтобы составить себѣ общество, спустаться все ниже и ниже.

Въ Александровской Слободѣ она обходилась съ крестьянскими дѣвушками почти какъ съ равными, катаясь съ ними на саняхъ, или угощая ихъ изюмомъ, орѣхами и пряниками и принимая участіе въ ихъ играхъ и пляскахъ. Въ Петербургѣ она наполнила свой домъ гвардейскими солдатами. Она раздавала имъ маленькіе подарки, крестила ихъ дѣтей и очаровывала ихъ улыбками и взглядами. «Въ тебѣ течетъ кровь Петра Великаго», говорили они.

Она показывалась публично весьма рѣдко, лишь въ торжественныхъ случаяхъ, и держалась серьезно и грустно, принимая протестующій видъ, доказывавшій, что она ни отъ чего не отреклась. То же самое угадывалось и въ нѣкоторыхъ поступкахъ, совершенныхъ ею по внушенію приближенныхъ лицъ; у нея самой никогда не было инициативы. Она навѣстила несчастнаго тверскаго епископа Лопатинскаго, выпущеннаго Анной Леопольдовной изъ тюрьмы, куда его заточила Анна Іоанновна.

¹ Есиповъ, «Историческій Вѣстникъ», 1880, мартъ. Ср. Schmidt-Phisdeck, «Materialien zu der russischen Geschichte». 1772, II, 57.

² «Архивъ кн. Воронцова», I, 27.

— Узнаешь ли ты меня?—спросила она его.

Надломленный многолѣтнимъ заключеніемъ, старикъ долго искалъ въ своихъ воспоминаніяхъ; наконецъ онъ встрепенулся и радостно воскликнулъ:

— Ты искра Петра Великаго!

Она оставила ему триста рублей, и объ этомъ случаѣ заговорили въ церквахъ и монастыряхъ ¹.

Тѣмъ не менѣе она казалась одинокой и почти забытой. Она оставалась красивой, но становилась слишкомъ полной, и, подобно Шекспировскому Цезарю, питавшему недовѣріе къ художавымъ людямъ съ ввалившимися глазами, англійскій посланникъ Финчъ говорилъ, что она была „слишкомъ толста, чтобы быть заговорщицей“ ².

Ее считали обвинчанной съ Алексѣемъ Разумовскимъ, малороссійскимъ крестьяниномъ, обратившимъ на себя ея вниманіе въ церкви Анны Іоанновны, гдѣ онъ былъ пѣвчимъ. Онъ, повидимому, не принадлежалъ къ числу мужчинъ, способныхъ пробудить ее отъ нравственной спячки, охватившей ее вельдствіе злоупотребленія различными удовольствіями, и заставить ее стряхнуть безропотную и лѣнивую неподвижность, по свидѣтельству французскаго посла Шетарди, дѣлавшую ее «робкой въ самыхъ обыкновенныхъ поступкахъ» ³.

Разумовскій былъ просто красивымъ мужчиной, иногда буйнаго характера, послѣ хорошей пирушки. Въ числѣ приближенныхъ цесаревны находились оба Шуваловы, Александръ и Иванъ,—тоже люди ничтожные,—и Михаилъ Воронцовъ, женатый на Скавронской, человекъ крайне сдержанный и осторожный.

Биронъ, уже на высотѣ своего могущества, обнаружилъ было намѣреніе озарить своимъ сіяніемъ померкшее свѣтило, что произвело переполохъ среди друзей и враговъ цесаревны. Позднѣе, въ правленіе Анны Леопольдовны, ее заподозрили въ сношеніяхъ съ опальнымъ Минихомъ, и клеветы Антона-Ульриха Брауншвейгскаго получили приказаніе арестовать его, если онъ отправится къ Елизаветѣ. Впрочемъ, въ былое время

¹ С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», XXI, 54, 122—124; Чистовичъ «Еоофанъ Прокоповичъ и его время», 1868.

² «Сборникъ Историческаго Общества», ХСІ, 107.

³ Деша 28 октября/9 ноября 1740 г. Архивъ франц. Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Минихъ совѣтовалъ Бирону заточить цесаревну, и она этого не забыла; всѣ знали и поняли, что съ этой стороны нечего было бояться и не на что надѣяться. Тѣмъ временемъ событіе, опрокинувшее эти предположенія, подготовлялось—только не въ кабинетѣ маркиза Шетарди.

II.

Это событіе является однимъ изъ самыхъ извѣстныхъ и тщательно изученныхъ въ исторіи. Малѣйшія подробности его были установлены по такимъ достовѣрнымъ источникамъ и такъ талантливо изображены, что мое намѣреніе повторить описаніе его на послѣдующихъ страницахъ можетъ показаться самонадѣяннымъ и бесполезнымъ, тѣмъ болѣе, что я не могу представить новыхъ данныхъ, во всякомъ случаѣ ни одного документа, опровергающаго тѣ, что послужили первоначальными источниками. Берлинскій архивъ, изслѣдованный впервые по этому вопросу мною, оказался въ полномъ согласіи съ парижскимъ, гдѣ другіе историки черпали свѣдѣнія до меня. Но извиненіемъ мнѣ можетъ служить то обстоятельство, что, какъ хорошо ни были освѣдомлены мои предшественники, они не использовали своихъ знаній во всей ихъ полнотѣ. По крайней мѣрѣ мнѣ сдается, что въ двухъ вопросахъ, касающихся съ одной стороны участія Франціи и ея представителя въ Петербургѣ, маркиза Шетарди, въ переворотѣ, положившемъ въ ноябрѣ 1741 г. конецъ царствованію Іоанна VI и возведшемъ на престолъ дочь Петра Великаго, съ другой—роли, сыгранной національнымъ элементомъ въ этомъ событіи, они впали въ глубокое заблужденіе.

Откуда рождаются всѣ легенды? Какъ незаконныя дочери, онѣ большею частью происходятъ отъ неизвѣстныхъ отцовъ и матерей. Въ данномъ случаѣ, однако, неразрѣшимый обыкновенно вопросъ о происхожденіи позволяетъ зародиться нѣкоторымъ догадкамъ. Лицу, въ чью пользу этотъ переворотъ совершился, было несомнѣнно выгодно создать обманчивую картину, которая въ блескѣ еще не померкшаго престижа Франціи и подъ покровомъ патріотическаго чувства преобразовала, придавая ему подобіе величія, самый заурядный заговоръ. Нѣкоторые изъ современниковъ повѣрили этой сказкѣ; другіе помогли ее распространить, и легенда родилась. Она пробилась себѣ дорогу,

пріобрѣла вполне законныя права гражданства, и съ моей стороны, конечно, странно подвергать ее нескромному разсмотрѣнію. Легенда эта такъ привлекательна: молодая, красивая цесаревна, вознесенная на вершину власти народнымъ теченіемъ при содѣйствіи тридцатилѣтняго посла и восьмидесятилѣтняго старца. Какая богатая тема!

Легенды очень живучи. Эту легенду я, вѣроятно, и не убью. Тѣмъ легче простятъ мнѣ мои читатели мое усиліе противопоставить ей нѣкоторую долю дѣйствительности.

Среди приближенныхъ къ цесаревнѣ лицъ не было человѣка, способнаго дать ей, вмѣстѣ съ сознаніемъ роли, которую она могла играть, возможность отстоять свои права; но въ болѣе далекихъ отъ нея кругахъ было нѣсколько тысячъ лицъ, нетерпѣливо и съ раздраженіемъ относившихся къ ея бездѣйствію. Это являлось слѣдствіемъ ужаснаго и невыносимаго режима, водворившагося въ Россіи послѣ смерти Петра Великаго, въ силу отсутствія закона о престолонаслѣдіи, періодическихъ переворотовъ, замѣнившихъ его, и произвола русской олигархіи, чередовавшагося съ грубостью нѣмецкой диктатуры. Послѣ лифляндки Екатерины воцарилась по браку нѣмка Анна Іоанновна; послѣ Меншикова власть перешла въ руки Бирона; одновременно началось настоящее нашествіе другихъ иностранцевъ, въ родѣ Брауншвейгъ-Вольфенбюттель-Бреверновъ, Мекленбургъ-Швериновъ, пѣлой арміи экзотическихъ принцевъ и принцессъ, солдатъ, авантюристовъ, двинувшихся на Россію со всѣхъ концовъ Европы и дѣлившихъ между собою, какъ добычу, должности, почести, доходныя мѣста, высасывая всѣ соки изъ страны для удовлетворенія своихъ апетитовъ. А единственная надежда въ будущемъ воплощалась въ лицѣ императора, имѣвшаго нѣсколько мѣсяцевъ отъ-роду, несчастнаго Іоанна Антоновича; надъ колыбелью его склонялась мать-регентша, но русскаго въ ней было лишь полунѣмецкое имя—Анна Леопольдовна—полученное ею, когда она отказалась отъ лютеранской вѣры и приняла православіе.

Чаша была переполнена. Не имѣя права голоса, народъ переносилъ все терпѣливо и бессознательно, какъ и многія послѣдующія испытанія. Но Россія уже обладала въ иныхъ кругахъ сознательной и дѣятельной душой. На слѣдующій же день послѣ смерти Анны Іоанновны прусскій посланникъ, Мардефельдъ, писалъ:

«Всѣ чрезвычайно возстановлены противъ узурпатора (Бирона), и гвардейскіе солдаты открыто говорятъ, что они будутъ терпѣть его правленіе только до погребенія ихъ дорогой матушки (Анны I); нѣкоторые говорятъ, что лучше всего было бы передать власть цесаревнѣ Елизаветѣ, прямому отпрыску Петра Великаго, въ виду того, что большинство солдатъ принимаетъ ея сторону» ¹.

Позднѣе Биронъ послѣдовалъ за Меншиковымъ въ Сибирь. Но между Линаромъ и Минихомъ, Остерманомъ и Антономъ-

Императрица Екатерина I.

Съ портрета Л. Каравака.

(Большой Царскосельскій дворець).

Ульрихомъ, ввергавшими страну во все возраставшую анархію, увлекавшими ее въ опасныя виѣшнія предпріятія, регентство Анны Леопольдовны почти заставляло жалѣть о ссыльномъ регентѣ и ужасной бироновщинѣ.

Слѣдовательно, уже нѣсколько мѣсяцевъ военные круги и въ особенности гвардейскія казармы находились въ состояніи

---

¹ Дешопа 19 ноября 1740 г. Тайный архивъ въ Берлинѣ. Написана по-французски.

броженія. Уже много лѣтъ зачинщики государственныхъ переворотовъ обращались къ этому элементу, находя въ его средѣ ждущихъ примѣненія своей удали безстрашныхъ охотниковъ, пробуждая въ нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ честолюбіе и аппетиты, все болѣе и болѣе нетерпѣливо и властно требовавшіе удовлетворенія.

Гвардейцы, использованные поочередно то тѣмъ, то другимъ изъ временныхъ побѣдителей, возносившіе ихъ на вершину власти и восторженно привѣтствовавшіе ихъ сегодня съ тѣмъ, чтобы завтра бросить въ кибитку и съ бранью отправить въ Пелымъ, все болѣе и болѣе сознающіе свою силу, недовольные и отважные, шли на эти дѣла, потому что они имъ нравились сами по себѣ, поднимая ихъ значеніе и давая имъ возможность требовать вознагражденія; но они каждый разъ чувствовали, что имъ было бы несравненно пріятнѣе, если бы отъ ихъ помощи выигрывали не Биронъ, не Минихъ, не Антонъ-Ульрихъ. Нельзя сказать, чтобы національное чувство было у нихъ очень развито. Многіе изъ рядовыхъ солдатъ были даже иностранцы. Но тѣ, другіе чужеземцы, ожесточенно враждовавшіе другъ съ другомъ, командовавшіе ими и управлявшіе къ тому же Россіей, не были въ ихъ глазахъ ни симпатичными, ни авторитетными. Биронъ попался въ ловушку, какъ глупецъ, Миниха прогнали, какъ лакея, и, между Юліей Менгденъ и Линаромъ, самъ Антонъ-Ульрихъ, отецъ императора и генералиссимусъ, покрылъ себя позоромъ и сдѣлался общимъ посмѣшищемъ. Анна Леопольдовна была, пожалуй, добра; они бы охотно простили ей ея личный образъ жизни; но ея никогда не было видно. Она запиралась со своей фавориткой и со своимъ фаворитомъ. А если въ то время повелителей мѣняли какъ рубашку, они готовы были отдать предпочтеніе Елизаветѣ, не столько оттого, что она была «искрой Петра Великаго», сколько потому, что она была доступна всѣмъ, любезна, мила; съ нею угрюмая жизнь, устраняемая Россіи тѣми иностранцами, стала бы улыбающейся и привѣтливой, какъ глаза цесаревны—не говоря уже о томъ, какъ много эти глаза обѣщали смѣльчакамъ. Воспоминаніе о Шубинѣ разжигало воображеніе, и вокругъ красавца-гренадера сложилась въ казармахъ легенда, сильно способствовавшая торжеству дочери Петра.

Мало-по-малу разгорался очагъ страстныхъ вождѣлннй и горячихъ пожеланій, сообщившихся и армейскимъ полкамъ.

Слышались крики: «Развѣ никто не хочетъ предводительствовать нами на пользу матушки Елизаветы Петровны!»¹

Одна изъ подругъ цесаревны, Салтыкова, рожденная княжна Голицына, служила по своему дѣлу Елизаветы въ той же средѣ. Ея домъ былъ рядомъ съ казармами Преображенскаго полка, и она, по свидѣтельству Мардефельда, такъ часто ихъ посѣщала, что ей случалось уносить съ собой жгучія воспоминанія².

Такимъ образомъ зародился заговоръ, если этимъ именемъ можно назвать совпаденіе желаній, одинаково необдуманыхъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны и стремившихся соединиться для общей цѣли, не вступивъ въ точное соглашеніе и не установивъ ни яснаго плана, ни опредѣленнаго образа дѣйствія. Два темныхъ агента, принадлежавшихъ одинъ къ челяди цесаревны, другой къ арміи, принялись въ послѣднюю минуту распредѣлять роли; но по нимъ можно судить о національномъ и политическомъ характерѣ, придаваемомъ и теперь еще нѣкоторыми историками дѣлу, исполненному ими: и тотъ и другой были опять таки иностранцами.

Сама Елизавета, повидимому, также не была всецѣло проникнута приписываемыми ей чувствами. Въ сентябрѣ 1727 г., ведя переговоры о ея бракѣ съ маркграфомъ Карломъ Бранденбургскимъ, Мардефельдъ писалъ: «Она совершенная Нѣмка по духу и только и жаждетъ отсюда уѣхать»³. Оба эти посредника не имѣли, слѣдовательно, ни малѣйшей связи съ французскимъ посольствомъ. Елизавета говорила съ Шетарди на языкѣ Расина, вслѣдствіе чего ея сношенія съ нимъ принимали поневолѣ въ глазахъ окружающихъ оттѣнокъ интимности. Анну Леопольдовну поддерживала Австрія; не ясно ли было, что Елизавета, соперничавшая съ ней, должна была опираться на Францію? Съ тонкостью и тактомъ, влагаемыми наименѣе одаренными женщинами въ такого рода интриги, цесаревна поддерживала и укрѣпляла это впечатлѣніе, прикрываясь имъ, какъ декорацией и щитомъ. Установленный за нею надзоръ и ея робость, преувеличивавшая опасности его, помѣшали ей, какъ мы увидимъ ниже, развить эти отношенія; съ другой стороны, вполне законныя сомнѣнія и недовѣріе самого Шетарди не позволяли ей извлечь изъ нихъ наибольшую вы-

¹ Соловьевъ, «Исторія Россіи», XXI, 126.

² Деша королю 6 февраля 1742 г. Тайный архивъ въ Берлинѣ.

³ «Сборникъ Историческаго Общества», XV, 383.

году. Гораздо болѣе значительную и энергичную роль въ подготовленіи государственнаго переворота сыграли Шварцъ и Лестокъ. А во время осуществленія его на первый планъ выдвинулось третье лицо, — еврей, родомъ изъ Дрездена, бывшій торговецъ ювелирными предметами, превратившійся въ гвардейскаго солдата. Его звали Грюнштейнъ.

Шварцъ былъ нѣмецъ, пѣхотный капитанъ, поступившій на русскую службу; онъ выдавалъ себя за инженера и получилъ мѣсто на корабельныхъ верфяхъ ¹. Лестокъ давно уже принадлежалъ къ штату Елизаветы, исполняя обязанности хирурга. Его отецъ, родомъ изъ Шампаньи, сказывался дворяниномъ—*l'Estocq l'Helvétique*. Покинувъ Францію послѣ отмѣны Нантскаго эдикта, онъ поселился въ Германіи, въ Целле, гдѣ былъ сначала цырюльникомъ, а затѣмъ хирургомъ при дворѣ Георга-Вильгельма, послѣдняго Брауншвейгъ-Целльскаго герцога. Сынъ его родился въ 1692 году и пріѣхалъ искать счастья въ Россію въ 1713 г. Онъ обратилъ на себя вниманіе Петра Великаго ловкостью, съ какою орудовалъ хирургическимъ ножомъ, и живостью ума, но имѣлъ несчастье не понравиться знаменитой горничной Екатерины I, Крамеръ, приписавшей ему непріязненные сужденія объ отношеніяхъ царя со своимъ денщикомъ Бутурлинымъ. Онъ счастливо отдѣлался лишь ссылкой въ Казань, откуда Екатерина поспѣшила вернуть его; и хотя она знала, что онъ былъ глубоко безнравственный человѣкъ, она все же приставила его къ особѣ Елизаветы, которой было въ то время шестнадцать лѣтъ.

Перехожу къ организаціи заговора, поскольку таковой существовалъ, пользуясь для восстановленія истинныхъ фактовъ донесеніями самого маркиза Шетарди, провѣренными тѣми депешами, которыя Версальскій кабинетъ получалъ одновременно изъ Стокгольма и остававшимися до сихъ поръ безъ разсмотрѣнія. Онѣ совершенно ясно возстанапливаютъ факты и доказываютъ, что участіе Франціи въ этомъ событіи оставалось лишь въ видѣ предположенія, и что этотъ планъ, въ противоположность принятой всѣми версіи, не исходилъ изъ инициативы молодого представителя французской дипломатіи въ Петербургѣ.

---

¹ «Mémoires sur la révolution de 1741». Архивъ франц. Минист. Иностр. Дѣлъ—Россія. «Mémoires et documents», т. IX, фол. 120.

III.

Маркизь Шетарди занялъ свой постъ въ 1739 г., играя чисто представительную роль, чрезвычайно ему подходившую. Ограничиваясь сначала лишь обмѣномъ любезностей, его сношенія съ Елизаветой приняли болѣе интимный характеръ лишь въ ноябрѣ 1740 г., послѣ паденія Бирона, принесшаго еще новое разочарованіе Елизаветѣ. Она втайнѣ послала къ нему Лестока, чтобы выразить ему ея сожалѣніе по поводу прекращенія его посѣщеній. Она и лица, выдавшіяся съ нею, были въ подозрѣніи. Шетарди отвѣтилъ ей уклончиво. Онъ не довѣрялъ цесаревнѣ, полагая, что она находится въ хорошихъ отношеніяхъ съ Анной Леопольдовной и, слѣдовательно, является сторонницей Австріи. Но, къ его изумленію, Лестокъ заговорилъ съ сожалѣніемъ о паденіи Бирона. Лишившись его поддержки, цесаревна потеряла все. Тутъ же Лестокъ сообщилъ Шетарди, какія надежды можно было возлагать на могущественную партію, преданную дочери Петра Великаго и ея племяннику, герцогу Голштинскому. Маркиза это не убѣдило, и онъ даже не поспѣшилъ узнать мнѣніе Версальскаго двора относительно этихъ намековъ. Онъ не послалъ курьера и не выразилъ желанія поговорить съ самой Елизаветой объ этомъ щекотливомъ вопросѣ¹. Онъ отправилъ свое донесеніе обыкновеннымъ путемъ и сталъ ждать дальнѣйшихъ событій, полагая, что они далеко не оправдаютъ смѣлыхъ предположеній Лестока и его повелительницы.

Черезъ мѣсяць, шведскій посланникъ Нолькенъ поставилъ его втупикъ новымъ, еще болѣе необычнымъ предложеніемъ. Ему было приказано, объявилъ онъ, поддержать, по своему выбору, партію герцога Курляндскаго, Анны Леопольдовны или Елизаветы; на это ему было дано сто тысячъ талеровъ. Онъ намѣревался истратить ихъ въ пользу цесаревны и рассчитывалъ, что его французскій коллега укажетъ ему, какъ цѣлесообразнѣе всего пустить ихъ въ дѣло.

Тутъ Шетарди испугался. Рѣчь шла ужъ не о неопредѣленныхъ надеждахъ, а о настоящемъ заговорѣ, и Нолькенъ видѣлъ залогъ

---

¹ Ср. Vandal, «Louis XV et Elisabeth», стр. 138 и слѣд.

к. ВАЛШЕВСКИЙ. ДОЧЬ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

его успѣха въ переговорахъ цесаревны съ нѣсколькими гвардейскими солдатами и нѣсколькими темными лицами, находящимися у нея въ услуженіи. И ему, представителю короля Людовика XV, предлагали принять въ этомъ участіе. Это было безуміемъ! Однако сто тысячъ талеровъ заставили его призадуматься. Швеція не имѣла возможности производить такіе расходы.

Король Людовикъ XV.

Съ эмали Буа.

(Императорскій Эрмитажъ).

Откуда же шли эти деньги? Суммы, расходуемыя въ Стокгольмѣ на внѣшнюю политику, нерѣдко черпались во французской казнѣ. Въ виду обычныхъ пріемовъ тогдашней дипломатіи, предположеніе о поддержкѣ, оказываемой какой-нибудь интригѣ Версальскимъ кабинетомъ окольными путями, безъ вѣдома его прямого представителя, не заключало въ себѣ ничего невѣроят-

наго. Взвѣсивъ все это, маркизъ рѣшился отвѣтить уклончиво, попросить инструкцій и опять-таки ждать дальнѣйшихъ событій.

Чтобы заставить его посѣтить Елизавету, понадобился еще мѣсяцъ времени и очень настойчивое приглашеніе съ ея стороны; во время свиданія онъ былъ на-сторожѣ и не проронилъ ни одного лишняго слова.

Впрочемъ, цесаревна и не поставила его въ затруднительное положеніе; она ограничилась лишь тѣмъ, что со скорбью отозвалась о существующемъ положеніи вещей, которое „огорчило бы Петра Великаго», и упомянула съ умиленіемъ о преданности гвардіи «памяти Императора и его потомству». Имя Людовика XV, вопреки мнѣнію историковъ, *ни разу не было произнесено* въ этой бесѣдѣ; равнымъ образомъ не были затронуты унижительныя для цесаревны воспоминанія о матримоніальныхъ планахъ, гдѣ отказъ исходилъ не съ ея стороны. По крайней мѣрѣ въ депешахъ Шетарди объ этомъ не говорится ни слова, и ему, конечно, не простили бы въ Версалѣ слишкомъ смѣлыхъ намековъ на чувства, которыя могли бы польстить королю своимъ постоянствомъ, если бы Елизавета, будучи равнодушна къ красавцу Шубину, не поставила бы тѣмъ самымъ Людовика XV на одну доску съ послѣднимъ. Историки, вопреки всякой справедливости, обвинили въ данномъ случаѣ кардинала Флѣри въ нерѣшительности, а его агента въ любви къ прикдюченіямъ. Ла Шетарди не обнаружилъ ни малѣйшаго намѣренія принять участіе въ замыслахъ, сообщенныхъ ему Нолькеномъ; онъ считалъ ихъ безразсудными, и французское правительство не замедлило одобрить его осмотрительность. Въ отвѣтъ на первыя же полученныя отъ него извѣстія статсъ-секретарь Амело писалъ ему: «Надо думать, что, пока императоръ живъ, не можетъ быть и рѣчи объ ея (Елизаветы) претензіяхъ на російскій престоль. Поэтому всякія разсужденія объ этомъ въ настоящее время излишни».

Это былъ безусловный и рѣшительный отказъ во вмѣшательствѣ.

Но Нолькенъ продолжалъ упорствовать, и въ январѣ Шетарди узналъ, что при его содѣйствіи заговоръ начиналъ выливаться въ опредѣленную форму. Возникъ ужъ вопросъ о вооруженномъ вмѣшательствѣ Швеціи; ея войска должны были поддержать гвардію въ случаѣ военнаго бунта въ пользу дочери Петра Великаго.

Дѣло принимало серьезный оборотъ. Все еще не вѣря въ его успѣхъ, Шетарди уклонился отъ совмѣстнаго со своимъ коллегой свиданія, предложеннаго Елизаветой, но на слѣдующій день ему пришлось явиться къ цесаревнѣ, въ отвѣтъ на ея настойчивый зовъ; она на этотъ разъ высказалась болѣе опредѣленно; она объявила, что «дѣло зашло такъ далеко, что дольше ждать не представлялось возможности», заговорила о безусловной преданности гвардіи, о нетерпѣннн заговорщиковъ и приступила было къ самому щекотливому вопросу, выразивъ увѣренность «въ дружбѣ Франціи», когда ей доложили о пріѣздѣ англійскаго посла. Елизавета знакомъ пригласила Ла Шетарди остаться и дожидаться отъѣзда непрощеннаго гостя. Финчъ почувствовалъ себя лишнимъ и сократилъ свое посѣщеніе. «Наконецъ-то мы отъ него избавились», облегченно вздохнула цесаревна послѣ его ухода. Но тотчасъ же Ла Шетарди пресѣкъ дальнѣйшія изліянія, поставивъ ей на видъ, что продолжительность ихъ свиданія можетъ возбудить подозрѣнія. Она лишь успѣла сказать ему, что въ виду того, что ей «нечего болѣе стѣснять себя, онъ можетъ приходить къ ней, когда ему заблагоразсудится» ¹.

Онъ твердо рѣшилъ не злоупотреблять даннымъ ему разрѣшеніемъ. Между тѣмъ въ Версалѣ нашли его осторожность чрезмѣрною. Согласно свѣдѣніямъ, полученнымъ французскимъ правительствомъ изъ Стокгольма, замыселъ принималъ болѣе опредѣленный характеръ, чѣмъ тотъ, что выяснился изъ донесеній Шетарди изъ Петербурга; вмѣстѣ съ тѣмъ въ Версалѣ и Берлинѣ вырабатывался планъ коалиціи противъ Австріи, и комбинація, лишавшая Вѣну ея единственнаго союзника, становилась крайне желательной. Въ силу этихъ соображеній маркизу Шетарди были преподаны рѣшительныя указанія, выясняющія, что та роль, которую приписываетъ легенда кардиналу Флѣри и его агенту, не соотвѣтствуетъ дѣятельности того и другого. Шетарди не уговаривалъ министра принять участіе въ заговорѣ; наоборотъ, кардиналъ все время побуждалъ къ тому Шетарди, приказавъ ему поддерживать, не колеблясь, проектъ переворота, и сказать Елизаветѣ, что «если король можетъ быть ей полезенъ, и она дастъ ему возможность оказать ей услугу, она можетъ рассчитывать, что его величество

¹ Шетарди 3/14 января 1741. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ во Франціи.

почтетъ себя счастливымъ способствовать осуществленію ея желаній»¹.

Такимъ образомъ, вслѣдъ за Швеціей, на арену собиралась выступать и Франція. Но въ эту минуту предпріятіе встрѣтило со стороны первой изъ упомянутыхъ державъ препятствія, чуть не повлекшія за собой его гибель.

Передъ тѣмъ какъ пустить въ ходъ главный рычагъ заговора, Нолькенъ вдругъ обнаружилъ его тайную пружину. Онъ предложилъ немедленно ввести на русскую территорію сильный отрядъ шведскихъ войскъ, но требовалъ отъ цесаревны *письменнаго обязательства* возвратить Швеціи земли, завоеванныя Петромъ Великимъ. Онъ опирался на обѣщанія, данныя будто бы Елизаветой, но она впоследствии оспаривала ихъ подлинность, и они, дѣйствительно, оказались весьма неопредѣленными. Въ своей перепискѣ съ французскимъ посломъ Нолькенъ утверждалъ, что цесаревна сама признала права Швеціи на возвращеніе ей части потерянныхъ ею земель въ видѣ награды за услугу, оказываемую ею дочери Петра Великаго, и что она *почти* обѣщала дать на то обязательство². Но самъ Амело нашелъ эти требованія чрезмѣрными³. Елизавета же рѣшительно отказалась дать какое бы то ни было письменное обѣщаніе, заявивъ, что одного ея слова достаточно. Нолькенъ оказался неуступчивымъ, и Елизавета снова обратилась къ содѣйствію Шетарди.

По истеченіи нѣсколькихъ дней, проведенныхъ ею въ деревнѣ, гдѣ она давала обѣдъ офицерамъ армейскаго полка, квартировавшаго по сосѣдству, она вызвала къ себѣ Шетарди и сообщила ему, какъ ей трудно было сдерживать рвеніе своихъ приверженцевъ, между тѣмъ какъ Нолькенъ своими неприемлемыми требованіями препятствовалъ исполненію задуманнаго имъ плана.

Въ силу того, что, согласно полученнымъ инструкціямъ, маркизу надлежало дѣйствовать заодно со своимъ шведскимъ коллегой, онъ защищалъ, хотя и слабо, образъ дѣйствія Нолькена, казавшійся и ему недопустимымъ, и добавилъ, что онъ «лично

¹ Амело къ Шетарди, 12 и 16 февраля 1741 г. Арх. франц. Мин. Ин. Дѣлъ—Россія. Онъ же къ С.-Северину, французскому послу въ Стокгольмѣ, 16 февр. 1741 г. Арх. франц. Мин. Ин. Дѣлъ—Швеція.

² С.-Северинъ къ Амело, 14 апрѣля 1741 г. Арх. франц. Мин. Ин. Дѣлъ—Швеція.

³ Амело къ С.-Северину, 4 іюля 1741 г. Арх. франц. Мин. Ин. Д.—Швеція.

желалъ бы, чтобы это предпріятіе приняло опредѣленное направленіе, въ виду того, что связи, существующія между Швеціей и Франціей, дали бы, можетъ быть, королю возможность такъ или иначе доказать цесаревнѣ свою дружбу»¹.

Большаго она отъ него добиться не могла. Онъ умышленно ничего опредѣленнаго не говорилъ и такъ убѣжденно отстаивалъ правильность своего поведенія передъ своимъ правительствомъ, что и оно начало колебаться. Амело возмѣлъ подозрѣнія. Была ли Елизавета искренна? Смѣлость Елизаветы, смѣнившая ея привычную робость, внушала ему подозрѣнія. Не служила ли она орудіемъ для вовлеченія Франціи и Швеціи въ ловушку, уготованную имъ правительствомъ Анны Леопольдовны? «Я не усматриваю,—писалъ онъ Шетарди,—соотвѣтствія между твердымъ и отважнымъ планомъ цесаревны и всѣмъ тѣмъ, что мнѣ сообщали о легкомысліи и слабости ея характера, что мнѣ и внушаетъ нѣкоторое недовѣріе». Но это впечатлѣніе не было длительно, и слѣдующій курьеръ привезъ маркизу указанія, заставившія его выйти изъ его пассивной роли. Ему было предписано сказать Елизаветѣ, что военныя приготовленія шведовъ производились съ вѣдома французскаго короля, и что «его величество дастъ имъ возможность поддержать переворотъ, если она совершитъ его въ согласіи съ ними»².

Въ концѣ мая Амело проявилъ еще бѣльшую настойчивость. Валори, французскій посланникъ въ Берлинѣ, и Бель-Иль, довѣренное лицо кардинала Флѣри, сообщили ему требованія, которыми Фридрихъ обусловливалъ исполненіе своихъ обязательствъ по отношенію къ Франціи. Слѣдовало во что бы то ни стало принудить шведовъ дѣйствовать. Шетарди было поручено уговорить Елизавету склониться на притязанія Нолькена. Маркизь предложилъ ей передать документъ въ его руки. Видя, что ее припираютъ къ стѣнѣ и вынуждаютъ принять рѣшеніе, она отказала наотрѣзъ, объясняя свой поступокъ «боязнью заслужить упреки своего народа, если бы она какимъ бы то ни было образомъ принесла его въ жертву правамъ, предъявленнымъ ею на престолъ». Въ то же время, отказываясь отъ принятаго ею рѣшенія «больше не стѣснятъ себя», она

¹ Шетарди къ Амело, 3/14 февраля 1741, Арх. франц. Мин. Ин. Дѣлъ—Россія.

² Амело къ Шетарди, 22 февраля и 16 марта 1741 г. Арх. франц. Мин. Ин. Дѣлъ—Россія.

сочла нужнымъ временно прекратить свои сношенія съ французскимъ посломъ. Незадолго до того она совершила большую ошибку, думая, что ей удастся привлечь на свою сторону грознаго Ушакова, начальника тайной полиціи, довольно грубо отвергнувшаго ея предложеніе. Она полагала, что онъ не только былъ предупрежденъ о заговорѣ, но обладалъ, пожалуй, и доказательствами его существованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ она узнала, что капитанъ Семеновскаго полка, ея явный сторонникъ, будучи въ караулѣ въ императорскомъ дворцѣ, былъ обласканъ герцогомъ Брауншвейгскимъ, наговорившимъ ему множество лестныхъ словъ и подарившимъ ему къ тому же триста червонцевъ¹. Слѣдовательно, заговоръ былъ извѣстенъ Аннѣ Леопольдовнѣ и ея мужу, и они склонны были всѣми мѣрами предупредить его осуществленіе. Цесаревнѣ уже мерещилось, что ей обрѣзаютъ косы и облакаютъ ея красивое тѣло въ монашеское одѣяніе. Между тѣмъ, *she has not a bit of nun's flesh about her*², — утверждалъ Финчъ. Она боязливо вернулась къ прежнему замкнутому образу жизни. Нолькену пришлось даже прибѣгнуть къ кровопусканію при содѣйствіи Лестока, чтобы добиться какихъ-нибудь извѣстій.

Въ маѣ хирургъ посѣтилъ Шетарди, но сумѣлъ лишь обнаружить томившее его безпокойство. «При малѣйшемъ шумѣ онъ бросался къ окошку, считая себя ужъ погибшимъ»³. Сама цесаревна, завидѣвъ маркиза въ саду лѣтняго дворца, осторожно избѣгала встрѣчи съ нимъ и даже хвалилась этимъ передъ правительницей.

Въ концѣ іюня Нолькенъ былъ отозванъ своимъ дворомъ; Швеція, помимо Елизаветы, готовилась къ войнѣ, увѣряя вмѣстѣ съ тѣмъ цесаревну, что образъ дѣйствія шведскаго правительства стоитъ въ зависимости отъ ея рѣшимости его поддержать. Въ дѣйствительности же Швеція откладывала объявленіе войны лишь потому, что выжидала болѣе крупной субсидіи со стороны Франціи, и сама еще не была вполнѣ готова къ войнѣ. Нерѣшительность цесаревны была ей на руку въ данную минуту, давая возможность еще поторговаться съ Версалемъ и завершить

¹ Соловьевъ, «Исторія Россіи», XXI, 135.

² Въ ней не было ни кусочка монашескаго тѣла.

³ Шетарди къ Амело, 30 мая 10 іюня 1741 г. Арх. франц., Мин. Ин. Дѣлъ—Россія.

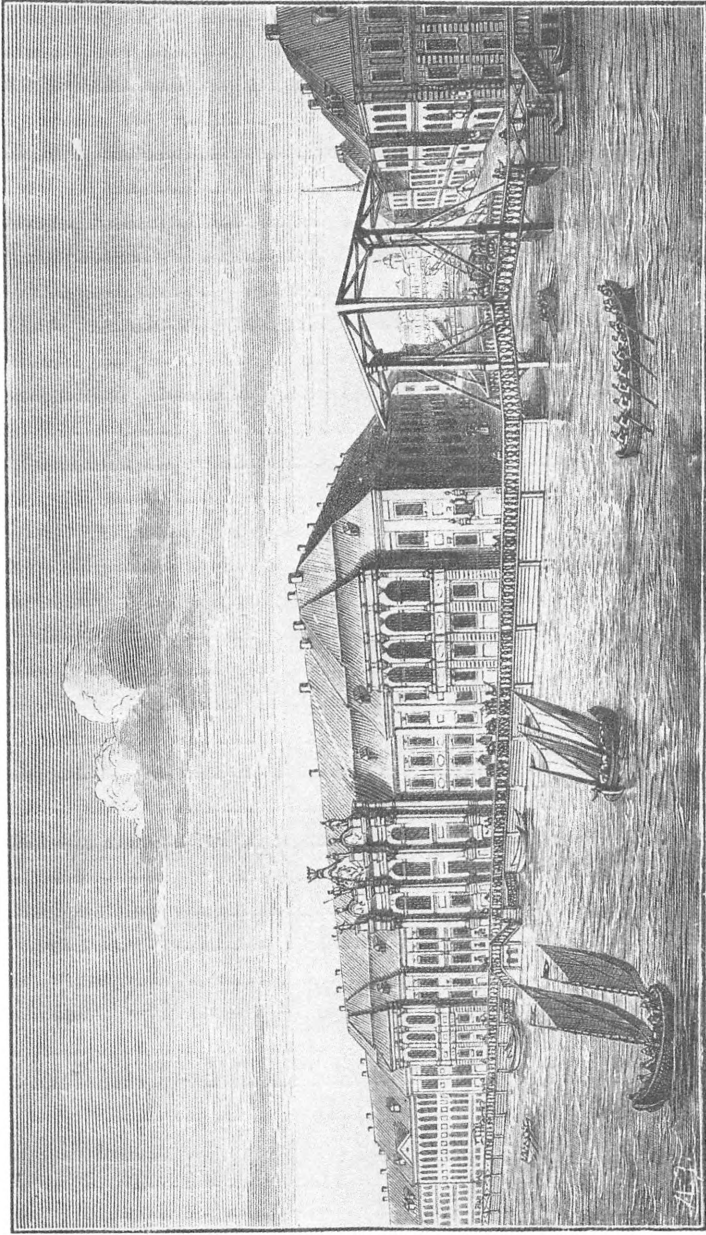
свои приготовленія ¹. Откланиваясь Елизаветѣ, шведскій посолъ все же настаивалъ на *письменномъ обязательствѣ*, увѣряя, что безъ него невозможно было приступить къ дѣлу. Она сдѣлала видъ, что не поняла, о чемъ идетъ рѣчь, и знакомъ показала, что присутствіе камергера мѣшаетъ ей объясниться; затѣмъ она шепнула ему: «Я ожидаю лишь выступленія вашихъ войскъ, чтобы начать дѣйствовать со своей стороны. Завтра Лестокъ будетъ у васъ». Нолькенъ вообразилъ, что побѣда осталась за нимъ. Но хирургъ привезъ лишь письмо цесаревны къ герцогу Голштинскому, содержавшее, какъ онъ увѣрялъ, «удовольствіе признательности его повелительницы относительно Франціи и Швеціи». Онъ общалъ еще разъ посѣтить Нолькена, но такъ и не вернулся.

Въ іюлѣ Шетарди чуть было не послѣдовалъ за своимъ коллегой въ отставку, вслѣдствіе затрудненій въ церемоніалѣ, возникшихъ по поводу того, что маркизъ хотѣлъ вручить свои вѣрительныя грамоты лично императору. По наущенію Остермана, Анна Леопольдовна воспользовалась этимъ обстоятельствомъ, какъ предлогомъ, чтобы избавиться отъ посла, казавшагося ей подозрительнымъ, вслѣдствіе его частыхъ свиданій съ Елизаветой и Нолькеномъ. Шетарди отказали наотрѣзъ въ его ходатайствѣ, онъ пересталъ являться ко двору и его отозваніе было дѣломъ рѣшеннымъ.

Елизавета не подавала между тѣмъ признаковъ жизни. Лишь въ августѣ она послала къ маркизу одного изъ своихъ камергеровъ, по всей вѣроятности Воронцова; пробравшись ночью въ садъ посла, онъ рассказалъ ему, что цесаревна нѣсколько разъ пыталась его увидѣть. Садъ маркиза выходилъ на Неву; она три раза проѣзжала мимо въ лодкѣ, при чемъ приказывала трубить въ рогъ, чтобы привлечь его вниманіе. Она даже намѣревалась купить домъ по сосѣдству, но это намѣреніе стало извѣстнымъ и отъ него пришлось отказаться. Теперь она предлагала ему свиданіе на Петербургской дорогѣ, на слѣдующій день въ 8 часовъ вечера. Вооружившись перомъ съ «невъсыхающими чернилами» и копіей обязательства, требуемаго Нолькеномъ, Шетарди явился въ назначенное время на указанное

---

¹ С.-Северинъ къ Амело, 10 (21) апрѣля 1741 г. Арх. франц. Мин. Ин. Дѣлъ—Швеціи.

Зимній Дворецъ въ первой половинѣ XVIII столѣтія.

Съ гравюры М. И. Махеева.

мѣсто; тщетно прождавъ цесаревну до 11 ч., онъ убѣдился, что она посмѣялась надъ нимъ ¹.

Онъ съ грустью принялся готовиться къ отъѣзду, когда записка Остермана, сообщавшая ему важное извѣстіе, разстроила всѣ его планы. Швеція рѣшила не ждать болѣе дѣйствій Елизаветы.

— Это событіе не должно васъ удивить,—сказалъ вице-канцлеръ, при свиданіи съ маркизомъ. — Вы, вѣроятно, къ нему приготовлены.

Видъ у него былъ серьезный, но онъ «уже не ворочалъ глазами, показывая бѣлки», какъ въ предыдущихъ свиданіяхъ. Наоборотъ, онъ самымъ любезнымъ тономъ сообщилъ Шетарди, что вопросъ о церемоніалѣ рѣшенъ въ смыслѣ его желаній, и что императоръ приметъ его въ «особой и тайной аудіенціи». Маркизь помнилъ при этомъ, конечно, Константинополь и Вильнѣва, рѣшавшаго по своему усмотрѣнію участь великихъ визирей; такимъ образомъ объявленіе войны, на которую представитель Франціи въ Стокгольмѣ далъ десять милліоновъ, не считая щедротъ, розданныхъ «крестьянамъ» и «духовенству» ²—мѣстнымъ демократамъ—было причиной неожиданнаго возврата милостей къ представителю ея на берегу Невы.

Елизавета, въ свою очередь, сочла нужнымъ оказать ему любезность. Черезъ посредство секретаря шведскаго посольства она передала Шетарди, что только страхъ себя скомпрометировать помѣшалъ ей подписать извѣстное обязательство, но что подлинникъ его хранится у нея, и она подпишетъ его, «какъ только дѣло наладится настолько, что ей возможно будетъ сдѣлать это безобязанно». Она объявила себя также готовой возмѣстить Швеціи военныя издержки, выдавать ей впослѣдствіи опредѣленныя субсидіи, даже по мѣрѣ надобности тайно ссужать ее деньгами, и обѣщала не имѣть иныхъ союзниковъ, кромѣ Фран-

¹ 8 авг. 1741. Арх. франц. Мин. Ин. Дѣлъ, Vandal, *loc. cit.*, стр. 143.

² С.-Северинъ къ Амело, 28 іюля 1741. Мин. Ин. Дѣлъ—Швеція. Вандаль говоритъ (*loc. cit.*, стр. 144), что Мондамеръ, представитель короля въ Стокгольмѣ, продиктовалъ «выраженія объявленія войны». Это врядъ ли вѣрно: Швеція до этого еще не дошла! Но и Мондамеръ не былъ посломъ. Объявленіе войны послѣдовало 18 іюля н. ст., а С.-Северинъ уѣхалъ изъ Стокгольма 12-го слѣдующаго августа, поручивъ управленіе посольствомъ секретарю его, Мондамеру, до прибытія въ октябрѣ 1741 г. вновь назначеннаго посла, маркиза Ланмари.

ціи. Она считала, что «идеть дальше своихъ прежнихъ обѣщаній», но не упоминала вмѣстѣ съ тѣмъ ни единымъ словомъ о возвращеніи шведскихъ провинцій.

Забывъ недавній опытъ, маркизъ поспѣшилъ попросить у нея новаго свиданія на слѣдующій день. По дорогѣ къ графу Линару, онъ пройдетъ мимо крыльца цесаревны, и проситъ ее выйти сюда около половины перваго. Къ несчастью, на слѣдующій день шелъ дождь; свиданіе опять-таки не состоялось, и человѣкъ, управлявшій, по общему мнѣнію, широкими дипломатическими, военными и революціонными комбинаціями, гдѣ вмѣстѣ съ будущностью Россіи были поставлены на карту интересы грозной европейской коалиціи, направленной противъ Австріи, — бѣдный Шетарди въ слѣдующихъ выраженіяхъ жаловался своему коллегѣ въ Стокгольмѣ на безпомощность своего положенія:

«Я все еще не понимаю, чего, собственно говоря, отъ меня хочетъ Версальскій дворъ»¹.

Пружины, долженствовавшія привести эту коалицію въ движеніе, ускользали, повидимому, въ Петербургѣ отъ управленія и согласованія, и соглашеніе между двумя главными заинтересованными лицами зависѣло отъ измѣненія барометрическихъ показаній!

Это соглашеніе было невозможно, кромѣ того, и потому, что цесаревна все еще только заигрывала съ гвардейскими солдатами, отъ времени до времени раздавая имъ деньги и все еще боясь положиться на ихъ преданность. Дабы объяснить свою бездѣятельность, она жаловалась, что, объявляя войну, шведы не упомянули о томъ, что они поднимаютъ оружіе за ея права, и не поставили во главѣ войскъ молодого герцога Голштинскаго, какъ то было обѣщано Нолькеномъ. Въ сентябрѣ она черезъ посредника, назначавшаго Шетарди свиданія въ лѣсахъ, объявила ему, что у ней изсякли матеріальныя средства, и ей нужны 15 тысячъ червонцевъ. Шетарди поморщился, но согласился все-таки дать ей пока двѣ тысячи червонцевъ, занявъ ихъ у товарища, выигравшаго крупную сумму въ карты².

Вотъ къ чему сводилось предоставленіе въ распоряженіе цесаревны «казны и вліянія Франціи»!³

¹ С.-Северину, 26 авг. 1741 Мин. Арх. франц. Ин. Дѣлъ. Ср. Vandal, *loc. cit.*, стр. 146: «Съ той минуты составился заговоръ и Франція рѣшительно стала во главѣ его».

² Шетарди къ Амело, 2 сент. 1741. Арх. франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

³ Vandal, *loc. cit.*, стр. 139. Ср. Соловьевъ, XXI, 141.

Амело одобрилъ этотъ расходъ, но выразилъ опасеніе, что выданная сумма «не будетъ надлежащимъ образомъ употреблена». Имъ снова овладѣли сомнѣнія насчетъ силы и вѣса партіи, приверженной цесаревнѣ. Выраженное ею неудовольствіе по поводу герцога Голштинскаго онъ считалъ неумѣстнымъ и противорѣчающимъ ея собственнымъ интересамъ. Какую роль могъ играть нѣмецкій принцъ въ *національномъ* русскомъ движеніи? Притомъ король и королева шведскіе терпѣть его не могли ¹.

Въ октябрѣ, несмотря на полученные двѣ тысячи червонцевъ и на еще болѣе щедрыя обѣщанія маркиза Шетарди, Елизавета нашла, что ея иностранные союзники поддерживаютъ ее весьма недостаточно, и стала еще нерѣшительнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, тѣмъ болѣе, что война принимала неблагоприятный оборотъ для шведовъ. Манифестъ, наконецъ выпущенный ими, согласно желанію цесаревны, гдѣ они провозглашали себя защитниками ея правъ, не помѣшалъ Ласси одерживать надъ ними побѣду за побѣдой, а Версальскій дворъ, повидимому, не собирався прійти къ нимъ на помощь. Въ эту минуту, однако, въ Петербургѣ появился новый французскій агентъ, но Шетарди ничего не зналъ ни о его пріѣздѣ, ни о дѣлѣ, порученномъ ему. Посоль былъ уязвленъ, а въ цесаревнѣ его пріѣздъ пробудилъ надежды, оказавшіяся, однако, призранными. Вновь прибывшій агентъ, по фамиліи Давенъ, былъ снабженъ рекомендательнымъ письмомъ на имя жены французскаго художника Каравака, входившаго въ кругъ приближенныхъ Елизаветы. Увы! онъ оказался лишь сватомъ; искателемъ руки цесаревны былъ принцъ Конти, причемъ Версальскій дворъ не обнаруживалъ намѣренія поддержать его предложеніе ². Елизавета не была особенно имъ польщена. Въ данную минуту замужество было бы для нея вовсе несвоевременнымъ! Она съ еще большею горечью стала жаловаться на то, что Франція отъ нея отступилась, тогда какъ послѣдняя считала себя въ правѣ сложить на нее отвѣтственность за обоюдное разочарованіе. Амело

¹ Амело къ Шетарди, 8 окт. 1741. Ср. Vandal, *loc. cit.*, стр. 146.

² Письма принца Конти къ кардиналу Флѣри, 15 и 27 янв. 1742 г. Деша Амело къ Шетарди, 23 ноября 1741. Арх. франц. Мин. Ин. Дѣлъ. Фридрихъ II («Histoire de mon temps», 1789, гл. IV, стр. 130) ошибся относительно характера этого порученія и Вандаля (*loc. cit.*, стр. 146) раздѣлил его заблужденіе.

писалъ Шетарди: «Я до сихъ поръ не усматриваю ничего со стороны цесаревны, что заставило бы меня предположить, что усилія его величества дають требуемые результаты. Въмѣсто твердаго и опредѣленнаго плана я вижу лишь нерѣшительныя колебанія»¹.

Плана, дѣйствительно, не было и онъ такъ-таки никогда и не составился. А усилія его величества давали пока въ результатѣ лишь пораженіе шведовъ въ пользу прусскаго короля!

Впрочемъ, въ концѣ ноября Елизавета чрезъ новаго посланнаго сообщила маркизу Шетарди, что она готова привести заговоръ въ исполненіе въ согласіи со Швеціей. Но ей необходимы были для этого остальные тринадцать тысячъ червонцевъ изъ тѣхъ пятнадцати тысячъ, что она просила раньше. Шетарди отговорился тѣмъ, что имъ еще не полученъ отвѣтъ на его представленіе по этому поводу. Онъ глалъ,—онъ никакого кредита въ Версалѣ не испрашивалъ и просить не собирался. Постоянныя субсидіи французскими деньгами, проходившія будто бы чрезъ его руки въ руки цесаревны и питавшія заговоръ, относятся также къ области легенды. Скептицизмъ маркиза относительно партіи цесаревны и ея шансовъ на успѣхъ все болѣе и болѣе укрѣплялся. Нѣсколько дней спустя онъ, однако, сильно встревожился. Лестокъ, давно уже не посѣщавшій его, явился къ нему и своими рѣчами далъ ему понять, что Елизаветѣ придется, можетъ быть, «уступить силѣ теченія», т. е. нетерпѣнію гвардейскихъ солдатъ. Шетарди испугался. Онъ также признавалъ необходимость какого нибудь плана для выполненія заговора, но не видѣлъ и слѣда его. По его мнѣнію, надо было сговориться, установить общій планъ дѣйствій съ Франціей и Швеціей.

— Я согласна,—отвѣтила ему Елизавета чрезъ посредника.— Вы сами выберете подходящій моментъ.

Онъ предложилъ отправить въ Стокгольмъ посланнаго, чтобы выработать необходимыя мѣры и склонить правительство отдать Левенгаупту соотвѣтствующія приказанія. Но онъ не имѣлъ никакихъ иллюзій относительно результатовъ этого шага, усматривая въ немъ лишь продолженіе игры, длившейся безрезультатно ужъ болѣе года. Во время случайнаго свиданія съ Елизаветой при выходѣ ея изъ саней, она показала ему еще

¹ 7 декабря 1741. Арх. франц. Мин. Ин. Дѣль.

«настолько нерѣшительной», что, на всякій случай, и дабы она не вздумала вовсе отступить отъ своего намѣренія—что было бы несчастіемъ для Швеціи—онъ рѣшилъ напугать ее, сказавъ, что до него дошли свѣдѣнія о намѣреніи заключить ее въ монастырь.

Это было пугаломъ, которымъ Лестокъ и Шварцъ пользовались для устрашенія ея, подобно тому, какъ дѣтей пугаютъ букой, и Шетарди это зналъ.

Очень взволнованная, она объявила, что если ее доведутъ до крайности, то она покажетъ, что «въ ея жилахъ течетъ кровь Петра Великаго».

Разговоръ оживился и о переворотѣ заговорили, какъ о реальной возможности. Тутъ же составленъ былъ проскрипціонный списокъ. Шетарди посовѣтовалъ прежде всего арестовать Остермана, Миниха, сына фельдмаршала, барона Менгдена, графа Головкина, Левенвольда и ихъ приверженцевъ. Онъ не называлъ ни Линара, котораго въ данное время не было въ Петербургѣ, ни Юли Менгденъ, потому что, хотя онъ и превратился въ настоящаго заговорщика,—въ первый и послѣдній разъ въ жизни,—онъ все же оставался рыцаремъ. Онъ посовѣтовалъ цесаревнѣ надѣть панцырь въ нужную минуту. Но когда же надлежало дѣйствовать? Еще прежде рѣшено было отправить посланнаго въ Стокгольмъ, и теперь приходилось ждать, пока это мудрое рѣшеніе принесетъ ожидаемые плоды. Впрочемъ, въ самомъ Петербургѣ еще ничего не было готово. Елизавета съ этимъ согласилась. Не существовало ни плана, ни организаціи. Признаваясь въ этомъ, оба заговорщика какъ бы очнулись отъ сна, понявъ, что въ своемъ воображеніи они двигали призраками, что въ данную минуту ничего не было сдѣлано и дѣлать было нечего; они разошлись, ни на чемъ не остановившись ¹. Это происходило 22 ноября 1741 г., и роль маркиза Шетарди въ этой длинной интригѣ закончилась въ этотъ день. Нѣсколько часовъ спустя, подобно падающей лавинѣ, другіе элементы заговора, презираемые маркизомъ и большей частью ему неизвѣстные, внезапно пробудились къ дѣятельности, подъ вліяніемъ совершенно неожиданнаго стеченія обстоятельствъ; но онъ тутъ былъ не при чемъ и ничего не зналъ о случившемся, и ни Франція, ни Швеція не приняли никакого участія въ совершившемся событіи.

¹ Шетарди къ Амело 26 ноября (7 дек.) 1741. Арх. франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

IV.

На слѣдующій день былъ куртагъ. Елизавета появилась при дворѣ. Ея отношенія съ правительницей оставались учтивыми, даже сердечными. Поглощенная своею любовью къ Линару, привязанностью къ Юліи Менгенъ, приданое которой она готовила, своими заботами о дѣтяхъ, въ качествѣ хорошей матери-нѣмки и при ея все возрастающей склонности къ безпечной лѣни, Анна Леопольдовна принимала равнодушно или съ досадой доходящія до нея вѣсти объ интригахъ цесаревны. Только этимъ и объясняется парадоксальная безнаказанность этого заговора, совершенно открыто обнаруживавшагося въ казармахъ и проявлявшагося въ другихъ мѣстахъ ежедневными инцидентами въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Когда Линаръ, уѣзжая, посоветовалъ ей заключить Елизавету въ монастырь, она отвѣтила: «Къ чему это? Вѣдь все равно останется чортушка». Она подумывала молодого герцога Голштинскаго. Въ то время, какъ Остерманъ, побуждаемый Финчемъ, рассказывалъ ей о подозрительномъ поведеніи Лестока, она прервала его, съ гордостью показывая ему ленточки, пришитыя ею къ одеждѣ маленькаго императора. Она, впрочемъ, въ глубокой тайнѣ подготавливала событіе, которое, по ея мнѣнію, должно было положить конецъ честолюбивымъ замысламъ «чортушки» и его тетки. Мардефельдъ его предугадалъ и предупредилъ о немъ свой дворъ ¹: 9 декабря, въ день своихъ именинъ, она собиралась провозгласить себя императрицей и поручила Бестужеву составить третій манифестъ на этотъ случай, въ дополненіе къ двумъ другимъ, написаннымъ Тимирязевымъ ².

Тѣмъ не менѣе она рѣшила воспользоваться куртагомъ, чтобы объяснить съ цесаревной. Она только что получила важное письмо отъ Линара, содержащее довольно точныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Шетарди и Лестока. Прервавъ карточную игру, повидимому, очень интересовавшую Елизавету, она увлекла цесаревну въ уединенную гостиную, гдѣ слово въ слово повторила ей содержаніе письма. Елизавета была ошеломлена. Черезъ

¹ Деша королю, 3 декабря 1741. Тайный архивъ въ Берлинѣ.

² Мардефельдъ, 9 декабря 1741. Тайный Архивъ въ Берлинѣ. Ср. «Архивъ кн. Воронцовыхъ», XXV, 104.

одну грузинку, принадлежавшую къ челяди правительницы, и лакея Антона - Ульриха, ежедневно приходившаго съ донесеніями къ Шварцу, она знала все, что происходило во дворцѣ; оба шпіона прочитывали и письма, валявшіяся на столахъ ¹. Переписка Линара, очевидно, ускользала отъ ихъ наблюденія; потому - то цесаревна не была предупреждена и не успѣла приготовиться къ защитѣ. Она принялась убѣждать Анну Леопольдовну въ своей невинности: пусть скажутъ Шетарди, чтобы онъ больше не посѣщалъ ее; пусть арестуютъ Лестока и поступятъ съ нимъ, какъ онъ того заслуживаетъ, если онъ виновенъ. Она выдала головой своего сообщника и со слезами бросилась къ ногамъ правительницы. Анна Леопольдовна тоже заплакала, и обѣ женщины, смѣшавъ такимъ образомъ свои слезы и волненіе, разошлись довольно дружелюбно ².

На слѣдующій день, 23 ноября, рано утромъ Лестокъ прибѣжалъ къ Шетарди въ сильномъ волненіи. Надо дѣйствовать немедленно, а то все будетъ потеряно! Выслушавъ рассказъ объ инцидентѣ, вызвавшемъ

эту тревогу, посольскій отказался ее раздѣлнить. Въ прежнее время, когда онъ не представлялъ еще своихъ вѣрительныхъ грамотъ и не чувствовалъ себя подъ защитой дипломатической неприкосновенности, онъ также легко пугался и, въ виду опасности, грозившей ему, вслѣдствіе его участія въ заговорѣ, даже превратилъ свой домъ въ крѣпость. Находясь подъ двойной охраной своего оффиціального положенія и впечатлѣнія, произведеннаго на Остермана войной со Швеціей, онъ не усмотрѣлъ въ со об

Царевна Наталія Алексѣевна.

Съ портрета Л. Каравака.

(Большой Царекосельскій дворець).

¹ Соловьевъ, «Исторія Россіи», XXI, 147.

² Weudemeuer, III, 151; Шетарди, 7 декабря 1741. Арх. франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

щеніи хирурга ничего, что могло бы его *интересовать* — это слово встрѣчается въ одной изъ его депешъ ¹ — или взволновать. Получены ли извѣстія отъ Левенгаупта? Нѣтъ. Слѣдовательно, надо еще подождать. Онъ предполагалъ даже отсрочить приведеніе заговора въ исполненіе на цѣлый мѣсяць, довольно открыто обнаруживая главную свою заботу: охрану интересовъ Швеціи и попутно и Франціи въ этомъ дѣлѣ; успѣхъ заговора казался ему сомнительнымъ и маловѣроятнымъ, но существованіе его являлось само по себѣ преимуществомъ для обѣихъ державъ, ослабляя общаго врага.

Лестокъ ушелъ отъ него въ уныніи. Его осаждали инныя заботы. Онъ зналъ черезъ своихъ шпионовъ, что наканунѣ рѣшено было его арестовать; Остерманъ просилъ лишь, чтобы предварительно удалили изъ Петербурга Преображенскій полкъ, опасаясь, чтобы въ немъ не вспыхнуло возмущеніе по этому поводу. Предлогомъ къ тому служилъ предстоявшій походъ на шведовъ. Отправившись въ ресторанъ, по всей вѣроятности, въ трактиръ Иберкампа, на Милліонной, гдѣ продавались флиссингенскія устрицы, парижскіе парики и вѣнскіе экипажи, и гдѣ онъ, обыкновенно, сходилъ съ друзьями, Лестокъ узналъ, что всѣмъ гвардейскимъ полкамъ только что отданъ приказъ о выступленіи. Это было равносильно разрушенію заговора и его собственной гибели. Онъ ужъ чувствовалъ кнутъ на спинѣ. Онъ бросился къ Елизаветѣ. Занимаясь рисованіемъ въ часы досуга, онъ набросалъ какъ-то аллегорическую картину, изображавшую цесаревну въ двухъ видахъ: съ одной стороны сидящую на тронѣ, съ короной на головѣ, съ другой — въ монашескомъ одѣяніи и окруженную орудіями пытки. Онъ показалъ ей рисунокъ; подъ нимъ она прочла надпись: «Выбирайте!» Она все еще была въ нерѣшительности, когда явилось нѣсколько гвардейскихъ солдатъ, тоже находившихъ, что слѣдуетъ или тотчасъ же приступить къ дѣйствіямъ, или вовсе отказаться отъ своихъ намѣреній. Сержантъ Грюнштейнъ держалъ рѣчь отъ ихъ лица и былъ особенно краснорѣчивъ. Лестокъ подкрѣпилъ его слова весьма убѣдительнымъ доводомъ: «Я чувствую, что все скажу подъ кнутомъ!» ².

¹ 7 декабря 1741. Ср. Vandal, *loc. cit.*, стр. 154.

² Мардефельдъ, 19 декабря 1741 г. Ср. «Русскій Вѣстникъ», 1842 г. апрѣль. (Выписки изъ портфеля Малиновскаго въ Московскомъ архивѣ Коллегіи Иностр. Дѣлъ).

Елизавета, наконецъ, рѣшилась, и исполненіе заговора было назначено на слѣдующую ночь. Вечеромъ участники его должны были обойти казармы и, если настроеніе окажется благопріятнымъ, приступить къ дѣйствіямъ. Грюнштейнъ считалъ необходимымъ послѣднюю раздачу денегъ. Елизавета порылась въ шкапулкахъ; у нея было всего триста рублей. Лестокъ снова поскакалъ къ Шетарди и ничего отъ него не добился. Живя широко, тратя деньги безъ счету, самъ маркизь всегда въ нихъ нуждался. По крайней мѣрѣ онъ сослался на скудость своихъ средствъ, справедливо казавшуюся неправдоподобной. Онъ обѣщалъ двѣ тысячи рублей на слѣдующій день, рассчитывая на любезность партнера, выигравшаго въ карты. Такимъ образомъ принцъ Конти имѣлъ основаніе писать впослѣдствіи: «Революція (въ Россіи) произошла *безъ нашего участія*», добавляя при этомъ, что посланнику короля было непростительно не воспользоваться создавшимся положеніемъ и, проявивъ столько смѣлости въ другихъ дѣлахъ, показать себя столь «неповоротливымъ» тогда именно, когда смѣлость была бы чрезвычайно умѣстна ¹.

Мардефельдъ, упоминавшій въ своихъ докладахъ о шести-стахъ тысячахъ дукатовъ и «о драгоцѣнностяхъ и нарядахъ» на тридцать шесть тысячъ, присланныхъ цесаревнѣ Франціей, тоже сознался впослѣдствіи въ своей ошибкѣ. Лестокъ вернулся отъ Шетарди съ пустыми руками, и Елизаветѣ пришлось положить свои драгоцѣнности ².

V.

Въ одиннадцать часовъ вечера, Грюнштейнъ и его товарищи вновь появились у Елизаветы съ весьма благопріятнымъ докладомъ: гвардейцы рады были дѣйствовать, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ ихъ рѣшили удалить изъ столицы и отправить въ зимній походъ. Рискуя жизнью и тутъ и тамъ, они предпочитали войнѣ революцію. Лестокъ послалъ двухъ людей къ Остерману и Миниху разузнать, не забили ли тамъ тревоги: ничего подозрительнаго они не замѣтили. Самъ онъ отправился въ Зимній дворецъ; въ окнахъ комнаты, которая, по его предположенію, была спальней правительницы, свѣта не было. Какъ

¹ Къ Флери, 26 и 30 января 1742 г. Арх. франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

² Королю, 6 февраля 1742 г. Тайный архивъ въ Берлинѣ.

извѣстно, Анна Леопольдовна постоянно мѣняла опочивальню. Вернувшись къ Елизаветѣ, онъ нашелъ ее молящейся передъ иконою Богоматери. Впослѣдствіи было высказано предположеніе, что она именно въ эту минуту и дала обѣтъ отмѣнить смертную казнь, въ случаѣ удачи опаснаго предпріятія.

Въ сосѣдней комнатѣ собрались всѣ ея приближенные: Разумовскіе, Петръ, Александръ и Иванъ Шуваловы, Михаилъ Воронцовъ, принцъ Гессенъ-Гомбургскій съ женой и родные цесаревны: Василій Салтыковъ, дядя Анны Иоанновны, Скавронскіе, Ефимовскіе и Гендриковы. Имъ пришлось ее подбадривать, а Лестоку удвоить свое краснорѣчіе и энергію, въ виду того, что въ послѣднюю минуту у нея все еще не хватало мужества и рѣшимости. Онъ надѣлъ ей на шею орденъ св. Екатерины, самъ вложилъ ей въ руки серебряный крестъ и вывелъ ее изъ дома. У двери стояли сани; она сѣла въ нихъ вмѣстѣ съ хирургомъ; Воронцовъ и Шуваловы стали на запятки, и они понеслись во весь духъ по пустыннымъ улицамъ города, направляясь къ казармамъ преображенцевъ, гдѣ теперь стоитъ соборъ Спаса Преображенія. Алексѣй Разумовскій и Салтыковъ слѣдовали въ другихъ саняхъ вмѣстѣ съ Грюнштейномъ и его товарищами. Мало вѣроятно, чтобъ это маленькое шествіе остановилось по дорогѣ у дома Шетарди, и чтобъ Елизавета нашла нужнымъ предупредить посла о томъ, что она была «на пути къ славѣ». Первый рапортъ маркиза о переворотѣ, хотя и весьма обстоятельный, не упоминаетъ о подобномъ эпизодѣ, который былъ бы совершенно ненужнымъ и крайне опаснымъ. Посолъ жилъ не одинъ въ своемъ домѣ; застигнутый врасплохъ, онъ не могъ бы принять мѣръ предосторожности противъ тревоги, которая пробудилась бы въ его приближенныхъ и, такимъ образомъ, несомнѣнно распространилась бы и далѣе. Дневникъ секретаря посольства Морамбера и еще болѣе подробная историческая записка, составленная въ 1754 г.¹ для французскаго правительства, тоже ничего не говорятъ по этому поводу. Шетарди вставилъ эту подробность лишь въ послѣдующемъ письмѣ, дабы объяснить, почему, будучи застигнутъ врасплохъ неожиданной развязкой заговора, онъ не имѣлъ возможности вовремя оказать требуемой отъ него денежной помощи.

¹ «Mémoires et documents. Russie», т. I, фол. 192; т. IX, фол. 38; Арх. франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

Можетъ быть, однако, ночное посѣщеніе посольства, какъ оно ни было неосторожно, и составляло часть той картинной обстановки переворота 25 ноября, которой Елизавета справедливо придавала такое большое значеніе. Она летѣла къ славѣ подъ эгидой Франціи, — только что отказавшей ей въ двухъ тысячахъ рубляхъ на это завоеваніе!

Сани остановились передъ сѣзжей избой полка, гдѣ непредупрежденный ни о чемъ караульный забилъ тревогу: настолько

Императрица Анна Іоанновна.

Съ портрета Л. Каравака.

(Большой Царскосельскій Дворецъ).

заговоръ былъ неподготовленъ. Лестокъ кулакомъ прорвалъ его барабанъ, тогда какъ тринадцать гренадеръ, посвященныхъ въ тайну, разбѣжались по казармамъ, чтобы предупредить своихъ товарищей. Здѣсь были одни лишь солдаты, помѣщавшіеся въ отдѣльныхъ деревянныхъ домахъ. Офицеры всѣ жили въ городѣ, и лишь одинъ изъ нихъ дежурилъ по очереди въ казармахъ. Въ нѣсколько минутъ собралось нѣсколько сотъ человѣкъ. Большинство изъ нихъ не знало еще, въ чемъ дѣло.

Елизавета вышла изъ саней.

— Узнаете ли вы меня? Знаете ли вы, чья я дочь?

— Знаемъ, матушка!

— Меня хотятъ заточить въ монастырь. Готовы ли вы пойти за мной, меня защитить?

— Готовы, матушка; всѣхъ ихъ перебьемъ!

— Не говорите про убійство, а то я уйду; не хочу я ничьей смерти.

Солдаты были изумлены и смущены. Но она поняла, что они въ ея рукахъ. Она подняла крестъ.

— Клянусь въ томъ, что умру за васъ. Цѣлуйте и мнѣ крестъ на этомъ, но не проливайте напрасно крови.

— Клянемся!

Они бросились прикладываться ко кресту; тѣмъ временемъ арестовали дежурнаго офицера, прибѣжавшаго со шпагой на-голо, но сопротивленія не оказавшаго.

Разсказывая этотъ прологъ къ государственному перевороту, современники, можетъ быть, кое въ чемъ и увлеклись, но одна и та же версія повторяется почти неизмѣнно во всѣхъ разсказахъ, и такъ какъ она согласна съ характеромъ дѣйствующихъ лицъ и съ современными нравами, его я считаю ее правдоподобной.

Совершивъ обрядъ присяги, Елизавета молвила: «Пойдемъ!» Послѣдующая программа была указана прецедентами, начертана, такъ сказать, революціоннымъ протоколомъ, подробности котораго только что были установлены Минихомъ при низложеніи имъ Бирона. Около трехъ сотъ человѣкъ отправились вслѣдъ за цесаревной вдоль Невскаго проспекта.

На Адмиралтейской площади она вышла изъ саней и пошла пѣшкомъ. Но ея маленькія ноги вязли въ снѣгу, и гренадеры зароптали:

— Мы что-то тихо идемъ, матушка!

Она позволила двумъ солдатамъ поднять ее и понести на рукахъ. У Зимняго дворца Лестокъ отдѣлилъ двадцать пять человѣкъ, получившихъ приказаніе арестовать Миниха, Остермана, Левенвольда и Головкина. Восемь другихъ гренадеровъ пошли впередъ. Зная пароль, они притворились, что совершаютъ ночной обходъ, и набросились неожиданно на четырехъ часовыхъ, охранявшихъ главный входъ. Окоченѣвъ отъ холода и запутавшись въ своихъ широкихъ шинеляхъ, часовые легко дали себя обезоружить.

жить. Заговорщики вошли во дворецъ, направляясь прямо въ кордегардію. Офицеръ крикнулъ: «на караулъ!» Его свалили на полъ, при чемъ, какъ рассказываютъ, Елизавета отвела въ сторону штыкъ, чуть было не пронзившій его, и поднялись въ покои правительницы. Линарь былъ въ отсутствіи, и она спала рядомъ съ мужемъ, хотя и была съ нимъ въ то время въ очень дурныхъ отношеніяхъ, если вѣрить Мардефельду. Они другъ съ другомъ не разговаривали, но были точны въ исполненіи супружескихъ обязанностей ¹.

Когда они ложились спать, Левенвольдъ, какъ утверждаютъ, предупредилъ Анну Леопольдовну о грозившей ей опасности; но она обозвала его сумасшедшимъ и заснула глубокимъ сномъ. Одинъ гренадеръ, впоследствии замѣшанный въ заговоръ противъ самой Елизаветы — его фамилія была Ивинскій — грубо разбудилъ несчастныхъ. Елизавета запретила тревожить Иоанна VI; но вскорѣ поднявшійся кругомъ шумъ пробудилъ ребенка. Его кормилица принесла его въ кордегардію, гдѣ дочь Петра Великаго, взявъ его на колѣни, умилилась надъ нимъ.

— Бѣдный невинный младенецъ! Твои родители одни виноваты.

Она увезла его въ своихъ саняхъ, возвращаясь по Невскому проспекту, уже усѣянному хлынувшимъ народомъ, привѣтствовавшимъ ее криками: ура! Слыша радостные возгласы, ребенокъ развеселился и, улыбаясь той, что отняла у него корону, онъ запрыгалъ у ней на рукахъ ².

Цесаревна Елизавета Петровна.

Съ портрета Л. Каравака.

(Большой Царскосельскій Дворецъ).

¹ Королю 19 дек. 1741. Тайный архивъ въ Берлинѣ.

² Шетарди, 7 дек. 1741 г. арх. франц. Мин. Ин. Дѣлъ; Мардефельдъ, декабрьская переписка 1741 г. Тайный Архивъ въ Берлинѣ; Ср. Соловьевъ, «Исторія Россіи», XXI, 146 и слѣд.; «Архивъ кн. Воронцова», V, I и слѣд. (Авто-

Со смерти Петра Великаго,—воцареніе внука котораго также не было вполне правильнымъ,—это былъ, на протяженіи пятнадцати лѣтъ, пятый или шестой переворотъ, совершенный нѣсколькими честолюбцами съ помощью горсти буйныхъ солдатъ. Въ другихъ трудахъ я указалъ, вмѣстѣ съ причиною этихъ періодическихъ кризисовъ, и на то, что позволило странѣ вынести ихъ,—именно на огромную силу сопротивленія, таившуюся въ организмѣ, находившемся въ періодѣ формации, при чемъ кризисы эти, подобно болѣзнямъ роста, сопровождали его развитіе, не задерживая его.

Ноябрьская революція 1741 г. по составлявшимъ ея элементамъ,—воззванію къ мятежу, участію иностранцевъ и подкупу во всѣхъ его видахъ,—была въ принципѣ самой предосудительной изъ всѣхъ и, повидимому, самой угрожающей для будущности народа. Что могъ онъ ожидать отъ императрицы, достигшей трона при содѣйствіи распутныхъ гренадеровъ, отъ дочери Петра Великаго, подготавливавшей заговоръ, сообразуясь съ движеніями шведской арміи, официально отправленной въ походъ въ пѣляхъ облегченія его осуществленія?

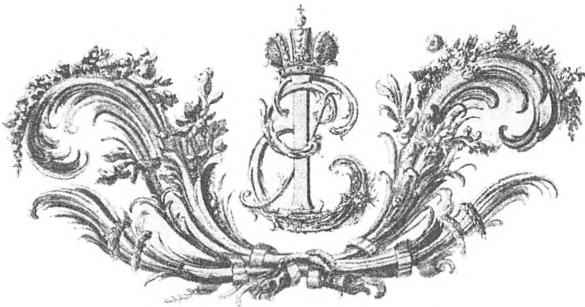
Однако, какъ мы видѣли, и честолюбіе Елизаветы, и слабость Анны Леопольдовны не шли дальше извѣстной границы, за которой наслѣдію Великаго Петра грозила бы дѣйствительная опасность. Какъ ни жаждала цесаревна власти, она все же не рѣшилась на сдѣлку, безвозвратно погубившую бы это наслѣдіе. Армія Ласси, хотя и плохо руководимая и еще хуже снабженная, все же отбросила врага. Такъ, несмотря на самыя худшія случайности, страна, съ толпой авантюристовъ и авантюристокъ во главѣ, ожесточенно оспаривавшихъ другъ у друга управленіе ею, не сдавалась, шла по самому краю бездны, не проваливаясь въ нее, впитывала самыя опасныя яды, отбрасывая смертельныя его части, удерживалась на склонѣ непоправимыхъ паденій инстинктомъ самосохраненія, сила котораго является какъ у отдѣльныхъ лицъ, такъ и у націи самымъ вѣрнымъ признакомъ и мѣриломъ ихъ жизненности.

біографическая замѣтка гр. А. Воронцова); Позье, Записки, «Русская Старина», 1870, I, 86 и слѣд.—Согласно нѣкоторымъ историкамъ, а именно Charpe d'Auteoche («Voyage en Sibérie», I, 187), Анна Леопольдовна и Елизавета увидѣлись въ эту минуту; въ очень рѣдкой книгѣ, озаглавленной «Merkwürdige Geschichte... Elisabeth der Ersten», 1759, одна гравюра изображаетъ Елизавету, самолично арестовывающую правительницу, ухватившуюся за свои одѣяла.

Эта внутренняя упругость свойственна всѣмъ народамъ въ ранніе часы ихъ исторіи. Въ XV и XVI столѣтіяхъ Польша испытала кризисы анархіи болѣе сильныя, чѣмъ тѣ, что свели ее въ могилу. Но она была тогда молода. Въ своей болѣе долгой эволюціи, Россія XVIII вѣка дожила лишь до весны своей жизни, не окончившейся и по нынѣшнее время. Ея молодость и была ея спасеніемъ между 1725 и 1742 годами. Она не допустила отравленія главныхъ органовъ своего мощнаго тѣла и позволила здоровымъ его частямъ сохранить свою силу и восторжествовать въ той долгой выработкѣ національнаго генія и патріотизма, чудесное развитіе которыхъ мы теперь изучаемъ. Вступая въ переговоры съ Нолькеномъ, Елизавета, несомнѣнно, не болѣе тщательно заботилась объ интересахъ своей родины—что она и доказала неоднократно впоследствии,—чѣмъ польскіе вельможи, пріѣзжавшіе въ Петербургъ для подобныхъ же сдѣлокъ. Но ее останавливало чувство, чуждое имъ, и она открыто говорила, какое: страхъ отвѣтственности передъ общественнымъ мнѣніемъ.

Ласси былъ лишь наемникомъ, но онъ стоялъ во главѣ людей, которые растерзали бы его, еслибъ онъ не совершилъ своего долга передъ лицомъ врага. Такимъ образомъ, не принимая прямого участія въ движеніи, приведшемъ въ Зимній дворецъ общницу Лестока, Шварца и Грюнштейна, національное русское чувство,—т. е. смутное и еще непродуманное, но мощное сознание общихъ интересовъ и обязанностей,—сказалось въ немъ, обуздывая нѣкоторыя его крайности, и могло по справедливости приписать себѣ долю побѣды при водвореніи новаго режима.

Монограмма на заглавномъ листѣ
«Описанія коронованія императрицы Елизаветы Петровны».

Рѣдкая медаль въ память восшествія
на престолъ Елизаветы Петровны.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Восшествіе на престолъ.

I. Ночь съ 25-го на 26-ое ноября. — Пробужденіе князя Шаховскаго. — Во дворцѣ новой императрицы. — *Sedat toga armis!* — Манифесты. — Права Елизаветы. — II. Бывшій императоръ. — Семейство принцевъ Брауншвейгскихъ. — Дорога въ ссылку. — Холмогоры. — Смерть Іоанна III. — Остальные члены семьи. — Освобожденіе. — Въ Даніи — III. Другія жертвы переворота. — Приговоры къ смертной казни. — Остерманъ на эшафотѣ. — Полу-помолованіе. — Бывшій канцлеръ въ Березовѣ. — Минихъ въ Пелымѣ. — Торжественное возвращеніе. — Манштейнъ. — Левенвольдъ. — Головкинъ. — Женскій элементъ. — IV. Новый штатъ. — Упраздненіе Кабинета. — Возвращеніе Сенату его прежняго значенія — *Какъ было при Петрѣ Великомъ*. — Возвращенные изъ ссылки. — Долгорукіе. — Красавецъ Шубинъ. — Лейбъ-кампанія. — Торжества и крайности милитаризма. — Столкновенія. — Націонализмъ и нѣмецкій элементъ. — V. Коронаваніе. — Прибытіе принца Голштинскаго. — Путешествіе въ Москву. — Церемоніи и празднества. — Герцогъ Голштинскій провозглашается наследникомъ престола. — Нѣмец ли онъ или Русскій? — Роковыя послѣдствія дѣла Петра Великаго. — Прорубленное въ Европу окно. — Германія въ Россіи. — Будущее.

I.

Восшествіе на престолъ.

Темная ночь; улица Петербурга, тихая и пустынная, подъ толстымъ снѣжнымъ покровомъ, въ морозномъ воздухѣ сѣверной зимы; заворачивая изъ темнаго переулка, показывается толпа солдатъ въ сопровожденіи молодой и хорошенькой женщины...

Опять-таки анекдотъ!...

Но спрашиваю себя, какъ бы я могъ избѣгнуть этого анекдота? Привести, говоря объ исторической ночи 25—26 ноября 1741 г., официальные манифесты, возвѣстившіе Россіи и Европѣ о восшествіи на престолъ дочери Петра Великаго? Это было бы конечно менѣе картинно, въ болѣе *строгомъ* вкусѣ, какъ этого желаютъ нѣкоторые мои читатели—и совершенно невѣрно. Единственная, абсолютная истина—это именно описанная мною ночная экспедиція, съ виду банальная и двусмысленная, женщина въ сопровожденіи нѣсколькихъ гренадеръ; затѣмъ часовые, оглушенные у входа во дворецъ, другая женщина, извлеченная изъ постели, ребенокъ, взятый изъ колыбели; въ общемъ,—для того, чтобы положить конецъ регентству Анны Леопольдовны, свергнуть съ престола Іоанна III и возвести на престолъ Елисавету,—почти дословное повтореніе драмы, за годъ до того низложившей Бирона.

Дворцовыя драмы, начинающіяся въ казармахъ; распри между женщинами и фаворитами; поединки между авантюристами и иноземными династіями; заговоры, революціи, убійства, въ которыхъ Россія погрязала почти цѣлое столѣтіе, словно въ обрывистомъ и тинистомъ руслѣ потока, какъ мнѣ вычеркнуть васъ изъ исторіи?

Съ восшествіемъ на престолъ Елисаветы мы приблизились къ нѣсколько менѣе бурному промежутку времени, но споткнувшись о весьма неприглядный порогъ! Въ предыдущей главѣ я описалъ первые фазисы переворота, спѣшный заговоръ, захватъ Зимняго дворца и безпрепятственное плѣненіе его обитателей. Одинъ очевидецъ этого событія оставилъ намъ описаніе послѣдующихъ часовъ.

Князь Яковъ Шаховской, приверженецъ Бирона въ царствованіе Анны Іоанновны, затѣмъ сторонникъ Волынскаго, когда звѣзда фаворита стала меркнуть, былъ человекъ ловкій. Ставъ регентомъ послѣ смерти Анны, Биронъ не поставилъ ему въ укоръ его измѣны, и вскорѣ такъ былъ очарованъ новыми доказательствами преданности съ его стороны, что назначилъ своего вчерашняго противника на мѣсто полицмейстера. Когда регентство закончилось катастрофой, Шаховской безпрекословно позволилъ перевести себя на мѣсто помощника полицмейстера. Вскорѣ въ силу заступничества всемогущаго родственника, Головкина, ему предоставлено было, въ ожиданіи лучшаго, мѣсто въ Сенатѣ.

Онъ крѣпко надѣялся, что долго ему ждать не придется. Карьеры дѣлались въ то время въ Россіи съ головокружительной быстротой. 25 ноября 1741 г. онъ обѣдалъ у Головкина; гостей обоего пола было болѣе ста человѣкъ; послѣ обѣда были танцы, затѣмъ ужинъ. Вернувшись домой въ часъ ночи, сенаторъ уснулъ было глубокимъ сномъ, когда сильные удары въ ставни и громкій зовъ разбудили его. Онъ узналъ голосъ одного сенатскаго пристава.

— Что такое?

— Ваше сіятельство, вставайте!

— Зачѣмъ?

— Чтобы присягать цесаревнѣ Елизаветѣ, только что вступившей на престолъ.

Опять катастрофа, опять перемѣна, опять начинать карьеру съ начала!

Карета Якова Петровича не могла пробиться сквозь толпу, окружавшую дворецъ. Не взирая на сильный морозъ, обыватели и солдаты запрудили площадь, тѣснясь у зажженныхъ большихъ костровъ и распивая водку. Ему пришлось сойти и, завязавъ въ снѣгу, протискаться до входа во дворецъ, къ которому одновременно подходилъ одинъ изъ его товарищей Алексѣй Дмитриевичъ Голицынъ.

— Какъ это сдѣлалось?

— Не знаю.

Лишь въ третьей залѣ они узнали нѣкоторыя подробности отъ Петра Ивановича Шувалова, одного изъ героевъ минувшей ночи. Но тотчасъ же изъ сосѣдней группы, состоявшей изъ офицеровъ, послышался ироническій и презрительный голосъ.

— Сенаторы! Что теперь скажете, сенаторы? ¹

То былъ лозунгъ новаго режима. *Cedat toga armis!* Въ отдаленіи, окруженная другой группой офицеровъ, недоступная, Елизавета сіяла радостью, весело разговаривая и звонко смѣясь среди бряцанья сабель и шпоръ...

Она захватила власть, но на какихъ основаніяхъ? Никто не зналъ. Сама она того не знала. Послѣ принесенія присяги въ церкви Зимняго дворца, уступая желанію толпы, требовавшей ея появленія, она вышла на балконъ, держа ребенка на рукахъ.

¹ «Записки кн. Якова Шаховскаго», 1810 г., т. I стр. 67 и слѣд.

Императрица Елизавета Петровна въ коронаціонномъ костюмѣ.

Съ портрета Л. Каравака и гравюры І. Штенглина.

То былъ маленькій Іоаннъ. Императоръ? Казалось, что окончилось лишь регентство Анны Леопольдовны, и что тетка заняла мѣсто матери вплоть до совершеннолѣтія государя. Тутъ же изданный манифестъ не разсѣялъ недоразумѣнія. Елизавета въ немъ возвѣщала, что вслѣдствіе безпорядковъ, происшедшихъ во время малолѣтства Іоанна, ея вѣрные подданные, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, и главнымъ образомъ гвардейскіе полки, единогласно просили ее занять престолъ. Но она не поднимала вопроса о своихъ правахъ на престолъ и не произнесла слова «императрица». Но внутри дворца солдаты кричали во весь голосъ это слово, и на площади безсознательная толпа вторила имъ. Какъ бы повинуваясь волѣ народа, Елизавета, вѣроятно, тутъ и почерпнула поощреніе, въ которомъ нуждалась. Въ десять часовъ утра она объявила Шетарди, что ее только что признали императрицей. вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы спрашивая совѣта, она разрѣшила страшный вопросъ:

«Что сдѣлать съ *принцемъ* Брауншвейгскимъ?»

Императора уже не существовало.

Шетарди отвѣтилъ, не колеблясь: «Надо употребить всѣ мѣры, чтобы уничтожить даже слѣды царствованія Іоанна III».

Въ два часа послѣдовалъ новый вопросъ: «Какія предосторожности принять относительно иностранныхъ государствъ?» Отвѣтъ: «Задержать всѣхъ курьеровъ, пока ваши собственные посланные не успѣютъ объявить о совершившемся событіи».

Не посмѣвъ вступить въ игру, пока карты не были раскрыты, Шетарди съ тѣмъ большей рѣшительностью проявилъ теперь желаніе принять въ ней участіе. Между тѣмъ гренадеры стояли на часахъ, съ заряженными ружьями и на-чеку даже въ самой спальнѣ императрицы. Не слѣдовало ли ожидать контръ-революціи?

Лишь 28 ноября новый манифестъ разсѣялъ недоумѣніе публики. Въ немъ, наконецъ, упоминалось о *правахъ* Елизаветы, основанныхъ на завѣщаніи Екатерины I. Послѣ Петра II и за неимѣніемъ дѣтей отъ него, оно указывало, какъ на законныхъ наслѣдниковъ, на цесаревну Анну Петровну, старшую сестру Елизаветы съ ея потомствомъ, и затѣмъ на Елизавету съ ея потомствомъ. Но развѣ Анна Петровна, скончавшаяся въ 1728 г., не оставила послѣ себя дѣтей? Вѣдь, существовалъ сынъ отъ ея брака съ герцогомъ Голштинскимъ. Не слѣдовало ли ему царствовать? Нѣтъ; воспитываясь въ Килѣ въ протестантской религіи, онъ попадалъ подъ заключительный пунктъ завѣща-

нія, устранившій отъ престола—наслѣдниковъ не православнаго вѣроисповѣданія. Вызвавъ его впоследствии въ Петербургъ и назначивъ его своимъ преемникомъ, Елизавета прежде всего перевела его въ лоно православной церкви. Но, сдѣлавъ это, не слѣдовало ли ей тотчасъ же уступить ему мѣсто? Одинъ историкъ утверждаетъ, что она о томъ подумывала, приготовивъ себѣ даже убѣжище въ Воскресенскомъ монастырѣ, будто бы выстроенномъ ею съ этою цѣлю на берегахъ Невы¹. Оставляю на немъ отвѣтственность за это утверженіе.

Въ манифестѣ было объявлено, что *принцъ* Іоаннъ и его семья отправлены обратно въ Германію съ соотвѣтственными ихъ званію почестями. Дочь Петра Великаго, повидимому, дѣйствительно имѣла намѣреніе это сдѣлать. Сообщу ниже, какимъ влияніямъ она уступила, отказавшись отъ него, обременивъ тѣмъ захватъ власти излишнимъ проявленіемъ насилія и жестокости и добавивъ къ темнымъ главамъ исторіи своей страны одну изъ самыхъ ея горестныхъ страницъ.

II.

Брауншвейгская фамилія.

Это семейство, происшедшее отъ брака одной изъ внучекъ старшаго брата Петра Великаго, Іоанна V², съ принцемъ Брауншвейгскимъ, состояло въ ту минуту изъ низверженнаго императора, его младшей сестры Екатерины и ихъ отца и матери, принца Антона-Ульриха Брауншвейгскаго и принцессы Анны Леопольдовны Мекленбургской, бывшей правительницы. Первоначальныя намѣренія Елизаветы относительно ихъ были милостивы. Изгнанники должны были получить 30.000 рублей на путешествіе и 50.000 руб. ежегодной пенсіи. Василій Федоровичъ Салтыковъ, которому поручено было сопровождать ихъ, получилъ приказаніе ѣхать не останавливаясь и объѣзжая большіе города. Увы! моимъ читателямъ уже извѣстны случайности подобныхъ путешествій въ Россіи; постоянныя перемѣны и отмѣны данныхъ

¹ Büsching, «Gründlich ersuchte Ursachen der Regierungsveränderungen in dem Hause Romanov», 1767 г., стр. 39.

² Онъ именовалъ себя такъ, какъ пятый *царь* этого имени, тогда какъ сынъ Анны Леопольдовны назывался Іоанномъ III, какъ третій *императоръ* того же имени.

распоряженій на пути къ изгнанію, усугубляли горечь и ужасъ его. На первой же станці курьеръ догналъ Салтыкова и передалъ ему приказаніе не спѣшить и останавливаться по нѣсколько дней въ каждомъ городѣ вплоть до Риги. Елизавета уже пожалѣла о первомъ своемъ порывѣ и хотѣла дать себѣ время на размышленіе. Въ Ригѣ послѣдовалъ опять сюрпризъ: приказаніе оставаться на мѣстѣ впредь до новыхъ распоряженій. Существовала нѣкоторая связь между этими переменами и этапами другого путешествія—того, что совершалъ въ то же время въ обратномъ направленіи будущій наслѣдникъ престола, «Голштинскій чортушка», какъ называла его Анна Іоанновна. Елизавета опасалась, пожалуй, что нѣмецкая родня изгнанной семьи задержитъ по пути этого второго узурпатора, и она оставила на всякій случай заложниковъ. Этотъ расчетъ, если онъ и существовалъ, осложнялся еще другими соображеніями. Бывшаго императора и его родителей не только задержали въ Ригѣ, но и заточили въ тюрьму. Вскорѣ мысль объ отправкѣ ихъ на родину была вовсе оставлена.

По существующимъ предположеніямъ, хирургъ и наперсникъ Елизаветы, Лестокъ, былъ отчасти виновенъ въ этомъ событіи. Но мы находимъ слѣды и другихъ совѣтовъ, данныхъ Елизаветѣ въ этихъ щекотливыхъ обстоятельствахъ и стремившихся доказать ей, что, выпуская изъ рукъ сверженнаго императора, она не будетъ твердо сидѣть на престолѣ. Въ особенности Фридрихъ II прилагалъ всѣ старанія, чтобы убѣдить ее въ этомъ. Самъ женатый на принцессѣ Брауншвейгской, что онъ не забывалъ подчеркивать въ предыдущее царствованіе, хотя ненавидѣлъ свою жену и ея семью, онъ тѣмъ не менѣе съ большимъ рвеніемъ силился устранить отъ себя всякое подозрѣніе въ симпатіяхъ къ молодому принцу, приходившемуся ему племянникомъ. Салтыковъ, самъ по себѣ хорошій человекъ, имѣлъ въ числѣ своихъ подчиненныхъ — лицъ, желавшихъ подслужиться. Они стремились усилить тревогу императрицы. Такъ, она узнала, что Анна Леопольдовна дурно обращалась съ начальникомъ своего конвоя, что прислуга будто бы спрашивала маленькаго принца: «Кому, батюшка, голову отсѣчешь?» А ребенокъ отвѣчалъ: «Василию Феодоровичу».

Салтыковъ тщетно отрицалъ это. «Маленькій принцъ почти ничего не говоритъ», утверждалъ онъ. Елизавета ему не вѣрила. Въ теченіе всего своего царствованія ее преслѣдовалъ

призракъ сверженнаго соперника. Австрія, Швеція, даже Пруссія, казалось ей, вступались за него. Позднѣе, согласно нѣкоторымъ даннымъ, она даже подумывала о бракѣ съ грознымъ призракомъ, съ тѣмъ, чтобы избавиться отъ этого навожденія¹. Но въ это время, оставляя несчастную семью въ Ригѣ, она совѣтовалась со всѣми, даже съ Бирономъ, возвращеннымъ ею изъ ссылки, причѣмъ она поселила его въ Ярославль, запретивъ ему прїѣздъ въ столицу и ко двору, какъ поступить съ принцами Брауншвейгскими. Можетъ, быть регентъ и внушилъ ей ея окончательное рѣшеніе². 13 декабря 1742 г. вся семья была перевезена въ большой тайнѣ въ Дюнамюнде, затѣмъ въ январѣ 1744 г. въ Ораніенбургъ, нынѣ Раненбургъ, Рязанской губерніи. Въ этотъ промежутокъ времени Брауншвейгская фамилія увеличилась еще однимъ членомъ, принцессой Елизаветой, родившейся въ тюрьмѣ и прожившей въ ней сорокъ лѣтъ. Ссылныхъ по ошибкѣ чуть было не свезли въ Оренбургъ. Въ то время д'Аллионъ, французскій повѣренный въ Петербургѣ, писалъ въ Версаль слѣдующія подробности:

«У этихъ высокихъ узниковъ отняли всѣхъ иностранныхъ слугъ, за исключеніемъ г. Геймбурга, двухъ камердинеровъ, фрейлины Юліи (Менгденъ) и ея сестры. Первая, по прежнему любимой идолъ принцессы Анны, уноситъ съ собою вѣрное доказательство того, что пламя любви можетъ зажечься среди самыхъ великихъ несчастій. Адонисомъ былъ гвардейскій сержантъ».

Въ іюлѣ 1744 г.—новая перемѣна, вызванная мнимымъ разговоромъ, съ которымъ въ предшествовавшемъ году было связано имя маркиза Ботта, посланника Маріи-Терезіи. Фридрихъ тотчасъ же послѣшилъ отстранить отъ себя всякое подозрѣніе въ сообщничествѣ, посоветовавъ Елизаветѣ сослать гораздо дальше безпокойнаго племянника³. Императрица восемь мѣсяцевъ раздумывала надъ этимъ. Какъ мы увидимъ ниже, она не скоро принимала свои рѣшенія. Но данный совѣтъ даромъ не пропалъ. Въ іюлѣ маіоръ Миллеръ получилъ приказаніе перевезти изъ

¹ П. Сумароковъ, «Черты Екатерины Великія», 1832 г. I, 117; ср. «Архивъ князя Воронцова», XXVI, 33.

² Гогенгольдъ Ульфсфелду, Петербургъ, 22 января 1743 г. Государственный архивъ въ Вѣнѣ.

³ Рапортъ графа Чернышева, русскаго посла въ Берлинѣ, 22 января 1743 г.; «Русскій Архивъ», 1866 г., стр. 1541.

Ораніенбурга въ Архангельскѣ и затѣмъ Соловецкій монастырь четырехлѣтняго мальчика, котораго ему передали подъ именемъ Григорія.

То былъ бывшій императоръ.

Анна Леопольдовна была вновь беременна. Ее разлучили съ мужемъ, какъ она думала, навсегда. Отняли у нея и Юлію Менгенъ, что являлось, для нея несомнѣнно, худшимъ несчастіемъ. Изгнанники не знали, куда ихъ везутъ. Лишь на берегу Бѣлаго моря всѣ члены семьи вновь встрѣтились вмѣстѣ. Но настала зима и состояніе льдовъ не позволяло добраться до Соловокъ, такъ что пришлось ждать весны въ Холмогорахъ. Камергеръ Николай Корфъ, замѣнившій теперь Салтыкова, посовѣтовалъ оставить тамъ узниковъ, и предложеніе его было принято.

Въ ста двѣнадцати верстахъ отъ своего устья Двина образуетъ нѣсколько острововъ. На одномъ изъ нихъ стоятъ Холмогоры. Городъ этотъ состоялъ въ то время приблизительно изъ ста пятидесяти домовъ, растянувшихся на протяженіи двухъ верствъ вдоль единственной и извилистой улицы; внѣшній видъ его немногимъ измѣнился съ тѣхъ поръ. Онъ считался, однако, однимъ изъ самыхъ древнихъ и извѣстныхъ городовъ въ Россіи, сыгравъ большую роль въ исторіи Сѣверо-Восточнаго края. До восшествія на престолъ московскихъ царей, онъ представлялъ собой очень значительный административный и коммерческій пунктъ, въ послѣдствіи его затмилъ Архангельскъ. Но еще при Петрѣ Великомъ его соборъ Спаса Преображенія, выстроенный изъ каменныхъ плитъ въ византійскомъ стилѣ, считался красивѣйшимъ въ Имперіи. Въ трехъ верстахъ отъ города лежитъ село, официально носящее названіе Денисовки, но прозванное крестьянами Болотомъ—мѣстороженіе великаго Ломоносова.

Отыскивая тюрьму, гдѣ бы можно было поселить новыхъ гостей, Корфъ нашелъ лишь домъ архіерея; этому послѣднему пришлось искать себѣ убѣжища въ другомъ мѣстѣ. Высокій деревянный частоколъ, охраняемый солдатами, совершенно отрѣзалъ отъ міра Анну Леопольдовну и ея товарицей по несчастью. Жители Холмогоръ не знали ни имени, ни званія узниковъ. На содержаніе ихъ губернатору выдавалось 10—15 тысячъ рублей; но никому не приходило въ голову спрашивать у него отчета въ нихъ, и случалось, что принцъ Антонъ, имѣвшій привычку пить кофе по три раза въ день, былъ лишенъ его цѣлыми мѣсяцами.

Юлію Менгденъ замѣнила по причинамъ, оставшимся неизвѣстными, ея сестра Бина (Якобина), явившаяся только лишней мукой для тѣхъ, чье заточеніе она должна была раздѣлить и смягчить. Это было ужасная особа! Ея ссоры съ караульными офицерами и солдатами, бурныя сцены съ принцемъ Антономъ, беззащитный романъ съ домашнимъ докторомъ, Ножевщиковымъ, и постоянные скандалы доставляли неисчерпаемый матеріалъ для рапортовъ, отправлявшихся въ Петербургъ. Наконецъ ее заперли въ отдѣльную камеру; но она била солдатъ, приносившихъ ей ѣсть, и вылиwała имъ на голову супъ.

Среди всѣхъ этихъ испытаній, Анна Леопольдовна родила въ Холмогорахъ еще двухъ сыновей, принцевъ Петра и Алексѣя, и умерла въ 1746 г. Толстый, полнокровный, находившійся всегда подъ угрозой апоплексическаго удара, ея мужъ пережилъ ее однако на тридцать лѣтъ. Дѣти росли, но они были рахитики и полуидіоты. Въ 1756 г. принцъ Іоаннъ, бывший императоръ, исчезъ, выкраденный ночью гвардейскимъ сержантомъ, въ величайшей опять-таки тайнѣ привезшимъ его въ Шлиссельбургъ. За нимъ закрылись окованныя желѣзомъ двери каземата. Онъ цѣлые годы не видѣлъ человѣческаго лица. Въ его камеру входили, предварительно приказавъ ему спрятаться за ширмы. Онъ никогда не узналъ мѣста своего заключенія. Рапорты отъ 1759 г. изображаютъ его, впрочемъ, не совсѣмъ нормальнымъ. Но его тюремщики полагали, что онъ могъ и симулировать сумасшествіе. Во всякомъ случаѣ, онъ, повидимому, сохранилъ сознание своей личности. Шуваловъ велѣлъ его спросить чрезъ офицера: «Кто ты?»; онъ отвѣтилъ: «Человѣкъ великій—принцъ! Мнѣ подмѣнили имя». Въ другой разъ онъ самъ гнѣвно крикнулъ на того же офицера: «Какъ ты смѣешь на меня кричать? Я здѣшней имперіи принцъ и государь вашъ!» Послѣ этихъ выходокъ его лишили чаю и теплыхъ чулокъ, чтобы посбить съ него спеси. Но все это легенды, какъ и повѣсть о бѣгствѣ его въ въ сопровожденіи монаха, доведшемъ узника до Смоленска. Одинъ только разъ, согласно почти достовѣрнымъ даннымъ, его вывели изъ каземата и повезли въ герметически закрытой каретѣ въ Петербургъ, гдѣ Елизавета видѣла его, не раскрывая, однако, своего инкогнито.

Я рассказалъ въ другомъ своемъ трудѣ¹ трагическую развязку этого долгаго мученичества, дѣйствительную на этотъ разъ

¹ «Романъ Императрицы», стр. 319.

Антонъ-Ульрихъ, принцъ Брауншвейгскій.
Съ портрета, гравированнаго черной манерой въ Аугсбургѣ.
(Императорскій Эрмитажъ).

попытку освобожденія, въ которой однако узникъ, повидимому, со знательно не участвовалъ послѣ двадцатипяти-лѣтняго заключенія — это было въ 1764 г. — и загадочное убійство, которое никто не пожелалъ взять на свою совѣсть.

Екатерина II, бывшая въ то время на престолѣ, рѣшительно сняла съ себя всякую отвѣтственность за эту смерть, но до 1780 г. она ничего не сдѣлала въ смыслѣ улучшения судьбы обоихъ братьевъ и обѣихъ сестеръ несчастной жертвы. Отецъ ихъ умеръ въ 1775 г. Тогда только она нашла возможность уступить просьбамъ датской королевы, также приходившейся теткой узникамъ. Родня у нихъ была знатная! Архангельскій губернаторъ Мельгуновъ отправился въ Холмогоры и возвѣстивъ несчастнымъ радостную вѣсть: ихъ отправятъ въ Данію; они получатъ свободу и приличную пенсію. вмѣсто ожидаемыхъ имъ восторговъ, онъ увидѣлъ лишь изумленіе и испугъ.

Принцесса Елизавета выразила приблизительно слѣдующимъ образомъ общія чувства:

— Мы долго и страстно жаждали свободы; но на что она намъ нужна теперь? Мы не умѣемъ жить среди людей. Пусть императрица сообразволитъ лишь разрѣшить намъ гулять по лугамъ. Мы слышали, что на нихъ растутъ цвѣты. Мы бы также желали видѣться съ женами офицеровъ, караулящихъ насъ. Намъ прислали изъ Петербурга одежду, корсеты, наколки. Мы не знаемъ, что съ ними дѣлать. Если императрицѣ угодно, чтобы мы ихъ носили, мы искренно просимъ ее прислать намъ кого-нибудь, кто бы научилъ насъ, какъ съ ними обращаться.

— Другихъ желаній у васъ нѣтъ?

— Еще одно: во дворѣ построили баню, рядомъ съ нашими комнатами; домъ деревянный и мы боимся сторѣть; нельзя ли насъ избавить отъ этого сосѣдства.

Большаго Мельгунову не удалось добиться и отъ другихъ членовъ семьи. Они, впрочемъ, говорили съ трудомъ. Старшая изъ принцессъ, Екатерина, оглохнувъ восьми лѣтъ, объяснялась съ окружающими лишь знаками. Когда произносили имя императрицы, другіе бросались на полъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Однако, губернатору пришлось все-таки исполнить данное ему приказаніе. Принцевъ Брауншвейгскихъ перевезли въ городъ Горзенсъ, въ Ютландію; каждый изъ нихъ получилъ пенсію въ восемь тысячъ рублей. Принцесса Екатерина пережила сестру и

и братьевъ до 1807 г. ¹. До сихъ поръ ихъ могилы сохранились въ церкви маленькаго датскаго городка. Такъ закончилось непримиримое соперничество между двумя иностранными вѣтвями, Голштинской и Брауншвейгской, привитыми ко стволу Романовыхъ въ силу смѣлой политики Петра Великаго и его преемниковъ. Но жертвами переворота 1741 г. явились еще и другія лица. Чтобы болѣе не возвращаться къ этому вопросу, расскажу тутъ же ихъ судьбу.

III.

Другія жертвы переворота.

Перемѣна режима влекла за собой, въ силу уже установившагося обычая, многочисленные аресты; брошенные сѣти захватывали всѣхъ извѣстныхъ или предполагаемыхъ приверженцевъ стараго режима. Фельдмаршалъ Ласси ловко увернулся отъ этого рокового послѣдствія. Когда его внезапно разбудили въ историческую ночь и спросили: «За какое правительство вы стоите?», онъ отвѣтилъ не обинуясь: «За то, что стоитъ у власти». Менѣе счастливые, Минихъ, Левенвольдъ, Остерманъ и Головкинъ встрѣтились въ казематахъ Петропавловской крѣпости вмѣстѣ со множествомъ болѣе мелкихъ дѣятелей, Менгденомъ, Тимирязевымъ, Яковлевымъ. Комиссія подъ предсѣдательствомъ генераль-прокурора князя Никиты Юрьевича Трубецкого занялась допросомъ обвиняемыхъ и судомъ надъ ними. Хотя среди нихъ и были русскіе, но судьи, повидимому, съ этимъ не считались. То былъ процессъ Россіи противъ Германіи, Судоговореніе было краткое, обвиненія мелкія, нелѣпыя или гнусныя. Миниху поставили въ упрекъ, что онъ не защитилъ передъ Бирономъ завѣщанія Екатерины I, тогда какъ онъ первый сталъ жертвой фаворита. Согласно преданію, допросъ его не былъ дологъ. На первый вопросъ Трубецкого: «Признаете ли вы себя виновнымъ?»—онъ отвѣтилъ: «Да, въ томъ, что васъ

¹ См. Семейскій, «Іоаннъ VI Антоновичъ», «Отечественныя Записки» 1866 г., 530 и слѣд., Büsching, «Geschichte des russischen Kaisers Ioahann des Dritten», 1771 г.; Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. 1879 г. т. XXII, стр. 99 и слѣд.; Вильбасовъ, «Исторія Екатерины II», 1896 г., т. XII, ч. I, стр. 124; Полѣновъ, «Отправленіе Брауншвейгской фамилии изъ Холмогоръ въ Датскія владѣнія», «Русская Старина» 1874 г., т. I, стр. 652 и очеркъ въ томъ же журналѣ, 1873 стр. 60—73, по А. Кунику.

не повѣсилъ». Этотъ Трубецкой былъ подчиненнымъ фельд-маршала въ Турецкую кампанію, въ царствованіе Анны Іоанновны, и, имѣя на своемъ попеченіи провіантскую часть, два раза чуть не погубилъ армію Миниха.

Елизавета, скрытая занавѣсомъ, присутствовала на засѣданіяхъ суда. Въ силу ли женскаго любопытства или безпокойства государыни, не утвердившейся еще на престолѣ, Елизавета слѣдила за всѣмъ процессомъ съ начала до конца. Она слышала вопросы и отвѣты и приказала сократить слѣдствіе.

Легенда эта имѣетъ подъ собою шаткія основанія; она слишкомъ плохо согласуется съ документами процесса, какъ бы сомнительны они ни были. Минихъ изображается въ нихъ подъ гораздо менѣ героическимъ видомъ: онъ оспариваетъ шагъ за шагомъ взводимыя на него обвиненія съ большою тонкостью и нѣкоторою наивностью¹. Приговоръ былъ составленъ заранѣе, и онъ долженъ былъ это знать. Большой части обвиняемыхъ предстояла смерть, согласно единогласному рѣшенію. Но какая смерть? Большинство судейвъ стояла за то, чтобы просто обезглавить ихъ. Послышался одинъ голосъ, возставшій противъ этой чрезмѣрной снисходительности и требовавшій колесованія для Остермана. Василій Владиміровичъ Долгорукій, какимъ-то чудомъ избѣгнувшій пытокъ, которымъ подверглись его родные, только что вернувшійся изъ ссылки и превратившійся въ судью, думалъ лишь о томъ, какъ бы дать побольше работы палачамъ. Жестокій режимъ воспитываетъ безжалостныхъ людей. Въ этомъ судилищѣ всѣ таковыми и были. Елизавета сидѣла тутъ же за занавѣсомъ, и слишкомъ опасно было принимать сторону осужденныхъ; итакъ, рѣшено было, что Остермана будутъ колесовать, Миниха четвертовать, а топоръ прибегли для мелкой сошки.

17 января 1742 г. толпа, тѣмъ болѣе жадная до кровавыхъ зрѣлищъ, чѣмъ чаще ихъ ей даютъ, собралась на Васильевскомъ островѣ вокругъ эшафота, сколоченнаго изъ простыхъ досокъ. Ни черной обивки, ни краснаго ковра; смерть и мученія въ самомъ незатѣйливомъ уборѣ! Императрица уѣхала наканунѣ въ одинъ изъ загородныхъ домовъ. Таковъ былъ всегда ея образъ дѣйствій въ подобныхъ случаяхъ: обнаружить

¹ «Русскій Архивъ», 1864 г., 505.—«Документы за 1742 г.». Ср. Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XXI, стр. 162.

чувствительность и, закрывъ глаза, предоставитъ другимъ поступать какъ бы по своему усмотрѣнію. Впрочемъ, она не намѣревалась дать полную волю кровожадности судей. Въ сущности, она желала строгихъ каръ лишь для того, чтобы имѣть возможность проявить милосердіе, которымъ кичилась.

Не владѣвшій, вслѣдствіе подары, ногами бывшій канцлеръ Остерманъ былъ привезенъ въ саняхъ на мѣсто казни. Онъ появился въ легендарномъ костюмѣ, ужъ десять лѣтъ извѣстномъ европейскому дипломатическому міру: старой лисьей шубѣ, короткомъ парикѣ и черной бархатной шапочкѣ. Онъ выслушалъ свой приговоръ со свойственнымъ ему выраженіемъ сосредоточеннаго вниманія, кивая головой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ или поднимая глаза къ небу. На эшафотѣ ему объявили, что императрица, въ своемъ милосердіи, четвертовать его не приказала и что ему просто отрубятъ голову. Онъ добровольно отдался въ руки палача; повинуваясь всѣмъ его указаніямъ, онъ заложилъ руки назадъ, которыя держалъ прежде вытянутыми впередъ. Ему сняли парикъ, разстегнули воротъ рубашки, и палачъ уже выхватилъ топоръ изъ мѣшка медвѣжьей шкуры, когда внезапно, какъ въ театрѣ, произошла новая перемѣна дѣйствія, и ему объявили новое полупомилваніе: смертная казнь замѣнялась вѣчной ссылкой.

Можетъ быть, несчастный Остерманъ этого и ожидалъ. Хорошо изучивъ державныхъ женщинъ, онъ, пожалуй, предугадалъ эту чисто женскую по своей жестокости и коварству сцену. Подручный палача выпрямилъ его ударомъ ноги; онъ спокойно спросилъ свой парикъ, аккуратно застегнулъ шубу и сталъ ждать, чтобъ съ нимъ поступили по волѣ ея величества. Толпа зароптала. Зрѣлище обрывалось, и толпа предвидѣла дальнѣйшія разочарованія того же порядка. Кровь, дѣйствительно, не была пролита. Но понадобилось заступничество стражи, дабы помѣшать зрителямъ по-своему измѣнить характеръ представленія.

Остерману пришлось ѣхать въ Березовъ, ужасный сибирскій поселокъ, уже извѣстный моимъ читателямъ. Его жена пожелала послѣдовать за нимъ, и она же привезла оттуда его тѣло въ 1747 г. Елизавета лишилась такимъ образомъ слуги, равнаго которому ей было не найти. Какъ государственный дѣятель, Остерманъ не былъ совершенствомъ. Биронъ ѣдкой, но вѣрной черточкой отмѣтилъ свойственныя ему привычки: «Когда выходилъ

Графъ Б. Х. Минихъ.

Съ гравюры черной манерой работы Гайда.

флотъ съ артиллеріей, тогда онъ... былъ боленъ. Когда пришло извѣстіе, что взять (нашъ) фрегатъ съ 3 пакетботами и иностранные корабельщики имѣли еще много подобныхъ извѣстій, то онъ говорилъ точно также... Но когда флотъ возвратился со славою, то онъ былъ здоровъ и принималъ участіе въ томъ: не хорошее ли рѣшеніе приняли мы? говаривалъ онъ и тому подобное»¹. Но съ этими слабостями соединялись крайне рѣдкія умственные дарованія и совершенно исключительное въ виду эпохи и среды благородство: будучи почти полновластнымъ хозяиномъ вѣшной политики, бывший канцлеръ проявилъ чрезвычайно ясное пониманіе интересовъ страны, неослабное рвеніе въ служеніи имъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отошелъ отъ власти почти бѣднякомъ. Въ 1741 г., по подписаніи трактата съ Англіей, онъ даже отказался отъ обычнаго вознагражденія въ пятнадцать тысячъ фунтовъ, попросивъ для себя взамѣнъ перстень или какой-либо художественный предметъ; его же коллеги, съ Черкасскимъ во главѣ, хотя и чрезвычайно богатые, предпочитали брать деньги². Мнѣ еще придется говорить, насколько устраненіе его отъ дѣлъ отозвалась на царствованіи Елизаветы.

Минихъ былъ нѣмцемъ совершенно иного типа. Въ немъ не было почти чрезмѣрной простоты Остермана; наоборотъ, онъ былъ театраленъ въ своемъ героизмѣ, чему его раса являетъ примѣры болѣе частые, чѣмъ то принято думать. Свѣже выбритый, тогда какъ его товарищи по несчастію отпустили себѣ бороды въ тюрьмѣ, одѣтый въ лучшій мундиръ, въ красной парадной шинели на плечахъ, онъ взошелъ на эшафотъ съ улыбкой на устахъ, окидывая властнымъ взоромъ враждебно настроенную толпу и фамиллярно здороваясь съ знакомыми ему солдатами. Его сослали въ Пелымъ, откуда въ то же время Елизавета указомъ вернула Бирона. На одной почтовой станціи подъ Казанью соперники встрѣтились и раскланялись, не обмѣнявшись ни словомъ.

Пелымъ, сибирскій городъ въ трехъ тысячахъ верстахъ отъ Петербурга, насчитывалъ тогда двадцать деревянныхъ домовъ. Минихъ жилъ въ домѣ, обнесенномъ высокимъ частоколомъ,

¹ Письмо къ Кейзерлингу. «Сборникъ Императорскаго Историческаго Общества», т. XXXIII, стр. 466.

² «Сборникъ Р. И. О.», т. VI, стр. 338; т. XCI, стр. 324.

подобнымъ тому, что скрывалъ холмогорскихъ ссыльныхъ. Окружающій міръ представлялъ собою болото, мерзлое зимой, а лѣтомъ высылавшее такое количество мошкеры, что нечѣмъ было дышать и приходилось держать лицо закрытымъ. Три лѣтнихъ и солнечныхъ мѣсяца, затѣмъ стужа и темнота. Съѣстные припасы доставлялись изъ Tobольска, за семьсотъ верстъ. Бывшему фельдмаршалу выдавалось по два рубля въ день на продовольствіе. По примѣру госпожи Остерманъ, и его жена послѣдовала за нимъ. Кромѣ довольно многочисленной челяди, онъ взялъ съ собою пастора. Можно себѣ представить, какія лишенія ему пришлось претерпѣть. Героя, о которомъ Екатерина II говорила, что если онъ и не былъ сыномъ Россіи, то былъ ея отцомъ, Россія, въ лицѣ дочери самаго великаго изъ ея дѣтей, обрекла на двадцать лѣтъ подобной жизни, но не надо забывать, что то была эпоха Бинга, Дюплекса и Лабурдонне.

Минихъ выдержалъ это испытаніе съ мужествомъ, которое само по себѣ достойно нашего удивленія. Сохранилось нѣсколько писемъ его къ брату, оставшемуся въ Петербургѣ. Въ нихъ мы не найдемъ ни единой жалобы. Конечно, изгнанникъ зналъ, что его переписка читалась не однимъ только адресатомъ. Онъ объявлялъ себя чрезвычайно довольнымъ своей судьбой и благодарнымъ императрицѣ за ея благодѣянія! Разсказывалъ, какъ онъ каждый день за столомъ пилъ за здоровье государыни медъ, въ виду того, что французское вино стоило слишкомъ дорого. Эти подробности предназначались, вѣроятно, для *перлюстраторовъ* тайной канцеляріи. А вотъ другія черточки и для историка. Занимаясь зимой починкой неводовъ и изготовленіемъ клѣтей для куръ, Ставучанскій герой превращался лѣтомъ въ земледѣльца. Режимъ высокаго частотола, повидимому, допускалъ нѣкоторыя послабленія; онъ бралъ въ аренду мѣстные тощіе луга, собиралъ послѣ сѣнокоса работниковъ и пировалъ съ ними. Онъ сохранилъ крѣпкое здоровье и неизмѣнное хорошее настроеніе. Жена его, дѣятельная хозяйка, собственными руками шила бѣлье на весь домъ и забывала всю грусть своего положенія, видя мужа такимъ веселымъ и здоровымъ; въ мѣстныхъ преданіяхъ она оставила свѣтлое и доброе воспоминаніе.

Несомнѣнно, мужъ ея былъ менѣ искрененъ въ своемъ смиреніи. Съ внѣшней стороны его поведеніе было безупречно, но то была одна лишь видимость. Въ началѣ своего изгнанія ему запрещено было писать. Онъ объявилъ, что имѣетъ сообщить

нѣчто весьма важное императрицѣ; ему разрѣшили писать, и онъ тотчасъ же завалилъ работой секретарей государыни. Онъ посылалъ въ Петербургъ груды бумагъ, безконечныхъ проектовъ, касавшихся администраціи, военнаго дѣла, общественныхъ работъ и политики, свидѣтельствовавшихъ о необыкновенномъ бо-

Принцесса Анна Леопольдовна.

Съ портрета Л. Каравача и гравюры Х. Ворименна.

гатствѣ воображенія и смѣлости замысловъ. Онъ предлагалъ даже перекинуть мостъ черезъ Балтійское море для соединенія эстляндскаго побережья со Швеціей. Однако, если проекты его и были остроумны, то нерѣдко сопровождавшія ихъ письма къ Елизаветѣ доказывали, что ему не сладко жилось въ Пелымѣ, и

что онъ не пренебрегалъ никакими доступными ему средствами, чтобы отсюда выбраться. Онъ пытался затронуть въ сердцѣ и умѣ государыни всѣ струны, способныя зазвучать въ его пользу: самолюбіе и любовь къ родителямъ, любопытство и страсть къ роскоши, великодушіе и набожность. Желала ли она имѣть между Кронштадтомъ и Петербургомъ, на пространствѣ пятидесяти верстъ, *тотчасъ же* загородные дома, сады, фонтаны, водопады, бассейны и резервуары, парки, все *по чудесному плану Петра Великаго*, ей стоило сказать лишь слово — слово, которое вернуло бы Миниха на берега Невы. Онъ могъ сдѣлать все это и еще многое другое. Онъ могъ перещеголять Версаль и изумить міръ, раскрывъ нѣкоторые замыслы великаго царя, извѣстные ему одному. Онъ не просилъ ни чиновъ, ни пенсіи, объявляя себя согласнымъ быть *дворникомъ* ея величества, лишь бы она разрѣшила ему умереть у ея ногъ. Онъ впадалъ въ лиризмъ:

«Не слышите ли вы, Августѣйшая Императрица, высокомиловитая и заботливая мать своей родины, не слышите ли вы тѣ многочисленные труды, тѣ славныя предпріятія Петра Великаго, что взываютъ къ вамъ ежечасно, заступаясь за меня, и восклицая: «Почему, Елизавета Петровна, не слушаете вы Миниха?... Протяните руку скорбящимъ, выведите ихъ изъ бѣдственнаго положенія, и Спаситель протянетъ и вамъ руку, когда вы предстанете предъ Нимъ»¹...

Елизавета ничего на это не отвѣчала и положила конецъ перепискѣ, отмѣнивъ разрѣшеніе писать, которымъ онъ злоупотреблялъ. Часъ избавленія пробилъ для него наконецъ, когда ему минуло уже восемьдесятъ лѣтъ и когда, вслѣдствіе ссоры съ караульнымъ офицеромъ, ему грозили слѣдствіе и пытка. Курьеръ, посланный изъ Петербурга, предупредилъ несчастье. Елизавета скончалась, и Петръ III призывалъ къ себѣ доблестнаго воина. Минихъ стоялъ на молитвѣ, когда пришла радостная вѣсть. и его жена задержала курьера, пока онъ не кончилъ молиться. Мѣсяць спустя онъ былъ у воротъ Петербурга на скверныхъ почтовыхъ саняхъ, въ заплатанномъ тулупчикѣ, смѣнившемъ на его плечахъ пурпуръ минувшихъ дней. Тѣмъ не менѣе возвращеніе его было триумфальное: всѣ старые товарищи по оружію бросились навстрѣчу воскресшему герою, сопровождая

¹ «Русскій Архивъ», 1866 г. стр. 1418 и слѣд. Эти письма написаны по-французски.

его до роскошно отдѣланнаго дома, гдѣ его ожидалъ заслуженный покой. Но онъ отдыха не желалъ. Онъ тотчасъ же проявилъ стремленіе управлять всѣмъ и всѣми, начиная съ самого императора. Онъ не могъ удержать его отъ гибели, но попытался защищать его до конца, и Екатерина, противникомъ которой онъ такимъ образомъ являлся, простила старику; но она устранила его отъ себя, поручивъ ему управленіе портами; на этомъ посту онъ и умеръ въ 1767 г. Въ 1764 г., въ восемьдесятъ лѣтъ, онъ еще писалъ красавицѣ графинѣ Строгановой записки въ родѣ слѣдующей:

«Преклоняю предъ вами колѣна и нѣтъ мѣста на вашемъ чудномъ тѣлѣ . . . которое я не покрывалъ бы, любуясь имъ, самыми нѣжными поцѣлуями»...

Онъ подписывался: «Нѣжно любящій старикъ»¹.

Онъ былъ авантюристомъ восемнадцатаго вѣка, ярко отмѣченнымъ печатью своего времени и своей породы,—честолюбивый, хвастливый, свободный отъ предрасудковъ, проявлявшій на войнѣ инстинкты дикаго звѣря, а въ частной жизни чрезмѣрную чувственность, но обладавшій вмѣстѣ съ тѣмъ самыми прекрасными семейными добродѣтелями и нѣкоторыми чертами подлиннаго величія. Онъ дурно обращался со своими солдатами, но они его обожали. Онъ говорилъ имъ, что они лучшіе солдаты въ мірѣ, а они называли его «яснымъ соколомъ». Въ Россіи у него нѣтъ иного памятника кромѣ лютеранской церкви въ С.-Петербургѣ, гдѣ онъ похороненъ и гдѣ находится прекрасный портретъ его, написанный однимъ его соотечественникомъ незадолго до его смерти².

Адъютантъ Миниха и главный пособникъ его въ ночномъ переворотѣ противъ Бирона, Манштейнтъ, авторъ столь извѣстныхъ «Записокъ», отдѣлался въ 1741 г. лишь потерей своего полка. Ему пришлось взять гарнизонъ на сибирской границѣ; въ 1745 г. онъ получилъ разрѣшеніе путешествовать, чѣмъ воспользовался для того, чтобы перейти, не выходя въ отставку, на службу Пруссіи, и былъ убитъ въ 1757 г. въ стычкѣ съ отрядомъ кроатовъ. Оцѣнивъ его безстрашіе, Фридрихъ составилъ для него слѣдующую эпитафію: «Знаменитъ тѣмъ, что завязалъ

¹ «Архивъ кн. Воронцова» т. II, стр. 508.

² См. для его біографіи: Halem, «Lebensbeschreibung des Grafen von Münich», 1803 г.; Nempel, «Leben, Thaten», и т. д. 172; «Büschings Magazin», т. XVI; CV.

сраженіе подъ Прагой и былъ виновникомъ пораженія при Колинь»¹.

Германія восемнадцатаго вѣка дала Россіи лучшихъ представителей, чѣмъ этотъ воинственный рубака, но дала и худшихъ. Когда князь Шаховской, отправлявшій къ мѣсту ихъ назначенія приговоренныхъ 1742 г., вошелъ въ тюрьму, то вздрогнулъ, увидѣвъ передъ собой высокую фигуру Миниха, его пламенные глаза и услышавъ властный голосъ бывшаго фельдмаршала. Ему почудилось даже, что роли ихъ перемѣнились. Но зато изможденный, растерянный, небрежно одѣтый, съ лицомъ перекошеннымъ отъ ужаса, красавецъ Левенвольдъ, бывшій оберъ-гофмаршалъ и законодатель модъ при дворѣ Анны Іоанновны, представлялъ собой въ своемъ казематѣ человѣческое отрепье, внушавшее столько же отвращенія, сколько и жалости. Его сослали въ Соликамскъ, Пермской губ., обвинивъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что на одномъ банкетѣ онъ поставилъ кувертъ Елизаветы не на надлежащее мѣсто. Онъ тамъ и умеръ въ 1758 г.

Въ общемъ крутыя мѣры, которыми Елизавета положила начало своему царствованію, ограничились лишь этими дальними ссылками и представляли собой нѣкотораго рода прогрессъ. Дала ли она, дѣйствительно, обѣтъ отмѣнить смертную казнь или нѣтъ², но она оправдала преданіе, уже создавшееся на этотъ счетъ. Даже пытка не была пущена въ ходъ во время слѣдствія. Но къ ней, увы! скоро вернулись. Въ этомъ на-спѣхъ веденномъ процессѣ оказались и недочеты. Такъ приговоръ вице-канцлера Головкина обрекалъ его на ссылку въ *Германію*. Но ни на одной картѣ не удалось отыскать этой мѣстности. Начальникъ отряда Бергъ долго искалъ ее въ окрестностяхъ Иркутска и Якутска, подвигаясь впередъ наудачу, какъ при путешествіи въ незнакомой странѣ. До сихъ поръ точно неизвѣстно, въ какомъ мѣстѣ Головкину пришлось отбыть свое наказаніе. Его точно также сопровождала жена. Онъ умеръ въ 1755 г., и тѣло его было привезено обратно графиней Головкиной, рожденной Ромодановской, проявившей затѣмъ, въ теченіе еще многихъ лѣтъ продлившейся жизни, столько достоинства и постоянства въ почитаніи памяти усопшаго, что образъ ея является однимъ изъ наиболѣе при-

¹ «Oeuvres posthumes», т. III, стр. 180.

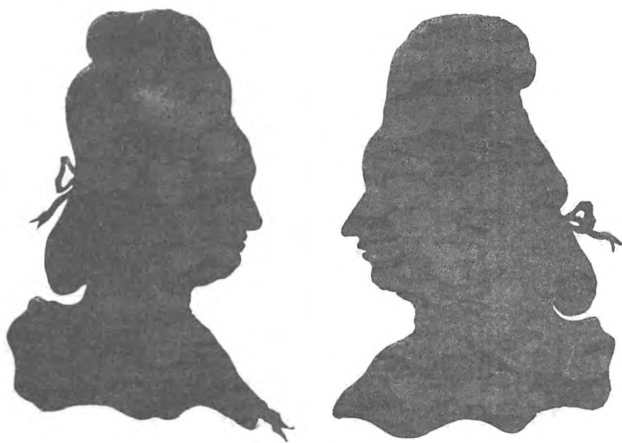
² См. Waliszewski, «L'Héritage de Pierre le Grand», стр. 361.

влекательныхъ въ данную эпоху¹. Такимъ образомъ, женскій элементъ, выведенный Петромъ Великимъ изъ своего униженія, подавалъ его дочери высокіе примѣры доблести, которымъ она, однако, не всегда слѣдовала.

Принцъ Петръ.

Принцъ Алексѣй.

Принцесса Елизавета.

Принцесса Екатерина.

Дѣти правительницы Анны Леопольдовны.

Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры состоявшимъ при нихъ лекаремъ Бошнякомъ и приложеннаго къ «Русской Старинѣ» 1874 года.

Въ распредѣленіи наказаній также обнаружилась неравно-мѣрность. Новая императрица не хотѣла или не посмѣла кос-нуться новгородскаго архіепископа Амвросія Юшкевича, при-

¹ Хмыровъ, «Графиня Е. И. Головкина и ея время», «Отечественныя Записки» 1866 г.

надлежавшаго, однако, къ числу самыхъ преданныхъ сторонниковъ бывшей правительницы. Впрочемъ, онъ успѣшилъ принести повинную въ проповѣди, склонившей также Елизавету отмѣнить приказаніе, данное Анной Иоанновной, не говорить *длинныхъ проповѣдей*.

Въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, совѣтники Елизаветы въ началѣ ея царствованія не выказывали большихъ дарованій и были взяты ею изъ новаго штата людей, призванныхъ къ власти государственнымъ переворотомъ.

IV.

Новый штатъ.

Этотъ штатъ набрался и пополнился отчасти изъ случайныхъ элементовъ. Елизаветѣ нечего было и думать объ управленіи съ помощью горсти гренадеровъ, донесшихъ ее на рукахъ до порога Зимняго дворца. Пока занимались арестомъ высшихъ сановниковъ прежняго режима, Воронцовъ и Лестокъ спѣшно собирали наименѣе скомпрометтированныхъ изъ служившихъ тому же режиму гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ. Такимъ образомъ еще до восхода солнца во дворецъ явились: генераль-прокуроръ Трубецкой, адмиралъ Головинъ, начальникъ тайной канцеляріи Ушаковъ, нѣсколько нѣмцевъ, среди нихъ даже Бревернъ, секретарь кабинета, и, наконецъ, вслѣдъ за княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ Черкасскимъ, — личностью чисто декоративной, — великій государственный дѣятель ближайшаго будущаго, — Алексѣй Петровичъ Бестужевъ. Съ послѣднимъ Лестокъ всегда поддерживалъ хорошія отношенія. Онъ не задумываясь указалъ на него, какъ на замѣстителя Остермана, и Бестужевъ и составилъ оба манифеста, которыми Елизавета возвѣстила о своемъ восшествіи на престолъ. Ему временно ввѣрено было управленіе почтовымъ вѣдомствомъ. Его братъ Михаилъ замѣнилъ Левенвольда въ должности оберъ-гофмаршала и для него на-спѣхъ набрали достаточное количество подчиненныхъ. Мардефельдъ писалъ по этому поводу Фридриху:

«Наряды, одежда, чулки и тонкое бѣлье графа Левенвольда были розданы камергерамъ императрицы, которымъ нечѣмъ прикрыть свою наготу... Изъ четырехъ камеръ-юнкеровъ, только

что получившихъ это назначеніе, двое были прежде лакеями, а третій служилъ конюхомъ»¹.

Въ декабрѣ кабинетъ министровъ былъ упраздненъ и Сенатъ занялъ опять первенствующее положеніе, «какъ было при Петрѣ Великомъ». Онъ состоялъ изъ четырнадцати членовъ; лишь пять прежнихъ сенаторовъ были исключены изъ собранія, именно тѣ, что были назначены Анной Леопольдовной. Злопамятность Елизаветы дальше этого не простиралась. Вмѣстѣ съ тѣмъ фельдмаршалы Михаилъ и Василій Долгорукіе, томившіеся въ домахъ заключенія при Аннѣ Іоанновнѣ сперва въ Шлиссельбургѣ, затѣмъ въ Соловкахъ, были возстановлены въ своихъ чинахъ. Вся семья Долгорукихъ, претерпѣвшая столько невзгодъ въ предшествовавшія царствованія, снова всплыла на поверхность. При дворѣ появились Николай Долгорукій, лишенный языка рукою палача, Александръ Долгорукій, возвратившійся съ Камчатки, и бывшая невѣста Петра II, княжна Екатерина. Кіевскій митрополитъ Ванатовичъ, проведеній десять лѣтъ въ заточеніи въ Бѣлозерскомъ монастырѣ за то, что забылъ день рожденія Анны Іоанновны, былъ выпущенъ на свободу и получилъ обратно свой пастырскій жезлъ. Когда понадобился полицмейстеръ, вспомнили о Девьерѣ, сосланномъ въ Охотскъ Меншиковымъ въ 1727 г. вмѣстѣ съ Бреверномъ, и другіе нѣмцы, какъ Сиверсъ, Флюкъ, вереницей потянулись за этимъ португальцемъ въ канцелярію, которыя надо было наполнить служащими. Во всѣ эпохи націонализмъ допускалъ нѣкоторые компромиссы.

Съ любопытствомъ ждали появленія Алексѣя Ивановича Шубина, красавца-сержанта, заподозрѣннаго не безъ основанія Анной Іоанновной въ томъ, что онъ питалъ къ ея племянницѣ чувства болѣе пламенныя, чѣмъ уваженіе, и тоже сосланнаго въ Сибирь. Елизавета уже добилась отъ Бирона и затѣмъ отъ Анны Леопольдовны указа объ его возвращеніи. Но, согласно обычаю, ссыльнымъ, подобнымъ Шубину, давали другія имена, и его долго не могли найти. Въ моментъ воцаренія Елизаветы его только что отыскиали на Камчаткѣ. Но ему надо было проѣхать пятнадцать тысячъ верстъ. Вернувшись въ Петербургъ, онъ узналъ, что его цесаревна стала императрицей, и что возвращеніе его ожидалось уже не столь нетерпѣливо, какъ прежде. У Елизаветы было широкое сердце; но въ данное время Разу-

¹ С.-Петербургъ, 27 февраля 1742 г. Тайный архивъ въ Берлинѣ.

мовскій владѣль этимъ сердцемъ безраздѣльно, и для соперника его въ немъ ужъ не оставалось болѣе мѣста. Впрочемъ, красота Шубина потерпѣла ущербъ отъ его пребыванія на Камчаткѣ. Онъ получилъ чинъ майора въ Семеновскомъ полку и генерала въ арміи, орденъ Александра Невскаго и помѣстье въ Нижегородской губерніи, гдѣ онъ и схоронилъ свое разочарованіе ¹.

Появилась снова и знаменитая Яганна Петрова, Frau Ioanna, какъ ее звали,—по фамилію Шмидтъ ². Екатерина I за интимныя услуги подарила ей домъ и обезпечила пенсіей; она перешла затѣмъ на службу къ Елизаветѣ, подверглась допросу въ тайной канцеляріи въ 1735 г. за непочтительные отзывы о Биронѣ, произнесенные въ его присутствіи, была приговорена къ пыткамъ и смертной казни, но отдѣлалась наказаніемъ плетьюми и долгимъ заточеніемъ въ одномъ изъ сибирскихъ монастырей ³.

Въ январѣ 1742 г. дѣти несчастнаго Волинскаго, казеннаго при Аннѣ Иоанновнѣ, получили обратно земли, конфискованныя у ихъ отца; вмѣстѣ съ тѣмъ вернулись изъ ссылки бывший регентъ Биронъ, со своими братьями и приверженцемъ, генераломъ Бисмаркомъ. Бироны поселились въ Ярославлѣ, а Бисмаркъ вновь поступилъ на службу въ армію.

Однако сообщники переворота требовали своей части милостей. Согласно нѣсколько сомнительнымъ даннымъ, Лестокъ просилъ почетной отставки. Присмотрѣвшись близко къ тому, какъ производятся перевороты, онъ изъ осторожности хотѣлъ избѣгнуть втораго подобнаго опыта. Но вообще осторожность у этого выдающагося по смѣлости авантюриста является неправдоподобной чертой. Впрочемъ, по милости Елизаветы у него явились вѣскія причины отказаться отъ своего рѣшенія, если бы онъ его и принялъ. Вмѣстѣ съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, онъ занялъ должность перваго придворнаго медика съ пенсіей въ семь тысячъ рублей, и ему ввѣрено было управленіе медицинской коллегіей, т. е. дана была безконтрольная власть раздавать свидѣтельства на лекаря. Онъ ихъ роздалъ очень много.

¹ Helbig, «Russische Günstlinge», стр. 221—222.

² См. Waliszewski, «L'Héritage de Pierre le Grand», стр. 15—17. Это имя ускользнуло отъ моихъ изысканій.

³ Есиповъ, «Яганна Петрова, камеръ-медхенъ Екатерины I», «Историческій Вѣстникъ», мартъ 1880 года.

Воронцовъ получилъ чинъ поручика въ гренадерской ротѣ Преображенскаго полка, той, что сопровождала цесаревну въ ночь съ 25 на 26-ое ноября. Эта рота,—капитаномъ ея стала сама Елизавета,—была превращена въ лейбъ-компанію. Правительница Софія уже имѣла таковую, но ей не пришло въ голову назвать ее нѣмецкимъ именемъ. Въ то время ее называли *надворной пѣхотой*. Штабсъ-капитанъ лейбъ-компаніи возведенъ былъ въ чинъ генерала, и мѣсто это занялъ опять-таки нѣмецъ, князь Гессенъ-Гомбургскій. Вторымъ поручикомъ назначенъ былъ Разумовскій, одновременно получившій и должность камергера, тогда какъ обоимъ Шуваловымъ, будущимъ героямъ новаго царствованія, пришлось удовольствоваться чиномъ подпоручиковъ. Простые сержанты этого полка считались подполковниками. Всѣ, офицеры, унтеръ-офицеры и рядовые солдаты получили свою долю при раздачѣ земель, за счетъ жертвъ переворота. Бывшему маклеру-торговцу драгоценностями, еврею Грюнштейну, досталось 927 христіанскихъ душъ; къ нимъ Елизавета прибавила еще двѣ тысячи душъ по случаю его свадьбы, на которой она сама присутствовала. Онъ оказался и дворяниномъ, въ виду того, что потомственное дворянство было даровано всѣмъ лейбъ-компанцамъ, не имѣвшимъ его. Простой солдатъ Илларионъ Спиридоновичъ Волковъ, будучи произведенъ въ капралы, приобрѣлъ право на гербъ съ тремя зажженными гранатами на черномъ полѣ¹. Однако три гвардейскихъ полка тоже предъявили свои права на коллективное вознагражденіе, а вслѣдъ за ними и Ин-

Императоръ Іоаннъ Антоновичъ.

Съ единственнаго достовѣрнаго портрета, рисованнаго акварелью на граматѣ, заготовленной въ 1741 году для фельдмаршала графа Миниха и хранящейся въ Сенатскомъ архивѣ.

¹ Портфель Малиновскаго въ Московскомъ архивѣ. Отрывки изъ него были напечатаны въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1842 г. П. Щукинъ, «Сборникъ старинныхъ бумагъ», т. I, стр. 139. «Осьмнадцатый вѣкъ», т. II, стр. 216. «Сборникъ Р. И. О.», т. VI, стр. 392, 460.

германландскій и Астраханскій полки, первые выразившіе свою преданность новому режиму. Имъ роздали деньги, и они все же считали себя обойденными; между тѣмъ гвардейцы, несшіе карательную службу въ покояхъ цесаревны, получали по десяти рублей въ сутки.

Но чѣмъ больше давали тѣмъ и другимъ, тѣмъ требовательнѣе они становились. По Петербургу вскорѣ пошли слухи объ излишествахъ, которымъ предавались герои дня. Рапорты прусскаго посланника Мардефельда, подкрѣпленные другими свидѣтельствами, рисуютъ ихъ намъ пререкающимися съ Черкасскимъ, занявшимъ мѣсто великаго канцлера и съ трудомъ отбивавшимся отъ ихъ требованій и дерзостей. Тщетно разъясняли имъ, съ какимъ знатнымъ вельможей они вступали въ споры:

— Вельможа-то онъ, только пока намъ это угодно!

Описывая въ частности солдатъ лейбъ-кампаніи, которыхъ онъ называетъ «гренадерами-творцами» или «взрослыми дѣтми Елизаветы», корреспондентъ Фридриха прибавляетъ еще слѣдующія подробности:

«Они изъ дворца не выходятъ; получая въ немъ хорошее помѣщеніе и хорошую пищу . . . разгуливаютъ по галлереймъ, во время пріемовъ ея величества расхаживаютъ между высокопоставленными лицами . . . играютъ въ фараонъ за тѣмъ же столомъ, гдѣ сидитъ императрица, и ея снисходительность къ нимъ настолько велика, что она даже подписала указъ о чеканкѣ фигуры гренадера на обратной сторонѣ рублевой монеты . . . Я знаю случай, когда одинъ гренадеръ пожелалъ купить глиняный горшокъ за три копѣйки; продавецъ же не соглашался отдать его дешевле шести копѣекъ, тогда тотъ прицѣлился изъ своего ружья и убилъ его на мѣстѣ»¹.

Англійскій министръ Финчъ рассказываетъ, въ свою очередь, что, когда одинъ изъ этихъ солдатъ былъ наказанъ принцемъ Гессенъ-Гомбургскимъ за особо безобразную выходку, всѣ его товарищи рѣшили не появляться больше при дворѣ. Елизавета взволновалась:

— Гдѣ же мои дѣти?

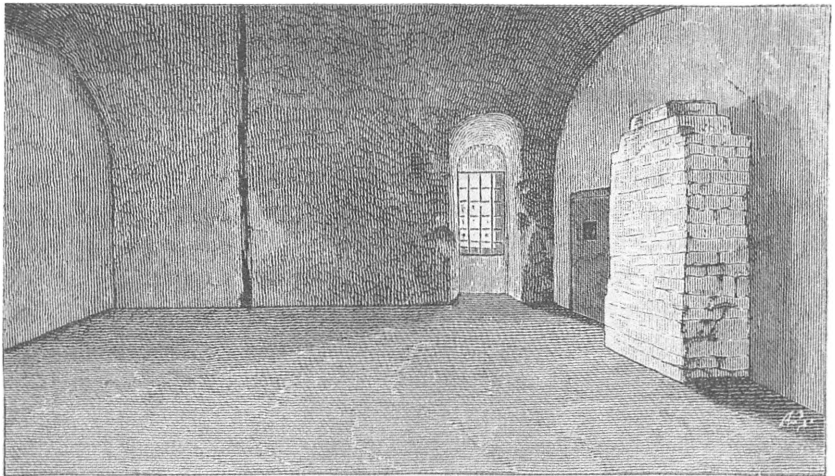
---

¹ Королю, 12 и 19 декабря 1741 г. Тайный архивъ въ Берлинѣ. Ср. Семевскій, «Императрица Елизавета Петровна», въ «Русскомъ Словѣ» 1859 г., стр. 320, по архиву Измайловскаго полка.

Узнавъ, въ чемъ дѣло, она отмѣнила наказаніе ¹; можно себѣ представить, какое это произвело дѣйствіе. Всѣми способами она старалась укрѣпить въ лейбъ-кампандахъ мысль, что новый режимъ, созданный при ихъ помощи насильственнымъ путемъ, нуждался въ нихъ и въ дальнѣйшихъ насильственныхъ дѣйствіяхъ, чтобы удержаться у власти. Много позднѣе, гуляя въ Лѣтнемъ саду, она встрѣтила солдата, расплакавашагося при видѣ ея.

— Что ты плачешь?

— Намъ сказали, матушка, что ты собираешься уступить престолъ твоему племяннику.

Внутренній видъ каземата въ Шлиссельбургской крѣпости, въ которомъ содержался и былъ убитъ императоръ Іоаннъ Антоновичъ.

Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры въ 1876 г. Г. П. Данилевскимъ.

— Это неправда, и я позволяю тебѣ убить всякаго, кто повторить эту ложь въ твоемъ присутствіи, будь то самъ фельдмаршалъ ².

Встрѣчая подобное поощреніе, они вообразили, что все имъ дозволено. Въ полицейскомъ рапортѣ того времени мы читаемъ, что одинъ изъ нихъ похитилъ среди бѣла дня изъ одной лавки молодую прислужницу и продалъ ее за три рубля архимандриту ³.

¹ Гарринтону, 22 декабря 1741. «Сборникъ Р. И. О.», т. ХСІ, стр. 383.

² Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. ХХІ, стр. 275.

³ «Осьмнадцатый вѣкъ», т. III, стр. 290.

Нѣмецъ Шварцъ, товарищъ Грюнштейна, былъ убитъ вилой крестьянкой, которой онъ старался доказать, что лейбъ-кампаніи ни въ чемъ не можетъ быть отказа.

Тѣмъ не менѣе между Елизаветой и *творцами* ея счастья съ первой же минуты возникъ поводъ къ разногласію, все болѣе и болѣе обостравшійся. Вопреки иностранному элементу, который новый режимъ содержалъ въ себѣ и сохранялъ, хотя бы и противъ воли, націонализмъ все же являлся его лозунгомъ и борьба съ иностранцами входила въ его программу. Вдохновляясь имъ и думая заслужить этимъ высшее благоволеніе, епископъ Амвросій Юшкевичъ громилъ съ кафедры пришельцевъ-еретиковъ, а въ Москвѣ архимандритъ Кириллъ Флоринскій клеймилъ, называя ихъ по имени, «человѣкоядовъ-птицъ». Онъ имѣлъ въ виду Миниха и Остермана.

Одинъ памфлетъ изображалъ двухъ солдатъ Якова и Симона, разговаривающихъ о Биронѣ.

«Какъ объявили намъ... Бирона правителемъ Россійскаго государства,—говорилъ Яковъ,—такъ у меня, братецъ, по кожѣ подрало, какъ медвѣжьимъ ногтемъ». Хотя Бирона больше и не было, но за то во главѣ лейбъ-кампаніи стоялъ принцъ Гессенъ-Гомбургскій: Минихъ былъ сосланъ въ Пелымъ, но братъ его замѣнилъ Салтыкова въ должности оберъ-гофмейстера.

Генералъ Любрасъ соперничалъ съ Голицынымъ, для полученія мѣста уполномоченнаго на конгрессъ въ Або и взялъ верхъ надъ нимъ. Вскорѣ, съ пріѣздомъ герцога Голштинскаго, нахлынула новая волна нѣмцевъ, и гофмаршалъ его высочества Брюмеръ дѣлилъ съ Лестокомъ—тоже полунѣмцемъ—милости Елизаветы и фактическую власть. Заговорили было даже о возвращеніи Остермана и Левенвольда!

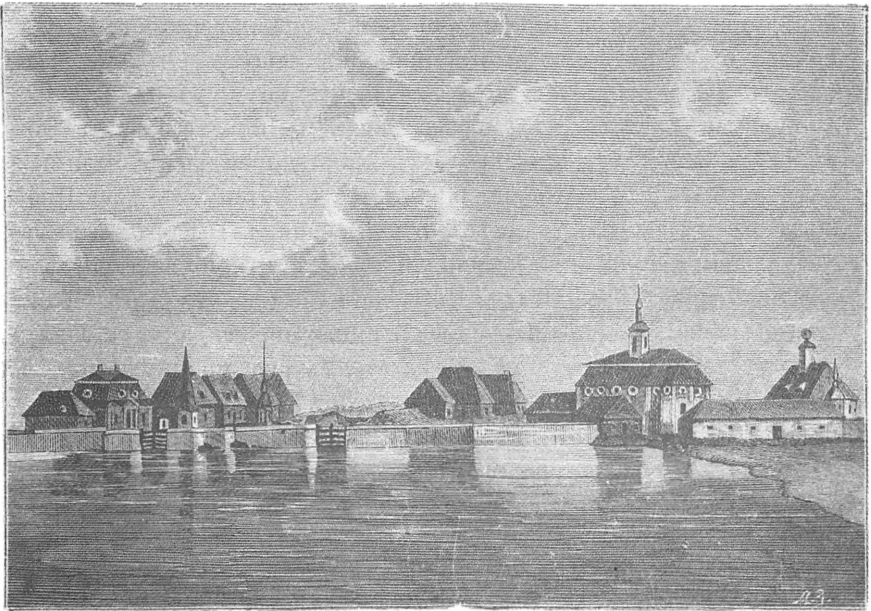
Того требовала логика вещей. Будучи дочерью Петра Великаго и продолжательницей его дѣла, какъ она заявила, предъявляя свои права на престолъ, Елизавета не могла отгородиться отъ тѣхъ, кто входилъ въ «окно, прорубленное въ Европу». А въ числѣ входившихъ были люди, подобные Лестоку и Брюмеру. Въ мысляхъ Преобразователя эта система открытаго окна заключала вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстный коррективъ: пользоваться иностранцами, отодвигать ихъ на второй планъ. Но некультурнымъ умамъ, окружавшимъ въ ту минуту Елизавету, среди

¹ «Сборникъ Р. И. О.», т. VI, стр. 490.

революціоннаго кризиса, куда они кинулись вслѣдъ за ней, было трудно понять и осуществить эту мысль.

Въ апрѣлѣ 1743 г. русскіе солдаты напали въ трактирѣ на нѣмецкихъ офицеровъ, игравшихъ на билліардѣ.

«Шведскія каналы!—кричали они,—у насъ указъ есть васъ всѣхъ перебить, нѣмецкихъ собакъ, всѣхъ сегодня перевѣшаютъ!» Пришлось вступиться властямъ, и главные виновники были приговорены къ четвертованію; но Елизавета вступилась еще разъ и замѣнила пытку смѣхотворнымъ наказаніемъ—простымъ пе-

Видъ Шлиссельбургской крѣпости въ концѣ XVIII вѣка.

Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры въ 1789 г. Угрюмовымъ (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

реводомъ въ другой гарнизонъ, тогда какъ оскорбленные офицеры были посажены подъ арестъ. Вслѣдствіе этого мятежный духъ лишь развивался, и нѣсколько мѣсяцевъ спустя, подъ Выборгомъ, въ гвардейскихъ полкахъ, посланныхъ противъ Швеціи, онъ чуть не породилъ настоящаго бунта, къ счастью, подавленнаго, благодаря хладнокровію генерала Кейта и поведенію армейскихъ полковъ. Но пріостановленное съ этой стороны, броженіе перекинулось въ другую сторону, измѣнивъ свой характеръ. Среди выдающихся героевъ ноябрьской ночи 1741 г. былъ сержантъ

лейбъ-гвардіи Ивинскій. Онъ разбудилъ и вытащилъ изъ постели Анну Леопольдовну. Въ мартѣ 1743 г. онъ попалъ въ тюрьму, какъ виновникъ заговора, въ который онъ пытался втянуть госпожу Грюнштейнъ, обѣщая ей жениться на ней послѣ того, какъ онъ убьетъ ея мужа и всѣхъ иностранцевъ, пользующихся милостями Елизаветы ¹.

Несмотря на все это лейбъ-кампанія все же сохранила свое привилегированное положеніе. Въ 1748 г., когда Петра Шувалова торопили съ отсылкой нѣкоторыхъ военныхъ бумагъ, онъ отвѣчалъ: «Прежде я займусь дѣлами лейбъ-кампаніи. Лейбъ-кампанцы прежде всего. Таково приказаніе императрицы!» Съ другой стороны, попытки возстанія или контръ-революціи въ смыслѣ ультра-національномъ не удались по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому что Россія, какою ее сдѣлалъ Петръ Великій, не могла ужъ обойтись безъ иностранцевъ: они были нераздѣльны съ его системой, и во-вторыхъ, потому что дочь Преобразователя не имѣла серьезнаго соперника. Выборъ лежалъ между нею и пустотой. Маленькій принцъ Брауншвейгскій, рожденный принцессой Мекленбургской, и по прихоти Анны Іоанновны провозглашенный русскимъ императоромъ, представлялъ дѣйствительно пустоту, какой бы страхъ онъ ни внушалъ той женщинѣ, что такъ легко свергла его съ престола. Лишь вмѣшательство иностранныхъ государствъ могло оживить этотъ призракъ, но его не послѣдовало. Елизавета короновалась въ Москвѣ, и ни одно чело не поморщилось ни подъ одной европейской короной.

V.

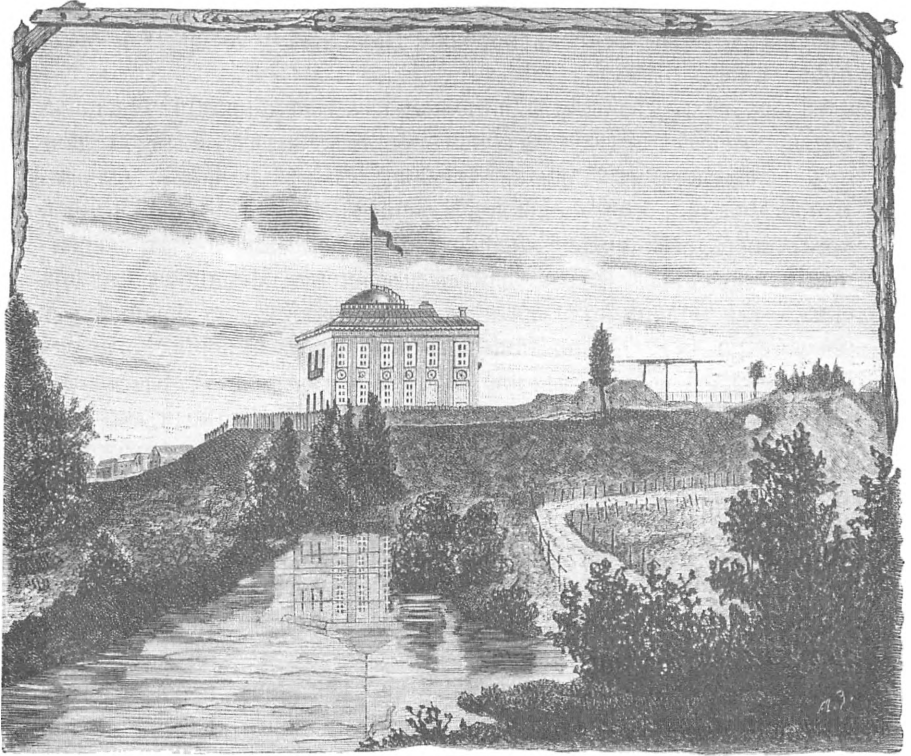
Коронованіе.

Иностранныя державы привыкли къ политическимъ переворотамъ, принявшимъ въ Россіи спорадическій характеръ. Несмотря на то, что Франція какъ будто принимала участіе въ переворотѣ, а можетъ быть, именно вслѣдствіе этого, ея странная и капризная союзница, Пруссія, одна могла внушать нѣкоторыя опасенія. Но отношеніе Фридриха къ новой императрицѣ уже выяснилось. Мардефельдъ не раздѣлялъ симпатій Шетарди къ

---

¹ Мардефельдъ королю, 12 и 16 марта, 6 и 13 апрѣля 1743 г. Тайный архивъ въ Берлинѣ.

Елизаветѣ, но онъ по своему характеру не позволялъ своимъ чувствамъ властвовать надъ собой. Онъ изливалъ ихъ въ насмѣшкахъ, которыми старался угодить своему повелителю, допняя ихъ, однако, слѣдующими комментаріями: «Я не намѣренъ этими замѣчаніями оспаривать права царствующей красавицы-императрицы. Разумъ мой плѣненъ, благодаря чему я и

Домъ коменданта Шлиссельбургской крѣпости въ концѣ XVIII вѣка.

Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры въ 1785 г. Угрюмовымъ. (Изъ собранія П. Я. Дашкова.)

нахожу ихъ неоспоримыми, и я вполне убѣжденъ, что дѣло, поддерживаемое преторіанской гвардіей, является всегда самымъ вѣрнымъ и справедливымъ въ мірѣ»¹. Фридрихъ, въ свою очередь, чрезвычайно удивился, узнавъ, что въ Петербургѣ предполагали, что онъ возьметъ сторону бывшей правительницы и поддержитъ молодого герцога Голштинскаго при его проѣздѣ. «Меня,

¹ 19 декабря 1741. Тайный архивъ въ Берлинѣ.

значитъ, считаютъ весьма плохимъ политикомъ»¹. Будучи союзникомъ Франціи, онъ боялся лишь одного: что восшествіе на престолъ Елизаветы предоставитъ «слишкомъ широкое поле дѣятельности» для дипломатіи этой державы, и послѣшилъ отправить въ Версаль, не предупредивъ барона де-Шамбріе, своего министра при французскомъ дворѣ, другого агента, Зума, со спеціальнымъ порученіемъ смѣшать всѣ карты². Это былъ тоже въ своемъ родѣ «секретъ короля». Политика того времени была полна ими.

Тѣмъ не менѣ планы и политическія комбинаціи Фридриха подверглись значительнымъ измѣненіямъ, вслѣдствіе неожиданной революціи въ Россіи. Пренебрегая вѣжливостью относительно Франціи, онъ собирался вступить въ договоръ съ Австріей чрезъ посредство лорда Гиндфорда. Вонарненіе Елизаветы, совпавшее съ паденіемъ Праги, взятой штурмомъ Морицомъ Саксонскимъ (26 ноября 1741 г.) и съ коронованіемъ во Франкфуртѣ (24 января 1742 г.), поставившимъ во главѣ имперіи кандидата французскаго короля, мѣняло положеніе. Согласно Мардефельду, «гренадеры-творцы» прикладывались къ рукѣ Шетарди, называя его спасителемъ и отцомъ. Никто не могъ предвидѣть пораженія, вскорѣ завершившаго мнимую побѣду французской дипломатіи, основанную на недоразумѣніи³, пораженія, которое положило совершенно иной системѣ внѣшней политики, сосредоточившейся не въ Версалѣ, а въ Вѣнѣ. Фридрихъ сдѣлалъ крутой поворотъ, и Елизавета услышала отъ него лишь ласковыя и поощрительныя слова.

Посланный въ Киль за новымъ наслѣдникомъ, баронъ Корфъ вернулся 5 февраля 1742 г., не встрѣтивъ никакихъ затрудненій со стороны прусскаго короля. Императрица тотчасъ же возложила на своего племянника андреевскую ленту, поручила Симону Теодорескому приготовить его къ принятію православія, торжественно отпраздновала день его рожденія—ему минуло четырнадцать лѣтъ—и увезла его въ Москву.

Путешествіе совершилось въ *линейкѣ*, безрессорномъ экипажѣ, которому по этому случаю придали огромные размѣры, превра-

¹ Мардефельду, 26 декабря 1741. Ibid. Не приведено въ «Politische Correspondenz».

² «Politische Correspondenz», т. I, стр. 440.

³ См. Waliszewski, «L'Héritage de Pierre le Grand», стр. 343 и слѣд.

тивъ его въ настоящій домъ на колесахъ. Внутри стоялъ столъ и стулья кругомъ него. Дорога была окаймлена молодыми соснами, образовавшими непрерывную аллею съ бесѣдками въ мѣстахъ остановокъ. Въ деревняхъ и селахъ сосны замѣнялись двойной живой изгородью мужчинъ съ одной стороны, женщинъ

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій.

Съ миниатюры, принадлежащей П. П. Дурново.

съ другой, распростертыхъ ницъ. Колокола звонили, изъ монастырей выносили иконы. При наступленіи ночи на извѣстномъ разстояніи одна отъ другой горѣли бочки со смолой¹.

Въ Москвѣ Мардефельдъ отмѣтилъ зловѣщія примѣты: поврежденіе триумфальной арки, потерю во время пира жемчуж-

---

¹ «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1742, № 20; Оружейная палата, 1860 г., стр. 261.

наго ожерелья императрицы, неудачную иллюминацію и наконецъ пожаръ Преображенскаго дворца, мѣста рожденія Елизаветы, наканунѣ того дня, когда она собиралась дать въ немъ праздникъ. Но если бы подобныя неудачи дѣйствительно приносили несчастіе Россіи, она была бы обречена на самую печальную судьбу, а этого мы, однако, не видимъ. Коронаваніе, совершенное 25 апрѣля 1742 г., прошло безъ дальнѣйшихъ непріятныхъ инцидентовъ, благодаря умѣнію распорядителя церемоніи, француза Рошамбо. Елизавета воспользовалась этимъ случаемъ для раздачи наградъ части своей свиты, обойденной ею до тѣхъ поръ. Она вспомнила, или нашла нужнымъ напомнить обществу, что у нея была семья кромѣ племянника, вызваннаго ею издалека. Не менѣе близкими по крови были ей и родные ея матери, Скавронскіе, Гендриковы, Ефимовскіе, простые крестьяне. Она превратила ихъ въ графовъ и камергеровъ, но при новыхъ титулахъ и подъ новыми одѣяніями они все же сохраняли отпечатокъ своего происхожденія и воспитанія.

Чтобы не обойти никого, она сдѣлала Разумовскаго оберъегермейстеромъ и пожаловала ему орденъ св. Андрея Первозваннаго и, чтобы не принести прошлое всецѣло въ жертву настоящему, произвела Бутурлина въ генералы и поручила ему управленіе Малороссіей. Малороссія была этимъ, вѣроятно, польщена; тотъ бывшій фаворитъ былъ еще очень красивъ. Впрочемъ, его красота такъ и осталась единственной его заслугой.

Покончивъ съ этими дѣлами, императрица предалась однимъ удовольствіямъ и доставила ихъ себѣ очень много. Москва, гдѣ она переживала вновь свои молодые годы, оставалась всегда ея любимымъ мѣстопребываніемъ. Она чувствовала себя въ ней свободнѣе и прекрасно обошлась безъ сгорѣвшаго дворца. Въ странѣ, гдѣ дворцы воздвигались въ шесть недѣль, затрудненія въ этомъ отношеніи представиться не могло. Балы и маскарады, на которые она собирала до девятисотъ приглашенныхъ, слѣдовали одинъ за другимъ въ ея домѣ на берегахъ Яузы и въ Покровскомъ.

Она приостановила празднества 7 ноября 1742, когда издала манифестъ, даровавшій герцогу Голштинскому, закончившему свои занятія съ Теодорскимъ, титулы наслѣдника престола, императорскаго высочества и великаго князя и имя Петра Θεодоровича. Она такимъ путемъ подтверждала свое намѣреніе не выходить замужъ,—что являлось, несомнѣнно, мудрымъ рѣше-

ніемъ. Она могла бы вступить въ бракъ лишь съ иностраннымъ принцемъ, а духъ новаго режима и настроеніе лейбъ-кампанцевъ съ трудомъ бы съ этимъ помирились. Они желали видѣть ее на престолѣ такую, какою они ее на него возвели, связанною только съ ними памятью о Петрѣ Великомъ, и свобод-

Графиня Наталья Демьяновна Разумовская (казачка Разумиха).

Съ гелиографуры, сдѣланной по рисунку Соколовской.

ной, хоть съ внѣшней стороны, отъ всякихъ иныхъ обязательствъ. Она имъ не измѣнила, осталась Царь-Дѣвицей, чудесной дѣвой русскихъ легендъ.

Весьма вѣроятно, что мысль о другой Елизаветѣ, сравненіе съ которой было ей пріятно—что и угадалъ Вольтеръ—въ данномъ случаѣ возымѣла на нее нѣкоторое вліяніе.

Бывшій герцогъ Голштинскій, конечно, былъ тоже иностранцемъ. Но Елизавета рассчитывала, что возвращенный въ столь раннемъ возрастѣ семьѣ, вѣрѣ и родинѣ его матери, онъ въ скоромъ времени стряхнетъ съ себя всякіе слѣды своего прошлаго. Правда, онъ сохранилъ за собой свое герцогство и привезъ въ Россію его представителей въ лицѣ Брюммера и другихъ. Но что значили этотъ скромный надѣлъ и горсть отщавшихъ чиновниковъ среди великой и могущественной Россіи!

Они бы, дѣйствительно, не имѣли никакого значенія, если бы въ наслѣдіи Петра Великаго не обнаружилось теченіе совершенно противное тому дѣлу ассимиляціи, которое приходилось теперь вести, чтобы сдѣлать внука Великаго Петра достойнымъ наслѣдовать своему дѣду. Въ мысляхъ Петра «прорубленное окно» было прежде всего *выходомъ*. Европа же — въ особенности ея нѣмецкая часть — превратила его главнымъ образомъ во *входъ*. Она прочно осѣла на берегахъ Невы и заняла здѣсь первыя мѣста. Молодой герцогъ Голштинскій не видѣлъ родины своей матери на Невскомъ проспектѣ, среди двойнаго ряда нѣмецкихъ лавокъ, ганзейскихъ конторъ и лютеранскихъ храмовъ. Его небольшой нѣмецкій дворъ нашель здѣсь свой родной уголокъ, пѣлый маленькій народецъ, говорившій на томъ же языкѣ, питавшій въ сердцѣ тѣ же чувства, что и сами голштинцы.

Елизавета могла бы отдѣлать своего племянника отъ этой среды. Но какъ это было сдѣлать? Куда его было дѣвать? Держать его среди лейбъ-кампанцевъ, Разумовскихъ, Бекетовыхъ, Шуваловыхъ, окружавшихъ ее? То былъ ея собственный домашній кругъ. Но она понимала, что сыну ея сестры не мѣсто среди него. Она и предоставила ему отгадывать или подглядывать сквозь замочныя скважины или щели, продѣланныя въ перегородкахъ, тайны ея личной жизни. За невозможностью сближенія съ собой она позволила ему сходитьсѣ съ лицами, менѣе всего подходившими къ его новому призванію. Его роковымъ образомъ и неудержимо привлекала та другая группа отцовскихъ связей, къ которымъ онъ стремился въ силу очевиднаго перевѣса наслѣдственности со стороны отца. Онъ въ этой средѣ и утвердился и росъ иноземнымъ дикаремъ, неподдававшимся прививкѣ русскаго духа, склоннымъ смотрѣть, какъ на ссылку, на свое переселеніе въ страну, которую онъ никогда не считалъ своей, хотя она и сулила ему корону; онъ питалъ къ своей но-

вой родинѣ лишь презрѣніе и ненависть и въ душѣ былъ болѣе яримъ нѣмцемъ, чѣмъ всѣ принцы Священной Имперіи, взятые вмѣстѣ, въ силу того, что его чувства неизбежно обострялись среди вѣчнаго конфликта между его официальнымъ положеніемъ и личными вкусами.

На это повліяли и случайныя обстоятельства. Съ пріѣздомъ нѣмецкой принцессы, предназначенной ему въ жены, дочери генерала прусской службы, умѣло выбранной и указанной Елизаветѣ Фридрихомъ, великокняжескій дворъ сталъ еще доступнѣе внѣшнимъ вліяніемъ. И онъ сдѣлался «молодымъ дворомъ», однимъ изъ самыхъ любопытныхъ примѣровъ экстерриториальности, являемыхъ исторіей, средоточіемъ всѣхъ интригъ, открытымъ подкупу, шедшему извнѣ и, наконецъ, центромъ шпіонства, находившагося на жалованьи у иностраннаго государя, который воевалъ съ самой дочерью Петра Великаго.

Такимъ образомъ силою роковыхъ случайностей, соединенныхъ съ наслѣдіемъ великаго императора и съ его исполинскимъ, но плохо задуман обезпеченнымъ въ царствованію, въ кобютировала какъ исченій, предстояло за шимъ злоключені вручались государю, русскому.

Попытаюсь теперь лодой красавицы -

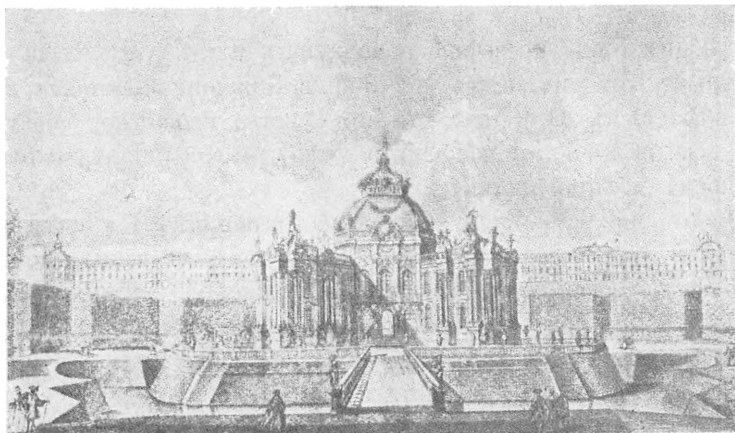
нымъ и еще хуже будущемъ дѣломъ, торомъ Елизавета декательница приключончиться еще худемъ: судьбы Россіи враждебному всему

освѣтитъ образъ императрицы.

Герольдъ во время коронаціи Елизаветы Петровны.

Съ гравюры И. Соколова.

(Изъ «Описанія коронаціи Елизаветы Петровны»).

Эрмитажъ въ Царскомъ Селѣ при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ.
Съ гравюры М. И. Махасва.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Женщина и Императрица.

-
1. Нравственный обликъ. — Дѣтство. — Двѣ системы воспитанія. — Образованіе и характеръ. — Умъ и темпераментъ. — Страсть къ нарядамъ. — Пятнадцать тысячъ платьевъ. — Переодѣваніе въ мужской костюмъ. — Доброта Елизаветы. — Великодушныя инстинкты, жестокіе порывы. — Нравственная эволюція современной Россіи. — Несдержанность. — Умственная лѣнь. — Набожность и суевѣрія. — Отношеніе къ духовенству. — Религіозное рвеніе. — Старая и новая Россія. — Смѣшеніе и компромиссы. — Популярность Елизаветы. — II. Дворъ и внутренняя жизнь. — Приближенныя цесаревны. — Дворъ императрицы. — Новыя ассамблеи. — Попытка порвать съ византійскими традиціями. — Быстрые успѣхи съ точки зрѣнія роскоши и изящества. — Менуэтъ въ С.-Петербургѣ. — Столъ императрицы. — Игра. — Опера. — Новая Астрея. — Препятствія и сопротивленіе. — Показанія современниковъ. — Д'Эонъ въ Лѣтнемъ дворцѣ. — Автомобили въ Царскомъ Селѣ. — Въ Москвѣ. — Путешествія Елизаветы. — Кочевая жизнь. — Женскій элементъ. — Неудовлетворительность ея съ общественной точки зрѣнія. — Личное участіе государыни въ придворной жизни. — Ея достоинства. — Интимная жизнь. — Любовь къ деревенской жизни. — Ночныя бдѣнія. — Чесальщицы. — III. Интимныя нравы. — Первые связи. — Бутурлинъ. — Нарышкинъ. — Шубинъ. — Судьба Разумовскаго. — Ночной императоръ. — Предполагаемый бракъ. — Характеръ фаворита. — Легенда о дѣтяхъ, рожден-

ныхъ Елизаветой. — Княжна Тараканова. — Семья фаворита. — Кирилль Разумовскій. — Соперники. — Шуваловъ. — Трагикомическое приключеніе Бекетова. — Женщина и императрица. — IV. Политическая роль Елизаветы. — Умѣнье играть ее. — Пропацательность. — Скрытность. — Сознаніе долга. — Любовь къ Россіи. — Недочеты. — Лѣнь и разбѣянная жизнь. — Постепенное отреченіе отъ всякой дѣятельности. — Распутство. — Послѣдствія его. — Безостановочное развитіе страны и проявленіе силы. — Причины этого явленія.

I.

Нравственный обликъ.

Сознаю всю трудность задачи, которую я себѣ поставилъ. Возсоздать психологически, на разстояніи одного или двухъ вѣковъ, обликъ Петра Великаго или Екатерины II является уже труднымъ, чуть ли не смѣлымъ предпріятіемъ. Но у насъ въ данномъ случаѣ есть по крайней мѣрѣ источники, которыми мы можемъ пользоваться. И Петръ и Екатерина оставили краснорѣчивыя и достовѣрныя свидѣтельства, по которымъ мы можемъ судить не только объ ихъ внѣшнемъ видѣ и дѣятельности, но и объ ихъ внутренней сущности. Они иногда изливали свою душу въ писаніяхъ, не предназначавшихся гласности. Они выдавали тайну своей души во множествѣ необдуманыхъ словъ и непосредственныхъ тѣлодвиженій, а внимательные взоры и чуткій слухъ запоминали ихъ и потомъ передали ихъ намъ.

А Елизавета?

Она не оставила мемуаровъ. Ея переписка? Она состоитъ изъ нѣсколькихъ ничтожныхъ записокъ, гдѣ неправильность правописанія соперничаетъ съ бѣдностью мысли. Воспоминанія ея приближенныхъ? Разумовскій не велъ дневниковъ и по вѣской причинѣ: онъ былъ неграмотенъ.

И все-таки мимо Елизаветы нельзя пройти равнодушно. Судьба этой женщины слилась въ теченіе двадцати лѣтъ съ судьбою ея народа не только въ силу простой случайности и не по прихоти распутныхъ солдатъ. Дочь Петра Великаго была популярна. Она сохранила въ русскихъ преданіяхъ привлекательный обликъ и даже на европейскомъ горизонтѣ она пережила періодъ блеска и далекаго сіянія, хотя необыкновенная наслѣдница, избранная ею, въ послѣдствіи и затмила ее.

Въ маѣ 1744 г. въ Москвѣ появилась знатная иностранка «худая, съ прекрасными черными глазами, лѣтъ тридцати—три-

дцатипяти; путешествуетъ въ сопровожденіи управляющаго, горничной и лакея. Богатый гардеробъ». По наведеніи болѣе подробныхъ справокъ она оказась французенкой, госпожей д'Акевилль, рожденной де Монморенъ, женою совѣтника въ Руанѣ и сестрой бригадира королевской арміи. Зачѣмъ она пріѣхала въ Москву? Узнавъ про переворотъ, возведшіи Елизавету на престолъ, «она прониклась благоговѣньемъ и любовью къ ней», какъ она выразилась въ разговорѣ съ Шетарди. Она писала Черкасскому, Воронцову, самой Елизаветѣ; и, не получивъ отвѣта, она размѣстила своихъ дѣтей по учебнымъ заведеніямъ, написала прощальное письмо мужу и пустилась въ путь. Она хотѣла только увидѣть государыню. «Отъ этого зависѣло счастье ея жизни». Это удовлетвореніе было ей доставлено. Обѣдая у Воронцова, она была представлена Елизаветѣ, соблаговолившей «какъ бы случайно» оказаться у своего друга. Она вернулась домой довольная и счастливая, но мужъ ея д'Акевилль не раздѣлялъ ея радости, повѣривъ, въ своей досадѣ, какимъ-то розсказнямъ «относительно дорожнаго конюха», ходившимъ насчетъ любопытной красавицы; онъ сталъ даже приставать къ самому Аржансону, довольно дерзко поручившему своему секретарю выпроводить «этого жалкаго роконосца». Конецъ этой исторіи мнѣ неизвѣстенъ; но не рискуетъ ли эпоха, когда она произошла, остаться недостаточно освѣщенной въ нашихъ глазахъ, если сѣверная царица, внушавшая столь сильное любопытство, сохранить передъ историкомъ свой образъ полу-восточной императрицы, скрытой, какъ идолъ, въ таинственной атмосферѣ терема?

Елизавета родилась 19 декабря 1709 г., и ей шелъ тридцать второй годъ при восшествіи ея на престолъ. Я изложилъ выше то немногое, что извѣстно о ея молодыхъ годахъ, и отдалъ должное ея красотѣ. Она была воспитана по новой системѣ, созданной преобразованіями Петра Великаго. Въ селѣ Измайловѣ, гдѣ цесаревна жила въ сосѣдствѣ со своими двоюродными сестрами, Екатериной и Анной Іоанновными, обѣ Россіи стояли другъ противъ друга. Семейный кодексъ попа Сильвестра, Домострой, оставался во всей своей силѣ въ домѣ царицы Прасковьи, строгой и набожной вдовы царя Іоанна. Здѣсь читали лишь св. Писаніе. На другомъ концѣ села, у Елизаветы,

¹ Архивъ франц. Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: переписка 1744 г. «Архивъ кн. Воронцова», т. I, стр. 407—414.

жила гувернантка французенка, м-ше Латуръ, называвшая себя также графиней де-Лоней, и, по возвращеніи во Францію около 1750 г., поселившаяся въ Вильжюифѣ, гдѣ она слыла за законную подругу кавалера де-Марвиля ¹. Она, пожалуй, не всегда подавала своей питомицѣ самые лучшіе и назидательные примѣры поведенія. Въ дополненіе къ ней были еще многіе учителя, и среди нихъ опять-таки французъ Рамбуръ. Къ сожалѣнію, имъ приходилось бороться съ непобѣдимой лѣнью Елизаветы. Физически похожая на отца, дочь Петра Великаго умомъ ближе подходила къ матери, некультурной лифляндской крестьянкѣ. Читать ей было скучно, а писать чистое мученіе.

Къ тому же новое воспитаніе на европейскій ладъ не требовало большихъ знаній. Будучи очень поверхностнымъ, оно ограничивалось изученіемъ языковъ. Елизавета хорошо говорила по-французски, недурно по-нѣмецки и, запомнивъ еще нѣсколько словъ по-итальянски и на англійскомъ языкѣ, входившемъ тогда въ моду, слыла очень образованной. Въ то время всѣ изучавшіе французскую литературу непременно писали стихи; писала ихъ и Елизавета, и до насъ дошло нѣсколько образчиковъ ея музыки,—между прочимъ элегія на отъѣздъ въ Сибирь друга, впоследствии нектати оттуда вернушагося. Это стихи императорскіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она умерла, убѣжденная въ томъ, что можно доѣхать до Англій, не переѣзжая моря ². Если прибавить ко всему этому основательное знакомство съ французскими модами — съ этой стороны она была безупречна,—она могла бы сойти за образованную женщину и не въ одной Россіи, сохраняя, однако, при этомъ и специфически русскія черты. Хотя она и цѣнила бесѣды съ маркизомъ Шетарди, наслаждаясь въ нихъ тонкостью французскаго ума, она все же предпочитала имъ болтовню старыхъ сплетницъ, окружавшихъ ее, и болѣе любила шутки своего истопника, чѣмъ мадригалы молодого дипломата. Была ли она умна? Да, до известной степени. «Хотя у нея такъ называемый женскій умъ, но его у нея много», писалъ въ 1747 г. д'Алліонъ, свидѣтельство котораго нельзя заподозрить въ пристрастіи въ виду того,

¹ «Архивъ кн. Воронцова», т. III, стр. 643.

² «Архивъ кн. Воронцова», т. I, стр. 9; Вантышъ-Каменскій, «Словарь достопамятныхъ людей», 1836—1847 гг. т. III, стр. 350. Семейскій, «Императрица Елизавета Петровна», «Русское Слово» 1859, стр. 289; Михневичъ, «Русская женщина въ XVIII столѣтіи», 1895, стр. 83.

что она его терпѣть не могла, и онъ платилъ ей тѣмъ же. Она была остроумна, весела, изящна. Державинъ сравнилъ ее со «спокойной весной». Спокойная, пожалуй, эпитетъ не подходящій. Она охотно уѣзжала съ бала къ заутренѣ, бросала охоту для богомолья; но во время этихъ богомолій говѣнье не мѣшало ей предаваться мірскимъ и весьма суетнымъ развлеченіямъ. Она умѣла превращать эти блегочестивыя путешествія въ увеселительныя поѣздки. Употребляю здѣсь самое мягкое выраженіе. До самого конца, до послѣдняго часа своей жизни удовольствія являлись ея главной заботой и, отыскивая ихъ вездѣ и всюду, она жила въ вихрѣ наслажденій.

Въ 1760 г., на распросы Шуазеля о здоровьѣ императрицы, одинъ изъ преемниковъ Шетарди, маркизъ Бретейль, отвѣчалъ: «Нельзя лучше чувствовать себя и соединять въ ея возрастѣ болѣе свѣжій видъ съ жизнью, созданной для того, чтобы его лишиться; обыкновенно она ужинаетъ въ два-три часа ночи и ложится спать въ семь часовъ утра». Эта свѣжесть была въ дѣйствительности въ то время ужъ весьма призрачной иллюзіей, создаваемой упорнымъ трудомъ. «Четырехъ, пяти часовъ времени и всего русскаго искусства,—добавлялъ маркизъ,—едва достаточно ежедневно для того, чтобы придать ея лицу желаемую обольстительность».

Всѣмъ извѣстно мѣсто, которое занимали въ данную эпоху наряды въ жизни женщины на Западѣ, и общественная и даже политическая роль уборной въ исторіи восемнадцатаго столѣтія, долгіе часы, проводимые красавицами за туалетнымъ столомъ, въ обществѣ горничныхъ, парикмахеровъ, портныхъ, раннихъ посѣтителей и неизбѣжнаго аббата. Всякимъ модамъ свойственно подвергаться преувеличенію, переступая черезъ границы. У Елизаветы страсть къ нарядамъ и къ уходу за своей красотой граничила съ безуміемъ. Долгое время вынужденная стѣснять себя въ этомъ отношеніи по экономическимъ соображеніямъ, она со дня восшествія своего на престолъ не одѣла двухъ разъ того же платья. Танцуя до упаду и подвергаясь сильной испаринѣ, вслѣдствіе преждевременной полноты, она иногда три раза мѣняла платье во время одного бала. Въ 1753 г., при пожарѣ одного изъ ея московскихъ дворцовъ, сгорѣло четыре тысячи платьевъ; однако послѣ ея смерти осталось ихъ еще пятнадцать тысячъ въ ея гардеробахъ и два сундука, наполненные шелковыми чулками, тысячами паръ туфель и болѣе чѣмъ сотней

Цесаревна Елизавета Петровна въ образѣ Венеры.

Съ портрета, приписываемаго Л. Караваку.

(Большой Петергофскій Дворецъ).

кусковъ французскихъ матерій. Она поджидала прибытіе французскихъ кораблей въ С.-Петербургскій портъ и приказывала немедленно покупать новинки, привозимыя ими, *прежде чѣмъ другіе ихъ увидѣли*. Англійскій посланникъ лордъ Гиндфордъ самъ хлопоталъ о доставкѣ императрицѣ цѣнныхъ тканей. Она любила бѣлыя или свѣтлыя матеріи, съ затканными золотыми или серебряными цвѣтами. Бехтѣевъ, посланный въ 1760 г. въ Парижъ для возобновленія дипломатическихъ сношеній между обоими дворами, вмѣстѣ съ тѣмъ добросовѣстно тратилъ свое время на выборъ шелковыхъ чулокъ новаго образца и на переговоры о приглашеніи для Разумовскаго знаменитаго артиста повареннаго искусства, Баридо ¹.

Гардеробъ императрицы вмѣщалъ и собраніе мужскихъ костюмовъ. Она унаслѣдовала отъ отца любовь къ переодѣваніямъ. Черезъ три мѣсяца послѣ своего прибытія въ Москву на коронацію она успѣла, по свидѣтельству Ботта, надѣть костюмы всѣхъ странъ въ мірѣ. Впослѣдствіи при дворѣ два раза въ недѣлю происходили маскарады, и Елизавета появлялась на нихъ переодѣтой въ мужскіе костюмы—то французскимъ мушкетеромъ, то казацкимъ гетманомъ, то голландскимъ матросомъ. У нея были красивыя ноги, по крайней мѣрѣ ее въ томъ увѣряли. Полагая, что мужской костюмъ невыгоденъ ей соперницамъ по красотѣ, она затѣяла маскированные балы, гдѣ всѣ дамы должны были быть во фракахъ французскаго покроя, а мужчины въ юбкахъ съ панье ².

Любовь къ театру, приписываемая ей, повидимому, тоже коренилась въ ея господствующей страсти. Она любила наряжать другихъ. Въ пьесахъ, разыгрываемыхъ при дворѣ воспитанниками кадетскихъ корпусовъ, женскія роли раздавались молодымъ людямъ, и Елизавета придумывала для нихъ костюмы. Такъ 1750 г. она собственными руками одѣла кадета Свистунова, игравшаго роль Оснельды въ трагедіи Сумарокова, а немного позднѣе появленіе Бекетова въ роли фаворита объяснялось подобнаго же рода знакомствомъ ³.

¹ Документы, напечатанные въ «Чтеніяхъ Московскаго Историческаго О-ва» 1866, т. IV, стр. 100. «Русскій Архивъ» 1878, т. I, стр. 12. «Сборникъ Р. И. О.» т. III, стр. 244, ср. Трефолевъ, «Императрица Елизавета какъ щеголиха», «Русскій Вѣстникъ», Іюль 1882.

² Екатерина II, «Записки» Лондонское изд., стр. 148.

³ «Отечественныя Записки» 1822, № 32, стр. 298; Барсуковъ. «Князь Гр. Орловъ», «Русскій Архивъ» 1873.

Императрица строго слѣдила за тѣмъ, чтобы никто не смѣлъ носить платьевъ и прически новаго фасона, пока она ихъ не оставляла; но, въ виду того, что она мѣняла ихъ ежедневно, а иногда и ежечасно, придворныя дамы не слишкомъ отставали отъ моды. Однажды Лопухина, славившаяся своею красотой и потому возбуждавшая ревность государыни, вздумала, по легкомыслию ли или въ видѣ бравады, явиться съ розой въ волосахъ, тогда какъ государыня имѣла такую же розу въ прическѣ. Въ разгарѣ бала Елизавета заставила виновную стать на колѣни, велѣла подать ножницы, срѣзала преступную розу вмѣстѣ съ прядью волосъ, къ которой она была прикрѣплена, и, закативъ виновницѣ двѣ добрыя пощечины, продолжала танцевать. Когда ей сказали, что несчастная Лопухина лишилась чувствъ, она пожала плечами:

— Ништо ей дурѣ!

Съ того дня Лопухина была намѣчена Елизаветой для руки палача, которой и не избѣжала. Анна Васильевна Салтыкова, несмотря на то, что отецъ ея принималъ дѣятельное участіе въ переворотѣ 1741 г., подверглась такому же публичному наказанію на балу за прическу *à la coque*¹.

Не надо здѣсь вдаваться въ сравненія съ сосѣдками и современницами Елизаветы, съ кроткой Маріей Лещинской и даже съ властной Маріей-Терезіей. Отцомъ Елизаветы не былъ добрый король Станиславъ, и Россія восемнадцатаго столѣтія не была Франціей или Австріей. Въ отношеніи нравственнаго воспитанія и чувствъ и инстинктовъ, вытекающихъ изъ него, Россія несмотря на преобразование, отстала на сто лѣтъ отъ Западной Европы. Но поступки Елизаветы въ родѣ только что приведеннаго мной, доказываютъ, однако, что преданіе, снисходительное къ своимъ любимцамъ, польстило дочери Петра Великаго, приписывая ей доброту и кротость, совершенно чуждыя окружавшей ее средѣ. Елизаветѣ были свойственны нѣкоторые благородные порывы, и она иногда сочувствовала великимъ гуманитарнымъ теченіямъ ея вѣка. Въ 1755 г., получивъ извѣстіе о землетрясеніи въ Лиссабонѣ, она хотѣла было выстроить вновь на свой счетъ цѣлый кварталъ города, и ее съ трудомъ убѣдили въ томъ, что состояніе ея финансовъ того не позволяетъ. Она отказалась подписать проектъ уголовного уложенія, гдѣ законо-

¹ Долгоруковъ, «Записки», I, 477.

датели ввели слишкомъ варварскія наказанія. «Это кровью написано», сказала она. Аннѣ Иоанновнѣ чужды были подобные порывы. Но въ 1743 г. Ушаковъ и члены комиссіи, производившей слѣдствіе по дѣлу Ботта, тщетно обращали вниманіе императрицы на болѣзнь одной обвиняемой, Софіи Лиліенфельдъ; они не знали, подвергать ли ее пыткамъ, тѣмъ болѣе, что она была виновна лишь въ томъ, что не донесла о неодобрительныхъ отзывахъ, смысла которыхъ, можетъ быть, и не поняла. Несчастливая женщина была беременна. «Коли она государево здоровье пренебрегала, то плутофъ и наипаче желеть не для чего, луче чтобъ и вѣкъ ихъ не слышать, нежели еще отъ нихъ плодифъ ждатель», — отвѣтила Елизавета¹. По поводу того же дѣла, служившаго, однако, интересамъ его повелителя, Мардефельдъ съ негодованіемъ сообщаетъ слѣдующія подробности, достовѣрность которыхъ подтверждается кровавой развязкой драмы:

«Офицеры, караулившіе арестантовъ въ крѣпости, рассказывали мнѣ, что ихъ подвергли невѣроятнымъ мученіямъ. Ходять даже слухи, что Бестужева умерла подъ кнутомъ. Императрица часто присутствуетъ инкогнито на допросахъ, когда обвиняемыхъ не пытаются. Завтра она поѣдетъ на Царскую мызу и предполагають, что въ ея отсутствіе ихъ казнятъ»².

Дѣйствительно, казнь послѣдовала вскорѣ по отъѣздѣ императрицы, и она была ужасна, какъ мы увидимъ ниже.

Въ проявленіяхъ милосердія императрицы, какъ я уже указывалъ выше, была всегда доля безсознательнаго, можетъ быть, лицемѣрія, и вмѣстѣ съ набожностью большая доля отвращенія изящной женщины къ кровавымъ зрѣлищамъ и тяжелымъ впечатлѣніямъ, т. е. чувства, характерныя для французской женщины того времени. Во время Семилѣтней войны отъ императрицы скрывали число мертвыхъ, которыми ея полководцы усѣивали поля сраженія, и она не позволила ни одному раненому являться ей на глаза³. То была, дѣйствительно, *чувствительность* по версальскому образцу.

Елизавета, вмѣстѣ со своими приближенными, подчинялась эволюціи, медленно поднимавшей Россію до умственного и нрав-

¹ Соловьевъ, «Исторіи Россіи», XXI, 281.

² Королю, 27 августа 1743 г. Тайный архивъ въ Берлинѣ.

³ Гречъ, «Записки о моей жизни», «Русскій Архивъ» 1873, стр. 251.

ственного уровня Европы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она оставалась дочерью Петра Великаго, гнѣвной, капризной и энергичной, несмотря на свою лѣнь, полная чисто физической энергіей, не затрагивавшей ея ума. Она воздвигала дворцы въ нѣсколько дней, пробѣгала разстояніе между Петербургомъ и Москвой въ 24 часа—платя за каждую павшую лошадь—и била своихъ горничныхъ. Она также бранилась по примѣру Лестока, исчерпывавшаго самый грубый словарь нѣмецкаго конюха и русскаго мужика. Екатерина II рассказываетъ, какъ въ Софьинѣ, въ окрестностяхъ Москвы, куда Елизавета поѣхала на охоту въ 1750 г., она стала журить своего управляющаго за недостатокъ зайцевъ. Послѣ того, какъ управляющій получилъ отъ нея нахлобучку, она обрушилась на другія жертвы. Этотъ человекъ испортилъ ей охоту, потому что не смыслить ничего въ управленіи. Самой ей пришлось научиться вести свои дѣла, когда императрица Анна Іоанновна оставляла ее въ стѣсненномъ положеніи. Такимъ образомъ она со скудными средствами жила, какъ того требовало ея положеніе. Но она знала цѣну вещамъ. И тутъ ея гнѣвные взоры упали на Екатерину, сопровождавшую ее. «Она постепенно къ тому подходила и слова ея лились потокомъ». Она, «никогда не вздумала бы надѣть дорогое и нѣжное платье на охоту». И она сердитымъ взглядомъ окидывала лиловое платье, вышитое серебромъ, въ которомъ та, что его одѣла, охотно убѣждала бы вмѣстѣ съ зайцами.

Думая положить конецъ этой сценѣ, придворный шутъ, Аксаковъ,—последній, если не ошибаюсь, при русскомъ дворѣ—вздумалъ показать Елизаветѣ въ своей шапкѣ только что пойманнаго имъ дикобраза. Она пронзительно вскрикнула, увидя въ немъ сходство съ мышью, убѣжала въ свою палатку, гдѣ въ сердцахъ обѣдала одна; а на слѣдующій день (о чемъ Екатерина не упомянула, рассказывая эту сцену), Аксаковъ былъ взятъ въ тайную канцелярію, т. е. его пытали за то, что онъ «нанугалъ ея величество»¹.

Добавьте къ этому еще слѣдующую черточку:

«Довольно часто случалось, что когда ея императорское величество сердилась на кого-нибудь, она не бранила за дѣло, за которое слѣдовало бы побранить, а брала предлогомъ что-ни-

¹ Екатерина II, «Записки», стр. 115, французское изданіе. «Архивъ гр. Воронцова», т. II, стр. 52.

Княжна Екатерина Алексѣевна Долгорукая.

Съ гравюры Буша.

будь такое, за что никто и не могъ бы думать, что она могла разсердиться»¹.

Ея умственная лѣнь являлась наслѣдіемъ предковъ по боковой линіи. Съ этой стороны, по своей набожности, она была племянницей Іоанна V и Прасковьи Салтыковой. Она, правда, возила съ собой своихъ фаворитовъ къ Троицѣ на богомолье², но обставляла это самыми назидательными подробностями. Совершая путешествіе пѣшкомъ, она употребляла недѣли, а иногда и мѣсяцы на то, чтобы пройти шестьдесятъ верстъ, отдѣляющія знаменитую обитель отъ Москвы. Случалось, что, утомившись, она не могла дойти пѣшкомъ за три, четыре версты до остановки, гдѣ она приказывала строить дома и гдѣ отдыхала по нѣскольکو дней. Она доѣзжала тогда до дома въ экипажѣ, но на слѣдующій день карета отвозила ее къ тому мѣсту, гдѣ она прервала свое пѣшее хожденіе. Въ 1748 г. богомолье заняло почти все лѣто³.

Императрица не любила рыбы и въ постные дни питалась исключительно вареньемъ и квасомъ, чѣмъ вредила своему здоровью. Въ мартѣ 1760 г. она внушала серьезныя опасенія французу-доктору Пуассонье, приходившему въ то же время въ отчаяніе отъ того, что постъ бралъ верхъ надъ его предписаніями у больной княгини Бѣлосельской. «Она предпочитаетъ умереть отъ грозящаго ей отека легкихъ, чѣмъ выпить бульону», писалъ онъ. Проводя долгіе часы въ церкви, стоя колѣно-преклоненной, императрица иногда падала въ обморокъ, какъ это было въ 1757 г., когда думали, что она умерла. Въ 1752 г. она была въ Кронштадтѣ, куда должны были пріѣхать на яхтѣ великій князь съ великой княгиней; поднялась тѣмъ временемъ буря, и она всю ночь провела у окна, держа въ рукахъ мощи; когда ей казалось, что барка, которую она принимала за яхту, погружалась въ море, она поднимала ихъ кверху⁴. Она замѣтила во время своихъ молитвъ св. Сергію, что ангелы, окружавшіе образъ святого въ одной церкви, слишкомъ походятъ на купидоновъ, и тотчасъ же приказала прокурору Св. Синода исправить этотъ недосмотръ⁵.

¹ Екатерина, «Записки», франц. изд., стр. 178.

² См. Waliszewsky, «L'Héritage de Pierre le Grand», стр. 92.

³ Васильчиковъ, «Семейство Разумовскихъ». 1880, т. I, стр. 104.

⁴ Екатерина, «Записки», франц. изд., стр. 180.

⁵ Матюшкинъ, «Жизнеописаніе князя Шаховскаго», 1810, стр. 104.

Съ другой стороны, относительно Синода и духовенства она проявляла бережливость, заставляющую ее измѣнять иногда принципамъ Петра Великаго. Но она въ этомъ вопросѣ повиновалась и договору о взаимной снисходительности, поддерживаемому сообща ея другомъ Разумовскимъ и духовникомъ Дубянскимъ. Послѣдній вмѣшивался въ политику и покровительствовалъ запорожскимъ казакамъ за частые присылки ему соленой рыбы. Въ 1743 г. мать фаворита просила о дарованіи прихода лакею, угодившему ей своею службой, и просьба ея была уважена ¹. Архимандритъ, котораго крестьяне застали въ преступномъ общеніи съ дѣвушкой, добился жестокаго наказанія нескромныхъ свидѣтелей ².

Духовенство находило также неизмѣнную энергичную поддержку въ государыняхъ въ дѣлѣ обращенія иновѣрцевъ въ православіе. Въ современной официальной газетѣ случайныя обращенія въ православную вѣру отмѣчались. Такъ въ 1746 г. въ ней было напечатано о возвращеніи въ лоно православія княгини Ирины Долгорукой, перешедшей прежде въ католицизмъ. Ея мужъ, князь Сергѣй, обвиненный въ томъ, что не сумѣлъ оберечь вѣру своей жены, искупилъ свое несмотрѣніе въ монастырѣ, а m-lle Бере, гувернантка, заподозрѣнная въ томъ, что она приняла катехизисъ за грамматику, сидѣла подъ замкомъ въ Св. Синодѣ до 1751 г. ³.

Не все было однако легковѣсно или неприглядно въ проявляемомъ такими путями рвеніи; на юго-западной границѣ имперіи Елизавета вела серьезную пропаганду и оказала существенныя услуги дѣлу колонизаціи этихъ областей, близоруко не оцѣненныхъ Екатериной II.

Обладая внѣшнимъ обликомъ модницы и нѣкоторыми чертами, заимствованными у нравственнаго типа европейской женщины восемнадцатаго вѣка, Елизавета имѣла все же много общаго съ совершенно противоположнымъ типомъ современной ей русской женщины, хотя Петръ Великій и предполагалъ, что окончательно уничтожилъ ея полувосточный обликъ. Безпорядочная, причудливая, не имѣющая опредѣленнаго времени ни

¹ Знаменскій, «Приходское духовенство въ Россіи со времени реформъ Петра», 1873, стр. 26.

² Шаховской, «Записки», стр. 63.

³ Соловьевъ, «Исторія Россіи», XXII, 109 и слѣд.

для сна, ни для ѣды, ненавидящая всякое серьезное занятіе, чрезвычайно фамиллярная и вслѣдъ затѣмъ гнѣвающаяся за какой-нибудь пустякъ, ругающая иногда придворныхъ самыми скверными словами, но, обыкновенно, очень любезная и просто и широко гостепріимная; заходившая иногда, по примѣру матери, на кухню, чтобы приготовить гостямъ блюдо по своему вкусу; всегда окруженная цѣлымъ сонмомъ женскихъ паразитовъ—разсказчицъ нелѣпныхъ сказокъ, сплетницъ, или чесальщицъ, чесавшихъ ей пятки въ часы отдохновенія¹, она оставалась, подобно Аннѣ Іоанновнѣ, помѣщицей стараго режима, хотя и менѣе грубой и болѣе привлекательной. Элементы ея популярности коренятся именно въ этомъ смѣшеніи двухъ культуръ и компромиссахъ, куда вслѣдъ за нею устремилась и вся Россія, находя въ нихъ одновременно удовлетвореніе и своихъ прежнихъ наклонностей и новыхъ потребностей, и отдохновеніе послѣ тяжкихъ испытаній эпохи преобразованій. Дворъ Петра Великаго, поскольку Петръ имѣлъ его, былъ лишь продолженіемъ того смиренного дома, куда онъ засадилъ свой народъ за работу. На его ассамблеяхъ, походившихъ болѣе на маневры, было скучно. При Аннѣ I всѣ дрожали на нихъ. И вотъ любезная царица пожелала, чтобы на ея ассамблеяхъ веселились, усвоивъ себѣ нѣкоторыя тонкости новаго общественнаго строя, но не отказавшись совершенно отъ старыхъ привычекъ. То былъ взрывъ радости и благодарности. Царствованіе Елизаветы считали праздничнымъ днемъ, послѣдовавшимъ за только что пережитыми днями испытанія. Всѣ съ наслажденіемъ развернулись, и общественная жизнь той эпохи дрогнула отъ радости, прониклась чуждымъ ей до той поры весельемъ, лихорадочной дѣятельностью, горячимъ пыломъ въ наслажденіи жизнью.

Эта пріятная и пустая жизнь, созданная Елизаветой и часто поглощавшая ее настолько, что она забывала свои прямыя обязанности, составляетъ часть ея нравственнаго облика и поэтому мы предстоитъ воскресить ее на этихъ страницахъ.

---

¹ «Русскій Архивъ», 1866, стр. 518. Ср. Chantereau, «Voyage en Russie», 1794, стр. 89; La Messelière, «Mémoires», 1803, стр. 123.

II.

Дворъ и внутренняя жизнь.

Несмотря на скромныя средства и навыкъ къ бережливости, которою она любила кичиться, дочь Петра Великаго, будучи еще цесаревной, имѣла уже довольно многочисленный штатъ: его составляли два фурьера, одинъ камеръ-юнкеръ, четыре камердинера, девять фрейлинъ, четыре гувернантки или «мадамы»,—изъ нихъ одна была приставлена къ фрейлинамъ—два человѣка для варки кофе, девять музыкантовъ, двѣнадцать пѣсенниковъ или бандуристовъ и цѣлый сонмъ лакеевъ¹. Многочисленность челяди была главною роскошью въ ту эпоху не только въ Россіи, но и на Западѣ. Документъ, относящійся къ первымъ годамъ царствованія Анны Иоанновны и перечисляющій, сколько вина, водки и пива отпускалось придворному штату Елизаветы, выясняетъ намъ нѣсколько любопытныхъ подробностей. Алексѣй Разумовскій, хотя онъ и не стоялъ на одномъ уровнѣ съ хоромъ музыкантовъ, къ которому номинально принадлежалъ, получаетъ лишь водку и пиво. Онъ состоитъ въ рангѣ камердинера. Одинъ изъ его соперниковъ, красавецъ Лялинъ, числится среди фурьеровъ. Шубинъ—среди пажей. Сиверсъ, впоследствии ставшій гофмаршалою, приставленъ къ варкѣ кофе. Въ этомъ списокѣ еще не значится будущій фаворитъ, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Онъ только что еще родился (1727 г.), но во главѣ списка стоитъ его двоюродный братъ Александръ. Онъ камеръ-юнкеръ, и ему полагается порція вина.

Ставъ императрицей, Елизавета дополнила свой штатъ пятью или шестью камеръ-юнкерами и восемью камергерами; оберъ-церемоніймейстеромъ у нея былъ Франсуа Санти, пьемонтецъ, издавшій виды. Замѣшанный въ Парижѣ въ заговоръ Селламара, онъ нашель убѣжище при маленькомъ гессенъ-гомбургскомъ дворѣ и послѣдовалъ въ Россію за однимъ изъ принцевъ этого дома, котораго Петръ Великій прочилъ себѣ въ зятя. Сперва онъ былъ назначенъ церемоніймейстеромъ при дворѣ Екатерины I, затѣмъ, согласно превратностямъ всѣхъ блестящихъ судебъ того времени, ему пришлось отправиться въ Якутскъ, съ кандалами на рукахъ и на ногахъ. При Аннѣ Иоанновнѣ ему разрѣшено

¹ «Архивъ гр. Воронцова», т. I, стр. 19.

было поселиться въ Иркутскѣ,—въ шести тысячахъ верстахъ отъ Петербурга, вмѣсто девяти тысячъ; не успѣлъ онъ жениться здѣсь на дочери одного чиновника, какъ указомъ Бирона былъ перевезенъ въ сельцо Устьвилейскъ, за Якутскомъ. Онъ провелъ въ немъ нѣсколько лѣтъ, въ нетопленной избѣ, на цѣпи и питаясь мукой, разведенной въ водѣ¹. Странно, что Елизавета избрала именно его запѣвалой въ веселомъ хороводѣ, затѣянномъ ею. Впрочемъ ей, пожалуй, трудно было бы найти чело-вѣка, на жизнь котораго близкое прошлое не наложило своей желѣзной длани и кровавой тѣни.

Прошлое, полное мученій и ужаса, могу ли я забыть о немъ на этихъ страницахъ, когда съ каждымъ новымъ лицомъ оно встаетъ предо мной, мрачное и отвратительное?

«Ассамблеи», введенныя Петромъ I, были оставлены ближайшими его преемниками. Елизавета воскресила этотъ обычай, наряду съ другими но отъ прежнихъ собраний, гдѣ московскій аскетизмъ, германская тяжеловѣсность и грубыя или страшныя шутки хозяина создавали невыносимо тягостную атмосферу, осталось одно ихъ названіе. Теперь же закономъ стали французскіе образцы и французская грація. «Безъ нихъ (французовъ),—писалъ въ послѣдствіи журналъ «Кошелекъ» (1774),—не знали бы мы, что такое танцваніе, какъ войти, поклониться, напрыскаться духами, взять шляпу и одною ею разныя изъявлять страсти и показывать состояніе души и сердца нашего... Чтожъ бы мы сошедшимъ въ женское собраніе говорить стали. Развѣ о курахъ да цыплятахъ разговаривать бы стали?.. Безъ французовъ развѣ мы могли бы назваться людьми». Послѣ государственнаго переворота совершилась еще и другая революція; какъ сущность, такъ и форму ея создали торговцы модныхъ товаровъ, «мадамы» и учителя танцевъ, и западная цивилизація, поскольку Елизавета и ея современники были способны ее понять, не

Графъ Андрей Ивановичъ Остерманъ.

Съ портрета Я. Аргунова,
граф. А. Грачовымъ.

¹ Долгоруковъ, «Записки», т. I, стр. 250.

выходила изъ рамокъ, созданныхъ этими цивилизаторами. Зато рамки эти были чрезвычайно блестящими.

Петръ далъ намъ науку,
Его дочь привила намъ вкусъ...

пѣлъ одинъ современный поэтъ. Въ особенности вкусъ къ развлеченіямъ и, надо прибавить во имя справедливости, къ нѣ-которымъ утонченнымъ удовольствіямъ. Зимой 1745—1746 г., несмотря на тревожныя заботы, создаваемыя внутренней и виѣшней политикой, особы первыхъ двухъ классовъ обязаны были давать поочередно маскированные балы. Собирались въ шесть часовъ. Танцевали и играли въ карты до десяти, когда императрица, съ великимъ княземъ, великой княгиней и нѣсколькими привилегированными лицами садилась ужинать. Остальные приглашенные ужинали стоя. Затѣмъ танцы возобновлялись до часу или двухъ ночи. Эtiquette никакого не было. Хозяева не принимали и не провожали никого, даже императрицу. Когда она входила въ гостиную, сидящимъ запрещено было вставать. Часто Елизавета безъ церемоніи называлась на ужинъ къ тому или другому изъ своихъ приближенныхъ или къ одному изъ пословъ. Нерѣдко она появлялась неожиданно среди бала. Екатерина II, въ знаменитыхъ вечерахъ въ Эрмитажѣ, лишь слѣдовала этому примѣру, гдѣ сказывалось желаніе извлечь дворъ и общество ихъ византийской трясины, въ которой они еще погрязали и чахли.

Въ одномъ смыслѣ, по крайней мѣрѣ, успѣхи въ этомъ направленіи были быстрые. Балетмейстеръ французъ Ланде вскорѣ объявилъ, что нигдѣ не танцуютъ менуэтъ такъ выразительно и благопристойно, какъ въ Петербургѣ¹. Всѣ виды изящества и роскоши быстро развились при дворѣ Елизаветы. Она навсегда изгнала изъ своего дворца грубыя оргіи, прельщавшія еще ея отца. Она пожелала имѣть хорошій столъ. Главный поваръ Фуксъ получилъ чинъ бригадира и жалованье въ восемьсотъ рублей, что казалось огромной суммой въ то время, въ виду того, что до тѣхъ поръ главные повара относились къ разряду низшей челяди. Онъ былъ первымъ въ длинной цѣпи поваровъ, которыми Россіи пришлось вскорѣ гордиться. При дворѣ

¹ Забѣлицъ, «Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи», 1877, т. II, стр. 362.

вели также очень крупную игру, и маркизь Лопиталь, французскій посолъ, жаловался на расходы, вызываемые обязательными ежемѣсячными «кадрилями». Первый вечеръ стоилъ ему сто двадцать дукатовъ, несмотря на то, что онъ игралъ не слишкомъ несчастливо.

На время своего коронованія Елизавета выстроила въ Москвѣ оперный театръ, вмѣщавшій пять тысячъ зрителей. Въ день его открытія давали *Titta* знаменитаго *Гассе*, съ музыкальнымъ прологомъ Доминика Даллолю, композитора и дирижера, обосновавшагося въ Россіи. Его произведеніе называлось: «Угнетенная и утѣшенная Россія». Оперныя представленія, гдѣ рядомъ съ итальянскими пѣвцами выступали молодые придворные, обученные въ Сухаревой башнѣ, мѣстной консерваторіи, чередовались съ интермедіями и аллегорическими балетами, гдѣ Ланде изоощрялъ свой умъ: «*Золотое яблоко на пиру боговъ*»; «*Радость русскаго народа при появленіи его Астреи*». Этотъ видъ представленій пользовался такимъ успѣхомъ, что Академія Наукъ учредила особую кафедру аллегоріи, а русскій народъ,—та часть его, по крайней мѣрѣ, что посѣщала театръ,—дѣйствительно, склонна была думать, что въ ноябрьскую ночь 1741 г. на ея горизонтѣ заблестала Астрея.

Въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ за 1743 г., въ № отъ 5 сентября, отмѣченъ большой праздникъ въ лѣтнемъ дворцѣ. На слѣдующій день происходитъ комедія и большая иллюминація сада. 15-го—опять-таки большой праздникъ по случаю заключенія мира съ Швеціей. 7 октября—обѣдъ, ужинъ и всевозможныя развлеченія на дачѣ гофмаршала Д. А. Шепелева. 8—10 большая охота въ Царскомъ Селѣ. 11-го—праздникъ въ новомъ дворцѣ, воздвигнутомъ между Царскимъ и Петербургомъ. И такъ съ начала до конца года.

Астреѣ, однако, не мало было дѣла, чтобы, даже въ этомъ, сравнительно, ограниченномъ кругу пріучить окружавшихъ ее лицъ къ новымъ повадкамъ и, наряду съ болѣе утонченными нравами, вызвать къ жизни и болѣе разнообразныя и привлекательныя формы общественности. Въ настоящихъ своихъ запискахъ (не принадлежащихъ Галиарде и еще не изданныхъ)¹, д'Эонъ изобразилъ русскій дворъ въ 1759 г. въ далеко не при-

¹ Архивъ франц. Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Мемуары и документы—Россіи, V.

влекательныхъ краскахъ. Много роскоши, но мало вкуса и еще менѣ изящества. Дѣйствительно, величественныя манеры присутщи лишь «семи, десяти лицамъ». Женщины, въ большинствѣ случаевъ хорошо одѣтыя и увѣшанныя брилліантами, имѣютъ, однако, въ своихъ костюмахъ что-то рѣжущее для французскаго глаза. Въ нихъ можно любоваться лишь нарядами и красотой, если онѣ таковою обладаютъ. Въ огромной залѣ «болѣе короткой, чѣмъ Версальская галлерей, но гораздо болѣе широкой, обшитой деревомъ, выкрашенной въ зеленый цвѣтъ, прекрасно позолоченной, украшенной великолѣпными зеркалами и ярко освѣщенной множествомъ люстръ и жирандолей», среди потока золота, серебра и свѣта, онѣ выстраиваются, какъ въ церкви всѣ съ одной стороны, а кавалеры съ другой. Онѣ обмѣниваются глубокими реверансами и не разговариваютъ даже между собой. Это идола. Приѣмы состоятъ въ слушаніи прекрасной музыки, гдѣ артисты, пользующіеся извѣстностью въ Парижѣ,—Сакристини, Салетти, Компасси, показываютъ свои таланты; но частое и всегда однообразное повтореніе этого удовольствія скоро пріѣдается. Нѣтъ умѣнья разнообразить развлеченіе и никакого понятія о главной прелести общественныхъ собраній. Въ императорскаго дворца мало людей, имѣющихъ дома, куда доступъ «былъ бы свободенъ и легокъ и свидѣтельствовалъ о близкомъ общеніи и дружбѣ. Все почти всегда основано на церемоніи».

Выше былъ описанъ лѣтній дворецъ; зимній еще строился. Среди обитательницъ дворца д'Эонъ открылъ болѣе привлекательную группу женщинъ: «среди замужнихъ дамъ выдѣляется блестящая группа молодыхъ дѣвушекъ изъ самымъ знатныхъ семей, похожихъ на нимфъ и весьма достойныхъ взора и вниманія иностранцевъ». Ихъ зовутъ фрейлинами. Состоя при особѣ императрицы, онѣ живутъ всѣ вмѣстѣ въ большомъ зданіи, примыкающемъ ко дворцу. Но и съ ними любопытство далеко не можетъ зайти ¹.

Впечатлѣнія маркиза Лопиталья довольно близко совпадаютъ съ этимъ описаніемъ. Сообщая Шуазелю о различныхъ непріятностяхъ, сопровождавшихъ его пребываніе при сѣверномъ дворѣ, онъ пишетъ: «Не говорю уже о скукѣ, она невообразима» ².

¹ См. также переписку д'Эона съ Терсе. Ibid. Россія, дополненіе VIII, фол. 363.

² 3 февр. 1759 г. Архивъ франц. Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Что же касается графа Цинцендорфа, посланника Маріи Терезі, то онъ, повидимому, вынесъ о большой залѣ лѣтняго дворца лишь одно довольно непріятное воспоминаніе. Полюбопытствовавъ узнать, по желанію Кауница, какъ отоплялось это помѣщеніе, онъ убѣдился, проникнувъ въ него въ маѣ мѣсяцѣ, что здѣсь «царилъ страшный холодъ». Ему сказали, однако, что «когда собирается много народу и при большомъ освѣщеніи, то въ залѣ тепло».

О Царскомъ Селѣ сохранилось описаніе Дугласа, предшественника маркиза Лопиталья. Его показанія полны похвалъ, но съ точки зрѣнія чисто матеріальной. Въ подгородной резиденціи Елизаветы сосредоточилась самая утонченная роскошь. Подъемныя машины, поднимавшія гостей до второго этажа въ мягкихъ объятіяхъ двухъ стеганныхъ дивановъ, обѣды, подаваемые на волшебномъ столѣ, на которомъ, при отсутствіи всякой прислуги, мгновенно появлялись всѣ требуемые предметы, самодвижушіеся лодки и экипажи ¹.. Не подсказываютъ ли эти чудеса мысль, что мы, можетъ быть, слишкомъ цѣнимъ нѣкоторые успѣхи въ той же области, которыми кичится наша эпоха? Подъемныя машины и автомобили того давняго времени двигались, правда, лишь съ помощью пружинъ, но, можетъ быть, они и не давили столько народу.

Несмотря на чарующую декорацію, развертывавшуюся передъ иностранцами, дворъ Елизаветы, даже съ этой точки зрѣнія, былъ довольно далекъ отъ западныхъ образцовъ, которымъ силился подражать. Цинцендорфъ, приглашенный какъ-то въ Царское, не спѣшилъ вернуться туда послѣ перваго посѣщенія, вслѣдствіе вида и запаха труповъ околѣвшихъ лошадей, окаймлявшихъ дорогу. Со своей позолотой и необычайнымъ устройствомъ столовыхъ, какъ петербургскіе, такъ и загородные дворцы слегка напоминали палатки Золотой Орды. Въ нихъ не жили, а скорѣй стояли на бивакахъ ². Въ 1752 г., отправившись въ Москву, Елизавета вздумала поселиться въ Кремлѣ, что вызвало страшное волненіе и замѣшательство! Подъѣзды стариннаго императорскаго дворца давно уже служили складочнымъ мѣстомъ для нечистотъ. Горы ихъ заградили дорогу фурьерамъ ея величе-

¹ Дугласъ къ Терезе, 21 и 26 іюня 1756 г. Архивъ франц. Мин. Ин. Д.— Россія, дополненія, т. VIII, фол. 290.

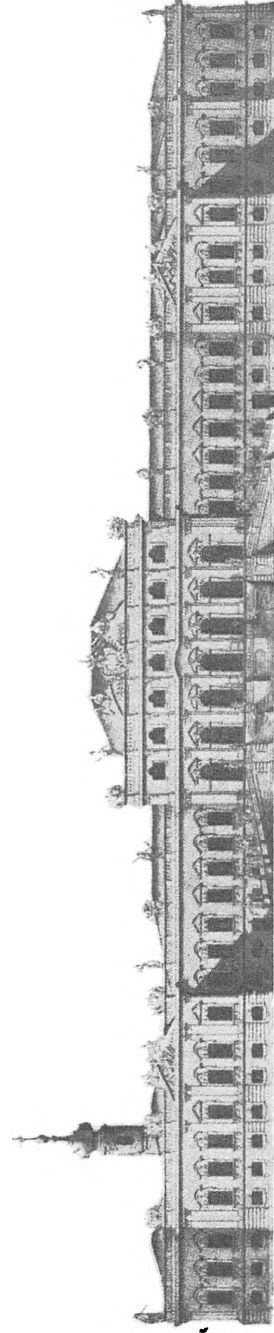
² Кауницу, 13 іюля 1755. Вѣнскій архивъ.

ства. Приказано было произвести чистку «не через переписку». Но въ самихъ апартаментахъ, какъ оказалось, жить было невозможно. Русскіе зодчіе Ухтомскій и Евлашевъ, объявили, что дворецъ надо перестроить сверху до низу, и итальянскій архитекторъ Растрелли съ ними согласился. Тогда Елизавета отъправилась въ Головинскій дворецъ, къ которому наскоро пристроили деревянный флигель для великаго князя и великой княгини. Читатели «Романа Императрицы» знаютъ, какъ Екатерина оцѣнила это помѣщеніе. Елизаветѣ же такъ понравились ея апартаменты, что она выразила желаніе провести въ нихъ и зиму. Но въ началѣ зимы дворецъ и всѣ его службы—раскинувшіяся на три версты—сгорѣли въ какихъ-нибудь три часа времени. Императрицѣ пришлось укрыться въ своемъ домѣ на Покровкѣ, а молодой дворъ пріютился въ Нѣмецкой слободѣ въ деревянномъ домѣ, куда свободно проникали вѣтры всѣхъ четырехъ странъ свѣта, и гдѣ стоялъ гарнизонъ таракановъ и самыхъ зловредныхъ клоповъ. Но сгорѣвшій дворецъ уже отстраивался вновь. Пятьсотъ плотниковъ работали надъ нимъ. Нанимая ихъ за высшую плату—отъ двадцати пяти до тридцати копѣекъ въ день—ихъ завѣрили, что она будетъ имъ уплачиваться тоже «не через переписку» каждую недѣлю, и 10 декабря 1753 г. Елизавета переѣхала въ новый дворецъ. Прежній сгорѣлъ 1-го ноября, менѣе чѣмъ за шесть недѣль, а новый дворецъ вмѣщалъ не менѣе шестидесяти комнатъ и гостиныхъ!¹ Въ немъ помѣстилась, однако, лишь часть мебели императрицы. Остальная мебель, вмѣстѣ съ золотыми и серебряными сервизами и императорской шкатулкой, осталась въ Лефортовскомъ дворцѣ подъ охраной лейбъ-кампанцевъ, квартировавшихъ въ немъ: ихъ было всего около трехъ тысячъ человекъ, считая женщинъ и лакеевъ. Въ февралѣ 1754 г. всѣ они оказались безъ крова: Лефортовскій дворецъ сгорѣлъ въ свою очередь.

Мнѣ пришлось уже отмѣтить кочевой характеръ домашней обстановки того времени, вызванный отчасти періодическимъ возвратомъ подобныхъ бѣдствій. Нѣсколько времени спустя Кириллъ Разумовскій, братъ фаворита, получилъ въ собственность огромный домъ въ Кіевѣ, состоявшій изъ семи корпусовъ, выстроенныхъ изъ толстыхъ дубовыхъ бревенъ. Въ 1754 г. былъ установленъ налогъ на жилья недвижимости, и сборщикъ нало-

¹ Нащокинъ, «Записки», «Русскій Архивъ» 1883 г., т. 1, стр. 321.

Фасадъ Лѣтняго Дворца, находящагося на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Инженерный замокъ.

Съ оригинальнаго рисунка.

(Императорскій Эрмитажъ).

говъ постучался и въ дверь этого дома. Разумовскій пришелъ въ ярость и велѣлъ немедленно же разобрать домъ и перенести его въ свое имѣніе за нѣсколько сотъ верстъ. И это было исполнено въ двадцать четыре часа ¹.

Но сами путешествія Елизаветы походили на бѣдствія. Когда она переѣзжала изъ С.-Петербурга въ Москву, то это перемѣщеніе производило переполохъ въ обоихъ городахъ. Девять десятыхъ петербургскихъ жителей уѣзжало въ Москву. Сенатъ, Синодъ, иностранная, военная коллегіи, казначейство, придворная канцелярія, почта, всѣ службы дворца и конюшенъ должны были слѣдовать за государыней: восемьдесятъ тысячъ человѣкъ и девятнадцать тысячъ лошадей ². Одна карета императрицы требовала множества лошадей. Елизавета любила путешествовать быстро. Лошадей, предназначенныхъ для ея экипажа, подвергали особой тренировкѣ; въ ея линейку или возокъ, снабженный особымъ приспособленіемъ для топки, — впрягали двѣнадцать лошадей и мчались въ карьеръ. Если одна лошадь падала, ее немедленно замѣняли другой; за экипажемъ скакала полная смѣна запряжки. Такимъ образомъ пробѣгали по нѣсколько сотъ верстъ въ сутки. Въ 1744 г., во время путешествія императрицы въ Кіевъ, думали широко поставить дѣло, завербовавъ четыре тысячи лошадей. Разумовскій воскликнулъ: «Да ихъ надо въ пять разъ больше!» Братъ фаворита, отправляясь въ Украину, чтобы вступить въ управленіе гетманствомъ, требовалъ двѣсти почтовыхъ экипажей на каждой станціи ³.

Ничто такъ легко не усваивается, какъ роскошь. Но виды ея разнообразны, и придворные Елизаветы не умѣли еще выбирать лучшіе изъ нихъ. Въ 1747 г. Гиндфордъ съ пренебреженіемъ отзывался о странѣ, «гдѣ здравый смыслъ, если таковой и имѣется, заключается въ обжорствѣ, питьѣ и экипажахъ» ⁴. И какомъ обжорствѣ! Д'Эонъ включалъ гетмана Разумовскаго въ число тѣхъ четырехъ лицъ, у которыхъ ему удалось встрѣтить дѣйствительно пріятное гостепріимство. Однако секретарь саксонской миссіи Функъ, пообѣдавъ у Разумовскаго два дня

¹ Васильчиковъ, «Семейство Разумовскихъ», т. I, стр. 461.

² Hermann, «Geschichte des russischen Staates», т. V, стр. 197.

³ Журналы сената, 26 февр. 1751 г. Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XXIII, стр. 46. Scherer, «Anecdotes», 1792, т. VI, стр. 35.

⁴ Графу Штейнбергу, 10 января 1747. См. Borkovsky, «Die englische Friedensvermittlung im Jahre 1745», Berlin, 1884, стр. 113.

подъ-рядъ, — и надо сказать, что обѣды готовилъ не Фуксъ, — жаловался на разстроенное здоровье и увѣрялъ, что заслужилъ спасеніе души, «глота я приправы изъ прогорклаго масла» и другія «невообразимыя гадости»¹.

Даже въ этой области физическихъ наслажденій и свѣтскаго общенія, наиболѣе доступной вліянію западной цивилизаціи, эта послѣдняя наталкивалась на всевозможныя препятствія. Въ своихъ описаніяхъ современнаго ему русскаго общества ни д'Эонъ, ни кто бы то ни было изъ проникнувшихъ въ русское общество иностранцевъ не упомянулъ о женщинѣ, походившей хоть издалека на жену маршала Люксембургскаго, или о гостиницѣ, напоминавшей салонъ принцессы Тальмонъ или госпожи дю-Деффанъ. А ужины, на которые Елизавета приглашала близкихъ ей людей, походили на ужины президента Эно лишь хорошей фдой. Въ Петербургѣ, въ Москвѣ, воспоминаніе о безобразныхъ попойкахъ и грубомъ шутовствѣ Петра Великаго были еще слишкомъ свѣжо и оставило въ атмосферѣ столь сильный отзвукъ варварскаго распутства, что упорство нѣкоторыхъ чертъ мѣстныхъ нравовъ было вполнѣ естественно. Полюбовавшись точностью исполненія и «благопристойностью» менуэтовъ, которыми дирижировалъ Ланде, серьезный Гиндфордъ чуть не подскочилъ при видѣ генераль-прокурора, плясавшаго, «словно Hans Wurst», во главѣ процессіи².

Надо отдать справедливость личному вліянію Елизаветы въ данной области тѣмъ болѣе, что, не отказываясь отъ нѣкоторыхъ привычекъ, болѣе или менѣе оскорбительныхъ для хорошаго вкуса, и даже для нравственности, она вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживала въ обществѣ другіе обычаи, ничуть не заслуживавшія пренебреженія, цѣнные и привлекательные и соотвѣтствовавшіе серьезнымъ качествамъ, т. е. національнымъ добродѣтелямъ ея народа, въ силу чего ихъ постепенное исчезновеніе при нивеллировкѣ современной жизни вызываетъ скорѣе сожалѣніе, чѣмъ похвалу. Дочь Петра Великаго могла приобрести и ошибочныя понятія въ вопросахъ хорошаго тона и манеръ. Чтобы ей понравиться, ла Шетарди, обладавшій инстинктами мистификатора, вздумалъ въѣхать во дворъ Императорскаго дворца въ экипажѣ, запряженномъ шестеркой лошадей, и нѣсколько разъ объѣхать его

¹ Барону Претлаку, 31 марта 1755. Вѣнскій архивъ.

² Штейнбергу, 21 ноября 1747 г. Вогковску, *op. cit.*, стр. 172.

кругомъ. При третьемъ или четвертомъ кругѣ Елизавета, открывъ форточку, съ милостивою улыбкой помахала дипломату рукой. Не выходя изъ экипажа, онъ началъ глубоко раскланиваться, а она сіяла: «Какъ они любезны, эти французы! Вотъ это настоящая французская галантность». Въ автобіографической запискѣ, гдѣ племянникъ уже извѣстнаго намъ Воронцова сообщаетъ о первыхъ своихъ шагахъ при дворѣ, мы читаемъ:

«Она (императрица) позволяла намъ, дѣтямъ, появляться при дворѣ на куртагахъ, давала балы во внутреннихъ покояхъ для дѣтей обоюго пола своихъ придворныхъ. Помню одинъ изъ этихъ баловъ, гдѣ было отъ шестидесяти до восьмидесяти дѣтей. Мы ужинали всѣ вмѣстѣ; а сопровождавшіе насъ гувернеры и гувернантки ужинали за отдѣльнымъ столомъ. Императрица долго смотрѣла на наши танцы и сама ужинала съ матерями и отцами»¹.

Добрая Марія Лещинская, можетъ быть, и рада была бы послѣдовать ея примѣру, но величіе Версаля было бы этимъ оскорблено, что, пожалуй, и не совсѣмъ лестно для традицій Короля-Солнца.

Долженъ, однако, сказать, что Елизавета черпала лучшую долю своего личнаго удовольствія не при дворѣ, въ собственномъ смыслѣ слова, не среди этихъ чистыхъ радостей, создаваемыхъ ею для дѣтей, и не въ официальныхъ приемахъ, навѣвавшихъ гнетущую скуку на маркиза Лопиталья, не въ этой патриархальной или искусственно натянутой средѣ. Она появлялась лишь на короткое время въ Лѣтнемъ дворцѣ, и даже Царское Село рѣдко видѣло ее. Она предпочитала дачи Разумовскаго: Горенки, подъ Москвой, и въ окрестностяхъ Петербурга, Мурзинку, Славянку, Приморскій дворъ и главнымъ образомъ Гостилицы, бывшую резиденцію Миниха. Въ Гостилицахъ она жила даже зимой, заслушиваясь по вечерамъ то тонкими мелодіями итальянскихъ пѣвцовъ, то хоровымъ пѣніемъ деревенскихъ женщинъ. Въ Гостилицахъ же или въ ея бывшей резиденціи, Цесаревиномъ дворъ, принадлежавшей уже Разумовскому, и позднѣе въ Аничковомъ дворцѣ², выстроенномъ для

¹ «Архивъ кн. Воронцова», т. V стр. 13.

² Онъ получилъ это названіе, потому что былъ выстроенъ на мѣстѣ казармы, гдѣ помѣщался полкъ, которымъ командовалъ нѣкій полковникъ Аничковъ.

фаворита, въ день его именинъ, 17 марта танцовали до упаду, несмотря на постъ и набожность четы. Къ концу царствованія насталь чередъ Ивана Шувалова и въ 1754 г., по случаю рожденія великаго князя Павла, императрица присутствовала у своего друга на маскарадномъ балу, продолжавшемся сорокъ восемь часовъ ¹.

Любила она всегда и свѣжій воздухъ, ширь и въ особенности движеніе. Она напоминала Петра Великаго своей чрезвычайной подвижностью, съ тою лишь разницей, что ея поѣздки имѣли иную цѣль. Такъ, 4 мая она находится въ Петергофѣ, 7 мая—въ Кронштадтѣ, 8-го въ Царскомъ, обѣдаетъ затѣмъ на пути, 11-го возвращается въ Петербургъ; 23-го она снова въ Петергофѣ, а 29-го уже уѣзжаетъ въ Стрѣльну ². Между двумя прогулками верхомъ и двумя охотами она собирала своихъ фрейлинъ и дѣвушекъ на лужайкѣ парка и водила съ пѣснями хороводъ; въ Александровѣ она каталась на лодкахъ на прудахъ, идѣ Иванъ Грозный топилъ свои жертвы. Утомившись, она приказывала разстилать въ тѣни коверъ, покрытый шалями, и ложилась спать подъ охраной фрейлины, вѣеромъ отмахивавшей отъ нея мухъ, тогда какъ остальные должны были хранить благоговѣйное молчаніе,—не то приключилась бы бѣда! Туфля ея величества, брошенная сильной рукой, ударяла виновную по щекѣ. Она, впрочемъ, выгодно замѣняла желѣзный костыль Іоанна Грознаго или знаменитую дубинку, которую Петръ Великій пускалъ въ ходъ въ подобныхъ случаяхъ.

Зимой государыня наслаждалась другими національными увеселеніями: посидѣлками, подблюдными пѣснями, святочными играми; на масленицѣ она съѣдала по двѣ дюжины блиновъ и приводила въ отчаяніе Фукса своимъ откровеннымъ пристрастіемъ къ щамъ, буженинѣ, кулебякѣ и гречневой кашѣ. Заставивъ ее полюбить малороссійскую кухню, жирную и сытную, Разумовскій нанесъ, увы, ущербъ красотѣ своей подруги. Елизавета расплылась. На годовомъ обѣдѣ лейбъ-кампанцевъ она появлялась въ мундирѣ капитана и подавала сигналъ къ возліямъ, выпивая рюмку водки. Но нигдѣ не нашелъ я слѣдовъ приписываемыхъ ей нетрезвыхъ привычекъ. Наоборотъ, въ этомъ отношеніи свидѣтельства современниковъ, включая въ нихъ и самыя недоброжелательныя, съ Мардефель-

¹ «Архивъ кн. Воронцова», т. V, стр. 18.

² Камеръ-фурьерскій журналъ; Ср. Семевскій, loc. cit.

домъ во главѣ, являются всѣ безъ исключенія отрицательными. «Она ни въ чемъ себѣ не отказываетъ, какъ и мать ея Екатерина», пишетъ въ 1742 г. посланникъ Фридриха ¹, «только Вакхъ не принимаетъ въ томъ никакого участія». Маркизь Лопиталь пишетъ въ 1758 г.: «Она ѣстъ мало и любитъ лишь здоровую пищу; она пьетъ обыкновенно легкое пиво и венгерское вино; во всемъ она умѣрена ². Недоброжелательность воспользовалась здѣсь привычкой, появившейся у Елизаветы весьма незадолго до кончины государыни, среди истерическихъ припадковъ, которыми она въ то время страдала.

Отъ подобныхъ излишествъ испортился цвѣтъ ея лица, а она дорожила имъ больше, чѣмъ тонкостью талии. Какъ и на всемъ Востокѣ, дородность не считалась въ Россіи недостаткомъ. Красота и здоровье Елизаветы пострадали въ особенности отъ постоянныхъ бессонныхъ ночей. Она рѣдко ложилась спать до разсвѣта и, даже лежа въ постели, старалась отгонять отъ себя сонъ, и дѣлала она это не только ради своего удовольствія или удобства. Она знала, какія неожиданности готовила иногда властителемъ ночь, проведенная во снѣ. И въ тѣ часы, когда Биронъ и Анна Леопольдовна пережили ужасное пробужденіе, Елизавета, окруженная въ своемъ альковѣ полудюжиной женщинъ, разговаривавшихъ въ полъ-голоса и тихо часавшихъ ей пятки, превращалась въ восточную императрицу изъ тысячи и одной ночи и оставалась въ полномъ сознаніи и на-чеку до самаго разсвѣта.

Эти чесальщицы составляли цѣлый штатъ, и многія женщины стремились къ нему принадлежать; при этихъ ночныхъ бесѣдахъ нерѣдко удавалось шепнуть въ державное ухо словцо, даромъ не пропадавшее, и тѣмъ оказывать щедро оплачиваемыя услуги. Такъ въ концѣ царствованія среди чесальщицъ числилась родная сестра фаворита, Елизавета Ивановна Шувалова. И вліяніе ея было настолько сильно, что одинъ современникъ называетъ ее «настоящимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ» ³. Въ 1760 г. маркизь Лопиталь обезпокоился ролью, которая стала играть другая чесальщица, по слухамъ любившая деньги и принимавшая ихъ отъ Кейта, англійскаго посланника; это была

¹ Королю, 30 марта 1743 г. Берлинскій архивъ.

² Шуазелю, 10 августа 1758 г. Архивъ франц. Мин. Иностр. Дѣлъ.

³ Ср. «Архивъ кн. Воронцова», т. VI, стр. 285.

сама Воронцова, жена великаго канцлера ¹. Дипломатическому корпусу приходилось поочередно опасаться враждебности или добиваться благожелательности жены Петра Шувалова, Мавры Егоровны, рожденной Шепелевой, женщины «съ тонкимъ и злобнымъ умомъ», какъ характеризуетъ ее Мардефельдъ, или считаться «съ корыстными наклонностями» Маріи Богдановны Головиной, вдовы адмирала Ивана Михайловича, которую сама Елизавета прозвала за ея злобу *Хлонтъ-бабой*.

Но и тѣ и другіе встрѣчали среди своихъ пересудъ и интригъ строгаго контролера въ лицѣ бывшаго истопника, Василия Ивановича Чулкова, произведеннаго въ камергеры и исполнявшаго особо интимныя обязанности. Будучи непоколебимо вѣренъ Елизаветѣ, онъ считался присяжнымъ стражемъ императорскаго алькова. Каждый вечеръ онъ появлялся съ матрацомъ и двумя подушками и проводилъ ночь на полу у постели Елизаветы. Къ концу царствованія онъ сдѣлался кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго, генераль-лейтенантомъ и женился на княжнѣ Мещерской, не оставивъ, однако, своей должности. Будучи положительно неподкупнымъ, онъ часто останавливалъ сплетницъ, говоря: «Врете! Это подло!» На разсвѣтѣ чесальщицы удалялись, уступая мѣсто Разумовскому, Шувалову или иному временному избраннику, но Чулковъ оставался. Въ двѣнадцать часовъ дня Елизавета вставала, и нерѣдко ея сторожъ еще крѣпко спалъ. Она тогда будила его, вытаскивая у него подушки изъ-подъ головы или щекоча подъ мышками, а онъ, приподнимаясь, фамиллярно ласкалъ плечо государыни, называя ее «своей дорогой бѣлой лебедушкой» ². Такъ, по крайней мѣрѣ, рассказываетъ преданіе, за достовѣрность котораго я не ручаюсь.

Однако я приступаю здѣсь къ области интимной жизни, гдѣ опытъ прошлаго заставляеть меня подраздѣлить моихъ читателей на категоріи. Пусть тѣ изъ нихъ, чью стыдливость я имѣлъ несчастіе оскорбить въ своихъ прежнихъ трудахъ, лучше покинуть меня здѣсь и вновь ко мнѣ вернуться въ слѣдующей главѣ. Считаю долгомъ, однако, предупредить ихъ, что они рискуютъ потерять изъ виду одну изъ типичныхъ сторонъ царствованія, которое я намѣреваюсь изучить съ ними, и затемнять и остальные подобно тому, какъ были бы темны и непонятны нѣкоторыя

¹ Шуазель Лопиталю, 2 ноября 1760. Архивъ франц. Мин. Иностр. Дѣлъ.

² Долгоруковъ, «Записки», т. I, стр. 478.

Графиня Анна Карловна Воронцова (урожденная гр. Скавронская).

Съ гравюры А. Грекова.

и, конечно, не наименѣ интересныя стороны царствованія Людовика XV, если бы вздумали изъять изъ его исторіи маркизу Помпадуръ. Да и то ни маркиза Помпадуръ, ни ея соперницы никогда не занимали положенія, равнаго тому, что выпадало на долю великихъ фаворитовъ XVIII столѣтія въ Россіи. Какъ я уже пытался разъяснить, фаворитизмъ въ Россіи не былъ скандаломъ; это было государственное учрежденіе, которое въ силу своей публичности, послѣдовательности и пріобрѣтеннаго авторитета переставало быть скандальнымъ и поднималось до уровня другихъ элементовъ, составлявшихъ дворъ, общество, государство. Когда Елизавета заболѣвала, никому и въ голову не приходило, что ей слѣдовало бы, по примѣру Людовика XV, разстаться съ Разумовскимъ или Шуваловымъ, дабы приготовиться предстать передъ Богомъ. По этой причинѣ, и по другимъ, которыя выяснятся въ дальнѣйшемъ изложеніи, біографія этихъ фаворитовъ не является главой изъ скандальной хроники, — это глава изъ исторіи Россіи и надо ее изучить, хотя бы и пришлось при этомъ встрѣтиться съ Чулковымъ, подобно тому, какъ, проникая въ интимную жизнь «возлюбленнаго» короля, наталкиваешься на m-me Гессе. Согласенъ съ тѣмъ, что соприкосновеніе съ Чулковымъ, съ его матрацомъ, подушками и всѣмъ остальнымъ, раскрываетъ больше непристойностей, но я вѣдь въ томъ не виноватъ. Къ тому же тотъ, кого прозвали «ночнымъ императоромъ», т. е. Разумовскій, — и о немъ главнымъ образомъ мнѣ и придется говорить на нижеслѣдующихъ страницахъ, — не является при ближайшемъ изученіи подобіемъ маркизы Помпадуръ, а скорѣе сколкомъ съ m-me де Ментенонъ, съ большими, конечно, отступленіями въ сходствѣ. Сенъ-Сира онъ не основалъ, но и въ этомъ я опять-таки не виноватъ.

III.

Интимные нравы. Ночной императоръ.

Среди мужчинъ, которымъ Елизавета въ раннемъ возрастѣ отвела большое мѣсто и въ своей жизни, прежде чѣмъ ей удалось удѣлить имъ таковое въ жизни своего народа, Александръ Борисовичъ Бутурлинъ, повидимому, былъ однимъ изъ первыхъ по времени. Уже въ 1727 г., въ письмѣ къ цесаревнѣ, Шувалова передавала поклонъ Александру Борисовичу¹⁾. Два года спустя

¹⁾ «Русская Старина» 1870 г., т. III, стр. 512.

въ минуту досады, не чуждой, пожалуй, и ревности, Петръ II отправилъ его въ Украину. Преемникомъ его явился оберъ-гофмейстеръ императорскаго двора, Семенъ Кирилловичъ Нарышкинъ, но и ему не было суждено спокойное пользованіе своимъ наслѣдіемъ. Онъ слылъ за жениха, даже за мужа цесаревны. Въ 1739 г. въ европейскихъ дипломатическихъ канцеляріяхъ открыто говорили объ этомъ бракѣ¹, и эта легенда не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго. Семенъ Кирилловичъ и Елизавета были двоюродными братомъ и сестрой. Долгое время поговаривали о ея бракѣ съ другимъ Нарышкинымъ, Александромъ Львовичемъ. Семенъ Кирилловичъ родился въ 1710 г., слѣдовательно годами подходилъ къ цесаревнѣ; онъ отличался большой красотой и соединялъ съ ней внѣшній обликъ утонченнаго барина, чрезвычайное изящество и княжеское великолѣпіе. Онъ былъ русскимъ Лозеномъ данной эпохи. Къ сожалѣнію, и тутъ вмѣшался Петръ II, и преемнику Бутурлина приказано было путешествовать. Онъ долго пробылъ въ Парижѣ, подъ фамиліей Тенкина, и вернулся въ Россію лишь въ то время, когда среди приближенныхъ Елизаветы самъ Шубинъ оказался излишнимъ. Ему пришлось утѣшиться должностію оберъ-егермейстера и тѣмъ изумленіемъ, въ которое повергала его роскошь чисто парижскаго пошиба населенія Петербурга и Москвы. На свадьбѣ великаго князя онъ выѣхалъ въ каретѣ, у которой пролеты между спицами колесъ были заполнены зеркалами.

Шубинъ, простой гвардейскій солдатъ, сблизился съ Елизаветой вскорѣ послѣ отъѣзда этого неудавшагося супруга; выказавъ при вступленіи на престолъ Анны Іоанновны неосторожную приверженность къ правамъ своей цесаревны, онъ позволилъ втянуть себя въ болѣе или менѣе подлинный заговоръ въ ея пользу. Послѣ пребыванія въ каменномъ мѣшкѣ, знаменитой тюрьмѣ той эпохи, гдѣ нельзя было ни стоять, ни лежать, и многочисленныхъ посѣщеній застѣнка, онъ былъ сосланъ на Камчатку, а Елизавета стала подумывать о постригѣ, согласно преданію, требующему подтвержденія, и писать жалобные стихи, заслуживающіе всецѣло наше снисхожденіе.

О томъ, какъ цесаревна забыла свое горе, и какъ возникла новая, менѣе преходящая на этотъ разъ связь, маркизъ Шетарди рассказываетъ намъ слѣдующее въ 1742 г.:

---

¹ См. «Сборникъ Р. И. О.», т. XX, стр. 122; ср. «Русскій Архивъ» 1871, стр. 1504.

«Нѣкая Нарышкина, вышедшая съ тѣхъ поръ замужъ ¹, женщина, обладающая большими аппетитами и пріятельница цесаревны Елизаветы, была поражена лицомъ Разумовскаго (это происходило въ 1732 г.), случайно попавшагося ей на глаза. Оцо, дѣйствительно, прекрасно. Онъ брюнетъ съ черной, очень густой бородой, а черты его, хотя и нѣсколько крупныя, отличаются пріятностью, свойственной тонкому лицу. Сложеніе его также характерно. Онъ высокаго роста, широкоплечъ, съ нервными и сильными оконечностями, и если его обликъ и хранить еще остатки неуклюжести, свидѣтельствующей о его происхожденіи и воспитаніи, то эта неуклюжесть, можетъ быть, и исчезнетъ при заботливости, съ какою цесаревна его шлифуетъ, заставляя его, не взирая на его тридцать два года, брать уроки танцевъ, всегда въ ея присутствіи, у француза, ставящаго здѣсь балеты. Нарышкина, обыкновенно, не оставляла промежутка времени между возникновеніемъ желанія и его удовлетвореніемъ. Она такъ искусно повела дѣло, что Разумовскій отъ нея не ускользнулъ. Изнеможеніе, въ которомъ она находилась, возвращаясь къ себѣ, встревожило цесаревну Елизавету и возбудило ея любопытство. Нарышкина не скрыла отъ нея ничего. Тотчасъ же было принято рѣшеніе привязать къ себѣ этого жестокосердаго чело-вѣка, недоступнаго чувству состраданія ².

Отмѣчаю, что эти подробности взяты мною изъ современнаго дипломатическаго памятника; дополняю ихъ данными, заимствованными изъ такихъ изданій, какъ «Русскій Архивъ» и книга Васильчикова.

Разумовскій съ 1731 г. былъ дѣвчимъ императорской капеллы. Федоръ Степановичъ Вишневскій проѣзжалъ черезъ Украину на возвратномъ пути изъ Венгрии, гдѣ онъ закупалъ вина для погребя Анны Іоанновны, и, остановившись въ селѣ Лемеша, былъ пораженъ мощнымъ басомъ, колебавшимъ стѣны маленькаго мѣстнаго храма. Онъ узналъ, что голосъ этотъ принадлежалъ молодому крестьянину, который не прочь былъ бы пѣть и въ другомъ мѣстѣ. Отецъ его, казакъ и горькій пьяница, часто колотилъ его и даже какъ-то чуть его не убилъ, запустивъ ему топоромъ въ голову. Назывался отецъ Григоріемъ Яковлевичемъ и носилъ прозвище Рѣзума, вслѣдствіе того, что въ пьяномъ

¹ Анастасія Михайловна Измайлова.

² Къ Амело, 12 іюля 1742, Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

видѣ говорилъ о самомъ себѣ: «Ей! що то за голова, що то за рѣзумъ!» Сынъ его пасъ общественное стадо и нерѣдко предоставлялъ его собственной судьбѣ, чтобы сбѣгать къ дьячку, учившему его читать и пѣть. Хорошіе церковные пѣвчіе тогда, какъ и теперь, цѣнились въ Россіи. Пѣвчіе императорской капеллы были почти все малороссы, и недалеко отъ Лемешъ, въ Глуховѣ, была даже особая школа на двадцать четыре человѣка, гдѣ обучались эти артисты ¹. Вишневскій взялъ съ собой молодого пастуха, за что былъ вознагражденъ чиномъ генералъ-майора и мѣстомъ при дворѣ Елизаветы. Цесаревна, выпросивъ себѣ пѣвчаго, недолго наслаждалась его красивымъ голосомъ; Алексѣй Григорьевичъ вскорѣ его потерялъ. Но она сдѣлала изъ него бандуриста, и онъ сумѣлъ, очевидно, отличиться въ этой новой должности, потому что вскорѣ она поручила ему управленіе однимъ изъ своихъ имѣній, а затѣмъ и всемъ своимъ дворомъ.

Тѣмъ временемъ старикъ Рѣзумъ умеръ; но Алексѣй Григорьевичъ имѣлъ въ Лемешахъ еще многочисленную родню: мать, Наталію Демьяновну, старшаго брата, Данилу, умершаго въ 1741 г.; младшаго брата Кирилла, предназначеннаго судьбой для ослѣпительной карьеры, и нѣсколькихъ сестеръ. Онъ позаботился о нихъ, и Наталья Демьяновна, овдовѣвъ, могла на присылаемыя имъ деньги открыть корчму и жить въ довольствіи. Это занятіе не считалось позорнымъ въ то время. Хата, гдѣ она жила, существовала еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, тщательно оберегаемая ея владѣльцемъ, Галаганомъ, потомкомъ кабатчицы по женской линіи.

Алексѣй Григорьевичъ не принималъ никакого участія въ переворотѣ 1741 г. Политикой онъ не интересовался. Онъ управлялъ дворомъ цесаревны, а впослѣдствіи, во время ея коронаванія, несъ шлейфъ императорской мантии и исполнялъ должность оберъ-шенка. Послѣ коронаціи онъ быстро повысился въ чинахъ, и Елизавета пожаловала ему, изъ имѣній Миниха, помѣстье Рождественно-Порѣчье и другія земли. Она пожелала, чтобы родные фаворита раздѣлили съ нимъ его почести и великолѣпіе, и Наталья Демьяновна была приглашена въ Москву. Можно себѣ представить переполохъ, поднявшійся въ Лемешахъ,

---

¹ «Внутренній бытъ русскаго государства съ 1740 года по 25 ноября 1741 года», Москва, 1880 — 1886, т. I. стр. 70 — 71. Карновичъ, «Историческіе рассказы и бытовые очерки», 1884, стр. 259.

когда у двери скромной Розумихи появился блестящій экипажъ. Старушка разложила на полу присланную ей соболью шубу, выпила по стаканчику водки съ сосѣдками, чтобъ «погладить дорожку, чтобъ ровна была», и сѣла въ карету съ дочерьми. Она не признала сына въ блестящемъ вельможѣ, вышедшемъ ей навстрѣчу, и Алексѣй Григорьевичъ показалъ ей, для бѣльшей убѣдительности, знакомую ей отмѣтину на тѣлѣ.

Разодѣтая по послѣдней модѣ, напудренная, причесанная, нарумяненная для своего представленія при дворѣ, она бросилась на колѣни передъ первымъ попавшимся ей зеркаломъ: увидѣвъ свое отраженіе въ немъ, она подумала, что видитъ самое императрицу. Елизавета встрѣтила ее самымъ нѣжнымъ образомъ: «Благословенно чрево твое», воскликнула она въ порывѣ чувства. Но, будучи назначена статсъ-дамой и получивъ помѣщеніе во дворцѣ, Розумиха вернулась къ своей крестьянской одеждѣ и заскучала по Лемешамъ. Портретъ ея, воспроизведенный Васильчиковымъ ¹, рисуетъ намъ ее въ этомъ костюмѣ съ пріятными и кроткими чертами лица. Узнавъ, что дворъ переѣзжаетъ изъ Москвы въ Петербургъ, она не выдержала и попросила, чтобы ее отослали на родину. Она появилась на берегу Невы лишь въ 1756 г. на свадьбѣ великаго князя и на этотъ разъ при торжественной обстановкѣ и съ большой свитой.

Но до своего перваго возвращенія въ Лемеша она, по преданію, присутствовала на событіи, которое, несмотря на всѣ уже пережитыя ею неожиданности, должно было показаться дѣйствительно сказочнымъ въ ея глазахъ. Фактъ брака Елизаветы съ Разумовскимъ, совершеннаго тайно въ концѣ 1742 г. въ церкви подмосковнаго села Перова, почти съ достовѣрностью установленъ исторіей. Существуютъ разногласія лишь относительно причины, побудившей дочь Петра Великаго къ этому шагу. Предполагалось соглашеніе между Бестужевымъ и духовникомъ ея величества. Назначенный вице-канцлеромъ ставленникъ Лестока, находившійся на пути ко всемогуществу, опирался на Разумовскаго, чтобы уравновѣсить вліяніе своего покровителя. Опала фаворита могла нанести ущербъ его шансамъ въ предстоявшей ему борьбѣ. Вскорѣ послѣ коронованія, вслѣдствіе пріѣзда въ Москву Мо-рица Саксонскаго ², снова возбудился вопросъ о претендентахъ

¹ «Семейство Разумовскихъ», т. II.

² См. «L'Héritage de Pierre le Grand», стр. 65 и слѣд.

на руку государыни. Выйдя замужъ за иностранца, Елизавета выскользнула бы изъ рукъ своихъ прежнихъ друзей и слугъ, и русская партія, представителемъ которой Бестужевъ считалъ себя въ силу своей враждебности ко всему иностранному, потерпѣла бы несомнѣнно неудачу. Со своей стороны Дубянской былъ преданъ той же идеѣ, подъ вліяніемъ Стефана Яворскаго и его приверженцевъ, считавшихъ, что при Аннѣ Іоанновнѣ церковь находилась въ опасности вслѣдствіе влеченія къ западу и преобразовательныхъ попытокъ Теофана Прокоповича. Своимъ происхожденіемъ, простотой ума и теплотой вѣры, самъ Разумовскій примыкалъ къ этой группѣ, гдѣ малороссы были въ большинствѣ. Поэтому гипотеза объ интригѣ, воспользовавшейся въ данномъ смыслѣ религіозными сомнѣніями Елизаветы, весьма правдоподобна. Съ внѣшней стороны чрезвычайно добродушный, Дубянской былъ въ то же время, повидимому, тонкимъ царедворцемъ.

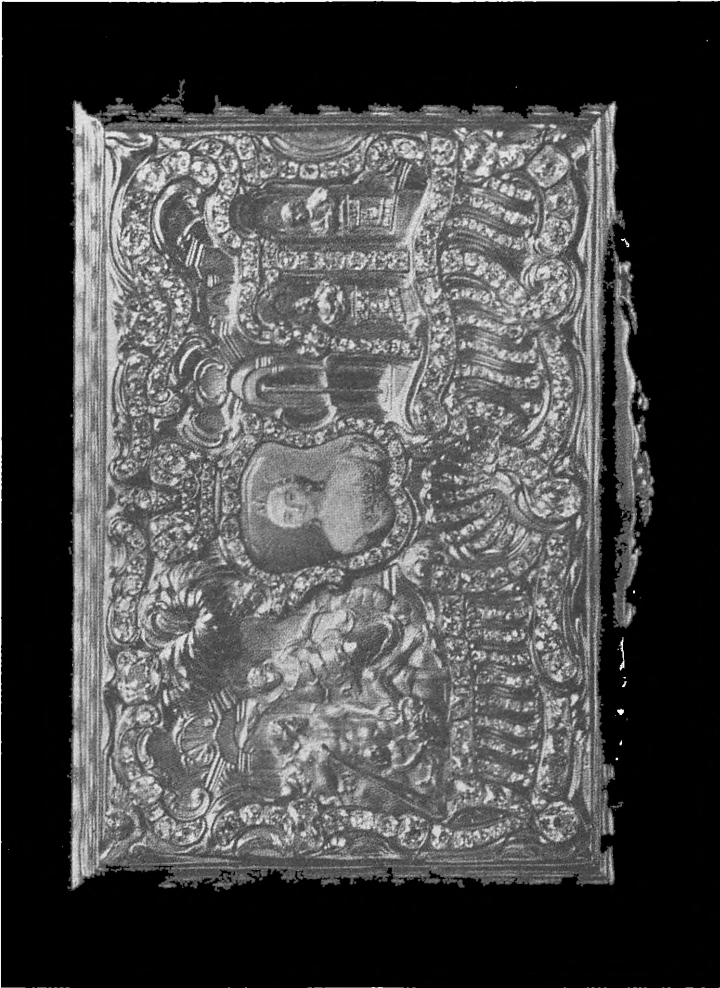
Но положительныя доказательства брака отсутствуютъ.

Достоверенъ лишь тотъ фактъ, что съ извѣстнаго времени, совпадающаго, пожалуй, съ посѣщеніемъ въ обществѣ императрицы храма въ Перовѣ ¹, скромной церкви, которую Елизавета любила украшать, жертвуя въ нее ризы и воздуха, вышитыя ею самою жемчугомъ и драгоценными камнями, Разумовскій занялъ положеніе, не похожее на то, что онъ занималъ до той поры, какимъ бы выдающимся оно ни было прежде. Поселившись во дворцѣ, въ апартаментахъ смежныхъ съ покоями государыни, онъ былъ уже не «ночнымъ императоромъ», а открыто признаннымъ участникомъ всѣхъ удовольствій, всѣхъ поѣздокъ ея величества, со всѣми внѣшними признаками почета, принадлежащими принцу-супругу. Одно путешествіе ея величества было отмѣнено по причинѣ легкаго нездоровья Алексѣя Григорьевича въ послѣднюю минуту, когда великій князь и великая княгиня уже сидѣли въ саняхъ. Выходя изъ театра въ сильный морозъ, императрица заботливо запахивала шубу Алексѣя Григорьевича и оправляла его шапку. Въ Оперѣ, итальянскіе пѣвцы

---

¹ Согласно другой версіи, вѣнчаніе было совершено на Покровкѣ, въ маленькой церкви, около которой Разумовскій выстроилъ впоследствии знаменитый «домъ съ ящиками», занятый въ настоящее время учебнымъ заведеніемъ и прозванный такъ вслѣдствіе своего сходства съ комодомъ. Увидѣвъ комодъ съ многочисленными отдѣленіями у англійскаго посланника, фаворитъ вздумалъ воспроизвести его такимъ образомъ.

чередовались съ малороссійскими, такъ какъ ихъ таланты больше нравились фавориту. Малороссійскія блюда входили въ меню даже официальныхъ обѣдовъ, и Разумовскій сидѣлъ за столомъ всегда рядомъ съ государыней. Эти черты еще многозначитель-

Золотая табакерка Елизаветы Петровны съ ея портретомъ, осыпанная бриллиантами.
(Императорскій Эрмитажъ).

нѣе интимнаго обѣда, подсмотрѣннаго великимъ княземъ въ щелочку, просверленную имъ въ стѣнѣ, когда временщикъ сидѣлъ напротивъ императрицы въ халатѣ. Но, повторяю, нѣтъ безусловныхъ доказательствъ, подтверждающихъ эти указанія. Капраль кадетскаго корпуса и одинъ изъ придворныхъ лакеевъ были

наказаны розгами за то, что рассказали видѣнное великимъ княземъ ¹, и этотъ примѣръ внушилъ, конечно современникамъ величайшую сдержанность. Въ 1747 г., собравъ свѣдѣнія по приказанію Версальскаго кабинета, д'Аллионъ сообщилъ, что этотъ бракъ считался достовѣрнымъ и полагалъ, то при совершеніи обряда присутствовали Шувалова и Лестокъ. Онъ полагалъ также, что Елизавета когда-нибудь и объявитъ всенародно объ этомъ бракѣ и раздѣлитъ царскій вѣнецъ со своимъ супругомъ ², но это предположеніе не осуществилось, а Шувалова и Лестокъ молчали.

Когда, при воцареніи Екатерины II, отъ Разумовскаго потребовали документы, находившіеся, по предположеніямъ, у него и на которые часть приближенныхъ новой императрицы думала опереться, чтобы убѣдить ее выйти замужъ за Орлова, онъ, согласно разсказу, воспроизведенному мною въ другомъ трудѣ, предалъ пламени таинственное содержаніе одной шкатулки ³. Такъ этотъ вопросъ и остается неразрѣшеннымъ.

Я не считаю этотъ вопросъ положительно разрѣшеннымъ даже цѣлымъ сводомъ показаній, собранныхъ въ 1744 г. въ одномъ изъ многочисленныхъ политическихъ процессовъ того времени и утверждающихъ, что тотчасъ же по восшествіи Елизаветы на престолъ и еще до ея коронованія обрядъ вѣнчанія былъ совершенъ надъ ней и Разумовскимъ Кирилломъ Флоринскимъ, назначеннымъ по этому случаю архимандритомъ Троицкой Лавры и членомъ Синода. Среди авторовъ этихъ показаній нѣтъ ни одного очевидца. Всѣ они передавали лишь слухи.

Съ другой стороны Биронъ и Анна Іоанновна, Потемкинъ и Екатерина, до Елизаветы и послѣ нея, представляли въ глазахъ общества и въ интимной жизни то же явленіе и давали пищу точно такой же легендѣ. Право Разумовскаго на особое мѣсто въ исторіи фаворитизма стоитъ, какъ мнѣ сдается, въ связи съ необыкновенной простотой, проявленной имъ въ теченіе его удивительной жизни. Онъ не забывалъ своего скромнаго происхожденія и не старался, чтобы о немъ забыли и другіе. Возведенный въ 1744 г. въ графы Священной Имперіи патентомъ Карла VII, производившимъ его въ потомки княже-

¹ «Тайная канцелярія въ царствованіе Елизаветы», «Русская Старина», 1875 стр. 529.

² Къ Пюизье, 26 окт. и 16 дек. Архив. франц. Мин. Ин. Дѣль.

³ «Autour d'un trône», стр. 82.

скаго рода, онъ первый обратилъ въ шутку эту фантастическую генеологію. Онъ не стыдился своихъ родныхъ, несмотря на всю ихъ простоту, но и не навязывалъ ихъ. Одну изъ своихъ сестеръ Авдотью онъ назначилъ фрейлиной, а изъ брата Кирилла, отправленнаго за-границу, гдѣ ему дали самое тщательное образованіе, онъ сдѣлалъ человѣка, естественно стоящаго на дорогѣ ко всѣмъ почестямъ. Въ 1744 г., когда Елизавета пробыла двѣ недѣли въ Козельцѣ, близъ Лемешъ, онъ позаботился, чтобы его родня не надоѣдала ей. Онъ собиралъ ихъ въ домѣ, выстроенномъ имъ въ родномъ селѣ, и тамъ предавался съ ними семейнымъ изліяніямъ. Онъ не забылъ своего перваго учителя, дьячка въ Лемешахъ, хотя ему съ трудомъ удалось удовлетворить его честолюбіе. Приѣхавъ въ Петербургъ и побывавъ въ оперѣ, дьячокъ потребовалъ мѣста капельмейстера въ этомъ учрежденіи, вѣроятно въ силу теоріи пропорціональнаго возвышенія, зарождавшейся въ его скудномъ умѣ. Во время посѣщенія дома бывшаго гофмаршала Левенвольда, Елизавета съ изумленіемъ увидѣла, какъ фаворитъ бросился на шею дворецкому и сталъ его цѣловать.

— Вы въ умѣ ли?

— Это мой старый другъ ¹.

Произведенный въ фельдмаршалы въ 1757 г., онъ благодарилъ государыню, говоря: «Лиза, ты можешь сдѣлать изъ меня что хочешь, но ты никогда не заставишь другихъ считаться со мной серьезно, хотя бы какъ съ простымъ поручикомъ».

Онъ былъ нрава насмѣшливаго, хотя и безъ тѣни злобы, и обладалъ собственнымъ очень широкимъ философскимъ взглядомъ, полнымъ снисходительной и иронической безпечности. Не любя игру и относясь равнодушно къ выигрышу, среди богатства, которымъ онъ былъ засыпанъ, онъ держалъ банкъ, чтобы доставить удовольствіе своимъ гостямъ, и позволялъ грабить себя безъ стѣсненія, причемъ гости мошенничали, играя въ карты, либо просто набивали карманы золотомъ, валявшимся на столахъ. Порошинъ утверждаетъ въ своихъ «Запискахъ», что видѣлъ, какъ князь Иванъ Васильевичъ Одоевскій наполнилъ свою шляпу золотыми монетами и затѣмъ передалъ ее своему лакею, ожидавшему въ передней. Въ особенности ревностно занимались

¹ Мардефельдъ королю, 27 февр. 1742. Берлинскій архивъ.

этимъ женщины, и тотъ же авторъ называетъ среди самыхъ беззастѣнчивыхъ изъ нихъ Настасью Михайловну Измайлову, рожденную Нарышкину, бывшую подругу Елизаветы ¹.

Алексѣй Григорьевичъ былъ бы образцовымъ фаворитомъ, не будь его пристрастія къ вину. Онъ предавался этой страсти обыкновенно на охотѣ и тогда, забывая свою доброту, шелъ по слѣдамъ отца. Когда, получивъ приглашеніе на охоту, графъ Петръ Шуваловъ не могъ отказаться отъ участія въ ней, то жена его ставила свѣчи въ его отсутствіе и по возвращеніи его служила молебень, если праздникъ обходился безъ палочной расправы. Салтыковъ, будущій побѣдитель Фридриха II, былъ битъ Разумовскимъ и создалъ себѣ незаслуженную славу труса за то, что ему не отомстилъ. Но какъ ему было мстить? Фаворитъ былъ неуязвимъ.

Никогда Алексѣй Григорьевичъ непосредственно не вмѣшивался въ политику. Однако одно пребываніе его около Елизаветы отъ 1742 до 1757 года имѣло огромное значеніе; онъ поддерживалъ Бестужева. Иногда онъ, по ходатайству Дубянского, поддерживалъ и интересы церкви. Въ силу своего положенія, онъ роковымъ образомъ оказывался замѣшаннымъ въ борьбу политическихъ партій. Потому его имя постоянно примѣшивается къ процессамъ и кровавымъ событіямъ даннаго царствованія. Вслѣдствіе его положенія, какъ предполагаемаго супруга Елизаветы, наслѣдники императрицы и ихъ приверженцы естественно смотрѣли на него подозрительно. Когда домъ, гдѣ великій князь и великая княгиня жили въ Гостилицахъ, провалился по винѣ архитектора, владѣлецъ Гостилицъ былъ заподозрѣнъ въ составленіи заговора; въ толпѣ распространялись про него оскорбительные и компрометирующіе слухи и у судей и палачей закипѣла работа.

Одинъ изъ этихъ процессовъ, происходившій въ 1753 г., наводитъ насъ на слѣдъ довольно страннаго происшествія. Нѣкая Авдотья Никонова, крѣпостная помѣщика Бачманова, показала, что въ Тихвинскомъ монастырѣ живетъ женщина, по имени Лукерья Михайловна, выдававшая себя за дочь персидскаго царя и жену Алексѣя Разумовскаго. Она была будто бы насильно выдана за него замужъ самой Елизаветой вслѣдствіе того, что на ней хотѣлъ жениться великій князь; въ

---

¹ Порошинъ, «Записки», 1881, стр. 67, 72.

подтвержденіе своихъ разсказовъ она показывала письма, полученные ею отъ своего мужа и отъ племянника императрицы. Въ ту эпоху ходили еще болѣе странныя и совершенно фантастическія слухи, и данный разсказъ не заслуживалъ бы нашего вниманія, не будь того удивительнаго факта, что Лукерья Михайловна была объявлена невинной, а Никонова была наказана кнутомъ и сослана неизвѣстно куда¹. Между тѣмъ обвиненія ея не были, повидимому, выдуманы ею цѣликомъ. Они связаны съ исторіей знаменитой княжны Таракановой, предполагаемой дочери Елизаветы и Разумовскаго, необыкновенная судьба которой была уже мною разсказана², она впервые появилась въ Европѣ подъ видомъ *персидской* принцессы.

Безусловно, въ томъ видѣ, въ какомъ эти событія отразились въ легендѣ и въ послѣдовавшихъ за ней многочисленныхъ попыткахъ воспроизвести ихъ исторически, онѣ не выдерживаютъ критики. Прежде всего село Таракановка, чьимъ именемъ была будто бы названа загадочная княжна, не существуетъ ни въ Черниговской губерніи, гдѣ его думали найти, ни въ одномъ изъ помѣстій, пожалованныхъ Елизаветой своему любимцу. Само слово «тараканъ» чуждо малороссійскому языку. Зато въ Великороссіи существовала въ то время довольно извѣстная семья Таракановыхъ. При Аннѣ Иоанновнѣ отличился генералъ, носившій эту фамилію. Другія біографическія подробности, циркулировавшія въ обществѣ, имѣютъ за собой не болѣе прочное основаніе. Два раза³ историкъ Снегиревъ упоминалъ о монахинѣ Досифеѣ, сосланной въ 1785 г. тайнымъ указомъ Екатерины II въ Иоанновскій монастырь и умершей въ немъ или въ 1810 г., согласно надписи на ея могилѣ, или въ 1808 г., согласно легендѣ о портретѣ, сохранившемся будто бы въ монастырѣ и носившемъ слѣдующее указаніе: «Принцесса Августа Тараканова, въ иноцѣхъ Досифея». Къ сожалѣнію, найти этотъ портретъ оказалось невозможнымъ; что же касается могилы и преданія, слышаннаго Снегиревымъ по этому поводу, то русскіе монастыри насчитываютъ ихъ сотнями. Въ семьѣ Разумовскихъ сохранилось другое преданіе о двухъ княжнахъ Таракановыхъ, воспи-

¹ Васильчиковъ, «Семейство Разумовскихъ», стр. 108.

² Waliszewski, «Autour d'un trône», стр. 315—320.

³ «Русская Старина», годъ II, стр. 87, и въ «Русскихъ Достопамятностяхъ», т. V, стр. 14—17.

тывавшихся въ Италіи подѣ надзоромъ нѣкоей Лопухиной и предательски похищенныхъ изъ Ливорно Алексѣемъ Орловымъ. Эта версія и наиболѣе распространенная. Одна изъ сестеръ будто бы утопилась во время переѣзда изъ Ливорно въ Петербургъ; другая же, спасенная матросомъ, нашла убѣжище сперва у своей наставницы, уже вернувшейся въ Петербургъ, затѣмъ въ Никитскомъ монастырѣ, гдѣ она всегда носила на себѣ бумаги, сожженные ею передъ смертью. Но безконечной цѣпью размножаются и другія воплощенія загадочной княжны. Въ сельцѣ Пучежѣ (Костромской губерніи), въ Казани и въ иныхъ мѣстахъ онѣ появляются въ различныхъ видахъ.

Общее ихъ происхожденіе слѣдуетъ, пожалуй, искать въ автобіографической замѣткѣ историка Шлецера¹. Онъ былъ въ началѣ своей жизни наставникомъ дѣтей Кирилла Разумовскаго и рассказываетъ, что однажды въ Женевѣ, гдѣ онъ тогда находился со своими питомцами, четыре сына Елизаветы, путешествуя подѣ именемъ князей Т . . . . . выхъ, обѣдали съ нимъ и съ нѣкимъ Д . . . . . лемъ, служившимъ имъ менторомъ и повидимому воспитавшимъ изъ нихъ большихъ шалопаевъ. Ключъ къ этой тайнѣ находится въ письмѣ изъ Женевы, отъ 10 ноября 1761, написанномъ графу Алексѣю Разумовскому его четырьмя племянниками, подписавшимися: Андрей Закревскій, Кирилль Стрешенцовъ, Иванъ Дараганъ, Григорій Закревскій, гдѣ они жалуются на своего наставника Дитцеля. Имена эти принадлежатъ фамиліямъ, еще существующимъ въ Россіи и происшедшимъ отъ браковъ, заключенныхъ сестрами временщика. Къ тому же мы узнаемъ изъ камеръ-фурьерскаго журнала, что въ царствованіе Елизаветы фамилія Дараганъ была передѣлана въ Дараганова. Этой фамиліей, вѣроятно, обозначали всѣхъ племянниковъ Разумовскаго, а нѣмецкое произношеніе исказило русское произношеніе этого слова. Дитцель, со своей стороны, чтобы придать себѣ важности, можетъ быть, выдавалъ своихъ питомцевъ за дѣтей Елизаветы.

Записка о лже-царевнѣ, напечатанная въ «Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей россійскихъ»² и переведенная на нѣмецкій языкъ графомъ Бреверномъ³, могла бы, пожалуй, раз-

¹ August - Ludwig Schlözer, «Öffentliches und privat Leben», 1802 стр. 139 — 140.

² 1867, т. I, стр. 1 и слѣд.

³ Берлинъ, 1867.

рѣшить всѣ сомнѣнія, будучи составлена по документамъ, собраннымъ по приказанію Александра I, въ эпоху, когда подобнаго рода изслѣдованія отличались большой искренностью и правдивостью. Однако оригиналь, русское и нѣмецкое изданіе не вполне совпадаютъ между собой, и версія, напечатанная въ Берлинѣ, содержитъ подробности, о которыхъ умалчивается въ Москвѣ, и всетаки представляетъ еще пробѣлы¹. Въ общемъ совокупность данныхъ, взятыхъ здѣсь и въ иныхъ мѣстахъ, какъ бы указываетъ на то, что Екатерина Алексѣевна Тараканова была просто искательницей приключеній².

Но не имѣли ли Елизавета и Разумовскій другихъ дѣтей? Въ 1743 г. д'Аллионъ думалъ, что попалъ въ этомъ отношеніи на вѣрный слѣдъ: «Я только что узналъ о существованіи, — писалъ онъ Амело, — молодой дѣвушки, которую императрица весьма тщательно воспитываетъ. Ей лѣтъ девять-десять, и ее выдаютъ за близкую родственницу царицы». Немного позднѣе онъ положительно утверждалъ, что молодая дѣвушка была, дѣйствительно, дочерью Елизаветы и что государыня собиралась выдать ее замужъ за своего племянника³. Этого послѣдняго указація достаточно, чтобы заставить насъ заподозрить и всѣ остальные. Впрочемъ, согласно свѣдѣніямъ, собраннымъ д'Аллиономъ, отцомъ этой дѣвочки былъ не Разумовскій, а Шубинъ. Порученная сперва Яганицъ Шмидтъ, а послѣ ссылки послѣдней греческому купцу, она и была привезена обратно въ Москву этимъ негоціантомъ,

¹ См. Вильбасовъ, «Исторія Екатерины», т. XII, часть II, стр. 404.

² Редакторъ «Чтевій», М. Бодянский, издалъ въ другомъ выпускѣ (1867, т. II, стр. 165 и слѣд.) короткую біографію княжны, достойную изученія. Въ разсказѣ, появившемся въ «Revue des Deux Mondes» (т. LXXXVII, стр. 32) Шаллемель-Лаеуръ недостаточно широко воспользовался сочиненіемъ Бреверна и слишкомъ много книгами Кастера и Гельбига. Романъ князя Любомірскаго «Un drame sous Catherine II», 1872, и есть только романъ. Сочиненіе Олинда «Die Prinzessin Tarakanoff», 1879, еще фантастичнѣе. Заставивъ знаменитую княжну составить заговоръ противъ Екатерины, Юлій Канаръ («Catherine II, die Semiramis von Norden») уже причислилъ свое произведеніе къ области фантастическихъ. Г-жа de R. (de Rome, рожденная Марне, по Керару, т. VIII, стр. 135), воображая, что пишетъ исторію, столь же неудачно излила свое вдохновеніе въ двухъ томахъ, написанныхъ ею въ 1813 г. объ Аннѣ Петровнѣ (sic) дочери Елизаветы. Въ Даніи, — Минона; въ Испаніи, — анонимный авторъ, артиллерійскій офицеръ (1841), въ Италіи — Кучиниелло (1861) также фантазировали на этотъ сюжетъ. Въ итальянскомъ сочиненіи княжна Тараканова является дочерью Елизаветы и какого-то князя Собѣскаго.

³ 5 марта и 14 мая 1743. Мин. Ин. Дѣлъ.

которому Елизавета дала 6,000 р. Но д'Аллионъ сообщаетъ въ то же время, что она была назначена фрейлиной императрицы; это намъ сразу раскрываетъ глаза: въ 1748 г. Яганна Шмидтъ упоминается въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ какъ гувернантка *племянницъ* Разумовскаго, а мы знаемъ, что одна изъ его племянницъ Авдотья была сдѣлана фрейлиной въ 1743 г.

Изъ всѣхъ этихъ сомнительныхъ свѣдѣній вытекаетъ одинъ лишь несомнѣнный фактъ: ни одинъ ребенокъ временщика никогда не фигурировалъ ни при дворѣ, ни въ домѣ своего предполагаемаго отца. Между тѣмъ сынъ Розумихи не былъ способенъ, какъ онъ вполне доказалъ, пожертвовать ради своего положенія родительскимъ чувствомъ. Заставляла ли его Елизавета скрывать своихъ дѣтей? Но почему бы она сдѣлала это, когда во всѣхъ другихъ отношеніяхъ она такъ мало заботилась о соблюденіи приличій? Обладая болѣею сдержанностью, Екатерина, однако, была чужда подобныхъ сомнѣній, и происхожденіе Бобринскихъ тайной окружено не было. Въ 1743 г. нездоровье, случившееся у императрицы во время бала, было сочтено за признакъ беременности ¹, но послѣдствія ея не обнаружались. Позднѣе Карабановъ указалъ въ своихъ анекдотическихъ запискахъ на Марю Филиповну Бехтѣву и Ольгу Петровну Супоневу, какъ на дочерей императрицы, весьма похожихъ на свою мать. Отцомъ второй онъ считалъ бѣднаго дворянина, по фамиліи Григорьева, принимавшаго участіе въ работѣ по постройкѣ Царскосельскаго дворца, гдѣ онъ и имѣлъ возможность сблизиться съ императрицей ². Въ оставшейся неизданной запискѣ о Россіи, секретарь французскаго посольства въ Петербургѣ, д'Обиньи ³, насчитываетъ до восьми дѣтей императрицы, принятыхъ весьма стоворчивой Яганной Петровой на свой счетъ. Я склоненъ думать, что онъ былъ жертвой извѣстной галлюцинаціи порока, которая, среди общей развращенности нравовъ, нерѣдко видитъ дурное и тамъ, гдѣ его нѣтъ. Впрочемъ, никто изъ дѣтей Елизаветы въ исторіи не упоминается; слѣдовательно, вопросы и легенды, связанные съ ними, представляютъ интересъ лишь съ точки зрѣнія того, что я назвалъ бы *показной*

¹ Д'Аллионъ къ Амело, 14 марта 1743. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

² «Русская Старина», т. III, стр. 660.

³ Россія, Мемуары и документы, т. IX, фол. 146. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

нравственностью слишком привѣтливой государыни, и являются отголоскомъ ея нравовъ и романовъ въ мнѣніи ея современниковъ.

Елизавета жила съ Разумовскимъ какъ жена съ мужемъ и милостиво раскрывала обществу эту сторону своей интимной жизни. Но она никогда не обнаруживала столь же открыто нѣжныхъ материнскихъ чувствъ.

Что же касается фаворита, то онъ проявилъ относительно своего младшаго брата столько чисто отцовской заботливости,

Князь Яковъ Петровичъ Шаховской.

Съ портрета, принадлежащаго П. О. Смирнову.

что, очевидно, ему было не на кого больше ее изливать. Въ 1746 г., черезъ годъ по возвращеніи своемъ изъ-за границы, гдѣ онъ учился въ Геттингенскомъ и Берлинскомъ университетахъ и посѣтилъ Италію и Францію, молодой человекъ былъ назначенъ президентомъ Академіи наукъ; его русскіе, нѣмецкіе и французскіе коллеги, Тредьяковскій, Шумахеръ и Делиль привѣтствовали его восторженными рѣчами. Это учрежденіе, говорили они, должно было ожить подъ его управленіемъ и окрылиться въ чудесномъ подъемѣ. Президенту было восемнадцать

лѣтъ; онъ привезъ съ собой изъ-за границы секретаря-француза, изгнаннаго изъ своей страны за юношескія шалости и прожившаго въ Россіи подъ заимствованной фамиліей Champmeslé'—настоящее его имя мнѣ неизвѣстно—до 1758 г., когда онъ переселился въ Польшу¹. Имъ вдвоемъ пришлось бы исполнить огромную работу, чтобы оправдать лестныя предположенія академикомъ. Приговоренная съ царствованія Анны Иоанновны къ роли, совершенно отличной отъ той, что ей предназначалась Петромъ Великимъ, занятая лишь обязательнымъ сочиненіемъ поэмъ на разныя темы и приготовленіемъ фейерверковъ для придворныхъ празднествъ, Академія наукъ превратилась въ глазахъ общества въ подобіе версальскаго департамента развлеченій. Нѣкоторые члены ея отъ этого страдали, и Кириллъ Разумовскій былъ склоненъ пойти навстрѣчу ихъ желаніямъ и поднять ихъ изъ ихъ унижительнаго положенія. Къ сожалѣнію, его отвлекали иныя занятія, болѣе свойственныя его темпераменту и воспитанію. Мы знаемъ, что во время его пребыванія за границей его наставники ссорились между собой изъ-за выигрышей, играя въ карты со своимъ питомцемъ, и вскорѣ по своемъ возвращеніи онъ ужъ заслужилъ прозвище «ночного картежника и дневнаго биллиарщика», такъ и оставшееся за нимъ на всю его жизнь².

Повинуясь желанію Елизаветы, онъ вскорѣ женился, не очень впрочемъ охотно, на внучатной племянницѣ государыни, Екатерины Ивановны Нарышкиной, принесшей съ собой въ приданое сорокъ четыре тысячи крестьянъ. Ея состояніе оцѣнивалось въ шестьсотъ тысячъ рублей годового дохода. Три года спустя, когда малороссы просили о возстановленіи у нихъ гетманства, Кириллъ Разумовскій показался столь же подходящимъ для дарованія имъ счастья, сколь онъ казался способнымъ удовлетворить Делила и его собратьевъ. Онъ нехотя уѣхалъ изъ Петербурга, но впоследствии утѣшился въ своемъ великолѣпномъ изгнаніи тѣмъ, что игралъ роль царька въ своей области. Онъ издавалъ указы не менѣе самодержавно сформулированныя, чѣмъ указы Елизаветы: «Мы заблагоразсудили. . . . Мы повелѣваемъ. . . .». У него былъ отрядъ тѣлохранителей и въ своей резиденціи въ Ба-

¹ Лопиталь, 30 августа 1758 г. Архив. франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

² Пекарскій, «Исторія Академіи Наукъ», т. I, стр. 670, б; Васильчиковъ, loc. cit., т. I, стр. 461.

туринѣ, лежащемъ теперь въ развалинахъ, но гдѣ еще не такъ давно искали кладъ, будто бы въ немъ зарытый¹, онъ завелъ итальянскую оперу и французскій театръ. Онъ мечталъ даже учредить въ немъ университетъ, но удовольствовался тѣмъ, что создалъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ часто появлялся, нѣчто весьма похожее на домъ свиданій. По просьбѣ Екатерины, онъ согласился отдать часть своего дворца для устройства тайныхъ вечеровъ, куда великій князь приходилъ вкушать запретныхъ развлеченій, въ то время, какъ великая княгиня искала ихъ со своей стороны. Екатерина Ивановна Разумовская каждый вечеръ принимала у себя и играла въ карты, и такимъ образомъ подъ одной кровлей нерѣдко происходило два собранія. Вскорѣ ихъ стало устраиваться и по три. Екатерина сообразила, что гостепріимный и сговорчивый домъ Разумовскаго можетъ дать пріютъ и ея собственнымъ свиданіямъ, и она выпросила для этой цѣли нѣсколько комнатъ въ нижнемъ этажѣ, гдѣ она и устроила свой первый эрмитажъ, причемъ великій князь никогда не подозрѣвалъ объ этомъ близкомъ сосѣдствѣ.

Относительно же Малороссіи, поскольку ему то позволяли многообразныя заботы хозяина дома на три отдѣленія, Кирилль Григорьевичъ обнаружилъ похвальныя намѣренія, практикуясь въ роли администратора. Онъ даже занялся введеніемъ преобразованій въ духѣ справедливости и милосердія, соответствовавшихъ его добродушному нраву. Но Украина отъ этого не выиграла. Кирилль Григорьевичъ былъ добръ, но онъ поддадалъ подъ вліяніе алчныхъ родныхъ и испорченной среды, окружавшей его². Я рассказалъ въ другомъ трудѣ³ послѣдующія событія и окончаніе его карьеры, относящіяся уже къ исторіи Екатерины II. Имя и богатство человѣка, вознесеннаго на высоту человѣческаго счастья, долго не продержались въ Россіи. Разбогатѣвъ еще больше послѣ смерти брата, Кирилль Григорьевичъ оставилъ въ 1803 г. одиннадцать человѣкъ дѣтей, а теперь послѣдніе представители этой семьи, вызванной, благодаря прихоти Елизаветы, изъ ничтожества, живутъ въ Саксоніи или въ Австріи и не имѣютъ ужъ ничего общаго со своей родиной.

¹ Очеркъ М. П. Герасимова въ «Историческомъ Вѣстникѣ», февр. 1898 г.

² Лазаревскій, «Очерки изъ быта Малороссіи XIII вѣка», «Русскій Архивъ» 1873 г., стр. 383 и слѣд.

³ «Autour d'un trône», стр. 30 и слѣд.

Алексѣй Григорьевичъ продержался въ милости императрицы до послѣдняго дня ея жизни, съ нѣкоторыми колебаніями, никогда, впрочемъ, не нарушившими добрыхъ отношеній четы. Со свойственнымъ ему смиреніемъ Разумовскій никогда не настаивалъ на своихъ правахъ,—были ли они освященны церковью или нѣтъ,—чтобы перечить Елизаветѣ и стѣснять ея свободу. Онъ даже намѣренно способствовалъ возвышенію И. И. Шувалова, хотя не могъ питать никакихъ иллюзій относительно послѣдствій этого событія. Съ внѣшней стороны, его положеніе осталось нетронутымъ. Елизавета попрежнему проводила два-три дня въ году въ Гостилицахъ и праздновала день его ангела въ Аничковомъ дворцѣ. Но ужъ въ 1751 г. всѣ съ изумленіемъ узнали, что украинскій правитель и правая рука Алексѣя Григорьевича арестованъ и попалъ въ руки тайной канцеляріи. Тогда поняли, что нарождается новый порядокъ вещей, и что прошло время, когда Салтыковъ позволялъ безропотно бить себя палкой.

Да и послѣ «случая», какъ тогда говорили, Ивана Шувалова, Алексѣй Григорьевичъ имѣлъ многочисленныхъ соперниковъ. Въ 1742 г. Мардефельдъ называетъ Ивинскаго; на слѣдующій годъ, д'Аллионъ упоминаетъ о Панинѣ, искажая, впрочемъ, мало извѣстное еще въ то время имя; Долгоруковъ въ своихъ мемуарахъ перечисляетъ Петра Шувалова, Романа и Михаила Воронцовыхъ, Сиверса, Лялина, Войчинскаго, Мусина-Пушкина—цѣлый батальонъ. Карлъ Сиверсъ, принадлежавшій къ голштинской семьѣ, одинъ изъ членовъ которой поступилъ на русскую службу при Петрѣ Великомъ, одерживалъ побѣды надъ горничными Елизаветы, когда она была еще цесаревной, и когда онѣ ходили танцовать къ одному нѣмцу, державшему кабачокъ. Молодой человекъ игралъ тамъ на скрипкѣ. Будущая императрица приняла его на службу сперва въ качествѣ почтальона, затѣмъ дала ему другое назначеніе и по своемъ воцареніи наградила его чиномъ камеръ-юнкера. Въ этомъ званіи онъ поѣхалъ въ Берлинъ, чтобы увидѣть принцессу Ангальтъ-Цербстскую, и далъ благопріятный отзывъ о будущей Екатеринѣ II и такимъ образомъ открылъ себѣ дорогу къ блестящей карьерѣ. Лялину посчастливилось привлечь на себя вниманіе Елизаветы на баркѣ, служившей для прогулокъ цесаревны. Матросскій костюмъ ему шелъ и онъ гребъ съ большой силой. Онъ умеръ въ 1754 г. въ званіи камергера и съ лентой Александра Нев-

скаго. Войчинскій былъ сыномъ кучера на службѣ у Екатерины I и удостоился чести везти экипажъ ея дочери; не знаю, какому раскрытію его другихъ талантовъ онъ былъ обязанъ тѣмъ, что сошелъ съ козелъ и занялъ придворную должность. Если вѣрить скандальной хроникѣ той эпохи—я здѣсь заимствую изъ нея лишь факты, подтвержденные многими и согласными между собой свидѣтельствами,—Мусинъ-Пушкинъ былъ въ дѣйствительности двоюроднымъ братомъ Елизаветы; согласно Долгорукову,—свидѣтелю не вполне достовѣрному,—у него былъ отъ нея сынъ, носившій сначала фамилію Федорова и перемѣнившій ее впоследствии на фамилію Турчанинова, послѣ брака съ дочерью дворянина того же имени ¹. Мардефельдъ уснащалъ свою переписку съ Фридрихомъ различными анекдотами подобнаго же рода и рассказывалъ въ подробностяхъ исторіи многихъ мимолетныхъ увлеченій, зарождавшихся и умиравшихъ во время безпрестанныхъ поѣздокъ, въ которыхъ Елизавета расходовала свою жажду дѣятельности и искала развлеченій отъ скуки ². Мардефельдъ, можетъ быть, и преувеличиваетъ, но такъ много лицъ вторятъ ему въ этомъ отношеніи, что отъ ихъ показаній не можетъ не остаться слѣда, съ которымъ историкъ долженъ считаться.

Нѣкоторыя изъ этихъ приключеній получили, впрочемъ, официальную извѣстность; между прочимъ то, которое чуть не сгубило нарождавшееся счастье Шувалова. Воспитанники кадетскаго корпуса играли въ 1751 году трагедію Сумарокова. Главную роль въ ней исполнялъ молодой Н. Н. Бекетовъ. Онъ появился въ великолѣпномъ костюмѣ, сначала игралъ хорошо, но затѣмъ смутился, забылъ свою роль и, наконецъ, подъ вліяніемъ непобѣдимой усталости, заснулъ на сценѣ глубокимъ сномъ. Занавѣсъ сталъ опускаться, но, по знаку императрицы, его снова подняли, музыканты заиграли подъ сурдинку томную мелодію, а Елизавета съ улыбкой, съ блестящими и влажными глазами любовалась заснувшимъ актеромъ. Тотчасъ же по залѣ пронеслись слова: «Она его одѣвала». На слѣдующій день, узнавъ,

¹ Долгоруковъ, «Записки», т. I, стр. 480 и слѣд.; д'Обиньи, упомянутыя уже неизданныя записки; Мардефельдъ королю, 12 февр. 1742 г., Берлинскій архивъ.

² См. отрывокъ, неподдающійся передачѣ, изъ тайной (*secretissime*) депеши королю отъ 26 дек. 1742 г. и депешъ отъ 12 февраля, 9 марта и 13 апр. 1843 г. Берлинскій архивъ.

что Бекетовъ произведенъ въ сержанты, въ этомъ никто уже не сомнѣвался. Нѣсколько дней спустя онъ былъ взятъ изъ корпуса и получилъ чинъ маіора. Либретисты *Герцожины Герольштейнской* ничего не выдумали новаго. Не прошло и мѣсяца, какъ по просьбѣ Бестужева Алексѣй Разумовскій, котораго Екатерина уже тогда называла «бывшимъ фаворитомъ», взялъ его къ себѣ въ адъютанты, а жена другого адъютанта, Елагина, одѣла его въ тонкое бѣлье и кружева. У него появились драгоценныя кольца, брилліантовыя пуговицы, великолѣпныя часы, и въ виду того, что онъ происходилъ изъ бѣдной семьи, всѣ уже безъ колебаній приписывали это быстрое повышеніе и богатство новому «случаю». Однако, общество было право лишь на половину. Елизавета дѣйствительно костюмировала его, когда онъ участвовалъ въ трагедіи Сумарокова, но далѣе она его гардеробомъ не занималась. Эту заботу взялъ на себя Бестужевъ; потерпѣвъ пораженіе отъ Шувалова въ области политики, онъ старался найти ему соперника. Его маневръ какъ будто удался. Возведенный въ маѣ 1751 г. въ чинъ полковника, Бекетовъ поселился во дворцѣ, а Шуваловъ уѣхалъ изъ Петербурга. Мѣтнее мѣстопробываніе въ Петергофѣ, повидимому, должно было бы упрочить счастье новаго фаворита. Оно, однако, разрушило его и опрокинуло всѣ расчеты канцлера. Любя поэзію и музыку, Бекетовъ вдохновился деревенскимъ воздухомъ и красотой природы. Онъ заставлялъ молодыхъ людей пѣть мелодіи своего сочиненія и уводилъ ихъ для спѣвокъ въ паркъ. Эти экскурсіи навлекли на него обвиненіе въ развратѣ, распространяемое друзьями и родными Шувалова, и усѣяли его лицо веснушками; Петръ Шуваловъ вздумалъ воспользоваться этимъ, чтобы погубить неосторожнаго поэта. Онъ внушилъ ему опасенія насчетъ цвѣта его лица, нравившагося Елизаветѣ своею свѣжестью и, посоветовалъ ему употреблять составленныя имъ самимъ бѣлила,—покрывшія прыщами все лицо Адониса. Въ то же время Елизавету предупредили, что здоровье ея подвергается опасности. Она въ испугѣ уѣхала изъ Петергофа, запретивъ молодому человѣку слѣдовать за собой. Онъ заболѣлъ лихорадкой и окончательно испортилъ свое и безъ того пошатнувшееся дѣло словами, сказанными имъ въ лихорадочномъ бреду. Но по выздоровленіи его удалили отъ двора за «непристойное поведеніе». Онъ остался полковникомъ и командовалъ подъ Цорндорфомъ четвертымъ гренадерскимъ полкомъ. При Петрѣ III онъ былъ произведенъ въ генералы, а

при Екатеринѣ II былъ назначенъ астраханскимъ губернаторомъ. Онъ былъ хорошимъ администраторомъ, способствовалъ развитію въ подчиненномъ ему краѣ винодѣлія, шелководства, рыбной ловли и торговли съ Персіей. Оставивъ службу въ 1780 г., онъ жилъ одиноко, но роскошно въ имѣніи Отрада, близъ Царицына, пожалованномъ ему Елизаветой, гдѣ онъ утѣшалъ себя въ никогда не покидавшей его меланхоліи литературными занятіями; плоды ихъ, однако, до насъ не дошли. Его трагедія *Эдипъ*, какъ говорили, была уничтожена пожаромъ. Онъ такъ и не женился и оставилъ побочнымъ дочерямъ состояніе, оцѣненное въ сто тысячъ рублей годового дохода. Елизавета, какъ видно, была великодушна и щедра, даже когда перечили ея естественнымъ склонностямъ¹.

Послѣ траги-комической развязки этого приключенія И. Шуваловъ не замедлилъ вновь появиться при дворѣ и занять прежнее мѣсто. Но біографія этого фаворита не относится къ этой главѣ. Я долженъ отнести ее къ другой главѣ, гдѣ политическая роль, сыгранная имъ, выступитъ во всей своей яркости. Здѣсь я ограничусь лишь чертами, проливающими всесторонній свѣтъ на обликъ измѣнчивой и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянной государыни, милости которой ея любимцы добивались наперерывъ другъ предъ другомъ.

Я старался до сихъ поръ изслѣдовать всѣ чисто женственныя ея черты; но за женщиной, обольстительной или загадочной, вызывающей удивленіе или порицаніе, неизмѣнно любезной и привлекательной, скрывалась ли въ Елизаветѣ державная императрица? Постараюсь выяснить и это.

IV.

Дарованія и политическая роль Елизаветы.

Она была прежде всего дочерью Петра Великаго, озабоченная, въ особенности въ началѣ своего царствованія, тѣмъ, чтобы не посрамить его имени и его наслѣдія, на которое она предъявила права. Ея поклоненіе своему великому отцу дохо-

¹ Его портретъ, изъ Щукинской галереи въ Москвѣ, былъ напечатанъ вмѣстѣ съ монографіей И. Щукина въ «Библиографическихъ Запискахъ», 1879, № 10. См. также Бантышъ-Каменскій, «Біографія російскихъ генералиссимусовъ и генералъ-фельдмаршаловъ», т. I, стр. 306 и Екатерина, «Записки», стр. 161.

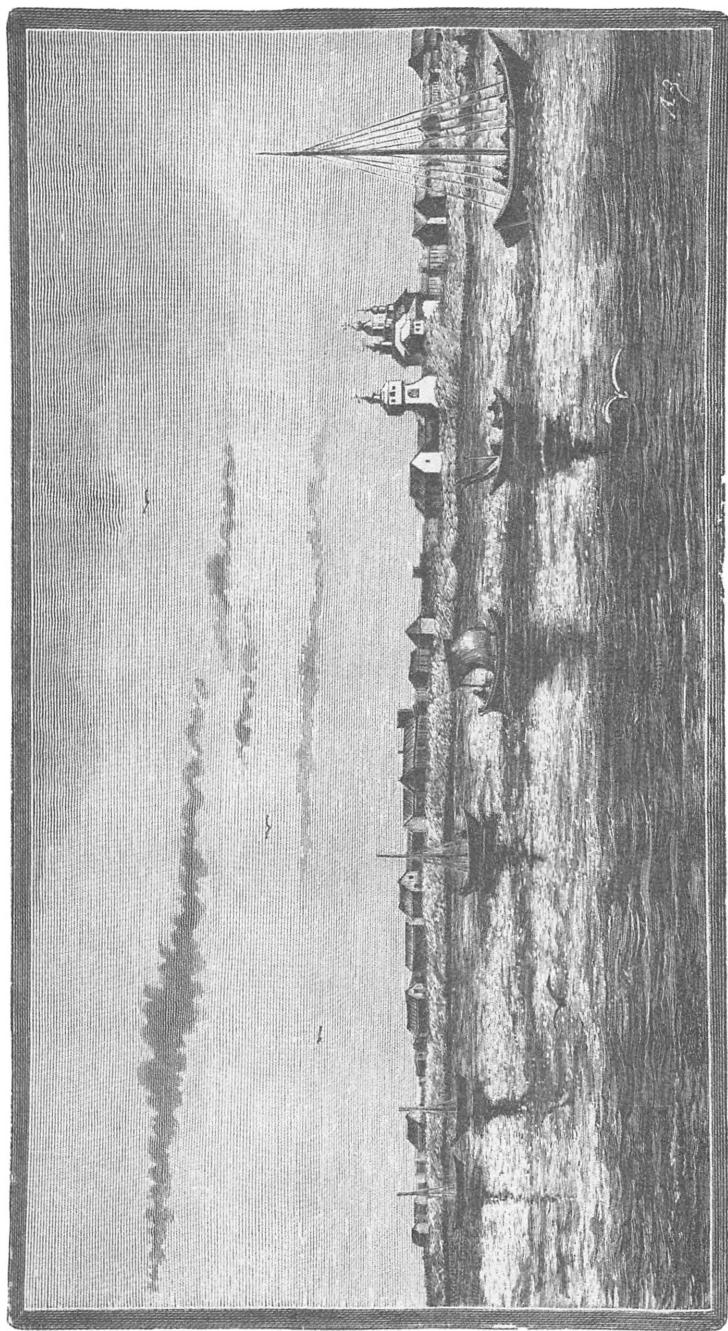
дило до мелочности; такъ, напримѣръ, она иногда подписывала свои письма именемъ: «Михайлова», потому что Петръ, путешествуя за-границей, взялъ псевдонимъ «Михайловъ». Но для того, чтобы эта страсть къ подражанію распространилась на болѣе серьезные предметы, Елизаветѣ недоставало не одного только генія. За отсутствіемъ геніальности, она обладала все-таки здравымъ смысломъ, хитростью, нѣкоторыми еще болѣе тонкими свойствами ума, напримѣръ, искусствомъ, составившимъ въ послѣдствіи отличительную черту Екатерины II, устанавливая тщательно охраняемой границу между своими чувствами и даже страстями съ одной стороны и своими интересами съ другой. Образчикомъ этого можетъ служить ея поведеніе съ маркизомъ Шетарди; она расточала этому товарищу черныхъ дней почти чрезмѣрные знаки дружбы и благодарности, предоставивъ ему и публично и въ своемъ тѣсномъ кругу привилегированное положеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ области политики она перешла на сторону злѣйшихъ враговъ его и Франціи и предала его имъ. Ниже я вернусь къ этому вопросу.

Она отличалась большой скрытностью. Никогда не была она такъ любезна съ людьми, какъ въ ту именно минуту, когда готовила имъ опалу или гибель. Но это опять-таки принадлежитъ къ области вѣчно женственнаго.

У нея также было и чрезвычайно высокое понятіе о своемъ царскомъ достоинствѣ. Павелъ I, говоря въ послѣдствіи: «Въ Россіи значительнымъ человѣкомъ является только тотъ, съ которымъ я говорю и пока я съ нимъ говорю», повторялъ лишь заученный урокъ. Она нерѣдко произносила подобныя фразы. Такъ по поводу великаго канцлера, о титулѣ котораго говорили въ ея присутствіи, она замѣтила: «Въ моей имперіи только и есть великаго, что я, да великій князь, но и то величіе послѣдняго не болѣе, какъ призракъ»¹.

Это чувство было у нея весьма искренно, вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе лично, чѣмъ у Петра I. Она въ немъ отождествляла себя со своимъ народомъ, считая его чѣмъ-то высшимъ всѣхъ измѣряемыхъ величинъ и цѣнностей, а себя естественнымъ олицетвореніемъ этого народа въ глазахъ міра. Но она понимала, что тожественность эта была лишь случайная и преходящая, вслѣдствіе чего она не проявляла относительно будущаго надменнаго

¹ «Русскій дворъ въ 1761 г.», «Русская Старина» т. XXIII, стр. 178 и слѣд.

Архангельскій Николо-Корельскій монастырь въ концѣ XVIII столѣтія.

Съ гравюра Пула.

равнодушія Петра. Она безпрестанно была озабочена вопросом о престолонаслѣдіи и огорчалась тѣмъ, что ей не удалось его лучше обезпечить. Въ ней было меньше гордости и вмѣстѣ съ тѣмъ она обладала болѣе вѣрнымъ сознаниемъ своей роли и своихъ обязанностей, и болѣе глубокой любовью къ своей родинѣ. Она любила ее, гордилась ею и, несмотря на самыя страшныя испытанія, оказалась неспособной предать ея интересы.

Въ 1746 г., въ то время, когда ему трудно было быть особенно довольнымъ государыней, д'Алліонъ подчеркнулъ съ мѣткостью, не лишенной недоброжелательства и вслѣдствіе этого тѣмъ болѣе убѣдительною, эти основныя черты умственной и нравственной организаціи Елизаветы, которая, въ глазахъ менѣе внимательнаго наблюдателя, могла казаться находящейся во власти всякихъ прихотей и случайностей: «Императрица, по прежнему прекрасная, безконечно привѣтливая, соединяющая всевозможныя чары съ незаурядной величавостью, могла бы легко составить счастье своего народа . . . . . , если бы она могла согласовать свою страсть къ удовольствіямъ съ обязанностями державной власти. Родившись подъ этими небесами, она должна по необходимости быть скрытною и недовѣрчивой. Всѣ ея поступки пропитаны необыкновенною гордостью. Франціи пришлось убѣдиться, что чувство благодарности ей чуждо. Она не проявляетъ предпочтенія какой бы то ни было иностранной націи. Она очень любитъ свой народъ и еще больше его боится».

Пятнадцать лѣтъ спустя французскій авторъ воспоминаній, появившихся до сихъ поръ лишь на русскомъ языкѣ¹, приходитъ къ тѣмъ же заключеніямъ. Описавъ внѣшнія привычки Елизаветы, ея любовь къ французскимъ модамъ и упомянувъ о тѣхъ выводахъ, которые можно было бы сдѣлать на этомъ основаніи относительно ея чувствъ, онъ пишетъ далѣе: «Повидимому, она исключительно, почти до фанатизма, любитъ одинъ только свой народъ, о которомъ имѣетъ самое высокое мнѣніе, находя его въ связи съ своимъ собственнымъ величіемъ».

До фанатизма! Это слово слѣдуетъ запомнить; оно, на мой взглядъ, содержитъ единственно возможное объясненіе явленія, не поддающагося иному историческому толкованію; а именно: почему политическое величіе Россіи осталось непоколебимо и даже возросло среди обстоятельствъ, повидимому, наиболѣе

¹ «Русская Старина», XXIII, стр. 178.

благопріятныхъ для его гибели. Въ этомъ словѣ я вижу источникъ энергіи и силы сопротивленія, которая, не взирая на видимый безпорядокъ, безтолочь, и ту бездну, куда, подъ управленіемъ подобной государыни должны были бы провалиться страна и разстроиться всѣ органы управленія, не только сохранила нетронутымъ организмъ, пересозданный Петромъ Великимъ, и обезпечила его развитіе, но и увеличила его мощь настолько, что сдѣлала его способнымъ наносить удары, колебавшіе Европу.

Лѣнь Елизаветы и ея нерадѣніе въ дѣлахъ все увеличивались со времени ея воцаренія. Выше было отмѣчено свойственное ей сознаніе своихъ обязанностей. Да не обвиняютъ меня здѣсь въ противорѣчій себѣ. Сознаніе долга и добродѣтель—понятія не тождественныя, даже въ приложеніи къ однимъ и тѣмъ же вещамъ, и въ исторіи вѣчно женственнаго *video meliora proboque, deteriora sequor* Медеи занимаетъ не послѣднее мѣсто. Впрочемъ, тѣ изъ біографовъ дочери Петра Великаго, которые изобразили ее безусловно предоставившей всѣ дѣла своимъ министрамъ или фаворитамъ, согрѣшили противъ истины. Подобное безусловное отреченіе отъ управленія никогда не имѣло мѣста. Хотя подобное обезличеніе возможно даже при самодержавномъ режимѣ въ нѣкоторыхъ зачаточныхъ фазисахъ, какъ то доказалъ Петръ II, оно стало фактически неосуществимымъ послѣ Анны Іоанновны, при организованномъ правительствѣ, ставшемъ живымъ, дѣятельнымъ и цѣльнымъ. Такого рода организмы не могутъ обходиться безъ центрального двигателя, и въ данномъ режимѣ этимъ центромъ является государь. Онъ—главное жизненное начало и главный органъ движенія. Если онъ находится въ покойномъ состояніи, то ничто не двигается; а съ его исчезновеніемъ наступаетъ общая смерть.

Въ началѣ своего царствованія Елизавета проявила даже большую дѣятельность. За 1741 и 1742 г. она, правда, лишь семь разъ присутствовала на засѣданіяхъ Сената; но, пріѣзжая въ одиннадцать, а то и въ девять часовъ утра, она слушала пренія до самаго обѣда. Журналъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ за 1742—43 г. указываетъ на ея постоянное участіе въ обсужденіи дѣлъ. Ей посылаютъ ежедневно доклады. Она дѣлаетъ на нихъ помѣтки; она точно также читаетъ всѣ черновики депешъ, посылаемыхъ ея заграничнымъ агентамъ; отдаётъ приказанія. Еще въ 1748 г. она дѣлаетъ собственноручную помѣтку

на докладѣ, посланномъ ей Бестужевымъ. Дѣло касается предполагаемаго брака между принцемъ Августомъ Голштинскимъ и принцессой Луизой, сестрой датскаго короля. Канцлеръ даетъ благопріятное заключеніе, предполагая, что такимъ путемъ принцъ легче добьется Люнскаго архіепископства, на который зарится Пруссія, и Данію можно будетъ уговорить соединиться съ Россіей противъ Швеціи. Елизавета же держится иного мнѣнія: «Надъ этимъ слѣдуетъ подумать. Мы знаемъ принца; его можно повернуть въ какую угодно сторону. Не кроется ли здѣсь, наоборотъ, интрига со стороны Пруссіи и Франціи, дабы поссорить насъ съ Даніей? Приходите, поговоримъ объ этомъ»¹. Изъ этого слѣдуетъ, что она не полагается на рѣшенія министра и не принимаетъ и своихъ рѣшеній легкомысленно. У нея есть свои собственныя мнѣнія и она, повидимому, настаиваетъ на нихъ, когда находитъ ихъ справедливыми: вышеупомянутыя брачныя предположенія не кончаются ничѣмъ.

Однако уже въ 1742 г. тотъ же Бестужевъ горько жалуется саксонскому министру Цецольду на безпечность и разсѣянность ея величества. Она хочетъ быть въ курсѣ всѣхъ дѣлъ; она даже настаиваетъ на томъ, чтобы ничего не рѣшалось помимо ея; затрудненіе состоитъ лишь въ томъ, чтобы найти время для серьезныхъ преній, въ которыхъ она хочетъ принимать участіе, среди занимающихъ ее пустыхъ удовольствій. Для нея составляются доклады; указы ждутъ ея подписи; начатыя переговоры требуютъ ея вниманія; но ознакомленіе съ ними, росчеркъ пера, рѣшительное слово, вымаливаемые у нея, и безъ которыхъ обойтись невозможно, заставляютъ себя ждать; бумаги накапливаются, запозданія осложняютъ дѣло; возобновленіе трактата съ Пруссіей, не терпящее отлагательства, договоръ съ Англіей, грозящій разстроиться, все откладываемый отвѣтъ на десять промеморій австрійскаго посла, угрожающихъ разрывомъ— все застываетъ и впередъ не двигается².

Тутъ мы нападаемъ на главную причину, мѣшавшую дочери Петра Великаго согласовать свои поступки со своими чувствами: ей на это не хватаетъ времени. Она не была вынужденной, подобно своему отцу, все дѣлать самой, и что ей достаточно

¹ «Русскій Архивъ», 1863, стр. 362. «Архивъ кн. Воронцова», т. IV, стр. 199 и слѣд.

² «Сборникъ Р. И. О.», т. VI, стр. 446.

было бы нѣсколькихъ часовъ въ день, чтобы вставить въ печь или вынуть изъ нея хлѣбъ, замѣшанный другими съ большимъ или меньшимъ умѣньемъ или стараніемъ. Но откуда взять эти нѣсколько часовъ? Она на балу, она на охотѣ, она одѣвается, она въ церкви; она бѣжитъ туда, сюда, расходуя себя въ безостановочной оргіи передвиженій и удовольствій. Она неуловима. Ей недостаетъ времени, а также и силы сосредоточить свое вниманіе, среди водоворота, закружившаго ея жизнь. Въ январѣ 1743 г. д'Аллионъ спрашиваетъ ее, какія она имѣетъ извѣстія относительно важнаго документа, переданнаго имъ ей въ руки, и касающагося ея личной безопасности, который она хотѣла сама переслать въ Швецію.

— Что отвѣтили изъ Стокгольма?

— Боже! я забыла послать бумагу!

Мѣсяць спустя, французскій повѣренный подходитъ къ государынѣ на маскарадѣ, чтобы поговорить съ ней о дѣлѣ, по видимому, очень заинтересовавшемъ ее. Сперва она его слушаетъ, но вскорѣ онъ замѣчаетъ, что она уже не слѣдитъ за его рѣчью; съ нею заговариваетъ домино, и она съ нимъ исчезаетъ¹.

Въ области внутреннихъ дѣлъ то же желаніе все узнать, войти во всѣ мельчайшія подробности, наталкивается на тѣ же препятствія. Съ начала 1746 года и до конца его, каждый разъ, какъ она встрѣчаетъ прокурора Синода Шаховского, — а встрѣчаетъ она его нѣсколько разъ въ недѣлю, — она извиняется: Я виновата, все забываю о своемъ дѣлѣ»². Между тѣмъ дѣла Синода ей особенно дороги.

Въ мартѣ 1742 г., уѣзжая изъ Петербурга, въ первый разъ по своему восшествіи на престолъ, она встревожена, озабочена, она даже плачетъ, садясь въ сани. Какъ возвратится она въ свою столицу? Да и удастся ли ей вернуться въ нее? Тѣмъ не менѣе она уѣзжаетъ, потому что въ Царскомъ ее ожидаетъ балъ, и она танцуетъ на немъ до-упаду³.

Удастся ли Сенату или коллегіи иностранныхъ дѣлъ овладѣть ея неуловимой особой и ея умомъ, подобнымъ блуждающему огоньку, она ускользаетъ самымъ неожиданнымъ образомъ, иногда окольными путями. Какъ во внутреннихъ дѣлахъ ей дорогъ Си-

¹ Д'Аллионъ, 19 янв. (26 февр.) 1743. Архивъ франц. Мин. Иностр. Дѣлъ.

² Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XXII, стр. 112.

³ Мардефельдъ королю, 10 марта, Берлинскій архивъ, 1742.

нодь, такъ во вѣшнихъ ей дорога Голштинія, и ее навѣрно можно заинтересовать, говоря о ней. Но она тотчасъ вспоминаетъ о драгоцѣнныхъ камняхъ, вошедшихъ въ приданое ея сестры, покойной герцогини Голштинской. Они пропали, и она требуетъ, чтобы ихъ отыскали. Дѣло идетъ о наслѣдствѣ шведскаго престола для герцога Голштинскаго. Но сперва драгоцѣнности! Она хочетъ знать, куда онѣ исчезли ¹.

Впрочемъ,—неизвѣстно какъ и почему, коллегія иностранныхъ дѣлъ занимается покупкою брилліантовъ за счетъ государыни, и въ то же время канцелярія Сената заботится о воспитаніи двухъ медвѣжатъ, предназначенныхъ для развлечения ея величества. Они должны научиться ходить на заднихъ лапахъ и прыгать черезъ палку. Другіе указы, составленные въ томъ же учрежденіи тайнымъ совѣтникомъ Черкасовымъ, касаются снабженія провизіей и сластями императорскаго стола, выписываются персики, апельсины и устрицы изъ Кронштадта, раки изъ Украины, причемъ для скорѣйшей доставки ихъ организуются отдѣльныя смѣны лошадей отъ Батурина до Петербурга ².

А пока путешествуютъ раки, раздается хоръ жалобъ на медлительность Елизаветы въ канцеляріяхъ Сената, въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и въ посольствахъ, все усиливаясь до конца царствованія. За исключеніемъ Шаховскаго, воспроизведшаго слабое эхо этого хора въ своихъ воспоминаніяхъ, коллеги барона Черкасова не повѣрили потомству тайны своего нетерпѣнія и досады; зато товарищи д'Аллиона не были столь скромны, и у нихъ я почерпнулъ свидѣтельства, дѣйствительно, отягчающія память слишкомъ легкомысленной императрицы.

«Она ненавидитъ работу и заставитъ ее подписать какой-нибудь указъ или бумагу такъ же трудно, какъ написать оперу, въ виду того, что она думаетъ исключительно о своихъ удовольствіяхъ», пишетъ Мардефельдъ въ мартѣ 1742 г. «Все находится въ крайнемъ безпорядкѣ; ни одно дѣло не закончено».

Въ то же время посланникъ Маріи-Терезіи Гогенгольцъ теряетъ надежду когда-либо добиться аудіенціи. Императрица кокетъ изъ одного загороднаго дома въ другой и за нею невозможно поспѣть.

¹ Протоколы коллегіи иностранныхъ дѣлъ, «Архивъ кн. Воронцова», т. VII, стр. 57, 105, 217, 224, 277, 320, 347.

² Щуевинъ, «Сборникъ старинныхъ бумагъ», т. VI, стр. 359.

«Мы совсѣмъ не занимаемся дѣлами; балъ, маскарадъ или опера занимаютъ всѣ наши мысли», жалуется англичанинъ Тироули въ 1744 г.

Въ ноябрѣ 1747 г. дипломатическій миръ ждетъ заключенія трактата съ Австріей, т. е. подписи государыни на документѣ, всѣ пункты котораго давно уже одобрены ею. Остается начертать лишь нѣсколько буквъ. Но ея величество поглощена празднествами по случаю бракосочетанія ея двоюродной сестры Гендриковой съ Соймоновымъ, ничтожествомъ, получившимъ по этому случаю званіе камеръ-юнкера и бригадирскій чинъ. Разсчитываютъ на постъ, когда прекратятся балы и маскарады. Но—о ужасъ и разочарованіе! Едва женившись, Соймоновъ бьетъ свою жену и призываетъ къ отвѣту Іоанну Шмидтъ за то, что она недостаточно зорко охраняла добродѣтель своей бывшей питомицы. Досада Елизаветы, арестъ виновнаго и опять-таки потеря времени! ¹.

Въ 1750 г., въ разговорѣ съ другимъ посланникомъ Маріи-Терезіи графомъ Бернесомъ, тоже тщетно добивавшимся аудіенціи, Бестужевъ изливаетъ всю свою горечь. «Вы находите, что дѣла моей коллегіи плохо идутъ, говоритъ онъ. Если бы вы видѣли остальные! Благодаря довѣрію, которымъ меня облакаетъ государыня, у меня зло, можетъ быть, до нѣкоторой степени и правимо. Въ другихъ областяхъ имперія положительно приходитъ въ упадокъ. Если бы ея величество посвящала управленію страны сотую долю времени, отдаваемого вашей повелительницей управленію своего государства, я былъ бы счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. При настоящемъ же положеніи вещей терпѣніе мое истощается и я рѣшилъ выйти въ отставку черезъ нѣсколько мѣсяцевъ» ².

Это послѣднее сообщеніе заставляетъ заподозрить подлинность предшествующаго. Такъ, одному изъ преемниковъ графа Бернеса, барону Претлаку, пришлось наблюдать при совершенно иномъ освѣщеніи дѣйствительныя отношенія, установившіяся между Елизаветой и ея первымъ министромъ. Ему казалось, что недочеты происходили благодаря собственной лѣни канцлера и вслѣдствіе того, что онъ, наоборотъ, поощрялъ страсть императрицы къ удовольствіямъ, отвѣчавшую его личной склонности

¹ Гиндфордъ Штейнбергу. Петербургъ, 21 ноября 1747. Вогковскы, стр. 125.

² Бернесъ Улефельду, 30 сент. 1750 г. Вѣнскій архивъ.

къ распутной жизни. Но послѣ двухлѣтняго опыта онъ тѣмъ не менѣ увидѣлъ, что императрица не посвящала и четверти часа въ день государственнымъ дѣламъ ¹.

Въ 1758 г. послѣ паденія Бестужева его счастливый преемникъ, Воронцовъ, держалъ маркизу Лопиталю приблизительно ту же рѣчь: «Вы не повѣрите, сколько хлопотъ доставляетъ мнѣ нерѣшительность и медлительность ея величества... Хотя бы я и думалъ, что какое-нибудь дѣло окончательно слажено въ тотъ вечеръ, когда я васъ вижу, я все же не смѣю вамъ это сказать, зная по опыту, что на слѣдующій день все можетъ измѣниться» ².

Съ годами, внѣшнія причины, отдалявшія государыню отъ всякаго серьезнаго занятія,—безпрестанные разъѣзды и расходование силъ на пустыяки, замѣнились внутреннею причиною, существовавшею и раньше, но постепенно возраставшею, въ силу развитія нѣкоторыхъ чертъ характера государыни, отмѣченныхъ выше: лѣни, нерѣшительности, склонности къ суевѣрью и преувеличенной, до болѣзненности, заботы о своей красотѣ и здоровьѣ. Согласно свидѣтельству Воронцова, безпечность и нерѣшительность Елизаветы чуть не лишили ее престола. Исторія осы, сѣвшей на перо императрицы въ ту минуту, когда она подписывала первыя буквы своего имени подъ трактатомъ 1746 г., заключеннымъ съ Австріей, и заставившей ее отложить окончаніе своей подписи на шесть недѣль, знаменита и типична, даже если предположить, что маркизъ Бретейль ее сочинилъ ³. Къ концу царствованія подобные анекдоты умножаются до безконечности въ легендахъ того времени, и умственное разстройство, указаніемъ которой они безусловно служатъ, все усиливается. «Она (Елизавета) родилась лѣнивой, нерѣшительной и неспособной на веденіе большихъ дѣлъ», писалъ Лопиталь. «Она не знаетъ дѣйствительныхъ интересовъ своей имперіи и живетъ изо дня въ день, занимаясь своимъ здоровьемъ и своей красотой, увядающей съ каждой минутой... Она начинаетъ огорчаться своимъ состояніемъ... Ее стараются развеселить, но она отъ всего отказывается и предпочитаетъ оставаться у себя. Она полна сомнѣній и мелкой набожности.

¹ Претлакъ Улефельду, 16 дек. 1751; Маріи-Терезіи, 4 февр. 1759. Вѣнскій архивъ.

² Лопиталь къ Берни, 30-го ноября 1758 г.

³ Шуазелю, 21 августа 1760. Мин. Ин. Дѣлъ.

К. ВАЛИШЕВСКІЙ. ДОЧЬ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

То она поклоняется одному святому, то другому. Она окружена мощами и образами. Она часами стоит передь однимъ изъ нихъ... говорить, совѣтуется, съ нимъ. Въ одиннадцать часовъ вечера она пріѣзжаетъ въ оперу, ужинаетъ въ часъ, ложится въ пять, и бразды правленія предоставлены ея волѣ судебъ... Всѣ дѣла идутъ какъ попало. Окруженная льстецами и невѣждами, постоянно кадящими передь нею оиміамъ, она не можетъ свыкнуться съ мыслью, что она постепенно теряетъ красоту, которую она поддерживаетъ по мѣрѣ силъ съ помощью всѣхъ тонкостей искусства. Она тратитъ на это безконечно много времени и становится доступной лишь послѣ того, какъ ея туалеты и украшенія заслужили одобреніе ея зеркала и приближенныхъ дамъ»¹.

Начиная съ 1758 г. здоровье Елизаветы становится предметомъ постоянныхъ заботъ ея самой, ея придворныхъ, даже всего европейскаго міра. «Малѣйшее недомоганіе кажется ей апоплексическимъ ударомъ», пишетъ Лопиталь. У нея ячмень на глазу, и все дипломатическое движеніе на материкѣ приостанавливается. У нея истерическій припадокъ, и тогда невозможно обратить ея вниманіе на вопросы, ожидающіе ея разрѣшенія, потому что «все ей стало почти безразличнымъ»². Она оставляетъ безъ отвѣта два собственноручныхъ письма Людовика XV; послѣ паденія Бестужева и неизбѣжнаго процесса, послѣдовавшаго за нимъ, обвиняемые, и приговоренные и оправданные, ждуть цѣлыми мѣсяцами въ тюрьмѣ, чтобы она рѣшила ихъ участь; Воронцовъ, оставшійся какъ въ черные, такъ и въ свѣтлые дни, самымъ близкимъ другомъ и довѣреннымъ лицомъ государыни, самъ Воронцовъ, ставъ канцлеромъ, не можетъ ужъ къ ней подступиться: она боится, что онъ заговоритъ съ ней о дѣлахъ³. Если пытаются открыть ей глаза на безпорядокъ, царящій вслѣдствіе ея безопасности во всѣхъ отрасляхъ управленія, она вздыхаетъ: «Боже, какъ меня обманываютъ!» и возвращается къ своему туалетному столу, къ бесѣдамъ со святыми иконами или впадаетъ снова въ равнодушное состояніе.

Но что же дѣлалось съ имперіей въ царствованіе подобной императрицы? Моимъ читателямъ уже это извѣстно, и они еще

¹ Къ Верни 10 августа, 14 октября и 30 ноября 1758 г., 6 января 1759 г., 5 сентября 1760. Архивъ франц. Мин. Иностр. Дѣлъ.

² Бретеяль Шуазелю, 7 ноября 1760. Мин. Иностр. Дѣлъ.

³ Эстергази Кауницу, 8 октября 1758, 20 июня 1760. Вѣнскій архивъ.

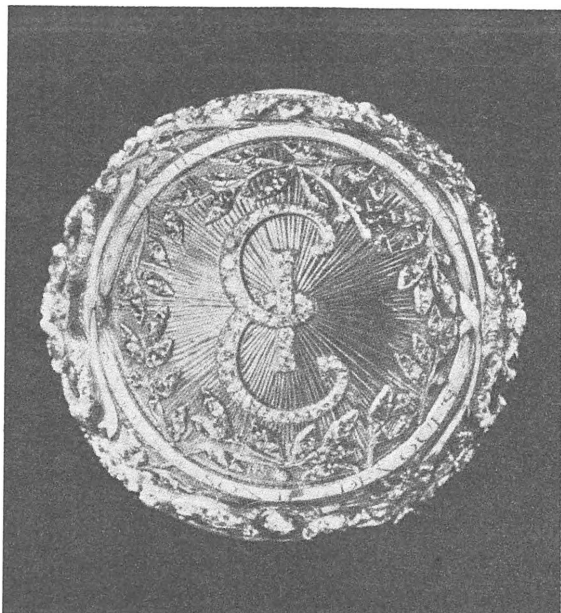
лучше узнают это изъ послѣдующихъ страницъ. Имперія развивала въ себѣ элементы силы, сдѣлавшіе ее одною изъ могущественнѣйшихъ державъ на земномъ шарѣ; она продолжала медленно, но безостановочно идти по пути, по которому Петръ I направилъ ее; Англія искала сближенія съ ней, Австрія и Франція передъ ней заискивали, а въ Германіи появились ея войска, положившія на вѣсы судьбу Фридриха. Какимъ чудомъ могло произойти это? Какъ я уже сказалъ, происходило это въ силу жизненной энергіи, таившейся въ государынѣ и въ ея подданныхъ, восполнявшей ошибки обѣихъ сторонъ, группировавшей вокругъ престола людей, способныхъ поддерживать на тронѣ основной принципъ власти и дѣятельности. То была сила, излучаемая прошлымъ, полнымъ преданій, будущностью, полною надеждъ, сила, окружавшая этотъ молодой, сильный и мистическій народъ атмосферой героизма, сообщавшаяся даже самымъ слабымъ, самымъ развращеннымъ, самымъ низкимъ натурамъ и противопоставлявшая всѣмъ недочетамъ, всѣмъ паденіямъ и всѣмъ предательствамъ служеніе, культъ и фанатизмъ общаго идеала.

Изучая эпоху, непосредственно предшествовавшую той, къ которой я приступаю здѣсь, мнѣ уже пришлось указать на это явленіе. Мое толкованіе сочли за метафизику. Эпитетъ мнѣ безразличенъ, и я предоставляю оцѣнку его философамъ. Мой же умъ не допускаетъ въ данномъ вопросѣ существованія слѣдствія безъ причины. Фридрихъ II не былъ метафизикомъ и принималъ въ расчетъ лишь осязаемые предметы; онъ и считалъ поэтому несомнѣннымъ, что тридцать или сорокъ тысячъ пруссаковъ подъ командой полководца, подобнаго ему, побьютъ даже двойное количество русскихъ подъ предводительствомъ какого-то Салтыкова. Онъ ошибся и умеръ, такъ и не понявъ, какимъ образомъ машина, настолько плохо управляемая, какъ имперія Елизаветы, одолѣла такой чудесный мощный аппаратъ, какъ Пруссія. Я полагаю, что даже самому скромному историку разрѣшается попытаться расширить кругозоръ даже и очень великаго человѣка въ пунктахъ, гдѣ онъ проявилъ явную близорукость.

Къ тому же исторія Россіи въ изученныхъ нами фазисахъ ея выяснила передъ нами также и тотъ фактъ, что на практикѣ самодержавный режимъ и личная власть—понятія не тождественныя. Даже въ рукахъ людей со столь ярко выраженной индиви-

дуальностью, каковы Иоаннъ Грозный, Петръ Великій, Екатерина II и въ другомъ смыслѣ Павелъ I, этотъ режимъ допускаетъ дѣйствительное раздѣленіе власти. Такъ Петръ I поставилъ рядомъ съ собой Меншикова, а Екатерина II Потемкина. Но на протяженіи двухъ вѣковъ, со времени воцаренія сына Алексѣя Михайловича, абсолютизмъ подъ этой умѣренной формой существовалъ всего лишь шестьдесятъ три года, считая царствованія самого Петра, Екатерины и Павла, осуществившихъ его. Остальное время, за отсутствіемъ прежде всего сильно организованной іерархіи власти, затѣмъ, въ силу народненія ея органовъ, замѣнившихъ собою прихоти фаворитизма, Россія была странною, гдѣ менѣе всего на свѣтѣ чувствовалась инициатива государя, хотя номинально все должно было исходить отъ него, и въ дѣйствительности, даже при отсутствіи инициативы, участіе государя въ малѣйшихъ дѣйствіяхъ правительства оставалось необходимымъ.

При Елизаветѣ это раздвоеніе самодержавія въ указанныхъ мною границахъ, встрѣтившее вначалѣ преграду въ энергическихъ инстинктахъ государыни, вскорѣ явилось необходимою. Къ несчастію, оно совершилось съ одной стороны въ пользу лицъ, большею частью мало подготовленныхъ къ выпавшей на ихъ долю роли, съ другой стороны—оно вызвало къ жизни страшное и ожесточенное соперничество. Вознесенная на престолъ группой лицъ, среди которыхъ лекарь Лестокъ занималъ первое мѣсто по образованію и способностямъ, хотя онъ и былъ лишь зауряднымъ авантюристомъ, съ ограниченнымъ умомъ и съ шагкой моралью, дочь Петра Великаго не имѣла возможности ни сдѣлать лучшаго выбора, ни сдерживать разгорѣвшееся соперничество. Внутренняя и внѣшняя исторія этого царствованія такъ тѣсно связана съ этой безпрестанной борьбой, и главные участники ея такъ мало извѣстны за-границей и такъ неправильно поняты даже въ Россіи въ тѣхъ образахъ, въ которыя ихъ облекла легенда, что мнѣ кажется нужнымъ ближе познакомиться съ ними, прежде чѣмъ перейти къ изложенію событій, гдѣ они фигурировали. Это будетъ нѣкоторымъ эскизомъ всего царствованія. Картина его, которую я затѣмъ постараюсь нарисовать, лишь выиграетъ отъ этого въ ясности.

Золотая табакерка, осыпанная брилліантами.
(Императорскій Эрмитажъ).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Приближенные императрицы. Политическіе и военные дѣятели.

1. Иностраннй элементъ и націонализмъ. — Удаленіе или добровольная отставка персонала служебнаго, заимствованнаго у сосѣдей. — Нѣкоторыя исключенія. — П. Лестокъ. — Его роль и поведеніе. — Хирургъ и государственный дѣятель. — Хорошо оплаченное кровопусканіе. — Отношенія съ Елизаветой. — Борьба съ Бестужевымъ. — Грубое обращеніе съ Елизаветой. — Опала. — Арестъ. — Дыба. — Ш. Бестужевъ. — Происхожденіе. — Затрудненія въ началѣ карьеры. — На службѣ у Англіи. — При дворѣ Анны Іоанновны. — Въ Копенгагенѣ. — Научныя занятія. — *Tinctura inervi Bestuschevi*. — Назначеніе на постъ канцлера. — Характеръ. — Дарованія. — Сотрудники. — Общественная и частная жизнь. — Бестужевъ и Вальполь. — Продажность. — Видимость и дѣйствительность. — Вліяніе на Елизавету. — Причины его. — Борьба съ Шуваловыми. — Пораженіе. — Арестъ и про-

цесств. — Впечатлѣніе, произведенное на Европу. — Оптическій обманъ. — «Россія на ходуляхъ». — Послѣдствія катастрофы. — Кажущееся уменьшеніе могущества. — IV. Шуваловы. — Основы ихъ общаго благополучія. — Мавра Егоровна. — Петръ Шуваловъ. — Универсальныя знанія. — Государственный дѣятель и военачальникъ. — Національный складъ ума. — Дѣятельность въ экономической и военной областяхъ. — Таинственная гаубица. — Нравственность. — Спекуляціи и хищеніе. — Общественная роль. — Александръ Шуваловъ. — Тайная канцелярія. — Иванъ Шуваловъ. — Начало его возвышенія. — Любовь и набожность. — Портретъ фаворита. — Недостатки и достоинства. — V. Мелкіе дѣятели. — Политическіе дѣятели. — Канцлеръ Воронцовъ. — Прокуроръ Трубецкой. — Распри изъ-за прачекъ. — Дипломаты. — Чернышевъ. — Олсуфьевъ. — Военный персоналъ. — Въ поискахъ генерала. — «Инвалиды и дураки». — Любезный воинъ. — Апраксинъ. — «Измѣнникъ или дуракъ». — Ферморъ и Салтыковъ. — Бутурлинъ. — Настоящіе герои Семилѣтней войны.

I.

Иностраннѣй элементъ.

Націонализмъ, согласно мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, будто бы возведшій Елизавету на престолъ, является лишь выдумкой и бессмыслицей. Восшедшая на тронъ императрица опиралась на имя и политику государя, бывшаго менѣе всего врагомъ иностранцевъ, и главари движенія назывались: Лестокуъ, Шварцъ и Грюнштейнъ. Но русское знамя было поднято, и приходилось приспособлять новый режимъ къ его краскамъ. Въ силу этого съ первой же минуты царствованія была устроена гекатомба нѣмцевъ; отсутствіе ихъ вскорѣ дало себя почувствовать, а замѣнить ихъ было трудно. Предупрежденные отнынѣ относительно опасностей которыя имъ угрожаютъ въ странѣ, гдѣ съ Минихами и Остерманами, превознесенными сперва до небесъ, обращались затѣмъ, какъ съ разбойниками, замѣстители ихъ добровольно не являлись и отвѣчали отказомъ на всѣ приглашенія. Д'Эонъ, на уговоры поселиться въ Россіи, отвѣтилъ: «Спасибо; я изъ принципа предпочитаю всегда стоять спиной къ Сибири». Не хватало даже академиковъ. Среди офицеровъ многіе изъ тѣхъ, кого охотно удержали бы, послѣдовали примѣру Манштейна. Такъ, вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ Пруссія взяла фельдмаршала Кейта, убитаго затѣмъ подъ Гохкирхомъ. Австрія получила героя Гохкирта и Ловозицы, Ласси, сына графа Петра, доблестно сражавшагося въ Россіи во время войны за польское престолонаслѣдіе и въ турецкомъ походѣ; а Франція

переманила къ себѣ будущаго побѣдителя при Бергъ-опъ-Зоомѣ, Левендаля ¹. Лишь цѣною уговоровъ и лести Елизаветѣ удалось сохранить нѣкоторыхъ изъ нихъ. «Развѣ ты меня ненавидишь? Почему ты хочешь меня оставить?» говорила она генералу Ливену.—«Проси у меня чего хочешь. Отказа не будетъ». Онъ остался, и его примѣръ увлекъ и другихъ. Двое англичанъ, генералъ Броунъ и полковникъ Фуллертонъ, участвовали въ 1757 г. въ сраженіи подъ Эгерсдорфомъ и, согласно нѣмецкимъ источникамъ, рѣшили исходъ боя, что, однако, подлежитъ еще нѣкоторому сомнѣнію ². Въ слѣдующемъ году, при осадѣ Кольберга, русской артиллеріей командовалъ полковникъ Фелькерзамъ, саперами полковникъ Эттингеръ, пѣхотой—бригадиръ фонъ Бергъ, кавалеріей—маіоръ Вермиленъ. Осадныя работы велись подъ наблюдениемъ полковника Пейтлинга и полковника барона Лабади. Общее же командованіе сосредоточивалось въ рукахъ генерала Пальменбаха. Въ виду того, что осада Кольберга не имѣла успѣха, несмотря на подкрѣпленія, присланныя полковникомъ Штоффельномъ, приказаніе о снятіи осады (8 октября 1758 г.), отданное генералиссимусомъ Ферморомъ, англичаниномъ, было привезено капитаномъ Шеллингомъ, нѣмцемъ ³. Ни одного русскаго имени во всей этой плеядѣ военныхъ.

Даже въ области высшаго управленія, царствованіе Елизаветы можетъ быть раздѣлено на три періода, составляющіе, такъ сказать, три различныхъ царствованія. Первый періодъ—до 1745 г. принадлежитъ господствующему вліянію Лестока. Второй—до 1751 г. представляетъ собой своего рода диктатуру Бестужева. Ее замѣняетъ торжествующая гегемонія Шуваловыхъ. Бестужевъ былъ самъ иностраннаго происхожденія и, кромѣ нѣкоторыхъ избранныхъ имъ невидимыхъ помощниковъ, называвшихся Санти, Функъ и Прассе, одного итальянца и двухъ нѣмцевъ, его официальнымъ помощникомъ былъ Бревернъ, опять-таки нѣмецъ, бывший также и помощникомъ Остермана. Что же касается Лестока, вдохновляемаго въ области политики Мардефельдомъ и Шетарди, то онъ имѣлъ въ качествѣ помощниковъ или преемниковъ въ медицинскоѣ

¹ Мардефельдъ королю, 1-го декабря 1743. Берлинскій архивъ.

² Nipels, «Nephe Miscellaneen», т. VII, 1794, стр. I и слѣд. (докладъ генерала Веймарна).

³ Blum, «Einrussischer stantsmann» (біографія Сиверсъ), 1857, т. I стр. 81.

части своихъ функций Каана, Бергаве, Крузе, Бахерахта, Г'ортеровъ, отца и сына, Монсея, Фюссадые и Пуассонье¹.

Присутствіе франко-нѣмецкаго авантюриста, стоявшаго за кулисами власти, указываетъ на возвратъ къ программѣ Петра Великаго, подобно тому, какъ Шуваловы, ставшіе въ первые ряды, обозначаютъ успѣхи эволюціи въ національномъ смыслѣ. Человѣческія фикціи отличаются свойствомъ вызывать путемъ внушенія дѣйствительные факты. Но необходимо отмѣтить точку отправленія и развитіе даннаго явленія.

II.

Лестокъ.

Одно совершенно забытое² въ настоящее время руководство по русской исторіи имѣетъ на своихъ страницахъ грубую и наивную картинку. Комната съ голыми стѣнами, меблированная однимъ столомъ, на которомъ видны зеркало, гребенка и шкатулка съ драгоценностями, изображаетъ будуаръ цесаревны Елизаветы въ тотъ прелестный часъ, что назывался въ восемнадцатомъ столѣтіи *юностию дня*. Горничная причесываетъ будущую императрицу, небрежно одѣтую, съ ночными туфлями на босу ногу. Дверь открывается и, повидимому, неожиданно и стремительно входитъ странная личность. Человѣкъ съ огромными усами громадными сапогами и гигантскими эполетами на чрезмѣрно длинномъ одѣяніи, держитъ развернутымъ въ рукахъ легендарный рисунокъ, изображающій дочь Петра Великаго въ двухъ различныхъ видахъ: императрицей съ одной стороны съ царской короной на головѣ; съ другой—монахиней подъ густымъ покрываломъ. Внизу стоитъ подпись: «Lestocq fa risolvere Elisabeth a farsi proclamare Imperatrice».

Смѣлый художникъ, которому Елизавета была обязана доброй половиной своего торжества въ ноябрьскую ночь 1741 г., уже знакомъ моимъ читателямъ. Его роль послѣ переворота, его поведеніе и обнаруженныя имъ качества прекрасно охарактеризованы въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ депеши Мардефельда королю, отъ 14 сентября 1743 г.

¹ Брикнеръ, «Die Europaeisirung Russlands», 1888, стр. 344.

² «Storia del Imperio russo, compilata dal cav. Compagnoni», т. XCVI «Compendio delle storie universale». Миланъ, 1824.

«Лестокъ, какъ мнѣ показалось, отнесся весьма чувствительно къ моему намеку на то, что ваше величество вознаградило бы звонкой монетой оказанныя имъ услуги. Онъ мнѣ сказалъ на это, что Англія предложила ему значительную пенсію и что императрица упрекнула его за то, что онъ ея не принялъ; что вслѣдъ за этимъ установлена была и опредѣленная цифра, но это, однако, не дѣлаетъ его сторонникомъ лондонскаго двора, причемъ онъ замѣтилъ, что въ данномъ случаѣ есть нѣкоторое лукавство съ его стороны;... онъ сознался, что онъ уговорилъ императрицу въ Москвѣ не приступать къ Бреславльскому трактату исключительно потому, что предложилъ его Вейчъ, и что, если бы сторонники Англіи не воспользовались его отъѣздомъ въ Ярославль, никогда договоръ съ данной державой не состоялся бы; что онъ любитъ Францію изъ благодарности за то, что она дала 300,000 дукатовъ на осуществленіе намѣренія императрицы предъявить свои права на престолъ..... она не могла бы исполнить его безъ этой сильной поддержки; что, однако, это обстоятельство не помѣшало ему высказать свое мнѣніе маркизу де ла Шетарди въ присутствіи императрицы, когда онъ сталъ требовать отъ нея невыгодныхъ для Россіи уступокъ; что король польскій хотѣлъ пожаловать ему орденъ, но онъ отказался его принять..... я прервалъ его здѣсь, сказавъ, что почетнѣе всего носить ордена собственнаго своего повелителя, такъ какъ опасался, чтобы онъ не попросилъ ордена вашего величества. Затѣмъ онъ сообщилъ мнѣ, что вполне преданъ вашему величеству, въ виду тождества вашихъ интересовъ съ интересами императрицы. Я подхватилъ мячъ на-лету и просилъ его склонить государыню къ безусловному поручительству за Силезію, увѣривъ его, что ваше величество сдѣлаетъ то же самое относительно новыхъ русскихъ приобрѣтеній въ Финляндіи. Онъ мнѣ это обѣщалъ» ¹.

Такимъ образомъ мы видимъ, что хирургъ вмѣшивается въ самые важныя государственныя дѣла, самые тайные и щекотливые переговоры, и добивается того, чего хочетъ или скорѣй чего хотятъ люди, подкупающіе его. Онъ, можетъ быть, говорить больше, чѣмъ дѣлаетъ, въ виду того, что онъ хвастливъ и лживъ. Ему очень хорошо извѣстно, что Франція не дала Елизаветѣ ни 300,000, ни даже 9,000 дукатовъ, но онъ говоритъ это Фрид-

¹ Берлинскій архивъ.

риху, чтобы принудить его къ щедрости. Фридрихъ и его посланникъ настолько презирають его, что не хотятъ давать ему ордена, хотя Карлъ VII, менѣе щепетильный, въ скоромъ времени (1744 г.) награждаетъ его графскимъ титуломъ; но какъ ни разсчетливы и тотъ и другой, они не колеблясь осыпають его щедротами, что является неопровержимымъ доказательствомъ реальности его вліянія. Какъ же онъ добился этого вліянія? Онъ пользуется исключительнымъ преимуществомъ пускать кровь ея величеству, что, кромѣ 2000 р. за каждый ударъ ланцета, даетъ ему свободный доступъ къ государынѣ. Въ мѣстной терапевтикѣ и гигиенѣ кровопусканія были въ большемъ почетѣ. Современные календари посвящали всегда главу «рудомету» съ обозначеніемъ дней, благопріятныхъ для совершенія операціи. Такіе дни были и для пріемовъ лекарства, и для стрижки волосъ, и календарь Академіи наукъ до 1741 г. называлъ двадцать дней, благопріятныхъ для кровопусканія. Такимъ образомъ рудометь ея величества былъ важное лицо, и его вторая жена, отвратительная и неопрятная Елиза Мюллеръ была на придворныхъ балахъ предметомъ соискательства со стороны самыхъ блестящихъ танцоровъ.

Въ Россіи, какъ и повсюду, фаворитизмъ принималъ самыя разнообразныя формы, хотя та изъ нихъ, что возвела на вершину Разумовскихъ, встрѣчалась чаще всего. Въ своихъ отношеніяхъ съ Елизаветой Лестокъ, повидимому, не сохранилъ за собой и слѣда тѣхъ преимуществъ, благодаря которымъ онъ былъ соперникомъ или предшественникомъ бывшаго пѣвчаго. Однако за нимъ осталась привычка къ фамиллярному обращенію и вліяніе, пріобрѣтенное въ трагическіе часы, когда, онъ такъ сказать, толкнулъ молодую женщину на дорогу къ Зимнему дворцу, восторжествовавъ своей суровостью надъ ея сомнѣніями и разсѣявъ своимъ мужествомъ сковывавшій ее страхъ.

Пользуясь всѣмъ этимъ, онъ принялъ съ Елизаветой авторитетный тонъ, который она долго терпѣла, причемъ въ ея отношеніяхъ къ нему страннымъ образомъ соединялось тройкое подчиненіе женщины чувственной, слабого здоровья и не сильнаго ума мужчинѣ, врачу и повелителю. Помимо того, что она осыпала его почестями и дарами, она расточала передъ нимъ несомнѣнныя доказательства довѣрія и чуть ли не почтительнаго уваженія. Она поручила ему вести вмѣстѣ съ Теодорскимъ религіозное воспитаніе великаго князя и въ день принятія имъ православія (7 ноября 1742 г.) она присутствовала на балу, ко-

Императрица Елизавета Петровна.

Съ портрета работы Гроота.

(Пажескій Его Величества корпусъ).

торымъ Лестокъ праздновалъ это событіе и собственное новоселье въ новомъ домѣ въ Нѣмецкой слободѣ въ Москвѣ, гдѣ недавно еще существовалъ переулочекъ его имени.

Однако ужъ и въ то время это блестящее положеніе какъ будто пошатнулось, и счастливый обладатель его это сознавалъ. Онъ повѣрялъ саксонскому посланнику Пецольду свое намѣреніе выйти въ отставку и велъ переговоры о переводѣ своего брата въ ганноверскую армію¹. Бестужевъ, призванный къ управленію иностранной политикой и желавшій быть въ ней полновластнымъ хозяиномъ, начиналъ, дѣйствительно, оправдывать предсказаніе, приписываемое императрицѣ и высказанное ею, когда Лестокъ указывалъ на Бестужева, какъ на преемника Головкина: «Ты готовишь себѣ пучокъ розогъ»². Ниже я опишу ходъ этого поединка, тѣсно связаннаго съ исторіей дипломатіи и политики того времени. Въ него была вложена огромная доля интриги и одинаковой по силѣ энергіи, проявленной обѣими сторонами различными путями. Всегда властный и вспыльчивый, Лестокъ осыпалъ Елизавету все болѣе и болѣе горькими упреками, присоединяя къ нимъ мрачныя предсказанія. Онъ вручилъ ей меморію въ запечатанномъ конвертѣ, съ просьбой открыть его лишь черезъ мѣсяць: тогда, молъ, она увидитъ, насколько онъ былъ правъ, разоблачая передъ ней хитрые подвохи Бестужева! Онъ открыто обвинялъ канцлера во взяточничествѣ. Болѣе гибкій, болѣе смиренный, не имѣя также столь свободного доступа къ государынѣ, Бестужевъ дѣйствовалъ вкрадчивымъ внушеніемъ, сообщая императрицѣ умѣло выбранныя выдержки перехваченной имъ переписки Шетарди и Мардефельда и подчеркивалъ въ нихъ компрометирующія мѣста искусно составленными помѣтками на поляхъ. Съ конца 1743 г. онъ думалъ, что одержалъ верхъ, и Картеретъ ужъ праздновалъ побѣду въ Лондонѣ, узнавъ, что нѣкоторыя депеши посланника Фридриха были прочитаны Елизаветой. Въ нихъ говорилось о 10,000 р., недавно «отпущенныхъ» хирургу, и о пенсіи въ 4000 р. Но Мардефельдъ былъ на-чеку. Онъ послалъ къ императрицѣ Брюмера и получилъ черезъ него самыя упокоительныя завѣренія: «Картеретъ съ ума сошелъ, воображая, что для того, чтобы доставить

¹ «Сборникъ, Р. И. О.», т. VI, стр. 452. «Архивъ кн. Воронцова», т. XXV, стр. 110—111.

² Spada, «Ephémérides russes», т. II, стр. 666—7.

удовольствіе вице-канцлеру, который въ общемъ негодай, я отрублю голову вамъ и Лестоку, когда я уважаю васъ обоихъ больше всѣхъ... Богу извѣстно, что я одинаково не долюбливаю англичанъ и датчанъ»¹. Передавая эти слова, Брюммеръ, можетъ быть, немного и преувеличилъ выраженіе ихъ; но смыслъ ихъ былъ безусловно вѣренъ. Елизавета не любила англичанъ и относительно Бестужева она питала чувства, сродныя съ физическимъ и нравственнымъ отвращеніемъ. Она всегда избѣгала его общества. Онъ былъ ей непріятенъ, скученъ, раздражалъ ее, вмѣстѣ съ тѣмъ импонируя ей знаніями, которыя она долго считала выдающимися и дарованіями, казавшимися ей незамѣнимыми до тѣхъ поръ, пока ее не приучили обходиться безъ нихъ. Притомъ, она проявляла всегда большую снисходительность къ проступкамъ того рода, которыми канцлеръ думалъ создать себѣ оружіе противъ Лестока. Она наивно находила, что иностранныя деньги всегда хороши, подъ какимъ бы предлогомъ ихъ ни брать. Но она была уже болѣе сдержана въ своихъ лестныхъ отзывахъ по адресу хирурга. Она находила, что онъ слишкомъ горячъ и принимаетъ слишкомъ часто неподобающій тонъ. Брюммеръ и Мардефельдъ увѣщевали по этому поводу Лестока.

— Вы съ ней слишкомъ безцеремонно обращаетесь.

Но его трудно было убѣдить.

— Вы ея не знаете. Съ ней иначе ничего не подѣлаешь.

Изъ этого Мардефельдъ дѣлалъ слѣдующій выводъ:

«Онъ, кажется, до нѣкоторой степени правъ; русскія женщины любятъ, чтобы ихъ любовники тиранили ихъ. Однако, не находясь уже въ этомъ званіи, ему слѣдовало бы быть осторожнѣе».

Лестокъ сумѣлъ, не мѣняя своего образа дѣйствія, удержаться до 1748 г. Онъ выдержалъ, не потерявъ равновѣсія въ 1744 г., страшный ударъ опалы маркиза Шетарди, и послѣдовавшее за нею назначеніе Бестужева на постъ великаго канцлера. Но вскорѣ послѣ этого Бестужеву удалось лишить его самаго драгоценнаго его преимущества. Елизавета объяснила своему первому министру, что англійскія, французскія или прусскія деньги, получаемыя Лестокомъ, не имѣли никакого значенія, въ виду того, что канцлеръ велъ единолично иностранныя дѣла.

— Я не могу ручаться за здоровье вашего величества, возразилъ на это канцлеръ.

¹ Мардефельдъ королю, 31 окт. и 1 дек. 1743. Берлинскій архивъ.

Государыня задумалась и сказала наконецъ:

— Хорошо, я это устрою.

Получивъ еще разъ 5000 р. за кровопусканіе, Лестокъ болѣе къ нему допущенъ не былъ. Онъ сопровождалъ однако императрицу въ Кіевъ въ 1744 г., а въ 1747 г., когда онъ въ третій разъ женился на дѣвицѣ Менгенъ, надѣявшейся такимъ путемъ облегчить судьбу своей семьи, Елизавета сама причесала невѣсту и украсила ее своими брилліантами. Ей тяжело было уступить Бестужеву, жертвуя человѣкомъ, которому она была столькимъ обязана. Она также боялась его испытанной энергіи и смѣлости его, доказанной имъ на дѣлѣ.

Онъ, наконецъ, самъ себя предалъ. Въ маѣ 1748 г. одно мѣсто изъ депеши Финкенштейна, преемника Мардефельда, было истолковано Бестужевымъ, какъ указаніе на заговоръ, составленный въ сообществѣ съ Лестокомъ, но въ виду того, что имени его не упоминалось, императрица ограничилась тѣмъ, что приказала за нимъ слѣдить, и дѣло не получило дальнѣйшаго хода до конца года. Но въ ноябрѣ, обѣдая съ прусскимъ и шведскимъ посланниками у одного нѣмецкаго купца, Лестокъ замѣтилъ около дома человѣка, повидимому, подсматривавшаго за нимъ; его схватили и, подъ угрозами и побоями, онъ сознался, что слѣдилъ за Лестокомъ по приказанію одного гвардейскаго офицера. Хирургъ тотчасъ же бросился во дворецъ, гдѣ въ то время былъ приемъ. Завидѣвъ его, великая княгиня съ улыбкой двинулась ему навстрѣчу. Съ нѣкоторыхъ поръ онъ поддерживалъ дружескія отношенія съ молодымъ дворомъ, и одно уже это было непріятно Елизаветѣ. Онъ движеніемъ рукой оставилъ молодую женщину.

— Не подходите ко мнѣ! Я человѣкъ подозрительный.

Она думала, что онъ шутитъ, но онъ повторилъ:

— Очень серьезно прошу васъ не подходить ко мнѣ; я человѣкъ подозрительный, и меня надо избѣгать.

Онъ былъ красенъ, руки его дрожали. Она, наконецъ, рѣшила, что онъ пьянъ, и удалилась. Ему удалось подойти къ императрицѣ; онъ грубо съ ней обошелся и наконецъ, послѣ бурнаго объясненія, вырвалъ у нея обѣщаніе торжественно обѣлить его. Но Финкенштейна это не успокоило: «Надо не знать императрицу, писалъ онъ Фридриху, чтобы основывать на этомъ какія-нибудь надежды». Дѣйствительно, подъ предлогомъ насилія, которому подвергся человѣкъ, слѣдившій за Лестокомъ, она прика-

зала арестовать его секретаря — француза Шавюзо и троихъ слугъ. Лестокъ на слѣдующій день вернулся ко двору, но принять не былъ. Три дня спустя, видя, что ей нечего бояться его, Елизавета дала волю Бестужеву. Шестьдесятъ гвардейцевъ, подъ командой Апраксина, близкаго друга опальнаго, оцѣпили домъ, куда императрица такъ часто прѣзжала къ товарищу черныхъ дней. Въ тотъ же вечеръ при дворѣ была свадьба одной изъ фрейлинъ императрицы. Лестокъ долженъ былъ быть однимъ изъ свидѣтелей. Никто какъ бы и не замѣтилъ его отсутствія, и среди оживленія и веселья, въ которомъ Елизавета принимала большое участіе, самыми радостными были лица, принадлежавшія къ друзьямъ отсутствовавшаго Лестока.

Въ теченіе одиннадцати дней, отказываясь отъ всякой пищи, поддерживая себя лишь минеральными водами, онъ отвѣчалъ упорнымъ молчаньемъ на допросъ, состоявній изъ двадцати слишкомъ пунктовъ¹.

По приказанію Елизаветы, его вздернули на дыбу, но онъ не открылъ рта и, когда его освободили, отказался отъ всякой помощи, чтобы вернуться въ тюрьму. Напрасно жена его уговаривала его сознаться, обѣщая ему милосердіе императрицы. Онъ показалъ ей свои руки, изувѣченныя пыткой, и сказалъ:

— У меня ужъ нѣтъ ничего общаго съ императрицей; она выдала меня палачу.

Въ силу того, что, за отсутствіемъ признанія съ его стороны, его могли обвинить лишь въ корыстныхъ сношеніяхъ съ иностранными державами, относительно чего Елизавета проявляла столь снисходительную терпимость, если не поощряла ихъ, его просто сослали въ Угличъ и затѣмъ въ Великій Устюгъ, гдѣ онъ встрѣтился съ бывшимъ товарищемъ Грюнштейномъ, тоже сосланнымъ послѣ наказанія кнутомъ, и откуда онъ писалъ въ 1759 г. И. И. Шувалову, сохранившему благосклонное отношеніе къ нему, прося прислать шубу для жены, страдавшей отъ холода. Когда Лестокъ былъ вызванъ въ Петербургъ, по воцареніи Петра III, ему пришлось еще просить денегъ на путешествіе и на покупку платья и рубашекъ. Но онъ появился въ столицѣ, полный жизни и энергіи, не взирая на свои семьдесятъ четыре года, изъ коихъ четырнадцать были проведены въ ссылкѣ. Онъ былъ свидѣтелемъ восшествія на престолъ Ека-

¹ «Архивъ кн. Воронцова», т. IV, стр. 160.

терины II и первыхъ лѣтъ ея царствованія, девятого съ тѣхъ поръ, какъ онъ поселился въ Россіи. Умеръ онъ въ 1767 г. ¹.

Онъ принадлежалъ къ героической расѣ авантюристовъ той эпохи; былъ человѣкъ ничтожной нравственности, тонкаго ума, почти сказочнаго мужества, и Россія XVIII вѣка завѣщала память его презрѣнію, но также и почти благоговѣйному удивленію потомства. Его счастливый соперникъ, Алексѣй Петровичъ Бестужевъ, представлялъ въ данной группѣ нѣсколько иной типъ, менѣе специфически русскій, вопреки его русскому имени, и носящій болѣе замѣтный отпечатокъ иностранной цивилизаци и разврата, съ которыми онъ былъ въ болѣе долгомъ соприкосновеніи, и тѣхъ измѣненій, которыя были вызваны ими въ русскомъ національномъ типѣ и темпераментѣ въ этотъ переходный періодъ.

III.

Бестужевъ.

Русская вѣтвь этой семьи, вышедшей, согласно нѣкоторымъ источникамъ, изъ Кента, въ Англіи, происходила отъ нѣкоего Гавріила Беста, пріѣхавшаго въ Россію около 1413 г. и чей сынъ Рюма былъ пожалованъ въ бояре великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ. Отсюда и фамилія Бестужевъ-Рюминъ, носимая канцлеромъ. Однако эта родословная сомнительна. Алексѣй Петровичъ, второй сынъ Петра Михайловича Бестужева, гофмейстера при дворѣ Анны Іоанновны въ Митавѣ, родился въ Москвѣ въ 1693 г. Отправленный за границу Петромъ Великимъ, онъ сопровождалъ русское посольство на Утрехтскій конгрессъ (1712 г.), поступилъ на службу ганноверскаго двора и вновь появился въ Россіи въ качествѣ посланника Англіи (1714 г.). Этотъ первый опытъ дипломатической карьеры ему, очевидно, не удался; въ 1718 г. мы видимъ его, направляющаго нетвердые стопы въ сторону маленькаго курляндскаго двора, гдѣ онъ и получилъ, подъ покровительствомъ отца, скромную должность камергера. Однако, ужъ въ 1720 г. онъ добивается поста посланника въ Копенгагенѣ, перейдя на этотъ

¹ Хмыровъ, «Графъ Лестокъ», «Отечественныя Записки» 1866; «Архивъ кн. Воронцова», т. IV, стр. 170—3; XXIV, стр. 60 и слѣд., XXV стр. 124 и слѣд. и переписка Мардефельда въ Берлинскомъ архивѣ. Нѣкоторыя подробности въ «Москвитиняи», 1846, № 1.

разъ на русскую службу; но Анна Іоанновна, питавшая въ то время весьма нѣжныя чувства къ его отцу и еще въ 1725 г. очень горячо рекомендовавшая сына Остерману, перемѣнила свое отношеніе къ старику Бестужеву въ 1728 г. настолько, что обвинила своего гофмейстера въ воровствѣ¹. Это сказалося на судьбѣ Алексѣя Петровича Бестужева послѣ восшествія бывшей герцогини Курляндской на русскій престолъ. Его перевели въ Гамбургъ, гдѣ онъ занялся, въ цѣляхъ улучшенія своей судьбы, ремесломъ доносчика² и былъ снова отосланъ въ Копенгагенъ; въ свободное отъ дипломатическихъ заботъ время онъ занялся, совместно съ химикамъ Ламбке, открытіемъ знаменитой *tinctura inervi Bestuschefiii*, впервые доставившей его имени извѣстность въ Европѣ. Въ виду того, что онъ, въ выпавшую ему впоследствіи высокую долю въ Россіи, не обнаружилъ новыхъ признаковъ проявленныхъ этимъ путемъ научныхъ дарованій и вкусовъ, тайна этого сотрудничества остается неразрѣшенной. Секретъ знаменитыхъ въ свое время капель былъ обнародованъ Екатериной II подъ именемъ *золотоу эликсира* или *эликсира Ламотта*.

Въ 1740 г. Биронъ вызвалъ Бестужева въ Петербургъ, съ тѣмъ, чтобы ввести его въ Кабинетъ, откуда онъ изгналъ Волынскаго и гдѣ онъ хотѣлъ имѣть преданнаго себѣ человѣка. Послѣ паденія регента, его ставленникъ опять былъ скомпрометированъ и сосланъ, но всего лишь на нѣсколько мѣсяцевъ. Анна Леопольдовна была покладистаго нрава. Бестужевъ ей за это благодаренъ не былъ. Онъ былъ мстителенъ и обладалъ тонкимъ чутьемъ. Нѣкоторыя его связи приближали его къ Елизаветѣ. Его жена, рожденная Беттигеръ, была прежде наставницей цесаревны и дочерью бывшаго русскаго резидента въ округѣ Нижней Саксоніи, котораго часто посѣщали Петръ и Екатерина во время своихъ путешествій по Германіи. Онъ обратилъ свои взоры въ эту сторону и сблизился съ Воронцовымъ и Лестокомъ³.

По восшествіи на престолъ Елизаветы, ссылка Остермана оставила внѣшнія дѣла, такъ сказать, безъ руководителя. Великій

¹ «Письма русскихъ государей и иныхъ особъ», 1861, т. IV, стр. 134, 202 и 252.

² См. Waliszewsky, «L'Héritage de Pierre le Grand», стр. 220.

³ Соловьевъ, т. XXII, стр. 120.

Графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ.

Съ портрета Преннера и гравюры Борнигерота.

канцлеръ, князь Черкасскій, находился подъ угрозой апоплексическаго удара, вскорѣ унесшаго его въ могилу, и былъ поглощенъ любовной интригой своей дочери съ Петромъ Шуваловымъ, ссорившей между собою обѣ семьи. Назначенный вице-канцлеромъ, Бестужевъ воспользовался ревностью Шуваловой, бывшей въ большой милости у Елизаветы, чтобы выдвинуть себя; онъ мѣтилъ въ преемники Черкаскаго. Ему пришлось однако ждать до 1744 г., но, уже начиная съ 1742 г., когда умеръ великій канцлеръ, онъ съ помощью Бреверна руководилъ внѣшней политикой, поскольку ему въ томъ не мѣшала Лестоки. Впослѣдствіи у него были другіе тайные сотрудники и среди нихъ, если вѣрить воспоминаніямъ барона Фридриха Тренка, первое мѣсто занимала его собственная жена. Считааясь примѣрной супругой, она давала самому Тренку неопровержимыя доказательства несправедливости этого, втайнѣ занималась любовными похождениями и болѣе открыто интригами. Она русскихъ не любила и покровительствовала Пруссіи до того дня, когда посланникъ этой страны имѣлъ неосторожность погубить Тренка въ глазахъ ея мужа, обличивъ его одновременно и какъ шпіона и какъ ловеласа. Но Тренкъ не заслуживаетъ довѣрія. Роль, сыгранная при канцлерѣ Функомъ, Прассе и Санти гораздо болѣе достовѣрна. До 1754 г. первый фигурировалъ не только въ качествѣ совѣтника, но и настоящаго замѣстителя Бестужева въ работѣ и вдохновеніи. Онъ былъ необходимымъ alter ego человѣка, рѣшительно неспособнаго выполнить задачу, значительно превышавшую его дарованія, былъ его мозгомъ и его правой рукою. Позднѣ преемникъ Функа въ саксонскомъ посольствѣ, Прассе, вкладывалъ въ это дѣло столько же рвенія, но менѣ блестящія способности. Санти былъ полезенъ, главнымъ образомъ, въ вопросахъ внѣшнихъ приличій; онъ училъ Бестужева, какъ себя держать. Потому-то, когда въ 1754 г. французской дипломатіи удалось избавиться отъ Функа, Бестужевъ оказался тѣломъ безъ души, плывшимъ по теченію вплоть до паденія въ роковую бездну¹.

Онъ безусловно не былъ лишенъ нѣкоторыхъ личныхъ дарованій, изъ тѣхъ, что приносятъ счастье большинству авантюристовъ; онъ дѣйствовалъ съ помощью тонкой хитрости и грубаго нахальства, невозмутимаго спокойствія и безошибоч-

¹ Koser, «Preussen und Russland», «Preussische Jahrbücher», т. XLVII, стр. 490.

наго инстинкта внѣшняго декорума, соединяя ихъ съ величавостью, которую онъ умѣлъ сохранить въ самыхъ унижительныхъ положеніяхъ и которымъ онъ вводилъ въ заблужденіе не только Елизавету, но и всю Европу. Онъ властнымъ тономъ требовалъ субсидій Россіи и принималъ взятки съ такимъ видомъ, будто оказывалъ этимъ великую честь. Никогда онъ за словами въ карманъ не лѣзъ. Его отвѣтъ клиру Казанскаго собора, просившему присоединенія къ нему протестантскаго храма, находившагося въ сосѣдствѣ, чрезвычайно характеренъ. Священники увѣряли, что имъ явилась Богородица и плакала, жалуясь на оскорбительное для Нея сосѣдство. Бестужевъ приказалъ имъ вернуться черезъ три дня и объявилъ имъ съ самымъ серьезнымъ видомъ, что Богородица явилась и ему; Она передумала и не желала больше этой протестантской церкви, въ виду того, что она была построена съ сѣвера на югъ, а не съ востока на западъ, какъ подобало православному храму ¹.

Относительно Елизаветы его неизмѣнная система состояла въ томъ, что онъ прикрывался тѣнью Петра Великаго: «Это не моя политика, а политика вашего великаго отца», твердилъ онъ. Помимо этого, онъ подчинялъ себѣ государыню, вызывая въ ней утомленіе и растерянность. По поводу малѣйшаго дѣла онъ забрасывалъ ее кипами промеморій, нотъ, протоколовъ. Она приходила въ ужасъ: «Вотъ она какова, политика!» Она, конечно, до нихъ не дотрагивалась и просила его изложить ей дѣло вкратцѣ; тогда онъ дѣлалъ ей такой путаный докладъ, что она ровно ничего въ немъ не понимала и съ отчаянія, въ особенности въ послѣдніе годы, чаще всего говорила: «Дѣлайте, какъ хотите». Она со всѣмъ соглашалась и все подписывала—съ вышеуказанными отсрочками—за исключеніемъ объявленія войны или смертнаго приговора. Въ первомъ случаѣ она давала свое согласіе лишь по зрѣломъ обсужденіи, во второмъ—отказывала.

Я не нашель слѣдовъ нѣкоторыхъ физическихъ недостатковъ и хитростей, приписываемыхъ преданіемъ канцлеру, выражавшихся въ томъ, что онъ будто бы симулировалъ заиканіе въ бесѣдахъ съ иностранными министрами или приказывалъ писать неразборчиво тексты нотъ, чтобы оставить за собой возможность ихъ измѣнить. Мардефельдъ отмѣтилъ лишь, что онъ подъ предлогомъ плохой памяти, тогда какъ она была у него прекрасная,

¹ Büsching, «Lebensbeschreibung d. A. Bestoucheff», стр. 432.

заставлялъ излагать письменно нѣкоторыя *устныя* заявленія, и что ему надо было выпить много рюмокъ вина, чтобы придать себѣ мужества, иначе онъ былъ «ein Erzpoltron» ¹.

Относительно его дарованій какъ государственнаго человѣка, преданіе, по крайней мѣрѣ въ Россіи, стоитъ въ полномъ проворѣчій съ цѣлой совокупностью столь согласныхъ между собой документальныхъ данныхъ, что у историка на этотъ счетъ не остается никакихъ сомнѣній. По этой причинѣ и по другимъ, которыя постепенно раскроются передъ моими читателями, не могу не посовѣтовать нѣкоторымъ моимъ русскимъ собратьямъ пожертвовать этимъ кумиромъ не столь почтеннаго во всѣхъ отношеніяхъ прошлаго, могущаго, однако, представить другихъ болѣе достойныхъ лицъ для ихъ патріотическаго поклоненія. Мнѣ небезызвѣстно, что къ людямъ играющимъ главныя роли и въ человѣческой комедіи принято относиться съ безграничной снисходительною. Но вѣдь необходимо при этомъ, чтобы было установлено нѣкоторое равновѣсіе между недостатками или пороками и качествами и добродѣтелями даннаго лица. Здѣсь же одна изъ чашекъ, на которую мнѣ придется положить большую тяжесть, не имѣетъ, такъ сказать, противовѣса передъ лицомъ безпристрастной исторіи, этотъ ложный великій человѣкъ не обладаетъ въ ея глазахъ никакими данными,—кромѣ удачи, обусловленной внѣшними обстоятельствами, благопріятствовавшими ему,—которыя позволяли бы ему стоять въ первомъ ряду среди людей не съ ярлыкомъ великаго негодяя.

Въ 1742 г. Мардефельдъ утверждаетъ, что Бестужевъ былъ скрытенъ, не умѣя скрытничать, строилъ честолюбивые планы, не обладая глазомѣромъ и послѣдовательностью ². Д'Аллионъ писалъ въ 1746 г.: «Онъ былъ вознесенъ благодаря случаю и удержался на высотѣ больше интригами, чѣмъ талантомъ» ³. Но оба они были его политическими соперниками, и я точно также склоненъ усумниться въ истинѣ свидѣтельства Шетарди, обвинявшаго канцлера въ поддѣлкѣ векселей въ Гамбургѣ ⁴. Но въ 1745 г. Гиндфордъ, англійскій посланникъ, былъ его другомъ и товарищемъ. А онъ утверждаетъ, что до послѣдняго времени

¹ Королю, 9 января 1742. Берлинскій архивъ.

² Королю, 9 января 1748 г. Берлинскій архивъ.

³ 4 янв. Мин. Ин. Дѣлъ.

⁴ Ibid. Россія, приложение, т. VII, апрѣль 1748.

Россія не дала ни одного министра «цѣннаго и мужественнаго», и прибавляетъ,—что еще важнѣе,—«Императрица обладаетъ гораздо большимъ мужествомъ и способностями, чѣмъ всѣ ея министры, взятые вмѣстѣ»¹. Теперь очередь за самыми вѣскими свидѣтелями, представителями Австріи; личныя связи канцлера были главнымъ образомъ направлены въ эту сторону; баронъ Претлакъ и графъ Бернесъ были съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ. Послушайте перваго: онъ говоритъ «о природномъ недостаткѣ ума у этого министра»². Спросите втораго: онъ вамъ скажетъ, что, желая все дѣлать самъ, канцлеръ въ то же время не отказывался отъ своихъ удовольствій, предаваясь съ нѣкоторыхъ поръ не только страсти къ чревоугодію, но и къ игрѣ, за которой онъ проводитъ многіе дни и цѣлыя ночи напролетъ».

Тутъ, конечно, придутъ на память имя и роль Вальполя. Но если великій вождь виговъ и дѣлил свое время между политикой и развратомъ, если и стали извѣстны его оргіи въ Гоутонѣ и честность его была въ подозрѣніи, все же его дарованіе и упорство въ трудѣ не оспаривались и самыми яркими его хулителями³. Въ его біографіи нѣтъ эпизода, подобнаго тому, который рисуется намъ министра Елизаветы враждующимъ съ собственнымъ сыномъ, стремящимся покинуть отчій домъ, гдѣ царитъ крайній развратъ. Графъ Бернесъ вмѣшивался въ эту распрю, а жена Бестужева принимаетъ сторону сына противъ отца.

«Я старался умиротворить ее, уговаривая войти въ положеніе ея мужа, заваленнаго дѣлами и съ трудомъ добивающагося резолюцій ея величества, вслѣдствіе чего не мудрено было, что онъ искалъ иногда развлеченій; она на это отвѣчала, что если дѣла шли плохо, то виноватъ въ томъ былъ гораздо болѣе онъ самъ, чѣмъ государыня, въ виду того, что онъ днемъ пьянъ, а ночи проводитъ въ игрѣ, проигравъ недавно 10.000 р. въ одну недѣлю». Раздоры обострились, дойдя даже до насильственныхъ дѣйствій, что вызвало вмѣшательство императрицы⁴.

¹ «Сборникъ Р. И. О.», т. СІІ, стр. 330.

² Улефельду, 19 іюля, 1746. Вѣнскій архивъ, по-французски.

³ Леску, «A history of England», т. I, стр. 324 и слѣд.

⁴ Бернесъ Улефельду, 25 іюня 1750. Вѣнскій архивъ, по-франц. Ср. «Pol. Congresp.», VIII, стр. 88.

Какими же средствами располагалъ канцлеръ, чтобы проигрывать 10,000 р. въ одну недѣлю? Великій англійскій парламентарій, котораго противники звали «маклакомъ совѣстей» истратилъ миллионы на секретные фонды, но при этомъ обвиненія въ хищеніи, которыхъ онъ не могъ избѣгнуть, никогда не получили ни малѣйшаго подтвержденія. Онъ купилъ множество совѣстей, но, повидимому, никогда не продавалъ своей. Историческое положеніе его русскаго соперника весьма различно въ этомъ отношеніи. Прославъ при жизни безусловно корыстнымъ, онъ сталъ послѣ своей смерти въ Россіи, и за послѣднее время даже за границей, предметомъ многочисленныхъ попытокъ оправданія. Онъ даже стремились поставить его выше всякихъ подозрѣній¹. Какъ ни неприятно изслѣдованіе подобнаго факта, онъ играетъ слишкомъ большую роль какъ во внѣшней, такъ и во внутренней исторіи страны, чтобъ мнѣ возможно было отъ него уклониться, и принадлежитъ къ категоріи тѣхъ вопросовъ, что при свѣтѣ неопровержимыхъ фактовъ не подлежатъ сомнѣнію.

До 1752 г., хотя руки Бестужева и не были совершенно чистыми, все же онъ старался сохранить внѣшнюю благопристойность. Вопреки неоднократнымъ утвержденіямъ Фридриха и его историковъ², онъ отказывался отъ прусскихъ и французскихъ денегъ и прикасался къ англійскому золоту лишь съ цѣломудренными ужимками и благородными жестами. Его жена приняла въ 1745 г. тысячу дукатовъ отъ д'Аллиона, причемъ д'Аржансонъ счелъ ихъ истраченными непроизводительно¹. Но ея мужъ могъ ничего и не знать объ этомъ. Въ 1742 г., передавая вице-канцлеру обычное вознагражденіе за оборонительный союзъ, заключенный съ Англійей, Вейчъ намекнулъ ему, что его король охотно присоединилъ бы къ нему и добавочный даръ, офиціальныи или тайный, по желанію.

— Я ничего тайно не принимаю, сухо отвѣтилъ вице-канцлеръ. И дѣло на этомъ и остановилось.

Преемникъ Вейча, Гиндфордъ, былъ; поэтому, не мало удивленъ, когда четыре года спустя этотъ столь щепетильный че-

¹ Nisbet Bain, «The daughter of Peter the Great», 1899, стр. 69. Ср., «Историческій Вѣстникъ», сент. 1900; очеркъ М. Тимирязева.

² «Pol. Corresp.», т. III, стр. 189; т. IV, стр. 357; Frédéric, «Oeuvres», т. IV, стр. 19. Koser, «Preussen und Russland», «Preussische Jahrbücher», XLVII, стр. 289.

³ Д'Аржансонъ д'Аллиону, 9 дек. 1745. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

ловѣкъ сталъ разсказывать ему про домъ, подаренный ему Елизаветой, но служившій источникомъ разорительныхъ расходовъ. Этотъ домъ былъ въ такомъ состоянїи, что, для того, чтобы привести его въ порядокъ, владѣльцу его необходима была сумма въ десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ, и она въ этотъ разъ должна была быть передана ему возможно секретнѣе. Когда Гиндфордъ сталъ возражать противъ необычайной величины цифры, Бестужевъ вновь принялъ свой величественный видъ: онъ просилъ эти деньги не въ видѣ вознагражденія, а въ видѣ простой ссуды на десять лѣтъ и безъ процентовъ. Въ Лондонѣ разсчитали, что, если даже ссуда и будетъ возвращена, она все же составитъ «довольно значительный расходъ», и пальцемъ не шевельнули до конца слѣдующаго года. Размѣры обычнаго той эпохѣ подкупа были сильно преувеличены воображеніемъ потомства. Одинъ историкъ, обыкновенно хорошо освѣдомленный, упомянулъ о пенсіи въ два съ половиной милліона фунтовъ стерлинговъ, отпущенной министру страны, годовой бюджетъ которой не достигалъ этой суммы! ¹ Чтобы добиться для своего пріятели двадцать пятой части этой суммы, Гиндфорду пришлось выставить самыя рискованныя соображенія. Послушавъ его, такъ жена сына канцлера, Авдотья Разумовская, была въ дѣйствительности дочерью ея величества. Елизавета повѣдала это Алексѣю Бестужеву, «обѣщавъ ему одновременно свое полное довѣріе и защиту отъ враговъ во все время ея царствованія». «Такимъ образомъ», добавлялъ Гиндфордъ, «она теперь обращается съ нимъ скорѣе какъ съ деверемъ, а не какъ со своимъ канцлеромъ». Въ то же время Бестужевъ увѣрялъ англійскаго посланника, что жена его была двоюродной сестрой императрицы ².

Послѣ долгихъ и трудныхъ переговоровъ, причемъ Гиндфордъ все упорнѣе настаивалъ на своемъ, говоря, что англійскимъ интересамъ грозитъ большая опасность. вслѣдствіе отказа канцлеру въ его желанїи, десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ были наконецъ уплочены Бестужеву, какъ бы отъ имени англійскаго банкира Вольца подъ закладную знаменитаго дома, требовавшаго столь громаднхъ расходовъ. Реальность этой чисто фиктивной сдѣлки была удостовѣрена, и на этомъ основанїи было выведено заключеніе о неподкупности Бесту-

¹ Vambaud, «Russes et Prussiens», 1895, стр. 23.

² Гиндфордъ Штейнбергу, 28 марта 1747. Borkovsky, loc. cit., стр. 119.

жева ¹. Таковы факты. Они дѣлають честь хитроумію русскаго министра, если не его добродѣтели. Согласно условіямъ, заключеннымъ между нимъ и Гиндфордомъ, онъ пользовался десятью тысячами фунтовъ стерлинговъ въ теченіе десяти лѣтъ, не платя процентовъ, послѣ чего, возвращая данную сумму Вольфу, онъ долженъ былъ удержать изъ нихъ за счетъ англійскаго правительства накопившіеся проценты, т. е. пять тысячъ фунтовъ, и оставить ихъ себѣ въ видѣ подарка. И все это для того, чтобы отвести глаза относительно дѣйствительнаго характера данной сдѣлки и облегчить себѣ другую махинацію, придуманную со-

Иванъ Ивановичъ Шуваловъ
(1727—1791).

Съ миниатюры, находящейся въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

вмѣстнo съ Разумовскимъ. На банкетѣ, которымъ предполагалось отпраздновать новоселье Бестужева, Елизавета, согласно обычаю, должна будетъ провозгласить тостъ за здоровье хозяина; и тутъ-то фаворитъ шутливо станетъ оспаривать этотъ титулъ у Бестужева, разоблачивъ ссуду Вольфа. Императрица, вѣроятно, заплатитъ эту сумму, и Бестужевъ такимъ образомъ, получитъ ее два раза ².

¹ Бильбасовъ, «Исторія Екатерины II», т. I, стр. 71.

² «Сборникъ, Р. И. О.», т. СШ, стр. 109 и слѣд. Подробности, приводимыя англійскимъ посланникомъ, не оставляють мѣста сомнѣніямъ.

Впрочемъ, среди всѣхъ этихъ беззащитныхъ маневровъ, Бестужевъ держалъ себя безукоризненно. Когда контрактъ былъ подписанъ и деньги получены, Гиндфордъ попытался опереться на нихъ, чтобы добиться нѣкоторыхъ уступокъ; но Бестужевъ отвѣтилъ ему самымъ надменнымъ тономъ:

— Неужели вы собираетесь входить въ сдѣлки со мной?

Для торга у него былъ Функъ; съ нимъ говорили на чистоту, и онъ отвѣчалъ тѣмъ же. Такъ, въ ноябрѣ 1750 г., по случаю приступленія Англiи къ австро-русскому договору 1746 г., Бестужевъ вздумалъ потребовать отъ обоихъ дворовъ по тысячѣ двѣсти фунтовъ стерлинговъ.

— Но, возразилъ Бернесъ тономъ, которымъ онъ говорилъ обыкновенно съ бѣдными просителями:—Вы вѣдь уже получили свое; оба императорскихъ двора обмѣнялись и подарками въ 1746 г.

Функъ, «приготовившій даже перья для подписи» и рассчитывавшій получить и свою долю, не смутился и, возвратившись три раза къ этому предмету, добился, наконецъ, угрозами и просьбами желаемой суммы ¹.

Въ 1752 г. онъ снова играетъ роль негласнаго маклера; но Бестужевъ ужъ посбавилъ спеси. Отъ надменныхъ угрозъ онъ перешелъ къ униженнымъ просьбамъ. Благодаря игрѣ и всевозможнымъ видамъ разврата, его денежные затрудненія стали безвыходны. Онъ, наконецъ, сознается Претлаку, что положеніе его отчаянное. Онъ тайно позаимствовалъ деньги изъ капиталовъ коллегiи иностранныхъ дѣлъ и почтоваго вѣдомства и ему грозитъ разоблаченіе. Чтобы имѣть возможность сопровождать императрицу въ Москву, онъ заложилъ драгоценности и платье жены, вплоть до ея часовъ, и все же не могъ выйти изъ затрудненія; для этого едва хватило бы и двадцати тысячъ дукатовъ. Тутъ завязались оживленные переговоры между австрійскимъ, англійскимъ и саксонскимъ посольствами. Лондонскій дворъ напоминалъ, что онъ только что выплатилъ канцлеру десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ; дрезденскій дворъ охотно бы его выручилъ, но средства его были ограничены, а вѣнскій дворъ посулилъ ему пенсію, но не въ два съ половиной милліона, и даже не въ тысячную часть этой суммы; предложеніе это заставило Бестужева вскрикнуть въ негодованіи:

¹ Бернесъ Улефельду 16 ноября 1750. Вѣнскій архивъ.

— Что мнѣ дѣлать съ подобной суммой?

И злоба его тотчасъ же выразилась настолько внушительно и грозно для общихъ интересовъ иностранныхъ дворовъ, что выяснилась необходимость ее смягчить, и въ концѣ концовъ Россія пошла на уступки. Въ апрѣлѣ 1753 г. Вольфу былъ возвращенъ вексель, данный имъ своему правительству взаменъ закладной на домъ канцлера, взятой на его имя,—за что онъ долженъ былъ вновь внести 25,000 рублей въ пользу владѣльца¹. Однако, въ июлѣ мѣсяцѣ Претлаку пришлось въ свою очередь выплатить восемь тысячъ дукатовъ, дабы добиться ратификаціи *секретнѣйшаго* пункта новаго трактата, на который Россія дала свое согласіе². Съ того времени начинается со стороны канцлера выпрашивание, всегда до извѣстной степени анонимное, прикрываемое Функомъ и замаскированное гордыми и независимыми манерами канцлера, но безпрестанное и все болѣе и болѣе унижительное. Въ виду того, что шахматный ходъ, придуманный съ Разумовскимъ, не удался, Бестужевъ все же въ 1754 г. выпросилъ у Елизаветы тѣ пятьдесятъ тысячъ, что были нужны ему для уплаты долга Вольфу—не получившему ни копѣйки изъ нихъ. Несмотря на это, Функъ опять употребляетъ все свое краснорѣчіе для того, чтобы убѣдить Претлака, что «нельзя называть человѣка пьяницей, если онъ проситъ пить только тогда, когда его мучаетъ сильная жажда». Жажда канцлера дѣйствительно чрезвычайная, но дѣло идетъ не о полномъ утоленіи ея, «такъ какъ это страданіе возвращается у тѣхъ, у кого печень суха, и кто страдаетъ сильной испариной». Въ настоящую минуту довольно будетъ нѣсколькихъ глотковъ и дополнительной чарочки для посредника, въ видѣ «маленькихъ доказательствъ милости, которыя приходились бы весьма кстати для человѣка, принужденнаго жить извѣстнымъ образомъ и при всѣхъ своихъ хлопотахъ бьющагося какъ рыба объ ледъ, чтобы, жертвуя своимъ собственнымъ³, доставить удовольствіе другимъ». Результатомъ этого письма являются двѣ тысячи ду-

¹ Гюи-Дикенсъ Претлаку, Москва, 12 апр. 1753 г. Вѣнскій архивъ, по-французски; «Архивъ кн. Воронцова», т. II, стр. 173; «Der russische Hof unter Elisabeth I», «Hist. Taschenbuch», VI, Folge, I Jahrgang, стр. 313 и слѣд. «Politische Corresp.», т. IX, стр. 312, 414, 455.

² Претлакъ Улефельду, 1 июля 1753. Вѣнскій архивъ, по-нѣмецки.

³ Функъ Претлаку. Спб., 30 марта 1755. Вѣнскій архивъ, по-французски. Претлакъ находился въ то время въ Вѣнѣ.

катовъ, которыми представитель Маріи-Терезіи рѣшается пожертвовать. Но это лишь зачетныя деньги. На слѣдующій годъ возникаетъ вопросъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ Фридриха, и Австріи предлагается выложить не менѣ двѣнадцати тысячъ дукатовъ, причемъ преемникъ Претлака Эстергази поясняетъ, что канцлеру придется лишиться десяти тысячъ рублей англійскихъ денегъ. И то Бестужевъ находитъ эту сдѣлку слишкомъ невыгодной, и послѣ того, какъ Англія торопится положить въ банкъ Вольфа соблазнительный кушъ, Бестужевъ всѣми силами возстаетъ противъ новой системы. Эстергази отчаивается переманить его на свою сторону и, дабы хоть смягчить его противодѣйствіе, предлагаетъ ему четыре тысячи дукатовъ—которыя и принимаются имъ ¹.

Да простятъ мнѣ читатели эти неопрятныя подробности. Онѣ кажутся мнѣ необходимыми для того, чтобы освободить внѣшнюю политику царствованія Елизаветы, почти шестнадцать лѣтъ находившуюся въ рукахъ этого человѣка, отъ фантастическихъ истолкованій, сдѣлавшихъ ее одною изъ самыхъ непонятныхъ загадокъ исторіи. Въ Россіи въ политикѣ Бестужева усмотрѣли въ качествѣ руководящей нити *національную идею*, глубокое пониманіе истинныхъ интересовъ и естественныхъ судебъ страны. Вышеприведенные факты достаточно ярко выясняютъ шаткость этого тезиса, ни съ какой стороны не выдерживающаго критики при ближайшемъ разсмотрѣніи.

Какъ же случилось, что, потребовавъ въ 1742 г. присоединенія Пруссіи къ англійской системѣ, канцлеръ въ 1744 г. возымѣлъ намѣреніе отнять отъ Фридриха Восточную Пруссію и присоединить ее къ Польшѣ взамѣнъ увеличенія русскихъ владѣній со стороны Смоленска, и объявилъ, что при подобномъ королѣ сосѣдство той же Пруссіи явилось бы величайшей опасностью для Россіи,—что не помѣшало ему, впрочемъ, снова стать сторонникомъ пруссаковъ въ 1746 г. по первому же требованію Англіи ². Англійская система была всегда и его системой, а побочно и австрійской—въ силу тѣхъ особенностей темперамента, которыя Функъ умѣлъ столь картинно описывать.

Труднѣе, повидимому, объяснить вліяніе Бестужева на Елизавету среди этихъ политическихъ колебаній, причина которыхъ

¹ Эстергази Кауницу, 22 окт. 1756. Ibid.

² Raumer, «Beiträge zur neueren Geschichte» 1836, т. II, стр. 200. Martens, «Recueil des traites», т. V, стр. 337.

не могла не быть известной ей, и столькоких нравственных падений, внушавших императрицѣ искреннее отвращеніе. Она знала, что онъ былъ корыстенъ и низокъ, и открыто выражала свое неудовольствіе по этому поводу. Она ненавидѣла въ немъ и неискренняго политика, испытывавшаго ея терпѣніе, и чело-вѣка съ заискивающими, но неуклюжими манерами, шедшими въ разрѣзъ съ ея общественными привычками, и грубаго раз-вратника, оскорблявшаго ея любовь ко всему тонкому и изящ-ному. Въ силу сдѣянія обстоятельствъ, онъ самой своей поли-тикой постоянно оскорблялъ ее и во всѣхъ другихъ ея чувствахъ. Она, однако, держала его во главѣ правленія шестнадцать лѣтъ и съ трудомъ съ нимъ разсталась. Повинуясь ему, она рѣшилась порвать не только съ Франціей, что не составляло для нея боль-шой жертвы, но и съ Шетарди, для чего ей безусловно при-шлось насиловать свои сердечныя склонности. Повинуясь ему, она была и сторонницей Австріи, несмотря на Ботта, который, какъ ей казалось, составилъ заговоръ противъ нея, и главнымъ образомъ несмотря на Марію-Терезію, являвшуюся ея соперницей, если не по красотѣ, то по положенію и репутаціи. Наконецъ, опять-таки повинуясь ему, послѣ того какъ она долгое время съ него, дованіемъ противилась мысли, чтобы она, дочь Петра Великаго, могла занять положеніе государыни податной страны—ein Zins-staat, какъ коварно говорилъ Фридрихъ—она рѣшилась принять и вымалывать субсидіи у Англіи, Голландіи, даже Австріи! «Онъ (Бестужевъ) могъ бы составить заговоръ противъ императрицы,— писалъ прусскій король въ 1748 г.,—она бы это знала и все же поддерживала бы его»¹.

Объясненіе этого явленія, повидимому, кроется въ томъ же порядкѣ причинъ, что возвели самое Елизавету на престолъ, на который ни законъ, ни ея таланты, ни добродѣтели не давали ей достаточныхъ правъ. Бестужевъ имѣлъ за собой то преимуще-ство, что былъ или казался русскимъ въ ту минуту, когда естественная реакція вооружала народныя чувства противъ иностранцевъ; онъ къ тому же слылъ за ученика великаго императора, традиціи котораго, по предположенію, должны были воплотиться въ новомъ царствованіи; кромѣ того, у него не было ни серьезнаго соперника, ни преемника. Когда въ 1758 г. его замѣнилъ Воронцовъ, онъ лишь прикрывалъ своимъ именемъ

¹ «Pol. Corresp.», т. VI, стр. 172.

Шувалова; а Шуваловъ, никогда не бывшій выдающимся человекомъ, до 1758 г. былъ еще маленькимъ мальчикомъ. Пока за Бестужевымъ стоялъ Функъ, канцлеръ казался на своемъ мѣстѣ на вершинѣ власти, гдѣ послѣ своего паденія онъ оставилъ большую пустоту, настолько онъ умѣлъ нести свои обязанности внушительнымъ и пышнымъ блескомъ. Иллюзія эта жива до сихъ поръ, и я не увѣренъ, что буду въ силахъ ее разрушить.

Цинически развратный, корыстный подъ покровомъ невозмутимаго и безукоризненнаго вѣшняго достоинства, онъ не приобрѣлъ личной благосклонности Елизаветы, но зато завоевалъ симпатіи среды, гдѣ подъ ярлыкомъ націонализма снисходительный режимъ поощрялъ развитіе нѣкоторыхъ пороковъ, и въ нынѣшнее время считающихся національными, тогда какъ они являются лишь историческимъ пережиткомъ совокупности чуждыхъ русскому духу вліяній. Недаромъ баронъ Черкасовъ, начальникъ Дворцовой канцеляріи и человекъ неподкупной честности, слылъ за лучшаго друга этого негодяя. Ихъ соединяла одна черта характера: лѣнь,—дѣйствительно національный порокъ. Приказы, подписанные Черкасовымъ, равносильны были императорскимъ указамъ; между тѣмъ послѣ его смерти въ его кабинетѣ оказалось 570 нераспечатанныхъ пакетовъ. Этотъ чиновникъ былъ, впрочемъ, тоже ничтожествомъ самъ по себѣ, созданиемъ новаго режима. По той же причинѣ Чоглоковъ, мужъ одной изъ племянницъ Екатерины I, пользовавшійся вслѣдствіе этого большимъ вліяніемъ, употреблялъ это вліяніе и въ пользу своего товарища. Авантюристы и выслужившіеся люди поддерживали другъ друга. Шуваловъ принадлежалъ къ той же партіи до 1749 г., когда участники ея разсорились между собою по поводу дѣлежа имѣнія одного купца. Въ то же время смерть Авдотьи Разумовской, бывшей невѣсткой канцлера, развязала узы, соединявшія его съ фаворитомъ.

Какъ сказано выше, Бестужевъ пытался побороть нарождающееся вліяніе Ивана Шувалова, но неудачно. Въ 1754 г., склонивъ Елизавету принять его проектъ упраздненія внутреннихъ таможенъ и приобрѣвъ такимъ образомъ большую популярность, Петръ Шуваловъ оказался на вершинѣ вліянія. Тогда Бестужевъ рѣшилъ сблизиться съ великой княгиней; она была въ ссорѣ съ Шуваловыми и Воронцовыми и охотно привѣтствовала его. Но положеніе канцлера ухудшилось еще больше вслѣдствіе давнишней ссоры его съ братомъ Михаиломъ, отъ

Графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ.

Съ гравюры И. Штенглина.

котораго онъ думалъ избавиться, назначивъ его посланникомъ сперва въ Дрезденъ, затѣмъ въ Вѣну; оно осложнилось еще отъѣздомъ Функа, являвшагося главной его поддержкой. Михаилу замѣшанному въ дѣлѣ Ботта, удалось изъ него выпутаться, но не удалось, однако, высвободить изъ него свою жену, отправленную послѣ пытки и публичнаго наказанія кнутомъ въ дальнюю ссылку, гдѣ она и дожила остатокъ своихъ дней. Не дождавшись ея смерти, мужъ ея, имѣя ужъ пятьдесятъ восемь лѣтъ отъ-роду, женился въ Дрезденѣ на красивой вдовѣ, графинѣ Гаугвицъ, рожденной Карловичъ. Сперва онъ не могъ добиться согласія Елизаветы на этотъ бракъ и, слѣдовательно, и признанія его за границей. Тщетно приводилъ онъ тотъ аргументъ, что его первая жена была приговорена къ смерти и что царское милосердіе, замѣнившее смертную казнь ссылкой, не могло наносить ущербъ ея мужу. Официально онъ являлся двоеженцемъ, имѣвшимъ сожительницу, и, видя, что это создаетъ ему невозможное положеніе при дворѣ, при которомъ онъ былъ аккредитованъ и гдѣ онъ, впрочемъ, творилъ тысячу безумствъ, и полагая, что въ Петербургѣ оно не улучшится, канцлеръ сталъ обращаться съ этимъ безпокойнымъ братомъ, какъ съ врагомъ. Однако въ 1752 г., по совѣту Шувалова, императрица признала второй бракъ дипломата законнымъ и вызвала его въ Россію, чтобы приблизить его къ особѣ великаго князя. Михаилъ Петровичъ открыто объявилъ, что онъ возвращается лишь съ тѣмъ, чтобы свергнуть своего брата Алексѣя. Завязалось страшная борьба интригъ¹, но восторжествовали Шуваловы, и Михаилъ сдержалъ свое слово.

Такъ подготовлялась катастрофа 1758 г., причемъ невозможно указать на особый фактъ, опредѣлившій въ меркнувшей судьбѣ канцлера окончательную и уже всѣми давно ожидаемую опалу². Что бы ни утверждали по этому поводу, достовѣрно то, что иностранное вмѣшательство не играло здѣсь рѣшительной роли. Марія-Терезія, хотя и называла Бестужева негодяемъ въ своихъ

¹ Претлабъ Улефельду, Петербургъ, 2 авг. 1752 г. Вѣнскій архивъ, по-французски. «Архивъ кн. Воронцова», т. II, стр. 247.

² Сравни Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XXIV, стр. 179; Arnett, «Geschichte Maria-Theresias», 1864—1875, т. V, стр. 285—6; Herrmann, «Geschichte Russlands», т. V, стр. 147 и Schaller, «Geschichte des siebenjährigen Krieges», 1867—1874, пришедшіе къ разнорѣчивымъ выводамъ, опираясь на согласныя между собою данныя.

бесѣдахъ со Стенвилемъ, но въ инструкціяхъ, данныхъ ею Эстергази, вмѣстѣ съ тѣмъ утверждала, что замѣнить его нечѣмъ. Въ январѣ 1758 г. Берни предложилъ союзнымъ дворамъ своего рода коалицію, чтобы «или низложить Бестужева, или заставить его принять систему императрицы»; но Кауницъ, на вопросъ Стенвила, рѣшительно объявилъ, что, по его мнѣнію, каковъ бы ни былъ канцлеръ, «его необходимо сохранить»¹. А предоставленная самой себѣ, французская дипломатія не имѣла возможности доставить торжество своей волѣ.

Паденіе Бестужева подготовлялось постепеннымъ лишеніемъ власти, изъ года въ годъ и почти изъ мѣсяца въ мѣсяцъ отнимавшимъ отъ него его вліяніе въ пользу камарильи, организованной Шуваловымъ въ тѣсномъ кругу приближенныхъ Елизаветы, куда Бестужевъ никогда доступа не имѣлъ. Его руководство иностранными дѣлами мало-по-малу замѣнилось незримымъ управленіемъ этой камарильи, и такимъ образомъ и случилось, что, преданный Англій и подъ ея вліяніемъ перешедшій на сторону Пруссіи, онъ въ 1758 г., въ качествѣ перваго министра имперіи, долженъ былъ расторгнуть связь съ Англійей и наводнить русскими войсками прусскую территорію. Война была рѣшена въ совѣтѣ министровъ, гдѣ Иванъ Шуваловъ, не имѣя на то никакихъ правъ, выражалъ мнѣнія, равносильныя, какъ то знали, приказаніямъ, и куда канцлеръ являлся скорѣе лишь въ качествѣ отщепенца.

Тщетно пытался онъ бороться, отнявъ секретарскія обязанности у Волкова, ставленника новаго фаворита, и замѣнивъ его однимъ изъ своихъ приверженцевъ Пуговишниковымъ, челоукомъ, не гнушавшимся ничѣмъ и служившимъ у великаго князя посредникомъ въ его любовныхъ дѣлахъ². Шуваловы отвѣтили на это открыто тяжелымъ ударомъ: завѣдываніе дворцовой канцеляріей было отнято у Черкасова и передано въ вѣдѣніе Олсуфьева, тайнаго врага канцлера. «Такимъ образомъ, писалъ Лопиталь въ декабрѣ 1757 г., Олсуфьевъ будетъ единственнымъ хранителемъ драгоценностей и денегъ ея величества и будетъ производить всѣ расходы на ея одежду и гардеробъ». Местъ была жестокая! Бестужевъ терялъ всякую возможность контролировать туалетъ Елизаветы. То былъ конецъ.

¹ Берни Стенвиллю, Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ, Россія, приложение, т. X.

² Эстергази Кауницу, Петербургъ, 9 марта 1757 г. Вѣнскій архивъ, по-нѣмецки.

Въ ту минуту, среди грома сраженій, конецъ этотъ почти не надѣлалъ шума. «Вотъ два министра въ опалѣ: Польми въ Версалѣ и Бестужевъ въ Петербургѣ; мнѣ отъ этого ни жарко, ни холодно», писалъ Фридрихъ своему брату¹. Маркизь Лопиталь возвѣстилъ объ арестѣ канцлера въ post-scriptum'ѣ депеши отъ 25 февраля 1758 г., въ которой онъ, довольно неискусно, обнаружилъ скудость своихъ свѣдѣній, утверждая, что ничего не дѣлается въ Петербургѣ безъ Бестужева, между тѣмъ какъ уже пѣлый годъ друзья его знали, что все дѣлается помимо него и вопреки ему. Это не помѣшало впослѣдствіи французскому посланнику увѣрять, что онъ принялъ большое участіе въ низверженіи Бестужева, тогда какъ Эстергази, не лучше освѣдомленный, но болѣе скромный, сознавался, что ни онъ, ни его collega никоимъ образомъ не были къ этому событію причастны².

Само число, когда произошла катастрофа, служило предметомъ спора, настолько мало оно врѣзалась въ память современниковъ. Однако, можно установить его въ точности. Бестужевъ былъ арестованъ въ субботу, 14-го февраля 1758 г. Изъ камеръ-фурьерскаго журнала видно, что, вопреки обычаю, въ тотъ день было два засѣданія конференціи. Канцлеръ, чувствуя грозу надъ собой, не приѣхалъ подъ какимъ-то предлогомъ на первое изъ нихъ. По приказанію Елизаветы, онъ явился на второе. Одинъ изъ Воронцовыхъ рассказываетъ намъ, что произошло дальше:

«Въ сосѣдней комнатѣ находился на-готовѣ гвардейскій капитанъ. Маршалъ, князь Трубецкой, непримиримый врагъ Бестужева, взялся объявить ему его опалу и сдѣлалъ это довольно безсердечно, собственноручно сорвавъ съ него Андреевскую ленту . . . . . Затѣмъ позвали гвардейскаго капитана, сопровождавшаго Бестужева домой. Отрядъ гвардейцевъ окружилъ карету, а въ домѣ его уже стоялъ усиленный караулъ³.

¹ «Pol. Congres.», т. XVI, стр. 306.

² Улефельду, 5 мая 1759. Вѣнскій архивъ.

³ А. Р. Воронцовъ, «Автобіографическая замѣтка», «Архивъ кн. Воронцова», т. V, стр. 33. Терещенко, «Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами», 1837. Онъ указываетъ на дату 15 февр. «La coup de Russie il y a sept ans», Берлинъ, 1858, переноситъ событіе на 24 февр. новаго стиля. Бантышъ-Каменскій, «Словарь достопамятныхъ людей», т. I, стр. 136—на 27 февр. новаго стиля.—Ср. «Русскій Архивъ» 1874, т. I, стр. 995 и Herrmann, «Geschichte des russ. Staates», т. V, стр. 147 и слѣд.

Опускаю подробности неизбежнаго процесса, послѣдовавшаго за драмой. Они ничѣмъ интереснымъ не отличаются, и читатели уже имѣли возможность изучить всегда однообразныя подробности подобныхъ дѣлъ. Судопроизводство тянулось болѣе года, не давъ, повидимому, никакихъ положительныхъ результатовъ, хотя Эстергази и Лопиталь утверждали обратное, и хотя официальная нота, сообщенная одному изъ нихъ, объявляла о преступномъ сообщничествѣ канцлера и великой княгини въ интригѣ, имѣвшей цѣлью парализовать движеніе русскихъ войскъ, выставленныхъ противъ Фридриха ¹. Но доказательства преступленія, а именно письмо Екатерины II генералу Апраксину, упоминаемое въ нотѣ, такъ и осталось ненайденнымъ.

Дѣло это до насъ не дошло въ полной неприкосновенности Бестужевъ имѣлъ его впослѣдствіи въ своихъ рукахъ, на что указываютъ помѣтки, сдѣланныя его почеркомъ на многихъ бумагахъ. Впрочемъ, въ виду того, что бѣда стряслась надъ нимъ не неожиданно, весьма вѣроятно, что многіе изъ тѣхъ, кому она угрожала, успѣли уничтожить компрометирующіе ихъ документы. Бывшаго канцлера даже не подвергли пыткѣ и удовольствовались лишь ссылкой его въ одно изъ его подмосковныхъ помѣстій, тогда какъ его болѣе или менѣе подлинныя сообщники, Елагинъ, начальникъ департамента герольдіи Ададуровъ, ювелиръ Бернардн отправлены въ болѣе отдаленныя мѣста ссылки,— въ Астрахань, въ Казань, въ Сибирь.

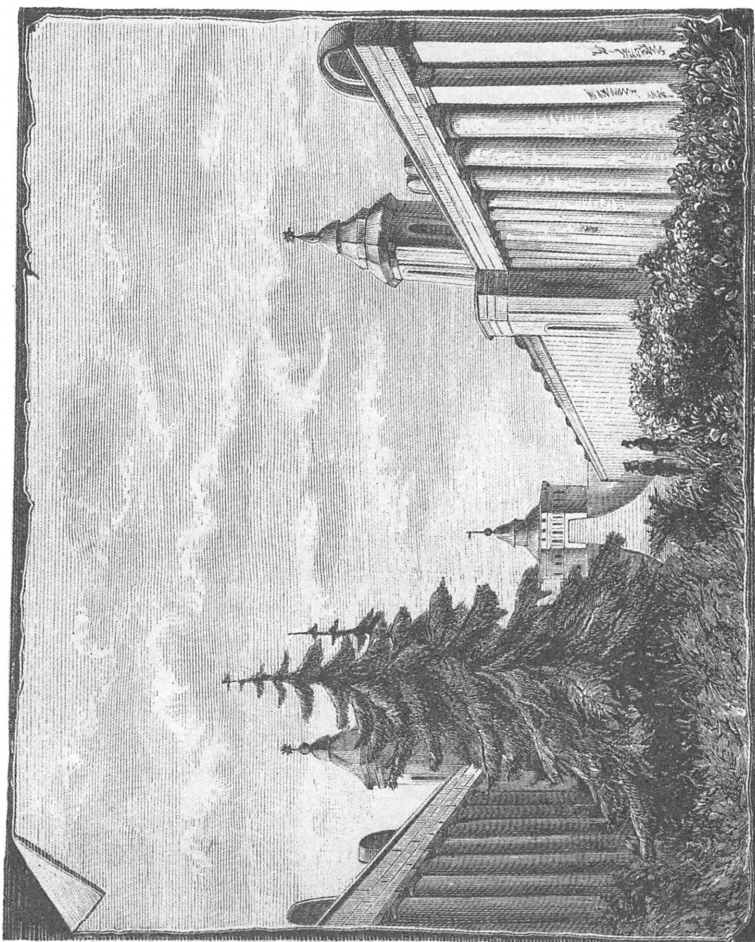
Въ ссылкѣ, гдѣ онъ оставался до вступленія на престолъ Екатерины II, Бестужевъ, бывший химикомъ въ Копенгагенѣ, сдѣлался теперь богословомъ, собирая изреченія изъ Священнаго Писанія «въ утѣшеніе христіанамъ, терпящимъ незаслуженную кару» ². Впослѣдствіи онъ занялъ при вдовѣ Петра III положеніе министра безъ портфеля и довѣреннаго лица, что, хотя и не подняло его снова на вершину, откуда онъ палъ, все же позволило ему до дня его смерти, въ 1766 г., вернуть часть своего прежняго вліянія и отомстить за старыя обиды.

Впрочемъ ужъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего паденія онъ былъ отмщенъ общимъ ходомъ событій, слѣдующимъ образомъ описанныхъ Лопиталемъ, въ письмѣ къ Берни, отъ 14 іюня 1758 г.

¹ Лопиталь къ Берни, 14 мая 1758. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

² «Sprüche aus der heiligen Schrift zum Trost eines jeden unschlehduldigen Christen», Петербургъ, 1763, и Стокгольмъ, 1764.

«Все, повидимому, идетъ по волѣ Божіей... Нѣтъ ни прочныхъ основъ, ни принциповъ. Деспотизмъ и варварство быстро завоевываютъ свои прежнія мѣста... Императрица не работаетъ и ничего не подписываетъ... Вотъ уже три мѣсяца, какъ всѣ бумаги лежатъ въ ея кабинетѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ она удалила Бе-

Катальная гора въ Ораніенбаумскомъ саду, построенная въ XVIII столѣтіи.
Съ гравюры первой половины прошлаго столѣтія.

стужева, всѣ дѣла приходятъ въ упадокъ,... Союзники Императрицы извлекутъ изъ паденія Бестужева по крайней мѣрѣ одну пользу: они узнаютъ, что старый политическій обманщикъ, великій магъ и волшебникъ Россіи, державшій ее на ходуляхъ, представлявшій ее великой и грозной, ужъ болѣе не существуетъ...

Я врядъ ли обманусь, если скажу, что вы увидите, какъ съ каждымъ годомъ эта держава будетъ слабѣть и падать».

Но корреспондентъ Берни дѣйствительно чрезвычайно обманулся въ своихъ предсказаніяхъ. Въ одномъ отношеніи, однако, глазомѣръ его былъ вѣренъ. Внѣшній престижъ Россіи померкъ на нѣсколько лѣтъ послѣ исчезновенія челоуѣка, «державшаго ее на ходуляхъ». Она отъ этого не остановилась на своемъ пути и не сбилась съ дороги, но какъ бы умалилась на міровой сценѣ какъ разъ въ ту минуту, когда въ борьбѣ съ Пруссіей она проявила передъ всѣми свою мощь и свое мужество. Шуваловы ничего не понимали въ искусствѣ внѣшняго декорума, чудесно использованномъ впоследствии Екатериной, не даромъ внимавшей совѣтамъ Бестужева. Что же касается Елизаветы, актрисы всегда лѣнивой, а теперь почти ушедшей со сцены, и государыни, все болѣе и болѣе предававшейся заботамъ о расшатанномъ здоровьѣ, сожалѣніямъ объ утраченной красотѣ, предчувствію близкаго конца и тревогамъ кровавой войны, то она появлялась публично и принимала достойную своего положенія осанку лишь въ рѣдкія минуты, когда подъ вліяніемъ сильнаго удара, нанесеннаго ея гордости, и настоятельнаго призыва къ ея мужеству, духъ Петра Великаго, казалось, выпрямлялъ ея тѣло и снова закаливалъ душу¹. Въ остальное время, въ области какъ внѣшней, такъ и внутренней политики, управленіе страной оставалось въ рукахъ фаворита и его семьи.

IV.

Шуваловы.

Семья эта принадлежала въ то время къ мелкому дворянству. Оставаясь неизвѣстной почти до половины столѣтія, обладая скромнымъ помѣстьемъ въ Костромской губерніи, она приобрѣла нѣкоторое значеніе лишь благодаря браку Петра Шувалова съ Маврой Егоровной Шепелевой, занявшей при Елизаветѣ вышеупомянутое положеніе чесальщицы. Мавра Егоровна не была пріятной подругой жизни, согласно свидѣтельству ея

¹ Самая полная біографія Бестужева содержится во II томѣ «Біографическаго Словаря» Прѣснякова. Петербургъ 1900. См. также очеркъ С. М. Соловьева въ «Русскихъ Словѣ» 1860, № 4, 77, 78.

современниковъ; «она была зла, какъ діаволь, и соотвѣтственно корыстна», утверждаетъ одинъ изъ нихъ, добавляя, что ничто не могло сравниться съ ея уродствомъ, «это вѣдьма огурецъ»¹; Шереръ² говоритъ о ея «зловонномъ ртѣ» — опускаю другія отталкивающія подробности—а Лопиталь слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ въ 1757 г. ея негласныя обязанности: «Находясь день и ночь при императрицѣ, она доставляетъ ей мимолетныя и тайныя наслажденія»³.

Когда Мавра Егоровна умерла въ 1759 г., всѣ думали, что тотчасъ же померкнетъ блестящее положеніе ея мужа, и если вѣрить Щербатову, Россіи пришлось бы только порадоваться этому. Авторъ знаменитаго сочиненія о поврежденіи нравовъ того времени нарисовалъ чрезвычайно нелестный портретъ Петра Ивановича⁴ и составилъ длинный списокъ его недостатковъ. Злоупотребленія властью, взяточничество, хищенія всякаго рода составившія одно время П. И. Шувалову славу самаго богатаго человѣка въ Россіи, нагромождены въ немъ до безконечности. То Шувалову присуждаютъ за восемьдесятъ тысячъ рублей нѣсколько заводовъ въ полномъ ходу — Благодатскихъ — при чемъ, извлекая изъ нихъ двѣсти тысячъ рублей годового дохода, онъ жалуется на разореніе, запрашиваетъ уменьшенія покупной платы до сорока тысячъ и затѣмъ перепродаетъ заводы правительству за семьсотъ тысячъ рублей. То, добившись учрежденія банка для мелкаго кредита, онъ забираетъ чрезъ подставныхъ лицъ всю наличность его. Онъ ратуетъ за отгѣну закона, воспрецавшаго замужнимъ женщинамъ продавать или закладывать свои имѣнія безъ согласія мужей,—только для того, чтобы купить за безцѣнокъ землю нѣкоей графини Головкиной, разошедшейся съ мужемъ.

Но Щербатовъ—писатель, все видѣвшій въ черномъ цвѣтѣ, и заразившійся недостаткомъ, свойственнымъ всѣмъ *laudatores temporis acti*. Допуская даже истинность всѣхъ этихъ поступковъ, нельзя признать за ними индивидуальнаго характера въ эпоху и въ странѣ, гдѣ они, къ сожалѣнію, были всеобщіи.

¹ Арнетъ, «Geschichte Maria-Theresia's», т. V, стр. 476.

² «Anecdotes», т. V, стр. 109.

³ Къ Берни, 13 ноября, Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

⁴ М. М. Щербатовъ. «О поврежденіи нравовъ», Лондонъ, 1858 г., и сочиненія М. М. Щербатова, Петербургъ, 1898 г., т. II.

Съ другой стороны, они не помѣшали Петру Шувалову способствовать осуществленію большого дѣла, заслуживающаго одобренія во многихъ отношеніяхъ. Какъ законодатель, онъ связалъ свое имя съ попыткой составленія новаго Уложенія, неудачной, какъ и многія до и послѣ него, но тѣмъ не менѣе составлявшей значительный шагъ впередъ. Какъ администраторъ, онъ упраздненіемъ въ внутреннихъ таможенъ, послѣдовавшимъ по его настояніямъ, отвелъ себѣ почетное мѣсто въ экономической исторіи своей страны.

Но какъ могъ онъ касаться столькихъ областей управленія? Это и есть тайна незримаго правительства, съ 1751 г. стремившагося замѣнить собою Бестужева, отстраняя одновременно всѣхъ официальныхъ и офиціозныхъ сотрудниковъ его. Петръ Ивановичъ былъ душою этого правительства. Не имѣя ни опредѣленнаго служебнаго положенія ни ранга, ни портфеля, онъ сумѣлъ сдѣлаться фактическимъ министромъ четырехъ или пяти вѣдомствъ. Это и составляло отличительную черту его дарованія,—черту, общую русскому національному генію до нашихъ дней,—и не встрѣчающуюся нигдѣ больше необычайную всеобъемлемость способностей при полномъ неумѣннн сосредоточить ихъ и специализироваться въ смыслѣ современнаго прогресса. Отсюда и проистекаютъ неизбежные недочеты, пробѣлы. Испытавъ свои силы въ администраціи, въ промышленности, въ финансахъ, Петръ Ивановичъ проявилъ себя въ 1755 г. и какъ военачальникъ. Назначенный генералъ - фельдцейхмейстеромъ, онъ не замедлил наложить свою руку на все военное дѣло и провести реформы, нѣкоторыя изъ которыхъ были очень благотѣльны (о нихъ скажу ниже); въ то же время вся Россія и даже вся Европа дивилась изобрѣтенной имъ особой гаубицѣ. Это орудіе появилось на поляхъ сраженія въ Пруссіи, отмѣченное гербомъ изобрѣтателя, скрытое подъ покрываломъ, какъ невѣста, и окруженное тайной. Запрещено было близко подходить къ нему подъ страхомъ смерти. Впослѣдствіи Петръ Ивановичъ согласился послать чертежи его въ Вѣну и великодушно предложилъ Франціи извѣстное количество своихъ гаубицъ, но мнѣнія относительно цѣнности пушки раздѣлились. Первый главнокомандующій русской арміи въ Пруссіи Апраксинъ былъ ею доволенъ; преемники его, Ферморъ и Салтыковъ, были иного мнѣнія. Въ 1760 г. изслѣдованіе этого вопроса было поручено генералу Глѣбову. Результатовъ оно не дало, какъ то всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Согласно нотѣ, вру-

ченной въ 1759 г. маркизу Лопиталю, достоинство этихъ орудій заключалось въ томъ, что «онѣ отличались отъ обыкновенныхъ большею длиною и овальнымъ распаломъ». Представляю это свѣдѣніе на судъ специалистовъ. Долженъ, однако, присовокупить, что чутье французскихъ артиллеристовъ данной эпохи, руководимое отзывами, полученными ими изъ Петербурга, побудило ихъ отклонить изобрѣтеніе Петра Ивановича и его предложеніе. Самъ

Германъ Лестокъ, лейбъ-хирургъ императрицы
Елизаветы Петровны.

Съ портрета Грота, грав. черной манерой Штенглиномъ.

Воронцовъ способствовалъ тому, повѣдавъ французскому посланнику, что новыя пушки оказались непригодными для флота вслѣдствіе того, что онѣ откатывались на тридцать два фута!¹

¹ Рапортъ французскаго военнаго агента, Фиттинггофа, Митава, 26 ноября 1758 г. Архивъ франц. мин. Ин. Дѣлъ; Эстергази Кауницу, Петербургъ, 16 марта 1760. Вѣнскій архивъ, по-нѣмецки; нота, врученная Лопиталю, Архивъ франц. Мин. Ин. Д., Россія, т. LX, стр. 257; письмо Стѣлина, Васильчиковъ, «Семейство Разумовскихъ», 1880, т. I, стр. 237; Болотовъ, «Записки», 1875, т. I, стр. 425

Однако, Шуваловъ сумѣлъ создать нѣчто лучшее, чѣмъ пушку—цѣлую армію. Онъ образовалъ «обсервационный корпусъ» изъ тридцати тысячъ человѣкъ, который, находясь подъ командой генерала Броуна, долженъ былъ дѣйствовать самостоятельно, т. е. согласно планамъ и инструкціямъ, исходящимъ непосредственно отъ Петра Ивановича, слышавшаго за великаго полководца и за соперника Фридриха. Этотъ опытъ далъ однако столь плачевные результаты, что корпусъ пришлось расформировать ¹.

Шуваловъ утѣшился, обратившись къ дѣятельности, которая во всѣ времена и во всѣхъ странахъ остается открытой всѣмъ предпринчивымъ натурамъ, обладающимъ хоть поверхностной культурой. Задолго до паденія Бестужева, Петръ Ивановичъ уже занимался управленіемъ внѣшними дѣлами. Онъ былъ главнымъ дѣятелемъ въ сближеніи Франціи съ Россіей послѣ знаменитой перетасовки союзовъ; его инстинкты сравнительно культурнаго и тонкаго человѣка влекли его въ сторону Франціи. Къ несчастью, онъ не умѣлъ обуздывать свои желанія, какъ не умѣлъ ограничивать своего честолюбія.

Безудержная страсть къ роскоши и къ женщинамъ испортила его жизнь, пожирая его время, деньги и здоровье. Тщетно соединялъ онъ свои скандальныя хищенія со смѣлыми и часто удачными спекуляціями. Въ ту эпоху во Франціи возобновился терроръ монополій, возродившихся въ наше время въ американскихъ трестахъ. Петръ Ивановичъ тоже монополизировалъ въ Россіи въ 1759 г. торговлю рогатымъ скотомъ и мясомъ, возвысивъ цѣну на фунтъ мяса съ одной копѣйки до шести, что доставило ему огромные барыши. Но все это исчезало въ бездонной пропасти и, получая 400,000 р. дохода, Шуваловъ умеръ въ 1762 г., задолжавъ болѣе милліона рублей государству. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ вельможъ въ Россіи, жившихъ открыто и имѣвшихъ нарядно сервированный столъ; у него были оранжереи, гдѣ росли ананасы, и онъ первый сталъ запрягать англійскихъ лошадей въ свои экипажи. Такимъ образомъ онъ способствовалъ развитію общественной жизни въ тѣхъ рамкахъ, которымъ Елизавета придавала столь большое значеніе. Но, соперничая съ Кирилломъ Разумовскимъ въ величинѣ брилліантовыхъ пуговицъ, украшавшихъ его оде-

¹ Даниловъ, «Записки», 1845, стр. 106.

жду французскаго покроя, онъ вмѣстѣ съ нимъ подавалъ примѣръ пышности, не соотвѣтствовавшей средствамъ страны, примѣръ, нашедшій слишкомъ много подражателей, Его любовница, княгиня Куракина, дочь генерала Апраксина, явилась вмѣстѣ съ тѣмъ образцомъ изящнаго и циничнаго разврата, доведеннаго современной ей знатью до совершенства.

Тайное правительство, руководимое этимъ человѣкомъ, т. е. правительство Россіи съ 1751 г. по 1761 г., было лишь тѣмъ, чѣмъ оно могло быть, имѣя подобнаго главу. Старшій братъ Петра Ивановича, Александръ, неутомимый въ своей роли организатора и начальника Тайной канцеляріи, былъ лишь исполнителемъ Высочайшихъ повелѣній, а Иванъ Ивановичъ, хотя благополучіе всей его семьи и опиралось на его собственномъ, являлся послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Мавры Егоровны и ея мужа.

Онъ былъ двоюроднымъ братомъ Петра и Александра Шуваловыхъ; пока онъ не занималъ поста фаворита, они не могли претендовать на положеніе, созданное имъ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ, хотя Елизавета и относилась къ нимъ благосклонно. Начало его «случая», повидимому, относится ко времени посѣщенія Елизаветой, въ іюлѣ 1749 г. села Знаменскаго, резиденціи князя Николая Ѳеодоровича Голицына, по пути изъ Москвы въ монастырь Св. Саввы, куда Елизавета шла на богомолье. Любовь и набожность! Они всегда своеобразно сплетались въ жизни государыни. Ее сопровождала Мавра Егоровна, она сумѣла обратить вниманіе Елизаветы на красоту юноши, случайно или намѣренно, находившагося у Голицына, и когда Елизавета отправилась дальше, ея свита увеличилась еще однимъ пажомъ. Семья его такъ искусно вела, дѣло что возвышеніе новаго фаворита совершилось подъ снисходительными взорами самого Разумовскаго, не встрѣтивъ препятствій со стороны Бестужева¹: Молодой человѣкъ ничѣмъ выдающимся не отличался, и канцлеръ не сумѣлъ угадать, какимъ опаснымъ орудіемъ онъ станетъ въ рукахъ своего двоюроднаго брата. Три мѣсяца спустя въ Воскресенскомъ монастырѣ (Новомъ Іерусалимѣ) Елизавета во время новаго богомолья произвела пажа въ званіе камеръ-юнкера.

¹ Васильчиковъ, loc. cit., т. I, стр. 111; Порошинъ, «Воспоминанія» 1881, стр. 72.

Это равнялось открытому признанію новаго фаворита. Ивану Ивановичу Шувалову было въ то время двадцать два года.

Онъ оправдалъ возложенныя на него надежды. Съ начала до конца своей карьеры онъ былъ самымъ вѣрнымъ и преданнымъ другомъ своей семьи. Въ 1757 г., когда Воронцовы раскрыли передъ Елизаветой особо дерзкое хищеніе Петра Ивановича, этотъ послѣдній былъ на краю полной опалы. Самой Маврѣ Егоровнѣ пришлось удалиться отъ двора и искать убѣжища у мужа, у котораго дѣлать ей было нечего. Вмѣшательство Ивана Ивановича предотвратило грозу, и уступка виновнымъ большого литейнаго завода камергеру Воронцову, брату вице-канцлера, вызвала даже примиреніе между обѣими семьями ¹. Послѣ паденія Бестужева, добившись назначенія своихъ двухъ двоюродныхъ братьевъ въ Совѣтъ Министровъ, временщикъ способствовалъ всегда торжеству идей и рѣшеній одного изъ нихъ. Елизавета говорила его устами, а онъ повторялъ лишь слова Петра Ивановича. У императрицы не было тайнъ отъ своего любимца, и когда Людовикъ XV вздумалъ съ императрицей войти въ секретныя отношенія, его предупредили, что третьимъ лицомъ между ними будетъ фаворитъ ².

Официально онъ не занималъ никакого значительнаго поста. Его звали просто «камергеромъ». Его обязанности не заключали въ себѣ ничего славнаго ни сами по себѣ, ни по тому, какъ ихъ исполнялъ Иванъ Ивановичъ. Въ противоположность тому, что можно, пожалуй, предположить о Петрѣ Ивановичѣ, историческая роль этого баловня судьбы казалась выше его заслугъ. Хотя Екатерина II и видѣла его всегда съ книгою въ рукахъ, хотя онъ и бывалъ подолгу за-границей, именно въ Италіи, и обнаружилъ въ своихъ путешествіяхъ открытый и любознательный умъ, его образованіе было довольно поверхностно и служило весьма посредственному уму. Съ другой стороны, его происхожденіе, воспитаніе, дѣтскіе годы, проведенные въ подмосковной деревнѣ, совокупность вліяній и наслѣдственныя черты клонили его къ лѣни, изнѣженности и къ причудамъ большого барина и самодура. По смерти Елизаветы онъ проигралъ въ карты

¹ Эстергази Кауниццу, Петербургъ, 9 марта 1757. Вѣнскій архивъ, по-нѣмецки.

² Терсе д'Эону, 8 окт. 1760. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ. Россія, 3-е прил., т. LXII.

большую часть своего огромного состоянія¹. Но этими-то наклонностями онъ и приспособился ко вкусамъ Елизаветы и своей среды. Онъ являлся образцовымъ представителемъ культурнаго русскаго вельможи той эпохи со свойственной послѣднему неустойчивостью и беспорядочностью. Ни по внѣшнимъ приемамъ, ни по складу ума онъ не былъ государственнымъ человѣкомъ, несмотря на всѣ его старанія казаться таковымъ. «Онъ ничего не понимаетъ въ дѣлахъ»,—писалъ Эстергази въ 1760 г., а Бретейль немного позднѣе, послѣ перваго свиданія съ Шуваловымъ ожидаемаго имъ съ любопытствомъ, описываетъ его слѣдующими словами: «Камергеръ не обнаружилъ въ этомъ разговорѣ того ума, о которомъ мнѣ говорили. Я нахожу его легкомысленнымъ, въ сущности мало образованнымъ, но стремящимся показаться таковымъ». Наконецъ, преемникъ Эстергази, Мерси д'Аржанто, пишетъ въ 1761 г.: «Это человѣкъ средняго калибра и главный его талантъ заключается въ томъ, что онъ скрываетъ свои недостатки подъ личиною рвенія, дѣятельности и любви къ своей родинѣ, о которой онъ имѣетъ до смѣшнаго высокое мнѣніе». Оставляю безъ вниманія эпитеты «человѣка безнравственнаго и безсовѣстнаго», «лицемѣрнаго и порочнаго раба», «надменнаго, капризнаго и злого выскочки», «составителя проектовъ, никогда не приводимыхъ въ исполненіе», въ изобиліи встрѣчающіеся у тѣхъ же свидѣтелей. Хотя они и исходятъ отъ друзей, а не отъ политическихъ противниковъ, я все же считаю ихъ преувеличенными.

Иванъ Ивановичъ покровительствовалъ Ломоносову, и это одно ужъ является его серьезной заслугой. Въ 1755 г. онъ основалъ въ Москвѣ университетъ и былъ его попечителемъ, а въ 1758 г. создалъ Академію художествъ въ Петербургѣ и много заботился о ней; покровительствуя національному театру, обязанному ему открытіемъ первой русской сцены въ 1756 г.; обладая прекрасной библіотекой и собраніемъ картинъ и произведеній скульптуры, унаслѣдованнымъ Академіей художествъ, онъ оказалъ умственному развитію Россіи неопровержимыя огромныя услуги. Онъ не только былъ меценатомъ, но настоящимъ министромъ народнаго просвѣщенія. Въмѣстѣ съ тѣмъ, замѣнивъ Кейта въ качествѣ покровителя мѣстнаго масонства, орудія

¹ Михневичъ, «Исторія карточной игры на Руси», «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXIII, стр. 565.

умственного и нравственного возрожденія и движенія, совершенно отличнаго по духу и преслѣдуемой имъ цѣли отъ тѣхъ, что въ другія времена и въ другихъ странахъ присвоили себѣ это названіе, онъ сталъ въ ряды самыхъ благородныхъ умовъ и великодушныхъ сердецъ своей эпохи. Его несправедливо называли «Помпадуръ мужскаго рода» и придворныя дамы, называя его именемъ своихъ собачекъ и украшая ихъ лентами свѣтлыхъ цвѣтовъ, которые онъ любилъ, какъ Елизавета, проявляли больше мелкой злобы, чѣмъ ума.

Меня спросятъ, какъ я согласую свою оцѣнку личности Шувалова съ широкимъ размахомъ его просвѣтительной дѣятельности. Полагаю, что ему благопріятствовала судьба. Жизнь порождаетъ иногда одни обстоятельства, возвышающія челоуѣка, и другія, уничтожающія его. На вершинѣ, куда его вознесла прихоть женщины, временщику оставалось лишь отдаться теченію, увлекавшему его страну къ горизонтамъ сравнительной свободы и свѣта, и въ томъ великомъ днѣ, который занимался въ Россіи на краю цивилизованнаго міра, ему дано было приготовить блѣдную, но полную обѣтованій зарю для восходящаго солнца—Ломоносова.

Его современники, включая и самыхъ ярыхъ его хулителей, единогласно засвидѣтельствовали его неподкупность. Фридрихъ и Уильямсъ, англійскій посланникъ, пытались было умалить эту черту: «Деньги надъ нимъ власти не имѣютъ, потому что у него ихъ сколько угодно». Но Иванъ Ивановичъ далъ и другія доказательства нѣкотораго благородства чувствъ. Я не всецѣло довѣряю личнымъ увѣреніямъ его, согласно которымъ онъ выдавалъ себя за «врага роскоши и пышности», и старался увѣрить Воронцова, по поводу новаго отличія, выпавшаго на его долю, что оно «не столько доставляетъ ему удовольствія, сколько обременяетъ его», что жизнь настолько ему надоѣла, что онъ только и думаетъ о смерти; приэтомъ онъ жаловался на бесполезную жизнь, не позволяющую ему оправдать милости, которыми его осыпали, и наконецъ, отказавшись отъ поста вице-канцлера, бросился къ ногамъ императрицы, умоляя ее уволить его въ будущемъ отъ всякихъ знаковъ своего благоволенія»¹. Искренность этихъ завѣреній можетъ быть подвержена сомнѣнію,

¹ «Архивъ кн. Воронцова», т. VI, стр. 288, 290; т. XXIV, стр. 128; «Русскій Архивъ», 1867, стр. 90; 1869, стр. 1805.

и изъ одной депеши Эстергази къ Кауницу вытекаетъ, что верменщикъ не прочь былъ стать коллегой Воронцова¹. Съ другой стороны, мнѣ приходилось отмѣтить уже и у Бирона аналогичныя черты усталости и отвращенія, въ чемъ, повидимому, просто сказывалось болѣзненное сознаніе, что, несмотря на весь свой блескъ, ихъ положеніе было не только унизитель-

Видъ деревяннаго Зимняго дома.

Съ гравюры А. Грекова.

нымъ, но и нравственно и матеріально тяжелымъ. И хотя другимъ фаворитамъ, какъ Бекетову или Орлову, занимавшимъ то же положеніе, можетъ быть и чужды были подобныя душевныя движенія, эти чувства нельзя считать исключительно возвышенными по своему благородству. Но среди лицъ, погибшихъ въ

¹ 11 апрѣля 1759 г. Вѣнскій архивъ, по-нѣмецки.

данную эпоху, менѣ кровавую, чѣмъ предшествовавшія, но погубившую не мало жизней, я ищу жертву Ивана Ивановича Шувалова, жертву его честолюбія или мести, злобы или жестокихъ инстинктовъ, и не нахожу ни одной. Среди ближайшихъ друзей Елизаветы и политическихъ дѣятелей той эпохи онъ былъ, пожалуй, самое симпатичное лицо. Остальные лица, статисты, непривлекательныя и безъ всякой внутренней цѣнности, не заслуживали бы того, чтобы занимать ими вниманіе читателя, если бы самый контрастъ между ихъ ничтожествомъ или ихъ низостью и виѣшнимъ величіемъ, въ которомъ они участвовали, которому они даже какъ будто способствовали въ это своеобразное царствованіе, ярко не обрисовывалъ ихъ историческій смыслъ.

V.

Второстепенные дѣятели царствованія Елизаветы.

Среди нихъ надо назвать прежде всего уже извѣстнаго читателю Михаила Ларіоновича Воронцова. Въ ночь переворота онъ стоялъ вмѣстѣ въ Петромъ Шуваловымъ въ заплатахъ саней Елизаветы. Три года спустя онъ былъ уже помощникомъ Бестужева. Какъ оказывается, больше некого было выбрать на должность вице-канцлера императрицѣ. Тождество этихъ Воронцовыхъ со стариннымъ боярскимъ родомъ, восходившимъ до легендарной эпохи и внесеннымъ въ Бархатную книгу, подверглось оспариванію во время громкаго процесса, гдѣ фигурировалъ въ 1862 г. князь Долгоруковъ, авторъ извѣстныхъ и недоброжелательныхъ Воронцовымъ записокъ. Не могу опредѣленно высказаться на этотъ счетъ. Сама Бархатная книга не есть еще евангеліе. Она указываетъ, что родъ этотъ угасъ въ 1576 г., тогда какъ два года спустя я встрѣчаю подлиннаго представителя его, окольничаго Воронцова подъ Венденомъ, сражающагося съ польскимъ королемъ Баторіемъ¹. Впрочемъ, вице-канцлеръ имѣлъ во всякомъ случаѣ полное основаніе сослаться на свое происхожденіе отъ Гавріила Воронцова, умершаго на полѣ брани въ 1678 г. Три внука этого героя, Михаилъ, Романъ и Иванъ, съ раннихъ поръ

¹ Kleinschmidt, «Geschichte des russischen hohen Adels», 1877, стр. 118. Ср. Долгоруковъ, «Записки», т. I, стр. 500 и брошюру того же автора: «La vérité sur le procès du prince Pierre Dolgoroukov», Лондонъ, 1862.

числились въ свитѣ Елизаветы. Романъ, поступившій въ Сенатъ послѣ восшествія цесаревны на престолъ, имѣлъ больше правъ на благодарность ея, чѣмъ его братья. Женившись на богатой невѣстѣ, онъ нерѣдко выручалъ свою повелительницу изъ финансовыхъ затрудненій¹. Но если вѣрить многочисленнымъ свидѣтельствамъ, не это дало ему прозвище «большой карманъ»; согласно меморіи маркиза Бретейля², Иванъ не оставилъ по себѣ слѣда въ исторіи. До 1744 г. Михаилъ, пользовавшійся особою милостью государыни, женатый на Скавронской, племянницѣ императрицы, входилъ въ составъ группы людей, которые подъ видомъ патріотизма и желанія освободить Россію отъ иностраннаго вліянія, стремились поддержать Австрію и Саксонію противъ Франціи и Пруссіи, съ помощью морскихъ державъ. Такова была *національная* политика того времени, и она была и политикой Бестужева, относительно котораго Воронцовъ, опираясь на свои прежнія связи и новое свойство съ семьей Елизаветы, игралъ роль покровителя. Назначеніе Бестужева на постъ канцлера опрокинуло роли, и тотчасъ же Михаилъ Ларіоновичъ сталъ переходить въ противоположный лагерь, сблизившись съ Франціей, Пруссіей и Лестокомъ.

Борьба была, однако, слишкомъ неравна. Воронцовъ не обладалъ ни крупными пороками, ни недостаткомъ воспитанія своего противника; но трудно себѣ представить болѣе полное сочетаніе всѣхъ слабостей ума и характера. Будучи столь же корыстнымъ, онъ былъ менѣе способенъ служить подкупавшимъ его людямъ. Въ 1746 г., уже вполне побѣжденный Бестужевымъ, онъ взялъ отпускъ и сталъ разъѣзжать по Европѣ, удивляя Парижъ халатомъ на пуху изъ сибирскихъ гусей, а папу Бенедикта XIV необыкновенной глупостью, проявленной имъ въ разговорѣ о воссоединеніи церквей³. По своемъ возвращеніи, послѣ паденія Бестужева, онъ управлялъ иностранными дѣлами, оставаясь «чуждымъ дѣламъ» («*étranger aux affaires*»), согласно ироническому выраженію, приложенному къ одному изъ его позднѣйшихъ преемниковъ. Предоставляя ему постъ канцлера, Елизавета не обманывалась относительно его способностей. Но ей ужъ не

¹ «Архивъ кн. Воронцова», т. I, стр. 12.

² Присоединенной къ депешѣ отъ 31 января 1761 г. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ. Ср. Долгоруковъ, *Ibid.*

³ И. С. Гагаринъ, «*Études de théologie*», Парижъ, 1857, т. I, стр. 440.

нужно было министра для руководства ея политикой. Шуваловы взяли на себя этотъ трудъ. Воронцовъ годился лишь для представительства и обмѣна любезностей съ послами. Онъ сумѣлъ угодить самымъ требовательнымъ изъ нихъ, и Мерси д'Аржанто напелъ его «вѣжливость» и «манеры» безукоризненными ¹. Онъ временами пытался было настаивать на своихъ личныхъ мнѣніяхъ и противопоставлять предприимчивому и задорному уму соперниковъ болѣе умѣренную программу, соотвѣтствовавшую его миролюбію и скромному честолюбію; но сама императрица возвращала его всегда въ границы предписанной ему роли.

Она объявила ему объ его назначеніи дарственной на 40.000 р., написанной на имя *великаго канцлера*, графа Воронцова. Онъ взялъ деньги, не глядя на подпись, и она посмѣялась надъ его разсѣянностью ². Она присоединила къ этому подарку заводъ, дававшій большіе доходы, и роскошную мебель, и онъ погрузился въ удовольствія и радости своего новаго величія и богатства.

Изъ высшихъ чиновъ того времени, одинъ лишь генераль-прокуроръ Сената (до 1760 г.), Никита Ивановичъ Трубецкой, производилъ на современниковъ впечатлѣніе трудолюбиваго чело-вѣка; Мардефельдъ превозносилъ его умѣнье въ области «русскаго крючкотворства», многимъ превосходящаго крючкотворство другихъ народовъ. Затрудняюсь объяснить, какимъ образомъ, не имѣя никакой официальной связи съ Коллегіей иностранныхъ дѣлъ, онъ вмѣшивался въ международную политику, что и заставляло Мардефельда искать его дружбы. По словамъ посланника Фридриха, способности его были весьма посредственныя. Его жена была сестрой предшественника Бестужева, великаго канцлера Черкаскаго, и въ царствованіе женщины, можно всегда прослѣдить подобныя вліянія. Дружба Никиты Ивановича принадлежала къ разряду тѣхъ, которыя Мардефельдъ такъ вѣрно умѣлъ оцѣнивать. «Его корысть не поддается описанію», писалъ онъ ³. Долженъ, однако, добавить, что въ 1761 г. Бретейль не раздѣлялъ мнѣнія своего коллеги ⁴. Но Трубецкой въ этотъ промежутокъ времени перешелъ въ военную коллегію, гдѣ Петръ Шуваловъ, въ области взиманія мзды, не оставлялъ поля дѣятель-

¹ Кауницу, 26 сент. 1761. Вѣнскій архивъ, по-французски.

² Эстергази Кауницу, 5 дек. 1758, *ibid.*, по-вѣмецки.

³ Королю, 10 сент. 1742 г. Берлинскій архивъ.

⁴ Меморія отъ 31 янв. 1761.

ности своимъ сотрудникамъ, такъ что свидѣтельство французскаго посланника, можетъ быть, и не совсѣмъ правильно, тогда какъ Мардефельдъ не былъ способенъ обманывать своего повелителя, да и самъ врядъ ли могъ ошибиться въ этомъ отношеніи.

Единственнымъ, смѣю сказать, неподкупнымъ человѣкомъ той эпохи былъ преемникъ Трубецкого въ Сенатѣ, Яковъ Петровичъ Шаховской, тотъ самый, которому воцареніе Елизаветы приготовило столь непріятное пробужденіе. Это былъ любопытный и чисто русскій типъ, судя по своеобразному сочетанію гибкости и неподатливости, проявлявшихся неизмѣнно во всѣхъ превратностяхъ его чрезвычайно бурной жизни. Онъ сгибалъ спину передъ Виროномъ и, будучи боевымъ товарищемъ Миниха, принялъ, не обинуясь, низкую полицейскую должность. Исключенному изъ Сената послѣ переворота, исполнявшему самыя неблагодарныя порученія, въ родѣ наблюденія за исполненіемъ приговоровъ къ ссылкѣ, произнесенныхъ надъ бывшими своими друзьями покровителями, ему вскорѣ, цѣною новыхъ усиленныхъ поклоновъ, удалось устроиться, и устроиться прекрасно, въ Синодѣ, въ качествѣ прокурора. Занявъ это мѣсто, онъ обнаружилъ большой администраторскій талантъ и вмѣстѣ съ тѣмъ незаурядную силу воли, вступая въ борьбу съ членами высокаго собранія, чтобы ввести нѣкоторый порядокъ въ ихъ дѣлопроизводство, и не страшась гнѣва Елизаветы, когда приходилось защищать ихъ авторитетъ и интересы ¹. Они же не столько были ему благодарны за его мужество, сколько негодовали на него за обличеніе ихъ лѣни и нерадѣнія, и императрица удовлетворила ихъ неоднократныя мольбы, вспомнивъ, что бывший полицейскій былъ солдатомъ, и назначила его генераль-крігс-комиссаромъ. Онъ разсорился тамъ со всѣми, побѣдоносно отбилъ нѣсколько натисковъ, гдѣ—приходится вѣрить ему на слово—его честность колебалась нѣкоторое время между корыстью и чувствомъ долга, и былъ менѣе счастливъ въ распрѣ съ Александромъ Шуваловымъ. Случай этотъ настолько характеренъ, что его нельзя не рассказать. Въ 1758 г., въ началѣ Семилѣтней войны, Москва была переполнена ранеными. Единственная больница въ городѣ была слишкомъ тѣсна для размѣщенія ихъ, и, вслѣдствіе слуховъ, что больные приносятъ заразныя болѣзни, обыватели закрывали передъ ними двери своихъ домовъ. Несчастные тѣснились на улицахъ, безъ пріюта,

¹ Благовидовъ, «Оберъ-прокуроръ Св. Синода въ XVIII в.», 1899, стр. 149.

лишенные всякой помощи. Шаховской нашелъ въ Кремлѣ старый пивоваренный заводъ, не дѣйствовавшій уже многіе годы, куда онъ рѣшилъ перенести прачешную госпиталю, дабы очистить мѣсто для больныхъ. Онъ уже радовался своей находчивости, когда получилъ записку отъ грознаго начальника Тайной канцеляріи:

«Ея императорскому величеству извѣстно учинилось, что вы самовольно заняли въ дворцовомъ пивоваренномъ домѣ тѣ каморы, въ коихъ для собственнаго ея величества употребленія разливаютъ и купорятъ съ напитками бутылки, и помѣстили въ нихъ прачекъ, кои со всякими нечистотами бѣлье съ больныхъ моютъ; и для того, по высочайшему повѣленію посланъ къ вамъ... (нарочный... коему повѣлено, ежели, по освидѣтельствованію его, въ тѣхъ покояхъ больные и прачки найдутся, то ихъ всѣхъ немедленно перевести въ домъ вашъ для жилья ихъ, не обходя ни единаго покоя въ вашихъ палатахъ, и точно въ вашей спальнѣ».

Такъ обращались, въ разгаръ войны, съ генеральнымъ комиссаромъ, честнымъ человѣкомъ, исполнявшимъ свой долгъ.

Но Шаховской не смутился. Въ его спальнѣ стали стирать бѣлье, и онъ самъ, пріютившись у пріятеля, смѣялся надъ этимъ. Все же его сочли за неудобнаго человѣка и снова перевели, но на весьма почетную должность, благодаря временщику Ивану Шувалову, отличавшемуся, какъ извѣстно, великодушіемъ. Трубецкой, оставляя постъ оберъ-прокурора Сената, попросилъ себѣ въ преемники бывшаго генералъ-кригсъ-комиссара. Но въ Сенатѣ хозяйничалъ Петръ Шуваловъ. Новый оберъ-прокуроръ началъ съ того, что потребовалъ рапорты по отчетности, давно уже не составлявшіеся. Присвоивъ себѣ, кромѣ иныхъ источниковъ доходовъ, управленіе монетнымъ дворомъ, Петръ Ивановичъ думалъ уклониться отъ всякаго контроля. Въ собраніи Сената произошла ссора, за которой послѣдовало еще болѣе бурное объясненіе, въ присутствіи временщика, пытавшагося примирить враждующихъ. Шаховской припомнилъ всѣ обвиненія, накопившіяся противъ великаго взяточника и, перемѣшавъ истину съ выдумкой, всплывъ до забвенія всякой справедливости, бросилъ эту грязь въ лицо своему сопернику, въ потокъ оскорбительныхъ словъ. Исходъ ссоры сомнѣнію не подлежалъ, но тутъ наступила болѣзнь и смерть Елизаветы, и Петръ III разрѣшилъ споръ, отправивъ Шаховского въ его помѣстье, гдѣ онъ оставался до

Графъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ.

Съ оригинала Рокотова.

(У графини Е. В. Шуваловой).

1766 года, когда занялъ снова мѣсто въ Сенатѣ, но уже какъ рядовой членъ собранія; онъ умеръ въ 1777 г. ¹.

Къ концу царствованія Елизаветы въ канцеляріи коллегіи иностранныхъ дѣлъ выдвинулся своими способностями А. В. Олсуфьевъ; Елизавета отдала ему предпочтеніе, назначивъ его секретаремъ своего кабинета, вмѣсто двухъ кандидатовъ, предложенныхъ Воронцовыми; изъ нихъ одинъ бывший мнимый женихъ императрицы, Нарышкинъ, а другой, Петръ Чернышевъ, бывший посланникомъ сперва въ Берлинъ, затѣмъ въ Парижъ и обратившій на себя вниманіе депешами, гдѣ, согласно офиціальному рапорту «ни явственнаго сенса, ниже склада и штиля не находится, нужнѣйшіе пассажи изъ нихъ прямо не вразумительны» ², относительно котораго Эстергази, сообщая объ отъѣздѣ этого дипломата во Францію, писалъ: «Это идиотъ» ³. Олсуфьевъ былъ столпомъ своего вѣдомства до самой смерти императрицы.

Если дипломатія Елизаветы и не оставила по себѣ блестящихъ воспоминаній, зато оружіе ея покрыло себя славою, не превзойденною имъ съ той поры въ военныхъ лѣтописяхъ Россіи. Однако не колеблясь ставлю главныхъ военачальниковъ той эпохи непосредственно вслѣдъ за вышеописанными лицами. Это вовсе не значитъ, что я не цѣню истинныхъ героев Семилѣтней войны. Ниже я имъ воздамъ должную справедливость. Но имъ не мѣсто въ этой главѣ. Они безъимянны. То была анонимная толпа безвѣстныхъ солдатъ, обильно поливавшихъ своею кровью поля сраженій и подававшихъ нерѣдко торжествующій примѣръ самыхъ мужественныхъ добродѣтелей.

Въ 1746 г. баронъ Претлакъ, посолъ Маріи-Герезіи и генералъ ея арміи, слѣдующимъ образомъ описывалъ положеніе русской арміи, съ точки зрѣнія высшаго командованія: «На службѣ находятся лишь два маршала; первый изъ нихъ князь Трубецкой, восьмидесятипятилѣтній старецъ; онъ съ 1710 г. больше не служитъ и служилъ-то онъ лишь подполковникомъ, пробывъ притомъ въ этомъ чинѣ двадцать два года плѣннымъ, въ Швеціи... Другой—Ласси, хорошій и честный человекъ, но, къ несчастью, совершенно разбитый; онъ почти не выходитъ изъ своей комнаты. Первый генераль-аншефъ Румянцовъ; онъ

¹ Шаховской, «Записки», 1810; Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XXIV, стр. 345 и слѣд.

² Александренко, «Русскіе дипломатическіе агенты», 1897, т. I, стр. 344.

³ Кауницю, 16 окт. 1760 г. Вѣнскій архивъ, по-нѣмецки.

спитъ двадцать часовъ въ сутки и пьетъ и ѣстъ остальные четыре. Кромѣ того, въ бодрствующемъ состояніи онъ слишкомъ ясно проявляетъ свою приверженность къ Франціи, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ Шетарди выхлопоталъ его женѣ пенсію въ 3.000 р... Впрочемъ, онъ никогда солдатомъ не былъ, и самая доблестная служба его состояла въ командованіи госпиталемъ на Украинѣ. Второй — Кейтъ, весьма ненадежное лицо, какъ относительно Франціи, такъ и Пруссіи; слѣдовательно, ему никогда нельзя будетъ ввѣрить командованіе арміей. Его прочать въ командиры округа на границахъ Персіи или татарскаго царства... Третій князь Репнинъ... онъ прекрасный человѣкъ и, зная самого себя, солдатомъ себя и не выставляетъ... Четвертый, генералъ-аншефъ собственно говоря лишь номинально, Салтыковъ, старый дуракъ, вѣроятно выжившій изъ ума. Его и произвели-то въ чины потому только, что онъ былъ шуткомъ въ царствованіе императрицы Анны» ¹.

Слѣдовательно, въ общемъ было два восьмидесятилѣтнихъ инвалида, два прожигателя жизни, чуждыхъ военнаго духа, подозрительный иностранецъ и одинъ скоморохъ. Неудивительно, поэтому, что, собираясь отправлять войска на Рейнъ, Елизавета хотѣла позаимствовать у Австріи генерала. Но у Маріи-Терезіи лишнихъ генераловъ не было, и самъ Претлакъ, будучи приглашенъ на должность военачальника, доказалъ, что раздѣляетъ мнѣніе д'Эона относительно службы во второмъ отечествѣ Миниха и Остермана. Четырнадцать лѣтъ спустя, дочь Петра Великаго никого не нашла, чтобы выставить противъ Фридриха, кромѣ «старога дурака», къ которому столь пренебрежительно относился Претлакъ. Остальные всѣ умерли или уѣхали изъ Россіи, какъ сынъ Ласси и Джемсъ Кейтъ. Этотъ послѣдній просилъ, чтобы императрица приняла на службу его брата, знаменитаго милорда-маршала. «У насъ довольно маршаловъ», отвѣтила Елизавета. И Джемсъ Кейтъ отправился искать счастья въ другія страны. Фридрихъ этимъ воспользовался; у него на службѣ оказались оба брата, и при открытіи военныхъ дѣйствій съ Россіей имъ пришлось помѣряться силами со Степаномъ Федоровичемъ Апраксинымъ, о которомъ Уильямсъ говорилъ въ 1756 г.: «Онъ никогда не видалъ врага и не имѣетъ ни малѣйшаго желанія его видѣть» ². Но это было ужъ безусловно

¹ С.-Петербургъ, 29 августа, 1746. Вѣнскій архивъ, по-французски.

² «Pol. Corresp.», т. XIV, стр. 80.

преувеличено. Пользуясь при Императрицѣ Аннѣ могущественной поддержкой въ лицѣ своей матери Елены Леонтьевны Кокошкиной, бывшей во второмъ бракѣ за грознымъ Ушаковымъ, Апраксинъ былъ при Минихѣ генераль-адъютантомъ и сохранилъ за собой этотъ постъ, несмотря на свою лѣнь и глупость. Но въ скандальной хроникѣ того времени, его біографія отягчилась нѣкоторыми непривлекательными чертами,—некрасивой карточной исторіей у Кирилла Разумовскаго и слишкомъ явнымъ поощреніемъ любовныхъ отношеній между его дочерью Еленой Степановной Куракиной и Петромъ Шуваловымъ. Но въ виду того, что хроники содержатъ нерѣдко столько же лжи, сколько и скандаловъ, я склоненъ придерживаться сужденія и впечатлѣній маркиза Лопиталя; онъ былъ радушно принятъ русскимъ главнокомандующимъ въ его главной квартирѣ въ Ригѣ, пользовался его широкимъ гостепріимствомъ и не можетъ считаться поэтому свидѣтелемъ отъ обвиненія. Онъ хвалитъ красивое и благородное лицо генерала, не обезображенное даже чрезмѣрной тучностью, его открытое выраженіе и даже воздержность Апраксина, несмотря на прежнее бражничество его съ польскимъ королемъ. Онъ любовался его «ласковыми манерами, его пышностью, щедростью относительно солдатъ и справедливостью ко всѣмъ». Онъ похвалилъ и его рѣшеніе оставить въ Ригѣ «множество молодыхъ дамъ, входившихъ въ составъ его свиты». И, что бы ему ни говорили, онъ отказывался допустить у столь любезнаго человѣка недостатокъ мужества, равный полному отсутствію военныхъ талантовъ. Однако, болѣе близкое знакомство съ русской арміей и ея главнокомандующимъ не могло оставить въ немъ ни малѣйшаго сомнѣнія на этотъ счетъ ¹.

Апраксинъ былъ побѣдителемъ при Гроссъ-Эгерсдорфѣ (19 августа 1757 г.). Впавъ потомъ въ немилость и будучи отданъ подъ судъ за то, что онъ отступилъ послѣ этой побѣды, онъ умеръ отъ удара во время перваго допроса.

Его преемникъ, графъ Уильямъ Ферморъ, англичанинъ по происхожденію, былъ, повидимому, болѣе одаренъ, въ особенности какъ инженеръ, хотя онъ и не блеснулъ своими дарованіями подъ Цорндорфомъ; но когда ему, въ свою очередь, пришлось уступить мѣсто Салтыкову, то французскій военный агентъ, Монталамберъ, въ слѣдующихъ словахъ выразилъ свое удовле-

¹ Шуазелю, 7 іюня 1757. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

твореніе по этому поводу. «Хотя Салтыковъ далеко не умѣлый и не предприимчивый генераль, мы все же предпочитаемъ его Фермору, который, не обладая точно также ни военными талантами, ни знаніями, гораздо менѣе добродушенъ и, по слухамъ, совершенно преданъ нашимъ врагамъ»¹. Я не рѣшился бы привести здѣсь единоличное мнѣніе, какъ бы обоснованно оно ни казалось. Но мѣсяцъ спустя, обсуждая предпочтительность одного генерала передъ другимъ, Эстергази сослался на трудность выбора «между измѣнникомъ и глупцомъ»².

Это не помѣшало, однако, Салтыкову нанести Фридриху самое кровавое пораженіе, когда либо испытанное Розбахскимъ героемъ. Но Салтыковъ не лучше своего предшественника сумѣлъ воспользоваться побѣдою, и Елизавета въ отчаяніи обратилась къ своему прежнему любимцу, Александру Борисовичу Бутурлину. О немъ Эстергази, со свойственной ему рѣзкостью выраженій, тотчасъ же написалъ, что Бутурлинъ «опять-таки идиотъ, ничего не понимающій въ военномъ дѣлѣ»³. Ему вторить и Лопиталь: «У Бутурлина нѣтъ ни ума, ни талантовъ. Онъ воевалъ лишь съ персами и татарами и внутри Россіи. Онъ пьяница и невѣжда»⁴.

Эти оцѣнки энергично опровергаются большинствомъ русскихъ военныхъ писателей, въ глазахъ которыхъ всѣ эти генералы, побѣждавшіе Фридриха или доблестно сражавшіеся съ нимъ, достаточно ясно доказали, что они способны были мѣряться силами съ великимъ полководцемъ⁵. Если же я не только указалъ противоположныя мнѣнія, но и присоединился къ нимъ, то лишь потому, что помимо цѣлаго свода трудно устранимыхъ свидѣтельствъ, они подтверждаются самими фактами, которыя я ниже изложу.

Сподвижникъ Бутурлина, графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, повидимому, одинъ проявилъ въ рядахъ высшаго командованія умъ и доблесть военачальника. Впрочемъ, заслуга блестящихъ военныхъ подвиговъ, совершенныхъ имъ, можетъ быть, должна быть отчасти приписана его неизмѣнному бое-

¹ 6 октября 1760. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

² Кауницу, 7 ноября 1760 г. Вѣнскій архивъ.

³ Кауницу, 23 февр. 1760. Вѣнскій архивъ, по-нѣмецки.

⁴ Шуазелю, 16 февр. 1759 г. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

⁵ См. Масловскій, «Русская армія въ Семилѣтнюю войну», 1888 г. Въ своемъ уже цитированномъ мною трудѣ, «Russes et Prussiens», Раμπο многое позаимствовалъ у ученаго русскаго историка.

вому товарищу австрійцу Лаудону. Кампанія Семилѣтней войны, съ другой стороны, обнаружила таланты будущаго «русскаго Тюренна», какъ его называетъ Карамзинъ, Петра Александровича Румянцова, великаго полководца слѣдующаго царствованія—и сына сонливаго старика и любителя покушать, о которомъ писалъ Претлакъ въ 1746 г.

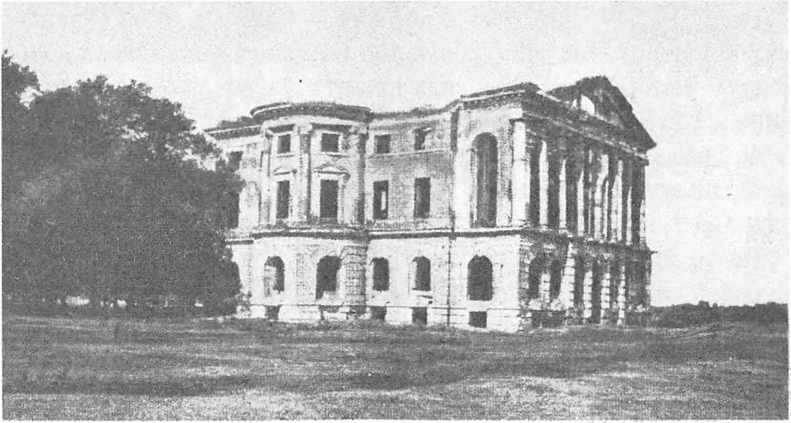
Но то были лишь младшіе офицеры. Фридрихъ не зналъ ихъ. Относясь съ пренебреженіемъ къ ихъ іерархическимъ начальникамъ, «дуракамъ, идіотамъ» или кѣрыстолюбцамъ, какимъ былъ явно другой товарищъ по оружію Чернышева, Тотлебенъ, Фридрихъ совершалъ крупную ошибку: вмѣстѣ со всей современной ему Европой, онъ не разсмотрѣлъ и не распозналъ того, что стояло за ними, какъ и за ихъ политическими товарищами, Бестужевыми и Воронцовыми, т. е. мощнаго роста молодой и сильной расы, которая, какъ на поляхъ сраженій, выбранныхъ ученой стратегіей грознаго врага, такъ и среди ловушекъ, ловко разставленныхъ самой хитроумной дипломатіей, развернула всю свою непобѣдимую энергію и непреодолимый размахъ.

Приступаю теперъ къ сжатому очерку внутренней исторіи царствованія Елизаветы.

Нефритовая чашка въ золотой оправѣ.

(Императорскій Эрмитажъ).

Развалины дворца гр. Кирилла Григорьевича Разумовскаго
въ Батуринѣ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Политическая эволюція.

- I. Политическій строй. — Упраздненіе Кабинета. — Возстановленіе Сената въ его прежнихъ правахъ. — Конференція министровъ. — Преобразование коллегій. — Отступленіе отъ объединяющей программы Петра Великаго. — Возстановленіе гетманства въ Малороссіи. — Успѣхи въ противоположномъ направленіи. — Уничтоженіе казацкой автономіи. — Колонизація степей. — Устроеніе Сибири. — II. Администрація. — Продажность должностей и порожденныя ею злоупотребленія. — Безсиліе центральной власти. — Недостатки суда. — III. Законодательство. — Изобиліе указовъ. — Попытка кодификаціи. — Преобразование уголовного права. — Исторія тѣлесныхъ наказаній. — Отмѣна смертной казни. — Либеральныя стремленія встрѣчаютъ препятствія въ религиозномъ рвеніи Елизаветы и ея политическомъ положеніи. — IV. Высшая и административная полиція. — Тайная канцелярія. — Безпрерывный заговоръ. — Общественная безопасность. — Несправедливое отношеніе. — Разбои. — Сообщничество властей, арміи, населенія. — Пожары. — Вліяніе ихъ на экономическое состояніе страны. — V. Экономическій режимъ. — Монополіи. — Отступленіе отъ принциповъ Петра Великаго. — Поощреніе промышленности и торговли. — Система разумнаго вмѣшательства государства. — Недостатки его. — Геніальный изобрѣтатель. — Автомобили и часо-верстный счетчикъ Шамшуренкова. — Противорѣчія системы. — Законы противъ роскоши. — Посредственные результаты. — Причины. — VI. Финансы. — Нарушеніе равновѣсія. — За-

долженность. — Отсутствие отчетности. — Всеобщее хищение. — Слѣдствія войны. — Неспособность страны поддерживать выпавшую на ея долю роль. — VII. Армія и флотъ. — Сужденіе современниковъ о военномъ устройствѣ Имперіи. — Недостатки его. — Преобразованія 1755 г. — Нравственный элементъ. — Упадокъ флота. — Дѣло Петра Великаго разрушается. — Его парадоксальный характеръ. — Послѣдствія.

Эта часть моей темы, составляющая содержаніе настоящей и слѣдующей главы, могла бы, согласно мнѣнію послѣдняго по времени европейскаго историка, коснувшася ея, быть просто обойденной молчаніемъ. Онъ находитъ, что и значительно позже царствованія Елизаветы, вплоть до эпохи великаго національнаго пробужденія, обусловленнаго бѣдствіями Крымской кампаніи, русскій народъ, колоссъ, спавшій вѣковымъ сномъ, не пережилъ, внѣ области дипломатіи и арміи, ни одного часа, достойнаго быть отмѣченнымъ на циферблатѣ исторіи¹. Достаточно и одной минуты размышленія, чтобы опѣнить по достоинству всю ненаучность этого положенія. Жизнь человѣческихъ группъ не допускаетъ подобныхъ несоотвѣтствій между ихъ внутреннимъ существованіемъ и внѣшней ролью, и не на народъ заснувшихъ сурковъ наткнулся Наполеонъ I подъ стѣнами Москвы. Но ошибочность этого сужденія, выясняющаяся безъ особаго труда, все же требуетъ объясненія въ виду ея распространенности среди иностранцевъ, изучавшихъ прошлое Россіи.

Она коренится, прежде всего, въ несомнѣнной двойственности исторіи страны, съ одной стороны блестящей и обаятельной, съ другой — тусклой и приниженой. Къ этому вопросу мнѣ придется еще вернуться. Другая причина лежитъ въ многочисленныхъ затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ при изученіи этой безвѣстной части историческаго развитія Россіи, фазисы котораго проходятъ передъ нашими глазами. Внѣшняя исторія Россіи восемнадцатаго столѣтія представляетъ собою солнце, восходящее на европейскомъ горизонтѣ. Внутренняя исторія ея и до нашихъ дней имѣетъ видъ туманнаго пятна. Обоимъ этимъ тѣламъ свойственна эволюція, или, скорѣе, они составляютъ одно тѣло, однородное по существу, повинующееся единому закону тяготѣнія и движенія въ пространствѣ, но различное по своимъ свойствамъ и видимое подъ различнымъ угломъ съ того мѣста, гдѣ мы стоимъ. Мы знаемъ досконально всѣ подробности сраженій, про-

¹ Nisbet Bain, «The daughter of Peter the Great». Лондонъ, 1900, стр. 5.

исходившихъ между Фридрихомъ и полководцами Елизаветы, и въ переговорахъ, предшествовавшихъ этимъ кровавымъ схваткамъ, отъ насъ не ускользнула ни одна мелочь. Но мы имѣемъ лишь смутное понятіе о внутренней жизни деревни, села, губерніи огромной Имперіи, гдѣ вырабатывались и гдѣ черпались элементы борьбы, побѣдоносно выдержанной за предѣлами Россіи. Здѣсь документы отсутствуютъ. Лишь немногіе изъ нихъ были изданы. Самые же существенные остаются недоступными даже для тѣхъ изслѣдователей, что не побоялись бы трудныхъ поисковъ въ архивной пыли. Я и не надѣюсь преодолѣть эти препятствія; но не могу не поддаться искушенію сдѣлать скромную попытку, имѣющую свою цѣлью приблизить насъ къ этой неизслѣдованной области и бросить на нее хотя бы поверхностный взглядъ. Вершины ея, само собой разумѣется, являются и наиболѣе доступными для насъ.

I.

Политическій строй.

Форма, приданная новому правительству, свидѣтельствовала на первыхъ порахъ о рѣшительномъ возвратѣ къ пути Петра Великаго въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ скорѣе на практикѣ, чѣмъ въ теоріи, предшествовавшія царствованія стремились отъ нихъ уклониться. Упраздненный Кабинетъ вернулъ Сенату административныя, юридическія и законодательныя его права, постепенно отнятыя у него его соперникомъ. Но это возстановленіе Сената въ его правахъ было лишь призрачно. Одинаковыя причины произвели и одинаковыя слѣдствія: въ виду того, что вновь выяснилась несовмѣстимость коллегіальной формы съ требованіями управления, Кабинетъ былъ замѣненъ Конференціей; но оказалось, что подъ другимъ названіемъ онъ точно также поглотилъ и власть Сената. Аккуратно посѣщая нѣкоторое время засѣданія Сената, Елизавета сначала поддерживала было авторитетъ высокаго собранія; вмѣстѣ съ тѣмъ пересмотръ указовъ, изданныхъ въ предшествовавшія царствованія, обусловленный династическими соображеніями и порученный Сенату, ставилъ его въ законодательной области, повидимому, внѣ всякаго соперничества на первое мѣсто. Указъ 6 августа 1746 г., подчинявшій заключенію Сената всѣ приговоры къ смертной казни, точно также утвердилъ верховность его юридическихъ правъ. Его адми-

нистративныя функціи остались, какъ всегда, весьма обширными и разнообразнымъ. Такъ, напр. въ 1746 г., Сенату пришлось заняться обсужденіемъ вопроса о качествѣ и цвѣтахъ бархата, выдѣлываемаго въ Россіи. Матеріи съ ярко красными разводами на свѣтломъ фонѣ были имъ забракованы, при чемъ императрица, несомнѣнно, помогла ему въ этомъ дѣлѣ своими спеціальными знаніями.

Къ несчастію, рвеніе Елизаветы вскорѣ остыло. Вначалѣ она сохранила за собой непосредственный контроль надъ правомъ петицій, принадлежавшимъ ея подданнымъ... Были назначены особые дни для подачи прошеній. Но оказалось, что каждый разъ что-нибудь мѣшало императрицѣ приступить къ этому занятію,—то охота, то прогулка, то совѣщаніе съ продавщицей модныхъ товаровъ. Уже въ маѣ 1743 г. пришлось посылать прошенія въ особую канцелярію. Былъ восстановленъ и Кабинетъ ея величества, въ качествѣ передаточнаго органа между государыней и правительствомъ. Опять-таки «какъ при Петрѣ Великомъ».

Само собой разумѣется, что Коллегіи остались неприкосновенными. Все же Елизавета упразднила въ 1744 г. Коллегію экономіи, управлявшую недвижимостью, принадлежавшею монастырямъ и епархіямъ и разбиравшую духовныя дѣла подъ надзоромъ Сената. Функціи этой свѣтской Коллегіи были переданы духовной канцеляріи, непосредственно подчиненной Синоду. Это была великая побѣда для клерикальныхъ тенденцій, которымъ покровительствовалъ новый режимъ.

Изъ остальныхъ Коллегій нѣкоторыя сохранили лишь номинальную власть, какъ, напримѣръ, Коллегія иностранныхъ дѣлъ послѣ возвышенія Бестужева. Канцлеръ умышленно никогда не ступалъ въ нее ногою, занимаясь всѣми дѣлами въ частномъ своемъ кабинетѣ. Одинъ изъ чиновниковъ Коллегіи вознегодовалъ на подобное пренебреженіе къ его товарищамъ. Бестужевъ пожалъ лишь плечами: «Что мнѣ съ ними дѣлать? Они не вскрываютъ ни одной бумаги и способны лишь противорѣчить мнѣ, не приходя ни къ какому заключенію».

Такимъ образомъ теоретически замыселъ Преобразователя самъ собой распадался при осуществленіи его. Въ одной особой области новая органическая реформа, самая значительная въ царствованіе Елизаветы, породила полный разрывъ съ политическимъ наслѣдіемъ великаго царя, обнаруживъ неспособ-

ность наследниковъ сохранить его въ неприкосновенности, тогда какъ они громко объявляли себя наиболѣе преданными его задачамъ.

Выполняя цѣльную программу, долженствовавшую объединить различныя части имперіи, Петръ, какъ извѣстно, упразднилъ автономное управленіе Малороссіи и гетманскую власть. Со смерти послѣдняго гетмана, Апостола, послѣдовавшей въ 1734 г., область эта управлялась временной коллегіей (правленіемъ гетманскаго уряда), состоявшей изъ шести членовъ, наполовину великороссіянъ, наполовину малороссіянъ. Это временное устройство грозило затянуться на вѣчныя времена; вмѣстѣ съ тѣмъ русскіе члены комиссіи присваивали себѣ все больше и больше власти за счетъ своихъ товарищей. Тѣ громко жаловались на это; но до воцаренія Елизаветы не было еще причины внять ихъ просьбамъ. Впослѣдствіи такая причина явилась, и она носила имя—Разумовскаго. Со дня на день положеніе измѣнялось и цѣлый рядъ искупительныхъ мѣръ возвѣстилъ сынамъ вольной Украины, что время испытаній прошло. Въ 1744 г. императрица посѣтила Кіевъ и соблаговолила принять посольство, просившее возстановленія гетманства. Это почти равнялось обѣщанію. Другая депутація отпавилась вскорѣ въ Петербургъ на свадьбу великаго князя и вернулась, принося съ собою уже положительныя завѣренія. Ихъ немедленному осуществленію препятствовало одно лишь обстоятельство въ особѣ самого гетмана. Хотя онъ и долженъ былъ быть *избраннымъ* своими будущими подчиненными, но заранѣе условлено было, что выборъ ихъ падетъ на брата временщика. Но приходилось ждать; ему было всего шестнадцать лѣтъ. Когда ему исполнилось двадцать одинъ годъ, совершенно излишняя комедія выборовъ была разыграна съ большой торжественностью въ Глуховѣ, и въ назначенный день 22 февраля 1750 г. Кирилль Разумовскій былъ избранъ въ гетманы единогласно¹.

Тѣмъ временемъ принялись всячески улучшать положеніе Украины. Были приняты энергическія мѣры для борьбы съ пожарами, безпрестанно опустошавшими ее; посланы были значительныя суммы денегъ для облегченія страшной нищеты ея жителей. Отозваніе семи русскихъ полковъ, расквартированныхъ въ странѣ, обрадовало населеніе, удовлетворяя одну изъ самыхъ на-

¹ Марковичъ, «Записки», 1896—1899, II, 149.

стойчивыхъ его просьбъ. Смѣшанная комиссія, въ которой они видѣли орудіе притѣсненія для себя, прекратила свое существованіе. Всѣ русскіе чиновники уѣхали изъ края, и управленіе имъ, состоя въ вѣдѣніи Сената, снова перешло къ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, что являлось залогомъ хотя бы относительной свободы. Возстановленіе резиденціи гетмана въ Батуринѣ, бывшей столицѣ Мазепы, представлявшей лишь груду развалинъ, точно также, повидимому, знаменовало собой возвратъ къ славнымъ традиціямъ прошлаго.

Къ несчастью, гетману стало скучно въ выстроеномъ для него дворцѣ, и онъ подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья просилъ вернуть его въ прекрасный петербургскій климатъ. Елизавета снизошла къ его просьбѣ; Батуринъ опустѣлъ, и управленіе страной было предоставлено прихотямъ низшихъ чиновниковъ и алчныхъ родственниковъ Разумовскаго. Но, оставаясь среди нихъ, Кирилль Разумовскій былъ бы совершенно неспособенъ руководить ими или сдерживать ихъ; однако, дѣло возрожденія Украйны, если бы даже онъ и проявлялъ личную инициативу, не выиграло бы отъ этого. Къ нему былъ приставленъ въ качествѣ ментора нѣкій Тепловъ, стоившій самъ по себѣ трехъ русскихъ членовъ бывшей комиссіи, взятыхъ вмѣстѣ. Тепловъ со страстнымъ рвеніемъ принялся противодѣйствовать либеральнымъ стремленіямъ новаго режима, выразившимся, между прочимъ, въ указѣ, данномъ въ 1754 г. и разрѣшавшемъ торговлю хлѣбомъ между Великороссіей и Малороссіей, затѣмъ въ 1755 г. сказавшагося въ отмѣнѣ таможеннаго сбора, наложеннаго на иностранные продукты въ пользу метрополи, и въ постепенномъ уничтоженіи множества внутреннихъ налоговъ, обременявшихъ мѣстную промышленность. Въ 1756 г., склоняясь на совѣты своихъ сотрудниковъ, Кирилль Разумовскій вступилъ въ борьбу съ Вестужевымъ и, дабы досадить канцлеру, испросилъ указъ о возвращеніи Украйны въ вѣдѣніе Сената. Это подкашивало въ корнѣ принципъ автономіи и развитіе ея, вслѣдствіе этого, потерпѣло непоправимый ущербъ. Въ 1761 г. Сенатъ вздумалъ отторгнуть отъ Малороссіи Кіевъ, превративъ его въ главный городъ округа, находившагося въ непосредственномъ управленіи Сената. Это равнялось отсѣченію главы Малороссіи и обозначало полный и окончательный возвратъ къ объединительной программѣ, въ которой геній Петра Великаго восторжествовалъ надъ ошибками его преемниковъ.

Южнѣе, въ необозримыхъ степяхъ, окаймлявшихъ нижнее теченіе Днѣпра, царствованіе Елизаветы подготовило гибель запорожцевъ. Послѣ уничтоженія Сѣчи въ 1709 г., вызваннаго сообщничествомъ запорожцевъ съ Мазепой, они попытались въ слѣдующемъ году основать кошъ на мѣстѣ слиянія Каменки съ Днѣпромъ. Будучи отброшены на востокъ, они стали подъ покровительство хана и продолжали на низовьяхъ Днѣпра въ урочищѣ Алешки традиціи казачины. Они были послѣдними представителями типа запорожскихъ казаковъ. Но новое ихъ положеніе, ставившее ихъ въ зависимость отъ ихъ естественнаго врага, было плачевно. Они тяготѣли къ Россіи и къ ея царю. Въ 1728 г. Апостоль заявилъ, что запорожцы желаютъ вернуться къ своей прежней Сѣчи и принять русскій протекторатъ. Это благопріятное настроеніе испортилось благодаря недомыслию Петра II. Апостолу приказано было съ оружіемъ въ рукахъ отбросить людей, изъявлявшихъ преданность Россіи. Анна Иоанновна оказалась мудрѣе. Возводя по ея приказу въ степяхъ цѣлую линію фортовъ, тянувшихся отъ Днѣпра до верховьевъ Дона, генераль Вейсбахъ вмѣстѣ съ тѣмъ завязалъ сношеніе съ кошемъ. Въ 1733 г., съ соизволенія императрицы, кошевой атаманъ Милошевичъ основалъ новый кошъ на русской землѣ, на правомъ берегу Днѣпра, на полуостровѣ, образованномъ маленькой, но глубокой рѣкой Подпильной. Съ разрѣшенія кievскаго архіепископа тамъ была построена и церковь. То былъ послѣдній казакій кошъ. Въ 1734 г. атаманы отправились въ Бѣлую Церковь, гдѣ присягнули императрицѣ и получили отъ нея грамоту и обѣщанье платить имъ жалованье. Окружающая область была организована по-казацки, раздѣлена на курени, подчиненные двумъ товчамъ, управляемымъ *паланками* или собраніемъ старостъ—старшиной.

Эти казаки сражались подъ русскими знаменами въ Турецкую войну и Бѣлградскій трактатъ (1739 г.) утвердилъ переходъ Сѣчи въ русское подданство. Дополнительнымъ договоромъ всѣ земли запорожцевъ перешли во владѣніе Россіи, за исключеніемъ небольшихъ владѣній на берегу Буга. Отнынѣ Запорожье и Сѣчь находились во власти Россіи, которой было теперь нетрудно уничтожить послѣднія остатки прежняго режима. Но правительство Елизаветы обнаружило въ данномъ вопросѣ осторожность, терпѣніе и мудрый либерализмъ, вызвавшіе многообѣщавшее колонизаторское движеніе. Въ 1750 году, въ бытность Михаила Бестужева посланникомъ въ Вѣнѣ, сербскіе офи-

Императрица Елизавета Петровна.
Съ портрета Л. Каравака и гравюры И. Соколова.

перы предложили свои услуги для сформированія гусарскихъ и пандурскихъ полковъ, взамятъ уступки имъ земель въ днѣпровскихъ степяхъ. Въ Петербургѣ предложеніе это не было отвергнуто, и въ слѣдующемъ году въ Кіевѣ появился полковникъ Хорватъ съ 218-тью товарищами изъ обоихъ полковъ. Ему дали чинъ генерала и обширныя земли на сѣверо-западѣ отъ Запорожья. Эта колонія, занявшая пространство отъ рѣки Кагальника до соединенія Омельника съ Днѣпромъ, въ нынѣшней Херсонской губерніи, получила названіе Новой Сербіи. Въ 1753 г. начали строить въ ней фортъ Св. Елизаветы, нынѣ Елизаветградъ, на верховьяхъ Ингула. Но Запорожцы смотрѣли подозрительно на эту постройку. Порта тоже обезпокоилась ею и работы пришлось остановить. Но дѣло это было лишь отложено. Ужъ раскинуты были сѣти, которыя вмѣстѣ съ Запорожьемъ должны были постепенно захватить и Крымъ.

Въ маѣ 1753 г., два другихъ Серба, Шевичъ и Прерадовичъ получили угодыя въ сѣверо-восточной части Запорожья, между сѣвернымъ Донцомъ и рѣками Бахмутомъ и Манганьей. Этимъ было положено начало Славо-Сербіи. Пустыя пространства между обѣими колоніями постепенно заселились болгарскими, молдаванскими и валахскими переселенцами, составившими пестрое населеніе, яркими красками описанное Кулишемъ въ его романѣ «Михайло Чернышенко». Въ 1755 г. оно состояло изъ 2.800 степныхъ жителей; изъ нихъ 1,300 носили оружіе. Очевидно, среди нихъ не могъ царить полный порядокъ. Возникали постоянныя столкновенія между этими буйными, безпокойными и свободолюбивыми народностями и правительствомъ, вынужденнымъ, въ силу ихъ же строптиваго нрава, прибѣгать къ деспотическимъ мѣрамъ. Въ 1759 г. на просьбу дать указъ, который утверждалъ бы переселенцевъ въ ихъ правахъ, комендантъ форта Св. Елизаветы, Муравьевъ, отвѣтилъ: «Указъ—это я». Однако до самой смерти Елизаветы какъ Малороссія, такъ и Запорожье сохранили автономное и демократическое устройство.

Что же касается другихъ казаковъ, разсѣянныхъ по юго-восточной границѣ Россіи, азовскихъ, астраханскихъ и волжскихъ, то за отсутствіемъ столь крѣпкихъ узъ, связывавшихъ ихъ съ прежними традиціями вольности, какія были у запорожцевъ, ихъ поглощеніе огромной имперіей и ихъ распределеніе въ объединенныхъ рамкахъ ея организаціи не возбуждали такихъ же вопросовъ и затрудненій.

Но еще далѣе на востокъ правительство Елизаветы стояло лицомъ къ лицу съ другой огромной задачей: устроениемъ и заселениемъ громаднѣхъ пространствъ, тянувшихся отъ Урала до береговъ океана. Первый оренбургскій губернаторъ, И. И. Неплюевъ, авторъ извѣстныхъ и весьма любопытныхъ «Записокъ», сдѣлалъ въ ту эпоху великое дѣло въ тѣхъ краяхъ. Оренбургская губернія была создана особымъ указомъ въ мартѣ 1744 г. Она была сперва подчинена особой канцеляріи, находившейся въ столицѣ Имперіи, и среди населенія ея русскіе были въ меньшинствѣ: ихъ было всего 200,000 душъ, изъ нихъ 20,000 чиновниковъ. Оно состояло главнымъ образомъ изъ азіатскихъ выходцевъ, бухарцевъ, хивинцевъ, даже персовъ, но въ особенности изъ татаръ и различныхъ туземныхъ народностей: башкировъ, киргизовъ, черемисовъ, чувашей, вотяковъ; съ ними приходилось скорѣй воевать, нежели управлять ими. Открывая заводы, надо было снабжать ихъ пушками. Съ цѣлью поставить столицу области въ лучшія стратегическія условія, Неплюевъ счелъ нужнымъ перенести ее въ другое мѣсто и основать въ двухъ стахъ верстахъ разстоянія, на берегу Урала, новый Оренбургъ, тотъ, что существуетъ и теперь. Онъ натравливалъ вмѣстѣ съ тѣмъ одну на другую эти буйныя народности и одновременно, сообразуясь съ тенденціями, проявлявшимися въ высшихъ сферахъ, практическая цѣнность которыхъ не ускользала отъ него, развилъ чрезвычайно дѣятельную религіозную пропаганду, принесшую обильные плоды, въ особенности среди калмыковъ. Не обнаруживая особой способности оцѣнить благодѣянія христіанской вѣры, эти туземцы, поставлявшіе въ армію Апраксина и остальныхъ завоевателей Пруссіи самыхъ ярыхъ мародеровъ, проявили большую алчность, и переходъ ихъ въ православную вѣру оплачивался весьма щедро.

Въ 1746 г., черезъ три года послѣ своего основанія, новый Оренбургъ насчитывалъ уже шестьсотъ двадцать восемь домовъ, четыре церкви и сто семьдесятъ пять лавокъ; изъ нихъ сорокъ сосредоточились въ гостиномъ дворѣ, имѣвшемъ много покупателей. Къ несчастью, Неплюевъ былъ отозванъ въ 1758 г., а преемникамъ его было далеко до него¹. Они принадлежали къ типу, часто встрѣчавшемуся въ ту эпоху, когда только что

¹ Неплюевъ, «Записки», Петербургъ, 1893, стр. 134 и слѣд.

преобразованный на европейскій ладъ правительственный классъ во всей имперіи, во всѣхъ областяхъ и на всѣхъ ступеняхъ, лишь прививалъ новые элементы развратности къ худшимъ порокамъ прошлаго.

II.

Внутреннее управленіе.

Принужденному прибѣгать иногда къ изворотливости, самому Петру Великому приходилось возвращаться нерѣдко къ нѣкоторымъ самымъ непривлекательнымъ приемамъ прежняго режима. Въ 1713 г., когда служащіе одной канцеляріи роптали на то, что не получили жалованья, а удовлетворить ихъ было нечѣмъ, имъ было разрѣшено указомъ вознаградить себя участіемъ въ управленіи иностранными дѣлами и дѣлами Строганова. Строгановъ былъ богатѣйшій промышленникъ, имѣвшій дѣла съ правительствомъ. Случай съ однимъ изъ виднѣйшихъ государственныхъ дѣятелей, той эпохи, Татищевымъ, характеризуетъ образъ мыслей и обычаи, бывшія еще въ силѣ въ этой области и въ болѣе позднее время. Попавъ подъ судъ въ 1739 г. за вымогательства, произведенныя имъ на границѣ Сибири, онъ цѣлые годы находился подъ судомъ, не переставая отправлять важныя государственныйя должности. Такъ въ 1745 г. онъ былъ астраханскимъ губернаторомъ, когда Сенатъ приговорилъ его къ возмѣщенію убытковъ по многимъ жалобамъ, не смѣщая его однако съ занимаемаго имъ поста ¹. Можно себя представить, какъ уважали подчиненные подобнаго администратора.

Представленіе, которое народъ имѣлъ вообще о людяхъ, облеченныхъ какой бы то ни было властью, выразилось въ одномъ прошеніи, поданномъ Елизаветѣ, гдѣ жена прапорщика Преображенскаго полка просила о дарованіи ея мужу чина коллежскаго ассесора, предлагая въ обмѣнъ государынѣ четыре собачки; изъ нихъ одна называлась Jeannette, другая—Marquis: любопытный примѣръ распространенія французскихъ нравовъ ².

Какъ и въ былыя времена, всякая должность разсматривалась прежде всего, какъ источникъ дѣхода. Въ 1761 г. новый воевода

¹ Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XXII, стр. 9—25.

² «Русскій Архивъ» 1867, стр. 189.

Мангазеи въ Сибири хвалился, что онъ заплатилъ за свое мѣсто 30,000 р. ¹. И онъ старался, конечно, вернуть себѣ эти деньги. Замѣтите, однако, что тутъ не было ничего общаго съ порядкомъ, существовавшимъ въ прежнія времена въ другихъ странахъ, гдѣ нѣкоторыя правительственныя должности приносили опредѣленный и законный доходъ лицамъ, занимавшимъ ихъ. Здѣсь не было ничего опредѣленнаго, ни дозволеннаго; просто царило попустительство въ приложеніи ко всей административной лѣтницѣ, позволявшее должностнымъ лицамъ жить насчетъ управляемыхъ ими. Это равносильно было открытому грабежу. Онъ практиковался всюду, вызывая безпрестанныя жалобы, но лишь изрѣдка дѣйствительныя репрессіи.

Такъ бѣлгородскіе купцы жаловались на то, что воевода Морозовъ наказываетъ кнутомъ и даже отрѣзаетъ уши тѣмъ изъ нихъ, которые не хотятъ участвовать вмѣстѣ съ нимъ въ ограбленіи казны, и жалобы ихъ остались безъ послѣдствій. Другой воевода, родственникъ Данилова, автора интересныхъ записокъ объ этой эпохѣ, совершалъ обходъ домовъ передъ Рождествомъ, какъ тѣ, что ходятъ славить Христа, и собиралъ обильную жатву вынужденныхъ даровъ. Подобныя поступки оставались безнаказанными. Сама Елизавета изобличала передъ Сенатомъ воронежскаго воеводу Пушкина и бѣлгородскаго Салтыкова, дѣлавшихъ постыдные поборы съ жителей, но Сенатъ не принималъ противъ нихъ никакихъ мѣръ ². Иногда исключительныя обстоятельства вызывали строгую расправу, по примѣру Петра I. Въ 1754 г. князя Александра Кралоткина и писаря Ивана Семенова приговорили къ наказанію кнутомъ за взяточничество: но эти расправы носили столь случайный характеръ и въ нихъ столь явно нарушалась справедливость, что съ точки зрѣнія нравственнаго воздѣйствія послѣдствія ихъ оказывались ничтожными.

А въ отдаленныхъ областяхъ, въ сибирской глуши, даже и это несовершенное или прихотливое возмездіе никогда не постигало виновныхъ. Тамъ царилъ полный, абсолютный, безудержный произволъ. «На небѣ Богъ, а въ Иркутскѣ Кохъ», говорилъ про себя одинъ изъ сатраповъ, царившихъ на этой окраинѣ. Тамъ одинъ коллежскій ассесоръ снялъ св. Георгія, украшав-

¹ Карновичъ, «Замѣчательныя и загадочныя личности XVIII и XIX вв.», 1893, стр. 48.

² Гольцевъ, «Законодательство и нравы Россіи XVIII в.», 1886.

шаго городской гербъ, и замѣнилъ его окруженною лавровыми вѣнками надписью, свидѣтельствовавшей объ его проѣздѣ черезъ городъ. Даже въ Астрахани сказывалась близость Востока во всевозможныхъ злоупотребленіяхъ; былъ случай, когда одного изъ офицеровъ мѣстнаго гарнизона тащили за ноги по улицамъ послѣ того, какъ его высѣкли по приказанію паши въ образѣ генерала.

Справедливость требуетъ указать, что одна изъ главныхъ причинъ, по которой правительство Елизаветы не приступало болѣе энергично къ устраненію этихъ безчинствъ, заключалась въ его безсиліи. Оно умѣло лишь законодательствовать. Полное собраніе законовъ насчитывало 3,830 законовъ, изданныхъ въ это царствованіе, на 800 больше, чѣмъ при Петрѣ I. Но одинъ изъ послѣднихъ плодовъ этой законодательной невоздержности, указъ 16 августа 1760 г., поразительнымъ образомъ обнаруживаетъ ея отрицательные результаты, выставляя на видъ и одинъ изъ главныхъ недостатковъ правительственнаго режима того времени: полное смѣшеніе ролей и функцій законодателей, судей, администраторовъ. Этотъ указъ не законъ; это діатриба, и ни одинъ историкъ не составилъ съ той поры болѣе ядовитой. Онъ говоритъ о пренебреженіи къ законамъ тѣхъ именно лицъ, которыя обязаны ихъ примѣнять; безпорядки растутъ во всѣхъ отрасляхъ администраціи; суды превращаются въ торжища, гдѣ алчность и нерадѣніе судей уничтожаютъ всякую справедливость и поощряютъ совершеніе всѣхъ преступленій; дѣла затягиваются до безконечности; судьи непомѣрно богатѣютъ; государственные интересы попираются тѣми, кто долженъ ихъ охранять; хищеніе царить всюду: въ продажѣ соли, при наборѣ рекрутъ и взиманіи налоговъ ¹.

Судебная администрація, хромая на одну ногу и въ то же время вступая въ самые постыдные компромиссы, плохо исполняла одну часть своего дѣла, а другую оставляла безъ движенія. Въ 1755 г. она рѣшаетъ окончательно судьбу низшаго чина въ Юрьевѣ, обвиненнаго въ томъ, что онъ совмѣстно съ воеводой Пименовымъ замучилъ одного крестьянина ужасными пытками—въ 1739 г.! Дѣло лежало подъ сукномъ, а виновные все это время сидѣли въ тюрьмѣ. Одинъ изъ нихъ успѣлъ даже умереть ².

¹ Соловьевъ, «Исторія Россіи, т. XXIV», стр. 342—3.

² Ibid., т. XXIII, стр. 276.

Не одни судьи были виновны въ проволочкахъ, повторявшихся до безконечности въ процессахъ той эпохи. 11 марта 1754 г. въ засѣданіи Сената, ошастливленнаго въ видѣ исключенія присутствіемъ императрицы, Петръ Шуваловъ указалъ и на другую причину этого явленія: на состояніе самого законодательства, гдѣ со времени Петра Великаго указы нагромождались одинъ на другой въ неописуемомъ безпорядкѣ. Елизавета энергично поддержала его замѣчаніе: «Ангелъ бы въ нихъ не разобрался», воскликнула она, добавивъ, что многіе изъ этихъ законовъ были непонятны и нѣкоторые изъ нихъ не соответствовали болѣе современнымъ нравамъ и идеямъ. То были золотыя слова, и тотчасъ же Сенатъ рѣшилъ приступить къ составленію свода «ясныхъ и понятныхъ» законовъ. Но въ виду того, что это происходило въ Москвѣ, то рѣшено было дожидаться возвращенія собранія въ Петербургъ, чтобы приступить къ дѣлу, но въ послѣдовавшіе затѣмъ дни и мѣсяцы императрица была поглощена иными заботами и своихъ сенаторовъ не торопила.

III.

Законодательство.

Лишь въ слѣдующемъ 1755 г. была составлена Комиссія и чтеніе статей новаго уложенія составило главное занятіе Сената въ теченіе этого года. Щербатовъ даетъ намъ довольно неслестное понятіе о членахъ комиссіи, составлявшихъ новые законы. Онъ говоритъ про одного изъ нихъ, что онъ незадолго передъ тѣмъ былъ подъ судомъ за взяточничество и воровство; другой ничего не понималъ въ данномъ дѣлѣ и кромѣ того былъ корыстолюбъ; третій—лебезилъ передъ Петромъ Шуваловымъ и былъ столь же подкупленъ, какъ и этотъ послѣдній. Эти своеобразные законодатели были всѣ русскіе. Щербатовъ называетъ среди нихъ лишь двухъ свѣдущихъ людей, Эмме и Струве, — нѣмцевъ, не имѣвшихъ, однако, возможности приложить къ дѣлу свои знанія и честность при подобныхъ сотрудникахъ.

Эти дѣятели наложили свой отпечатокъ на трудъ, исполненный ими. Уложеніе было полно статей, заимствованныхъ изъ самыхъ разнообразныхъ иностранныхъ законодательствъ, по личной прихоти различныхъ членовъ комиссіи, стремившихся лишь подыскать тексты, благопріятствовавшіе ихъ частнымъ интересамъ. Притомъ комиссія разрослась въ большое количество под-

комиссій, пересматривавшихъ законы и правила, относившіеся къ разнымъ вѣдомствамъ. Въ области уголовнаго законодательства, въ силу еще варварскихъ инстинктовъ большинства членовъ комиссіи — и въ этомъ отношеніи одинъ изъ нѣмцевъ, Эмме, исключенія не составлялъ, и — желаніи выказать рвеніе въ наказаніи проступковъ, отягчавшихъ совѣсть нѣкоторыхъ изъ нихъ, они нагромодили цѣлый рядъ пытокъ, которыя жестокостью своею превзошли бы воображеніе любого мандарина. Въ Елизаветѣ эти жестокія мѣры вызвали ужасъ и отвращеніе. Неудача этой части Уложенія, выработанной раньше другихъ, не могла послужить стимуломъ къ составленію остальныхъ. Потерявъ довѣріе къ своимъ собственнымъ силамъ, Комиссія требовала на подмогу себѣ нѣкоторое число выборныхъ лицъ отъ дворянства и купечества; но до наступленія времени, назначеннаго для созванія ихъ, Елизавета скончалась. Продолженіе работъ по составленію Уложенія относится уже къ царствованію Екатерины.

Въ правленіе Елизаветы эта законодательная попытка, несмотря на постигшую ее неудачу и варварскія тенденціи, проявившіяся въ ней, косвенно соотвѣтствовала замѣтному успѣху въ дѣлѣ развитія гуманитарныхъ идей. Здѣсь опять передъ нами раскрывается мрачная сторона національнаго прошлаго, одновременно скорбнаго и своеобразнаго. Въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича тѣлесныя наказанія были предусмотрѣны въ ста сорока случаяхъ. Домострой совѣтовалъ наказывать и наносить побои съ разборомъ, сообразуясь съ виной и обстоятельствами дѣла. Заслуги и благодѣянія розогъ вдохновили музу Симеона Полоцкаго, одного изъ основателей національнаго воспитанія, а св. Дмитрій Ростовскій (Данило Туптало) писалъ воспитанникамъ своей школы: «Дѣти, дѣти, я слышу дурныя вещи про васъ. Даю вамъ старшдго, А. Юрьева, дабы онъ велъ васъ строго, какъ цыганскій табунъ... Кто возстанетъ противъ него, почтенъ будетъ розгами».

Съ пятнадцатаго и до конца восемнадцатаго вѣка, въ красномъ мерцаніи застѣнка, гдѣ трещали горячія уголья и свистѣли плети среди зловѣщей суеты вокругъ эшафотовъ, безпрестанно воздвигавшихся на площадяхъ, черезъ руки палачей прошли представители всѣхъ классовъ общества: прямые потомки удѣльныхъ князей, высшіе государственные чины, духовныя лица, самыя знатныя женщины. Въ 1714 г. двое сенаторовъ были

наказаны кнутомъ; въ 1724 г.—нѣсколько священниковъ, даже не лишенныхъ сана; при Елизаветѣ — двѣ женщины высшаго общества, Лопухина и Бестужева. Только въ 1785 году дворянство, а въ 1796 г. духовенство освобождены были отъ этого позорнаго равенства передъ висѣлицей и кнутомъ, при чемъ эта льгота была распространена и на преступниковъ моложе двѣнадцати и старше семидесяти лѣтъ. Но въ слѣдующемъ же году, Павелъ I, вступивъ на престолъ, уничтожилъ эту привилегію и въ началѣ девятнадцатаго столѣтія опять сѣкли всѣхъ, безъ различія возраста и общественнаго положенія. Затѣмъ освободительныя стремленія снова вступили въ свои права. Въ 1801 г. были отмѣнены тѣлесныя наказанія для дворянства, мѣщанъ и духовенства; въ 1808 г. — для женъ священниковъ; въ 1811 г.—для рядовыхъ монаховъ; въ 1835 г.—для дѣтей священниковъ; въ 1841 г.—для писателей и ихъ женъ, для придворныхъ лакеевъ, носящихъ ливрею—лестное сопоставленіе!—для вдовъ потомственныхъ дворянъ вторично вышедшихъ замужъ за крѣпостныхъ, для воспитанниковъ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній и нѣкоторыхъ младшихъ чиновниковъ. Въ 1855 г. былъ составленъ указъ въ пользу слабосильныхъ преступниковъ, но онъ обнародованъ не былъ. Въ 1863 г. упраздненіе шпицрутеновъ, кошекъ и розогъ, употреблявшихся въ арміи, флотѣ и въ гражданскомъ управленіи, отмѣтило собой дальнѣйшій успѣхъ по этому пути. Однако, законъ этотъ не касался ссыльныхъ. Лишь въ 1893 г. онъ былъ распространенъ на женщинъ, приговоренныхъ къ ссылкѣ или къ каторжнымъ работамъ. Но въ деревняхъ волостные суды еще недавно имѣли въ этомъ отношеніи права, ограниченныя лишь указомъ, поставившимъ тѣлесныя наказанія подъ контрольъ земскихъ начальниковъ.

До царствованія Елизаветы жестокость каръ все усиливалась. Дочь же Петра Великаго начала съ того, что отмѣнила смертную казнь, и если не въ правовомъ порядкѣ, то фактически, такъ что на практикѣ сперва смертные приговоры никогда въ исполненіе не приводились, а затѣмъ судьи вовсе перестали и присуждать къ смертной казни, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда преступления носили политическій или религіозный характеръ,—аномалія, сохранившаяся и до нашихъ дней. Въ царствованіе Елизаветы не былъ казненъ ни одинъ политическій преступникъ, и вся разница выражалась лишь въ судопроиз-

Графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій.

Съ портрета Л. Токе 1758 г.

(У гр. Уварова).

водствѣ. Въ политическихъ дѣлахъ, за отсутствіемъ замѣны наказанія, существовавшей для преступленій общаго порядка, Елизавета пользовалась всегда правомъ высочайшаго помилованія. Но она не считала себя въ правѣ поступать такъ, когда дѣло касалось интересовъ православнаго Бога. То же либеральное направленіе сказалось въ отмѣнѣ пытокъ, въ безчисленныхъ процессахъ, вызванныхъ мошенничествомъ или постоянными бунтами крестьянъ; въ распространеніи этой льготы на обвиняемыхъ моложе семнадцати лѣтъ, которыхъ одновременно запрещено было приговаривать и къ смертной казни (указъ 23 августа 1742 г.); въ указѣ 1757 г., отмѣнившемъ клейменіе и вырываніе ноздрей у женщинъ. Какъ сказано въ указѣ, эти двѣ мѣры имѣли чисто практическій смыслъ; онѣ позволяли распознавать преступниковъ и препятствовали ихъ побѣгу. Елизавета нашла, что, живя въ Сибири, женщины достаточно ограждены отъ искушенія побѣга громадностью расстоянія, которое имъ пришлось бы пройти. У мужчинъ вырываніе ноздрей производилось до 1817 г.¹

Въ виду того, что смертная казнь все еще существовала по закону, судьи продолжали приговаривать къ ней въ царствованіе Елизаветы; но каждый разъ о томъ составлялся докладъ императрицѣ, неизмѣнно отмѣнявшей ее. Въ результатѣ, въ 1753 г. насчитывалось 3,579 приговоренныхъ къ смерти, ожидавшихъ, чтобы императрица рѣшила ихъ судьбу. Такое большое скопленіе арестантовъ порождало страшныя затрудненія. Нерѣдко они бунтовали и убивали своихъ надзирателей, подвергая ихъ предварительно мученіямъ, что шло совершенно въ разрѣзъ съ поставленной цѣлью гуманными намѣреніями императрицы.

Сенатъ просилъ въ концѣ концовъ установить замѣну смертной казни опредѣленнымъ наказаніемъ, почтительнѣйше умоляя вмѣстѣ съ тѣмъ государыню отказаться отъ мысли, явившейся у нея по одному частному случаю, когда смертная казнь была замѣнена вырѣзаніемъ ноздрей и правой руки; это налагало, говорили сенаторы, на государство обязанность содержать этихъ несчастныхъ, которые, будучи искалѣчены, дѣлались неспособными ни къ какому труду. Остановились, наконецъ, на одномъ

---

¹ Тимофеевъ, «Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ», стр. 76 и слѣд.

предложеніи, соединявшемъ вырѣзаніе ноздрей, клейменіе, наказаніе кнутомъ съ вѣчной каторгой, причемъ, по настоянію Елизаветы, жены приговоренныхъ сохраняли свою свободу и пользованіе своимъ имуществомъ, получая даже часть конфискованнаго имущества своихъ мужей, и имѣли право снова выходить замужъ ¹. Елизавета умѣла, какъ видно, защищать интересы своего пола.

Такимъ образомъ топоръ Петра Великаго, столь часто при немъ сверкавшій въ рукахъ палача, мирно покоился въ своемъ мѣшкѣ изъ медвѣжьей шкуры. Зато кнутъ продолжалъ опускаться на окровавленные спины. Я ужъ имѣлъ случай описать это орудіе пытки; указъ 2 ноября 1733 г. содержитъ въ этомъ отношеніи краснорѣчивое свидѣтельство: онъ предписывалъ замѣну кнута розгами для наказанія нѣкоторыхъ виновныхъ, дабы они остались годными для военной службы. Въ 1748 г. графъ Брюсъ, назначенный комендантомъ въ Москву, протестовалъ противъ ограниченія количества ударовъ. Цифра пятидесяти ударовъ, установленная для нѣкоторыхъ случаевъ, казалась ему совершенно недостаточной.

— Но вѣдь это смерть для виновнаго, возражали ему.

— Такъ что жъ? Вѣдь въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о замѣнѣ смертной казни ².

Кнутъ пускался въ ходъ и не въ особо важныхъ случаяхъ. Въ 1756 г. былъ битъ кнутомъ какой-то несчастный, виновный лишь въ томъ, что продалъ за 5 копѣекъ фунтъ соли, тогда какъ установленная цѣна ея равнялась $4\frac{5}{8}$ коп. ³! Совѣтую нѣкоторымъ нашимъ современнымъ купцамъ поразмыслить надъ этимъ случаемъ.

Однако, въ отдаленныхъ областяхъ смертная казнь по прежнему примѣнялась иногда, на примѣръ, при искорененіи разбойничества въ малороссійскихъ степяхъ, гдѣ въ 1749 г. нѣсколько негодяевъ было повѣшено. Но Сенатъ, узнавъ объ этомъ, послалъ строгое порицаніе мѣстнымъ властямъ, тщетно утверждавшимъ, что ихъ такимъ образомъ совершенно обезоруживали. Съ другой стороны, Елизавета менѣе тщательно слѣдила за проведе-

¹ Полн. Собр. Зак. 10,086.

² Лопухинъ, «Записки», изданныя въ «Чтеніяхъ Моск. общества Ист. Др. Рос.», 1868, стр. 9—10.

³ Тимофеевъ, loc. cit. стр. 75.

ніемъ въ жизнь ея мыслей и чувствъ въ застѣнкахъ тайной канцеляріи, гдѣ Александръ Шуваловъ продолжалъ, внѣ всякаго контроля, кровавыя традиціи Ромодановскаго и Ушакова. И въ другихъ мѣстахъ пытка, хотя и ограниченная и контролируемая, составляла обычное явленіе. Спрошенный въ 1753 г., умѣстно ли будетъ прибѣгнуть къ ней для устрашенія взбунтовавшихся крестьянъ одного помѣщика Брянскаго уѣзда, Сенатъ въ отвѣтъ на это предписалъ представить рапортъ о наказанныхъ. Однако, въ мотивировкѣ указа 1751 г., отмѣнявшаго пытку въ дѣлахъ о мошенничествѣ, Сенатъ самъ вписалъ лучшій доводъ противъ этого наслѣдія изжитаго прошлаго: желаніе избѣгать «чтобы, не стерпя пытокъ, не могли на кого и напрасно говорить, и чтобъ, на кого стануть говорить, и невинные не могли подпасть напрасному истязанію».

Наконецъ въ одномъ особомъ пунктѣ сама Елизавета, какъ я указалъ выше, допускала явное и постоянное противорѣчіе принципамъ, которые она старалась внѣдрить въ законы и нравы страны. Въ 1743 г. одинъ человекъ былъ сожженъ живымъ¹ за то, что отпалъ отъ православія и выразилъ къ нему презрѣніе; и съ начала до конца царствованія Елизаветы гоненія на расколъ были безжалостны; въ дѣлѣ религіозной пропаганды насиліе слишкомъ часто замѣняло убѣжденіе. вмѣстѣ съ деньгами, не жалѣли ни огня, ни желѣза. Въ этомъ направленіи законодательная дѣятельность дочери Петра Великаго была менѣе терпима, чѣмъ начинанія ея отца. Указъ 2 декабря 1742 г. предписывалъ изгнаніе всѣхъ евреевъ, за исключеніемъ тѣхъ, что согласны были принять крещеніе². Въ слѣдующемъ году Сенатъ поставилъ на видъ императрицѣ, что торговля очень пострадала отъ этой мѣры. «Отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли», отвѣтила она. Опала коснулась и знаменитаго португальскаго доктора Санхеца, члена Академіи, которому предсѣдатель этого собранія писалъ по этому случаю: «...Ея Величество прогнѣвана на васъ не за какой-либо проступокъ или невѣрность... Но она полагаетъ, что было бы противно ея совѣсти имѣть въ своей Академіи такого человека, который, покинувъ знамя Іисуса Христа, рѣшился дѣйствовать подъ знаменемъ Моисея и ветхозавѣтныхъ пророковъ»³. Одинъ частный секре-

¹ Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XXI, стр. 245.

² Полн. Собр. Зак. 8673.

³ «Русскій Архивъ», 1870, стр. 283.

тарь русскаго посланника въ Вѣнѣ долженъ былъ оставить свое мѣсто по той же причинѣ. Его фамилія была Симонъ ¹.

Магометанскіе подданные имперіи не были изгнаны, но ихъ склоняли къ отреченію отъ своей вѣры самыми неприглядными средствами. Въ 1744 г. указомъ запрещено было возведеніе мечетей въ мѣстахъ, населенныхъ православными или крещеными иновѣрцами. Эта мѣра являлась противовѣсомъ предполагавшемуся перенесенію протестантскихъ храмовъ, оскорблявшихъ религиозное чувство императрицы, когда она проѣзжала по Невскому проспекту. Лишь финансовыя затрудненія помѣшали исполненію этого плана. Стремленіе заставить силу служить религіи все ярче сказывалось у Елизаветы съ наступленіемъ преклонныхъ лѣтъ, когда разстроилось ея здоровье, а набожность ея все увеличивалась. Уже въ 1749 г., возобновивъ обычай, существовавшій при Петрѣ Великомъ, она стала сажать на цѣпь придворныхъ, виновныхъ въ томъ, что они *разговаривали въ церкви*. Для высшихъ чиновъ цѣпь была сдѣлана изъ золоченной бронзы. Въ 1757 г. Высочайшій приказъ заставилъ всѣхъ судебныхъ чиновъ участвовать, подъ страхомъ уплаты большого штрафа, въ нѣкоторыхъ крестныхъ ходахъ ². Елизавета находила справедливымъ направлять такимъ образомъ религиозное чувство своихъ подданныхъ, какъ она нашла нужнымъ посадить въ тюрьму француженку, продавщицу модныхъ товаровъ, м-мъ Тардье, за то, что та не показала императрицѣ нѣкоторыхъ модныхъ новостей, припрятанныхъ ею для другихъ кліентовъ ³. Ея подданные тоже не стѣснялись прибѣгать въ предѣлахъ своей власти къ самому неприглядному произволу. Одинъ изъ нихъ, Болотовъ, рассказалъ намъ, какъ онъ кормилъ селедками, не давая ему пить, одного крестьянина, дабы вынудить у него признаніе.

Елизавета и ея народъ были тѣсно связаны со своимъ историческимъ прошлымъ, съ закоренѣлымъ режимомъ насилія и ужасовъ, отличительныя черты котораго сохранились при томъ въ области политической полиціи, которую мы и окинемъ теперь бѣглымъ взглядомъ.

¹ «Архивъ кн. Воронцова», т. II, стр. 132.

² Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XXI стр. 251; «Русская Старина», 1871, т. IV, стр. 530.

³ «Архивъ кн. Воронцова», т. III, стр. 653.

IV.

Политическая полиція и административная полиція.

Порожденное переворотомъ и заговоромъ, правительство Елизаветы роковымъ образомъ видѣло себя окруженнымъ заговорщиками и зачинщиками революцій. Почти непрерывный рядъ дѣйствительныхъ или предполагаемыхъ заговоровъ, всегда сопровождавшихся страшными репрессіями, пронѣзаетъ царствованіе Елизаветы изъ конца въ конецъ, оставляя по себѣ кровавую борозду. Уже въ іюлѣ 1742 г. возникло дѣло о бочкѣ съ порохомъ, поставленной подъ спальней императрицы при сообщничествѣ лакея и двухъ гвардейскихъ офицеровъ. За нимъ послѣдовали усиленные избиенія кнудомъ¹. Въ слѣдующемъ году разоблачился заговоръ Ивинскаго и затѣмъ Ботта. Императрица нѣсколько ночей подъ-рядъ не ложилась въ постель; она на всю жизнь сохранила томительное предчувствіе переворота, подобнаго тому, что возвелъ ее на престолъ; ее преслѣдовалъ грозный образъ семьи принцевъ Брауншвейгскихъ, свергнутой ею съ престола; она хотѣла стереть даже слѣдъ ихъ существованія изъ исторіи своей страны и указами отъ 15 октября 1742 г. и 12 февраля 1745 г. объявила несуществующими всѣ законы и предписанія, изданныя въ царствованіе злополучнаго Іоанна III.

Помимо заботъ о сохраненіи короны, вокругъ которой ея воображеніе, воображеніе множества доносчиковъ и сама окружающая атмосфера, насыщенная угрожающими призраками, создавали часто несуществующія опасности, ей приходилось еще защищать личность и особу фаворита. Изъ-за него то же создавались безчисленные процессы и наполнялись обвиняемыми казематы тайной канцеляріи. За одно непочтительное слово по адресу бывшего пастуха, этотъ ужасный аппаратъ, приведенный въ движеніе всегда готовымъ доносчикомъ, захватывалъ десятки жертвъ въ свои желѣзные объятія.

Въ то время, какъ политическая полиція работала, слѣдуя завѣтамъ Іоанна Грознаго, административная полиція, младшая сестра первой, пребывала почти въ бездѣйствіи. Ложные или подлинныя заговорщики арестовывались цѣлыми массами,

---

¹ Соловьевъ, loc. cit, т. XXI, стр. 193. Негманн, «Diplomatische Beiträge», т. VII, 81; Мардефельдъ королю, 1-го іюля 1742. Берлинскій архивъ.

между тѣмъ какъ разбойники и грабители наводняли проѣзжныя дороги и шайками ходили по улицамъ. Противъ нихъ мѣръ не принималось; жандармовъ не существовало, а солдаты, годные для подавленія политическихъ преступленій, когда они не являлись въ нихъ зачинщиками, оказывались совершенно бесполезными, когда дѣло шло о преступленіяхъ общаго порядка. Разбойники и солдаты еще слишкомъ близко соприкасались въ обществѣ, едва вышедшемъ изъ варварскаго состоянія, и зачастую составляли одно цѣлое. Въ 1743 г. военная стража въ домѣ графа Чернышева убила одного малороссійскаго дворянина, обитавшаго въ немъ. Нѣсколько недѣль спустя другіе солдаты совершили нападеніе на домъ одного купца, ружейными прикладами и пиками убили его жену и племянницу и произвели общій грабежъ. Согласно взглядамъ той эпохи, въ особенности на низахъ общественной лѣстницы, ремесло разбойника не заключало въ себѣ ничего позорнаго; разбойники часто пользовались даже большою популярностью и принадлежали къ лучшей части общества. Среди разбойничьихъ атамановъ, предававшихся грабежу и убійствамъ, значился въ тѣ времена дворянинъ по фамиліи Зиновьевъ, захватывавшій купцовъ на дорогахъ и бравшій съ нихъ выкупы, содержа ихъ въ заключеніи и на цѣпи въ своей усадьбѣ, подъ снисходительными и даже покровительственными взорами мѣстныхъ властей.

Преданный суду, вслѣдствіе доноса, онъ сумѣлъ себя обфлить, и даже отомстить своимъ обвинителямъ. Около 1750 г. существовала также женщина дворянскаго происхожденія, Екатерина Дирина, нападавшая во главѣ шайки, состоявшей изъ ея родственниковъ и крѣпостныхъ, на сосѣднихъ помѣщиковъ, грабя и убивая ихъ¹. Эти нравы являлись отголоскомъ среднихъ вѣковъ, съ ихъ дворянами-разбойниками, и легендарной эпохи воинствующихъ набѣговъ. Но главную массу лицъ, зарабатывающихъ такимъ образомъ свой хлѣбъ съ оружіемъ въ рукахъ, разоряя страну, составляли крестьяне. Въ 1749 г. три тысячи ихъ орудовали въ Сѣвскомъ уѣздѣ, и когда нѣсколько лѣтъ спустя войска, расположенныя въ провинціи, отправились въ походъ, они остались полновластными хозяевами всего побережья Оки. Они образовали правильно организованный корпусъ и имѣли шесть пушекъ³.

¹ Соловьевъ, loc. cit. т. XXIII, стр. 18—22; т. XXIV, стр. 99.

² Ibid.

³ Сенатскій журналъ, 13 февр. 1748 г.

Когда мѣстные власти не дѣйствовали заодно съ разбойниками и зачинщиками всевозможныхъ беспорядковъ, и когда воеводы не отпускали на волю убійць, грабителей и поджигателей, выданныхъ имъ, какъ то было въ окрестностяхъ Калуги въ 1748 г., то сама толпа вмѣшивалась въ столкновения полиціи съ преступникомъ, беря сторону этого послѣдняго противъ полиціи и противъ закона. Въ 1743 г. она забросала камнями гвардейскихъ солдатъ, пытавшихся прекратить кулачный бой, запрещенный Елизаветой ¹.

Графиня Екатерина Ивановна Разумовская,
супруга гр. К. Г. Разумовскаго.

Съ портрета, принадлежащаго кн. Голицынымъ.

Впрочемъ, между воеводами и агентами полиціи, гдѣ таковые были, шла открытая и непрерывная война. Эти агенты были подчинены центральной власти, а воевода считалъ себя полновластнымъ хозяиномъ въ своей губерніи. Развѣ уѣздъ, гдѣ онъ царилъ, не являлся его собственностью? Онъ жилъ имъ. Въ 1760 г. воевода Коломны, Иванъ Орловъ, окружилъ полицейскую канцелярію вооруженнымъ коннымъ отрядомъ, проникъ

¹ Ibid., 13 сент. 1743 г.

въ нее съ пистолетомъ въ рукахъ и, увидѣвъ кучу испуганныхъ чиновниковъ, принялся въ нихъ стрѣлять ¹.

Незамѣтно было успѣховъ, въ особенности въ провинціальныхъ городахъ, и въ отношеніи безопасности, чистоты и гигиены улицъ. Мы видѣли, что происходило вблизи Кремля въ Москвѣ, когда Елизавета хотѣла въ немъ поселиться. Въ Петербургѣ съ 1751 г. были произведены извѣстные улучшенія: нѣкоторые рукава Невы были канализованы, очищены и снабжены благоустроенными набережными; Васильевскій и Аптекарскій острова были соединены съ центромъ столицы посредствомъ мостовъ, которые Петръ Великій, въ своей преувеличенной страсти къ мореплаванію, запрещалъ строить. Въ 1755 г. начатая постройка новаго Зимняго дворца начала придавать городу величественный видъ. Но порядокъ и чистота оставляли желать многого. Постоянно возобновляемыя предписанія противъ слишкомъ быстрой ѣзды, частыхъ свалокъ, криковъ, пронзительныхъ свистковъ и ружейныхъ выстрѣловъ, всевозможныхъ насилій и совмѣстнаго купанья мужчинъ и женщинъ не производили, какъ и прежде, никакого дѣйствія. Правительство Елизаветы думало умѣрить эту неурядицу, запретивъ нищенство; но нищими являлись главнымъ образомъ арестанты; тюрьма ихъ по прежнему не кормила, предоставляя эту заботу общественной благотворительности, вслѣдствіе чего она наводняла улицы Петербурга скорбными процессіями голодныхъ арестантовъ, водимыхъ на цѣпи. Состояніе законодательства, юридической администраціи и финансовъ не позволяло дочери Петра Великаго порвать съ этимъ обычаемъ, довольно варварскимъ, но хитроумно экономическимъ.

Въ обѣихъ столицахъ и въ иныхъ мѣстахъ, благодаря безсилію и нерадѣнію властей, упорно держалась и другая прискорбная особенность городской жизни того времени: пожары. Въ теченіе одного лишь мая мѣсяца 1748 г. я насчитываю, согласно официальнымъ даннымъ, въ Москвѣ и различныхъ провинціальныхъ городахъ, цѣлые кварталы и въ частности 1,717 домовъ, 40 церквей, богадѣленъ или школъ, 94 лавки, уничтоженные огнемъ, и 36 мужчинъ и женщинъ, нашедшихъ въ немъ смерть. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ то же явленіе возобновляется въ Можайскѣ, гдѣ сгораютъ 35 домовъ и въ Мценскѣ—205 домовъ. Въ дальнѣйшіе мѣсяцы настаетъ чередъ Ярославля, Бахмута, Орла, Костромы.

¹ Журналъ Сената, 11, 16 и 17 мая, 13 декабря 1761 г.

Къ концу даннаго года уничтожены были половина Переяславля и 1500 домовъ въ Волковѣ¹. Обиліе деревянныхъ строеній, безопасность населенія не являлись единственной причиной этихъ бѣдствій. Большую роль въ нихъ игралъ и злой умыселъ. Нерѣдко поджигателей и удавалось поймать. Но тутъ опять-таки вмѣшивалась толпа и силой освобождала ихъ. Поджигатели были солидарны съ ворами и въ этомъ обществѣ, находившемся въ періодъ формациі и во власти первобытныхъ инстинктовъ, недалеко ушедшемъ отъ неопредѣленнаго общиннаго состоянія, отличие между твоимъ и моимъ еще неясно опредѣлилось, и всевозможныя формы насилія сопутствовали всѣмъ жизненнымъ явленіямъ. Тутъ примѣшивалось и суевѣріе. Я самъ собственными глазами видѣлъ, не такъ давно, какъ въ русской деревнѣ, которую посѣтилъ въ своемъ зловѣщемъ полетѣ «красный пѣтухъ», крестьяне, мужчины и женщины, рыдая и кусая себѣ кулаки въ порывѣ отчаянія, валялись на землѣ передъ нылавшей избой и отказывались вылить на огонь хотя бы одно ведро воды. Поджегъ ее Богъ или діаволь, и нельзя было перечить ни тому, ни другому. Можно себѣ представить, какъ подобное положеніе вещей отзывалось на экономическомъ состояніи страны.

V.

Экономическій режимъ.

Общимъ лозунгомъ царствованія Елизаветы въ этой области былъ опять-таки возвратъ къ принципамъ Петра Великаго. Но онъ допускалъ и многочисленныя отклоненія. Елизавета была непоколебима лишь въ вопросахъ религіи. Такъ, отъ старой системы, сосредотачивавшей въ рукахъ государства монополію почти всей торговли и промышленности, Петръ сохранилъ казенную монополію лишь на смолу и на поташъ. Остальное онъ «увольнилъ въ народъ». Это не могло быть пріятно Шувалову, и Елизавета предоставила ему полную волю. За монополіей на спиртъ была учреждена табачная монополія; табачный сборъ на откупъ былъ отданъ купцу Матвѣеву за ежегодную плату въ 428 р. 91 коп. Само собой разумѣется, что онъ получалъ барыши и дѣлился ими съ другими. Долго, однако, онъ ими не пользовался;

¹ Соловьевъ, loc. cit., т. XXII, стр. 225.

уже съ 1753 г. новые торги возвысили до 43,462 р. плату за сборъ съ одного лишь курительнаго табака.

Согласно намѣреніямъ Петра Великаго, переведена была книга Савари «*Le parfait négociant*», принятая съ 1675 г. въ разныхъ европейскихъ государствахъ въ качествѣ коммерческаго словаря. Переводчикъ потребовалъ 500 р. за свой трудъ и, расплачиваясь съ нимъ, правительство нашло эту цѣну слишкомъ высокою. Повинуясь все тѣмъ же соображеніямъ, Елизавета, т. е. Сенатъ, или, еще лучше, Петръ Шуваловъ, работали надъ сохраненіемъ въ промышленныхъ и коммерческихъ вопросахъ системы «разумнаго вмѣшательства государства», снова возродившейся въ Россіи впоследствии. Нѣкоторыя части ея были, однако, оставлены, какъ слишкомъ произвольныя. Такъ, Петръ Великій запретилъ выдѣлывать полотна уже опредѣленнаго размѣра, въ виду того, что за-границей требовались широкія полотна и что тогда, какъ и въ наши дни, общая тенденція въ Европѣ заключалась въ работѣ для экспорта. Но у крестьянъ были узкіе станки, а указъ великаго государя не сдѣлалъ ихъ болѣе широкими. Въ результатѣ явилась просто задержка въ производствѣ и недохватка полотна даже для собственнаго употребленія. Мѣра эта была отмѣнена въ 1745 г.

Правительство Елизаветы проявило точно такую же заботливость относительно производства суконъ, въ особенности въ Воронежѣ, гдѣ купецъ Пустоволовъ, помимо многихъ другихъ преимуществъ, включая сюда и право суда надъ своими рабочими, кромѣ случаевъ уголовныхъ преступленій, получилъ еще разрѣшеніе владѣть крѣпостными, т. е. покупать ихъ въ количествѣ, достаточномъ для своихъ нуждъ. Ему даровано было не менѣе цѣнное преимущество запасаться бесплатно топливомъ изъ государственныхъ казенныхъ лѣсовъ. Однако уже со временъ Петра Великаго выяснившаяся необходимость остановить быстрое обезлѣсеніе страны составляла одну изъ настоятельныхъ заботъ правительства, и сама Елизавета до того ею прониклась, что прибѣгла даже къ крайне радикальнымъ мѣрамъ: она постепенно упразднила между 1748 и 1755 гг. разные заводы, кузницы, стекольны и винокурни на двѣсти верстъ вокругъ Москвы и вовсе уничтожила производство дегтя, хотя оно и было весьма прибыльно для государства; оно разрѣшено было лишь въ Малороссіи, въ окрестностяхъ Чернигова и Стародуба. Соляныя копи въ Балахнѣ и Солиталичѣ были закрыты по той же причинѣ.

Но приходилось выдерживать конкуренцію прусскихъ сукно-ляльныхъ заводовъ, вслѣдствіе чего Пустоволовъ получилъ еще на десять лѣтъ право беспошлиннаго ввоза сырья изъ-за границы, дарованное ему съ единственнымъ условіемъ поставлять ежегодно въ армію на 30,000 р. товара, выдѣланнаго въ его мастерскихъ. Владѣя крѣпостными, онъ обязанъ былъ поставлять и рекрутовъ; но онъ могъ взамѣнъ ихъ отпускать сукно, и это преимущество было распространено на всѣхъ его товарищей по ремеслу.

Система денежныхъ ссудъ, выдаваемыхъ промышленникамъ, тоже составляла часть наслѣдія Петра Великаго; при Елизаветѣ она получила дальнѣйшее развитіе: Ломоносовъ получилъ 40,000 р. безпроцентной ссуды на пять лѣтъ, предложивъ открыть хрустальный заводъ.

Въ 1753 г. владѣльцы шелковыхъ фабрикъ жаловались на недостатокъ сырья, вслѣдствіе отсутствія денегъ для покупки оптоваго товара, привозимаго на ярмарки астраханскими и персидскими купцами. Пособить этому горю казалось легко. Государство рѣшило замѣнить собой фабрикантовъ въ оптовыхъ покупкахъ и купцовъ въ продажѣ въ розницу. У него появились склады и лавки. Но заинтересованныя лица и этимъ не удовольствовались. Режимъ вмѣшательства, даже разумнаго, создаетъ цѣпь съ крѣпкими звеньями, которая сковываетъ по рукамъ и по ногамъ.

Съ 1752 г. правительство принялось вводить въ Россіи, а именно въ Малороссіи и въ Астраханской и Оренбургской губерніяхъ, разведеніе шелковичныхъ червей. Одинъ астраханскій купецъ, Бирюковъ, занялся шелководствомъ въ сосѣднемъ съ Астраханью имѣніи; но и тутъ вмѣшалось государство. Оно стало тоже разводить шелковичныхъ червей, и шелковыя фабрики быстро размножились. Директоръ одной изъ нихъ въ окрестностяхъ Кіева и носитель имени, пріобрѣвшаго громкую извѣстность впослѣдствіи, получилъ тѣ же привилегіи, что и Пустоволовъ. Его фамилія была Антонъ Гамбетта, и онъ слылъ за француза.

Было даже время (1749 г.), когда Елизавета думала, что туземное производство могло удовлетворить внутреннее потребленіе шелка, и она собиралась издать указъ, который явился бы роковымъ для ліонскаго производства. Но на опросъ, сдѣланный Сенатомъ, одни лишь фабриканты парчи объявили себя способ-

ными удовлетворить весь спрос. Фабриканты бархата обязывались выдѣлывать лишь 6,270 арш., между тѣмъ какъ уже въ 1746 г. ввозъ бархата достигалъ 15,722 арш. Фабриканты шелковыхъ чулокъ поставляли ихъ сто *паръ* ежегодно, тогда какъ ввозъ ихъ въ томъ же году превысилъ 690 *дюжинъ* ¹.

Подобно своему отцу, дочь Петра Великаго шла впередъ скорыми шагами, не соображаясь съ тѣмъ, могутъ ли другіе за нею поспѣть. И эта нарождающаяся отрасль національной промышленности, соответствовавшая личнымъ вкусамъ государыни, была особенно близка ея сердцу; Елизавета не жалѣла ничего для нея. Она предоставила мѣсто совѣтника въ мануфактуръ-коллегіи одному владѣльцу шелковой фабрики, имя котораго (Еврейновъ) указываетъ на его семитическое происхожденіе, и наградила чиномъ поручика двухъ простыхъ рабочихъ, Ивкова и Водилова, посланныхъ Петромъ Великимъ въ Италію и во Францію и по возвращеніи своемъ открывшихъ въ Москвѣ фабрики шелка и тафты. Ивковъ ввелъ производство травчатого бархата, еще неизвѣстнаго въ Россіи, а Водилковъ выдѣлку шелковыхъ матерій въ англійскомъ вкусѣ.

Этотъ особый способъ покровительства промышленности точно также входилъ въ традиціи преобразователя и въ царствованіе его дочери былъ распространенъ и на другія отрасли ея. Такъ, капитанъ Лакостовъ—вѣроятно, потомокъ португальскаго еврея, Акоста, бывшаго шутомъ при дворѣ Петра I,—былъ награжденъ чиномъ майора за то, что взялъ въ свои руки и пустилъ снова въ ходъ бумажную фабрику, приходившую въ упадокъ подъ управленіемъ его тестя; а сынъ крестьянина Демидыча, Акинфій Демидовъ, былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники за развитіе и поднятіе металлургическихъ заводовъ, основанныхъ его отцомъ ².

На этомъ пути покровительственная система имѣла за собой то преимущество, что она не отягчала собой государства, тогда когда въ другихъ областяхъ она непосильно обременяла его и заставляла его въ противоположномъ направленіи,—тоже, впрочемъ, указанномъ Петромъ Великимъ, программа котораго заключала въ себѣ много противорѣчій,—отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ функцій, остававшихся за нимъ, какъ за первымъ куп-

¹ Соловьевъ, loc. cit., т. XXIII, стр. 28.

² Соловьевъ, loc. cit., т. XXI, стр. 183; т. XXII, стр. 35.

Княгиня Екатерина Дмитриевна Голицына.

Съ портрета Ванъ-Лео и гравюры Р. Гальера.

(Въ Москвѣ, Голицынская больница).

цомъ и первымъ промышленникомъ въ странѣ, въ ту самую минуту, когда оно принимало на себя другія обязательства. Государство было крупнымъ промышленникомъ въ царствованіе Елизаветы, вслѣдствіе наличности старыхъ, преимущественно металлургическихъ заводовъ, и новыхъ фабрикъ, созданныхъ имъ самимъ. Но оно послѣшило отдѣлаться отъ нихъ, отдавъ ихъ въ руки частной промышленности. Такъ, въ 1752 г. эксплуатація императорской суконной фабрики въ Путивлѣ была уступлена купцу Матвѣеву и его наслѣдникамъ.

На тысячу ладовъ и во всѣхъ отношеніяхъ наслѣдіе великаго государя ложилось непосильнымъ бременемъ на его преемниковъ. Они все же остались ему вѣрны въ данной области, возстановивъ Бергъ-и Мануфактуръ-коллегію, упраздненную съ 1725 года. Коммерцъ-коллегія унаслѣдовала функціи этихъ двухъ административныхъ учрежденій и была завалена ихъ дѣлами. Но возстановленіе ихъ не было еще равносильно пробужденію ихъ къ жизни.

Духъ, оживлявшій эти призрачныя созданія и руководившій ихъ дѣятельностью, медлилъ вселиться въ нихъ вновь. 1749 годъ былъ отмѣченъ событіемъ, составившимъ эпоху въ развитіи горнозаводской промышленности въ Россіи: на русской территоріи впервые были обнаружены залежи нефти. До тѣхъ поръ нефть получалась лишь изъ Персіи. Одинъ архангельскій купецъ, основавшійся въ Москвѣ, раскольникъ Прядуновъ, открылъ нефть въ Россіи и послалъ въ Петербургъ и Гамбургъ образцы ея, встрѣтившіе большое одобреніе. Способы перегонки, придавшіе этому продукту его нынѣшнюю цѣнность, правда, не были еще извѣстны въ то время. Его все же употребляли въ видѣ топлива, а до извѣстной степени и въ видѣ освѣтительнаго матеріала, и Петръ Великій, не колеблясь, разработалъ бы это новое сокровище. При Елизаветѣ открытіе его породило лишь ссору между бергъ-коллегіей и медицинской канцеляріей относительно цѣлительныхъ свойствъ минерала, добытаго Прядуновымъ и, дѣйствительно, примѣнявшагося имъ въ видѣ лекарства и вызвавшего болѣе или менѣе подлинныя излеченія. Потребовалось вмѣшательство Сената въ это дѣло, закончившееся тѣмъ, что Прядунова посадили въ тюрьму, а защитниковъ его приговорили къ штрафу ¹.

¹ Соловьевъ, т. XXIII, стр. 16—17.

К. ВАЛИПЕВСКІЙ. ДОЧЬ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Сенаторы иногда проявляли и большую мудрость, хотя они никогда не могли освободиться от известной узости понятий, составлявшей отличительную черту людей того времени, вмѣщавшихъ въ себѣ слишкомъ великія для ихъ умовъ идеи. Въ 1751 г. высокому собранію представлено было прошеніе крестьянина Яранскаго уѣзда, Леонтія Шамшуренкова, давно уже сидѣвшаго въ тюрьмѣ въ Москвѣ и выдававшего себя за изобрѣтателя усовершенствованнаго автомобиля... Оказывается, эти приспособленія имѣютъ въ Россіи исторію довольно давнюю. Автомобиль Шамшуренкова могъ, по его словамъ, пробѣгать самыя длинныя разстоянія и взбираться на самыя крутыя подъемы. Достаточно было двухъ людей, чтобы управлять имъ. Для достиженія этихъ результатовъ изобрѣтатель просилъ лишь свободы, трехъ мѣсяцевъ времени—и 30 рублей.

Нельзя не отмѣтить здѣсь одну любопытную подробность. Мои читатели найдутъ въ ней выразительную иллюстрацію режима того времени, въ одномъ изъ его видовъ, котораго я коснулся лишь вскользь. Въ подкрѣпленіе своей просьбы, представленной имъ, какъ сказано, въ Сенатъ въ 1751 г., Шамшуренковъ ссылался на выдуманное имъ другое приспособленіе, поднимавшее съ земли на большую высоту большіе церковные колокола. Модель его, представленная *за годъ передъ тѣмъ*, въ 1736 г., была принята въ свое время военной коллегіей. Но она погибла при пожарѣ и дѣло не кончилось ничѣмъ. Такимъ образомъ прошеніе было подано въ 1737 г., и Шамшуренковъ, заключенный въ тюрьму вслѣдствіе сдѣланнаго имъ доноса о злоупотребленіяхъ при продажѣ спирта, справедливость котораго онъ брался доказать, просидѣлъ пятнадцать лѣтъ въ тюрьмѣ въ положеніи даже не обвиняемаго, а свидѣтеля! Какъ его прошеніе, такъ и дѣло, въ которое онъ былъ замѣшанъ, пострадали отъ неуклюжести и неповоротливости огромнаго юридическаго и административнаго аппарата, не стоившаго его собственнаго изобрѣтенія.

Шамшуренковъ, повидимому, не хвастался. Сенатъ, наконецъ, внялъ его просьбѣ, автомобиль былъ построенъ и дѣйствовалъ исправно; изобрѣтатель его получилъ 50 р. награды, хотя изготовленіе автомобиля и превысило установленную смѣту. Исторія всѣхъ смѣтъ въ мірѣ всегда была неизмѣнна во всѣхъ странахъ и во всѣ вѣка; постройка автомобиля стоила 73 р. 5 коп., кромѣ харчевыхъ денегъ, выданныхъ Шамшуренкову,—17 р. 50 к. за пять съ половиной мѣсяцевъ работы. Но по окончаніи ея Шам-

шуренкова снова водворили въ тюрьму въ Москву, откуда онъ опять писалъ прошеніе въ 1753 г.

Можетъ быть, онъ былъ гениальнымъ изобрѣтателемъ. Послѣ перваго своего автомобиля на колесахъ, онъ выдумалъ другой— на полозьяхъ, который былъ снабженъ часо-верстнымъ счетчикомъ, отмѣчавшимъ разстояніе до тысячи верстъ и звонившимъ на каждой верстѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Шамшуренковъ обѣщалъ значительно увеличить скорость другого своего аппарата. Автомобильныя сани и счетчикъ должны были стоять отъ 50—80 р. каждый. Ознакомившись съ этими подробностями, Сенатъ, повидимому, склоненъ былъ субсидировать и это второе предпріятіе. Къ сожалѣнію, дѣло о Шамшуренковѣ, разсмотрѣнное мною, на этомъ прерывается, и въ виду того, что слава Шамшуренкова осталась похороненной въ бумагахъ до сихъ поръ, весьма вѣроятно, что несчастному изобрѣтателю такъ и не удалось выйти изъ тюрьмы¹. Но его печальная судьба составляетъ часть мартиролога, общаго всѣмъ временамъ и всѣмъ народамъ, и не слѣдуетъ слишкомъ отягчать этимъ фактомъ историческую отвѣтственность Елизаветы и ея сотрудниковъ.

Какъ счастливымъ людямъ, такъ и счастливымъ народамъ нерѣдко благопріятствуютъ самые ихъ недостатки. Страсть императрицы къ нарядамъ, безъ сомнѣнія, способствовала зарожденію и развитію нѣкоторыхъ частей промышленности; хотя онѣ до сего дня борются съ иностранной конкуренціей, онѣ все же составляютъ значительную отрасль національнаго производства. Точно также прихоть Елизаветы и ея желаніе имѣть всегда за столомъ виноградъ, персики и другіе южные фрукты вызвали продолженіе почтоваго тракта между Москвой и Астраханью черезъ Царицынъ, и затѣмъ между Царицыномъ и Кіевомъ. То была «фруктовая почта», какъ позднѣе желѣзная дорога, соединившая Петербургъ съ однимъ Балтійскимъ Портомъ, получила названіе «апельсиновой дороги»². Установленныя такимъ образомъ пути сообщенія служили и другимъ цѣлямъ. Они, правда, тогда не отличались быстротой. Такъ въ 1756 г., одинъ Сенатскій указъ ѣхалъ по почтовому тракту между Москвой и Саратовомъ—1,149 верстъ—сорокъ пять дней, а другой указъ на двѣнадцать дней долже³.

¹ П. Щукинъ, «Сборникъ старинныхъ бумагъ», т. VI, стр. 365—372.

² Соловьевъ, loc. cit., т. XXIV, стр. 9.

³ Хрущовъ, «Къ исторіи русскихъ почтъ», 1884; Brückner, «Russische Poste vesen», въ «Zeitschrift für allgemeine Geschichte», 1884, т. XII, стр. 882—9

Поощреніе Елизаветою народной промышленности въ этомъ направленіи носило на себѣ отпечатокъ легковѣсности ея заботъ. Было что-то ребяческое въ желаніи выдѣлывать кружева въ странѣ, гдѣ полотно на рубашки оставалось еще предметомъ роскоши, и преимущества, дарованныя m-me Терезѣ, искусной кружевницѣ изъ Брюсселя, не оправдывались съ точки зрѣнія тѣхъ болѣе мудрыхъ принциповъ, которые Петръ Великій пытался осуществить, поощряя прежде всего производство предметовъ первой необходимости. Но гений не сообщается по наслѣдству, и было бы несправедливо слишкомъ строго осуждать наслѣдниковъ великаго государя за эти ошибки въ оцѣнкѣ явленій, совершаемыя и донынѣ самыми свѣтлыми умами.

Идя ощупью и наугадъ по совершенно еще неизвѣстному пути, Елизавета и ея сотрудники пришли къ противорѣчію, состоявшему въ томъ, что они начали бороться съ развитіемъ нѣкоторыхъ видовъ роскоши, вызванныхъ къ жизни ими же самими. Россія была въ то время страной, гдѣ большинство предметовъ общаго употребленія было дешево, а предметы роскоши весьма дороги. Мы уже видѣли, какова была цѣна свѣжаго мяса. Въ 1753 г. въ Москвѣ пудъ ржаного хлѣба стоитъ 26 коп., пудъ пшеницы 64 коп., пудъ масла 2 р. 14 к., пудъ солонины 12 коп. Люди, не владѣвшіе крѣпостными, платили прислугѣ 3 р. въ годъ¹.

Это составляло средній балансъ экономической жизни.

Вкусы были просты, и потребности ограничены.

Но въ аристократической средѣ уже начинали пить шампанское и бутылка его стоила 1 р. 30 к.; чай, вошедшій въ послѣдствіи во всеобщее употребленіе, составлялъ также предметъ роскоши: фунтъ его продавался за 2 р., а пудъ сахара за 2 р. 50 к.² Но для высшихъ классовъ и въ особенности для придворныхъ особенно разорительной являлась одежда. Съ введеніемъ французскихъ модъ и парижскихъ предметовъ роскоши, эти расходы стали непосильными для большинства. Въ силу этого, съ декабря 1742 г. пришлось возстановить и даже значительно расширить законы противъ роскоши, изданныя еще при Аннѣ I. Императорскимъ указомъ была ограничена цѣна шелковыхъ матерій. Для четырехъ первыхъ классовъ она не

¹ Марковичъ, «Записки», II, 305, 306, 308, 319.

² Соловьевъ, loc. cit., т. XXIII, стр. 193.

должна была превышать 4 руб. за аршинъ. Три слѣдующихъ класса должны были довольствоваться матеріями въ 3 р. за аршинъ. Остальнымъ классамъ предписывалось носить «грезеты» въ 2 р. Людямъ, не имѣвшимъ чина, совершенно запрещалось носить шелкъ и бархатъ; относительно же кружевъ была установлена монополія только для первыхъ пяти классовъ, и то кружева должны были имѣть не болѣе четырехъ пальцевъ ширины. Точно также запрещено было носить золото и серебро въ галунахъ на ливреяхъ; исключеніе было сдѣлано только для военныхъ и иностранцевъ. Въ особыхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, на придворныхъ торжествахъ, допускались матеріи, тканья золотомъ и серебромъ, но исключительно для первыхъ четырехъ классовъ (указъ 16 марта 1745 г.). Позволено было однако донашивать старыя одежды изъ запрещенныхъ тканей, но во избѣжаніе злоупотребленій рѣшено было снабжать ихъ клеймомъ¹. Кромѣ того запрещено было ѣздить четверней; исключеніе было сдѣлано для иностранныхъ дипломатовъ и землевладѣльцевъ, отправлявшихся въ свои помѣстья; всѣмъ безъ изъятія запрещено было затягивать дома и экипажи черной матеріи по случаю траура. Русскимъ мануфактурамъ приказано было сократить производство золотыхъ и серебряныхъ тканей, а ввозъ матерій, превышавшихъ въ цѣнѣ 7 р. за аршинъ, былъ вовсе отмѣненъ. Но въ данномъ случаѣ Елизавета раскаялась въ отданномъ ею приказѣ. Ея щегольство отъ того пострадало, портнихи ея подняли плачь, и вскорѣ мѣра эта была отмѣнена. Негоціанты, ввозившіе дорогія матеріи, получили лишь приказаніе сообщать объ этомъ начальнику императорскаго гардероба, дабы императрица могла выбрать для себя лучшія изъ нихъ. Но петербургскія модницы отыгрывались на блондахъ и на другихъ дорогихъ и изящныхъ отдѣлкахъ. Поэтому въ 1761 г. наложенъ былъ запретъ на блонды иностраннаго происхожденія.

Прямимъ послѣдствіемъ этого похода на роскошь явилось значительное развитіе контрабанды. Это отозвалось на промышленности и торговлѣ; но онѣ страдали главнымъ образомъ отъ двухъ причинъ совершенно другого порядка,—одной соціальной, другой — политической. Соціальная причина, существующая и понынѣ, заключалась въ недостаткѣ рабочихъ рукъ.

---

¹ Полное собраніе законовъ, 8630. Вейдемсферъ, «Царствованіе Елизаветы Петровны», 1834, стр. 139.

Исторія разработки соляныхъ копей представляетъ тому любопытный примѣръ. Въ 1745 г. правительство предложило Строгановымъ безграничный кредитъ на добываніе и поставку необходимаго для потребленія количества соли. Тѣ отвѣтили: намъ денегъ не нужно; дайте намъ рабочія руки и пути сообщенія. Правительство настаивало на кредитѣ; могущественные промышленники отвѣчали упорнымъ отказомъ: ни за какія деньги они не соглашались принять на себя эту поставку. Пришлось прибѣгнуть къ мѣрамъ, бывшимъ въ употребленіи въ старомъ Московскомъ государствѣ, и генералъ Юшковъ взялся за дѣло *maître militaire*. Но результаты оказались не особенно блестящими, и въ 1746 г. указомъ повелѣно было *заставить* Строгановыхъ и ихъ соперника Демидова снабжать солью петербургскіе и московскіе склады¹. Этотъ недостатокъ рабочихъ рукъ стоялъ въ связи съ явленіемъ, на которомъ маѣ придется остановиться,—съ массовымъ переселеніемъ крестьянъ, спасавшихся отъ притѣсненій и униженій крѣпостного права.

Политическая причина крылась въ чрезмѣрномъ развитіи монополій и привилегій, исторія которыхъ, уже затронутая мною, почти сливается съ исторіей Петра Шувалова. Въ 1742 г. у барона Шенберга были отняты большіе заводы, предоставленные ему привилегіей при Петрѣ I, такъ какъ, управляя ими, онъ совершалъ всевозможныя злоупотребленія, но ихъ отдали Шувалову, слышшему за человѣка, способнаго произвести ихъ еще больше. Въ 1748 г. всемогущій родственникъ временщика оттягалъ для себя, для своей жены и для своихъ наслѣдниковъ эксплуатацію соляныхъ копей въ Архангельскѣ и Колѣ. Въ 1750 г. бѣломорская коммерческая компанія была освобождена отъ уплаты какихъ бы то ни было налоговъ, а компанія эта была имѣла во главѣ Петра Шувалова. Въ томъ же году онъ всецѣло захватилъ въ свои руки торговлю зерномъ, трескою и кожей.

При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что большинство мѣръ, относившихся къ торговлѣ и промышленности въ царствованіе Елизаветы, диктовались соображеніями не столь общественнаго, сколь частнаго характера, и стояли въ связи съ частными интересами, а интересы эти обыкновенно являлись интересами Петра Шувалова. Такъ, убѣдившись въ превосходствѣ частной промышленности надъ казенной—въ дѣлѣ про-

¹ Соловьевъ, *loc. cit.*, т. XXII, стр. 31, 33.

изводства мѣди,—правительство рѣшило въ 1743 г. болѣе не открывать въ Оренбургской губерніи заводовъ этой категоріи. Годъ и нѣсколько мѣсяцевъ спустя наступилъ полный поворотъ: приказано было увеличить число казенныхъ заводовъ. Почему же? Потому что подъ предсѣдательствомъ Шувалова была образована комиссія для переплавки мѣдныхъ монетъ. Эта операція обѣщала доставить крупные барыши предсѣдателю, и для осуществленія ихъ онъ предпочиталъ имѣть дѣло съ казною, а не съ частными лицами.

Мнѣ пришлось, однако, отмѣтить и услуги, оказанныя обществу этимъ универсальнымъ дѣльцомъ, захватившимъ въ свои руки частную и общественную собственность во всѣхъ ея видахъ. Чрезвычайно цѣнной мѣрой было упраздненіе внутреннихъ таможенъ и заставъ. До этого преобразованія, крестьянинъ, доставившій въ Москву возъ дровъ, считалъ себя счастливымъ, если привозилъ домой половину продажной цѣны,—15—20 копѣекъ—за вычетомъ всѣхъ подорожныхъ поборовъ: за наемъ экипажа, за переѣздъ черезъ мостъ, за постой и т. п. Нерѣдко, при пріѣздѣ въ городъ съ пустыми руками, ему приходилось оставлять у заставы свою шапку, рукавицы или поясъ и впоследствии ихъ выкупать. Нѣкоторые изъ этихъ налоговъ равнялись лишь полушкѣ; но въ виду того, что размѣнные монеты были рѣдки, сборщикъ бралъ обыкновенно цѣлое за дробь. Доходы съ этихъ пошлинъ не достигали и милліона рублей, равняясь 903,537 р. въ 1753 г., когда была произведена реформа. Послѣ того, какъ увеличили на 10⁰/₀ ввозныя и вывозныя пошлины для внѣшней торговли, потеря эта была возмѣщена¹; указомъ 18 декабря 1753 г.² было упразднено семнадцать внутреннихъ мелочныхъ сборовъ, что принесло большое облегченіе экономической жизни страны и сослужило огромную службу дѣлу національнаго объединенія.

Однако внутренняя торговля шла довольно вяло. Мѣры, принятыя для возбужденія ея дѣятельности, не были особенно удачны, какъ, наприм., запрещеніе въ 1755 г. вывоза льна, спирта, мѣди и сала. Государство продолжало считать своимъ правомъ и обязанностью направлять ее въ ту или другую сторону. Хлѣбная торговля точно также подвергалась довольно часто

¹ Соловьевъ, loc. cit., т. XXIII, стр. 210.

² Полное Собр. Зак. 10164.

дѣйствию временныхъ запретовъ или ограниченій, обусловленныхъ плохимъ урожаемъ или какой-нибудь смѣлой спекуляціей. То, въ неурожайные годы, производилась ревизія наличнаго хлѣба, и землевладѣльцевъ заставляли продавать его подѣ военнымъ контролемъ, то продажа хлѣба ограничивалась въ цѣляхъ пополненія запасовъ.

По другимъ причинамъ, внѣшняя торговля въ свою очередь не приняла того національнаго характера, который пытались ей придать. Она сосредоточилась въ рукахъ иностранцевъ.

Золотая табакерка, украшенная брилліантами.

(Императорскій Эрмитажъ).

«Генеральное межеваніе огромной имперіи, этотъ колоссальный трудъ, предпринятый по инициативѣ Шувалова, пострадало вслѣдствіе войны и обусловленныхъ ею финансовыхъ затрудненій. Въ 1761 г. Сенатъ приказалъ закончить работы въ Московской губерніи, въ Новгородскомъ, Велико-Устюжскомъ и Вятскомъ уѣздахъ, и прекратить ихъ въ другихъ мѣстахъ, за неимѣніемъ денегъ.

Скудости казны соответствовалъ недостатокъ общественнаго кредита, что точно также входило въ число причинъ, парализовавшихъ развитіе богатства страны во всѣхъ направленіяхъ. Здѣсь правительство стояло лицомъ къ лицу съ трудной задачей, и разрѣшеніе ея, само по себѣ правильное, потерпѣло, къ несчастію, неудачу, вслѣдствіе неумѣлаго осуществленія его на дѣлѣ. Уже Анна Іоанновна учредила на Монетномъ дворѣ ссудную кассу для всего общества безъ различія классовъ. Но операціи ея были ничтожны. Брала 8⁰/₀, и ссуда производилась лишь подѣ залогъ золота или серебра. Въ 1753 г. Елизавета указомъ повелѣла учредить два банка сразу: одинъ банкъ для купцовъ съ капиталомъ въ 500,000 р. и другой—для дворянства съ капиталомъ въ 750,000 р. Проценты были понижены до 6¹.

¹ Полное Собр. Зак. 10235.

Несмотря на это, дѣла торговаго банка шли сначала вяло; онъ требовалъ залога въ видѣ товара. Лишь къ концу слѣдующаго года, послѣ упраздненія этого пункта, по просьбѣ заинтересованныхъ сторонъ, общая сумма ссудъ повысилась до 200,000 р. въ Дворянскомъ банкѣ, а ссуды, обезпеченныя залоговыми на земли, ограничены были 50 р. за каждую заложенную душу и 1,000 рублями на cadaго заемщика. Несмотря на эти крайнія мѣры предосторожности, случаи несостоятельности были многочисленны. Все возрастающее оскудѣніе дворянства шло рука объ руку съ чрезмѣрнымъ измельчаніемъ поземельныхъ имуществъ. Отмѣчу случай съ однимъ заемщикомъ, кредитъ котораго, оцѣненный въ 250 р., превосходилъ установленные размѣры ссуды сообразно съ цѣнностью залога¹. Благополучіе дворянства подтачивалось чрезмѣрными расходами и привычкой къ всевозможнымъ непроизводительнымъ тратамъ; и примѣръ въ этомъ направленіи шель, увы! сверху.

VI.

Финансы.

Въ началѣ царствованія Елизаветы одинъ солдатъ, рисуя въ образныхъ выраженіяхъ совершенно противоположныя Елизаветѣ привычки Петра Великаго, сказалъ при свидѣтеляхъ, что царь «изъ-за копѣйки давливался». Его отправили въ тайную канцелярію, гдѣ не нашлось никого, кто понялъ бы всю цѣнность этого отзыва². Дочь великаго царя впала въ этомъ отношеніи въ другую крайность. Въ память своего радостнаго воцаренія она сложила по гривеннику съ подушной подати за 1742 и 1743 г., но въ то же время осыпала щедротами своихъ приближенныхъ и затмила своихъ предшественниковъ пышностью и великолѣпіемъ, которыми окружила свой тронъ. Такимъ образомъ, съ первыхъ же шаговъ было нарушено финансовое равновѣсіе страны, державшееся до той поры лишь съ величайшимъ трудомъ, и появилась надобность прибѣгать къ унижительнымъ мѣропріятіямъ, которыхъ не удалось избѣгнуть, впрочемъ, и Петру Великому. Удержаніе жалованья, замѣна звонкой монеты при уплатѣ всевозможныхъ долговъ различ-

¹ Полное Собр. Зак. 10513, 10713.

² Соловьевъ, *loc. cit.*, т. XXI, стр. 180.

нымъ товаромъ казеннаго производства, произвольное поднятіе цѣнъ на взятые въ монополію продукты, какъ на соль и на спиртъ—всѣ эти мѣры были использованы безъ особаго успѣха. Въ 1750 г. Сенатъ доложилъ императрицѣ, что средній доходъ предшествовавшихъ пяти лѣтъ (за исключеніемъ подушныхъ податей и нѣкоторыхъ спеціальныхъ бюджетовъ) равнялся 3.965,155 рублямъ, а расходы достигали въ среднемъ 4,453,007 рублей; получался постоянный дефицитъ, грозя увеличиваться съ каждымъ годомъ. Къ тому же въ память села Измаилова, гдѣ Елизавета провела свои молодые годы, она образовала новый гвардейскій Измайловскій полкъ. Это былъ блестящій полкъ, но онъ стоилъ 173,573 рубля въ годъ. Сумма эта черпалась изъ доходовъ Сибирской канцеляріи, но эта канцелярія не располагала ни одной свободной копѣйкой. Прежде выходили изъ затрудненій, занимая деньги на Монетномъ дворѣ, но Петръ Шуваловъ, послѣ управленія имъ, не оставилъ послѣ себя ничего ¹.

Иностранные дипломаты наперерывъ другъ передъ другомъ отмѣчали эту нужду, тревожась или радуясь ей. Мардефельдъ писалъ въ концѣ 1742 г.: «Казна пуста. Офицерамъ ужъ десять мѣсяцевъ не платятъ жалованья. Адмиралтейству необходимы 50,000 р., а у него нѣтъ ни гроша» ². На слѣдующій годъ онъ посмѣивался надъ исторіей съ моднымъ торговцемъ, съ величайшимъ трудомъ добившимся уплаты 400 р. за поставленный имъ ея величеству товаръ. Увидѣвъ его въ своей передней, императрица думала, что онъ принесъ ей еще какія-нибудь новинки. Но, вмѣсто ожидаемыхъ перьевъ или кружевъ, онъ представилъ Елизаветѣ счетъ, а начальникъ гардероба Чоглоковъ объявилъ, что его касса пуста. Тогда Елизавета удалилась въ свои покои и вскорѣ вернулась съ 400 р., случайно находившимися въ ея шкатулкѣ; она передала ихъ Чоглокову со словами: «Вы отдадите ихъ мнѣ черезъ мѣсяцъ на драгоцѣнности». Въ то же время, посланникъ Фридриха рассказывалъ о нетерпѣннн полковника Граппа, привезшаго императрицѣ прусскій орденъ Чернаго Орла; онъ не могъ добиться прощальной аудіенціи, потому что не было звонкой монеты для обычнаго въ такихъ случаяхъ подарка. Мардефельдъ сообщалъ и о выходкѣ толпы матросовъ, остановившихъ экипажъ ея величества въ пути на

¹ Протоколы Сената, 21 мая, 5 іюля 1750.

² Королю, 8 ноября 1742. Берлинскій архивъ.

богомолье и требовавшихъ отъ нея уплаты жалованья. Наконецъ, даже мундкохи ея величества находились въ большомъ затрудненіи. Часто не хватало пряностей, каперсовъ и оливокъ для императорскаго стола и вина подавались плохія. «Причина этого заключается въ плохомъ веденіи дѣлъ, пишетъ Мардефельдъ; содержаніе сорока пажей, не считая ихъ одежды, стоитъ 24,000 р. Губернеръ этихъ пажей взялся вести ихъ хозяйство на 6,000 р.; въ награду за свои добрыя намѣренія онъ былъ удаленъ»¹.

Положеніе ухудшалось и неудачными финансовыми приѣмами, гдѣ неразуміе управляемыхъ превосходило неумѣлость управителей. Мардефельдъ пишетъ въ 1746 г. «Одно достовѣрное лицо утверждаетъ, что несмотря на то, что съ 1712 г. на Монетномъ дворѣ было отчеканено 35 мил. р., въ настоящее время въ Россіи находится всего 3 мил. р.; это лицо приписываетъ это явленіе огромному количеству пятикопѣчныхъ мѣдныхъ монетъ, тайно ввезенныхъ въ страну... и отчасти привычекъ, свойственной большинству русскихъ, зарывать деньги въ землю»².

Отчетности казначейства, можно сказать, почти не существовало. Финансовая коллегія, въ качествѣ государственнаго контроля, добилаь лишь въ 1747 г. отчета въ доходахъ и расходахъ за 1742 г. и увидѣла, что между этимъ отчетомъ и краткимъ рапортомъ, представленнымъ въ Сенатъ въ 1743 г., существовало разногласіе во всѣхъ цифрахъ, создававшихъ по одному только пункту разницу въ 822,258 р. При существованіи спеціальныхъ бюджетовъ, къ которымъ приписывались и спеціальныя доходы, всеобщее оскудѣніе вызывало постоянную борьбу между различными вѣдомствами, оспаривавшими другъ у друга наличныя деньги. Каждое изъ нихъ старалось первое ихъ захватить, и въ этой борьбѣ были счастливы и обиженные, смотря по значенію, которое придавалось имъ въ данную минуту. Адмиралтейство, это любимое дѣтище Петра Великаго, отошло теперь на задній планъ. Въ виду того, что флотъ давно уже бездѣйствовалъ, правительство склонно было считать расходы на поддержку его излишними и равнодушнымъ окомъ смотрѣло на его развалъ, на обветшаніе судовъ и ежегодное таяніе экипажа.

¹ Королю, 6 и 13 апрѣля 1743 г., 6 апрѣля 1744 г., 12 марта 1746 г. Берлинскій архивъ.

² Королю, 15 іюня 1746 Ibid.

Кредиты, спеціально отпускавшіеся прежде на флотъ, шли теперь на пополненіе другихъ настоятельныхъ нуждъ. Но въ 1749 году сама военная коллегія задолжала казначейству болѣе 240,000 р.

Казначейство входило въ неоплатные долги и большею частью обращалось за помощью къ Монетному двору. Но въ 1752 г. и это учрежденіе, которымъ раньше завѣдывалъ Петръ Шуваловъ, было истощено: на Петербургскомъ Монетномъ дворѣ оставалось всего 180,473 р., а на Московскомъ—7,118 р. И то эти суммы подлежатъ въ отпускъ¹. Между тѣмъ Елизавета избрала какъ разъ эту минуту для проявленія своей щедрости, сложивъ со своихъ подданныхъ недоимки по подушнымъ податямъ, составившія съ 1727 г. сумму въ 2.534,008 р. Правда, шансы на полученіе этихъ денегъ были ничтожны; но манифестъ приписывалъ эту монаршую милость такому подъему благосостоянія страны, какого имперія еще никогда не видала. Можетъ быть, щедрая государыня сама и вѣрила этому. Штатсъ-контора продолжала погрязать въ долгахъ. Къ концу царствованія, въ 1761 г., цифра ея долговъ поднялась до 8.147,924 р. У нея спѣшно требовали 144,897 р. на придворные расходы; оно отвѣчало, что денегъ у него нѣтъ. Дворъ располагалъ еще спеціальными доходами,—милліономъ рублей, которые приносили соляныя копи. Но Соляная контора, бывшая кругомъ въ долгахъ, сама должна была въ то время дворцовому вѣдомству 2.115,043 р. Въ томъ же году казначейство доложило Сенату, что для самыхъ неотложныхъ платежей ему нужны 2.119,135 р., а вмѣстѣ съ недоимками 2.686,831 р. Одной арміи слѣдовало заплатить жалованье за прошлые годы въ размѣрѣ 301,000 р. Между тѣмъ наличныхъ денегъ было всего 50,162 р.²

Это являлось отчасти результатомъ войны, которая съ 1756 г., несмотря на субсидіи, данныя Австріей изъ французскихъ денегъ, налагала на страну бремя расходовъ, совершенно для нея непосильныхъ. Я уже отмѣтилъ, какимъ образомъ Россія, будучи третьестепеннымъ государствомъ въ мирное время по своему скудному бюджету, держалась все же въ первомъ ряду³. Въ 1746 г. Мардефельдъ разоблачилъ тайну этого особаго фи-

¹ Соловьевъ, loc. cit., т. XXIII, стр. 10, 135.

² Соловьевъ, loc. cit., т. XXIV, стр. 410.

³ «Петръ Великій», стр. 518.

нансового механизма: «Рекруты не стоятъ императрицѣ ни одной копѣйки, но они стоятъ очень дорого странѣ, и военная коллегія имѣетъ годовые доходы, специально предназначенные на содержаніе арміи. Перевозка багажа офицеровъ производится на ихъ счетъ, а перевозъ военныхъ припасовъ ложится большею частью на страну. Такимъ путемъ, правительству не трудно передвигать войска на собственной своей территоріи» ¹.

Но въ ту минуту приходилось вести войну въ чужой странѣ; между тѣмъ Елизавета ничуть не намѣревалась сократить ради войны свои удовольствія или свои привычки къ роскоши. Она торопила постройку новаго зимняго дворца; отправила въ Вѣну посла, которому на жалованье одной челяди нужно было 2,000 р. въ мѣсяцъ ², и заботилась о томъ, чтобы выдавали аккуратно содержаніе итальянской труппы въ Петербургѣ. На этотъ послѣдній предметъ въ 1758 г. Сенатъ специальнымъ указомъ повелѣлъ дворянскому банку немедленно внести 7,000 р., хотя подобное назначеніе фондовъ и не предвидѣлось уставомъ даннаго учрежденія. Однако фонды были тутъ, какъ и всюду, истощены и, опустошивъ всѣ свои кассы, банкъ набралъ лишь 3,000 р. ³.

Въ 1759 г., чтобы доставить 400,000 р. въ Кенигсбергъ, откуда генеральный комиссаріатъ дѣйствовавшей арміи требовалъ 600,000 р., прибѣгли къ переплавкѣ мѣдной монеты. Операция эта, придуманная Петромъ Шуваловымъ, отличалась хитроумной простотой: величина монетъ уменьшалась на половину, а цѣна ея увеличивалась то же вдвое, при чемъ Шуваловъ восторгался изяществомъ новыхъ монетъ, ставшихъ болѣе удобными. Несмотря на эту мѣру и на то, что пришлось заимствовать деньги изъ капиталовъ всѣхъ рѣшительно вѣдомствъ, не исключая и госпиталей, удалось собрать лишь 289,276 р. ⁴. Елизавета, сообщая о своихъ затрудненіяхъ Эстергази, весьма героически объявила ему, что готова продать половину своихъ платьевъ и брилліантовъ. Мы знаемъ, что, если бы даже она и привела въ исполненіе свое намѣреніе, у нея все-таки осталось бы во что одѣться. Въмѣсто того, чтобы прибѣгнуть къ этой крайности, она предпочла, однако, въ 1760 г. преступить еще одинъ принципъ своего

¹ Королю, 25 февраля. Берлинскій архивъ.

² Графа Чернышева, «Русскій Архивъ» 1869, стр. 1797.

³ Соловьевъ, *loc. cit.*, т. XIV, стр. 230.

⁴ Соловьевъ, *loc. cit.*, т. XXIV, стр. 286.

отца, разрѣшивъ устройство лотереи, что Петръ Великій считалъ безнравственнымъ. И мѣра эта не стала нравственнѣе отъ того, что лицъ, выигравшихъ первый тиражъ, заставили взять вновь билеты новаго выпуска ¹.

Война неизбѣжно подчеркивала основной недостатокъ равновѣсія между ролью, выпавшей на долю преобразованной Россіи въ силу новаго режима, и средствами, которыя она имѣла въ своемъ распоряженіи, чтобы поддерживать эту роль. Выдвигая себя и Россію на европейскую авансцену, Петръ по крайней мѣрѣ имѣлъ осторожность свести почти на нѣтъ собственные расходы на представительство. Онъ одѣвался, какъ рабочій, и жилъ въ избѣ. Елизавета же, вступивъ въ борьбу съ Фридрихомъ, желала соперничать и съ маркизой Помпадуръ. Отрицательные результаты доблестныхъ походовъ, приведшихъ русскія войска въ Берлинъ, должны быть приписаны столько же неопытности ея генераловъ и недостаткамъ военной организаціи, сколько и указаннымъ выше ошибкамъ въ поведеніи и сужденіяхъ Елизаветы и ея правительства.

VII.

Армія и флотъ.

Родившись подъ Полтавой, военный престижъ Россіи все возрасталъ въ первой половинѣ восемнадцатаго вѣка, благодаря побѣдамъ Миниха и пассивному, но тѣмъ не менѣе грозному появленію арміи Анны и Елизаветы въ сердцѣ Германіи. Фридриха долго одолѣвалъ почти суевѣрный страхъ передъ этой силой; онъ неясно различалъ составныя ея части; она не поддавалась вслѣдствіе этого его расчетамъ и отнимала у него охоту съ ней помѣряться. Но рапорты многочисленныхъ агентовъ, доставлявшихъ ему свѣдѣнія о русской арміи, въ концѣ концовъ побѣдили это чувство, и въ своемъ сужденіи о ней король вдался въ противоположную крайность, что было одной изъ величайшихъ и наиболѣе дорого оплаченныхъ ошибокъ его жизни. Въ особенности способствовалъ этому Мардефельдъ. Фридрихъ отно-

---

¹ Къ депешѣ Бретейля отъ 11 іюля 1760 г. приложенъ печатный проспектъ этой лотереи, для которой были учреждены конторы даже въ завоеванномъ краѣ, въ Кенигсбергѣ. Первый выпускъ имѣлъ 50,000 билетовъ, по 11 р. за каждый. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

сился съ большимъ уваженіемъ къ сужденіямъ этого дипломата, который въ общемъ оправдывалъ довѣріе своего повелителя. Еще въ 1746 г. Мардефельдъ объявилъ, что совершенно отказывается отъ высокаго мнѣнія о русской мощи, котораго онъ держался «по традиціи», «вполнѣ убѣдившись,—пишетъ онъ,—въ томъ, что при полномъ комплектѣ всѣхъ полковъ, силы имперіи, включая и гарнизонные полки, не достигаютъ и 130,000 человѣкъ регулярныхъ войскъ».

Въ извѣстномъ смыслѣ онъ былъ хорошо освѣдомленъ. Въ день смерти Елизаветы официальное число сухопутныхъ силъ, оставленныхъ императрицей своему наслѣднику, равнялось 606,178 человѣкамъ¹. Но помимо того, что треть ея составляли «иррегулярные» казаки и калмыки (261,172 чел.), этой арміи свойственна была одна черта, столь общая той эпохѣ, что для нея создалось даже особое выраженіе въ административной перепискѣ того времени. Часть этой арміи существовала лишь *на бумагѣ*. Въ дѣйствительности, наличный составъ русскихъ войскъ, представшихъ передъ Фридрихомъ въ ту минуту, когда онъ, къ своему несчастью, бросилъ вызовъ «сѣвернымъ медвѣдямъ», какъ онъ называлъ своихъ враговъ, казавшихся ему сперва грозными, а затѣмъ презираемыхъ имъ, никогда не превышалъ 70,000 человѣкъ. Но, собирая точныя свѣдѣнія относительно численности и даже достоинства этого военного аппарата, Мардефельдъ упустилъ изъ виду одинъ элементъ, не подмѣченный, впрочемъ, ни однимъ изъ его современниковъ до Цорндорфскаго и Кунерсдорфскаго сраженій. Онъ умѣлъ лишь считать батальоны, оцѣнивать дальнобойность пушекъ и ружей, обмундировку, и съ этой точки зрѣнія пришелъ путемъ сравненія къ весьма выгоднымъ для Фридриха заключеніямъ. Елизаветинскіе солдаты и генералы, по видимому, не обѣщали доставить много хлопотъ Розбахскимъ побѣдителямъ. Съ виду крѣпкіе, но плохо питаемые, солдаты, даже по мнѣнію австрійскаго военного агента, Сентъ-Андре, не должны были отличаться особой силой. Генераламъ неизвѣстны были «употребленіе и польза провіантскихъ обозовъ и походныхъ кухонь; они не имѣли не малѣйшаго представленія о военныхъ складахъ, полиціи арміи, о дисциплинѣ ея... и вообще о всемъ томъ, что составляетъ разницу между цивилизованными націями и тѣми, что находятся еще во власти варварскихъ принциповъ

¹ «Verzeichniss der Russisch-Kaiserlichen Landmacht». Hamburg. 1769.

и ослѣпленія»¹. Но достаточно было опыта нѣсколькихъ сраженій, чтобы исправить эти данныя, сами по себѣ вѣрныя, но неполныя. Апраксинъ и другіе русскіе генералы позволили Фридриху обойти себя, но, находясь въ положеніи отчаянномъ, по мнѣнію великаго полководца, они не обнаруживали ни малѣйшаго волненія и, повергая въ недоумѣніе тѣхъ, кто думалъ держать ихъ въ рукахъ, сумѣли побѣдить пруссаковъ своей стойкостью. Солдаты Фермора и Салтыкова ложились тысячами подъ огнемъ прусскихъ мушкетеровъ; но, и падая на-земь, они все еще дрались до послѣдняго издыханія. Тогда-то и обнаружилась передъ всѣмъ міромъ русская душа, производя на него впечатлѣніе чего-то дикаго и непонятнаго, но обладающаго безконечною силою сопротивленія.

Съ другой стороны, дипломатическія сношенія между Россіей и Пруссіей были ужъ нѣсколько лѣтъ прерваны, и рапорты Мардефельда и другихъ агентовъ Фридриха уже устарѣли. Они соотвѣтствовали положенію вещей, вполнѣдствіи значительно измѣнившемуся, въ особенности начиная съ 1755 г. До той поры военная организація Россіи оставалась почти такою же, какою она была при Минихѣ. Съ 1741 по 1745 г. армія была увеличена основаніемъ Кавалергардскаго и Измайловскаго полковъ, а въ 1750 г. образованіемъ въ Астрахани кавалерійскаго полка, сформированнаго изъ сыновей туземцевъ, обращенныхъ въ православную вѣру. Въ 1758 г. личный составъ арміи былъ усиленъ за вербованіемъ множества лицъ, занимавшихся бродяжничествомъ, въ силу соціальныхъ и экономическихъ условій жизни. Армія отъ этого не теряла первобытнаго и хаотичнаго вида, столь неблагоприятно выяснившагося еще при Аннѣ Іоанновнѣ. Одѣтые на французскій ладъ, выправленные на нѣмецкій, солдаты Елизаветы казались способными, въ особенности подъ предводительствомъ такого военачальника, каковъ былъ пылкій побѣдитель подъ Ставучанами, лишь побѣдоносно выдержать натиски татарскихъ или турецкихъ ордъ. Но въ 1755 г. предприимчивый умъ Шувалова затѣялъ цѣлый рядъ преобразованій, вызвавшихъ въ нѣкоторыхъ частяхъ этой организаціи глубокія перемѣны.

Главнымъ образомъ была преобразована артиллерія. Шуваловъ создалъ отдѣльный артиллерійскій корпусъ, придавъ больше лег-

---

¹ Рапортъ отъ ноября 1757 г., сообщенный французскому правительству. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ, Россія, т. XIV, фол. 324.

Продавец гречневой крупы, привезенной Ладожским каналом,
въ Елизаветинское время.

Съ офорта Купецкаго.

кости пушкамъ и лафетамъ, ввелъ въ большемъ количествѣ употребленіе разрывныхъ снарядовъ, увеличилъ силу и дальность орудій, вслѣдствіе чего въ кампаніяхъ 1758—1761 г. превосходство русской артиллеріи дало себя почувствовать на всѣхъ поляхъ сраженія. вмѣстѣ съ тѣмъ впервые въ русской арміи появился отдѣльный и сильный инженерный корпусъ и вмѣстѣ съ нимъ во всю массу этого мощнаго, но коснаго тѣла проникъ научный духъ, дѣлая его болѣе гибкимъ и принаравливая его къ требованіямъ современной войны. Въ 1757 г. были измѣнены даже основы рекрутскаго набора. Наборъ главнымъ образомъ ложился на десять великорусскихъ губерній, освобождая отъ налога крови другія области имперіи, т. е. — Прибалтійскій край, Малороссію, всѣ земли по Яику, Волгѣ и Дону съ ихъ пестрымъ германо-финскимъ, русско-польскимъ или финно-русскимъ населеніемъ. Не отказываясь отъ системы, сосредоточивавшей для образованія воинской силы напряженіе страны, главнымъ образомъ, въ ея центрѣ, эту систему лишь примѣнили въ болѣе широкомъ масштабѣ. Десять губерній были раздѣлены на пять округовъ, и каждый изъ нихъ долженъ былъ поочередно пополнять сухопутное войско, тогда какъ флотскіе экипажи набирались изъ населенія Астраханской губерніи и Вологодскаго, Устюжскаго и Галичскаго уѣздовъ.

Все это не дѣлало еще изъ преобразованной такимъ путемъ арміи войска, поставленнаго съ технической точки зрѣнія на европейскую ногу и идущаго рука объ руку съ его западными соперниками. Но, въ отличіе отъ этихъ соперниковъ, въ особенности отъ прусскаго войска, пополнявшагося посредствомъ набѣговъ на Польшу и Саксонію и оказывавшаго широкое гостепрѣимство дезертирамъ и всевозможнаго рода авантюристамъ, дѣлавшимъ ея мундиръ «арлекинскимъ нарядомъ», согласно выраженію Мишле, эта армія была по существу своему *національной*. Не было вербовки, почти не было добровольцевъ, въ особенности въ строю, а былъ лишь налогъ крови, распредѣленный на землевладѣльцевъ и уплачиваемый ими — крѣпостными людьми. Будучи обязанъ поставить одного солдата на извѣстное количество душъ — причемъ соотношеніе это по временамъ измѣнялось — помѣщикъ распоряжался крестьянами по своему усмотрѣнію. Ему также предоставлено было право сдавать въ рекруты, въ видѣ наказанія, бѣглыхъ крестьянъ, которыхъ ему удавалось словить. Это сочетаніе солдатчины съ представленіемъ о карѣ удержалось въ тра-

диціяхъ страны, составляя и до сей поры одну изъ самыхъ непривлекательныхъ ея чертъ. Но благодаря духу русскаго народа, оно не давало тѣхъ деморализующихъ послѣдствій, которыя могло бы имѣть въ другихъ странахъ.

Ни въ малѣйшей степени и ни въ какой формѣ *кара* эта не считалась униженіемъ сама по себѣ. Данная система вводила въ ряды войскъ много негодныхъ элементовъ; но она тѣмъ не менѣе создавала въ общемъ матеріально мощное цѣлое, нравственно весьма податливое, съ желѣзнымъ тѣломъ, и терпѣливой, смиренной и вмѣстѣ съ тѣмъ по-своему гордой душой. Позади офицера, прогонявшаго ея сквозь строй за малѣйшую провинность, солдатъ видѣлъ священника, причащавшаго его наканунѣ сраженія или приступа и «обносившаго по фронту арміи среди пѣнія псалмовъ и клубовъ оміама, хоругви, кресты и чудотворныя иконы»¹. Но поверхъ офицера и священника, страха и набожности, у него было еще нѣчто, что удерживало его въ предѣлахъ его долга и заставляло его исполнять его и идти на смерть—то была мысль о Россіи и любовь къ ней. Это не была та совокупность понятій, нѣжности и гордости, что въ высшихъ умахъ и сердцахъ соотвѣтствуетъ слову родина, но нѣчто довольно близко къ ней подходящее. Смиранный мужикъ, оторванный отъ сохи, прекрасно понималъ, чѣмъ былъ онъ, стоя подъ знаменами, и чѣмъ были подъ знаменами «лютаго короля»—такъ звалъ онъ его въ своихъ пѣсняхъ—«наемныя, плѣнныя войска» Фридриха. За отсутствіемъ болѣе сложныхъ понятій, болѣе благороднаго волненія, подвигающаго на высшія жертвы современныя толпы сражающихся, онъ хранилъ въ душѣ, вмѣстѣ со смиреніемъ и вѣрою, гордость русскаго имени и культъ своего царя. И это дѣлало изъ этихъ крестьянъ грозныхъ враговъ, не умѣвшихъ маневрировать, но противъ которыхъ «лютый король» тщетно истощилъ все свое искусство.

Одинъ великій русскій писатель недавно надменно провозгласилъ всю тщету этого искусства, не вызвавъ протестовъ въ своей странѣ и побѣдоносно противопоставивъ апатичную безпечность Кутузова пылкому гению Наполеона. Это чувство безпечности свойственно было вообще всѣмъ великимъ русскимъ полководцамъ. Въ концѣ XVIII столѣтія самъ Суворовъ пожелалъ и себя показать проникнутымъ имъ: работая совмѣстно съ австрій-

¹ Rambaud, «Russes et Prussiens», стр. 33.

скими генералами, онъ являлся на военные совѣты съ листомъ бѣлой бумаги въ рукахъ, говоря: «Вотъ мой планъ». Подобныя понятія, повидимому, сказываются и теперь въ высшихъ сферахъ русскаго главнаго штаба, судя по сочиненію, упомянутому мною въ предисловіи къ настоящему труду, гдѣ выставляется, какъ заслуга, равнодушіе Салтыкова и Фермора передъ хитроумными маневрами Фридриха. Не вдаваясь, за отсутствіемъ достаточной компетенціи, въ обсужденіе цѣнности этой теоріи, я укажу лишь, что на практикѣ, можетъ быть, въ силу благоприятныхъ обстоятельствъ, каковы были матеріальное превосходство численности и нравственное превосходство темперамента, она, повидимому, оправдалась въ томъ страшномъ испытаніи, которое пережила Россія въ царствованіе Елизаветы.

Во всякомъ случаѣ на сухопутной аренѣ, наслѣдіе военной мощи и славы, созданное Петромъ Великимъ, не умалилось въ рукахъ его дочери.

На морѣ итогъ ея царствованія совершенно иной. Екатерина I и Анна I ужъ нанесли ущербъ этой части національнаго наслѣдія, завоеванной цѣною столь напряженныхъ усилій и борьбы съ враждебными элементами климата, географическаго и политическаго положенія страны. Въ началѣ царствованія Елизаветы русскій флотъ, численно превосходившій шведскій, сумѣлъ подъ командой адмирала Мишукова лишь уклониться отъ боя, причемъ и враги его не обнаружили особеннаго стремленія его завязать¹. Однако въ 1743 г. встрѣча обѣихъ флотилій галеръ не могла быть избѣгнута, и преимущество осталось за русскимъ флагомъ. Но онъ прикрывалъ на этотъ разъ главнымъ образомъ посаженныхъ на суда подъ командой Кейта сухопутныя войска. Для флота нужны были моряки, а страна ихъ не производила, и изъ-за границы ихъ изъ принципа не выписывали; вслѣдствіе этого адмиралъ Головинъ, замѣнившій Мишукова, не превзошелъ въ подвигахъ своего предшественника. Затѣмъ наступили четырнадцать лѣтъ мира, въ теченіе которыхъ были сокращены даже ежегодные маневры эскадръ. Недоставало офицеровъ; вскорѣ обнаружилась и недохватка въ судахъ. «Флотъ, вооруженный въ Ревелѣ, — писалъ д'Аллионъ въ іюлѣ 1746 г. — состоитъ изъ девятнадцати линейныхъ кораблей, имѣющихъ отъ шестидесяти до ста пушекъ, шести фрегатовъ и одного госпитальнаго

¹ Р. Веселаго, «Краткая исторія русскаго флота», 1893, стр. 100—101.

судна. Кромѣ того въ Ревелѣ стоятъ, какъ говорятъ, еще четыре военныхъ корабля, три фрегата и пятнадцать галеръ; но слѣдуетъ добавить, что половина этихъ кораблей не выдержала бы серьезнаго плаванія или сраженія». А Мардефельдъ пишетъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ: «Флотъ такъ плохъ, что на маневрахъ адмиралы не посмѣли изобразить передъ императрицей сраженіе въ обширномъ портѣ Рогервикѣ, а выбравъ лишь лучшія суда флота, по четыре съ каждой стороны, избрали для этого маленькій ревелъскій портъ». Три года спустя морскіе маневры были вовсе отмѣнены. Для вооруженія даже ограниченнаго количества судовъ, адмиралтейству понадобилось бы 400,000 р., между тѣмъ оно располагало лишь 10,000 рублей ¹.

Петръ I и послѣ него Минихъ доказали, что русскаго солдата можно вести на бой, не давая ему обуви и даже хлѣба. Но суда, — будь они русскіе или англійскіе, — не могутъ вступать въ бой безъ необходимаго снаряженія; потому-то, когда разразилась Семилѣтняя война, русскіе моряки, не получавшіе ни одежды, ни пищи, отказались соперничать въ подвигахъ съ сухопутными войсками. Флотъ крейсировалъ въ 1758 г. въ Балтійскомъ морѣ, какъ бы поджидая англичанъ, вовсе не намѣревавшихся туда идти. Затѣмъ ему поручено было произвести десантъ въ Кольбергъ; но изъ двадцати семи транспортовъ, одиннадцать погибли вмѣстѣ съ экипажемъ, а остальные, разсѣянные бурей, съ большимъ трудомъ добрались до мѣста отправки. Въ 1760 г. Мишуковъ сосредоточилъ подъ своей командой Кронштадтскую и Ревельскую эскадры, двадцать семь линейныхъ кораблей или фрегатъ и семнадцать транспортовъ. Онъ присоединилъ къ нимъ еще шведскую эскадру, состоявшую изъ девяти линейныхъ кораблей и отправился бомбардировать Кольбергъ, осажденный русскими войсками съ суши. Къ несчастью, это соединеніе столь грозныхъ морскихъ силъ внушало такъ мало довѣрія осаждающей арміи, что при появленіи пяти тысячъ пруссаковъ она отступила, и русско-шведской армадѣ пришлось лишь подбирать бѣглецовъ. Въ слѣдующемъ году Мишукова смѣнилъ адмиралъ Полянский, имѣвшій подъ своей командой Спиридова, будущаго чесменскаго героя. Несмотря, однако, на нѣсколько подвиговъ, совершенныхъ этимъ послѣднимъ и другимъ судовымъ капитаномъ, Ирецкимъ, флотъ все же ничего не сдѣлалъ подъ Коль-

¹ Соловьевъ, *loc. cit.*, т. XXIII, стр. 8—9.

бергомъ и предоставилъ сухопутному войску, подъ предводительствомъ Румянцова, честь взятія города ¹.

Судостроительныя верфи не оставались, однако, совершенно бездѣтельными въ это время. Находясь подъ руководствомъ двухъ англичанъ, архангельскія верфи спустили на воду тридцать шесть линейныхъ кораблей и двадцать восемь фрегатовъ, не считая галеръ и мелкихъ судовъ. Но качество ихъ не соответствовало количеству. Оба иностранныхъ судостроителя, Джемсъ и Сутерландъ, не для того отважились на опасности, которыя угрожали въ то время иностранцамъ въ Россіи, чтобы производить шедевры. Къ тому же недостаточность экипажа препятствовала достиженію серьезныхъ результатовъ въ этомъ направленіи. Въ низшихъ рядахъ личный составъ флота вербовался на половину изъ сухопутныхъ войскъ, не имѣвшихъ возможности поставлять опытныхъ моряковъ. Что же касается офицеровъ, то въ 1749 г. Адмиралтейство выставляло на видъ, что половина общаго числа ихъ, положеннаго по штату, отсутствуетъ, и напоминало при этомъ, что за послѣднія пять лѣтъ оно дѣлаетъ *девятое* представленіе по этому поводу. И это указаніе не имѣло, однако, бѣльшаго успѣха, чѣмъ остальные. Лишь въ 1752 г. Елизавета назначила нѣсколькихъ капитанъ-лейтенантовъ ².

Около того же времени закончилось прорытіе большого Кронштадтскаго канала, начатаго при Петрѣ I, а основаніе Морского кадетскаго корпуса составило событіе въ морскихъ лѣтописяхъ даннаго царствованія.

Нельзя возлагать всецѣло на Елизавету отвѣтственность за это унизительное паденіе флота. Какъ я ужъ указывалъ выше, затѣя Петра Великаго, насилуя природу и естественную судьбу преимущественно сухопутной имперіи, приняла парадоксальный характеръ, который не могъ удержаться долгое время.

Для преуспѣванія на другихъ болѣе нормальныхъ путяхъ развитія, гдѣ успѣхъ не всегда соответствовалъ вызваннымъ ею надеждамъ и обнаруженнымъ ею притязаніямъ, Елизаветѣ недоставало не однихъ только природныхъ дарованій. У нея въ особенности не хватало времени и сосредоточенія. Не желая вовсе ставить, совмѣстно съ другимъ чрезвычайно компетентнымъ историкомъ, «нерадѣніе» легкомысленной императрицы въ

¹ Веселаго, *Ibid.* I, 108—109.

² Веселаго, *Ibid.* I, 104 и слѣд.

связь съ зачатками современнаго русскаго нигилизма , я все же не могу не отмѣтить, что и она сама, и всѣ кругомъ нея веселились слишкомъ много, чтобы внимательно заниматься серьезными дѣлами. «Днемъ спать, а съ вечера до утра танцуютъ по указу», писалъ въ ноябрѣ 1754 г. саксонецъ Функъ. «Засѣданія Сената, работа въ коллегіяхъ, все приостановлено». Я уже сказалъ, что въ этомъ изобилии ночныхъ удовольствій крылась нѣкоторая доля серьезнаго умысла и предосторожности; но эта привычка увлекала лицъ, пользовавшихся ею, на скользкій путь, и ея удобство въ полицейскомъ смыслѣ вредило политикѣ Елизаветы.

Соединяя разгульный образъ жизни съ набожностью, Елизавета проявляла неослабныя заботы лишь о церковныхъ дѣлахъ и, какъ мы увидимъ ниже, ея рвеніе и въ этомъ смыслѣ не всегда было удачно примѣнено. Все, что творилось въ теченіе этого страннаго царствованія, и многое изъ того, что отмѣтило въ немъ ощутительный прогрессъ въ политической и экономической, соціальной и умственной исторіи государства, совершилось, главнымъ образомъ, благодаря самостоятельному теченію естественныхъ силъ, непосредственно излучаемыхъ народомъ, предназначеннымъ для великихъ судебъ, проявлявшимъ свою энергію и избиравшимъ свои пути внѣ всякой личной инициативы, управленія и контроля.

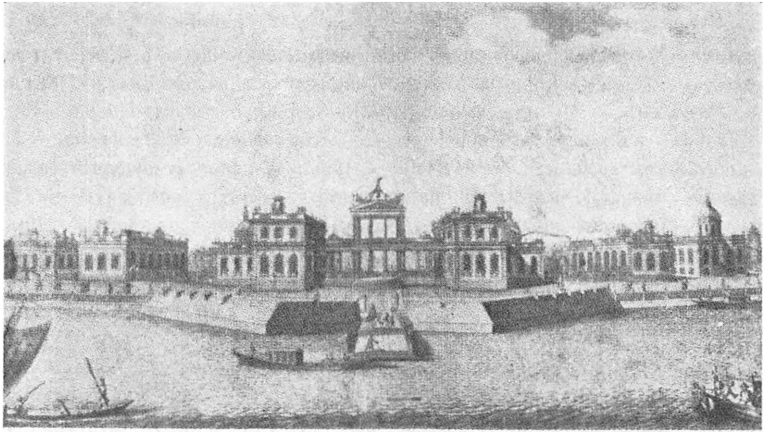

Баронесса Екатерина Ивановна Черкасова.

Силуэтъ Сидо.

(Императорскій Эрмитажъ).

¹ Herrmann, «Der russische Hof unter Kaiserin Elisabeth», «Hist. Taschenbuch», VI Folge, I Jahrgang, стр. 269.

Дачный дворъ на Каменномъ острову на Малой Невкѣ, близъ Петербурга, принадлежавшій ея сiятельству графинѣ Беслуговой-Рюминой.

Гравюра М. Махаева.

ГЛАВА VI.

I. Церковь. — Секуляризація монастырскаго имущества. — Временный разрывъ съ программой Петра I-го и частичное возвращеніе къ ней. — Рѣшительное отступленіе отъ нея съ точки зрѣнія духовной. — Войнствующее православіе. — Религіозная пропаганда и нетерпимость. — Расколъ. — Другія секты. — Преслѣдованія самосожженія. — Отрицательные результаты. — Политика Елизаветы по отношенію къ духовенству. — Ея развращающее вліяніе. — Скудость матеріальная и скудость духовная. — Распутство и безчинства. — Синодъ. — Церковь и религіозная жизнь. — II. Общественное движеніе. — Нравы. — Дворянство. — Перемѣна условій его быта. — Освободительная эволюція, уравнившая расширеніемъ крѣпостнаго права. — Бытъ крѣпостныхъ. — *Дворянъ*. — Крѣпостное право и законодательство. — Юридическая власть господъ. — Злоупотребленія. — *Салтычиха*. — Кровавая карьера. — 138 жертвъ. — Особенности крѣпостнаго права въ Россіи. — Причины ихъ. — Отсутствие патріархальнаго принципа. — Защитники и хулители этого строя. — Явленія, обнаруживающія его недостатки. — Постоянные побѣги и бунты закрѣпощенныхъ крестьянъ. — Неспособность мѣстнаго дворянства умѣрить недостатки этой системы. — Порочный составъ этого сословія и введеніе въ него развращающихъ элементовъ. — Недостаточность умственного развитія. — III. — Національное воспитаніе. — Отсутствие или недостаточность начальнаго и средняго образованія. — Кадетскій корпусъ. — Чужеземные воспитатели. — Французъ Лапи. — Замѣна нѣмецкаго вліянія французскимъ — Франкоманія. — Злоупотребленія ею. — Щеголи. — Юность Болотова и его настав-

ники. — Высшее образование. — Московская академія. — С.-Петербургская Академія Наукъ. — Борьба русскаго элемента съ нѣмецкимъ. — Нартовъ и Шумахеръ. — Научное безплодіе. — Начало болѣе плодотворной эпохи. — Миллеръ. — Начало научной прессы. — Образовательная реформа. — Московскій университетъ. — Гимназіи. — Причины, препятствовавшія независимому развитію въ этомъ направленіи. — Официальная наука. — Цензура. — Деспотическіе инстинкты. — IV. Литературное движеніе. — Ломоносовъ. — Его жизнь и труды. — V. Первые шаги въ искусствѣ. — Безвѣстное начало. — Убожество пластическихъ искусствъ. — Русскіе и иностранные художники. — Французскіе живописцы въ Россіи. — Токке. — Лагрене. — Ле-Лорренъ. — Театръ и хореографія. — Созданіе русскаго театра. — Провинція и столица. — Русская комедія въ Ярославлѣ. — Волковъ и его труппа. — Сумароковъ и его драмы. — Зачатки новой культуры. — Заключение.

I.

Религіозная жизнь.—Национальная церковь.

Французскій дипломатъ, имя котораго часто упоминается на предыдущихъ страницахъ, д'Аллионъ, писалъ въ 1746 году: «Императрица Елизавета, незадолго до моего возвращенія въ Россію, уже вернула духовенству всѣ отобранныя Петромъ Великимъ прежнія его владѣнія. Я замѣчаю, что и въ смыслѣ власти она позволяетъ ему мало-по-малу стать на прежнюю твердую почву. Дошло до того, что эта страна стала походить на страну инквизиціи»¹.

Здѣсь д'Аллионъ, довольно поверхностно коснулся двухъ вопросовъ различнаго порядка; дѣйствительно, Елизавета значительно и довольно глубоко видоизмѣнила нравственное и матеріальное положеніе національной церкви, но не совсѣмъ въ вышеуказанномъ направленіи. Если съ точки зрѣнія экономической и соціальной, она въ самомъ началѣ своего царствованія, подъ вліяніемъ внутренняго чувства, и склонна была разрушить дѣло секуляризаціи, начатое Петромъ Великимъ, то подъ давленіемъ внутренней и внѣшней необходимости она вынуждена была вскорѣ вернуться къ этому плану и ускорить его исполненіе. Преобразователь, какъ намъ извѣстно, отнялъ у монастырей управленіе ихъ обширными владѣніями, подчинивъ ихъ свѣтскому учрежденію, называвшемуся сперва «Монастырскимъ приказомъ», а впослѣдствіи «Коллегіей Экономіи», о которой я ужъ упоминалъ. Сосредоточенные этой администраціей доходы съ кон-

¹ Деша отъ 19/30 апрѣля 1746 г. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

фискованныхъ имуществъ должны были быть распредѣлены между монастырями соразмѣрно ихъ потребностямъ, съ оставленіемъ крупнаго остатка на основаніе и содержаніе свѣтскихъ благотворительныхъ учреждений. Революціонеры всѣхъ странъ ходятъ другъ на друга, а Петръ Великій былъ таковымъ. Вездѣ также преемниками ихъ являются люди, затрудняющіеся закончить начатое ими дѣло,—обыкновенно революціонеры оставляютъ послѣ себя только начала—вслѣдствіе чего эти преемники ограничиваются лишь палліативными мѣрами и даже иногда совершенно разрушаютъ ихъ дѣло. Вы знаете, какую роль сыграли монастыри въ жизни Елизаветы. Въ ихъ стѣнахъ она несомнѣнно провела лучшіе часы своей жизни. Въ окрестностяхъ Москвы особенно привлекала ее Троицко-Сергіевская Лавра. Въ Петербургѣ она старалась подыскать себѣ соотвѣтствующее мѣсто уединенія, учредивъ Смольный, затѣмъ Воскресенскій или Новодѣвичій монастырь. Легко себѣ вообразить, какъ осаждало ее монастырское населеніе, съ трудомъ переносившее свое новое положеніе; униженное и обѣднѣвшее, оно не пропускало случая жаловаться на тяжесть своей участи. Елизаветѣ, по характеру ея, трудно было устоять противъ этихъ жалобъ. Сначала она предоставила монастырямъ небольшія милости, на примѣръ уничтоженіе нѣкоторыхъ обязанностей, обремѣнявшихъ черное духовенство,—постой войскъ или сторожевую службу у городскихъ воротъ; Петръ, отнявъ доходы съ монастырскихъ имуществъ, не подумалъ о томъ, чтобы освободить монаховъ отъ этихъ обязанностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣйствуя на этотъ разъ наперекоръ духу реформы, дочь Преобразователя способствовала увеличенію церковныхъ имуществъ. Въ рукахъ ея новыхъ свѣтскихъ управленій церковныя вотчины не только процвѣтали, но и расширялись. Пренія дарственные въ пользу монастырей были утверждены, другія добавлены самой императрицей¹. Въ 1744 г. она сдѣлала еще шагъ въ этомъ направленіи, упразднивъ, какъ сказано выше, Коллегію Экономіи. Церковь сразу опять вступила въ прямое обладаніе своимъ имуществомъ, и притязанія гражданской власти на участіе въ ея доходахъ превратились изъ довольно призрачныхъ, каковыми они были, въ совершенно неосуществимыя. Открытіе

---

¹ Милютинъ. «О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи», 1862 стр. 541; Ф. Завьяловъ, «Вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ при Императрицѣ Екаторинѣ II», 1900, стр. 123.

убѣжищъ оставалось все еще только въ проектѣ; теперь оно сдѣлалось миѣическимъ. Подъ различными предлогами монастыри уже отказывали въ пріемѣ раненыхъ, довольно малочисленныхъ въ мирное время, отговариваясь неимѣніемъ специальныхъ помѣщеній приспособленныхъ для ихъ призрѣнія. Чувствуя теперь поддержку, монахи еще рѣшительнѣе захлопнули свои двери, хорошо защищенныя снисходительнымъ покровительствомъ набожной и разсѣянной государыни. Такимъ образомъ для той и другой стороны наступили счастливые дни.

Это благополучіе длилось до 1757 года.

Въ это время кровопролитная война неожиданно поставила передъ Елизаветой грозный вопросъ, разрѣшеніе котораго, подготовленное Петромъ Великомъ, до тѣхъ поръ не являлось настоятельной необходимостью: куда дѣвать раненыхъ, тысячами возвращавшихся изъ Пруссіи съ полей сраженія? Мы знаемъ, что происходило съ ними на московскихъ улицахъ. Война—самый грозный деспотъ, и самыя благочестивыя души должны подчасъ склоняться передъ ея законами. Она тоже по своему революціонна. Итакъ, въ 1757 г. новый указъ разрушилъ шаткое зданіе, гдѣ церковь въ теченіе тридцати лѣтъ укрывала свое вновь обрѣтенное счастье. Управление монастырскимъ имуществомъ сосредоточилось въ рукахъ Синода, но онъ долженъ былъ уступить часть своихъ полномочій гражданскимъ чиновникамъ, оставшимъ офицерамъ, удерживавшимъ изъ доходовъ часть, слѣдующую государству, и не поступавшую до сихъ поръ въ его распоряженіе. Излишекъ непомѣрно накопившагося въ монастыряхъ богатства, наконецъ, нашель себѣ примѣненіе, издавна предназначенное ему. Въ слѣдующемъ году въ Казани былъ учрежденъ первый инвалидный домъ, а въ 1760 г. убѣжища эти размножились въ Казанской, Воронежской и Нижегородской губерніяхъ.

Эти мѣры знаменовали собою совершенно опредѣленное возвращеніе къ программѣ Петра Великаго, и развитіе ея ужъ болѣе не встрѣчало препятствій на своемъ пути.

Съ точки зрѣнія духовной, набожность Елизаветы и ея благоволеніе къ духовенству точно также склоняли ее къ разрыву съ руководящими идеями ея отца, и, не встрѣчая здѣсь на своемъ пути преградъ, подобныхъ вышеописаннымъ, заставившимъ ее вернуться вспять, она могла быть въ этой области послѣдовательна до конца: не водворяя въ Россіи инквизиціи, никогда, впрочемъ, и не существовавшей въ ней, Елизавета создала совершенно

новый режим воинствующаго православія. Она развила и постепенно усилила всѣ его формы, не исключая самыхъ крайнихъ проявленій религіозной пропаганды, не останавливавшейся ни передъ какими средствами, и самой упорной и ожесточенной борьбы съ ересью. Знаменитая книга Яворскаго «Камень вѣры», нѣсколько разъ изъятая изъ обращенія, вслѣдствіе крайней ея нетерпимости, вновь вошла въ силу, а Синодъ приобрѣлъ полную свободу въ дѣлѣ преслѣдованія и конфискаціи другихъ произведеній религіозной полемики, написанныхъ въ болѣе либеральномъ духѣ, и въ запрещеніи ввоза въ Россію подобныхъ изданій, размножавшихся за-границей. Одновременно на границахъ государства обращеніе въ православіе мусульманскихъ или языческихъ народностей, татаръ, чувашей, черемисовъ, самоѣдовъ, придерживавшихся въ тѣхъ мѣстностяхъ различныхъ культовъ, поощрялось и поддерживалось мѣрами административнаго порядка: какъ-то возвращеніемъ новообращеннымъ уплоченныхъ ими податей, причемъ необращенные платили за другихъ, согласно системѣ, сохранившейся по сю пору въ цѣляхъ религіозной и политической пропаганды. Крѣпостной магометанинъ получалъ свободу, принимая православіе, а мурза крещеніемъ приобреталъ право владѣть крѣпостными. Переходъ въ православіе обусловливалъ собою даже приостановку уголовнаго преслѣдованія!

Темпераментъ епископа нижегородскаго Дмитрія Сѣченова, стоявшаго во главѣ этого дѣла, способствовалъ еще болѣе яркому проявленію его отрицательныхъ сторонъ. Онъ охотно замѣнялъ слова убѣжденія побоями и окропленіе святой водой принудительнымъ погруженіемъ въ нее ¹.

Надо сказать къ чести Сената, что онъ, не колеблясь, нѣсколько разъ осуждалъ эти насилія, но его вмѣшательство не пресѣкло зла. Однимъ калмыкамъ удалось ихъ избѣгнуть, благодаря своей покорности. Оцѣнивъ переходъ въ православіе въ сумму отъ одного рубля до пяти рублей, сообразно съ общественнымъ положеніемъ новообращенныхъ, правительству приходилось считаться лишь съ бременемъ расходовъ ².

¹ Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XXII, стр. 27—29. «Внутр. бытъ Русскаго государства съ 7-го окт. 1740 г. по 21-го ноябр. 1741 г.» 1880—1886. Кн. II, стр. 370.

² Костомаровъ, «Исторія Россіи», т. II, стр. 318.

Но, съ другой стороны, внутри имперіи воинствующее православіе встрѣчало болѣе упорное сопротивленіе. Кромѣ раскола, явившагося слѣдствіемъ Никоновской реформы, зарождалась масса новыхъ сектъ, число и фанатизмъ которыхъ составляютъ и въ наши дни одно изъ самыхъ выдающихся явленій религіозной жизни въ отечествѣ Сѣченова. Въ 1744 году княгинѣ Дарьѣ Ѳедоровнѣ Хованской вздумалось присутствовать на собраніи одной изъ этихъ религіозныхъ общинъ. Она едва не умерла отъ страха. Набожность въ подобной средѣ принимаетъ иногда самыя неожиданныя, чудовищныя и ужающія формы. Въ Богословской пустынѣ, въ таинственномъ убѣжищѣ въ 60-ти верстахъ отъ Москвы, куда ее повлекло неосторожное любопытство, среди группы мужчинъ и женщинъ, распѣвавшихъ священныя пѣснопѣнія, княгиня Хованская вдругъ увидѣла какого-то купца, который всталъ на ноги и въ сильномъ возбужденіи началъ кружиться, дрожа всѣмъ тѣломъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ возглашалъ: «Внимайте мнѣ! Духъ Святыи говоритъ моими устами... Молитесь по ночамъ... Не прелюбодѣйствуйте... Не ходите на крестины и свадьбы... Не пейте ни водки, ни пива». Послѣ довольно продолжительнаго времени, онъ остановился, попросилъ хлѣба и воды и предложилъ пищу и питіе собранію, предварительно благословивъ ихъ крестнымъ знаменіемъ. Послѣ чего всѣ начали по его примѣру кружиться съ пѣніемъ, прыгая и ударяя себя палками, даже ножами «для умерщвленія плоти», какъ они утверждали.

Это были, по всей вѣроятности, хлысты или самобичеватели, еретики, принадлежащіе къ сектѣ, послѣдователи которой относятъ ея появленіе къ царствованію Петра Великаго, а основателемъ ея считаютъ самого Господа Бога. Понятно, что съ такими противниками Синодъ, поддерживаемый Елизаветой, считалъ себя въ правѣ прибѣгать къ помощи свѣтской власти. Развѣ запрещеніе подобныхъ проявленій не являлось законной полицейской мѣрой? Въ силу этого были организованы военныя экспедиціи для уничтоженія убѣжищъ этихъ безумцевъ, захвата проповѣдниковъ и разсѣянія братства. Но различіе между сектантами этой категоріи и раскольниками, послѣдователями вѣроисповѣданія, лишеннаго всякой эксцентричности и дикости въ проявленіяхъ, установить было не легко. Объ этомъ и не заботились. Начиная съ 1745 года всѣхъ диссидентовъ подвели подъ одну категорію, подвергавшуюся все болѣе и болѣе яростному преслѣдованію. Относительно раскольниковъ сначала прибѣгали

Императрица Елизавета Петровна.

Съ гравюры I. E. Ридингера.

къ фискальнымъ мѣрамъ. Ихъ принуждали платить двойныя подати и сдѣлали ихъ предметомъ различнаго рода вымогательствъ. Все это шло на пользу казнѣ, но и ей пришлось заподозрить искренность обращеній, вызываемыхъ ей же въ ущербъ, и она создала новую категорію невольныхъ диссидентовъ. Тутъ наступилъ новый фазисъ борьбы. Тѣснимые, разоренные, эти несчастные, лишившіеся такимъ образомъ всякой возможности улучшить свое положеніе, покидали массами свои очаги, укрываясь въ лѣсахъ, пустынныхъ мѣстахъ, у негостепримныхъ береговъ Ледовитаго океана, гдѣ они смѣшивались съ послѣдователями различныхъ толковъ, доведенныхъ до той же крайности. Въ обращеніи съ ними различія не дѣлалось. Ихъ преслѣдовали и травили, какъ хищныхъ звѣрей; тогда, вызванная къ жизни естественнымъ отчаяніемъ, снова возродилась и развилась въ ужасающихъ размѣрахъ, другая форма религіознаго помѣшательства: самоубійство и чаще всего добровольное самосожженіе; подъ впечатлѣніемъ вѣры въ приближеніе конца міра и въ пришествіе Антихриста, оно уже въ семнадцатомъ вѣкѣ погубило неисчислимыя жертвы и постоянно стремилось возродиться надъ вліяніемъ гоненій. Въ воображеніи сектантовъ, гонители были предвѣстниками, или даже видимыми представителями Антихриста и ихъ звѣрства по отношенію служителямъ истинной церкви считалась ими несомнѣннымъ признакомъ міроваго переворота. И при извѣстіи о приближеніи солдатъ раскольники запирались въ своихъ домахъ или деревянныхъ храмахъ, гдѣ они складывали воспламеняющіяся вещества и затѣмъ поджигали ихъ. Въ окрестностяхъ Каргополя насчитывали 240, а затѣмъ еще 400 человѣкъ покончившихъ съ собой такимъ образомъ, а въ окрестностяхъ Нижняго-Новгорода число жертвъ дошло до 600; въ Олонецкомъ уѣздѣ, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, ихъ было 3,000. На берегахъ Умбы отъ 30-ти до 50-ти сектантовъ подожгли себя вмѣстѣ со своимъ наставникомъ Филиппомъ, который училъ ихъ не молиться за Царя и былъ основателемъ секты филипповцевъ. Политическій характеръ этого ученія повлекъ за собой усиленіе крутыхъ мѣръ. Въ результатѣ явились сотни новыхъ жертвъ ¹.

Сапожниковъ, «Самосожженіе въ русскомъ расколѣ», 1891, стр. 83 и слѣд. Есиповъ, «Жертвы самосожигательства». «Отечественныя Записки» 1863г. № 2. Костомаровъ, loc. cit., т. II, стр. 321.

Подобныя явленія встрѣчаются въ исторіи всѣхъ гоненій; они служатъ постояннымъ доказательствомъ заразительной слабости мученичества и безпомощности матеріальной силы противъ нравственной, которая часто подтверждается аналогичными примѣрами, составляющими и позоръ и гордость человѣчества.

Духовенство Елизаветы не сѣумѣло, въ этомъ отношеніи, воспользоваться для своей миссіонерской дѣятельности единственнымъ орудіемъ, которое могло бы оказаться дѣйствительнымъ: нравственнымъ воздѣйствіемъ, которое по своей авторитетности и энергіи было бы равно матеріальнымъ средствамъ, столь безупѣшно примѣненнымъ имъ. Но политика государыни, еще болѣе вредная въ этомъ отношеніи для правильно понимаемыхъ интересовъ церкви и къ тому же рѣзко противорѣчившая духу Петра, приводила лишь къ тому, что духовенство становилось все менѣе и менѣе способнымъ исполнять свою высокую миссію. Она имѣла на духовенство крайне деморализующее вліяніе. Режимъ строгой дисциплины и контроля, введенный преобразователемъ, былъ замѣненъ императрицею, какъ мы уже видѣли, попустительствомъ и снисходительностью, и скрытыя причины безсилія, поражающаго русскую церковь и понынѣ, лежатъ отчасти въ привычкахъ, укоренившихся въ эпоху, когда она испытала все счастье, но и всѣ опасности безграничной свободы.

Было бы несправедливо утверждать, что Елизавета обдуманно поощряла въ этомъ отношеніи своеволие и распутство. Я убѣжденъ въ томъ, что вѣра ея и набожность были искренни. Она лишь косвенно вызвала эти прискорбные результаты. Петръ запретилъ перенесеніе иконъ въ частные дома, въ виду того, что духовенство въ этихъ случаяхъ подвергалось слишкомъ большому соблазну. Елизавета сняла запрещеніе, поставивъ лишь условіемъ, чтобы носители иконъ воздерживались отъ совмѣстной трапезы съ хозяевами дома и отъ питія крѣпкихъ напитковъ. Само собою разумѣется, что ограниченіе соблюдаемо не было. Кромѣ того, выбирая монастыри мѣстомъ убѣжища для своихъ любовныхъ походовъ, можно себѣ представить, какіе нравы насаждала въ нихъ государыня. Я не хочу останавливаться на этомъ вопросѣ. Исторія царствованія Елизаветы полна скандальныхъ эпизодовъ, гдѣ самый постыдный развратъ чередуется, даже у подножія алтаря, съ самымъ грубымъ произволомъ. Упомянувъ лишь о фактахъ, относящихся къ этой послѣдней

категоріи, назовемъ епископа вятскаго Варлаама, давшаго пощечину воеводѣ и такъ жестоко избившаго монастырскаго эконома, что тотъ лишился сознанія; архангельскаго архіерея Варсанофія, за легкій проступокъ выгнавшаго изъ церкви всѣхъ своихъ священнослужителей, съ протоіереемъ во главѣ, и заставившаго виновныхъ разуться и стоять босоногими на снѣгу въ продолженіе всей службы. Онъ билъ своихъ священниковъ по всякому поводу, сажалъ ихъ на цѣпъ за самыя легкія погрѣшности и бралъ взятки за малѣйшую услугу. Самъ же онъ не подвергся никакому наказанію и, подобно своему вятскому собрату, спокойно дожилъ свои дни на епископской каѳедрѣ ¹.

Знаменитая Салтычиха, ужасная Дарья Салтыкова печальной памяти, на совѣсти которой насчитываютъ до 138 жертвъ ², была современницей Елизаветы, хотя ея процессъ слушался только въ царствованіе Екатерины; соучастіе же духовенства въ большей части ея преступленій въ теченіе всего ея челоѣкоубійственнаго поприща является несомнѣннымъ. Оно щедро воздавало другимъ за благосклонную терпимость, проявляемую правительствомъ по отношенію къ нему.

Съ верху до низу всей духовной іерархической лѣстницы обнаруживается то же нравственное разложеніе, доходившее до полнаго разврата въ низшихъ слояхъ, лишенныхъ всякаго чувства собственнаго достоинства и, хотя бы внѣшней, благопристойности. Уничтоженный было обычай духовенства предлагать свои услуги съ торговъ на общественныхъ площадяхъ, снова вошелъ въ прежнюю силу. Этотъ непристойный обычай происекалъ изъ двухъ соприкасавшихся явленій въ составѣ низшаго духовенства того времени: изъ чрезмѣрнаго количества и крайней бѣдности его членовъ. Накладывая руку на одну часть церковнаго богатства, Петръ имѣлъ въ виду соразмѣрно уменьшить и число членовъ, пользовавшихся имъ. Онъ принялъ мѣры, чтобы въ каждомъ приходѣ количество священнослужителей отвѣчало религіознымъ потребностямъ, и приложилъ всѣ старанія къ тому, чтобы уменьшить и очистить смѣшанное и слишкомъ густое населеніе монастырей ³.

¹ Знаменскій, «Приходское Духовенство», стр. 259, 411—424; «Записки» кн. Шаховскаго, стр. 282—283., «Русская Старина», май 1878, стр. 185—190.

² Романъ Императрицы», стр. 340, русское изданіе.

³ Waliszewsky, «Pierre le Grand», стр. 488.

Въ царствованіе Елизаветы здѣсь, какъ и всюду, попусти-
тельство восторжествовало, и равновѣсіе было нарушено. Изъ
деревни, гдѣ имъ нечѣмъ было кормиться, священники голодными
толпами стали стекаться въ Москву. Они собирались у Спасскаго
крестца и поджидали кліента, набожнаго купца, который нанялъ бы
ихъ для обѣдни, молебна, или какой-либо другой требы. Они обыкно-
венно имѣли въ рукахъ по калачу и, когда наниматель не согла-
шался на требуемую ими цѣну, подносили его ко рту, дѣлая
видъ, что собираются его съѣсть, что лишало ихъ возможности
предстать передъ алтаремъ. Когда скандалъ этотъ принималъ
слишкомъ большіе размѣры, архіереи приказывали хватать этихъ
торгашей божественными таинствами и съѣчь ихъ; но тѣ начи-
нали снова ¹.

Къ этой матеріальной и нравственной нищетѣ присоеди-
налась и умственная скудость. Славяно-греко-латинская академія
въ Москвѣ, замѣнявшая семинарію, не удовлетворяла всѣмъ
требованіямъ, и уровень знаній оставался въ ней на довольно низ-
кой ступени, о чемъ мнѣ придется впоследствии говорить. Чтобы
поднять его, въ нѣкоторыхъ епаріяхъ призывались малороссій-
скіе монахи и имъ предоставлялись епископскія каѳедры. Но
духовенство вообще съ непріязнью смотрѣло на этихъ пришель-
цевъ, представителей культуры, запятнанной латинизмомъ, и въ
большинствѣ епархій школу считали лишь обременительной
роскошью. Вышеупомянутый архангельскій архіерей извѣстенъ
былъ какъ своей ненавистью къ просвѣщенію, такъ и жесто-
костью.

Отсутствіе средствъ, на которое ссылалось большинство его
коллегъ при каждой попыткѣ введенія школьной организаціи,
являлось дѣйствительно серьезнымъ препятствіемъ. Въ 1748 и
1759 годахъ тобольскій митрополитъ тщетно ходатайствовалъ о
выдачѣ ему денегъ на учрежденіе семинарій ². Но просьба его
пришла совсѣмъ некстати: надо было вести войну, требо-
вавшую большихъ затратъ и доставившую Россіи честь сыграть
роль среди воюющихъ націй Западной Европы, не упрочивъ за
ней преимущества участвовать въ конгрессѣ, закончившемъ
войну. Вмѣстѣ съ тѣмъ Елизавета мѣняла фаворитовъ, что не
обходилось безъ значительныхъ расходовъ. Семинарія была,

¹ Соловьевъ, loc. cit., т. XXIII, стр. 301.

² Соловьевъ, loc. cit., т. XXII, стр. 260.

тѣмъ не менѣе, учреждена на мѣстныхъ средства, но она прекратила свое существованіе.

Ко всѣмъ этимъ причинамъ нравственнаго упадка надо присоединить и политическія. Тайная Канцелярія пользовалась исповѣдью для своихъ полицейскихъ цѣлей и встрѣчала въ этомъ отношеніи мало противодѣйствія со стороны духовныхъ лицъ¹. Терпимость, которой пользовалось духовенство со стороны административныхъ властей, не шла рука объ руку съ уваженіемъ къ нимъ. Она имѣла лишь развращающее вліяніе. Любопытны слѣдующія подробности одного процесса, прогремѣвшаго въ 1751 году. Одинъ деревенскій священникъ несъ къ умирающему Св. Дары. По дорогѣ онъ заходитъ въ дружескій домъ, остается тамъ долгое время и, вѣроятно, въ нетрезвомъ видѣ, затѣваетъ ссору съ однимъ крестьяниномъ. Сбѣгаются другіе крестьяне, священника бьютъ и тащатъ за волосы по всей деревнѣ. Владѣлецъ имѣнія—князь спѣшитъ на мѣсто свалки. вмѣсто того чтобы положить ей конецъ, онъ самъ принимаетъ въ ней дѣятельное участіе. Служитель алтаря подвергается еще худшему обращенію. Св. Дары куда-то исчезаютъ.... Производится слѣдствіе и судъ. Князь Вяземскій приговаривается къ пожизненному заключенію въ монастырь; крестьянъ немилосердно сѣкутъ; а нерадивый, пьяный и задорный священникъ остается почти безнаказаннымъ. Его ссылаютъ въ монастырь всего на нѣсколько мѣсяцевъ².

Въ этой огромной національной церкви, въ этомъ обширномъ зараженномъ тѣлѣ, которое Петръ счелъ нужнымъ очистить огнемъ и мечомъ, состояніе главы ея отражалось какъ на главныхъ, такъ и на второстепенныхъ ея членахъ. Главою ея теперь былъ Синодъ, а тамъ господствовали безпорядокъ, беспечность и порочность. Въ качествѣ оберъ-прокурора, долженствовавшаго являться въ этомъ собраніи по проекту Преобразователя, представителемъ особы и верховной власти монарха, Елизавета сумѣла найти только бывшаго солдата, прошедшаго полицейскую службу. Назначенный на постъ оберъ-прокурора кн. Шаховской не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о своихъ обязанностяхъ. Дабы освѣдомиться о нихъ, онъ хотѣлъ навести справки въ архивѣ Синода. Получился отвѣтъ: „Такового не имѣется“. Онъ потре-

¹ Знаменскій, loc. cit., стр. 391, 393.

² Журналы Сената, 5 ноября 1751 г., 11 авг. 1752 г.

боваль списокъ текущихъ дѣлъ. Никто не понималъ, что это значить. Дѣла слушались и рѣшались, согласно прихоти членовъ высокаго собранія, т. е. настоятелей монастырей и начальниковъ епархій, которые въ большинствѣ случаевъ совмѣщали въ себѣ и судей и тяжущіяся стороны. Въ виду того, что управленіе духовными имѣніями лежало на обязанности синодальной власти, Шаховской потребовалъ отчета о состояніи доходовъ. Ояъ и этого не могъ добиться. Въ теченіе многихъ лѣтъ собраніе Синода не представляло точныхъ бюджетныхъ отчетовъ. При каждомъ напominаніи объ этомъ оно откладывало отвѣтъ до общаго собранія всѣхъ членовъ. Такія собранія бывали рѣдки, ни къ чему не приводили и обуславливали новую отсрочку. Когда мѣсто Шаховского занялъ Львовъ, въ 1751 году, дѣла пошли еще хуже. Новый оберъ-прокуроръ былъ занятъ только собираніемъ взятокъ, расточаемыхъ ему щедрой рукой ¹.

«Ничего нѣтъ болѣе презираемаго и достойнаго презрѣнія, чѣмъ духовенство въ Россіи», писалъ баронъ де-Бретейль въ 1760 г. Но онъ присоединилъ къ этому утвержденію поправку, освѣщавшую отношенія падшаго духовенства къ своей паствѣ и обнаруживающую, почему это паденіе не влекло въ общемъ за собою соотвѣтствующаго ослабленія религіознаго чувства въ народныхъ слояхъ. Это одинъ изъ знаменательныхъ фактовъ въ религіозной исторіи Россіи.

«Тѣмъ не менѣе», прибавляетъ Бретейль, «начиная съ самой императрицы, всѣ цѣлуютъ руку у монаховъ и священниковъ при встрѣчѣ съ ними, или при входѣ ихъ въ домъ. Этотъ знакъ глубочайшаго почтенія не мѣшаетъ, однако, при первомъ случаѣ избивать ихъ палками и,—лишь бы ихъ не били по головамъ и относились съ уваженіемъ къ ихъ бородамъ,—они не имѣютъ права приносить жалобы. При этихъ условіяхъ бьютъ ихъ много, но убиваютъ мало» ².

Это явленіе еще и теперь поражаетъ иностранныхъ изслѣдователей характера русскаго народа. Оно встрѣчается въ исторіи всѣхъ народовъ въ извѣстныя эпохи ихъ существованія и соотвѣтствуетъ большой интенсивности религіознаго чувства, торжествующаго въ своей внутренней мощи надъ причинами

¹ «Записки» Шаховского, 1810 г., стр. 39. Благовидовъ, «Оберъ-прокуроры Св. Синода въ XVIII в.», изд. 1900 г., стр. 196—7 и слѣд.

² Шуазелью, 1-го сент. 1760 г. Мин. иностр. дѣлъ.

внѣшнихъ недочетовъ, поражающихъ лишь выраженія этого чувства, но безсильныхъ пошатнуть его основы. Если вѣра вынуждена опираться на внѣшній престижъ культа, то это уже является доказательствомъ того, что она сама по себѣ глубоко поколеблена.

Матеріальныя и въ особенности нравственныя условія жизни духовенства не могутъ, однако, не вліять до извѣстной степени на представляемые имъ духовныя интересы. Поэтому де-

Графъ Вареоломей Вареоломеевичъ Растрелли.

Съ портрета гр. П. Ротари и гравюры Н. Мосолова.

(Оригиналъ А. И. Штукенберга).

вятнадцатое столѣтіе и было свидѣтелемъ неоднократныхъ усилій русскаго правительства исправить въ этомъ отношеніи то, что сдѣлано было въ восемнадцатомъ. Но эти попытки должны были бы находиться въ тѣсной связи съ общимъ дѣломъ общественнаго обновленія, такъ глубоко измѣнившаго въ наши дни, съ точки зрѣнія матеріальной и нравственной, обликъ страны. Соціальныя составъ русскаго духовенства имѣлъ и имѣетъ и до сихъ поръ значительное вліяніе на его положеніе въ обще-

ствѣ. Упомянутый мною дипломатическій документъ содержитъ въ себѣ указаніе хотя и преувеличенное по формѣ, но вѣрное по существу. Говоря о поведеніи русскаго духовенства, стоящемъ, по его мнѣнію, въ связи съ его происхожденіемъ, Бретейль пишетъ: «Оно состоитъ изъ подонковъ народа». По многочисленнымъ причинамъ,—и главнѣйшую изъ нихъ слѣдуетъ искать въ способахъ пополненія духовной іерархіи,—русская церковь всегда черпала личный составъ изъ низшихъ классовъ населенія. Высшія духовныя должности предоставлялись только холостымъ священникамъ, т. е. однимъ монахамъ; такимъ образомъ, вступленіе на духовное поприще не обѣщало блестящей карьеры, и вслѣдствіе этого аристократическій элементъ къ нему не стремился. Что же касается монастырей, то ихъ восточное происхожденіе, не стоявшее въ связи съ нравственнымъ развитіемъ страны, и ихъ историческая роль, проявлявшаяся скорѣе въ сферѣ политическихъ и соціальныхъ факторовъ въ жизни народа, чѣмъ въ сферѣ умственныхъ, способствовали превращенію ихъ скорѣе въ убѣжища, чѣмъ въ очаги духовной жизни. «Почему поступилъ ты въ монастырь?» спрашивалъ Флетчеръ, посолъ королевы Елизаветы, одного вологодскаго монаха. Монахъ отвѣчалъ: «Для того чтобы спокойно жить». Запретивъ членамъ чернаго духовенства, подъ угрозой тѣлесныхъ наказаній, писать книги или дѣлать изъ нихъ выдержки, имѣть въ кельяхъ чернила и бумагу безъ разрѣшенія начальства, Петръ Великій способствовалъ развитію этого направленія. Въ большинствѣ монастырей имѣлась только одна общая чернильница, прикрѣпленная цѣпью къ одному изъ столовъ въ трапезной, и монастырская жизнь, доведенная до нелѣпаго формализма и подчиненная бюрократической регламентаціи, не привлекала болѣе тонкихъ и просвѣщенныхъ натуръ. Дочь Преобразователя внесла въ нее немного болѣе вольности, но не освободила чернильницы. И въ наше время контингентъ правящихъ классовъ, дворянства, либеральныхъ профессій, представленъ въ монастыряхъ весьма слабо. Бросимъ теперь бѣглый взглядъ на состояніе и отношеніе сословій въ обществѣ, современномъ царствованію Елизаветы.

II.

Общественное движеніе.— Нравы.

Дворянство, въ томъ значеніи, какое это слово имѣетъ на Западѣ, т. е. какъ общественный классъ, основанный на правахъ наслѣдственности и на извѣстномъ договорѣ съ монархомъ, является понятіемъ, совершенно чуждымъ Россіи. «Служилые люди», вознесенные на вершину общественной іерархіи при предшественникахъ Петра, составляли политическій классъ, созданный царемъ для государственныхъ нуждъ, существовавшій для государственныхъ цѣлей и внѣ ихъ не имѣвшій никакого значенія и никакихъ правъ на существованіе. Петръ превратилъ этотъ общественный элементъ, лишенный всякой внутренней связи, традицій и организациі, въ сословіе по иностранному образцу. Но, желая, чтобы это созданное императорскимъ указомъ дворянство походило на феодалное въ смыслѣ титуловъ, историческихъ гербовъ и прочаго, онъ въ то же время требовалъ, чтобы самый знатный князь склонялся передъ самымъ незначительнымъ офицеромъ, если послѣдній будетъ въ болѣе высокомъ чинѣ; чинъ являлся признакомъ государственной службы, а великій государь выше всего ставилъ своихъ служилыхъ людей. Вслѣдствіе этого установилась какая-то странная двойственность, но фактически, при ближайшихъ преемникахъ Преобразователя, реформа его послужила лестью къ образованію въ провинціи новой категоріи *слугъ*. Оставляя ихъ въ своемъ распоряженіи для надобностей высшаго порядка, какъ въ военной, такъ и въ гражданской службѣ, государство стремилось возложить на нихъ въ то же время большую часть своихъ административныхъ функцій низшаго разряда, какъ-то: сборъ податей, опеку надъ крестьянами и т. д. Новообразованное дворянство сдѣлалось такимъ образомъ главнымъ орудіемъ внутренняго управленія страны и элементомъ административной децентрализаціи; вмѣстѣ съ тѣмъ оно въ принципѣ должно было нести службу и по центральному управленію. Получалось неудачное совмѣстительство и непримиримое противорѣчіе. Дворянинъ не могъ одновременно служить въ полку, въ списки котораго онъ вносился чуть ли не со дня рожденія, и наблюдать въ своей деревнѣ за взносомъ подушныхъ податей. Пришлось прибѣгнуть къ компромиссамъ, выразившимся сначала въ

формѣ отпусковъ на опредѣленный срокъ или безсрочныхъ, затѣмъ въ измѣненіи военныхъ законовъ, въ цѣляхъ ограниченія принципа обязательной службы въ пользу подданныхъ этой категоріи. Происходило не болѣе, не менѣе, какъ раскрѣпощеніе дворянства въ ожиданіи закона 1762 г., когда племянникъ Елизаветы окончательно отказался отъ осуществленія принципа обязательной службы, прибѣгая къ нему лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Но въ эту эпоху отношенія дворянства къ правительству привели къ фактической перетасовкѣ ролей, подъ вліяніемъ непрерывной борьбы и политическихъ переворотовъ, періодически отдававшихъ высшую власть въ распоряженіе нѣкоторыхъ ея представителей. Говоря о воцареніи Екатерины I, я показалъ въ одномъ изъ предыдущихъ трудовъ, какимъ образомъ этотъ государственный переворотъ, совершившійся при содѣйствіи гвардіи, вышедшей изъ среды дворянства, долженъ былъ внушить всему этому сословію, превратившемуся такимъ образомъ изъ опоры верховной власти въ принципъ, созидающій ее, убѣжденіе, что оно является центромъ національной жизни, существеннымъ, правящимъ и господствующимъ элементомъ ея. Оно дѣйствительно стало играть такую роль при Елизаветѣ и, послуживъ сперва правительству, заставило его служить себѣ. Съ какой цѣлью? Увы! съ цѣлью освободиться отъ своего порабощенія, посредствомъ еще худшаго порабощенія низшихъ классовъ, возложенія на нихъ своего бремени и безжалостной ихъ эксплуатаціи. Исторія дворянства этой эпохи и его успѣховъ на пути къ личному освобожденію болѣе чѣмъ когда либо тѣсно связана съ исторіей постепеннаго усиленія крѣпостного права путемъ все болѣе полного и мучительнаго подчиненія почти двухъ третей мѣстнаго населенія нуждамъ, страстямъ и порокамъ этой аристократіи, недавно родившейся и уже склонной, на-подобіе древняго Рима, видѣть въ рабствѣ другихъ залогъ собственной свободы.

Весь міръ видѣлъ на своихъ подмосткахъ повтореніе этой скорбной драмы, но при другихъ условіяхъ. Особенность того же зрѣлища въ Россіи и весь его ужасъ состоятъ въ томъ, что оно развернулось въ эпоху, когда рядомъ съ нимъ расцвѣтала новѣйшая цивилизація во всей ея утонченности. Подчиненіе крестьянъ барщинѣ, имѣвшее мѣсто въ Германіи въ концѣ XVI столѣтія, а въ Польшѣ въ концѣ XV и въ началѣ XVI, устанавливается въ Россіи только въ серединѣ XVIII вѣка.

Во Франціи, наканунѣ революціи, крѣпостное право, смягченное освободительнымъ движеніемъ, начавшимся еще въ XIV столѣтіи, въ большей части страны держалось лишь въ видѣ тяжелыхъ воспоминаній. Оно сохранило свою силу лишь въ имѣніяхъ, не подлежащихъ отчужденію. Тѣмъ вовсе не удѣляетъ ему мѣста въ своей картинѣ стараго режима. Въ Пруссіи, правда, по приблизительному расчету, двѣ трети населенія находились въ ту же эпоху, въ той или другой формѣ въ зависимости отъ земли или ея владѣльца. То же положеніе вещей наблюдалось и въ нѣмецкихъ провинціяхъ, присоединенныхъ къ Россіи въ началѣ XVIII вѣка, Эстляндіи и Лифляндіи, гдѣ еще въ 1794 году насчитывалось 84 процента крѣпостныхъ въ общемъ числѣ всего населенія¹. Но сохранившіяся такимъ путемъ взаимоотношенія на нѣмецкой почвѣ имѣли характеръ патріархальный; въ Россіи же эта патріархальность была имъ чужда въ ту эпоху, въ силу того, что они еще только устанавливались, а патріархальный режимъ является всегда продуктомъ продолжительной внутренней работы. Въ Россіи крѣпостное право, стѣсненное прежде въ своемъ распространеніи и въ своемъ выраженіи и включавшее въ себѣ лишь ограниченную категорію крестьянъ, смѣнило теперь для большинства народонаселенія свободную жизнь въ прошломъ; съ царствованія Елизаветы насталъ періодъ рабства для большинства населенія, т. е. для 3.444,332 мужчинъ и женщинъ на 6.624,021 обитателей великорусскихъ губерній, по двумъ ревизіямъ 1642 и 1747 годовъ.

Эти крѣпостные отбывали для своихъ господъ барщину, или платили имъ оброкъ,—отъ одного до трехъ рублей въ годъ; не забудьте, что цифры эти соотвѣтствовали размѣру годового жалованья того времени. Система оброковъ преобладала въ неплодородныхъ губерніяхъ и осложнялась большимъ количествомъ побочныхъ обязательствъ, задѣльной платой и различнаго рода подношеніями. Количество и качество ихъ зависѣли отъ требованій владѣльца.

Единственное ограниченіе власти помѣщика надъ крѣпостнымъ, находившееся въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича, касалось праздничныхъ дней, когда принципиально крѣпостной

---

¹ Stadelmann, «Friedrich der Grosse in seiner Thätigkeit für den Landbau Preussens». Berlin, 1876, стр. 53; Семевскій, «Крестьяне въ царствованіе Екатерины II», 1881, стр. 18.

крестьянинъ не могъ быть принужденъ къ работѣ. Но принципъ этотъ, въ свою очередь, допускалъ компромиссы, и притомъ ускользалъ отъ всякаго контроля. Во время уборки хлѣба большинство владѣльцевъ крѣпостныхъ съ нимъ вовсе не считалось. Въ губерніяхъ, гдѣ была распространена барщина, по обычаю, крестьянинъ давалъ владѣльцу лишь половину своихъ трудовъ, но согласно официальному изслѣдованію, произведенному въ царствованіе Елизаветы, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ ему удавалось сохранить для себя лишь два дня въ недѣлю ¹. Одинъ иностранный путешественникъ рассказываетъ, что въ одной деревнѣ Орловской губ. крестьяне работали на помѣщика сплошь всю недѣлю ².

Нѣкоторыя монополіи и привилегіи, установленныя въ другихъ государствахъ въ пользу владѣльца, не были извѣстны въ Россіи. Не было закона, принуждавашаго крестьянъ какой-либо деревни приводить въ движеніе воду въ пруду, чтобы заставить замолчать лягушекъ; но случалось, что, возвратившись съ барщины, крѣпостные должны были бѣгать съ одного конца деревни на другой, чтобы показать владѣльцу и его друзьямъ свое проворство или неуклюжесть, и, по окончаніи этого бѣга, поджигать одну изъ своихъ избъ для потѣхи тѣхъ же зрителей ³. Двоюродный братъ Елизаветы, гр. Скавронскій, заставлялъ свою дворню говорить съ нимъ не иначе, какъ речитативомъ. Но это были еще меньшія изъ бѣдъ въ службѣ крѣпостныхъ. Прочтите у Пассенана, француза, долго прожившаго въ Россіи во второй половинѣ XVIII вѣка, описаніе представленія «Дидона», разыграннаго дворней одного вельможи. Во время исполненія хозяинъ дома бросился на сцену и далъ Тирской принцессѣ увѣсистую пощечину, объявивъ ей, что по окончаніи спектакля ей придется прогуляться на конюшню, гдѣ обыкновенно производилась порка ⁴.

Между прочимъ дворня составляла классъ привилегированныхъ крѣпостныхъ. Изъ нея выбирали даже наставниковъ къ бар-

¹ «Сборникъ Р. И. О.», т. XIV, стр. 296.

² Guldenstaedt, «Reisen durch Russland...», т. II, стр. 432 — 433. Ср. Семевскій, loc. cit., стр. 61.

³ Семевскій, стр. 69.

⁴ «La Russie et l'esclavage», 1822, т. II, 140—144. Книга подписана: М. П. Д. Пассенанъ; но Пассенанъ является въ сущности лишь названіемъ прихода, находившагося въ вѣдѣніи автора книги, аббата Дюкре.

скимъ дѣтямъ и различнаго рода артистовъ. Музыка извѣстной оперы, написанной на текстъ Хераскова, принадлежитъ вдохновенію одного анонимнаго крѣпостнаго князя П. Д. Волконскаго. Ничего подобнаго этому особому виду челяди, кажется, никогда не существовало ни въ какой европейской странѣ.

Она набиралась среди простыхъ крѣпостныхъ по выбору владѣльца. Правила, составленныя гр. Румянцовымъ для его имѣнія Чеберчино, Алатырскаго уѣзда, даютъ намъ понятіе о матеріальныхъ условіяхъ жизни этихъ слугъ.

Кромѣ денежнаго жалованья отъ 50 к. до 6 руб. въ годъ, дворецкій получалъ 3 четверти ржаной муки, полтора четверика гречневой крупы и 12 ф. соли для своего годового содержанія. Въ смыслѣ одежды, — шубу и кафтанъ на два или три года ¹. Въ обмѣнъ за эти щедроты дворецкій находился въ распоряженіи барина, исполняя всякія работы, въ зависимости отъ прихоти послѣдняго; мужчина, если онъ былъ даровитый, обязанъ былъ отдавать ему всѣ свои таланты; женщина, если она была красива, удовлетворяетъ всѣ его вождѣлнія. Иногда это положеніе было тяжеле условіи жизни обыкновенныхъ крѣпостныхъ,

Графиня Екатерина Андреевна Чернышева,
супруга гр. П. Г. Чернышева.
Съ портрета Рослена.

вслѣдствіе большей близости къ барину. Графиня Н. Н. Салтыкова, жена фельдмаршала, носила парикъ и, желая, чтобы никто объ этомъ не зналъ, держала двороваго парикмахера въ клѣткѣ около своей кровати въ теченіе трехъ лѣтъ ².

Крѣпостной крестьянинъ являлся вещью барина, независимо отъ того, былъ ли онъ обращенъ въ двороваго или нѣтъ. Онъ могъ быть проданъ, вмѣстѣ или отдѣльно отъ земли, которую онъ воздѣлывалъ, съ его семьей, или безъ нея. Петръ Великій, указомъ 1711 года обратилъ вниманіе Сената на необходимость ограниченія такого рода продажъ; но обычай одержалъ

¹ Семевскій, loc. cit., стр. 142.

² Masson, «Mémoires», т. IV, р. 201.

верхъ. Документъ, относящійся къ 1760 г., свидѣтельствуеть о продажѣ двухъ несовершеннолѣтнихъ дѣвушекъ за 3 рубля, а съ другой стороны мы видимъ еще въ 1787 году помѣщиковъ, посылавшихъ молодыхъ дѣвушекъ въ Петербургъ или Москву и извлекавшихъ отъ ста до двухсотъ рублей въ годъ дохода изъ ремесла, къ которому онѣ были приневолены¹. До 1808 года торговля крѣпостными обоихъ половъ производилась публично на рынкахъ, а въ царствованіе дочери Петра Великаго средняя стоимость души равнялась 30 рублямъ².

Въ 1760 году правительство Елизаветы попыталось урегулировать права владѣльца надъ своими крѣпостными въ вопросахъ уголовного преслѣдованія. Вотъ какимъ образомъ оно взялось за это: оно указомъ даровало владѣльцамъ право замѣнять къ извѣстныхъ случаяхъ тѣлесныя наказанія ссылкой.

Виновные ссылались въ Сибирь и за cadaго высланнаго челоуѣка помѣщикъ получалъ рекрутскую квитанцію. Но возрастъ осужденнаго не долженъ былъ превышать 45 лѣтъ. Истинная цѣль этой мѣры очевидна: она способствовала заселенію огромныхъ пространствъ Сибири, которыя современная Россія лишь въ наши дни перестала превращать въ мѣста ссылки и мученій. Жена ссылаемаго имѣла право за нимъ слѣдовать, но несовершеннолѣтнія дѣти оставались въ распоряженіи владѣльца, если только онъ, повинаясь челоуѣчному чувству, не соглашался уступить ихъ родителямъ и дѣлу колонизаціи. Законъ поощрялъ его къ этому рѣшенію, возмѣщая ему убытки въ размѣрѣ 10 рублей за cadaго ребенка мужескаго пола моложе 5 лѣтъ и 20 руб. за дѣтей до 15-ти лѣтъ. Дѣтей старше этого возраста можно было обмѣнивать на рекрутскую квитанцію. Дѣти женскаго пола оплачивались на половину дешевле³. Это былъ единственный способъ наказанія, ставшій до 1845 года предметомъ законодательнаго постановленія. А указъ 1760 г. въ результатѣ далъ лишь возможность помѣщикамъ выгоднымъ образомъ освободиться отъ своихъ обязательствъ

¹ «Дневникъ Законодательной комиссіи 1760 г.». «Древняя и Новая Россія» 1876 г., № 9, стр. 70. Латвинъ, «Законодательная ком. въ Россіи XVIII вѣка», 1887, «Русская Старина» 1875, стр. 400. «Русскій Архивъ» 1878, № 12, стр. 493.

² Болтинъ, «Примѣчанія на исторію древнія и нынѣшнія Россіи Леклерка», 1878, т. II, стр. 222.

³ Полное Собраніе Законовъ 11,166.

по рекрутскому набору и посылать въ Сибирь дѣлыя толпы увѣчныхъ и калѣкъ.

Эти ссыльные, невольные колонисты «посельщики» путешествовали обыкновенно по году и болѣе, прежде чѣмъ добраться до незнакомыхъ имъ мѣстъ, при чемъ на путевые расходы имъ выдавалось по 2 коп. въ день. По прибытіи на мѣсто, они должны были сами заботиться о своемъ пропитаніи. Многіе не знали, какъ за это приняться; иные были больны и неспособны къ труду, другіе, принадлежа къ числу домашней челяди, не умѣли обрабатывать землю¹.

Нечего и говорить, что эта форма наказанія оставалась на отвѣтственности владѣльца и, за отсутствіемъ всякаго закона, ограничивавшаго судебную власть помѣщика, ему была предоставлена полная свобода въ выборѣ репрессивныхъ мѣръ. Лишь сила обычая запрещала, въ принципѣ, примѣненіе смертной казни; но принципъ этотъ поддавался широкому толкованію. Графъ Румянцевъ, повидимому любившій законодательствовать, рѣшилъ въ 1751 году составить уголовное уложеніе для своихъ помѣстій. Это поучительный документъ. За кражу предусматриваемая въ этомъ уложеніи кара состояла въ отобраніи всего имущества и тѣлесномъ наказаніи. Но количество ударовъ ограничено не было. Если кража была произведена у крестьянина, Румянцовъ требовалъ, чтобы вора сѣкли до тѣхъ поръ, пока жертва его не объявитъ себя удовлетворенной. Эти домашнія уложенія довольно обильно размножались въ ту эпоху, и другіе законодатели, болѣе точные, исчисляли въ нихъ удары розогъ—смотря по преступленію—до семнадцати тысячъ². Это была въ дѣйствительности неизбѣжная смертная казнь, сопровождаемая пытками.

Женщины, владѣвшія крѣпостными, пользовались такими же правами и, примѣняя ихъ, обыкновенно не подавали примѣра кротости—наоборотъ. Въ первые годы царствованія Екатерины II, кромѣ знаменитаго процесса Салтыковой, правосудію пришлось заняться 13-ю случаями истязаній, причиненныхъ крѣпостнымъ и повлекшихъ за собой смерть. Половина обвиняемыхъ состояла изъ женщинъ. Массонъ, въ своихъ запискахъ, описы-

¹ Семевскій, loc. cit, стр. 163.

² См. одно изъ этихъ уложеній, напечатанное Забѣлинымъ въ «Вѣстникѣ Европы» 1871 № 2, стр. 509—512.

ваетъ княгиню Козловскую, приказавшую своимъ служанкамъ раздѣть одного крѣпостного и, привязавъ его къ столбу, бить его по половымъ органамъ. Очень часто къ такой крайней жестокости примѣшивались сладострастныя фантазіи съ ясно выраженнымъ оттѣнкомъ садизма. Чтобы истязать своихъ слугъ женскаго пола, княгиня Козловская выбирала, по преимуществу, палачей-мужчинъ. Она приказывала одной служанкѣ выкладывать свои груди на мраморную доску и била ихъ.

Массонъ не является, конечно, вполне достовѣрнымъ свидѣтелемъ. Онъ могъ или самъ преувеличить дѣло, или передать факты, преувеличенные легендой. Я бы даже не рѣшился черпать у него эти свѣдѣнія, тѣмъ болѣе, что русская критика теперь вообще склонна относиться съ подозрѣніемъ ко всѣмъ свидѣтельствамъ, исходящимъ изъ-за границы, и приписывать ихъ недоброжелательству. Поэтому въ настоящемъ трудѣ еще болѣе, чѣмъ въ предыдущихъ, я старался главнымъ образомъ пользоваться исключительно русскими мѣстными источниками. Но оказывается, что въ этомъ случаѣ мнѣ не приходится отступить отъ своего правила. Цитированная мною выдержка изъ мемуаровъ Массона не содержится во французскомъ изданіи. Я съ ней познакомился по русскому изданію, гдѣ она была воспроизведена съ оригинальной рукописи¹. Въ общихъ чертахъ, русское національное прошлое, до самыхъ мельчайшихъ своихъ подробностей, нигдѣ не было такъ, какъ въ Россіи, изучено путемъ документальнаго анализа, въ особенности въ извѣстную эпоху. Но помимо того, что это стремленіе къ искренности по отношенію къ прошлому временно пріостановилось, оно всегда соотвѣтствовало обратной тенденціи относительно другихъ странъ, обнаруживая стремленіе не выносить сора изъ избы. Исходя изъ вполне естественнаго и, до нѣкоторой степени, похвальнаго чувства, это стремленіе, къ сожалѣнію, болѣе не согласуется съ условіями современной жизни. Тексты, напечатанные въ Петербургѣ или Москвѣ, находятъ теперь читателей и въ исключительно русской и сравнительно немногочисленной публики, для которой онѣ, какъ казалось еще лѣтъ тридцать назадъ, были предназначены.

Впрочемъ, преувеличивалъ ли Массонъ? Не изъ легенды или не изъ какихъ-нибудь записокъ предъ нами встаетъ ря-

¹ «Русская Старина» 1874, т. XI, стр. 386—387.

домъ съ княгиней Козловской отвратительный и ужасающій образъ ея жестокой соперницы, имя которой я уже нѣсколько разъ упоминалъ. Салтычиха—лицо реальное, поскольку могутъ существовать исторически достовѣрные лица. Прогремѣвшій въ свое время процессъ ея, можетъ быть, и не освѣтилъ нѣкоторыхъ чертъ ея жизни и личности; но достаточно и обнаруженныхъ имъ фактовъ, чтобы дать намъ понятіе объ этой жизни, посвященной самой безудержной жестокости. Безъ сомнѣнія, личность Салтыковой обобщенію не подлежитъ. Она относится къ категоріи чудовищныхъ исключеній, или скорѣе типовъ индивидуальной разнузданности, свойственныхъ всякой средѣ, гдѣ социальная жизнь не достигла большого развитія. Подобныя чудовища обыкновенно и появляются въ такой средѣ, а, выдѣляясь на общемъ фонѣ, не отличающемся большой рельефностью, дѣйствуютъ на воображеніе и запечатлѣваются въ памяти. Среди современницъ Салтычихи были хорошія женщины, но о нихъ мы не знаемъ и никогда не узнаемъ, несмотря на то, что онѣ вѣрнѣе представляли общій типъ женщины той эпохи. Тѣмъ не менѣе Салтычиха является тоже до извѣстной степени типичной. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что она не могла бы существовать въ обществѣ, гдѣ воззрѣнія, чувства и права были бы въ полномъ противорѣчьи съ ея ужасной дѣятельностью. Въ этомъ смыслѣ, ея кровавая разнузданность, при благопріятствовавшихъ ей попустительствѣ и безнаказанности, является памятникомъ изучаемой нами эпохи, въ силу чего мы не можемъ не остановиться на ней.

Эта дѣятельность захватываетъ сравнительно небольшой промежутокъ времени,—съ 1756 г., времени, когда, овдовѣвъ, Дарія Николаевна Салтыкова, рожденная Иванова, была представлена собственнымъ своимъ побужденіямъ, до того момента, когда въ 1762 году, прошеніе, поданное Екатеринѣ II крестьяниномъ Ермолаемъ, у котораго Салтыкова убила поочередно трехъ женъ, не предало ее въ руки правосудія, и тутъ показавшаго себя опять-таки слишкомъ милосерднымъ. По общему мнѣнію, за эти шесть лѣтъ 138 человекъ пали жертвой ея жестокости. Она собственноручно высѣкла одного изъ своихъ слугъ, продержала его на дворѣ въ теченіе длинной зимней ночи и затѣмъ облила ему голову кипяткомъ. Онъ падалъ, а она продолжала его бить и затѣмъ отправила его въ другую усадьбу, куда его привезли мертвымъ. Все это происходило во

второй столицѣ государства и на одной изъ главныхъ ея улицъ, на Кузнецкомъ мосту; имѣніе же Салтыковой, Троицкое, находилось подъ самымъ городомъ. Слѣдствіе раскрыло, между прочимъ, истязаніе одной женщины, у которой въ то время, какъ ее сѣкли, начались роды и она умерла по окончаніи пытки. Оно еще обнаружило, что Салтычиха, присутствуя на одной изъ подобныхъ расправъ, кричала палачамъ: «Дѣ смерти!» Потомъ она приказала положить на трупъ замученной женщины, который вывозили изъ Москвы, новорожденного ребенка, умершаго отъ голода въ дорогѣ. Молва умножала эти факты и раздувала ужасъ ихъ до невѣроятныхъ размѣровъ. Согласно легендѣ, Салтыкова имѣла обыкновеніе ѣсть жаренныя женскія груди. Слѣдствіе не поставило, однако, въ вину обвиняемой ни одного случая людоедства и официально установило только 38 убійствъ, изъ которыхъ лишь три касались мужчинъ. Въ полиціи и духовенства, гдѣ Салтычиха всегда находила сообщниковъ, она иногда встрѣчала противодѣйствіе. Когда ее арестовали, ей было всего тридцать восемь лѣтъ, и она находилась въ любовной связи съ однимъ дворяниномъ, по фамиліи Тютчевъ. Когда послѣдній рѣшился покончить съ этой связью, чтобы жениться на одной молодой дѣвушкѣ, покинутая любовница приказала своимъ людямъ поджечь домъ измѣнниваго ей любовника и убить обоихъ; но люди ей не повиновались. Съ другой стороны, достовѣрно неизвѣстно, насколько судебные слѣдователи вообще выяснили подробности дѣла. Салтычиха отрицала всѣ приписанныя ей обвиненія. Чтобы ее запугать, въ ея присутствіи стали пытать одного человѣка, грозя ей той же участью; но она привыкла къ подобнымъ зрѣлищамъ, а Екатерина не пожелала, чтобы угроза была приведена въ исполненіе. Юстицъ-коллегія вынесла Салтыковой смертный приговоръ, но Сенатъ замѣнилъ смертную казнь наказаніемъ кнута и каторжными работами, а императрица нашла и это наказаніе слишкомъ тяжелымъ, въ виду того, что замученные Салтыковой тридцать восемь человѣкъ были только крѣпостные. Ее въ продолженіе часа продержали на эшафотѣ, гдѣ слуги и священникъ, участвовавшіе въ ея преступленіяхъ (первые, вѣроятно, невольно и по принужденію) подверглись избіенію кнута, и затѣмъ просто заключили въ монастырь. Примѣръ подобнаго правосудія былъ не менѣе чудовищный и скандальный, чѣмъ факты, къ которымъ оно относилось. Онъ, однако, никого не возмутилъ.

Мѣсто заключенія главной виновницы, правда, представляло мало удобствъ: въ теченіе одиннадцати лѣтъ злодѣйка помѣщалась въ ямѣ глубиной въ три аршина, изъ которой ее выпускали только для присутствованія на богослуженіяхъ. Но по истеченіи этого времени ее помѣстили въ келію, и она этимъ воспользовалась, чтобъ вступить въ связь съ караульнымъ солдатомъ ¹.

Графъ Петръ Григорьевичъ Чернышевъ.

Съ портрета А. Рослена и гравюры Н. Дюкюи.

(Оригиналъ у Г. Д. Чорткова).

Она прожила до 1801 года. Право владѣнія крѣпостными, заключаая въ себѣ логически безграничную власть надъ людьми, какъ надъ собственностью, всюду влекло за собой послѣдствія, являющіяся въ нашихъ глазахъ возмутительными. Но въ Россіи, помимо уже указаннаго выше соотношенія между крѣпостнымъ правомъ и другими весьма утонченными сторонами

¹ См. это дѣло въ «Русскомъ Архивѣ» 1865, стр. 648 и слѣд. Ср. Студейкинъ, «Салтычиха», «Русск. Старина» 1874, т. II, стр. 999.

жизни, оно являлось особо отталкивающимъ еще въ силу того, что оно не основывалось на традиціи или наслѣдственности. Въ 1746 году одинъ гренадеръ Невскаго полка оспаривалъ свою жену сперва у офицеровъ, похитившихъ ее во время набѣга, совершеннаго ими въ окрестностяхъ Самары, и затѣмъ у профессора, который, купивъ ее у этихъ офицеровъ, думалъ, что владѣть ею на законномъ основаніи. Этотъ профессоръ былъ тотъ самый Третьяковскій, поэтъ и грамматикъ, которому русскій языкъ и литература обязаны значительными успѣхами ¹. Это происшествіе освѣщаетъ самое происхожденіе и первые фазисы социальнаго явленія, создавшаго Козловскихъ и Салтычихъ. И явленіе это было еще *in fieri* въ данный моментъ.

Патріархальный характеръ обусловленныхъ имъ отношеній между собственникомъ и собственностью подтверждается нѣкоторыми русскими историками, установившими, впрочемъ, въ этомъ отношеніи разницу между губерніями Великороссіи и Малороссіи, гдѣ польское вліяніе будто бы внесло болѣе грубые нравы ². Но если согласиться съ этимъ утвержденіемъ, то трудно объяснить двѣ особенности Русской жизни того времени, на которыя мнѣ приходилось ссылаться уже нѣсколько разъ въ виду ихъ громаднаго значенія: постоянные побѣги крестьянъ и далеко не рѣдкіе случаи ихъ бунтовъ противъ представителей гражданской власти, при попыткахъ водворить ихъ въ рамки организациі, объявляемой ея защитниками благотѣльной и безупречной. Настолько благотѣльной, что уничтоженіе крѣпостнаго права, въ 1861 г., будто бы не встрѣтило даже сочувствія со стороны заинтересованныхъ лицъ! Въ силу поговорки: «Не станетъ хлѣба, баринъ дастъ», послѣдніе будто бы отказались оцѣнить преимущества освободительнаго закона. Я сильно сомнѣваюсь въ томъ, чтобы эти чувства привязанности къ крѣпостной зависимости выдержали вторичное испытаніе при невысказанномъ, впрочемъ, упраздненія освободительнаго закона и возвращенія къ прошлому. Къ тому же еще ихъ слѣдуетъ отнести къ эпохѣ сравнительно недавней, когда вѣковая работа уже дала себя чувствовать въ этой области, развивъ до нѣкоторой сте-

¹ Замѣтки М. Александровскаго въ «Осьмнадцатомъ вѣкѣ», т. I, стр. 178—181, по документамъ Московскаго архива.

² Чечудинъ, «Русское провинціальное общество во второй половинѣ XVIII в.», 1889, стр. 14. Романовичъ-Славатинскій, «Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII в.», 1870.

пени, инстинкты человечности и милосердія, присущіе всѣмъ народамъ. Въ царствованіе же Елизаветы крѣпостное состояніе находилось, какъ я сказалъ, еще въ зачаточномъ періодѣ, и впечатлѣніе, производимое имъ на тѣхъ, на кого оно легло тяжелымъ бременемъ, выясняется совершенно опредѣленно. Общая перепись 1743 года установила, что въ двухъ только губерніяхъ, Бѣлогородской и Воронежской сбѣжало 10,423 крестьянина, не пожелавшихъ ѣсть хозяйскій хлѣбъ. Куда же шли эти несчастные? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, содержащійся въ документахъ данной эпохи, еще болѣе подтверждаетъ высказанное нами мнѣніе. Онъ указываетъ, что мѣстомъ убѣжища служили обыкновенно отдаленныя губерніи: Пермская, Оренбургская, Астраханская и, въ особенности, Малороссія и Польша ¹. Еще одна характерная черта: въ царствованіе Петра I, въ силу необходимости пополненія рядовъ арміи, опустошенныхъ войной со Швеціей, разрѣшено было добровольное поступленіе крѣпостныхъ въ число солдатъ. И этимъ пользовался кто только могъ нести военную службу, а вѣдь извѣстно, насколько она тяжела была въ ту эпоху. Введенная только временно, эта мѣра была упразднена преемниками Полтавскаго героя; но по вступленіи на престолъ Елизаветы, когда прошелъ слухъ, что она войдетъ въ прежнюю силу, явился такой наплывъ кандидатовъ для внесенія въ рекрутскіе списки, что пришлось разгонять ихъ кнутомъ ².

Нѣкоторые владѣльцы крѣпостныхъ, представители традиціи, установившейся по изложеннымъ мною причинамъ лишь въ очень ограниченныхъ предѣлахъ, безъ сомнѣнія, даже въ Елизаветинскую эпоху, сумѣли придать этой сторонѣ соціальной жизни менѣ отвратительный характеръ. Они принадлежали къ очень незначительной группѣ, которой грозило, однако, еще уменьшиться подъ вліяніемъ реформы и новыхъ элементовъ, введенныхъ этой реформой въ мѣстную аристократію. Одинъ примѣръ освѣтитъ эту особенность. Въ 1751 г. князь Репнинъ продалъ помѣстье Никитѣ Демидову, разбогатѣвшему промышленнику, получившему дворянство. Мы видимъ здѣсь представителей стараго и молодого дворянства въ ихъ взаимныхъ роляхъ, присвоенныхъ имъ новымъ режимомъ. И вотъ послѣд-

¹ Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XXI, стр. 185; т. XXIII, стр. 15, 122.

² Журналы Сената, 25 іюля 1742 г.

ствіе: крестьяне князя Репнина, уступленные вмѣстѣ съ землей ея покупщику, отказываются признать своего новаго хозяина. Гражданскимъ и военнымъ властямъ, вмѣшавшимся въ этотъ конфликтъ, приходится имѣть дѣло съ толпой въ 1,500 человекъ, вооруженныхъ палками и топорами ¹.

Внутренняя исторія государства раскрываетъ передъ нами, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, другую сторону созданныхъ такимъ путемъ отношеній. Дѣло касается крѣпостныхъ работниковъ на полотняной и бумажной фабрикѣ, основанной однимъ изъ Гончаровыхъ въ Малоарславскомъ уѣздѣ. Тутъ мы уже встрѣчаемся со стачкой въ самой обостренной формѣ. На требованія офицера отряда, посланнаго уговорить крѣпостныхъ стать на работу, эти послѣдніе, всего 860 человекъ, отвѣчали военными «экзерциціями», продѣланными ими передъ пораженнымъ войскомъ. Послѣ этого, свернувшись въ штурмовую колонну, они стремительно бросились на солдатъ Елизаветы, захватили ихъ орудія и обратили ихъ въ бѣгство. Понадобились три полка и сильная артиллерія для подавленія этого бунта ².

Помѣщичій классъ, незадолго передъ тѣмъ зародившійся, и очень разнородный по своему составу,—въ первыхъ рядахъ его стояли фавориты и искатели приключеній, въ Россіи, менѣе чѣмъ въ какой либо иной странѣ, способенъ былъ разрѣшить удовлетворительно задачу, никогда въ мірѣ не находившую разрѣшенія согласнаго съ вѣчными требованіями справедливости и человѣчности. Какъ потомственные, такъ и новоиспеченные дворяне испытывали на себѣ вліяніе другого движенія, которое, параллельно съ расширеніемъ и усиленіемъ крѣпостного права, вызывало въ царствованіе Елизаветы общее смягченіе нравовъ. Согласно очень вѣрному замѣчанію одного историка, Панинъ, великій государственный дѣятель при Екатеринѣ II, не былъ бы близокъ къ апоплексическому удару во время чтенія дѣла Волынскаго—министра, казненнаго при Аннѣ Иоанновнѣ—если бы между смертью этой императрицы и восшествіемъ на престолъ вдовы Петра III, не царствовала Елизавета. Ея царствованіе было сравнительно мягкое и милостливое. Оно благопріятствовало развитію литературы и искусствъ, болѣе близкимъ сношеніямъ съ западными государствами, путешествіямъ за гра-

¹ Журналы Сената, 28 окт. 1751 г., 7 янв. 1752 г.

² Соловьевъ, loc. cit., т. XXIII, стр. 118.

ницу, поступленію молодыхъ людей въ германскіе, французскіе и итальянскіе университеты. Оно было мирнымъ въ теченіе довольно долгаго времени, а война, ознаменовавшая его, не походила на войны Анны Іоанновны и Петра Великаго, происходившія главнымъ образомъ на родной территоріи, или въ мало цивилизованныхъ странахъ.

Пребываніе арміи Апраксина и Салтыкова на нѣмецкой территоріи, соприкосновеніе съ войсками Фридриха, продолжительное братаніе съ арміей Маріи-Терезіи, квартированіе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ восточной Пруссіи и въ Кенигсбергѣ, городѣ университетскомъ и цивилизованномъ, не могли не отразиться на тысячахъ людей, входившихъ въ ея составъ. Просвѣтительное вліяніе проникло черезъ ряды войскъ и въ ядро населенія. Но крѣпостное право, одновременно укрѣпившееся и развившееся, не могло не противодѣйствовать этому прогрессу и не подтачивать его среди общества, самые просвѣщенные представители котораго не признавали возможность существованія на иныхъ основаніяхъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, при чтеніи знаменитаго наказа, составленнаго Екатериной II для ея законодательной комиссіи, Сумароковъ, увидѣвъ въ немъ намекъ на освобожденіе крестьянъ, съ негодованіемъ воскликнулъ: «А кто же будетъ намъ служить?»

Но, съ другой стороны, просвѣтительное и человѣчное въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ царствованіе Елизаветы имѣло и развращающее вліяніе. Подруга Разумовскаго гордилась нѣкоторой строгостью въ вопросахъ нравственности. Она учредила въ Петербургѣ «строгую комиссію» для преслѣдованія внѣбрачныхъ связей, въ 1745 году именнымъ указомъ повелѣла конфисковать имѣнія вдовы Носовой «за безпутную жизнь», а въ 1750 году озадачила Фридриха крутыми мѣрами, принятыми ею относительно нѣкоей Дрезденши. Но исторія этой дѣятельности и является именно показателемъ состоянія общества, глубоко зараженнаго примѣрами безнравственности, исходившими, увы! изъ того же источника, что и репрессіи. Дрезденша была нѣмка, родомъ изъ Дрездена; нанявъ богатый домъ въ Петербургѣ, на Вознесенской, она устраивала усердно посѣщаемыя «вечерницы», мѣсто веселья и любовныхъ свиданій, гдѣ холостые мужчины въ поискахъ за платными удовольствіями встрѣчались съ легкомысленными женами и съ соблазненными молодыми дѣвушками. Нѣмка эта была выслана; высшія должност-

ныя лица, серьезные профессора, признанные виновными въ развратѣ, были принуждены путемъ брака возстановить доброе имя своихъ жертвъ; оскорбленные мужья получили удовлетвореніе, болѣе громкое, чѣмъ они, можетъ быть, желали, а крѣпость, Синодъ, канцелярія полицмейстера, даже Зимній дворецъ, пріютили въ своихъ стѣнахъ сотни «непотребныхъ женщинъ»; участь ихъ должна была рѣшить другая комиссія подъ предсѣдательствомъ кабинетъ-министра Давыдова. Но Фридрихъ вышутилъ это событіе довольно удачно, и общество, какъ въ Россіи, такъ и въ Европѣ, осталось подъ впечатлѣніемъ, что въ Зимнемъ и Аничковомъ дворцахъ происходило болѣе возмутительное непотребство, нежели у «Дрезденши» ¹.

Съ этой точки зрѣнія жизнь придворная и жизнь провинціальная не походили одна на другую, и разногласіе между защитниками и хулителями русскаго общества временъ Елизаветы происходитъ отчасти вслѣдствіе различія наблюдаемыхъ слоевъ. Хулители ² сосредоточили главнымъ образомъ вниманіе на столицѣ, а защитники, повидимому, недостаточно глубоко изучили міръ понятій и обычаевъ, развившихся въ средѣ крѣпостного права. Молодая дѣвушка, добродѣтель которыхъ охраняла Елизавета, не были крѣпостными. Въ 1754 году государынѣ доложили о случаѣ съ помѣщикомъ, изнасиловавшимъ съ помощью своихъ слугъ крестьянку. Указъ приговорилъ сообщниковъ преступленія къ кнуту, а главнаго виновника къ браку. Но по зрѣломъ размышленіи наказаніе показалось слишкомъ строгимъ по отношенію къ главному виновнику. Духъ времени осуждалъ суровость этого наказанія, и новымъ указомъ, даннымъ лишь недѣлю спустя, приговоръ былъ отмѣненъ. Слуги были высѣчены, но помѣщикъ отдѣлался штрафомъ въ 2,000 рублей въ пользу бѣдной крѣпостной ³.

Мы видѣли, что общая тенденція царствованія Елизаветы склонялась къ удаленію дворянства изъ столицы и созданію ему въ провинціи новаго поля дѣятельности. Эта тенденція имѣла то же воспитательное значеніе. Каковы бы они ни были, представители дворянства были все же лучше тѣхъ воеводъ, что

¹ Даниловъ, «Записки», 65—67. «Архивъ кн. Воронцова», т. VII, стр. 284; «Politische Corresp.», т. VII, стр. 65.

² Гольцевъ, «Законодательство и нравы въ Россіи XVIII в.», 1886, приложеніе, стр. XXV и слѣд.

³ Ibid., стр. 110.

безчинствовали въ деревенской средѣ до половины столѣтія. Но, прикованная такимъ образомъ къ своимъ владѣніямъ, даже провинціальная знать оставалась по своимъ связямъ въ соприкосновеніи съ дворомъ и испытывала на себѣ его развращающее вліяніе. Знаменательнымъ показателямъ этого вліянія на семейную жизнь является увеличеніе разводовъ и незаконныхъ сожителствъ.

Графъ Романъ Иларіоновичъ Воронцовъ.

Съ гравюры А. Колпашикова.

Сама Елизавета родилась отъ внѣбрачной связи. Петръ Великій подавалъ въ этомъ отношеніи самый дурной примѣръ своимъ подданнымъ. Въ виду того, что, согласно закону, князь Никита Ивановичъ Репнинъ не могъ вступить въ четвертый бракъ, царь узаконилъ дѣтей любовницы своего фаворита, получившихъ фамилію Репнинскихъ. Онъ оказалъ ту же милость незаконному сыну князя И. Юрьев. Трубецкого. Этотъ ребенокъ былъ въ послѣдствіи знаменитымъ Вецкимъ, предполагаемымъ отцомъ Екатерины II. Въ царствованіе Елизаветы насчитыва-

лись дюжинами Рукины, Лицины, Ранцовы, происхождение коих не трудно угадать. Снисходительная государыня имѣла двѣ нравственности, и одна изъ нихъ, предназначавшаяся для самой Елизаветы и ея приближенныхъ, противорѣчила другой. Такимъ образомъ, по примѣру своего отца, преслѣдуя карточную игру (указъ 1761 года), она не забыла постановить, что объявленные запрещенія и штрафы не касаются двора.

Еще въ другомъ отношеніи, чрезмѣрная роскошь, которую дочь Преобразователя насаждала вокругъ себя, и которая изъ столицъ проникла даже въ провинцію, способствовала развитію порока, ставшаго язвой общественной жизни въ Россіи. Посолъ Маріи-Терезіи, Мерси д'Аржанто, слѣдующимъ образомъ описываетъ его въ рапортѣ Кауницу: «Все дворянство, разоренное непосильною роскошью, обременено долгами... Отсюда вытекають вымогательства и несправедливости по отношенію къ подданнымъ и купцамъ... находящія себѣ поддержку въ поведеніи самихъ судей, которые первые злоупотребляють своей властью»¹. Даже самъ неподкупный Шаховской, бывшій въ то время оберъ-прокуроромъ Сената, изображается австрійскимъ дипломатомъ, какъ самый отъявленный взяточникъ, правда, подъ своеобразной формой, которая, согласуясь во мнѣніи современниковъ и, вѣроятно, даже въ совѣсти самого судьи съ безупречной честностью, сама по себѣ уже служила краснорѣчивымъ признакомъ путаницы, царившей въ области понятій о нравственности и соотвѣтственныхъ чувствъ. «Онъ (Шаховской) извѣстенъ, писалъ Мерси, какъ самый крупный ростовщикъ въ Имперіи, и всѣ знаютъ, что, занявъ у него деньги подъ жалаванье, можно заручиться его благосклонностью во всѣхъ случаяхъ».

Нравственность какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и общественныхъ группъ—вопросъ воспитанія. Между тѣмъ едва начатая Петромъ Великимъ задача просвѣщенія общества была заброшена его ближайшими преемниками. Но въ царствованіе Елизаветы это движеніе получило—не столько по инициативѣ государыни, сколько благодаря случайнымъ обстоятельствамъ, подъ давленіемъ которыхъ она находилась—новый толчокъ. Характеръ и результаты этого просвѣтительнаго движенія я опишу въ слѣдующей главѣ.

¹ С.-Петербургъ, 14 ноября 1761 г., на французскомъ яз. Вѣнскій архивъ.

III.

Воспитаніе.— Культура.

Своей Академіей наукъ, странной загѣей, которую Екатерина I пришлось осуществить на дѣлѣ, Преобразователь толкнулъ Россію на путь, дѣлающій изъ нея и теперь еще, съ научной точки зрѣнія, страну парадоксальныхъ контрастовъ, роскоши и нищеты. Большія суммы расходуются въ настоящее время на содержаніе ихтіологическихъ станцій въ одномъ изъ средиземныхъ портовъ, а дѣти въ моей деревнѣ учатся лѣни и воровству въ школѣ бродяжничества, единственной, которая имъ доступна. Елизавета пошла по тому же пути. Что касается первоначальнаго и средняго образованія, ничего не было сдѣлано ко времени ея вцаренія. Математическая школа, созданная Петромъ болѣе не существовала за недостаткомъ учениковъ. Было нѣсколько гарнизонныхъ школъ для дѣтей военныхъ дворянъ, но онѣ хирѣли за недостаткомъ средствъ. Школа, учрежденная при Сенатѣ для молодыхъ людей, готовившихся къ гражданской службѣ, тоже пустовала. Въ виду того, что служебныя должности раздавались по прихоти или продавались съ торговъ, никто не былъ заинтересованъ въ приобрѣтеніи научныхъ знаній для этой цѣли. Въ области первоначальнаго обученія, Елизавета не ввела существенныхъ измѣненій въ этомъ порядкѣ вещей. Кромѣ учрежденія школъ, основанныхъ въ цѣляхъ духовной пропаганды на границахъ государства, въ Казанской губ. (1741 г.), Новой Сербіи (1751 г.), Украинѣ (1752 г.), Оренбургѣ (1758 г.) и нѣсколькихъ другихъ просвѣтительныхъ попытокъ, внушенныхъ той же заботой, въ видѣ указа 1743 года объ обязательномъ обученіи катехизису во всѣхъ приходяхъ, открытія семинарій въ Тобольскѣ (1748) и другихъ городахъ, она почти ничего не сдѣлала. Среднія школы до 1754 года ограничивались кадетскимъ корпусомъ, основаннымъ въ 1731 году и служившимъ разсадникомъ сухопутныхъ офицеровъ и подобнымъ же заведеніемъ, учрежденнымъ въ 1750 г. для флота. Считаая въ среднемъ по триста пятьдесятъ учениковъ на каждую школу, въ обѣихъ школахъ за пять лѣтъ обучалось по семисотъ молодыхъ людей. Курсъ наукъ раскладывался на пять лѣтъ. Чему же они учились?

«Я посѣтилъ надняхъ кадетовъ, писалъ въ 1755 году гр. Цинцендорфъ, и былъ пораженъ успѣхами этой академіи. Въ ней преподають всѣ науки—даже право.... Это разсадникъ прекрасныхъ офицеровъ». Посредственный дипломатъ, посолъ Маріи-Терезіи былъ и плохимъ педагогомъ. Есть нѣсколько способовъ ничему не выучиться, одинъ изъ нихъ—это желаніе учиться всему. Чрезмѣрно энциклопедическій характеръ школьныхъ программъ является въ исторіи образованія въ Россіи характерной чертой, на которой лежитъ печать слишкомъ широкаго и безудержнаго генія Петра. Елизавета присоединила къ этой чертѣ еще и другую особенность, составляющую отраженіе ея собственнаго міросозерцанія. Въ царствованіе Анны Іоанновны кадеты уже появлялись на придворныхъ балахъ. Во времена Елизаветы они не только были танцорами, но и постоянными актерами ея величества, и въ корпусѣ, куда проникали такимъ образомъ всѣ развлеченія, удовольствія и развратъ сосѣдняго дворца, практическая сторона ученія мало-по-малу уступала мѣсто свѣтской. Послѣ случая съ Бекетовымъ всѣ его товарищи мечтали о столь же быстрой и заманчивой карьерѣ. Поэтому одинъ извѣстный историкъ и былъ правъ, говоря, что съ точки зрѣнія европейскаго воспитанія, главнымъ наставникомъ въ Россіи въ ту эпоху былъ Ландэ, уже знакомый намъ учитель танцевъ¹.

Еще другая причина препятствовала тому, чтобы эти школы приносили ожидаемую отъ нихъ пользу для арміи и флота. Если ученики были разсѣяны, то учителя были невѣжественны. Даже набирая педагогическій персоналъ изъ другихъ странъ, трудно было создать болѣе образованныхъ преподавателей. Бюджетъ каждой изъ этихъ школъ, хотя и значительно увеличенный со времени Анны Іоанновны, не достигалъ и 60,000 руб., включая расходы по содержанію воспитанниковъ.

И школы эти были устроены для самаго цвѣта общества. А гдѣ и какъ училось громадное большинство русской молодежи, включая сюда и высшіе классы? Болотовъ выясняетъ намъ это въ своихъ «Запискахъ», знакомя насъ со своимъ первымъ учителемъ, французомъ Лапи, заставлявшимъ его твердить наизусть длинныя выдержки изъ словаря Французской академіи.

---

¹ Забѣлинъ, «Опытъ изученія русскихъ древностей и исторіи», 1873 г., т. II, стр. 447.

Въ массѣ иностранныхъ наставниковъ, преимущественно французовъ, появившихся въ царствованіе Елизаветы въ Россіи, этотъ Лапи былъ все же выдающейся личностью. Онъ былъ знакомъ съ грамматикой и имѣлъ понятіе объ орѳографіи. Безъ сомнѣнія, онъ съ успѣхомъ выдержалъ бы экзамень, который дочь Петра Великаго нашла нужнымъ установить для этихъ иностранныхъ педагоговъ, въ большинствѣ случаевъ авантюристовъ, принужденныхъ искать счастья вдали отъ родины по причинѣ какого нибудь столкновенія съ правосудіемъ своего отечества; они знали лишь родной языкъ. Лица, приглашавшія ихъ къ своимъ дѣтямъ, руководствовались главнымъ образомъ ихъ наружностью. На вопросъ: «Что такое прилагательное?» одинъ изъ нихъ отвѣчалъ экзаменаторамъ: «Это, должно быть, новая выдумка нашихъ академиковъ; когда я покинулъ родину, объ этомъ еще не слышали»¹. Этотъ наплывъ иностранныхъ элементовъ, поощряемый царствованіемъ, казалось бы, не отвѣчавшимъ подобному направленію, вызвалъ много протестовъ въ Россіи. Субъекты, подобные Лапи—и многимъ изъ нихъ я льщу, обобщая ихъ подъ этой фамиліей—были дѣйствительно единственными воспитателями нѣсколькихъ поколѣній русскихъ баръ, самымъ типичнымъ представителемъ которыхъ, въ данное и въ слѣдующее царствованіе, былъ Кириллъ Разумовскій; впоследствии эти педагоги передали свое вліяніе въ странѣ другимъ французскимъ эмигрантамъ, болѣе высокой категоріи, но не менѣе предприимчиваго характера, начиная съ аристократической княгини де Тарантъ до братьевъ Марата и Робеспьера, съ вольтеріанца Ланжерона до іезуита Грубера. Съ этимъ нельзя не согласиться. Но не было ли это явленіе прямымъ послѣдствіемъ системы «прорубленнаго окна», созданной Петромъ? И можно ли было ожидать, что европейскій воздухъ, проникавшій черезъ это отверстіе, принесетъ, въ смыслѣ иностранныхъ элементовъ, лишь самые чистые и устойчивые изъ нихъ. Елизаветѣ пришла одно время на умъ мысль притворить окно, но осуществить это намѣреніе оказалось невозможно: уже установился такой сильный потокъ воздуха, что захлопнуть окно было немыслимо. Дочери Петра удалось лишь замѣнить одно теченіе воздуха другимъ. Она отказалась отъ нѣмцевъ, вмѣсто которыхъ

¹ Schlosser, «Oeffentliches und Privatleben von ihm Geschrieben», 1802, стр. 140.

въ Россіи появились французы; отдавшись въ руки этихъ новыхъ воспитателей, современное ей русское общество сдѣлало открытіе, имѣвшее, несмотря на низкій умственный уровень Лапи и его товарищей, большое вліяніе на послѣдующее развитіе Россіи въ этой области. Оказалось, что въ отношеніи науки, литературы и искусства сама Германія еще училась въ это время у Франціи. Фридрихъ II писалъ и говорилъ не иначе какъ по-французски, а изгнанный Вольтеръ властвовалъ въ государствѣ, границы котораго все болѣе и болѣе раздвигались. Скоро дѣло дошло и до Россіи. Графъ Александръ Воронцовъ первый послалъ изъ Берлина французскую воспитательницу г-жу Рюино для дѣтей своего брата; 12-ти лѣтъ отъ-роду воспитанникъ ея уже изучилъ въ совершенствѣ Вольтера, Расина, Корнеля и Буало¹; новое направленіе воспитанія сразу опредѣлилось.

Усвоеніе французской культуры, вошедшее такимъ образомъ въ моду, конечно, грѣшило выборомъ путей и средствъ. Бологовъ оцѣниваетъ слѣдующимъ образомъ своего наставника: «Это былъ, повидимому, очень ученый человѣкъ, постоянно занятый чтеніемъ французскихъ книгъ, но онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ передать намъ свои знанія и что именно изъ нихъ выбрать». Другіе воспитатели давали въ руки своимъ питомцамъ даже не Академическій словарь, и Сумароковъ правъ былъ высмѣивая въ комедіи «Чудовищи» легкомысленное и порочное направленіе, вносимое этимъ воспитаніемъ въ группу щеголей, создаваемыхъ имъ. Но всякое нововведеніе должно пережить періодъ ошибокъ. Воспитанникъ г-жи Рюино отмѣтилъ еще одинъ недостатокъ его въ слѣдующей выдержкѣ, довольно правильно написанной по-французски: «Можно сказать, что Россія единственная страна, гдѣ пренебрегаютъ знаніемъ родного языка и всего того, что касается родины. Люди, считающіеся просвѣщенными въ Петербургѣ и Москвѣ, заботятся о томъ, чтобы дѣти ихъ знали французскій языкъ, окружаютъ ихъ иностранцами, даютъ имъ учителей танцевъ и музыки, платя имъ большое жалованье, а родному языку ихъ не обучаютъ; это блестящее воспитаніе, къ тому же дорого стоящее, ведетъ къ полному незнанію своего отечества, къ равнодушію, можетъ быть, даже и пренебреженію къ своей

¹ «Архивъ кн. Воронцова», т. V, стр. 11 и слѣд.

родинѣ и привязанности ко всему, что касается другихъ странъ и нравовъ, а въ особенности къ Франціи»¹.

Воронцовъ тѣмъ не менѣе добавляетъ: «Надо сознаться, что дворянство, живущее въ провинціи, не впадаетъ въ эту непростительную ошибку». Онъ могъ бы прибавить, что даже въ столицѣ и при дворѣ Елизаветы франкоманія вызывала не только одно это нежелательное послѣдствіе. Противовѣсомъ ей служила общая тенденція этого царствованія, заключающаяся въ покровительствѣ національному элементу на всѣхъ путяхъ его и проявленіямъ національнаго генія во всѣхъ направленіяхъ. Такимъ образомъ, эта чужеземная культура вводилась лишь какъ вспомогательный принципъ, и благопріятные результаты, принесенные ею въ этомъ смыслѣ, сомнѣнію не подлежатъ. Они являются главнымъ элементомъ славы Елизаветы. Самымъ убѣжденнымъ франкоманомъ той эпохи былъ И. И. Шуваловъ; но это не мѣшало ему писать русскіе стихи и покровительствовать литературной и научной карьерѣ Ломоносова. Тредьяковскій предпринялъ реформу русской грамматики, только что окончивъ Сорбонну.

Священникъ въ Елизаветинское время.

Съ офорта Дальстена.

Вернемся къ Болотову; его дѣтство рисуется передъ нами яркую картину воспитанія того времени, въ его различныхъ фазисахъ. Уроки Лапи составляли только одну строчку умственнаго развитія молодого дворянина. Покинувъ Петербургъ въ юношескомъ возрастѣ, онъ расстался со своимъ наставникомъ и долженъ былъ довольствоваться, въ смыслѣ просвѣщенія, лишь тѣмъ, что могла дать ему деревня, гдѣ жили его родители. Тамъ не было ни одной школы. Библіотека священника состояла всего изъ двухъ книгъ; изъ

¹ «Автобиографическая замѣтка», «Архивъ кн. Воронцова», т. V, стр. 12.

вышеупомянутой книги Яворскаго и Четги-Минеи. Усвоивъ ихъ содержаніе, бывшій ученикъ Лапи прослылъ за ученаго верстъ на десять кругомъ. Но онъ былъ честолюбивъ, любознателенъ; послѣ долгихъ поисковъ онъ нашелъ у своего дяди учебникъ геометріи и тотчасъ же принялся чертить фигуры, не понимая ихъ смысла. Тутъ его приняли за колдуна, и эта репутація, могла бы за нимъ утвердиться, еслибъ ему не попались въ руки *Приключенія Телемака*. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя онъ зналъ наизусть съ начала до конца книгу Фенелона, и литература одержала верхъ надъ математикой. Но ему только что минуло восемнадцать лѣтъ и ему напомнили, что его ждетъ военная служба. Какъ дворянинъ, и къ тому же образованный человѣкъ, онъ произведенъ былъ въ офицеры и, имѣя связи, попалъ въ петербургскій гарнизонъ. Онъ приготовился къ своей новой карьерѣ чтеніемъ приключеній Жиль-Блаза, перваго тома «Древней исторіи» Роллена, переводъ которой былъ недавно изданъ Тредьяковскимъ, и «Аржениса» Джона Баркляя, имѣвшаго тогда шумный успѣхъ въ качествѣ историческаго романа. Онъ, кромѣ того, выучилъ наизусть и декламировалъ отрывки изъ перваго драматическаго произведенія Сумарокова, знаменитаго «Хорева», послѣ чего почилъ на лаврахъ. Онъ былъ на высотѣ умственной жизни того времени и слѣдовалъ ея теченію.

Надъ этимъ общимъ уровнемъ, до созданія въ 1755 году Московскаго университета, представительницей науки въ Москвѣ являлась лишь Славяно - Греко - Латинская академія, а въ Петербургѣ Академія наукъ. Въ первой все болѣе и болѣе намѣчалось духовное направленіе, въ томъ отношеніи, что, несмотря на ея совершенно ясную программу, она стремилась превратиться въ приготовительную школу для духовенства. И школа погибала. Ученики оставались по десяти лѣтъ въ синтаксическомъ классѣ. Число ихъ тоже уменьшалось: съ 629 въ 1725 году оно упало до 200 во времена Елизаветы. Причиною этого была недостаточность поддержки; отсутствіе матеріальныхъ и скудость интеллектуальныхъ средствъ; ежегодный бюджетъ въ 4,450 рублей, очень неакуратно уплачиваемыхъ, и ученіе, основанное на схоластическомъ методѣ. Преподавателями были исключительно монахи. Свѣтскій наставникъ Кудаконъ, преподававшій до 1744 года въ низшихъ классахъ, былъ къ этому времени исключенъ Синодомъ. Монахи эти принадлежали къ старымъ московскимъ монастырямъ и казались выходцами тринадцатаго

столѣтія. Въ классѣ богословія они занимались разсужденіями на слѣдующія темы: «Гдѣ сотворены были ангелы?.. Какимъ образомъ обмѣниваются они между собой мыслями?» Курсъ философіи, въ отдѣлѣ психологіи включалъ разсужденія о свойствахъ волосъ: «Почему они выпадаютъ у стариковъ?.. Почему у женщинъ не растетъ борода?» Курсъ физики заканчивался изученіемъ небесныхъ свѣтилъ съ изслѣдованіемъ слѣдующаго вопроса: «Есть ли въ раю роза безъ шиповъ?» Ученики реторическаго курса должны были стараться произносить рѣчи какъ можно менѣе естественно и ссылаться при всякомъ удобномъ случаѣ на Өемиду, Беллону и Марса ¹.

Академія наукъ, какъ извѣстно, должна была, по нѣскольکو несвязному плану Петра Великаго, совмѣщать три классическихкихъ образца: нѣмецкой гимназіи, нѣмецкаго университета и Французской академіи. Гимназія никогда серьезно не функционировала. При воцареніи Елизаветы въ ней было только нѣсколько учителей, преподававшихъ латинскій языкъ въ низшихъ классахъ. Въ 1747 году новый уставъ, выработанной Академіей, совсѣмъ не упоминаетъ о гимназіи, пришедшей вслѣдствіе этого еще болѣе въ упадокъ. Въ 1760 г. въ ней числился учитель французскаго языка, давно не дававшій уроковъ, отговариваясь болѣзнью жены ².

Можно себѣ представить, какъ подобное положеніе вещей отражалось на университетскомъ образованіи. Тамъ профессора имѣли болѣе вѣскія причины не показываться на своихъ кафедрахъ, гдѣ они должны были бы изображать пророковъ, проповѣдующихъ въ пустынѣ. «Могутъ ли голова и верхнія части тѣла существовались безъ ногъ?» спрашивалъ Ломоносовъ. Академическое трехэтажное зданіе, о которомъ мечталъ Петръ Великій, оказалось въ дѣйствительности гиперболической постройкой; верхъ ея долженъ былъ опираться на несуществующій фундаментъ. Исторія его Академіи въ данную эпоху, сливается съ другой стороны съ исторіей борьбы, завязавшейся по восшествіи на престолъ Елизаветы между русскимъ и нѣмецкимъ элементами. Борьба эта была скорѣе административнаго, чѣмъ

¹ Смирновъ, «Исторія Московской Славно-Греко-Латинской академіи», 1885, стр. 180 и слѣд.

² Билярскій, «Матеріалы для біографіи Ломоносова», 1865, стр. 439, 441, 483, 587.

умственного порядка. Я воздержусь отъ перечисленія всѣхъ ея подробностей. Главнымъ представителемъ Германіи былъ Шумахеръ, а его соперникомъ Нартовъ, во времена Петра Великаго занимавшійся токарнымъ ремесломъ и ставшій впоследствии членомъ совѣта Академіи и начальникомъ механической «экспедиціи». За недостаткомъ знанія и личнаго авторитета, бывшій рабочій опирался на Делиля, французскаго астронома, завербованнаго Екатериной I въ 1727 году¹. Это былъ первый франко-русскій союзъ. Нартовъ обвинялъ Шумахера въ злоупотребленіи своими правами секретаря академіи въ смыслѣ систематическаго удаленія русскихъ профессоровъ, а нѣмецъ отвѣчалъ: «Да гдѣ же они? Горлицкій хвастается тѣмъ, что когда-то зналъ философію, но сознается, что до нѣкоторой степени ее забылъ. Другіе, Сатановъ, Ильинскій, совершенно неспособны принять какое-либо участіе въ трудахъ академіи».

Послѣ воцаренія Елизаветы оказалось, что нѣмецъ былъ тѣмъ не менѣе неправъ. Послѣ коронованія императрицы, Нартовъ лишилъ Шумахера секретарской должности, и послѣдняго заключили въ тюрьму; тюрьмой тогда заканчивались всѣ препирательства. Къ несчастью, новый секретарь вздумалъ хлопотать о возвращеніи различныхъ суммъ, должныхъ Академіи не однимъ только государствомъ, согласно бюджету, всегда неакуратно уплачиваемыхъ, но и различными частными лицами за поставку книгъ и другихъ предметовъ. Къ сожалѣнію, въ числѣ должниковъ были и высокопоставленныя лица; имъ и поручено было произвести слѣдствіе по этому новому дѣлу. Не трудно было предугадать результатъ его, въ виду господствовавшихъ въ то время нравовъ. По окончаніи слѣдствія, Шумахеръ оказался обѣленнымъ, а Нартова присудили къ кнуту и ссылкѣ. Елизавета, тѣмъ, не менѣе, отказалась утвердить приговоръ. Тѣнь Петра Великаго покровительствовала бывшему токарю. Кончилось тѣмъ, что обоихъ соперниковъ оправдали, а Делиль, державшій во всемъ сторону Нартова, въ отместку за нанесенное ему оскорбленіе просилъ отставки, но долженъ былъ уступить настоятельнымъ просьбамъ государыни не лишать Академію единственной европейской знаменитости, которою она обладала. Онъ попытался, тогда составить для Академіи новый уставъ; согласно ему, ея президентъ долженъ былъ выбираться профессорами изъ ихъ среды. На

¹ Иосифа-Николая, брата всемірно-извѣстнаго географа и историка.

этомъ вопросѣ никакъ не могли столкнуться. Это президентство, какъ и малороссійское гетманство, мысленно предназначалось Елизаветой Разумовскому и, какъ и Малороссіи, Академіи пришлось дожидаться, когда этотъ кандидатъ выйдетъ изъ дѣтскихъ лѣтъ. До этого времени постъ президента оставался незанятымъ, въ виду того, что нѣмецъ во главѣ этого учрежденія уже не былъ желателенъ, а ни одинъ русскій не казался способнымъ его занять. Но ждать пришлось не такъ долго, потому что уже восемнадцати лѣтъ Кирилль Разумовскій вступилъ въ оправленіе своихъ обязанностей. Въ первой же своей рѣчи онъ сталъ доказывать, что профессора Академіи заботятся лишь объ увеличеніи своего содержанія и о приобрѣтеніи новыхъ почетныхъ званій; подъ предлогомъ того, что наука несовмѣстима съ какимъ бы то ни было принужденіемъ, они предаются полному бездѣлю. Это вызвало новое слѣдствіе и новыя репрессивныя мѣры; въ результатѣ большинство иностранцевъ, Крафтъ, Гейнзій, Вильде, Крузій, Гмелинъ и самъ Делиль окончательно удалились изъ Академіи.

Шумахеръ остался и выработалъ новый уставъ, принятый въ слѣдующемъ году и не походившій на проектъ Делиля. Нѣмецъ далъ волю своимъ утилитарнымъ инстинктамъ въ цѣломъ рядѣ довольно оригинальныхъ правилъ, имѣвшихъ цѣлью привлечь членовъ астрономическаго и географическаго отдѣла къ расширенію границъ государства открытіемъ новыхъ земель, физиковъ къ эксплуатаціи новыхъ рудниковъ, а математиковъ къ основанію мануфактуръ. Это происходило въ 1747 году, и результатъ этой программы, по видимому, не скоро далъ себя почувствовать въ виду того, что исторія этого ученаго собранія ознаменовалась за этотъ годъ лишь принятіемъ Вольтера въ число членовъ-корреспондентовъ. Знаменитый писатель просилъ объ этой чести еще въ предъидущемъ году. Авторъ «Вѣка Людовика XIV» вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ свои услуги для составленія исторіи Петра Великаго, и предложеніе это было принято тѣмъ охотнѣе, что его русскіе коллеги исключительно занимались переводами, между прочимъ переводомъ книги Вобана объ искусствѣ фортификаціи; изданіе это обошлось въ 3,560 руб. и покупателей не нашло. Торжественныя засѣданія Академіи заполнялись чтеніями, представлявшими собою лишь разглагольствованія на странныя темы, какъ, напримѣръ, о клавесинѣ аббата Кастеля, котораго

Вольтеръ и Руссо считали за сумасшедшаго, при чемъ мнѣніе было подтверждено и потомствомъ ¹.

Только въ 1749 году, возвращеніе Миллера, посланнаго въ Сибирь въ научную экспедицію, Шумахеромъ, старавшимся освободиться отъ опаснаго соперника, ознаменовало начало болѣе плодотворнаго періода въ академическихъ трудахъ. Но тотчасъ же вспыхнула крупная ссора между ученымъ путешественникомъ и Ломоносовымъ, и борьба эта поглотила большую часть этой зарождавшейся дѣятельности. Получивъ порученіе написать диссертацию для торжественнаго засѣданія Академіи 6 сентября 1749 г., Миллеръ вздумалъ развить тезисъ Байера о скандинавскомъ происхожденіи варяговъ. Ломоносовъ усмотрѣлъ въ этомъ оскорбленіе для національной славы и даже для авторитета церкви: первая считала для себя недостойнымъ примириться съ иностраннымъ происхожденіемъ, а вторая обладала положительными свѣдѣніями относительно пребыванія св. Андрея среди новгородскихъ славянъ, тогда какъ Миллеръ считалъ, что славяне появились позднѣе апостольскихъ временъ. Споръ былъ переданъ на разрѣшеніе президента, и Миллеръ потерялъ мѣсто профессора и ректора университета. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ виду того, что некъмъ было его замѣнить, ему возвратили однако кафедру и рѣшили всячески использовать его исключительныя знанія. Онъ исполнялъ обязанности секретаря, сносился съ иностранными учеными, составлялъ протоколы засѣданій и наблюдалъ за изданіемъ трудовъ Академіи (*Novi comentarii*). Впослѣдствіи, когда задумали издавать при Академіи научный и литературный журналъ, Миллеръ опять-таки сдѣлался его душою и кромѣ того положилъ въ Россіи, еще въ 1728 году, начало повременнымъ изданіямъ, основавъ «С.-Петербургскія Вѣдомости». вмѣстѣ съ тѣмъ онъ работалъ надъ исторіей Сибири; но и здѣсь ему пришлось столкнуться съ Ломоносовымъ, запретившимъ ему изображать знаменитаго Ермака тѣмъ разбойникомъ, какимъ онъ, повидимому, дѣйствительно былъ въ то время, когда предпринялъ завоеваніе этой области ².

Мы видимъ здѣсь отличительную и свойственную и современному русскому духу черту: чрезмѣрную любовь къ цензурѣ,

¹ Семевскій, «Елизавета Петровна», «Русское Слово» 1859 г., стр. 296.

² Пятковскій, «Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія», 1889, т. II, стр. 1—33.

къ деспотизму надъ мыслями и къ и официальной наукѣ. Эта тенденція, свидѣтельствовавшая о властныхъ инстинктахъ расы и являвшаяся послѣдствіемъ вѣковыхъ обычаевъ, все сильнѣе сказывалась въ умственномъ движеніи той эпохи по мѣрѣ преобладанія въ немъ русскаго элемента и выливалась въ нелѣпыя подчасъ формы. Въ 1754 году Ломоносовъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ споромъ, возникшимъ въ Германіи по поводу его теоріи о происхожденіи тепла и холода, и вслѣдъ за этимъ изъявилъ желаніе, чтобы всѣ подобныя разногласія подвергались строгому контролю академій и университетовъ. Тредьяковскій, въ свою очередь, возмущенъ развязкой въ драмѣ «Гамлетъ» Сумарокова; онъ находилъ, что порокъ долженъ быть наказанъ, а добродѣтель вознаграждена. Желаніе его было исполнено.

Поглощенная этими заботами, Академія не открывала ни новыхъ земель, ни рудниковъ, и ея научныя побѣды оставались попрежнему довольно скудными. Въ 1755 году она потребовала подробнаго описанія монастырей и церквей, снабженнаго историческими примѣчаніями, но Синодъ отказался предпринимать эту работу; у него на это не доставало средствъ. Въ 1760 году, по ходатайству ея, послѣдовало распоряженіе Сената о доставленіи въ Академію вѣрныхъ географическихъ свѣдѣній изъ городовъ имперіи, но оно точно также успѣха не имѣло. Два простыхъ устюжскихъ купца, Бытовъ и Шалавуровъ, сумѣли достигнуть лучшихъ результатовъ, снарядивъ на собственные средства экспедицію съ цѣлью открытія морского пути отъ устьевъ Лены до Камчатки. Какъ научное учрежденіе, Академія вовсе бездѣйствовала или предавалась большей частью бесполезнымъ, а иногда и недостойнымъ занятіямъ. Ея попытки поднять интеллектуальный уровень ея чиновъ возвращеніемъ въ ихъ число нѣкоторыхъ исключенныхъ по оплошности иностранцевъ ни къ чему не привели. Эйлеръ и братья Бернулли отвѣчали отказомъ. Вольтеръ предложилъ замѣнить ихъ собою на нѣкоторое время; но это предложеніе не столько польстило высокому собранію, сколько напугало его при мысли предстать въ своемъ неприглядномъ видѣ передъ безжалостнымъ насмѣшникомъ, и Кириллъ Разумовскій приложилъ всѣ усилія къ тому, чтобъ отвратить эту опасность¹. Какъ образовательному учрежденію, Академіи сперва нечего было дѣлать: не было учениковъ ни въ университетѣ, ни въ гимназіи.

¹ Пекарскій, «Исторія Академіи наукъ», 1873, т. I, стр. 384—385.

Попытались взять таковыхъ изъ Московской и Новгородской семинарій, но духовенство возмутилось, а семинаристы, перейдя отъ одной системы воспитанія къ другой, растеряли тѣ небольшія знанія въ латинскомъ языкѣ, которыя успѣли раньше приобрѣти. Современемъ все-таки удалось собрать небольшое количество учениковъ и слушателей; изъ нихъ Румовскій, Барсовъ, Поповъ приобрѣли впослѣдствіи извѣстность. Но профессора небрежно относились къ своимъ обязанностямъ, отговариваясь тѣмъ, что въ этой школѣ, являвшейся вмѣстѣ съ тѣмъ и академіей, они занимались пополненіемъ собственныхъ знаній, жертвуя для этого преподаваніемъ. Необходимость раздѣлить то, что Петръ такъ неудачно соединилъ, выяснялась все болѣе и болѣе, и основаніе Московскаго университета, рѣшенное въ 1754 г., наконецъ освятило принципъ, вытекавшій изъ долгаго и тяжкаго опыта.

Проектъ университета подготовленный И. И. Шуваловымъ при содѣйствіи Ломоносова, былъ чрезвычайно обширенъ. Университетъ долженъ былъ состоять изъ трехъ факультетовъ: юридическаго съ курсами естественнаго, народнаго и политическаго права, медицинскаго и философскаго. Преподаваніе должно было вестись на латинскомъ и русскомъ языкахъ и обнимать всѣ отрасли знанія. Въ то же время учрежденіе двухъ гимназій положило начало во второй столицѣ Имперіи среднему образованію, и въ слѣдующемъ году въ Казани были открыты двѣ четырехъ-классныя приготовительныя школы, гдѣ преподавались русскій, латинскій языки, элементарныя знанія и два иностранныхъ языка, французскій или нѣмецкій, по выбору учениковъ. За недостаткомъ знаменитостей, въ качествѣ преподавателей пригласили иностранныхъ скромныхъ тружениковъ, какъ-то: Шадена, Дильтэ, Роста, Керштенса, Рейхеля, Эразмуса; къ нимъ вскорѣ присоединились нѣсколько туземныхъ учителей, созданныхъ благодаря системѣ Петра, пользовавшагося иностранными школами для воспитанія будущихъ дѣятелей народнаго просвѣщенія; среди нихъ значится нѣкій Афонинъ, читавшій курсъ минералогіи, ботаники и зоологіи по Валерію Корду и Линнею; Вильяминовъ, преподававшій химію по Фогелю; Зыбелинъ, взявшій своимъ образцомъ Винслова для уроковъ анатоміи и Лудвига для уроковъ хирургіи. Ихъ скромныя усилія оказались очень цѣнными для дѣла, и заслуги И. И. Шувалова не уменьшились отъ того, что онъ, путемъ внушеннаго имъ же компромисса

относительно обязательности военной службы, доставлялъ профессорамъ учениковъ. Дворянству дарована была новая льгота въ видѣ отпусковъ изъ арміи, отнынѣ разрѣшавшихся молодымъ людямъ по случаю университетскихъ занятій. Благодаря этой мѣрѣ, Фонвизинъ съ десятилѣтняго возраста состоялъ одновременно солдатомъ Семеновскаго полка и студентомъ Московскаго университета.

Какъ большая часть начинаній той эпохи, и это послѣднее предпріятіе страдало несоотвѣтствіемъ между преслѣдуемой цѣлью и средствами, не только нравственными, но и матеріальными, употребленными для его осуществленія. Бюджетъ новаго университета и гимназіи равнялся 15,000 руб.; но этой суммы не хватало для приличнаго оборудованія и содержанія ихъ. Русскимъ и иностраннымъ профессорамъ пришлось проникнуться тѣмъ духомъ, который и до сихъ поръ сообщаетъ просвѣщенію на родинѣ Ломоносова officialный характеръ; гениальный противникъ Миллера старался придать этотъ officialный оттѣнокъ современной ему наукѣ, будучи совершенно неспособнымъ предугадать всѣ его послѣдствія. Послѣдствія же выразились въ подчиненіи университетской программы принципу просвѣщеннаго деспотизма въ узкомъ догматизмѣ и въ задержкѣ всякаго самостоятельнаго развитія національнаго гениа: Шаденъ и Рейхель учили на своихъ лекціяхъ, что распространеніе наукъ и искусствъ составляетъ верховное право власти.

Цензура, которой Ломоносовъ придавалъ столько значенія, дѣятельно работала въ томъ же направленіи; всевозможныя начальствующія лица соперничали съ Академіей въ разборѣ книгъ, газетъ и журналовъ. Кромѣ духовныхъ изданій, Синодъ сохранялъ за собой право контроля надъ всѣми произведеніями иностраннаго происхожденія, выходившими на русскомъ языкѣ, въ виду религіозной полемики, часто появлявшейся въ этой литературѣ. Въ 1750 г. указомъ запрещенъ былъ ввозъ всѣхъ иностранныхъ книгъ, гдѣ бы упоминались лица, сыгравшія роль въ предыдущихъ царствованіяхъ, и за этимъ было поручено наблюдать опять-таки Синоду. Впрочемъ, онъ въ этой области пользовался почти неограниченной властью. Въ началѣ царствованія Елизаветы Синодъ даже предалъ анаѹемѣ басни Эзопа! ¹ Онъ чаще всего преслѣдовалъ именно произведенія заграничной

¹ Семевскій, loc. cit. 319.

печати, въ силу того, что національная печать не доставляла ему много хлопотъ. Въ 1749 году, за неимѣніемъ другого матеріала, онъ просматривалъ «Театронъ или Позоръ историческій», въ переводѣ съ латинскаго оригинала, напечатанномъ въ 1724 г. Гавріиломъ Бужинскимъ!

Тѣмъ не менѣе, несмотря на эту умственную и литературную скудость, эпоха императрицы Елизаветы дала намъ въ изучаемой нами области великаго человѣка и совершила великое дѣло, а именно созданіе русскаго языка, теоритически выработаннаго Тредьяковскимъ и вдохновенно примѣненнаго на практикѣ Ломоносовымъ. Великимъ человѣкомъ и былъ этотъ труженикъ, образъ котораго я набросалъ въ другомъ своемъ трудѣ широкими штрихами ¹, и принужденъ снова воскресить здѣсь въ виду его неразрывной связи съ предметомъ настоящей главы.

IV.

Литературное и научное движеніе. — Ломоносовъ.

Въ исторіи умственнаго развитія Россіи Ломоносовъ представляется съ перваго взгляда исключительнымъ явленіемъ. Послѣ его смерти, послѣдовавшей въ 1765 году, самые просвѣщенные изъ его соотечественниковъ смотрѣли на него, какъ лишь на поэта и оратора. Его труды въ области естественныхъ наукъ, философіи, даже русской исторіи оставались неизвѣстными или непонятными; нѣкоторыя его научныя идеи, упавъ на бесплодную почву и встрѣтивъ равнодушное къ себѣ отношеніе, приобрѣли извѣстность лишь гораздо позднѣе и подъ видомъ новшествъ иностраннаго происхожденія. Заслуги его въ этомъ отношеніи были серьезно оцѣнены на его родинѣ только во второй половинѣ XIX столѣтія и, за исключеніемъ одинокаго изслѣдователя, Д. М. Перевощикова, который еще въ 1831 году указалъ на него, какъ на предшественника Румфорта ², русскіе естествоиспытатели, воспользовавшіеся его трудами и открытіями — Щуровскій, Борисякъ, Леваковскій — являются всѣ нашими современниками ³.

¹ Waliszewsky, «Littérature russe» стр. 73 и слѣд.

² Публичная лекція въ Московскомъ университетѣ 12 января 1831 г.

³ Майковъ. «Очерки изъ исторій русскои литературы», 1889, стр. 235.

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ.

Съ грав. Н. Уткина.

Зимою 1731 г. въ Москвѣ появился молодой крестьянинъ 17—18 лѣтъ—годъ рожденія этого замѣчательнаго юноши окончательно не установленъ. Откуда онъ пришелъ? Изъ окрестностей Архангельска, города, гдѣ Петръ впервые обучался мореходству. Этотъ край заселенъ былъ бѣдными рыбаками. Почему сынъ одного изъ нихъ, помогая отцу закидывать или чинить сѣти, кормившія его семью, одновременно пользовался каждой свободной минутой, чтобы выучиться читать? Вѣроятно, потому, что Петръ заглянулъ въ этотъ уголокъ. Какимъ образомъ этотъ юноша нашелъ затѣмъ у сосѣдей-рыбаковъ и у дьячка своего прихода псалтирь, учебникъ грамматики, ариеметики, богатства столь рѣдкія даже въ высшихъ классахъ страны? Какимъ образомъ, наконецъ, исчерпавъ всѣ мѣстныя средства для начальнаго образованія, онъ рѣшился покинуть тайкомъ родительскій домъ и отправиться въ большой городъ, гдѣ, какъ ему сказали, онъ найдетъ школы? Ключъ къ этой разгадкѣ нужно опять-таки искать въ дѣяніяхъ Петра Великаго. Преобразователь, мимоходомъ, бросилъ на сѣверъ Россіи горсть просвѣтительныхъ сѣмянъ, и этотъ юноша, устремившійся въ Москву, — являлся всходомъ его посѣва. Этотъ юноша сталъ тѣмъ давно жданнымъ, возвыщеннымъ Петромъ, первымъ русскимъ работникомъ, который замѣнилъ иностранцевъ въ дѣлѣ просвѣщенія Россіи и сдѣлалъ ихъ пребываніе здѣсь ненужнымъ.

Въ Москвѣ онъ проводитъ первую ночь на рыбномъ рынкѣ, укрывшись въ заброшенныхъ саняхъ. Онъ силенъ и выносливъ. Затѣмъ онъ стучится въ двери Славяно-Греко-Латинской академіи. Кто вы? — спрашиваютъ его. — Сынъ священника. Согласно легендѣ, онъ, въ надеждѣ на хорошій пріемъ, далъ подобный отвѣтъ, лишь на половину ложный: мать его принадлежала къ

Медаль, выбитая въ 1754 г. по случаю основанія Московскаго университета.

духовному званію, и юноша въ теченіе нѣкотораго времени исполнялъ обязанности псаломщика въ деревенской церкви: потому у него навсегда осталось твердое знаніе церковно-славянскаго языка и глубокое релігіозное чувство. Паспорта были тогда еще неизвѣстны въ Россіи; проситель внушалъ довѣріе, его приняли и оставили въ академіи. Получалъ онъ по 3 коп. въ день, на что долженъ былъ кормиться, одѣваться и покупать себѣ книги. И онъ дѣйствительно покупалъ ихъ на эти деньги, съѣдая въ день на $\frac{1}{2}$ коп. хлѣба и выпивая на $\frac{1}{2}$ коп. квасу. Онъ превратился въ колосса и оказывалъ такіе быстрые успѣхи въ ученіи, что начальство сочло полезнымъ послать его въ Кіевъ, въ то время пользовавшійся славой умственнаго центра. Быть можетъ, отъ него просто хотѣли избавиться. Онъ былъ уменъ и прилеженъ, но непокладистаго характера. Его новые учителя нашли его слишкомъ безпокойнымъ и поспѣшили отправить его обратно въ Москву, гдѣ онъ ужъ примирился было съ мыслью принять духовный санъ, хотя и не имѣлъ къ этому особаго призванія, когда въ 1735 г. пришелъ изъ Петербурга приказъ послать туда 12 лучшихъ учениковъ академіи для гимназіи, терпѣвшей въ нихъ недостатокъ. Ломоносовъ попалъ въ число избранныхъ; въ скоромъ времени счастье снова ему улыбнулось, и его отправили заканчивать свое образованіе въ нѣмецкіе университеты. Онъ слѣдовалъ по пути, начертанному Петромъ для національнаго образованія.

Его покровители желали, чтобъ онъ посвятилъ себя горнозаводскому дѣлу. Но они не принимали въ расчетъ его генія,—родственнаго генію самого Петра и большинства богато одаренныхъ русскихъ людей нашего времени, какъ и великихъ людей 17-го и 18-го столѣтій,—генія, противившагося, даже на Западѣ, современной спеціализаціи. Въ учебные часы, во время своего пребыванія въ Ней-Руппинѣ, Фридрихъ Великій приготовлялся къ обязанностямъ короля, дѣлая физическіе опыты и сочиняя стихи. Въ Марбургѣ и Фрейбергѣ, слушая лекціи Вольфа и Генкеля, Ломоносовъ писалъ поэмы. Въ 1739 г. онъ послалъ въ Петербургъ оду на взятіе Хотина, положившую начало новой эрѣ въ исторіи русскаго языка и литературы. По формѣ это произведеніе походило на поэму Гюнтера, написанную по случаю заключенія Пожаревецкаго мира; по смыслу оно открываетъ совершенно новый для той эпохи взглядъ на русскую исторію.

Образы Ивана Грозного и Петра Великого появляются въ ней въ новомъ, неизвѣстномъ до тѣхъ поръ символическомъ сочетаніи. Преобразователь и его предшественникъ являются вождями своего государства въ его борьбѣ съ варварской Азіей. Они, представители народа—«въ трудъ избраннаго» суровой и славной судьбой. И ода эта не только поэма—она является вмѣстѣ съ тѣмъ и преобразовательной попыткой. Ломоносовъ старается внести новое стихосложеніе, элементы котораго онъ едва себѣ усвоилъ, и придать ему смыслъ болѣе подходящій къ духу языка, находившагося еще въ періодѣ формачіи; присоединяя теорію къ практикѣ, онъ прибавляетъ къ этому стихотворенію цѣлую диссертацию и развиваетъ, стараясь ихъ исправить, взгляды Тредьяковскаго на необходимость дать русской поэзіи тоническое стихосложеніе. Но въ теоріи онъ не силенъ. Возвысившись позднѣе до нѣкоторыхъ оригинальныхъ и сильныхъ мыслей, до особенно глубокаго пониманія органической природы языка, онъ тѣмъ не менѣе навсегда сохранилъ отпечатокъ удручающихъ уроковъ реторики, полученныхъ имъ въ Москвѣ. Въ борьбѣ съ разнородными элементами, занесенными въ русскую литературу исторіей, церковью и преобразованіями Петра ¹, ему не удалось разобраться въ нихъ научнымъ образомъ. Онъ даже силился узаконить это раздѣленіе, выдумавъ странную классификацію рѣчи, въ видѣ трехъ стилей: высокаго, средняго и низкаго съ выборомъ соотвѣтственныхъ словъ и оборотовъ рѣчи для каждаго изъ нихъ. Но его вдохновеніе было выше его разсужденій. Инстинктивно въ своихъ первыхъ стихахъ, написанныхъ въ Германіи между лекціей математики и лекціей по естественной исторіи, онъ уже почти выбирается изъ этого элементарнаго хаоса. И если въ хвалебныхъ одахъ, сочиненныхъ для Елизаветы, онъ остается вѣрнымъ схоластическимъ образцамъ, въ другихъ случаяхъ, въ минуты непосредственнаго творчества, въ его замѣткахъ, бѣгло набросанныхъ, въ нѣкоторыхъ поэмахъ, даже въ нѣкоторыхъ трактатахъ, увлеченный вдохновеніемъ и захваченный сюжетомъ, онъ забываетъ свою систему и, черпая отовсюду, создаетъ новый литературный языкъ. Этотъ простой, ясный сильный и богатый языкъ приближается къ языку Пушкина; быстро распространившись

---

¹ См. Waliszewsky, «Pierre le Grand» стр. 475; «L'Héritage de Pierre le Grand».

благодаря плодотворной музѣ, онъ становится, хотя и въ менѣе благородной и обаятельной формѣ, общеупотребительнымъ и постепенно замѣняетъ варварское и смѣшанное нарѣчіе предыдущихъ поколѣній. Какимъ образомъ? Почему? Да просто потому, что въ творествѣ Ломоносова заключалась скрытая и безсознательная работа тысячи колеблющихся умовъ и лепечущихъ устъ, и потому, что онъ оказался только общимъ рупоромъ, собравшимъ звуки съ четырехъ концовъ земли, чтобы гармонизировать ихъ въ своей звучной рѣчи.

Въ 1741 году будущій великій писатель вернулся въ Россію; ему предшествовали нарождавшаяся слава и менѣе лестные слухи объ его поведеніи. Хваля его способность и прилежаніе, нѣмецкіе учителя изображали его порядочнымъ повѣсой. Эту черту онъ тоже унаслѣдовалъ отъ Петра Великаго и его расы; онъ носилъ въ себѣ избытокъ жизненныхъ силъ, подымавшихся и бившихъ черезъ край во всѣхъ направленіяхъ. Онъ былъ слишкомъ буенъ и шумливъ. Онъ женился на дочери маленькаго портного въ Марбургѣ, и онъ былъ завербованъ въ пьяномъ видѣ въ солдаты прусскими рекрутскими наборщиками. По пріѣздѣ въ Петербургъ онъ не посмѣлъ продолжать своихъ проказъ: Ломоносовъ не забывалъ своего происхожденія, и этотъ крѣпко сложенный гигантъ со своими буйными проявленіями характера выказывалъ нерѣдко большую гибкость. Онъ представился сперва очень смиреннымъ, покорнымъ, маленькимъ, даже передъ нѣмцами въ Академіи. Онъ пишетъ Шумахеру письмо, признавая его за своего единственнаго покровителя. Онъ сочиняетъ оду на рожденіе маленькаго императора Іоанна Антоновича, другую на Вильманstrandскую побѣду, одержанную надъ шведами. При восшествіи на престолъ Елизаветы онъ переводитъ торжественную оду Штелина. Онъ ведетъ себя, какъ настоящій царедворецъ, и такимъ образомъ ему удается получить въ 1742 г. мѣсто адъюнкта-профессора. Профессора чего? Химіи минералогіи, стихосложенія и стилия. Необыкновенное смѣшеніе!

Но вслѣдъ затѣмъ завязывается борьба между Шумахеромъ и Нартовымъ, и тутъ у великаго мужика природа беретъ верхъ. Само собой разумѣется, что онъ становится на сторону своего соотечественника противъ нѣмца и, давая полный просторъ своему темпераменту и силѣ, избиваетъ парикмахерскимъ манекономъ садовника Академіи, тоже нѣмца, по фамиліи — Штурмъ. Немного позднѣе, въ апрѣлѣ 1743 года, входя въ залъ канфе-

ренці, онъ, будучи въ нетрезвомъ видѣ, оскорбляетъ профессоровъ, подчиненныхъ Шумахеру, называетъ послѣдняго воромъ и грозитъ побить его сторонниковъ. Его сажаютъ въ тюрьму, и онъ, въ свою очередь, находится подъ угрозой кнута. Но какъ отдать въ руки палача человѣка, стихи котораго читаются всѣми? Даже самой Елизаветѣ доставляетъ удовольствіе повторять стихи, гдѣ онъ говоритъ, что душа Петра Великаго унаслѣдована его дочерью. Она заступаетъ за него, и профессоръ стихосложенія отдѣлывается потерей своего полугодоваго содержанія.

Вскорѣ послѣ этого назначеніе Разумовскаго президентомъ Академіи измѣнило положеніе Ломоносова. Новый уставъ открылъ русскимъ входъ въ святилище, куда еще никто изъ нихъ не проникалъ, и Ломоносовъ съ Тредьяковскимъ проложили туда дорогу ботанику Крашенинникову, математику Кобельникову, Попову, Козицкому и другимъ. Уходя нѣмца Гмелина доставилъ Ломоносову каѳедру химіи и, начиная съ 1746 г., онъ ввелъ популярный курсъ экспериментальной физики, имѣвшій извѣстный успѣхъ. Въ 1746 г. онъ напечаталъ риторическій трактатъ; это было первое сочиненіе этого рода, появившееся на русскомъ языкѣ. Годъ спустя, продолжая свои опыты надъ окраской стекла, доискиваясь и отыскавъ секретъ составленія берлинской лазури и венеціанскаго лака, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ составилъ по этой специальности русскій словарь. И, несмотря на это, его поэтическое вдохновеніе не изсякало. Всѣ современныя событія вдохновляли его, иногда и не безъ пользы для его кармана, какъ напр. въ 1752 году: онъ сочинилъ оду на отъѣздъ Елизаветы въ Москву, когда Воронцовъ совѣтовалъ ей предпринять это путешествіе, а Бестужевъ противъ него возставалъ, и заручился такимъ образомъ благосклонностью вице-канцлера и самой императрицы, пожаловавшей ему 2000 рублей.

Поэзія и политика приблизили его къ И. И. Шувалову, и фаворитъ указалъ ему на другое поле для его неутомимой дѣятельности: на изученіе національнаго прошлаго, уже предпринятое было Ломоносовымъ, хотя и довольно неудачно, въ его пререканіяхъ съ Миллеромъ. Смѣло, добросовѣстно онъ принялся за дѣло, собирая документы, справляясь въ старыхъ хроникахъ. Но, сдѣлавшись тѣмъ временемъ фабрикантомъ цвѣтнаго стекла и директоромъ стекляннаго завода, онъ былъ отвлеченъ отъ историческаго труда своими промышленными забо-

тами. Когда же Шуваловъ высказывалъ по этому поводу свое неудовольствіе, онъ отвѣчалъ: «почему ученому быть бѣднымъ?» и указалъ на Ньютона, жившаго въ богатствѣ, и на Вольфа, пріобрѣвшаго почести и состояніе своими трудами. Я не поручусь, что баронское достоинство нѣмецкаго ученаго не дразнило его воображенія. Для своего завода онъ получилъ землю и крѣпостныхъ, и это дѣлало его почти дворяниномъ. Онъ не былъ лишенъ тщеславія, доказательствомъ чему служитъ тотъ случай, когда онъ разорвалъ списокъ профессоровъ только потому, что имя его было поставлено въ немъ по алфавиту, и когда добивался вице-предсѣдательства въ Академіи¹. Подобно тому, какъ онъ намѣревался нарушить алфавитный порядокъ, онъ, попавъ въ Академію, тоже не признавалъ здѣсь никакого порядка и старшинства, рѣшительно становясь выше всѣхъ пріобрѣтенныхъ положеній и всѣхъ авторитетовъ. Въ спорахъ и столкновеніяхъ, безпрестанно вызываемыхъ имъ, онъ неизмѣнно былъ виноватъ, но искупалъ свою вину или учебникомъ грамматики или атласомъ, иногда—новой поэмой, вызывавшей общій восторгъ.

Онъ обладалъ необычайной трудоспособностью и проводилъ, по свидѣтельству своей племянницы, цѣлыя недѣли въ лабораторіи или рабочемъ кабинетѣ, питаясь только кускомъ хлѣба съ масломъ и стаканомъ пива; онъ напоминалъ своей страстью къ наукѣ западныхъ гуманистовъ 16-го вѣка, подражая ихъ способу аргументаціи въ борьбѣ съ фанатизмомъ и невѣжествомъ. Обладая яснымъ, методичнымъ умомъ, хорошо дисциплинированнымъ, и большими организаторскими способностями, оригинальностью и склонностью къ независимости, которая вытекала изъ его авторитетности, онъ легко могъ, пробѣгая обширное поле современной науки, порой и заблудиться; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, согласно мнѣнію своихъ почитателей, указалъ и новые пути въ различныхъ направленіяхъ своимъ современникамъ и преемникамъ. Въ рѣчи, произнесенной имъ 26 ноября 1753 г., онъ самъ доказывалъ свое первенство передъ Франклиномъ въ созданной теоріи электрической силы.

Строя эту теорію на быстромъ наступленіи сильныхъ холодовъ, явленіи, свойственномъ Россіи, онъ считалъ свое первенство передъ Франклиномъ доказаннымъ именно этимъ доказательствомъ, и русскіе спеціалисты еще и теперь допускаютъ, что

¹ «Архивъ кн. Воронцова», т. IV, стр. 484 и слѣд.

нѣкоторыя наблюденія, сдѣланныя имъ въэ томъ направленіи, а въ особенности надъ прониканіемъ верхнихъ слоевъ воздуха въ нижніе и надъ вызываемымъ вслѣдствіе этого пониженіемъ температуры, дали ему матеріаль для совершенно новыхъ выводовъ. Въ іюлѣ 1756 г., разсуждая о происхожденіи свѣта и доказывая единство силъ природы въ образованіи свѣта, теплоты и электричества, онъ сводилъ, наперекоръ Ньютону и Гассенди, разнообразіе этихъ явленій къ простой разницѣ въ формахъ молекулярнаго движенія тѣлъ, и повидимому, дѣйствительно первый высказалъ идеи, развитыя впослѣдствіи Меллони, Карно, Грове, Фарадеемъ и Гельмгольцемъ.

Впрочемъ, мнѣ сдается, что этотъ вопросъ большого значенія не имѣетъ. Въ общемъ научныя теоріи Ломоносова не особенно отличались отъ круга идей и понятій, присущихъ его времени, и когда онъ въ нихъ расходился со своими нѣмецкими учителями, то чаще всего впадалъ въ парадоксъ или схоластику. Его общій взглядъ на природу былъ въ гармоніи съ духомъ его вѣка и даже съ общимъ умственнымъ направленіемъ его отечества, т. е. по преимуществу философскимъ или физико-богословскимъ. Нѣмецкіе ученые, между прочимъ Шлецеръ, упрекали его въ томъ, что онъ былъ натуралистомъ въ исторіи и философіи. Нетрудно защитить его отъ этого обвиненія, которое въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ могло бы сойти въ настоящее время за высшую похвалу. Нѣкоторыя его попытки примѣнить къ исторіи и филологіи аналитическій методъ естественныхъ наукъ, противопоставивъ результаты, полученные такимъ путемъ, современному догматизму и знаменитому афоризму: «Посредствомъ наблюденія приходитъ къ теоріи, посредствомъ теоріи исправлять наблюденія»—вполнѣ опредѣляютъ труды Ломоносова на этомъ пути. Но онъ никогда не былъ сознательнымъ и послѣдовательнымъ матеріалистомъ, будучи для этого слишкомъ великимъ поэтомъ и слишкомъ большимъ врагомъ скептическаго рационализма Вольтера, нечестивыя выходки котораго его оскорбляли ¹.

Онъ былъ сыномъ своего времени, той эпохи, когда въ Германіи даже Эйлеръ называлъ себя спиритуалистомъ и вѣрующимъ ². Но достаточно и того, что мы видимъ его захвачен-

¹ См. его письмо къ И. И. Шувалову, 1752 г. «Записки Академіи наукъ» 1862 г., т. I, кн. I прилож., стр. 23.

² «Lettre à une princesse d'Allemagne», S.-Pbg. 1768 и «Rettung der Offenbarung gegen die Einwürfe der Freigeister», 1747.

нымъ научнымъ теченіемъ и если и не стоящимъ выше своихъ западныхъ соперниковъ, то по крайней мѣрѣ на одномъ уровнѣ съ ними, чтобы, мы сочли его, вспомнивъ его происхожденіе и окружавшихъ его современниковъ, болѣе чѣмъ достойнымъ памятника, воздвигнутаго ему его соотечественниками въ Архангельскѣ.

Будучи головой выше своихъ нѣмецкихъ учителей въ умственномъ отношеніи, онъ уступалъ имъ въ характерѣ и поведеніи; во внѣшнихъ пріемахъ онъ былъ не только неучтивъ и непристойенъ, но грубъ и до дикости раздражителенъ.

Не слѣдуетъ, однако, забывать, какова была среда, гдѣ онъ жилъ, и сколько она заключала въ себѣ дѣйствительно раздражающихъ чертъ. Когда онъ согласился съ основною идеею книги Фонтенеля о многочисленности міровъ, переведенной кн. А. Д. Кантеміромъ и напечатанной въ 1740 году, то слылъ нѣкоторое время за богоотступника и подвергся преслѣдованіямъ Синода! «Если бы планета Марсъ имѣла обитателей, кто бы ихъ крестилъ?»—возражали члены этого собранія¹. При извѣстии о смерти великаго человѣка, будущій императоръ Павелъ, которому тогда было 10 лѣтъ, воскликнулъ: «Ахъ, этотъ дуракъ умеръ; наконецъ-то мы избавились отъ него. Онъ стоилъ дорого и ничего не дѣлалъ». Ребенокъ являлся лишь эхомъ. Очень цѣнимый, какъ поэтъ, Ломоносовъ, какъ ученый, былъ вообще не понятъ. Онъ обращался къ публикѣ, которой были недоступны теоретическія формы мысли и которая была упорно привязана къ поверхностному, чувственному и суетвѣрному понятію о мірѣ, публикѣ, свято хранившей легенду о стеклянкѣ воды, завѣщанной Петру Великому графомъ Брюсомъ, ученымъ, при жизни прослывшимъ колдуномъ и приводившимъ въ ужасъ жителей Москвы подозрительнымъ свѣтомъ, исходившимъ изъ его лабораторіи, устроенной въ Сухаревой башнѣ. Окропивъ этой водой тѣло своего друга, Петръ долженъ былъ вернуть его къ жизни. Онъ сдѣлалъ этотъ опытъ и, замѣчая, что чудо совершается, въ ужасѣ отшатнулся и разбилъ стеклянку, чтобы не дать осуществиться колдовству². Ломоносовъ зналъ, что на самомъ дѣлѣ Брюсъ пережилъ Петра на 10 лѣтъ; но ему, по

¹ Майковъ, «Очерки изъ исторіи русской литературы», 1889, стр. 241.

² Пекарскій, «Наука и литература при Петрѣ Великомъ», 1862, т. I, стр. 289.

всей вѣроятности, не удалось бы убѣдить въ этомъ своихъ читателей и слушателей. А читатели его научныхъ трактатовъ никогда многочисленными не были. Одно время былъ поднятъ вопросъ о вычетѣ пяти процентовъ изъ содержанія всѣхъ чиновниковъ для обязательной покупки книгъ. Даже какъ поэтъ, авторъ столькихъ популярныхъ произведеній, положенныхъ на музыку, безпрестанно повторяемыхъ и распѣваемыхъ, долженъ былъ испытать на себѣ вліяніе той атмосферы, среди которой Тредьяковскій, принужденный исполнять роль придворнаго шута, когда-то получалъ больше палочныхъ ударовъ, чѣмъ похвалъ. Конечно, со времени Анны Іоанновны до Елизаветы, отъ Волынскаго до И. И. Шувалова, умственная и литературная жизнь въ Россіи сдѣлала по пути нравственнаго совершенства значительный шагъ впередъ, обѣщавшій наступленіе лучшихъ временъ. Шуваловъ уже игралъ роль мецената съ нѣкоторымъ изяществомъ и благородствомъ. Это не мѣшало ему, однако, вызывать между Ломоносовымъ и Сумароковымъ столкновенія, часто доходившія до кулачнаго боя, и я смѣло¹ утверждаю, что и по сю пору даже въ Россіи потомство не сумѣло воздать должное въ полной мѣрѣ этому крестьянину, заслуги котораго не имѣютъ себѣ равныхъ въ его отечествѣ. Пушкинъ отказалъ въ признаніи за нимъ поэтическаго дара, и я уже возставалъ противъ этого несправедливаго приговора². Но я охотно соглашусь, что этотъ споръ не имѣетъ большого интереса. Въ поэзіи, литературѣ и наукѣ Ломоносовъ не является болѣе или менѣе славнымъ соперникомъ какой либо русской или иностранной знаменитости. Онъ прежде всего—предокъ, предшественникъ и инициаторъ. Его стихи не могутъ сравниться со стихами Пушкина, но, не будь его, авторъ «Евгенія Онѣгина» не могъ бы написать своихъ. Ломоносовъ не художникъ слова; онъ былъ сынъ своего времени, а тогда искусство еще не родилось. Ему недоставало изящества формы и тонкости чувства; но онъ обладалъ вдохновеніемъ, героической ширью и мужественной силой и вмѣщалъ въ себѣ всю душу великаго прошлаго своего народа, родившаго его, и его великаго будущаго, возвыщеннаго имъ. Онъ заключалъ въ себѣ нѣсколько вѣковъ исторіи, гдѣ безъ него царствованіе Елизаветы не заняло бы столь виднаго мѣста.

¹ Ярошъ, «Характеры былаго времени». 1898, стр. 81.

² Waliszewsky, «Litterature russe», стр. 80.

Онъ къ тому же былъ и государственнымъ дѣятелемъ и нѣкоторыя его сочиненія, появившіяся только въ 1819 году и то съ пропусками, еще и теперь поражаютъ смѣлостью взглядовъ на нѣкоторые вопросы политическаго и экономическаго порядка ¹.

Я не упомянулъ о его трагедіяхъ. Въ произведеніяхъ этого рода его затмилъ Сумароковъ. Тѣмъ не менѣе Сумароковъ былъ бы ничтожествомъ, если бы ему не удалось связать свое имя съ возникновеніемъ русскаго театра. Именно съ этой точки зрѣнія и нужно судить о всѣхъ представителяхъ этого времени, когда зарождался въ Россіи новый міръ. Путемъ театра въ ней пробудилась артистическая жизнь, и поэтому я долженъ посвятить нѣсколько страницъ этому предмету, который самъ по себѣ представляетъ лишь посредственный интересъ.

V.

Первые шаги въ области искусства. — Сумароковъ.

Рисуя картину царствованія Анны Іоанновны ², я отмѣтилъ появленіе франко-итальянскаго элемента, стремившагося замѣнить собою нѣмецкій, въ придворныхъ представленіяхъ, единственной артистической и литературной аренѣ, существовавшей въ то время въ Россіи. Во времена Елизаветы этотъ элементъ добился полнаго торжества. Итальянская опера подъ управленіемъ Арайя имѣла еще болѣе многочисленную труппу и еще болѣе избранныхъ артистовъ, нежели при Аннѣ Іоанновнѣ. Тогда же былъ учрежденъ постоянный театръ французской комедіи, и въ 1754 году, во время пребыванія императрицы въ Москвѣ, въ виду явнаго предпочтенія, отдаваемаго публикой французскому театру, былъ закрытъ нѣмецкій театръ, существовавшій въ этомъ городѣ. Играя въ Петербургѣ, фран-

¹ Пекарскій, «Исторія Академіи наукъ», т. II, стр. 756. Труды Ломоносова, напечатанные въ 1803 г., вышли съ тѣхъ поръ, благодаря Академіи наукъ и г. Сухомлинову, новымъ, прекраснымъ изданіемъ въ 1898 г. 4 тома, 8°; Биларскій собралъ для его біографіи въ 1865 году матеріалы, которые являются для изученія его жизни лучшимъ источникомъ. Пекарскій въ своемъ 2-мъ томѣ «Исторія Академіи наукъ» воспользовался ими для біографическаго очерка.

² «L'Héritage de Pierre le Grand», стр. 73.

Александръ Петровичъ Сумароковъ.

Рис. П. Перелешинъ, грав. Н. Саблинъ.

цузскіе комическіе актеры составляли въ это время очень шумную и безпокойную компанію, заставлявшую говорить о себѣ даже внѣ стѣнъ театра. Одинъ изъ этихъ артистовъ, Морембергъ, сдѣлался дипломатомъ, и въ 1757 году маркизь Лопиталь пользовался его услугами. Другой—Чуди, сынъ совѣтника Мецкаго парламента, принялъ въ Россіи фамилію кавалера де Люси и дѣлилъ свой досугъ между политикой и литературой, состоя то — секретаремъ барона Строганова, то — шпиономъ на жалованьи И. И. Шувалова и редакторомъ «Литературнаго Хамелеона». Мы встрѣтимся еще съ нимъ въ исторіи дипломатіи этого царствованія. Съ другой стороны Ландэ образовалъ русскій кордебалетъ, вскорѣ удивившій своимъ искусствомъ иностранцевъ, посѣщавшихъ Петербургъ; первыя артистки его соперничали со знаменитою Фузани.

Не трудно объяснить быстрое усвоеніе этой формы искусства. Она еще и теперь ярко блещетъ въ Россіи. Но внѣ ея, въ области пластики Россіи, исторія искусства временъ Елизаветы сливается, наоборотъ, съ исторіей французскихъ и итальянскихъ артистовъ, французскихъ въ особенности, привлеченныхъ русской императрицей. Петръ Великій набиралъ главнымъ образомъ инженеровъ, архитекторовъ и ремесленниковъ; его дочь имѣла другія заботы и добивалась иного, хотя она и смотрѣла на знаменитыхъ художниковъ и скульпторовъ, которыми она старалась себя окружить, лишь какъ на украшеніе своего двора, и, казалось, вовсе не заботилась о поощреніи въ этомъ отношеніи мѣстныхъ талантовъ. Въ 1756 году она велѣла написать свой портретъ французу Токе и итальянцу Ротари, а въ 1758 г. выписала Луи-Франсуа Лагрэнэ, оставшагося въ Россіи до 1780 г. Чтобы дать ему занятіе, а также уступая желанію И. И. Шувалова, она способствовала восстановленію Академіи художествъ, учрежденію, захирѣвшему со времени Петра Великаго. Лагрэнэ сталъ ея директоромъ, а Луи Жозефъ Ле Лоррэнъ—профессоромъ. Но эти мастера не создали русскихъ учениковъ и петербургскія красавицы, желавшія передать свои черты потомству, были принуждены, послѣ отъѣзда Токе, прибѣгать къ кисти Ванъ-Лоо. Національное искусство медлило разцвѣтать при этихъ условіяхъ, тѣмъ не менѣе сила общаго увлеченія всеми формами мѣстной культуры была такова, что нѣмецъ Штелинъ, жившій въ Россіи съ 1735 г. и носившій странное званіе «профессора аллегоріи», взялъ на себя въ это

время скромную, но полезную инициативу. Онъ сталъ собирать рѣдкіе образцы національныхъ произведеній, портреты, картины, гравюры; которые ему удавалось открыть, и составилъ многочисленныя замѣтки для исторіи этихъ безвѣстныхъ начинаній¹. Ему не помогали въ его работѣ; поощренія и щедроты Елизаветы были направлены въ другую сторону. Въ 1743 г. она дала 200 рублей Ивану Вешнякову за свой портретъ, написанный для Сената; но крупный заказъ того года,—двѣнадцать портретовъ для русскихъ посольствъ въ иностранныхъ государствахъ,—долженъ былъ исполнить опять-таки иностранецъ, французъ Каравакъ, бездарный живописецъ: ему и заплатили соотвѣтственно его таланту—1200 руб. за дюжину портретовъ. Въ 1747 году Вешняковъ занялся копіей портрета Екатерины I съ нѣмецкаго оригинала; среди художниковъ граверовъ, работавшихъ надъ воспроизведеніемъ различныхъ портретовъ Елизаветы, лишь одинъ носилъ русское имя—Иванъ Соколовъ. Исторія русскаго театра того времени болѣе замѣчательна.

Его успѣхъ объясняется только тѣмъ взрывомъ естественныхъ силъ, на который приходится постоянно ссылаться для истолкованія различныхъ явленій эволюціи, Россіи того времени полныхъ неожиданностей. Изъ всѣхъ выраженій художественной мысли сценическое искусство, конечно, наиболѣе доступное. Мы всѣ болѣе или менѣе актеры. Поэтому было вполнѣ естественно, что художественное чувство русскаго народа вылилось прежде всего въ эту форму. Зародился русскій театръ быстро и внезапно. Еще въ 1749 году Сенатъ далъ привилегію нѣмцу Гильфердингу для представленія комедій и оперъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Нарвѣ, Ревелѣ, Ригѣ и Выборгѣ. Собственно говоря, тогда о русскомъ театрѣ не было и помину. Русскія народныя представленія давались по праздничнымъ днямъ въ Петербургѣ и Москвѣ при содѣйствіи молодыхъ канцелярскихъ писцовъ: они не выходили изъ цикла древнихъ мистерій, діалоговъ и драмъ, изображавшихъ картины изъ древней исторіи священнаго писанія. Между прочимъ, представляли мистерію Рождества Христова, но по приказанію набожной Елизаветы, личность Св. Дѣвы была замѣнена иконой, которую приносили на сцену всякій разъ, какъ Божія Матерь должна была бы

¹ Ровинскій, «Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ», 1889, т. IV, стр. 501.

Яковъ Штелинъ.
Съ гравюры Штенглина.

появляться¹. Высшіе классы общества не принимали вовсе участія въ этихъ грубыхъ развлеченіяхъ; они предоставляли ихъ простому народу, наслаждаясь сами лишь итальянской оперой, французской комедіей и балетомъ; къ тому же, по причинамъ политическаго порядка постановка русскихъ спектаклей въ частныхъ домахъ была воспрещена.

Однако вскорѣ произошло событіе, оказавшее большое вліяніе на будущность русскаго искусства въ этомъ направленіи. Въ 1747 году воспитанникъ Кадетскаго корпуса Алексѣй Петровичъ Сумароковъ поставилъ русскую трагедію своего сочиненія «Хоревъ»; сюжетъ ея былъ заимствованъ изъ русскихъ былинъ; пьеса имѣла блестящій успѣхъ. Ломоносовъ только что пріучилъ слухъ своихъ соотечественниковъ къ гармоніи національной поэзіи; даже при дворѣ стали повторять отрывки изъ «Хорева». Французская комедія потеряла часть своего обаянія, и Елизавета, имѣвшая особыя причины цѣнить представленія, даваемые въ Кадетскомъ корпусѣ, раздѣляла общее увлеченіе. Въ 1750 году Сумарокову приказано было выбрать среди воспитанниковъ корпуса нѣсколькихъ актеровъ и организовать при ихъ участіи правильныя представленія русскихъ трагедій. Въ сочиненіи этихъ трагедій Тредьяковскій и Ломоносовъ должны были сотрудничать съ авторомъ «Хорева»; школа превратилась въ театральное фойэ и при дворѣ, какъ и въ городѣ, всѣ говорили не иначе какъ александрійскими стихами. Но эти представленія, завоевавшія себѣ столь крупный успѣхъ, были доступны только весьма ограниченному кружку лицъ. Вслѣдствіе этого, указомъ 21 декабря 1751 года снято было запрещеніе, наложенное на домашніе спектакли. Однако все это касалось лишь избраннаго общества, и большинство публики должно было по прежнему довольствоваться представленіями, даваемыми подъ управленіемъ Гильфердинга французомъ Саргэ съ участіемъ ученой лошади, привезенной изъ Риги.

Внезапно, въ январѣ 1752 года, въ Петербургѣ распространился слухъ, что въ Ярославлѣ существуетъ театръ, вмѣщающій тысячу зрителей, гдѣ купеческій сынъ Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ даетъ представленія въ прозѣ и стихахъ. Мы находимъ въ его лицѣ типичный примѣръ художественнаго призванія, направленнаго на этотъ путь при отсутствіи какихъ-либо

¹ Corvin, «Le théâtre russe». Paris, 1890, стр. 94.

спеціальнихъ дарованій. Волковъ не былъ ни актеромъ, ни художникомъ; но онъ родился вообще артистомъ. Съ дѣтства онъ рисовалъ, писалъ, лѣпилъ. Пребываніе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Москвѣ развило въ немъ вкусъ къ театру и посѣщеніе итальянской оперы въ Петербургѣ незадолго до того вскружило ему голову. Онъ осматрѣлъ театръ, сдѣлалъ замѣтки, нарисовалъ планъ и, вернувшись въ Ярославль, устроилъ сцену въ своей квартирѣ.

Не слѣдуетъ забывать, что то была эпоха, когда во Франціи увлеченіе театромъ завладѣло всѣмъ обществомъ. Эти теченія чрезвычайно заразительны, хотя способъ ихъ распространенія относится къ числу непонятныхъ явленій интеллектуальнаго міра. Молодой ярославскій мѣщанинъ, никогда не бывавшій въ Парижѣ, находился, несомнѣнно, подъ вліяніемъ представленій, даваемыхъ у герцогини Вильруа, у принца Конти и у герцога де-Грамонъ. Весь городъ посѣщалъ его театръ, такъ что въ скоромъ времени зрителямъ стало тѣсно, и денежный сборъ, произведенный среди нихъ, покрылъ расходы по устройству другого, болѣе обширнаго театральнаго зала, гдѣ Волковъ былъ архитекторомъ, машинистомъ, декораторомъ и главнымъ актеромъ. Когда Петербургъ узналъ объ этомъ, то пришелъ въ негодованіе, что провинціальный городъ его опередилъ, и сенатскимъ указомъ приказано было выслать къ Невскимъ берегамъ труппу, декораціи и костюмы.

Сначала труппа вызвала лишь разочарованіе. Ярославскіе актеры должны были учиться еще многому, и самъ Волковъ, въ особенности, усвоилъ себѣ нѣкоторые приемы и даже ужимки итальянскихъ образцовъ, изученныхъ имъ въ оперѣ, но примѣненіе ихъ къ его обычному репертуару давало плачевные результаты. Онъ говорилъ речитативомъ. Его всетаки оставили въ Петербургѣ и онъ образовалъ вмѣстѣ съ двумя товарищами ядро новой труппы, игравшей съ 1756 г. въ новомъ театрѣ, выстроенномъ въ столицѣ. Волковъ исполнялъ съ одинаковымъ успѣхомъ трагическія и комическія роли, а одинъ изъ его товарищей, Дмитревскій, былъ посланъ въ Парижъ и Лондонъ для усовершенствованія въ своемъ искусствѣ.

Елизавета настолько благосклонно относилась къ актерамъ, что позволила имъ даже носить шпагу, хотя эта привилегія принадлежала въ Россіи, какъ и въ другихъ государствахъ, однимъ дворянамъ. Мѣра эта, по словамъ приказа, имѣла цѣлью «поднять во мнѣніи общества ремесло этихъ артистовъ и воз-

буждать у нихъ духъ благородной гордости». Не забудемъ, что это было то время, когда въ Парижѣ тѣлу Адриены Лекуверрѣ было отказано въ христіанскомъ погребеніи.

Въ 1759 году другой русскій театръ былъ основанъ въ Москвѣ; онъ сталъ побѣдоносно соперничать со знаменитой труппой Локателли, переѣхавшей въ Москву вслѣдствіе того, что она не дѣлала болѣе сборовъ въ Петербургѣ, несмотря на присутствіе въ ней красивой пѣвицы Мантованины и знаменитаго кастрата Манфредини. Въ 1762 году Локателли объявилъ себя банкротомъ. Открывшееся теченіе было непреодолимо, и самъ Арайя началъ писать свою музыку на либретто, сочиненныя Сумароковымъ. Такимъ образомъ въ 1755 г. написана была опера «Цефаль и Прокриса».

Въ 1760 году въ новомъ лѣтнемъ дворцѣ Елизавета устроила красивую театральную залу для французскихъ комедій; но русская труппа играла въ ней два раза въ недѣлю.

Безъ сомнѣнія, создавшійся такимъ путемъ русскій репертуаръ не отличался оригинальностью. Въ Москвѣ, какъ и въ Петербургѣ, онъ состоялъ главнымъ образомъ изъ передѣлокъ или переводовъ французскихъ пьесъ; «Скупой» смѣнялся «Тартюфомъ», а «Полиевктъ» — «Андромахой». Хотя Сумароковъ и былъ плодовитымъ драматургомъ, онъ не успѣвалъ бы иначе ставить пьесы на обѣ сцены, и его сочиненія, какъ въ комическомъ, такъ и въ трагическомъ стилѣ, являлись большею частью грубыми подражаніями. Его «Гамлетъ» можетъ служить тому примѣромъ. Въ виду того, что мѣстные театральныя приспособленія не были приноровлены къ появленію духовъ, привидѣніе короля, выведенное на сцену Шекспиромъ, было исключено его русскимъ соперникомъ и замѣнено появленіемъ кормилицы, исполнявшей одновременно и роль Офеліи. Сумароковъ счелъ нужнымъ замѣнить монологи датскаго принца, слишкомъ тонкіе для московскихъ зрителей, тирадами, заимствованными у Вольтера. Тѣмъ не менѣе въ 1757 году появленіе «Синава и Трувора», новой трагедіи того же автора, было отмѣчено даже въ Парижѣ въ «Mercure de France» какъ литературное событіе, представляющее интересъ для драматическаго искусства всѣхъ странъ и какъ результатъ вполне самобытнаго вдохновенія. Своимъ сюжетомъ, почерпнутымъ изъ исторіи великаго Новгородца, произведеніе это дѣйствительно воскрешало событія и личности, о которыхъ ни Корнель, ни Вольтеръ, конечно, не имѣли понятія: но всетаки вѣстникъ несчастія страннымъ образомъ напо-

минаетъ у Сумарокова Терамена. Посредственный поэтъ, неискusstный драматургъ, Сумароковъ умѣлъ чрезвычайно ловко пользоваться рекламой, даже въ области международныхъ сношеній.

Но авторъ «Синава и Трувора» оказалъ огромную услугу своему отечеству. Онъ внушилъ ему сознаніе литературной самобытности, и съ той поры національный геній стремился дать ей выходъ. Онъ разбудилъ душу народа, познакомивъ ее съ новымъ міромъ образовъ, мыслей, чувствъ, гдѣ плохо истолкованное и иногда облеченное въ странныя формы національное прошлое вспоминалось и возставало въ воображеніи толпы и заставляло ее желать, чтобы переживаемыя имъ ощущенія вылились въ болѣе художественную форму. Онъ былъ первымъ литераторомъ въ своемъ отечествѣ. Кантеміръ былъ дипломатомъ, Тредьяковскій—профессоромъ, Ломоносовъ—инженеромъ и промышленникомъ. Сумароковъ жилъ исключительно театромъ и печатью. Онъ управлялъ первой русской сценой, затѣмъ сдѣлался редакторомъ перваго литературнаго обзорѣнія, появившагося въ Россіи: «Трудолюбивая Пчела». Онъ заполнялъ его почти единолично не только своими театральными пьесами, но и историческими и филологическими статьями, одами, элегіями, эпилогами, баснями и эпиграмами. Когда черезъ годъ «Пчела» прекратила свое существованіе, онъ перенесъ свою дѣятельность на еженедѣльный сборникъ «Праздное Время», издававшійся при Кадетскомъ корпусѣ. Сцена поглощала лишь меньшую часть его дѣятельности, столь же обширной и разнообразной, какъ и дѣятельность Ломоносова. Отчасти изъ-за соперничества съ Ломоносовымъ, отчасти изъ подражанія Вольтеру, Сумароковъ испробовалъ всѣ роды литературы, но многія его произведенія намъ неизвѣстны. Его народныя пѣсни, увлекавшія современную ему молодежь, никогда не были изданы. Кажется, онъ былъ инициаторомъ и въ области любовной лирической поэзіи и научилъ свое поколѣніе поэтически выражать чувства нѣжности.

Общими чертами своего нравственнаго облика онъ походилъ на Ломоносова, обладая, однако, большей тонкостью при менѣе всеобъемлющемъ геніи и меньшей суровости темперамента. Онъ былъ дворяниномъ и переписывался съ Вольтеромъ. Авторъ «Candide» охотно подписался бы подъ нѣкоторыми его остроумными, пріобрѣтшими извѣстность: однажды онъ обратился со слѣдующими словами къ одному лакею, покупавшему въ книжномъ

магазинѣ книжку: «Честный человекъ и мошенникъ»¹: «Разорви эту книгу и отнеси Честнаго человека къ . . . Якову Матвѣевичу Евреинову, а Плута—своему господину вручи». На вопросъ, поставленный въ одномъ собраніи: «что тяжелѣе—умъ или глупость?» онъ отвѣтилъ: «Понятно, глупость. Вы же знаете, что такой-то ѣздитъ четверикомъ, а для меня довольно и одиночки»². Въ этихъ острогахъ сказывается новый оборотъ мысли, точно такъ же какъ во всемъ существѣ ихъ автора—въ его произведеніяхъ, какъ и въ его обращеніи, обнаруживается начало новой, обильно насыщенной западными элементами культуры, хотя еще очень поверхностной и въ особенности очень непоследовательной. Умъ Сумарокова представлялъ собою хаосъ и собраніе противорѣчій. Въ его журнальныхъ статьяхъ ему часто случалось противорѣчить самому себѣ, иногда даже на одной и той же страницѣ. Написавъ панегирикъ дѣяніямъ Петра Великаго, онъ тутъ же принимается за восхваленіе стараго режима; онъ называетъ Александра самымъ великимъ человекомъ и тотчасъ же сравниваетъ его съ Катилиной, высказывая увѣренность въ томъ, что только успѣхъ составилъ разницу въ ихъ карьерахъ. Но не является ли самъ по себѣ этотъ литературный журнализмъ, расцвѣтшій въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы, признакомъ значительнаго прогресса? Въ мірѣ интеллектуальномъ, какъ и въ мірѣ физическомъ безсвязность составляетъ неотъемлемую принадлежность періодовъ формаци. Отъ Ломоносова до Сумарокова прогрессъ этотъ бросается въ глаза, сказываясь главнымъ образомъ въ новой роли, присвоенной чужеземнымъ элементамъ, не являющимся, какъ прежде, лишь внѣшнимъ наслоеніемъ, а начинающимъ проникать въ глубину мѣстной культуры и развивать въ ней зачатки новой жизни. То была тяжелая и опасная эволюція, въ скоромъ времени направившая литературу на путь рабскаго подражанія, но тѣмъ не менѣе преодолевшая всѣ препятствія и въ концѣ концовъ заставившая Россію усвоить и вполне самостоятельно переработать всѣ формы и идеи, составляющія общее достояніе цивилизованныхъ народовъ.

При свѣтѣ фактовъ, слишкомъ бѣгло, можетъ быть, представленныхъ мною на предыдущихъ страницахъ, дѣло, испол-

¹ Комедія Фарз (?), переведенная съ французскаго, 1762 г.

² «Русскій Архивъ», 1874 г. стр. 1097.

ненное въ Россіи подъ руководствомъ дочери Петра Великаго, имѣеть чрезвычайно важное значеніе. Въ области политики она сперва стремилась вернуться къ принципамъ преобразовательной эпохи, въ особенности въ области сношеній съ внѣшнимъ міромъ и использованія иностраннаго элемента. На вершинахъ административной іерархіи не было больше нѣмцевъ. Даже при замѣщеніи низшихъ должностей Елизавета всегда справлялась, нельзя ли замѣнить иностранца русскимъ. Эта предвзятость заключала въ себѣ временное неудобство, но она въ результатѣ образовала мало-по-малу въ Россіи классъ государственныхъ людей и военачальниковъ, составившихъ славу слѣдующаго царствованія.

Въ области экономической, производительныя силы и богатства страны, въ силу упраздненія внутреннихъ таможенъ, созданія кредитныхъ банковъ, толчка, даннаго эксплуатаціи рудниковъ, и развитію торговли съ Азіей—значительно выросли и окрѣпли.

Колонизація юго-восточныхъ степей, предпринятая съ помощью заграничныхъ славянъ, вопросъ о монастырскихъ владѣніяхъ, разрѣшенный въ духѣ Петра I и въ тѣсной связи съ учрежденіемъ свѣтскихъ благотворительныхъ учреждений, намѣтили въ двухъ различныхъ направленіяхъ новые пути политическаго, экономическаго и соціального развитія, гдѣ современной Россіи остается еще обширное поле для работы.

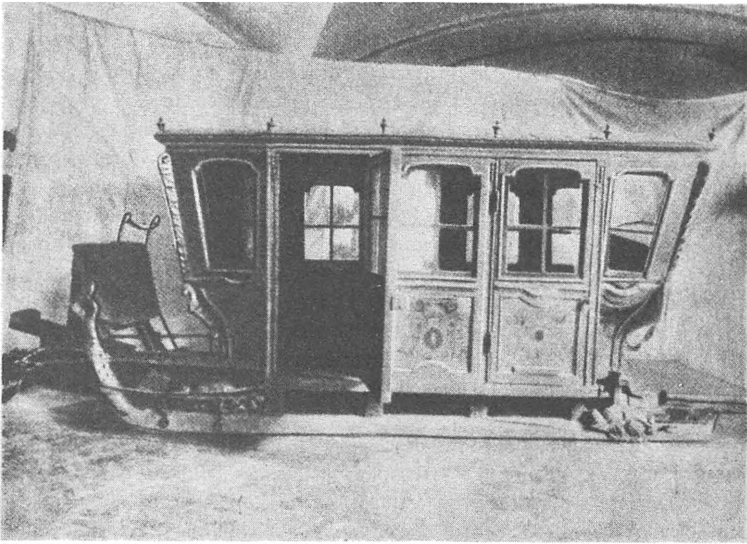
Созданіемъ Московскаго университета, организаціей средняго образованія и основаніемъ національнаго театра, въ особенности дѣятельностью Ломоносова, о которомъ Пушкинъ выразился справедливо: «онъ создалъ первый русскій университетъ; онъ, лучше сказать, самъ былъ первымъ нашимъ университетомъ»,—народъ Петра Великаго сдѣлалъ еще одинъ гигантскій шагъ впередъ; не перегнавъ своихъ сосѣдей Запада, какъ то твердили Екатеринѣ иностранныя льстецы, а сто лѣтъ спустя стали повторять и въ Россіи, даже еще и не догнавъ ихъ, русскій народъ все же вступилъ на путь плодотворнаго умственнаго и нравственнаго общенія съ ними. Наконецъ, царствованіе Елизаветы подготовило дворъ и общество слѣдующей эпохи съ ея внѣшнимъ блескомъ и пороками, съ внѣдреніемъ въ высшихъ слояхъ роскоши, утонченности, развращенности и сохраненіемъ въ низшихъ—зіяющей раны крѣпостного права. Но періоды развитія и быстрого роста неразлучны съ этими болѣзненными уклоненіями. Къ счастью, періоды эти переходящи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВНѢШНЯЯ ИСТОРИЯ ЦАРСТВОВАНІЯ.

Зимній возокъ императрицы Елизаветы Петровны.
(Находится въ Оружейной Палатѣ въ Москвѣ).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Конецъ шведской войны. — Романъ маркиза Шетарди.

- I. Елизавета и европейская дипломатія. — Война за Австрійское наслѣдство. — Опасенія по поводу той роли, которую Россія пожелаетъ играть въ этой войнѣ. — Дипломатическій корпусъ въ С.-Петербургѣ. — Маркизь Шетарди. — Его первое свиданіе съ новой императрицей. — Война между Россіей и Швеціей. — Вмѣшательство французскаго дипломата. — Перемиріе. — Протестъ Фридриха II. — Успѣхи маркиза Шетарди. — Путешествіе въ Москву. — Неожиданный поворотъ въ дѣйствіяхъ Россіи. — Его причина. — Елизавета и ея министры. — Бестужевъ. — Шетарди взываетъ къ чувствамъ императрицы. — II. Романъ маркиза Шетарди. — Борьба съ министрами и нѣжныя отношенія съ императрицей. — Любовныя свиданія. — Въ «опочивальнѣ». — Паломничество въ Троице-Сергіевскую Лавру. — Торжество любви. — Политическое пораженіе. — Отъѣздъ. — III. Между Версалемъ и Москвою. — Маркизь Шетарди въ Берлинѣ. — Неудача. — Возобладаніе англійскаго вліянія при русскомъ дворѣ. — Англо-русскій договоръ. — Проектъ брака герцога Голштинскаго съ французскою принцессой. — Пораженіе. — Побѣда Пруссіи. — Шетарди во Франціи. —

Лестоку убѣждаетъ его возвратиться въ Россію. — Требованіе, предъявленное имъ Елизаветѣ. — Она должна прежде уволить своихъ министровъ. — «Они или я». — Отказъ. — IV. Миръ въ Або. — Разгромъ шведовъ. — Безсиліе Франціи. — Договоръ, продиктованный Россіей. — Франція принимаетъ рѣшеніе держаться въ сторонѣ. — Событіе, заставившее ее измѣнить эту политику. — V. Дѣло Ботта. — Австрійская дипломатія въ Россіи, ея успѣхи и пораженія. — Ложный заговоръ. — Лестоку хотеть воспользоваться имъ, чтобы свергнуть Бестужева. — Австрійскій посланникъ скомпрометированъ. — Арестъ жены Бестужева. — Судебный приговоръ и казни. — Новая неудача. — Положеніе Бестужевыхъ остается попрежнему твердымъ. — Шетарди, тѣмъ не менѣе, находитъ время подходящимъ чтобы свергнуть ихъ. — Вопросъ объ его отъѣздѣ въ Россію рѣшенъ. — Данныя ему инструкціи. — Окончательный планъ. — Рискованная авантюра. — VI. Возвращеніе въ Россію. — Опасное путешествіе. — Первый разговоръ съ Елизаветой. — Портретъ короля. — Вопросъ объ императорскомъ титулѣ. — Французскій дипломатъ не признается русскимъ правительствомъ. — Повѣренный въ дѣлахъ д'Аллионъ. — Его отношеніе къ Шетарди. — Рѣзкое столкновеніе. — Елизавета потѣшается надъ нимъ. — Пучокъ розогъ. — Штарди и Мардефельдъ. — Прусская дипломатія. — Приѣздъ въ Россію принцессы Цербстской и ея дочери. — Двойственная игра Фридриха. — Отъѣздъ въ Москву. — Новый соперникъ. — Лордъ Тироули. — Соглашеніе англійскаго дипломата съ Бестужевымъ. — «Мина». — Ничтожная роль французскаго посланника. — Отказъ министровъ имѣть съ нимъ дѣло. — Обманчивая любезность Елизаветы. — Опасное положеніе. — Послѣднее упованіе на Лестока. — Измѣна хирурга. — Мина взрывается. — VII. Катастрофа. — Перехваченная переписка. — Слова Шетарди, оскорбительныя для Елизаветы. — Гнѣвъ императрицы. — Бестужевъ предлагаетъ ей выслать дипломата изъ Россіи. — Колебанія. — Вмѣшательство Тироули. — Отъѣздъ императрицы въ Троицкую Лавру. — Русскія власти занимаютъ домъ Шетарди. — Приказъ выѣхать въ двадцать четыре часа. — Возвращеніе во Францію. — Конецъ карьеры.

Историческія сочиненія, посвященныя восемнадцатому вѣку и касающіяся виѣшней политики Россіи — такихъ трудовъ не мало за границей, и многіе изъ нихъ значительны и цѣнны — въ большой мѣрѣ облегчили мнѣ задачу, къ которой я теперь приступаю. Но въ то же время они и осложнили ее. Я долженъ предполагать, что они знакомы читателямъ, хоть не могу быть вполне въ этомъ увѣренъ. Съ другой стороны я нашелъ въ работахъ моихъ предшественниковъ нѣкоторые пропуски, неясности и даже неточности, которыя приводили, какъ мнѣ казалось, къ полному искаженію исторической правды. Да простится мнѣ, поэтому, моя скромная попытка возстановить эту правду, и пусть историки, сужденія которыхъ мнѣ придется оспаривать, не откажутся мнѣ вѣрить, что я дѣлаю это безъ

всякаго высокоумія или неуваженія къ нимъ. Я признаю всецѣло, какъ уже говорилъ выше, достоинства прежнихъ историческихъ изысканій, позволившихъ мнѣ предпринять мой трудъ, который я, въ свою очередь, не считаю исчерпывающимъ. Другіе послѣ меня будутъ продолжать мою работу, стараясь добиться въ ней большей точности и полноты; они также пересмотрятъ и сдѣланныя мною открытія и выведенныя на ихъ основаніи заключенія и, надѣюсь, воспользуются той долей, которую я вложилъ въ наше общее дѣло.

I.

Елизавета и европейская дипломатія.

Мнѣ, разумѣется, нечего напоминать читателямъ, каково было положеніе Европы при восшествіи Елизаветы на престолъ. Австрійское наслѣдство и грубое нападеніе Фридриха, жертвой котораго сдѣлалась наслѣдница Карла IV, попрежнему служили предметомъ раздора между западными державами и дѣлили ихъ на два враждебные лагеря: съ одной стороны стояли Австрія и Англія, съ другой Пруссія и Франція. Кромѣ того, чтобы не допустить вмѣшательства Россіи въ пользу ея союзницы Австріи, Франція и Пруссія натравили на Россію Швецію. Шведская армія открыла военныя дѣйствія противъ Россіи посреди зимы подъ тѣмъ предлогомъ, что она требуетъ возстановленія правъ Елизаветы на наслѣдіе Петра Великаго. Это была новая война за наслѣдство, искусственно созданная первой австрійской войной. Но когда цесаревна Елизавета Петровна неожиданно для всѣхъ дѣйствительно сѣла на престолъ отца, не прибѣгая при этомъ къ помощи иностранныхъ покровителей, то невольно возникъ вопросъ, положитъ ли воцареніе Елизаветы конецъ безславной кампаніи шведовъ. Этотъ вопросъ сталъ волновать дипломатическій корпусъ С.-Петербурга на слѣдующій же день послѣ 25-го ноября 1741 года и вскорѣ возбудилъ тревогу и надежды во всѣхъ европейскихъ канцеляріяхъ, начиная съ Берлина и кончая Лондономъ. Онъ осложнялся еще многими другими. Предшественница Елизаветы, Анна Леопольдовна, завѣщала своей теткѣ не только одинъ, столь близкій ея сердцу, австрійскій союзъ. Съ рѣдкой непредусмотрительностью она успѣла заключить договоръ и съ Англіей и съ Пруссіей и такимъ образомъ связывала интересы Россіи съ каждой изъ враждующихъ

сторонъ. Который же изъ этихъ союзовъ, противорѣчащихъ одинъ другому, выберетъ Елизавета? И, сдѣлавъ выборъ, рѣшится ли она помочь союзнику съ оружіемъ въ рукахъ?

Эти сомнѣнія довольно долго оставались безъ отвѣта. Посреди радостей и волненій своего торжества, молодой императрицѣ было естественно не до того, чтобъ удовлетворять чужое любопытство. Представители дипломатическаго корпуса, пораженные ноябрьскимъ переворотомъ, почти всѣ находились у нея подъ подозрѣніемъ болѣе или менѣе открытой преданности къ Брауншвейгской фамиліи; имъ не оставалось, поэтому, ничего другого, какъ ограничиться пока официальными поздравленіями, которыя ясно показывали ихъ смущеніе и ихъ тревогу. Только одинъ изъ нихъ могъ надѣяться на болѣшую откровенность со стороны императрицы. Маркизь Шетарди находился въ исключительномъ положеніи, созданномъ его прежними отношеніями съ Елизаветой. И онъ не замедлил воспользоваться имъ. Онъ уже тогда мечталъ о роли, ставшей для него впоследствии роковою, и стремился достигнуть нѣкоторыхъ личныхъ успѣховъ, думая, что они повлекутъ за собою важныя политическія послѣдствія въ интересахъ его страны. Поэтому, отказавшись на время отъ своего дипломатическаго званія, чтобъ уничтожить тѣ препятствія, на которыя натолкнулись его коллеги—онъ призналъ необходимымъ исходатайствовать себѣ у своего правительства новыя вѣрительныя грамоты къ новой государынѣ—онъ просилъ у нея милости быть принятымъ ею, «какъ простой придворный».

Иоакимъ-Жакъ Тротти маркизь де ля Шетарди происходилъ изъ итальянской семьи и былъ по карьерѣ дипломатомъ. Въ тридцать пять лѣтъ онъ насчитывалъ уже десять лѣтъ службы въ Берлинѣ. Но здѣсь онъ создалъ себѣ, откровенно говоря, лишь репутацію человѣка остроумнаго и умѣющаго жить на широкую ногу. «Маркизь пріѣзжаетъ на будущей недѣлѣ, будетъ чѣмъ угоститься»,—писалъ Фридрихъ, радуясь веселому французскому гостю въ одиночествѣ Рейнсберга. Правда, это было до 1740 года, когда Фридрихъ былъ еще и «принцемъ философомъ» и другомъ Вольтера. Посылая маркиза Шетарди въ Петербургъ, Франція поручила ему играть здѣсь роль, тоже скорѣе декоративную, нежели высокаго политическаго значенія. Версальскій дворъ попрежнему считалъ необходимымъ блистать на берегахъ Невы съ точки зрѣнія исключительно внѣшняго

великолѣбія. И маркизь оказался на высотѣ своей задачи, пріѣхавъ въ Петербургъ съ двѣнадцатью секретарями, шестью капеланами, пятидесятью лакеями и знаменитымъ поваромъ Баридо, настоящимъ художникомъ кухни. Этотъ поваръ тоже сыгралъ при русскомъ дворѣ свою роль такъ, что не только посвящалъ жителей Петербурга въ ученые тайны своихъ тонкихъ соусовъ, но считался нѣкоторое время высшимъ авторитетомъ въ вопросахъ гастрономіи и былъ придворнымъ поставщикомъ всего необходимаго для изящной обстановки, между прочимъ, искусственныхъ цвѣтовъ, которыми въ то время было принято украшать обѣденный столъ. Говорятъ, онъ нажилъ на этомъ не дурныя деньги¹. Въ свою очередь, и пятьдесятъ тысячъ бутылокъ шампанскаго его господина тоже произвели въ Петербургѣ настоящую революцію: игристое французское вино смѣнило венгерское, которое прежде употребляли для тостовъ. Не считайте всѣ эти подробности ничтожными: онѣ занимаютъ въ исторіи народовъ болѣе крупное мѣсто, нежели принято думать.

Въ событіяхъ, предшествовавшихъ восшествію Елизаветы на престолъ, маркизь Шетарди не выходилъ изъ предѣловъ предназначенной ему его правительствомъ роли. Цесаревна попробовала было воспользоваться имъ для своихъ цѣлей, но должна была отступить передъ его сдержанностью. Она произвела переворотъ 25-го ноября безъ его помощи, но обставила дѣло такъ, точно онъ принималъ въ немъ очень большое участіе. Она думала, что въ Шетарди нѣтъ ни предпріимчивости, ни любви къ приключеніямъ и — ошибалась. Подъ своею блестящей внѣшностью версальскаго придворнаго той эпохи съ изысканными и церемонными манерами онъ таилъ, какъ многіе другіе, пылкую и мечтательную душу, готовую проявить себя при удобномъ случаѣ. Къ тому же романтичность была у него въ крови. Его мать, урожденная Монтале-Вилльбрейль, изъ стариннаго, но бѣднаго лангедокскаго рода, была извѣстна своими похождениями. «Сложенная, какъ богиня» — по словамъ Сень-Симона — «высокая, красивая, неумная, но обходительная, всегда вызывавшая о себѣ много толковъ, очень расточительная и очень надменная», — она давала богатую пищу скандальной хроникѣ того времени. Въ 1703 году она вышла замужъ за маркиза Шетарди, въ 1705, ожидая рожденія сына — будущаго посланника — уже

¹ Карновичъ, «Историческіе рассказы и бытовые очерки», 1884, стр. 290.

овдовѣла и вскорѣ вступила въ новый бракъ съ баварскимъ дворяниномъ графомъ Монастеролемъ. Она блистала среди извѣстныхъ красавицъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Людовика XIV, удивляя Версаль и Мюнхенъ своими приключеніями, пока второй супругъ ея не застрѣлился, прокутивъ все свое состояніе ¹. Графиня Монастероль осталась въ крайней бѣдности и принуждена была нищенствовать, стучась въ двери своихъ прежнихъ друзей. Между прочимъ, она взывала и къ великодушцю польскаго короля, и въ благодарность за выпрошенные деньги она обѣщала ему постоянно носить на память о немъ браслетъ, выражая при этомъ надежду, что онъ не забудетъ приложить этотъ браслетъ къ деньгамъ ². Какъ видно, у нея не было недостатка въ воображеніи. У сына же ея было, пожалуй, даже слишкомъ много. Но у него былъ узкій, ограниченный умъ, одинъ изъ тѣхъ умовъ, которые упорно цѣпляются за какую-нибудь идею, потому что не могутъ вмѣстить больше одной разъ.

Въ программу Елизаветы входило выказывать представителю Людовика XV усиленную благодарность за услуги, которыхъ онъ ей не оказывалъ, и довѣріе, котораго онъ далеко не внушалъ ей. Я уже рассказывалъ, какъ въ теченіе перваго дня послѣ своего восшествія на престолъ, она шесть разъ посылала маркизу Шетарди записки. Но не всѣ ея посланія къ нему были чисто демонстративны: во второмъ изъ нихъ она просила его остановить военныя дѣйствія шведовъ. Послѣ небольшого колебанія Шетарди повиновался и отправилъ къ шведскому главнокомандующему курьера, а она продолжала писать ему о вещахъ, не имѣвшихъ, повидимому, никакого значенія. Онъ не понялъ ея маневра, и воображеніе его разыгралось. Онъ унесся мечтами въ тѣ волшебныя страны, гдѣ принцессы выходятъ замужъ за пастуховъ, и придворные завоеваютъ страны при помощи мадригаловъ. Впрочемъ, развѣ дѣйствительность въ Россіи не походила въ то время на сказку, и развѣ Биронъ, смѣнивъ Меншикова, не былъ регентомъ? Маркизь Шетарди навѣрное вспомнилъ о нихъ въ тотъ памятный день и въ достаточно романтическомъ настроеніи отправился вечеромъ къ царцѣ.

¹ Saint-Simon, «Mémoires», т. XV, стр. 439--441, изд. 1901 г.

² Пекарскій, «Маркизь де ла Шетарди въ Россіи», 1882, стр. XX.

Онъ нашелъ ее въ какомъ-то «вихрѣ»—я привожу слова, которыми онъ самъ рисуетъ свое впечатлѣніе,—взволнованную, возбужденную, говорящую быстро и несвязно.

— Что-то скажутъ мои добрые друзья англичане?—воскликнула она, увидѣвъ его.—Имъ представляется теперь удобный случай поддержать гарантію, данную ими сыну принца Брауншвейгскаго.

Она называла такъ маленькаго низвергнутаго императора. Потомъ продолжала:

— Есть еще человѣкъ, котораго мнѣ было бы любопытно видѣть. Это—Ботта. Мнѣ кажется, онъ будетъ немного смущенъ. Но напрасно; я охотно дамъ ему тридцать тысячъ солдатъ.

Этихъ словъ было достаточно, чтобы сбросить маркиза съ высоты его воздушныхъ замковъ. Вѣдь Елизавета раскрывала передъ нимъ всю тайну своей будущей политики и, вмѣсто привѣта, сообщала представителю Франціи, что посылаетъ на берега Рейна тридцать тысячъ солдатъ, чтобъ сразиться съ войсками его государя. Ботта, какъ извѣстно, былъ посломъ Маріи-Терезіи въ Петербургѣ. Но молодой французскій дипломатъ уже утратилъ способность смотрѣть на вещи здраво. Произнося свои многозначительныя слова, дочь Петра Великаго улыбалась ему, и онъ видѣлъ только ея улыбку. Впрочемъ, и сама Елизавета врядъ ли отдавала себѣ полный отчетъ въ томъ, что говорила. Въ опьянѣніи новой властью и въ страстномъ желаніи скорѣе проявить эту власть и насладиться ею, она играла союзами и арміями, какъ новой, интересной забавой. Въ эту минуту она, конечно, не чувствовала никакой нѣжности къ Маріи-Терезіи. Дружба Вѣнскаго двора къ Брауншвейгской фамиліи могла вызывать въ ней лишь подозрѣніе. Притомъ, — какъ Шетарди узналъ это вскорѣ по личному опыту,—если дочь Петра Великаго и царствовала со вчерашняго дня, то она еще не управляла страной. Но всетаки ея слова должны были послужить предостереженіемъ для Шетарди, а онъ не придавалъ имъ никакого значенія. Елизавета заговорила затѣмъ о Швеціи, и онъ выказалъ полную готовность исполнить во всемъ волю императрицы. Въ одинъ изъ ближайшихъ дней главнокомандующему шведской арміей, Левенгаупту, который все еще колебался, повиноваться ли ему французскому посланцу, Шетарди отправилъ втораго курьера. Маркизь «все бралъ на себя» и приводилъ самые убѣдительныя доводы въ доказательство необходимости

мира. «Швецію ждётъ вѣрный разгромъ»,—писалъ онъ. Но Левенгауптъ былъ сбитъ съ толку. «Вы убѣждали меня какъ разъ въ противоположномъ недѣлю назадъ»,—возражалъ онъ,—«вы говорили мнѣ, что въ Россіи нѣтъ ни солдатъ, ни денегъ!»—«Теперь обстоятельства перемѣнились»,—отвѣчалъ маркизъ и перечислялъ воображаемыя богатства, отнятыя Елизаветой у Юліи Менгденъ! Въ концѣ концовъ онъ уговорилъ шведа и остался чрезвычайно доволенъ собой, убѣдивъ Елизавету написать Людовику и попросить его о посредничествѣ для окончанія шведской войны. Попрежнему улыбаясь, императрица согласилась на это подъ однимъ условіемъ: чтобы ей прислали портретъ короля, «единственнаго государя»,—сказала она,—къ которому она чувствуетъ склонность съ тѣхъ поръ, какъ себя помнитъ».

Комплиментъ былъ тонкій и полный обѣщаній; но тотъ, къ кому онъ былъ обращенъ, отказался его оцѣнить. Дѣло въ томъ, что одновременно съ письмомъ Елизаветы въ Версаль пришло извѣстіе о перемиріи, предписанномъ Швеціи, и о тягостномъ впечатлѣніи, которое это событіе произвело въ Берлинѣ. Война Швеціи съ Россіей была однимъ изъ непремѣнныхъ условій, поставленныхъ Франціи прусскимъ королемъ при заключеніи съ нею союза. А этотъ союзъ былъ теперь очень непроченъ: разсыпаясь передъ Версальскимъ дворомъ въ увѣреніяхъ въ безпредѣльной преданности, Фридрихъ имѣлъ въ то же время въ Клейнъ-Шнеллендорфѣ свиданіе съ австрійскимъ маршаломъ Нейпергомъ и выработалъ съ нимъ основныя пункты соглашенія съ Австріей. За этимъ соглашеніемъ должно было послѣдовать перемиріе и формальный договоръ. Но, какъ я уже указывалъ выше, восшествіе Елизаветы на престолъ, увеличившее опасность разрыва съ Россіей, и взятіе Праги (26 ноября 1741 г.), вернувшее счастье французскимъ войскамъ, измѣнили намѣренія непостояннаго короля. Онъ уже не такъ сильно боялся теперь австрійцевъ и опять почувствовалъ влеченіе къ соотечественникамъ Вольтера¹. Но онъ хотѣлъ въ то же время воспользоваться всѣми преимуществами, которыя ему могла дать его преданность общему дѣлу,—преданность, вспыхнувшая съ новой силой послѣ неожиданныхъ событій въ Петербургѣ. Мардефельдъ присылалъ ему донесенія, противоположныя тѣмъ свѣдѣніямъ,

¹ Le duc de Broglie, «Frédéric II et Marie-Thérèse», 1883, т. II, стр. 113—118.

Императрица Елизавета Петровна.
(Съ портрета Токе и гравюры Чемезова).

благодаря которымъ маркизъ Шетарди остановилъ наступленіе Левенгаупта. По словамъ прусскаго дипломата, русскія войска съ глубокимъ отвращеніемъ думали о предстоящей схваткѣ со шведами и надѣялись, что восшествіе Елизаветы избавить ихъ отъ этой непріятности. Они находились «въ паническомъ страхѣ» и готовы были взбунтоваться, если бы государыня настаивала на кампаніи. Мардефельдъ рассказывалъ при этомъ про одного солдата, виновнаго въ убійствѣ, который самъ выдалъ себя властямъ, говоря: «Ужъ лучше погибнуть дома, чѣмъ быть убитымъ тамъ»¹

Фридрихъ не могъ колебаться, кому вѣрить: Мардефельду или Шетарди. Его представленіе о дѣйствительномъ могуществѣ Россіи было очень смутно. Въ первомъ изданіи *Исторіи моего времени*, вышедшемъ вскорѣ послѣ его вступленія на престолъ, и въ *Мысляхъ о политическомъ положеніи Европы въ настоящее время*, появившихся въ 1738 году, онъ, распредѣляя европейскія державы по степени ихъ военныхъ силъ, не зналъ, куда помѣстить среди нихъ Россію, и, чтобъ выйти изъ затрудненія, просто позабылъ упомянуть о ней². И эта забывчивость была, въ сущности, очень близка къ презрѣнію. Въ концѣ концовъ Фридрихъ и пришелъ къ этому чувству по отношенію къ «сѣвернымъ медвѣдямъ» (Oursomanes), открыто проявляя его при своихъ сношеніяхъ съ ними. Но это случилось уже позже. А пока онъ считалъ очень полезной шведскую «диверсію», обезпечивавшую ему миръ со стороны Россіи. Онъ охотно вѣрилъ всѣмъ, кто, какъ Мардефельдъ, предсказывалъ Левенгаупту легкую побѣду, и немедленно указалъ Версалию, что поведеніе Шетарди безумно и преступно по отношенію къ общимъ интересамъ обѣихъ союзныхъ странъ

Людвикъ XV и его совѣтники были поставлены этимъ въ очень неловкое положеніе: отказаться отъ посредничества, предложеннаго Елизаветой, и оскорбить Россію—значило сдѣлать очень рискованный шагъ, но поддерживать политику, которую осуждалъ Фридрихъ, было зато прямо опасно. Они рѣшили, поэтому, сдѣлать уступки въ обѣ стороны: статсъ-секретарь Амло отправилъ маркизу депешу съ формальнымъ выговоромъ, а ко-

¹ Донесеніе Мардефельда Фридриху, 13 декабря 1741 г. Берлинскій архивъ.

² См. по этому поводу La Visse, «Le grand Frédéric avant l'avenement», 1893, стр. 178 и сл.

роль написалъ Елизаветѣ очень любезное письмо, въ которомъ принималъ ея предложеніе. За этой перепиской естественно послѣдовалъ обмѣнъ мнѣній относительно условій будущаго мира; казалось, Версальскій дворъ одержалъ блестящую дипломатическую побѣду, и Шетарди воспользовался этимъ тѣмъ болѣе широко, что Елизавета продолжала быть къ нему чрезвычайно милостива: «Маркизъ Шетарди,—писалъ англійскій посланникъ Финчъ,—повидимому, теперь главный совѣтникъ, первый министръ и во всѣхъ отношеніяхъ герцогъ Курляндскій предшествующаго царствованія». Финчъ и его товарищи съ вполнѣ понятнымъ неудовольствіемъ смотрѣли на то, что французскій посланникъ, избѣгая официальныхъ пріемовъ дипломатическаго корпуса, имѣетъ «свободный входъ» ко двору. Въ то же время въ Петербургѣ распространился слухъ о бракѣ, который долженъ былъ еще болѣе скрѣпить зарождающуюся близость между французскимъ и русскимъ дворами. Мардефельдъ подглядѣлъ портретъ принца Конти, «прекраснаго какъ ангелъ», который маркизъ Шетарди носилъ при себѣ на табакеркѣ и часто показывалъ Елизаветѣ, а Финчъ увѣрялъ, что государыня, склонная, какъ онъ думалъ, руководиться скорѣе вѣдѣніями собственнаго сердца, нежели интересами своего народа, выразила желаніе видѣть и оригиналъ. Даже гвардія вмѣшалась въ это дѣло; саксонскій резидентъ Пецольдъ рассказываетъ, что солдаты, явившись къ Шетарди поздравить его съ новымъ годомъ, «цѣловали его въ руку и въ лицо» и умоляли привезти изъ Франціи—не принца на этотъ разъ, впрочемъ, а принцессу, чтобъ окрестить ее въ русскую вѣру и выдать замужъ за герцога Голштинскаго¹. И наконецъ самъ Бестужевъ, бывшій всегда убѣжденнымъ другомъ австрійцевъ и относившійся съ открытою враждою къ французскому вліянію, смягчился, сталъ уступчивъ и принялъ, предварительно половавшись, пенсію въ пятнадцать тысячъ ливровъ отъ счастливаго маркиза Шетарди.

Продолжая хранить въ душѣ глубокое недовѣріе къ представителю «самаго интригантскаго двора въ мірѣ»², Мардефельдъ былъ въ то же время ослѣпленъ счастьемъ француз-

¹ «Сборникъ Ист. Общ.», т. ХСІ, стр. 357, 382, 442; Негманн, «Diplomatische Beiträge», т. III, стр. 11; Письмо Мардефельда Фридриху отъ 31 дек. 1741 г. Берлинскій архивъ.

² Письма Мардефельда къ Фридриху отъ 10 и 20 февраля 1742 г. Берлинскій архивъ.

скаго посла. Онъ сталъ подчеркивать, что онъ—представитель союзницы Франціи, дѣлалъ видъ, что вмѣстѣ съ Шетарди работаетъ надъ тѣмъ, чтобы не допустить ратификаціи англо-русскаго договора, заключеннаго при послѣднемъ регентствѣ, находилъ большое удовольствіе въ обществѣ очаровательнаго маркиза и съ наслажденіемъ, искренность котораго менѣе подозрительна, пилъ его шампанское. Онъ довелъ свою любезность къ Шетарди до того, что любители позлословить стали называть его «пажомъ» французскаго посла¹.

Шетарди былъ на вершинѣ своей славы, когда, въ мартѣ 1742 года, послѣдовалъ за Елизаветой въ Москву на коронацію. Но на слѣдующій же день послѣ ихъ приѣзда въ древнюю столицу Россіи на его свѣтломъ горизонтѣ показались тучи. Во-первыхъ Бестужевъ, одумавшись, отказался отъ предложенной пенсіи, говоря, что «ничѣмъ не заслужилъ ея». И во-вторыхъ,—словно слова Бестужева были внушены ему свыше—императрица, какъ показалось Шетарди, стала избѣгать его. Подъ самыми неправдоподобными предлогами, ссылаясь на то, что она «идеть въ баню» или что ей надо примѣрять платье, она отклоняла свиданія, которыхъ Шетарди добивался. Вскорѣ его право «свободнаго входа» ко двору, вызывавшее столько острой ненависти, было фактически сведено на нѣтъ. Онъ ломалъ голову, стараясь понять, что вызвало эту перемѣну, и что она означаетъ, когда вице-канцлеръ неожиданно объявилъ ему, что Россія возобновляетъ военныя дѣйствія противъ Швеціи. И дѣйствительно, послѣ простаго предупрежденія со стороны русскаго главнокомандующаго шведскому, казаки разсыпались по непріятельской территоріи, все грома на своемъ пути, и, застигнутые врасплохъ, солдаты Левенгаупта не могли отразить этотъ неожиданный набѣгъ.

Легко представить себѣ, какое впечатлѣніе произвела въ Версалѣ эта вопіющая обида, нанесенная Людовику, какъ посреднику въ переговорахъ между Россіей и Швеціей. Но когда во Франціи узнали, что Шетарди, предупрежденный за недѣлю до нападенія о намѣреніяхъ русскихъ, не счелъ долгомъ извѣстить о нихъ шведскаго генерала, это негодованіе противъ него достигло высшихъ предѣловъ. О чемъ онъ думалъ? Что онъ дѣлалъ въ Москвѣ? Засыпанный вопросами и упреками, Ше-

¹ «Сборникъ Ист. Общ.» т. ХСІ, стр. 245.

тарди сумѣлъ найти себѣ въ оправданіе только эту жалкую оговорку: «Бестужевъ увѣрилъ его, что возобновеніе военныхъ дѣйствій не помѣшаетъ переговорамъ, которые ведутся подъ покровительствомъ Франціи». Въ дѣйствительности же, весь отдавшій своей мечтѣ и настойчиво добиваясь призрачной побѣды, начинавшей ускользать отъ него, французскій дипломатъ просто забывалъ временами, что шведы существуютъ на свѣтѣ.

Теперь остается объяснить, чѣмъ вызванъ былъ этотъ неожиданный поворотъ въ дѣйствіяхъ Россіи, поставившій маркиза Шетарди въ такое непріятное положеніе. Сдѣлать это нетрудно. Политика Версальскаго двора этого времени, какъ извѣстно, далеко не пользуется репутациею безупречной. Многія изъ нападокъ на Людовика XV я считаю даже необоснованными или преувеличенными. Но не въ данномъ случаѣ. Здѣсь онъ безспорно велъ двусмысленную игру, достойную нелестной оцѣнки Мардефельда. Онъ позволялъ своему представителю въ Россіи ухаживать за Елизаветой и разыгрывать роль честнаго маклера въ распрѣ этой государыни со Швеціей, и въ то же время всѣми доступными ему средствами поддерживалъ шведовъ въ явный ущербъ законнымъ требованіямъ Россіи. Въ вѣроломствѣ Франціи сомнѣваться невозможно; оно очевидно по условіямъ мира, предложеннымъ Россіи изъ Версали, и по отношенію маркиза Шетарди къ переговорамъ, которые эти условія вызвали: Россіи, побѣдительницѣ, вмѣнялось въ обязанность заплатить за военныя издержки! Елизавета будто бы обѣщала шведамъ измѣнить въ ихъ пользу Ништадскій договоръ, а войну—де они вели исключительно для того, чтобы обезпечить престолъ дочери Петра Великаго! ¹ Между тѣмъ изъ Вѣны, изъ Константинополя, изъ Парижа и изъ Лондона приходили донесенія, въ которыхъ русскіе дипломаты въ одинъ голосъ говорили объ интригахъ Франціи, вооружающей противъ Россіи и Турцію, и Данію, чтобы дать преимущество шведамъ ². Но, скажутъ мнѣ, можетъ быть, всѣ русскіе агенты ошибались, получая невѣрныя свѣдѣнія или просто взводили напраслину на Францію, вслѣдствіе личной къ ней непріязни?

¹ Рѣчь Шетарди на конференціи членовъ совѣта 17 марта 1742 г. Протоколъ конференціи. «Архивъ кн. Воронцова», т. I, стр. 291.

² См. донесенія Ланчинскаго, Вешнякова, Кавіона, Кантемира, Щербатова, «Архивъ кн. Воронцова», т. I, стр. 152 и сл. Ср. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. 1871 года, т. XXI, стр. 226.

Къ сожалѣнію, депеша Амло къ графу Каstellану, французскому послу въ Константинополь, посланная какъ разъ въ это время и перехваченная Бестужевымъ, показываетъ, что русскіе агенты были правы. Министръ французскаго короля писалъ въ этой депешѣ, разбившей послѣднія сомнѣнія Бестужева, что воцареніе Елизаветы должно погубить Россію, и что Портъ слѣдуетъ воспользоваться этимъ и дѣйствовать заодно со шведами!

Я уже говорилъ, что Бестужевъ былъ самый продажный изъ людей. Соблазнившись на минуту французскимъ золотомъ и принявъ его, онъ, казалось бы, долженъ былъ припрятать подалеже компрометирующій документъ. Но онъ показалъ его Елизаветѣ. Почему? А потому, что въ такомъ случаѣ, какъ тотъ, когда жизненные интересы его страны были совершенно ясны, тотъ человѣкъ, не имѣвшій въ своей нечистой душѣ ни чувства чести, ни долга, подчинялся всетаки другой внутренней силѣ, которая заставляла его служить родинѣ и не позволяла ему измѣнить ей. Этой силой, казалось, былъ насыщенъ самый воздухъ, которымъ тогда дышала Россія: это была та стихійная сила, которая руководитъ молодыми и полными жизни социальными организмами, какъ руководитъ инстинктъ само-сохраненія отдѣльною особью. Тѣмъ, кто найдетъ, что я ввожу метафизику въ свои объясненія, я могу указать на примѣръ, какъ эта сила себя проявляла. Я рассказывалъ о любви и преданности гвардейцевъ къ Шетарди при восшествіи Елизаветы на престолъ. Эти солдаты ничего не знали о депешахъ, которыми обмѣнивались въ то время Версаль, Константинополь и Стокгольмъ. Но и они вскорѣ почували, что Франція затѣваетъ противъ Россіи что-то недоброе. Не прошло и году, какъ они стали грозиться, что свернуть французскому послу шею. Во время своего пребыванія въ Москвѣ маркизъ долженъ былъ разставлять караульныхъ вокругъ своего дома, всегда держалъ наготовѣ лодку на Яузѣ, чтобы, въ случаѣ нападенія, немедленно спастись на другой берегъ, и, какъ и Елизавета, не ложился спать до разсвѣта. Чтобы не вызывать этимъ толковъ, онъ замѣнилъ свои тонкіе обѣды ужинами и ввелъ эти ночные пиры въ моду¹. Это была его послѣдняя побѣда.

---

¹ Донесеніе Мардефельда Фридриху отъ 8 ноября 1742 г. Берлинскій архивъ.

Видя охлажденіе Елизаветы, онъ совершенно потерялъ голу. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ добиться свиданія съ императрицей, онъ подошелъ къ ней на маскарадѣ и сталъ осыпать ее рѣзкими упреками, какъ это позволялъ себѣ иногда Лестоукъ. Но если бы Елизавета была его подругой сердца и открыто измѣнила бы ему, то и тогда онъ, пожалуй, не имѣлъ бы права обратиться къ ней съ такою рѣчью: «Я готовъ былъ пожертвовать для васъ жизнью; я много разъ рисковалъ сломать себѣ шею на службѣ у васъ... Вы должны были бы отблагодарить меня иначе». Онъ объявилъ ей, что уѣдетъ изъ Петербурга, какъ только испроситъ себѣ отъѣзную грамоту, и затѣмъ прибавилъ горячо: «Черезъ два мѣсяца, надѣюсь, вы освободитесь отъ меня; но когда четыре тысячи верстъ будутъ отдѣлять меня отъ вашего величества, вы поймете—и это служить мнѣ единственнымъ утѣшеніемъ—что пожертвовали самымъ преданнымъ вамъ человѣкомъ для лицъ, которыя обманываютъ васъ»¹.

Мысль, что его принесли въ жертву Бестужеву и политическимъ единомышленникамъ вице-канцлера, овладѣла Шетарди и опредѣлила характеръ его дальнѣйшей карьеры въ Россіи. Между нимъ и его противниками завязалась борьба, изъ которой онъ—послѣ довольно странныхъ перипетій—едва не вышелъ побѣдителемъ, когда вдругъ разразилась катастрофа: ее было, конечно, легко предвидѣть, но онъ въ своемъ ослѣпленіи ея не ждалъ... Пока же онъ добился немногого мелодраматической сценой, разыгранной имъ передъ Елизаветой на маскарадѣ. Надо признать, впрочемъ, что если бы онъ дѣйствительно имѣлъ права на ту близость, на которую претендовалъ, то его дерзкая выходка не осталась бы для него безнаказанной: подруга Разумовскаго, какъ вполнѣдствіи и Екатерина II, никогда не вступала въ долгія объясненія съ любовниками, а бросала ихъ легко и безцеремонно, когда они ей мѣшали или надоѣдали ей. Ей достаточно было тогда одного слова или жеста, чтобы подняться отъ нихъ на недосыгаемую высоту своего престола. Но прекрасный и обворожительный маркизъ не былъ любовникомъ Елизаветы; у нихъ не было прошлаго: но зато могло быть будущее!

¹ Деша Шетарди къ Амло отъ 15 мая 1742 г. Архивъ М-ства Иностранныхъ Дѣлъ Франціи. Какъ ни невѣроятна рѣчь Шетарди, обращенная къ Елизаветѣ, она воспроизведена въ этой депешѣ.

И соблазнительность этого будущаго привлекала Елизавету, хоть она и не придавала ему такого значенія, какъ самъ Петарди. Поэтому она искусно успокоила его, не связывая себя при этомъ никакимъ обѣщаніемъ. Она сказала ему, что, вѣроятно, простое недоразумѣніе дало ему поводъ думать, что ея чувства къ нему измѣнились, но отказалась разсѣять немедленно это недоразумѣніе, не вступивъ съ нимъ на балу въ политическій разговоръ.

Онъ не сталъ хлопотать о своемъ отозваніи. Любезныя слова императрицы, какъ всегда, сказанныя ему съ улыбкой, онъ счелъ за поощреніе и, несмотря на то, что русскіе и шведы продолжали бить другъ друга, ухватился за надежду довести до конца дѣло переговоровъ, рассчитывая играть въ немъ первенствующую роль. По его настоянію, шведы начали какъ будто тоже раздѣлять эту надежду и прислали въ Москву на совѣщаніе свое довѣренное лицо: выборъ Стокгольмскаго кабинета палъ на графа Нолькена, участника одного заговора, въ которомъ Елизавета когда-то хотѣла принять участіе, чтобы добиться престола, но потомъ раздумала, находя его слишкомъ рискованнымъ: шведскій посолъ не могъ вызвать въ ней, по этому, очень пріятныхъ воспоминаній¹.

Итакъ, самый выборъ Нолькена былъ неудаченъ, но поведеніе его еще больше испортило дѣло. Съ первыхъ же словъ, когда онъ упомянулъ о посредствѣ французскаго короля, русскіе министры перебили его:

- Мы не допустимъ никакого посредничества.
- Но вы сами о немъ просили...
- Никогда!

Такой неожиданный оборотъ дѣла объясняется на этотъ разъ не къ чести уже русской дипломатіи. Она, повидимому, рѣшила перецеголять французскую въ нѣкоторыхъ пріемахъ, которые сама называла недобросовѣстными: Елизавета, дѣйствительно, писала Людовику, но—случайно или намѣренно—слово *посредничество* было замѣнено въ ея письмѣ выраженіемъ *добрыя услуги*, и Бестужевъ воспользовался этимъ, чтобъ отрицать обязательство, которое между тѣмъ признавалось обѣими сторонами въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Русскимъ агентамъ въ Гаагѣ, Вѣнѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Копенгагенѣ, Дрезденѣ, Гамбургѣ, Варшавѣ и Данцигѣ была разслана циркулярная

¹ См. выше, стр. 17 и слѣд.

нота, отрицавшая всякое посредничество Франціи и предостерегавшая противъ ея интригъ ¹.

Нолькенъ и Шетарди обратились за помощью къ Лестоку, который потребовалъ у Елизаветы объясненія. Она очень удивилась тому, что онъ ей сообщилъ, и общала переговорить съ канцлеромъ и вице-канцлеромъ: навѣрное, они ошибаются! Нѣсколько дней спустя Мардефельдъ не безъ злорадства описывалъ своему государю эту попытку Елизаветы вмѣшаться въ политическія дѣла своего государства; его разсказъ показываетъ, какимъ авторитетомъ пользовалась дочь Петра Великаго среди членовъ своего правительства: «Въ прошедшую субботу императрица присутствовала въ Кремлѣ на обѣднѣ, а оттуда, тайно отъ всего двора, отправилась къ великому канцлеру и у него обѣдала... Вечеромъ она каталась верхомъ наединѣ съ Лестокомъ, обласкала его и увѣряла, что была у великаго канцлера, чтобъ повліять на его взгляды и привлечь его на сторону французской партіи, и что это ей удалось. Лестокъ съ восторгомъ помчался къ маркизу Шетарди передать ему свой разговоръ съ императрицей; затѣмъ пошелъ мириться съ великимъ канцлеромъ и много съ нимъ при этомъ дѣловался. Въ воскресенье ее величество осыпала канцлера милостями. И что же вышло? Въ понедѣльникъ утромъ она объявила, что, по очень высокимъ доводамъ, не можетъ согласиться на посредничество его величества французскаго короля ².

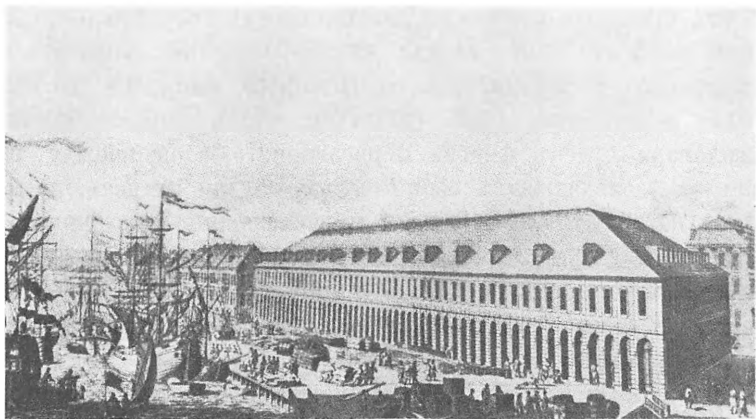
У обѣднаго французскаго посла почва уже ускользала подъ ногами, когда престижу Франціи, достаточно скомпрометированному въ Россіи, былъ нанесенъ Пруссіей новый и страшный ударъ. Всѣ помнятъ событія, неожиданно повернувшія счастье въ сторону Маріи-Терезіи: неудачи французской арміи вслѣдствіе ссоръ между маршалами Бель-Илемъ и Брольи; вызвавшее бурные дебаты въ англійскомъ парламентѣ паденіе Вальполя, обвиненнаго въ томъ, что онъ недостаточно энергично помогалъ Австріи, наконецъ, предательство Фридриха, который въ самый разгаръ кампаніи, въ іюнѣ 1742 года, примирился съ Маріей-Терезіей и измѣнилъ своей союзницѣ Франціи подъ предлогомъ ея злосчастнаго посредничества въ переговорахъ о

¹ «Архивъ кн. Воронцова», т. I, стр. 328.

² Донесеніе Мардефельда Фридриху изъ Москвы отъ 31 мая 1742 года. Берлинскій архивъ.

шведскомъ мирѣ — посредничества, котораго Россія не признавала—и того, что въ Версалѣ будто бы замышляется какой-то фантастическій раздѣлъ прусскихъ провинцій.

На этотъ разъ маркизъ Шетарди призналъ себя побѣжденнымъ. Съ русскими министрами онъ былъ во враждѣ; среди дипломатическаго корпуса онъ чувствовалъ себя одинокимъ. Потерявъ въ лицѣ Мардефельда единственную опору и видя, что его положеніе въ Россіи становится невыносимымъ, онъ дѣйствительно началъ хлопотать въ Версалѣ объ отзывной грамотѣ, которую ему и послѣшили прислать. Но сейчасъ же новая перемена въ обращеніи Елизаветы заставила его пожалѣть

Проспектъ Биржи и Гостиного двора вверхъ по малой Невѣ.

Съ гравюры М. Махеева.

о томъ, что онъ такъ поторопился. Впрочемъ, если бы онъ не былъ слѣпъ, то легко разгадалъ бы тайну этихъ быстрыхъ смѣнъ въ настроеніи императрицы и понялъ бы, что, какъ иностранному послу, онѣ не предвѣщаютъ ему ничего славнаго. Молодая государыня видѣла въ маркизѣ двухъ людей—придворнаго и дипломата,—къ которымъ и относилась различно, отдѣляя ихъ въ своихъ мысляхъ и сердцахъ: изящный и краснорѣчивый придворный нравился ей чрезвычайно, и она съ удовольствіемъ готова была доказать ему это когда-нибудь на дѣлѣ. А дипломатъ стѣснялъ ее и раздражалъ, не столько потому, что бралъ сторону Швеціи—это она ему бы простила, не очень отчетливо понимая всѣ эти политическія тонкости—сколько за

то, что онъ вступалъ въ борьбу съ ея министрами и ссорилъ и ее съ ними. Мардефельдъ читалъ превосходно въ душѣ Елизаветы: «Императрица имѣетъ большую склонность къ Франціи,— писалъ онъ Фридриху—она желаетъ также блага и шведскому народу; напротивъ, венгерскую королеву она терпѣть не можетъ, и примиреніе вашего величества съ королевой Маріей-Терезіей не доставляетъ въ сущности удовольствія ея императорскому величеству. Кромѣ того, она до сихъ поръ не простила Англіи нѣкоторыхъ обидъ, нанесенныхъ Петру Великому и императрицѣ Екатеринѣ. Однако все это не внушаетъ мнѣ опасенія, такъ какъ русскій кабинетъ держится противоположныхъ взглядовъ и *имѣетъ больше власти, нежели ея императорское величество*». Посолъ Фридриха сообщалъ дальше своему государю, что Елизавета посѣтила лично своихъ министровъ, чтобъ «просить ихъ согласиться на примиреніе со Швеціей» (sic), но не имѣла успѣха и не могла также добиться, чтобъ маркизу Шетарди пожаловали орденъ Андрея Первозваннаго, а онъ между тѣмъ бесполезно откладывалъ свой отъѣздъ со дня на день, надѣясь на эту награду¹. «Министры дали совершенно ясно понятъ ея имп. вел. государынѣ императрицѣ, что то обязательство, которое она имѣла по отношенію къ Франціи, будучи цесаревной Елизаветой, нельзя смѣшивать съ ея обязанностями императрицы къ своему народу».

Прусскій дипломатъ, несомнѣнно, нѣсколько преувеличивалъ затрудненія, съ которыми столкнулась самодержавная императрица при осуществленіи своей воли на дѣлѣ; онъ также не вполне вѣрно понималъ характеръ государыни, въ которомъ было не мало двойственности. Дѣлая видъ, что она борется со своими министрами и страдаетъ отъ ихъ противорѣчій и даже отъ насилій надъ ней, она въ глубинѣ души прекрасно сознавала, что они правы, и что она пошла бы на большой рискъ, если-бъ положила на Шетарди и на Францію при сведеніи со шведами своихъ счетовъ. Но маркизъ Шетарди былъ обаятеленъ, и она находила очень практичнымъ устранить изъ своихъ личныхъ сношеній съ нимъ всякій поводъ къ неудовольствію или непріязни, сваливая вину на Бестужева и на его коллегъ. Нѣкоторое время она съ большимъ искусствомъ поддерживала

¹ Донесенія Мардефельда Фридриху отъ 16 и 30 іюля, 23 августа и 3 сентября 1742 г. Берлинскій архивъ.

эту роль. Но мало-по-малу роль овладѣла ею и, по примѣру великихъ актрисъ, Елизавета стала играть ее съ искреннимъ жаромъ и убѣжденіемъ. Когда маркизъ Шетарди официально объявилъ ей о своемъ отъѣздѣ, она рѣшила, что теперь онъ пересталъ быть для нея дипломатомъ; и это доставило ей такое удовольствіе, что ей невольно захотѣлось его продлить. Опять моимъ читателямъ будетъ, пожалуй, казаться, что я, вмѣсто исторіи, пишу романъ: страницы, которыя послѣдуютъ за этой, будутъ походить — я боюсь—на сцены изъ репертуара Дегуша или Мариво. Но чтобъ защититься отъ возможныхъ упрековъ и подозрѣній, мнѣ остается только отослать моихъ читателей къ тѣмъ источникамъ, которыми я пользовался при составленіи моего разсказа, ничего не прибавляя къ нимъ отъ себя. Эти источники—груды дипломатическихъ документовъ, сухихъ и непривлекательныхъ на видъ, написанныхъ не для того, чтобы служить развлеченіемъ. А между тѣмъ они часто напоминаютъ комедіи съ инсценировкой, дѣйствующими лицами и репликами, какъ полагается настоящимъ драматическимъ произведеніямъ. И въ сущности иной цѣны и нѣтъ въ этомъ ворохѣ старыхъ бумагъ. Надо только умѣть читать ихъ, просѣивая ихъ сквозь особое сито, на поверхности котораго должно оставаться лишь то, что представляетъ подлинный историческій интересъ. Такихъ отрывковъ въ нихъ немного, чтó и неудивительно, когда знаешь, какъ редактировались бумаги въ канцеляріяхъ посольствъ въ тѣ времена. Вы помните, должно быть, мѣсто въ *Исповѣди* Руссо, гдѣ онъ рассказываетъ, что отвѣты на депеши, ожидаемая изъ Франціи, составлялись въ Венеціи *заранье* по четвергамъ, чтобъ не пропустить почту, которая приходила по пятницамъ и сейчасъ же уѣзжала дальше. Въ царствованіе Елизаветы дипломатическая переписка между Вѣной и Петербургомъ велась на нѣмецкомъ языкѣ. Но, просматривая ее, мнѣ невольно казалось, что ни одинъ изъ посланниковъ Маріи-Терезіи не читалъ этихъ бумагъ, хоть и ставилъ подъ ними свою подпись. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ Ботта, Бернесъ, Мерси д'Аржанто, врядъ ли говорили даже по-нѣмецки: они даютъ серьезный поводъ въ этомъ сомнѣваться. Они, правда, подписывали еженедѣльные донесенія—цѣлые томы въ тридцать, сорокъ или пятьдесятъ страницъ, наполненные нескладной болтовней, изъ которой, какъ я сужу по себѣ, было трудно извлечь какое-нибудь полезное свѣдѣніе. Но когда случалось что-нибудь важное, и требовался серьезный

докладъ, посоль обыкновенно самъ брался за перо и въ двухъ-трехъ словахъ или въ двухъ-трехъ страницахъ, на поляхъ депеши или въ отдѣльномъ письмѣ—говорилъ то, что надо было сказать, и дѣлалъ это всегда по-французски. Исключеніе составляетъ лишь венгерецъ Эстергази, который, повидимому, не зналъ ни французскаго, ни нѣмецкаго языковъ и, по свидѣтельству его преемника, жилъ вдали отъ политики и дипломатовъ, запершись въ своемъ гаремѣ. Вступивъ на престолъ, Фридрихъ немедленно провелъ важную реформу въ дипломатическомъ вѣдомствѣ: онъ уничтожилъ нѣмецкія депеши. Онъ потребовалъ, чтобы всѣ его агенты писали ему по-французски, и былъ правъ, требуя этого: архивъ иностранныхъ дѣлъ его времени можетъ служить образцомъ сжатости и относительной ясности изложенія. Но и прусскія донесенія я тоже просѣивалъ сквозь мое сито: въ этомъ особенность моего скромнаго метода при пользованіи историческими документами; благодаря ему, я спасаю читателя отъ ненужныхъ, утомительныхъ и скучныхъ подробностей, и въ то же время я увѣренъ, что даю ему всѣ существенныя свѣдѣнія. Если мнѣ приходится теперь описывать сцены нѣсколько легкомысленнаго характера, то я дѣлаю это не потому, что нахожу въ изображеніи ихъ удовольствіе, а потому, что двумъ историческимъ лицамъ было угодно ихъ разыграть: и эта сцена—это сама исторія, та часть ея, которая меня здѣсь занимаетъ. Мой разсказъ будетъ казаться, можетъ быть, мало правдоподобнымъ и пострадаетъ съ научной точки зрѣнія—но я долженъ съ этимъ примириться. То, что называется на научномъ языкѣ «серьезной исторіей», состоитъ очень часто изъ высокопарныхъ словъ, говорящихъ въ сущности объ очень ничтожныхъ явленіяхъ, но изъ нихъ, изъ этихъ пустяковъ, и состоитъ человѣческая жизнь, какъ она состояла изъ нихъ и въ историческомъ прошломъ.

II.

Романъ маркиза Шетарди.

Въ этой комедіи—потому что это дѣйствительно была комедія, и я не теряю надежды убѣдить васъ въ этомъ—маркизъ Шетарди продолжалъ высказывать то же чистосердечіе въ своей преданности къ императрицѣ и ту настойчивость въ иллюзіяхъ, какія проявлялъ и прежде. Отдаливъ его отъ себя, Елизавета

сейчасъ же почувствовала, что ей недостаетъ его общества, и онъ ни минуты не сомнѣвался, для чего она вновь приближаетъ его къ себѣ. Государыня была побѣждена и призывала его къ себѣ на помощь противъ злыхъ министровъ, которые мучили ее, мѣшая ей слѣдовать указаніямъ ея ума и влеченію ея сердца. Онъ продолжалъ смотрѣть на нее, какъ на сказочную царевну, которую стерегутъ драконы. Къ сожалѣнію, у него не было нужнаго оружія, чтобы отсѣчь головы этимъ чудовищамъ, какъ не было его и у нея, несмотря на всю неограниченную власть, принадлежавшую ей, какъ самодержицѣ всероссійской. Но Лестокъ ободрялъ своего друга: «Она безоружна, потому что не знаетъ своей силы и не умѣетъ пользоваться ею; но въ концѣ концовъ мы научимъ ее ея ремеслу. Старайтесь только, чтобъ съ вами она оставалась женщиной. Пользуйтесь послѣдними минутами нашего пребыванія здѣсь; будьте не только очаровательны, какимъ вы умѣете быть, — неотразимы, и если она не будетъ въ силахъ сопротивляться вамъ дольше, то, даже послѣ вашего отъѣзда, мы сумѣемъ прогнать тѣхъ, кого слѣдуетъ прогнать, и приготовить вамъ торжественное возвращеніе».

Какъ ему было не послушать этихъ совѣтовъ, когда, казалось, сама императрица подтверждала ихъ своимъ кокетствомъ? То она неожиданно приглашала французскаго посла къ себѣ на ужинъ, то назначала ему свиданія «въ опочивальнѣ», во время которыхъ онъ получалъ отъ нея не только первые знаки ея личной къ нему милости, но и очень многозначительные въ политическомъ отношеніи обѣщанія. Елизавета блѣднѣла и краснѣла, когда онъ заговаривалъ о своемъ отъѣздѣ, и у нея нерѣдко вырывались слова, «что Бестужевы запли слишкомъ далеко». Онъ называлъ ихъ «плутами» въ ея присутствіи, и она, ничего не возражая на это, намекала, что было бы нетрудно отдѣлаться, по крайней мѣрѣ, отъ одного изъ нихъ. Стоило бы только саксонскому двору выразить желаніе видѣть у себя посланникомъ брата вице-канцлера. Тогда, лишившись необходимыхъ для него совѣтовъ и поддержки, изобрѣтатель *tinctura inervi Bestouchevi* надѣлалъ бы вскорѣ столько глупостей, что самъ бы себя погубилъ. Она указывала на Морица Саксонскаго, какъ на лицо, которое могло бы помочь имъ въ этомъ дѣлѣ въ Дрезденѣ. А «пока она не допуститъ, чтобы Францію изгнали изъ ея сердца». И, чтобъ доказать это, она немедленно вступила въ борьбу съ вице-канцлеромъ изъ-за англійскаго договора. На

настоянія Бестужева ратификовать его скорѣе, она ставила непременнымъ условіемъ, «чтобы войска, которыя Россія должна будетъ выставять по этому договору, никогда не были употреблены противъ Франціи».

— Но тогда договоръ потеряетъ всякій смыслъ!

— Это мнѣ все равно; пока я жива, я никогда не буду врагомъ Франціи. Я ей слишкомъ обязана!

Это происходило 19 (30) іюля 1742 года; по крайней мѣрѣ такъ увѣрялъ Лестокъ, передававшій маркизу Шетарди вышеприведенный разговоръ императрицы съ Бестужевымъ¹. А недѣлю спустя Елизавета выразила желаніе, чтобы французскій посланникъ посвятилъ ей послѣдніе дни, которые онъ проводитъ въ Россіи. Черезъ два дня она заставила его у себя ужинать, затѣмъ пригласила его на охоту. Возвращаясь съ этой охоты верхомъ, она неожиданно спросила его—чего никогда не дѣлала прежде,—не можетъ ли онъ отложить свой отъѣздъ до 5-го сентября, — дня ея ангела.

— Но я вчера былъ уже принятъ въ прощальной аудіенціи!

— Это правда; я позабыла.

И сейчасъ же, точно желая заглушить въ немъ подозрѣніе насчетъ такой малоправдоподобной забывчивости, она стала бранить вице-канцлера и издѣваться надъ нимъ. Что за несчастная была у Бестужева мысль надѣтъ на эту аудіенцію коричневый камзолъ, который такъ къ нему не шелъ! Право, когда приходишь прощаться съ людьми, то, хотя бы изъ уваженія къ нимъ, слѣдовало бы одѣваться съ большимъ вкусомъ! А его рѣчь: это былъ наборъ однѣхъ глупостей! Она прибавила:

— Заходите ко мнѣ завтра.

Она приняла его въ «опочивальнѣ», и ихъ свиданіе было повидимому, особенно нѣжно. Елизавета оставила своего гостя обѣдать; а вечеромъ—она отправилась въ эту ночь въ Троицкую лавру на богомолье—пригласила его сопровождать ее.

Вы знаете, какъ совершалось въ то время паломничество русскихъ императрицъ. Если бы и можно было сомнѣваться въ томъ, что молодой дипломатъ не сумѣлъ воспользоваться удобствами и свободой такого путешествія, то очень точныя свѣдѣнія, посланныя Мардефельдомъ Фридриху, разбиваютъ эти

---

¹ Письмо Шетарди къ Амло отъ 30 іюля 1742 года. Архивъ франц. Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

сомнѣнія безъ слѣда. Пруссакъ зналъ, какъ любитъ его король игривыя подробности подобныхъ приключеній, да и самъ находилъ въ нихъ большое удовольствіе, хоть и не придавалъ имъ преувеличеннаго значенія; поэтому онъ предусмотрительно держалъ у себя на службѣ сыскную полицію, позволявшую ему быть освѣдомленнымъ о каждомъ шагѣ Елизаветы. Эта полиція естественно, не дремала, когда императрица, вмѣстѣ съ Шетарди,

Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ.

Съ портрета, принадлежащаго гр. С. В. Паниной.

отправилась поговѣть въ Сергіевскую лавру. Какъ и всегда, Елизавета шла на богомолье пѣшкомъ; въ путь двинулись послѣ захода солнца, чтобы воспользоваться ночью прохладой, и на первыхъ порахъ непривычный пилигриммъ выдержалъ тяжелое испытаніе: у Елизаветы точно выросли крылья. Она неутомимо шла, не считаясь ни съ временемъ, ни съ разстояніемъ, словно что-то радостное манило ее впередъ. Она остановилась, разбитая

отъ усталости, лишь на седьмой верстѣ. Кругомъ было чистое поле, и богомольцамъ негдѣ было преклонить голову; имъ пришлось сѣсть въ экипажи и возвратиться на ночь въ Москву, чтобы на другой день опять начать путь пѣшкомъ съ того мѣста, гдѣ они вчера остановились. Въ слѣдующіе дни они шли менѣе скоро и ночевали на постоянныхъ дворахъ или въ шатрахъ, которые разбивали у дороги; это были незабываемые часы. Разумовскій принималъ участіе въ богомольѣ, но онъ умѣлъ никому не мѣшать, а Елизавета была прелестна, неизсякаемо весела и по мѣрѣ приближенія ко святымъ мѣстамъ становилась все нѣжнѣе и нѣжнѣе..

Но во время пути герой этого приключенія пережилъ большое волненіе. Онъ узналъ въ дорогѣ, что императрица получила письмо отъ графини Монастероль, по обыкновенію просившей о помощи. Отъ ужаса онъ едва не потерялъ сознанія: онъ — сынъ нищій! Но Елизавета поспѣшила его успокоить: она была такъ счастлива дать пенсію матери своего друга и притомъ — никто не отвѣтственъ за своихъ родныхъ. У нея у самой есть родственники, которые причиняютъ ей много заботъ и тревоги. И, чтобы перевести разговоры на болѣе пріятную для Шетарди тему, она заговорила о своей ненависти къ Бестужевымъ, «къ этимъ жалкимъ людямъ», и о своей любви къ Франціи. Она всегда чувствовала къ ней инстинктивное сердечное влеченіе и только теперь поняла, почему...

Но вотъ и ворота монастыря распахнулись передъ ними. Елизавета ждала, что ея спутникъ будетъ ослѣпленъ великолѣпіемъ лавры, и не ошиблась. Онъ увидѣлъ пять храмовъ, залитыхъ золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями; церковную утварь, среди которой одно евангеліе цѣнилось въ 300.000 рублей; сонмъ монаховъ, помѣщавшихся въ просторныхъ кельяхъ; роскошные покои для императрицы и ея свиты, — настоящій двордцъ посреди Фиваиды, земной рай. Онъ удивлялся, восхищался и былъ счастливъ.

Богомольцы провели здѣсь нѣсколько очаровательныхъ дней; Мардефельдъ, образный языкъ котораго уже извѣстенъ моимъ читателямъ, писалъ Фридриху:

«Любезный французъ, возбужденный совѣтами свѣтлѣйшаго Гиппократа (d'Hyprocrate-Excellence) и замѣтивъ, что, несмотря на напускную холодность, ему прощаютъ его смѣлость, во второй разъ попыталъ счастье и сразу одержалъ побѣду, которая

дается очень легко. Мнѣ передавали объ этомъ, какъ о фактѣ достовѣрномъ. Повидимому, такъ оно и есть. Со стороны царицы Цитеры замѣчается ежеминутная нѣжная заботливость, и въ глазахъ ея читается чувство удовлетворенія, съ которыми она смотритъ лишь на тѣхъ, чье поклоненіе принимаетъ»¹.

Богомолье Елизаветы въ Троицкую лавру вызвало въ Москвѣ во всѣхъ слояхъ общества большую тревогу. Оно могло имѣть неисчислимыя послѣдствія, такъ какъ счастливый паломникъ естественно долженъ былъ воспользоваться своею близостью къ императрицѣ, чтобъ разсчитаться со своими политическими врагами. Маркизь, дѣйствительно, думалъ, что послѣ того, что случилось, онъ легко покончитъ съ «жалкими людьми» и еще до отъѣзда изъ лавры хотѣлъ объясниться по этому поводу съ государыней. Но она съ перваго же слова остановила его: — Не здѣсь!

Она всей душой отдалась говѣнію и молитвѣ и не хотѣла думать о дѣлахъ. Долженъ ли былъ Шетарди смотрѣть на это, какъ на поражение? Нѣтъ, потому что императрица общалась ему, по возвращеніи домой, поговорить съ нимъ о несносной политикѣ. Онъ не сомнѣвался въ результатахъ этой бесѣды и писалъ въ Версаль:

«Какъ только мы будемъ въ Москвѣ, я нанесу рѣшительный ударъ». Онъ считалъ, что пѣсенка. Бестужевыхъ уже спѣта.

Они возвратились въ Москву лишь 9 августа. Къ несчастью, прибывъ во дворецъ, Шетарди нашелъ императрицу въ болшемъ волненіи: она только что получила посылку съ драгоценными матеріями. На другой день — новая помѣха: императрица занялась итальянской пьесой, въ которой хотѣла измѣнить нѣсколько сценъ. Всю слѣдующую недѣлю она была вовсе неви-

---

¹ Донесеніе Мардефельда Фридриху отъ 20 августа 1742 года. Берлинскій архивъ. — Въ виду того, что одинъ критикъ отнесся съ сомнѣніемъ къ подлинности этой цитаты или къ ея точности, ссылаясь на то, что Мардефельдъ не могъ назвать Фридриха Excellence, я нахожу нужнымъ указать, что слова «Nurograte-Excellence» (у Мардефельда раздѣленные, правда, не черточкой, а запятой, вслѣдствіе чего слово Excellence кажется обращеніемъ), относятся безусловно къ Лестоку. За правописаніе же документа я не отвѣтственъ. Подробности паломничества Елизаветы см. въ депешахъ Шетарди отъ 6 и 11 августа 1742 года. Архивъ франц. Мин. Иностр. Дѣлъ, и въ перепискѣ Ботта, а именно въ его депешѣ отъ 9 августа 1742 г. Вѣнскій архивъ.

дима: она выдавала замужъ свою племянницу Гендрикову, и приготовленія къ свадьбѣмъ отнимали у нея все ея время. Но она послала сказать своему спутнику по богомолью, что надѣется видѣть его на этой свадьбѣ. Онъ настаивалъ, чтобы она немедленно его приняла.

— Хорошо, завтра.

Онъ думалъ, что теперь Елизавета у него въ рукахъ. Но какъ только онъ вошелъ къ ней, она захлопала въ ладоши, какъ ребенокъ:

— Скорѣе, столъ, карты! Мы съ вами сыграемъ партію.

И въ теченіе часа она играла съ такимъ увлеченіемъ, такъ весело смѣялась и шутила, что ему такъ и не удалось вставить въ ея болтовню хотя бы слово о политикѣ. Когда игра кончилась, она милостиво отпустила его.

— А нашъ серьезный разговоръ?

— Простите, я забыла. Я была такъ рада васъ видѣть! Я скажу Лестоку, чтобъ онъ мнѣ напомнилъ объ этомъ. До свиданія!

Онъ подождалъ день, два дня, три дня. Ничего. Очевидно, Елизавета ускользала отъ него, и ему не суждено было сыграть роль Тезея, освобождающаго новую Аріадну,—и пойти по стопамъ Бирона. Герой мимолетнаго увлеченія, онъ долженъ былъ потеряться въ темной и многочисленной толпѣ случайныхъ избранниковъ Елизаветы. Эта горькая истина становилась ему понемногу ясна. Но онъ еще пытался бороться съ судьбой. Онъ подождалъ свадьбу графини Гендриковой, и за ужиномъ такъ настойчиво ухаживалъ за Елизаветой, что она видимо была тронута. Но она упросила его повременить еще немного.

— Не сегодня. Завтра, если хотите. Я обѣдаю за городомъ у фельдмаршала Долгорукаго. Поѣзжайте туда, и мы поговоримъ.

Онъ явился на свиданіе, надѣясь на этотъ разъ достигнуть своей цѣли. Елизавета согласилась принять его съ глазу на глазъ.

— Я васъ слушаю.

Чтобъ нанести «рѣшительный ударъ», о которомъ онъ заранѣе такъ храбро хвалился въ Версалѣ, Шетарди заимствовалъ у Бестужева обычное для вице-канцлера оружіе и раздобылъ письмо маркиза Ланмари, французскаго посланника въ Стокгольмѣ, въ которое вставилъ *сфабрикованное имъ самимъ* извѣстіе, что прусскій король, дѣйствуя совмѣстно съ Бестужевымъ,

хочетъ завладѣть Курляндіей и возстановить на престолѣ Іоанна Антоновича.

Елизавета испуганно посмотрѣла на него.

— Вы имѣете доказательства?

Онъ не имѣлъ доказательствъ и понялъ, что сдѣлалъ ошибку. Въ лицѣ своей подруги сердца онъ хотѣлъ говорить съ императрицей, и вдругъ дѣйствительно увидѣлъ въ ней императрицу, высокомѣрную и недоступную. Ея отвѣтъ прозвучалъ сурово, какъ приговоръ:

— У насъ не обвиняютъ людей, не доказавъ ихъ преступленія.

Это длилось одно мгновеніе. Черезъ минуту Елизавета испугалась впечатлѣнія, которое произвела. Ей стало жалко смущеннаго маркиза, и она какъ будто смягчилась.

— Вы слишкомъ торопитесь, заговорила она опять уже не такъ сухо.—Бестужевы—чудовища, но чудовища опасные. Особенно въ Москвѣ. Не то въ Петербургѣ, гдѣ про cadaго знаешь, что онъ дѣлаетъ у себя въ домѣ. Подождите, пока я вернусь туда, и дайте мнѣ вздохнуть... скрывайте еще нѣкоторое время свои намѣренія.

Ему казалось, что онъ слышитъ отзвукъ рѣчей Лестока. И, можетъ быть, дѣйствительно, Елизавета отвѣчала заранѣе затверженный урокъ. Но ждать было нелегко. Подъ какимъ предлогомъ онъ могъ отложить свой отъѣздъ, какія объясненія могъ дать своему правительству и повѣренному въ дѣлахъ д'Юссонъ д'Аллиону, назначенному замѣнять его во время его отсутствія и горѣвшему нетерпѣніемъ вступить въ свои обязанности? Онъ пошелъ посоветоваться съ лейбъ-медикомъ и услышалъ отъ него то, что слышалъ уже много разъ:

— Уѣзжайте; она васъ любитъ. Раздразните ее хорошенько, она будетъ тосковать по васъ, и ваше отсутствіе скорѣе, нежели ваша близость, поможетъ намъ довести до конца начатое нами дѣло.

Шетарди заказалъ экипажи и пошелъ проститься съ государыней. Она передала ему знаки ордена Андрея Первозваннаго и сказала, что въ восторгѣ дать ему эту награду на-зло Бестужевымъ. Они будутъ страшно сердиться, но это ей все равно. Когда маркизъ уже уходилъ отъ нея, чтобы пройти къ герцогу Голштинскому, она проводила его, потомъ опять подошла и сказала лукаво:

— Кстати! Принцесса Елизавета поручила мнѣ передать в амъ это.

Это была великолѣпная табакерка съ портретомъ очаровательной паломницы на крышкѣ и съ драгоценнымъ перстнемъ внутри.

Она прибавила:

— Вы будете ужинать сегодня у меня.

Маркизь оставался у нея до двухъ часовъ ночи, и ему казалось, что онъ опять въ Троицкой Лаврѣ. Но она сказала ему:

— До свиданія... черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Разсказывали, что маркизь уѣхалъ въ каретѣ, модель которой нарисовала сама императрица, но въ дѣйствительности этого утѣшенія у него не было. Зато онъ нашелъ восемьдесятъ бутылокъ венгерскаго въ повозкѣ съ провизіей, слѣдовавшей за нимъ, и напоминавшей ему ту, которая сопровождала его и Елизавету въ Троицкій монастырь, гдѣ онъ пережилъ столько счастья, но и столько разочарованія.

Его отъѣздъ произвелъ не на всѣхъ одинаковое впечатлѣніе. Елизавета всплакнула. Мардефельдъ пролилъ тоже нѣсколько слезъ—кто знаетъ?—можетъ быть, искреннихъ. Въ погребахъ маркиза еще оставалось шампанское. «Я люблю и уважаю его,—писалъ прусскій посланникъ Фридриху,—и теряю въ его лицѣ единственнаго человѣка, который былъ мнѣ привлекателенъ въ здѣшнемъ обществѣ... Онъ, какъ говорятъ нѣмцы,— *in allen Satteln recht*». Послѣ этого, отдавъ дань своей печали, огорченный Мардефельдъ сейчасъ же занялся тѣмъ, что постарался использовать въ своихъ интересахъ отсутствіе своего дорогого друга и двинуть болѣе энергично дѣло о двойныхъ переговорахъ, которые въ это время велъ съ русскимъ дворомъ: о заключеніи союза между Пруссіей и Россіей и о приступленіи Россіи къ Бреславльскому договору. Англійскій посланникъ Вейчъ отнесся къ отъѣзду Шетарди нѣсколько иначе: «По общему мнѣнію,—писалъ онъ,—маркизь увезъ съ собою денегъ и подарковъ не меньше, чѣмъ на полтораста тысячъ рублей; такимъ образомъ, онъ не дурно устроилъ свои личныя дѣла. Зато дѣла французскаго короля только пострадали отъ того, что онъ приложилъ къ нимъ свою руку. Императрица была отъ него безъ ума, и, относясь къ ея милости бережно и осторожно, онъ легко могъ бы завоевать себѣ въ ея странѣ положеніе Бирона. Но онъ только и сумѣлъ, что ссориться съ русскими

министрами и погубилъ себя, отзываясь съ презрѣніемъ о русскомъ народѣ»¹.

Въ Версалѣ же не знали вовсе, что думать обо всемъ этомъ загадочномъ происшествіи, а его послѣдствія только усилили общее недоумѣніе.

III.

Между Версалемъ и Москвою.

Маркизъ долженъ былъ остановиться въ Берлинѣ. Такъ было рѣшено при Версальскомъ дворѣ. У Франціи установились за послѣднее время съ Пруссіей какія-то странныя отношенія, непохожія ни на дружбу, ни на полный разрывъ; Фридрихъ словно нарочно отказывался ихъ выяснить. И Версальскій дворъ надѣялся, что бывший посолъ въ Россіи, какъ лицо теперь неофіціальное, можетъ быть, воспользуется своей прежней близостью къ прусскому королю, чтобы позондировать коварнаго монарха и проникнуть въ тайну его намѣреній. Но Шетарди ждала здѣсь новая неудача. Напрасно когда-то «желанный гость» Рейнсберга старался найти въ лицѣ короля бывшего наслѣднаго принца, принимавшаго его у себя такъ радушно. Даже въ Шарлоттенбургѣ Фридрихъ держалъ себя съ Шетарди высокоомѣрно, насмѣшливо, почти презрительно и говорилъ съ горечью о намѣреніи, которое онъ приписывалъ Франціи, «примирить Сѣверъ за его счетъ» и «войти въ соглашеніе со Швеціей», раздѣливъ Пруссію. Не зная, какъ убѣдить короля въ ложности этихъ обвиненій, Шетарди въ концѣ концовъ сталъ поддакивать выдумкѣ Фридриха: «Да,—сказалъ онъ,—объ этомъ подумывали одно время, но это былъ планъ Бестужева». Фридрихъ долженъ былъ прикусить языкъ: «Хорошо, не будемъ объ этомъ говорить». Но онъ остался попрежнему мрачнымъ.

Зато еще въ Берлинѣ къ маркизу прибылъ изъ Версала курьеръ съ утѣшительною вѣстью: Кантемиру было поручено офиціально заявить, что его государыня будетъ счастлива увидѣть вновь маркиза Шетарди въ Россіи. И французскій дворъ предоставлялъ маркизу послѣдовать, если онъ желаетъ, этому указанію и повернуть назадъ. Но онъ и не подумалъ этого сдѣлать. Онъ не могъ возвратиться, пока Бестужевы оставались у власти.

¹ «Сборникъ Имп. Ист. Общ.», т. ХСІХ, стр. 47, 56.

Согласно совѣту Лестока, онъ достаточно ясно поставилъ передъ Елизаветой вопросъ: «Они или я». Онъ написалъ лейбъ-медику, прося его еще разъ объясниться по этому поводу съ императрицей, а самъ продолжалъ путь. Во Франкфуртѣ его ждали извѣстія изъ Петеебурга: среди нихъ были и добрыя, были и дурныя. Елизавета попрежнему вздыхала по своемъ спутникѣ по богомолью, но Бестужевы оставались хозяевами положенія и самовластно управляли внѣшними дѣлами Россіи. Еще не давъ маркизу уѣхать изъ Москвы, они уже подняли вопросъ о возобновленіи оборонительнаго союза съ Англіей. На замѣчаніе Вейча, что лучше подождать отъѣзда француза, вице-канцлеръ воскликнулъ: «Къ чему? Ея величество одобрила трактатъ». И 6-го августа проектъ новаго договора, списанный со стараго лишь съ небольшими измѣненіями, былъ отправленъ въ Лондонъ¹. Въ это же время англійскій посланникъ сталъ стараться привлечь на свою сторону самого Лестока. «Не щадя здоровья и кошелька», онъ провелъ нѣсколько ночей въ обществѣ лейбъ-медики и, оставивъ на зеленомъ полѣ изрядное количество фунтовъ стерлинговъ, ушелъ съ увѣренностью, что его партнеръ не откажется отъ пенсіи и сдѣлаетъ все необходимое, чтобы ее заслужить. И дѣйствительно, нѣсколько дней спустя этотъ единственный другъ и повѣренный тайнъ маркиза Шетарди написалъ англійскому королю благодарственное письмо, и, чтобы доказать свою искренность, согласился примириться съ Бестужевыми².

Со своей стороны Мардефельдъ писалъ Фридриху, что русскіе министры просятъ его смотрѣть на заключеніе оборонительнаго союза съ Пруссіей, какъ на *вопросъ рѣшенный*. Онъ также указывалъ, что, «какъ ни пристрастенъ Лестокъ къ извѣстному двору», онъ значительно «исправился» со времени отъѣзда своего оракула. Одновременно къ Мардефельду пришло извѣстіе изъ Берлина, что, Чернышевъ очень хлопочетъ объ его отозваніи. Не зная, кого считать виновникомъ этихъ интригъ, онъ сталъ подозрѣвать Шетарди, и Фридрихъ готовъ былъ согласиться съ нимъ, хотя и указывалъ ему, что кардиналъ Флери «отпирается отъ этого, словно отъ убійства», и отказывается допустить мысль, чтобы представитель Франціи осмѣлился дѣй-

¹ «Сборникъ Имп. Ист. Общ.», т. ХСІХ, стр. 29.

² Тамъ же, т. ХСІХ, стр. 54, 63, 72.

Маркизь де Лопиталь, французскій посоль.

Съ оригинала Токе.

ствовать противно намѣреніямъ своего двора. «Молчите»,—писалъ король въ заключеніе своему агенту,—и не подавайте виду, что вы знаете объ интригахъ Шетарди»¹. Но въ Москвѣ эти интриги не оказали никакого дѣйствія. Елизавета продолжала быть милостива къ Мардефельду и, послѣ того какъ Россія примкнула къ Бреславльскому договору, всѣ стали считать, что заключеніе союза съ Пруссіей—вопросъ лишь нѣсколькихъ дней. На горизонтѣ пугала только одна темная туча: говорили, кромѣ порученій, данныхъ Елизаветой Шетарди къ Чернышеву, маркизу удалось вырвать у нея словесное обѣщаніе женить герцога Голштинскаго на французской принцессѣ. Воронцовъ увѣрялъ, что д'Алліонъ уже получилъ соотвѣтствующія приказанія на этотъ счетъ.

Легко представить себѣ волненіе прусскаго посланника и его англійскаго коллеги. Но хотя ихъ подозрѣнія и не были лишены нѣкотораго основанія,—свѣдѣнія, полученныя ими, были въ общемъ неточны, и ихъ горе смѣнилось бы радостью, если бѣ они знали всю правду. Шетарди не принималъ никакого участія въ этомъ дѣлѣ. Одному д'Алліону пришлось быть въ немъ посредникомъ, въ виду прямого предложенія, сдѣланнаго ему императрицей. Елизавета, какъ Петръ I и Екатерина I въ свое время, лелѣяла мечту породниться съ Французскимъ королевскимъ домомъ и женить племянника на одной изъ дочерей Людовика XV. Отвѣтъ Версальскаго двора не замедлилъ прійти. Елизавета легко могла бы предвидѣть его и не напрашиваться на неизбежное оскорбленіе. Я уже говорилъ въ другомъ мѣстѣ, на какія препятствія этотъ проектъ личнаго союза натолкнулся въ прошломъ; теперь онъ вызвалъ въ Версалѣ тѣ же чувства оскорбленнаго высокоомѣрія; а менѣе вѣка спустя русскій дворъ имѣлъ возможность на той же почвѣ отплатить Франціи въ лицѣ Наполеона за обиду, нанесенную дочери Петра Великаго. Но Елизавета, кромѣ того, чрезвычайно неудачно выбрала время, чтобъ попытаться восторжествовать надъ этими чувствами. «Если бы даже ея намѣреніе не нравилось такъ мало его величеству, какъ я на это указывалъ недавно г. де-ла-Шетарди,—писалъ Амло д'Алліону,—вы всетаки должны были бы избѣгать всякаго разговора на этотъ

---

¹ Донесеніе Мардефельда Фридриху отъ 10 и 13 сентября 1742 года; письмо Фридриха къ Мардефельду отъ 11 сентября 1742 г. Берлинскій архивъ. Въ «Polit. Congrès» (см. предисловіе) нѣтъ и намекъ на эти депеши.

счесть. Царицѣ приходятъ различныя мысли, изъ которыхъ нѣкоторыя повидимому благоприятны нашимъ интересамъ; но она ни одну изъ нихъ не оставляетъ при себѣ, а сообщаетъ ихъ своимъ министрамъ, которые, какъ она знаетъ, чрезвычайно враждебны Франціи и собираются вступить въ союзъ со всѣми нашими врагами. Я даже не думаю, чтобъ она приказала выключить изъ числа условій этихъ союзовъ,—какъ она подавала на то надежду—тотъ случай, когда она будетъ принуждена оказывать помощь противъ Франціи. Какъ же мы можемъ говорить о ея добромъ расположеніи? Напротивъ, все даетъ поводъ подозревать, что она васъ обманываетъ, потому что нельзя допустить, чтобъ ея слабость была настолько велика, что она должна была бы всегда поступать вопреки своимъ увѣреніямъ»¹.

Этотъ отказъ былъ неизбеженъ. Положимъ, въ Версали могли бы его смягчить, слѣдуя примѣру Фридриха. Дипломатическая находчивость прусскаго короля только что была подвергнута испытанію по этому же поводу: прежде чѣмъ обратиться къ д'Аллиону, Елизавета говорила съ Мардефельдомъ. И когда Фридрихъ узналъ о предложеніи императрицы, онъ, правда, спросилъ своего агента, не сходитъ ли онъ съ ума, и заявилъ, что никогда «не купить цѣною золота несчастья любимой сестры»², но официально сдѣлалъ видъ, словно не понимаетъ, что Елизавета имѣетъ въ виду принцессу его крови, и, разсыпавшись передъ императрицей въ увѣреніяхъ любви, преданности и заботы о будущемъ ея семейства, сталъ подыскивать для нея невѣсту, выборъ которой удовлетворилъ бы и его, и ее. И ему дѣйствительно удалось ее найти³.

Результатомъ всего этого было торжествующее донесеніе, которое Мардефельдъ послалъ въ октябрѣ своему государю; онъ уже не находилъ нужнымъ щадить дворъ, такъ плачевно оберегающій свои интересы: «Я надлежащимъ образомъ указалъ министрамъ на интриги Франціи и Швеціи противъ Россіи. Я замѣтилъ, что имъ причиняетъ безконечное удовольствіе все, что

¹ Письмо Амло къ д'Аллиону отъ 27 октября 1742 г. Архивъ франц. мин. иностр. дѣлъ.

² Депеша Фридриха къ Мардефельду отъ 18 сентября 1742 года. Берлинскій Архивъ. Эта депеша тоже не была помѣщена въ «Politische Correspondenz». Ср. тамъ же. т. II, стр. 241, 268.

³ «Politische Correspondenz», т. II, стр. 416, 428, 458.

они узнають о недобросовѣстности Версальскаго двора и о предосудительности его поступковъ; поэтому пока нынѣшнее министерство останется у власти, нечего бояться, что французская партія возьметъ верхъ. Маркизь Шетарди, не взирая на свой умъ, такъ сильно повредилъ дѣламъ своего двора, ставъ на ногахъ съ рускими министрами, что потребуется немало времени, чтобы ихъ возстановить..., и съ тѣхъ поръ какъ императрица отдала почти все свое довѣріе великому канцлеру и его зятю генераль-прокурору, мы можемъ не бояться смѣны министерства».

Въ ноябрѣ, правда, смерть великаго канцлера, князя Черкаскаго, и избраніе герцога Голштинскаго наслѣдникомъ шведскаго престола, представленное ловкимъ маркизомъ Ланмари, какъ результатъ его стараній, вернули на время кредитъ Франціи. Была даже минута, когда англо-русскій договоръ едва не пострадалъ отъ этого. Но авансъ, выданный Вейчемъ Лестоку въ зачетъ его пенсіи, сдѣлалъ чудеса, и 11 декабря 1742 года договоръ былъ подписанъ, «разбивая всѣ виды Версальскаго двора», по выраженію англійскаго посланника. На очереди, положимъ, оставался торговый франко-русскій договоръ, но, замѣчалъ Вейчъ, ожидаемый законъ противъ роскоши долженъ былъ свести его на нѣтъ, такъ какъ онъ воспрещалъ всѣ предметы роскоши французскаго происхожденія. И этотъ законъ былъ дѣйствительно изданъ. Что же касается избранія герцога Голштинскаго,—продолжалъ Вейчъ,—то это напрасный трудъ. Герцогъ не можетъ царствовать и въ Швеціи, и въ Россіи. Поневолѣ будутъ принуждены его замѣнить его дядей, епископомъ Любскимъ, котораго врядъ ли можно считать французомъ и который женится на англійской принцессѣ. Маркизь Шетарди можетъ возвращаться. Его интриги будутъ безсильны. Притомъ Елизавета не выказываетъ никакого желанія его видѣть. Ее занимаетъ другое: она страстно мечтаетъ получить орденъ Подвязки.

Въ Лондонѣ было испугались, какъ бы эта фантазія императрицы не нарушила дружбы, установившейся между обѣими странами. Орденъ Подвязки, конечно, очень украсилъ бы костюмъ ея величества въ какомъ-нибудь изящномъ *travesti*, но, очевидно, ни одной честолюбивой мечтѣ Елизаветы въ это время не суждено было сбыться. Картеретъ долженъ былъ отвѣтить, что, за исключеніемъ королевы, ни одна женщина не имѣетъ права носить этого знака отличія. Но отказъ этотъ не имѣлъ никакихъ печальныхъ послѣдствій. Русская политика, по увѣ-

ренію Вейча, находилась въ рукахъ не императрицы, а ея министровъ, а вѣрность этихъ послѣднихъ не подвергалась никакому риску: англійское золото служило этому порукой ¹.

Таково было положеніе дѣлъ Россіи, когда маркизь Шетарди, въ началѣ 1743 года, пріѣхалъ во Францію. Онъ не могъ пожаловаться,—какъ то предполагали нѣкоторые историки ²,—на равнодушіе Версальскаго двора къ великой сѣверной державѣ. Цѣлые томы дипломатической переписки въ *русскомъ отдѣлѣ* архива французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ доказываютъ противное, на каждой страницѣ этой переписки проглядываетъ не равнодушіе, а совсѣмъ иное чувство. Версальскій дворъ не находилъ, чтобъ Россія не имѣла значенія для Франціи, но находилъ, что она смѣется надъ Франціей и надъ ея представителями, включая и маркиза Шетарди. Да и самъ маркизь былъ недалекъ отъ этого мнѣнія, читая письма Лестока, гдѣ тотъ передавалъ отъ имени Елизаветы, отъ «героя», — какъ онъ называлъ ее въ своихъ шифрованныхъ посланіяхъ,—чтобы его другъ возвращался скорѣе въ Россію, но при этомъ ни однимъ словомъ не намекалъ на рѣшеніе императрицы отдѣлаться отъ своихъ министровъ. Она будто бы сердилась на маркиза—писалъ Лестокъ— за то, что онъ не помогъ ей отправить Михаила Бестужева въ Дрезденъ! Все это дѣйствительно было очень похоже на издѣвательство. Донесенія д'Аллиона съ его указаціями на тѣ средства, которыми онъ располагалъ, чтобы свергнуть вице-канцлера или его брата, тоже легко было принять за насмѣшку. То графиня Ягужинская обѣщала ему, выйдя замужъ за Михаила Бестужева, увезти мужа изъ Россіи, то княгиня Трубецкая бралась, за извѣстное вознагражденіе, погубить обоихъ братьевъ въ глазахъ Елизаветы. А въ это время, въ апрѣлѣ 1743 года, въ Версаль пришло извѣстіе о заключеніи договора между Россіей и Пруссіей, подписаннаго 12 марта. Договоръ былъ незначителенъ самъ по себѣ и заключенъ только «для видимости», по мнѣнію Фридриха. Тѣмъ не менѣе Пруссійскій король былъ намѣренъ воспользоваться имъ для «устрашенія и Франціи, и Австріи» и, за неимѣніемъ ордена Подвязки, послалъ Елизаветѣ Чернаго Орла, внушая при этомъ Мардефельду распространить слухъ, что брильянты, которыми усыпанъ

¹ «Сборникъ Имп. Ист. Общ.», т. XCIX, стр. 175, 230, 240, 255, 393.

² Vandal, «Louis XV et Elisabeth», стр. 180.

орденъ, стоятъ 30.000 талеровъ ¹. Напрасно Лестокъ въ своихъ разговорахъ съ императрицей посмѣивался надъ личностью Фридриха: «Если отъ присланной ей сосѣдомъ орденской ленты отрѣзывать по куску шириною въ полпальца всякій разъ, какъ онъ будетъ дѣлать ей непріятности, то отъ ленты въ скоромъ времени ничего не останется» ². Она не перечила своему врачу, но отпраздновала полученіе ордена банкетомъ, на которомъ пила за здоровье прусскаго короля, — и при этомъ заявила, что изъ всѣхъ монарховъ онъ относится къ ней съ наибольшей дружбой и уваженіемъ съ тѣхъ поръ, какъ она взошла на престоль. Послѣ этого она обратилась къ Мардефельду съ высокомиловидными словами: «Она знаетъ, что его государь исполняетъ превосходно все, за что берется; что даже въ музыкѣ онъ достигъ въ высшей степени совершенства, и что никто не играетъ на нѣмецкой флейтѣ съ такою нѣжностью, какъ онъ. Но она боится, что грудь короля пострадаетъ отъ его любви къ этому инструменту, что если это случится, то она желала бы, чтобы этого инструмента никогда не существовало на свѣтѣ» ³. Затѣмъ она послала свой портретъ чудесному флейтисту, и онъ поспѣшилъ выразить ей восхищеніе, въ которое его повергла императрица, позволивъ «его глазамъ блуждать по чертамъ самой прекрасной и самой совершенной изъ принцессъ».

Эти взаимныя изліянія не были, разумѣется, очень искренни. Переговоры по поводу заключенія новаго договора шли далеко не гладко. Фридриху хотѣлось возобновить договоръ 1740 года, подписанный во время регентства Анны Леопольдовны; Бестужевъ же настаивалъ на томъ, чтобы взять за образецъ договоръ 1726 года, менѣе выгодной для Пруссіи, и Фридрихъ долженъ былъ ему уступить. Кромѣ того, Фридрихъ хотѣлъ, чтобы новый договоръ включалъ гарантію на его завоеванія въ Австріи. Но тутъ онъ натолкнулся на рѣшительный отказъ. Тогда онъ сталъ ходатайствовать, независимо отъ договора, чтобы Россія признала хотя бы условія предварительнаго мира, только что заключеннаго имъ съ Австріей, и взаимную гарантію обѣихъ державъ на новыя земельныя приобрѣтенія, сдѣланныя ими. Но

¹ «Politische Correspondenz», т. II, стр. 213, 315, 318.

² «Сборникъ Имп. Ист. Общ.», т. VI, стр. 477.

³ Донесеніе Мардефельда Фридриху отъ 16 марта 1743 года. Берлинскій архивъ.

Елизавета поставила необходимымъ условіемъ для присоединенія ея къ Бреславльскому договору, чтобы Австрія и Англія выразили ей по этому поводу свое желаніе, и когда это условіе было соблюдено, она тѣмъ не менѣе въ гарантіи отказала¹. Какъ бы то ни было, Пруссія всетаки могла считать удовлетворительнымъ достигнутый ею результатъ. Мардефельдъ увѣрялъ своего государя, что какъ только ему удастся добиться присоединенія Россіи къ Бреславльскому договору—что должно произойти на дняхъ—то это приступленіе, совмѣстно съ новымъ договоромъ, будетъ равносильно желаемой гарантіи. При томъ и изъ своихъ неудачъ Фридрихъ сумѣлъ извлечь всетаки немалую матеріальную выгоду. Онъ обѣщалъ русскимъ министрамъ 20.000 талеровъ за подписаніе договора. Но теперь, когда Подевилльсъ спросилъ его распоряженій относительно уплаты этой суммы, онъ гнѣвною рукой начерталъ на поляхъ его письма рѣшительный отказъ: «Я ничего не плачу безъ гарантіи и не добившись всего, чего я требовалъ»². Но зато, онъ предписалъ Подевилльсу разослать всѣмъ его заграничнымъ агентамъ приказъ «дѣлать видъ, что Пруссія находится въ тѣсномъ союзѣ съ Россіей», и постараться добиться отъ С.-Петербургскаго двора такого же приказанія для русскихъ агентовъ. «Это произведетъ впечатлѣніе»,— говорилъ онъ³.

Все это не предвѣщало ничего пріятнаго Версальскому двору.

Фридрихъ въ то же время просилъ Мардефельда узнать, какъ поступить Русскій дворъ, если обстоятельства заставятъ его Фридриха, стать на сторону Франціи противъ Австріи или напасть на Ганноверскія земли. Онъ прибавлялъ, что спрашиваетъ объ этомъ только на всякій случай, исключительно «изъ любопытства»⁴. Мардефельдъ спѣшилъ успокоить своего государя относительно послѣдствій и того, и другого «случая». «Русская сухопутная армія не будетъ побѣдоносной»,— писалъ онъ, — 10.000 человекъ войска вашего величества могутъ безъ чуда побить 25.000 русскихъ. Флотъ царицы сильно рискуетъ быть поглощеннымъ волнами при первой бурѣ, которую ему придется

¹ См. Martens, «Recueil de traités», т. V, стр. 332—353.

² Письмо Подевилльса Фридриху отъ 11 января 1743 г. См. также письмо его же къ Фридриху отъ 20 мая 1743 г. Берлинскій архивъ. Этихъ двухъ писемъ нѣтъ въ «Politische Correspondenz».

³ «Politische Correspondenz», т. II, стр. 357.

⁴ Тамъ же, т. II, стр. 362.

выдержать; калмыковъ, за умѣренную сумму денегъ, нетрудно убѣдить обратить оружіе противъ Россіи; казакамъ, не исключая и донскихъ, не устоять противъ прусскихъ гусаръ, а поляки при первомъ пораженіи Россіи навѣрное попытаются сбросить иго, которое она на нихъ наложила»¹. Но корреспондентъ Фридриха выражалъ при этомъ увѣренность, что его король не помышляетъ произвести въ ближайшемъ времени подобный опытъ, и Фридрихъ, продолжая настаивать, чтобы Мардефельдъ посылалъ ему точныя указанія относительно того, какъ войти въ сношеніе съ разстроенными войсками Россіи и какъ ихъ подкупить, повторилъ своему агенту, что интересуется этимъ только «на всякій случай», и твердо намѣренъ «не связываться никогда съ Россіей»².

Такимъ образомъ, шансы Франціи извлечь какую нибудь пользу изъ этихъ «случаевъ» оставались мало вѣроятными, а конецъ шведской войны еще уменьшилъ ихъ.

IV.

Абоскій миръ.

Рядомъ пораженій шведы были доведены къ концу 1742 года до того, что должны были просить о мирѣ, и въ январѣ 1743 года въ Або былъ созванъ конгрессъ. Уполномоченнымъ Стокгольмскаго двора пришлось защищать на немъ безнадежное дѣло. Въ іюнѣ 1742 года Левенгауптъ, загнанный маршаломъ Ласи подъ самыя стѣны Фридрихсгама, стремительно отступилъ, отдавъ въ руки русскихъ Борго, Нейшлотъ и Тавастгусъ. Въ августѣ шведскій генералъ и его коллега Будденброкъ были отданы въ Стокгольмъ подъ судъ и разстрѣляны, но замѣнившій ихъ генералъ Буске принужденъ былъ капитулировать и сдать непріятелю свою артиллерію. Русскіе заняли Гельсингфорсъ и Або, и, чтобы добиться менѣе разорительныхъ условій мира, Стокгольмскій дворъ не сумѣлъ придумать лучшаго средства, какъ избрать въ наслѣдники шведскаго престола герцога Голштинскаго, хотя это врядъ ли было пріятно для Россіи. И дѣйствительно, это привело только къ тому, что Петербургскій дворъ самъ сталъ

¹ Письмо Мардефельда къ Фридриху отъ 7 и 14 мая 1743 г. Берлинскій архивъ.

² «Polit. Corresp.», т. II, стр. 369.

диктовать свои условия мира. Они были очень тяжелыя. Россія хотѣла сохранить за собой всѣ земли, завоеванныя ею, и лишь подъ условіемъ, что вмѣсто герцога Голштинскаго въ наслѣдники шведскаго престола будетъ избранъ епископъ Любскій, какъ это и предвидѣлъ англійскій посолъ. Въ Або завязались по этому поводу пренія, по окончаніи которыхъ мирный договоръ былъ подписанъ 16 іюня 1743 года. Россія получила по нему восточную половину южной Финляндіи, т. е. «провинцію Кюмменегоръ съ городами и крѣпостями Фридрихсгамъ, Вильманстрандъ и Нейшлотъ»¹.

Франціи не оставалось ничего другого, какъ не подавать виду, что она огорчена своей неудачей. И она проявила по поводу Абоскаго мира чувство такого удовлетворенія и столько сговорчивости, что самъ Фридрихъ былъ обезоруженъ. Онъ и прежде бранилъ Мардефельда, упорно продолжавшаго относиться къ Франціи съ недовѣріемъ и враждою. «Я не вижу,—писалъ онъ ему,—на чемъ вы основываете ваше подозрѣніе..., что Франція надѣется устроить соглашеніе Испаніи съ Венгерской королевой противъ меня. Я допускаю вполне, что Версальскій дворъ, въ первую минуту досады, которую ему причинилъ заключенный мною, независимо отъ него миръ съ Вѣнскимъ дворомъ, интриговалъ кое-гдѣ противъ меня; но такъ какъ это чувство у него уже прошло или смѣнилось неудовольствіемъ или раздраженіемъ противъ Англій, мнѣ кажется, я могу надѣяться, что Франція сердится главнымъ образомъ не на меня»².

Сговорчивость Франціи передалась и маркизу Шетарди, который томился въ Парижѣ ожиданіемъ и терялъ терпѣніе. Онъ мало-по-малу пришелъ къ убѣжденію, что лучше смирить свою гордость и отказаться отъ условій, которыя онъ поставилъ для своего возвращенія въ Петербургъ, т. е. не настаивать на отставкѣ Бестужевыхъ. Но онъ хотѣлъ всетаки, чтобъ его возвращеніе носило характеръ торжества хотя бы и въ другомъ отношеніи. Въ его головѣ рождались грандіозные планы. Они клонились къ созданію обширной лиги, въ которую, — сгруппировавшись вокругъ Франціи и Россіи; тѣсно связанныхъ наступательнымъ и оборонительнымъ союзомъ, — вошли бы, кромѣ

¹ Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XXI, изд. 1871 г. стр. 272—273.

² Письмо Фридриха къ Мардефельду отъ 12 января 1743 г. Берлинскій Архивъ. Не напечатано въ «Politische Correspondenz».

того, Швеція, Польша и Турція. Находясь еще подъ впечатлѣніемъ своего недавняго пребыванія въ Берлинѣ, онъ выключалъ пока изъ этого союза Пруссію ¹. Но какъ же онъ примирялъ этотъ блестящій проектъ съ обязательствами, въ которыя только что вступила Россія по отношенію къ другимъ союзникамъ? Въ разрѣшеніи этого вопроса и заключался геній маркиза. Онъ

Великій князь Петръ Ѳедоровичъ и великая княгиня
Екатерина Алексѣевна.

По фотографіи, снятой съ картины Грота.

(Оригиналъ находится въ Романовской галереѣ при Императорскомъ Эрмитажѣ).

хорошо изучилъ С.-Петербургскій дворъ и зналъ превосходно, что онъ способенъ въ одинъ день перемѣнить курсъ политики и перейти отъ одной системы союзовъ къ другой, если только на него воздѣйствовать соответствующими мѣрами. А каковы должны быть эти мѣры, маркизъ указывалъ въ запискѣ, пред-

¹ Ср. Vandal, «Louis XV et Elisabeth», стр. 181.

ставленной имъ Амло. Кардиналь Флери уже не стоялъ во главѣ правленія. Онъ незадолго до того скончался (29 января 1743 года) передавъ судьбы французской политики въ руки лицъ, игравшихъ при немъ роль статистовъ. Итакъ, записка Шетарди перечисляла условія, которыя должны были обезпечить ему заранѣе успѣхъ: посылку портрета короля, который «царица желала имѣть по нѣжному и дорогому воспоминанію», признаніе императорскаго титула, требуемаго Елизаветой, обѣщаніе ежегоднаго пособія въ чотыреста тысячъ рублей, затѣмъ подарокъ въ пятьдесятъ-шестьдесятъ тысячъ Лестоку, украшенную бриллиантами табакерку Брюммеру, секретныя фонды въ достаточномъ количествѣ въ распоряженіе посла и наконецъ — и главнымъ образомъ — пышный вѣздъ маркиза въ Россію, чтобъ наглядно показать царицѣ и ея подданнымъ могущество и великолѣпіе монарха, представителемъ котораго онъ служить.

Было ли это все? Нѣтъ. Маркизь Шетарди умалчивалъ въ официальномъ документѣ о томъ, чего онъ ждетъ отъ личныхъ сношеній съ Елизаветой. Но въ конфиденціальныхъ бесѣдахъ со статсъ-секретаремъ онъ навѣрное не соблюдалъ той же скромности.

Г. дю-Тейлю, старшему чиновнику въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ, было поручено разсмотрѣть предложенія маркиза, и онъ смѣло объявилъ ихъ романтическими и химерическими, — не столько даже самое ихъ содержаніе, сколько тѣ средства, которыми Шетарди разсчитывалъ обезпечить себѣ успѣхъ. По мнѣнію дю-Тейля, громадный расходъ, который повлекло бы за собой осуществленіе плановъ маркиза, имѣлъ бы единственнымъ результатомъ «удовольствіе—чтобъ не сказать денежную выгоду— посла быть лицомъ, черезъ руки котораго проходитъ уплата пенсій».

И въ общемъ дю-Тейль вывелъ изъ записки Шетарди заключеніе, за которое его горько упрекали впоследствии: «Предложеніе союзнаго договора между Франціей, Россіей, Швеціей и Портой забавнѣе шутки: выдать Венеціанскую республику замужъ за Турецкаго Султана».

Было ли это со стороны французскаго чиновника и его начальства, которое не колеблясь согласилось съ его точкой зрѣнія, легкомысліемъ или преступнымъ непониманіемъ политическаго положенія Европы? Высокіе авторитеты высказались на этотъ счетъ въ утвердительномъ смыслѣ. Но не заблуждались

ли они, думая, что Елизавета въ то время еще колебалась относительно окончательнаго направленія своей внѣшней политики, что она была готова заключить какой угодно союзъ и особенно домогалась союза съ Франціей, но потеряла къ нему всякую охоту, вслѣдствіе непростительнаго равнодушія преемниковъ кардинала Флери, и поневолѣ должна была броситься въ объятія Англии? Заблужденіе это не подлежитъ сомнѣнію. Оно основано на датѣ. Ошибка одного изъ моихъ предшественниковъ, особенно подробно изучившаго этотъ періодъ внѣшнихъ сношеній Франціи¹, состоитъ въ томъ, что онъ относитъ пріѣздъ Шетарди во Францію къ концу 1742 года. Въ это время англо-русскій договоръ дѣйствительно еще не былъ подписанъ, и, по мнѣнію историка, котораго я имѣю въ виду, достаточно было одного слова изъ Версаля, чтобы его погубить. Допустимъ возможность такой магической силы этого слова; я не стану этого оспаривать. Маркизь Шетарди,—говоритъ дальше историкъ,—взывалъ съ прозорливостью патріота къ версальскимъ политикамъ, но не могъ поколебать ихъ равнодушія, и договоръ съ Англіей былъ подписанъ въ Москвѣ 11 декабря.

Это ясно и придумано превосходно; но это именно придумано отъ начала до конца и совершенно невѣрно,—потому что Шетарди не было во Франціи въ концѣ 1742 года. Сперва задержанный во Франкфуртѣ болѣзнью, затѣмъ въ Люневиллѣ посѣщеніемъ польскаго короля, которое онъ — вопреки своему патріотическому пылу и прозорливости, — затащилъ на нѣсколько недѣль, онъ прибылъ въ Парижъ *лишь въ февраль* 1743 года, т. е. черезъ два мѣсяца послѣ подписанія англо-русскаго договора! И его записка, содержаніе которой я приводилъ выше, относится къ *августу* 1743 года, слѣдовательно, была подана восемь мѣсяцевъ спустя послѣ событія, осуществленію котораго должна была помѣшать!

Итакъ дю-Тейль имѣлъ дѣло съ уже совершившимся фактомъ. Неудивительно, что онъ писалъ: «Если Франціи и есть надъ чѣмъ поработать въ Россіи, то лишь... надъ тѣмъ, чтобъ помѣшать ей входить въ слишкомъ близкое соглашеніе съ державами, которыя угрожаютъ Франціи». И при такомъ положеніи дѣлъ,—установивъ точно историческую дату событій—мнѣ кажется, что эту меланхолически сдержанную политику Вер-

¹ Vandal, «Louis XV et Elisabeth».

сальскаго двора ни въ чемъ нельзя упрекнуть. Вскорѣ послѣ того—при аналогичныхъ обстоятельствахъ и по тѣмъ же побужденіямъ, самъ Фридрихъ сталъ придерживаться по отношенію къ Россіи такого же образа дѣйствій.

И единственное, что потомство можетъ поставить въ вину преемникамъ кардинала Флери,—это то, что они недостаточно настойчиво проводили эту политику. Непредвидѣнное событіе, къ несчастью, заставило ихъ ее измѣнить и, подъ его вліяніемъ, «романтическіе и химеричные» планы маркиза Шетарди вновь показалиcя соблазнительными, толкнувъ тщеславнаго дипломата и его довѣрителей на самое жестокое и унижительное злоключеніе. Амло и его помощники были еще заняты разборомъ записки маркиза и справедливыхъ примѣчаній, сдѣланныхъ къ ней дю-Тейлемъ, когда въ Версаль прибыла отъ д'Аллиона депеша, посланная имъ изъ Москвы 10-го августа 1743 года. Она гласила: «Наконецъ наступила минута, когда я могу насладиться счастьемъ погубить или, по крайней мѣрѣ, свергнуть Бестужевыхъ».

Это разразилось дѣло Ботта.

V.

Дѣло Ботта.

Заурядная любовная интрига, вызвавшая неосторожные пересуды, и одинъ изъ обычныхъ по тому времени доносовъ, давшій поводъ къ раскрытію несуществующаго заговора,—вотъ что послужило основаніемъ для этого знаменитаго дѣла, изъ-за котораго было пролито столько чернилъ и столько крови.

Вы помните бывшаго гофмаршала Левенвольде, сосланнаго въ Соликамскъ. Онъ оставилъ въ Россіи неутѣшную подругу сердца, Лопухину, соперничавшую красотой съ Елизаветой. Въ 1743 году офицеръ Бергеръ, курляндецъ родомъ, былъ поставленъ во главѣ отряда, охранявшаго ссыльнаго.

Это была печальная командировка для поручика лейбъ-кирасирскаго полка! Бергеръ подумывалъ о томъ, какъ бы отъ нея отдѣлаться, когда Лопухиной пришло въ голову передать черезъ него посланіе своему возлюбленному, котораго она продолжала оплакивать. Къ изъясненіямъ любви она прибавляла слова утѣшенія, которыя всегда пишутся въ такихъ случаяхъ. Она ободряла графа и просила его не отчаяваться и твердо на-

дѣяться на лучшія времена. Бергеръ рѣшилъ, что нашелъ именно то, что ему было нужно: данныя для доноса и возможность процесса, который надолго задержитъ доносчика въ Москвѣ и къ окончанію котораго онъ дождется, можетъ быть, болѣе выгоднаго назначенія. Лопухина была очень дружна съ женой Михаила Бестужева. Черезъ нее можно было, пожалуй, добраться до самого вице-канцлера, противъ чего Лестоку, разумѣется, ничего не будетъ имѣть. Бергеръ сейчасъ же отправился къ лейбъ-медику, и тотъ чуть не подпрыгнулъ отъ радости. Англійское золото заставило его сблизиться съ Бестужевымъ и ухаживать за ними, но въ душѣ онъ страдалъ отъ этого и мечталъ о мести. Надо было только болѣе точно обосновать обвиненія, предъявленныя Бергеромъ. У Лопухиной былъ сынъ Иванъ, служившій при дворѣ Анны Леопольдовны камеръ-юнкеромъ, при чинѣ полковника.

Теперь онъ потерялъ мѣсто, былъ не у дѣлъ и проводилъ время въ трактирахъ, гдѣ, напившись, охотно изливалъ передъ присутствующими свою обиду и поносилъ императрицу. Бергеру было поручено встрѣтиться съ нимъ какъ бы невзначай и заставить его говорить. Сдѣлать это было нетрудно. Послѣ второй бутылки у молодого человѣка уже развязался языкъ: «Я ко двору не хожу... Отецъ мой писалъ къ матери моей, чтобъ я никакой милости у государыни не искалъ... Нынѣшняя государыня любить простой народъ, потому что сама просто живетъ, а большіе всѣ ея не любятъ... Государыня ѣздитъ въ Царское Село и наливается, любить англійское пиво и для того беретъ съ собою непотребныхъ людей... Ей съ тремястами канальями ея лейбъ-кампаніи что сдѣлать?. Императору Іоанну будетъ король прусскій помогать, а наши, надѣюсь, за ружье не примутся»...

Дѣло принимало желательный для Лестока оборотъ, а, на разспросы Бергера, Иванъ Лопухинъ добавилъ къ нему новую подробность, которая обѣщала запутать въ него еще большее число лицъ. Передъ отъѣздомъ изъ Россіи маркизъ Ботта увѣрялъ родителей Лопухина, что Фридрихъ готовъ покровительствовать дворцовому перевороту въ Россіи. Теперь онъ австрійскій посолъ въ Берлинѣ, и вѣроятно, онъ не замедлитъ принять мѣры, которыя ему тамъ продиктуютъ.

Этого Лестоку было довольно, чтобы начать дѣйствовать.

Маркизъ Антуанеттъ де Ботта д'Адорно, дипломатъ и воинъ по карьерѣ, сражавшійся вмѣстѣ съ принцемъ Евгениемъ, былъ

человѣкъ уже зрѣлыхъ лѣтъ, опытный и почтенный. При Аннѣ Леопольдовнѣ, какъ и въ царствованіе Елизаветы, Марія-Терезія могла только похвалиться его службой. Несмотря на то, что онъ былъ очень близокъ къ бывшей регентшѣ, которую тщетно предостерегаль противъ грозившей ей опасности, онъ при восшествіи на престолъ новой императрицы сумѣлъ сохранить свой престижъ и, при помощи Бестужевыхъ, даже завоевалъ отчасти довѣріе Елизаветы. Это онъ, воспользовавшись свиданіемъ съ ней съ глазу на глазъ, устроеннымъ ему вице-канцлеромъ, представилъ ей перехваченное письмо Амло къ Каstellану. Его разговоръ съ императрицей продолжался тогда часъ, и Ботта вынесъ изъ него впечатлѣніе, что Елизавета «неоткровенна» съ Шетарди. Она сама убѣдила его въ этомъ, прибавивъ, что не можетъ не считаться съ вѣроломствомъ Франціи¹. Въ виду обстоятельствъ, сопровождавшихъ отъѣздъ французскаго дипломата, Ботта, правда, усумнился нѣсколько въ искренности Елизаветы, отмѣтивъ въ то же время тяжелое впечатлѣніе, которое произвело на русское общество ея паломничество въ Троицкую лавру. Это чудо,—писалъ онъ,—что домъ маркиза Шетарди не былъ разграбленъ въ его отсутствіе. Ботта не ручался даже за безопасность самой императрицы послѣ своего возвращенія въ Петербургъ²).

Вскорѣ ему пришлось высказывать болѣе крупныя опасенія по поводу русско-прусскаго договора, о заключеніи котораго онъ сообщилъ своему двору въ октябрѣ 1742 года. Впрочемъ, *нація*, какъ онъ писалъ въ своей депешѣ, оставалась вѣрной Австріи, и министры выражали желаніе сохранить съ ней «добрую дружбу и союзъ», несмотря на новый договоръ; поэтому онъ надѣялся, что можно не придавать опаснаго значенія сближенію Россіи съ Пруссіей. Слѣдуетъ только включить особую статью въ текстъ будущаго соглашенія Австріи съ Россіей, предусматривающую возможность новаго разрыва между венгерской королевой и ея страшнымъ противникомъ. Для этого нужно выжидать удобной минуты, когда Елизавета освободится *von allen Passionen*. Но

¹ Письмо Ботта къ Ульфелдѣ отъ 5 апрѣля 1742 г. Вѣнскій архивъ.

² «Es ist nicht zu beschreiben was für einen üblen Eindruck bey der Nation gemacht habe, dass die Czarin den Chetardie zu der mit letzterer Post... erwähnten Wahlfahrt mitgenommen habe, welche von den Russen in ihrer Sprache anstatt einer Andacht Weg nur eine monstruöse Gesellschaft genannt wird». Москва 15 августа 1742 г. Вѣнскій архивъ.

Ботта не предвидѣлъ, какъ долго ему придется этой минуты ждать. *Pro memoria*, поданная имъ въ апрѣлѣ 1742 года, оставалась безъ отвѣта до ноября, а отношенія Россіи съ Пруссіей становились между тѣмъ все дружественнѣе; тогда Марія-Терезія сочла нужнымъ выразить свое неудовольствіе, и Ботта былъ отозванъ. Онъ уѣхалъ, оставивъ во главѣ посольства простого резидента Гогенгольца, прекрасно знавшаго Россію, гдѣ онъ успѣлъ состариться, но не имѣвшаго ни необходимыхъ способностей, ни авторитета, чтобы воспользоваться своею опытностью.

Возможно, что Ботта и высказывалъ въ нѣкоторыхъ русскихъ домахъ, и, между прочимъ, у Лопухиныхъ, свои личныя чувства къ Елизаветѣ, въ которыхъ было мало лестнаго, а также разное мнѣніе, раздѣляемое, впрочемъ, большинствомъ его современниковъ—о достоинствахъ ея царствованія и о ея шансахъ сохранить за собою престолъ. При этомъ онъ, вѣроятно, сожалѣлъ о сверженіи Іоанна Антоновича. Когда онъ уѣзжалъ изъ Россіи, до него въ Ригѣ и Либавѣ дошли первыя извѣстія о судьбѣ, постигшей семью несчастнаго маленькаго императора, и его страданіе къ Брауншвейгской фамиліи, пожалуй, могло показаться безтактнымъ и подозрительнымъ. Но, повидимому, въ этомъ и заключалась вся его вина¹.

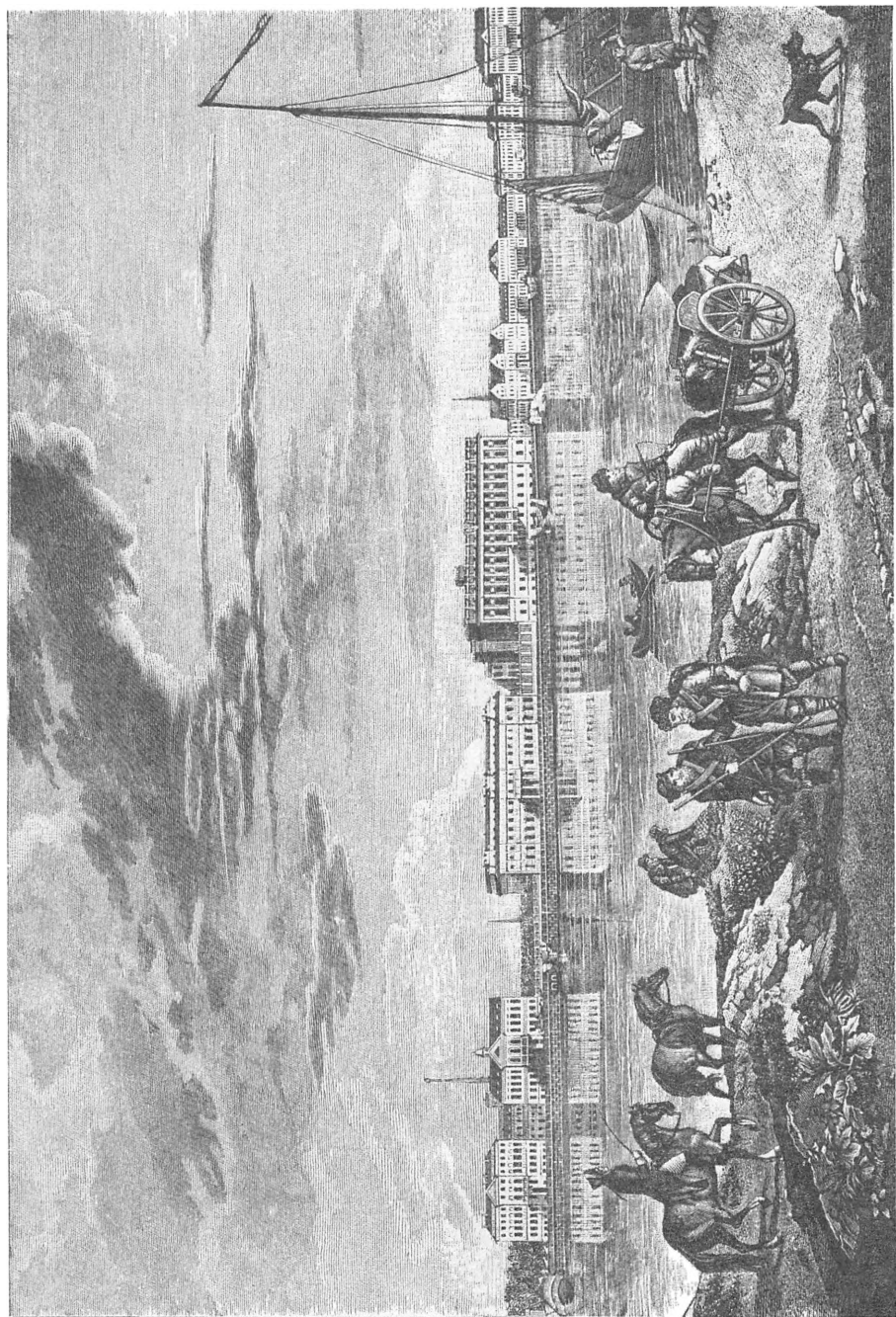
Однако для цѣли, которую преслѣдовалъ Лестоукъ, этого было достаточно. Онъ сообщилъ свои планы д'Аллиону, и такимъ образомъ становится понятнымъ смыслъ загадочной телеграммы, посланной этимъ послѣднимъ въ Версаль. Въ то время, какъ д'Аллионъ ее отправлялъ, т. е. въ первыхъ числахъ августа, Лопухина и ея сынъ были арестованы на основаніи формальнаго доноса, представленнаго Бергеромъ въ тайную канцелярію, и ихъ первыя показанія позволили схватить вмѣстѣ съ ними Бестужева, нѣкоторыхъ ея друзей и еще кой-кого изъ людей незначительныхъ. Но даже послѣ того, какъ обвиняемыхъ отвели въ застѣнокъ, судьямъ не удалось открыть никакихъ слѣдовъ заговора. Подъ кнутомъ и на горячихъ угольяхъ Лопухина, Бестужева, Иванъ Лопухинъ и его отецъ Степанъ повторяли только болѣе или менѣе компрометирующіе разговоры маркиза

---

¹ Письмо Ботта къ Ульфелду на итальянскомъ языкѣ отъ 4 января 1743 года. Вѣнскаго архива. Письмо Гогенгольца къ нему же отъ 17 и 19 октября 1743 г. Тамъ же.

Ботта и другихъ лицъ. Но судопроизводство этого времени не было очень требовательно относительно уликъ; Елизавета ненавидѣла Лопухину и за ея красоту, и за воспоминанія дѣтства, связанныя съ ея именемъ; Лопухина была племянницей Уильяма Монса, когда-то вызвавашаго ревность Петра Великаго, и дочерью Матрены Балкъ, повѣренной тайнъ Екатерины I, покровительствовавшей преступной связи императрицы съ прекраснымъ камергеромъ. Идея заговора въ пользу Іоанна Антоновича носилась въ воздухѣ; каждый былъ склоненъ видѣть въ другомъ предателя, и настроеніе общества было тревожнымъ и смутнымъ, какъ это бываетъ всегда послѣ крупныхъ политическихъ бурь. Въ этой отравленной атмосферѣ вѣчныхъ подозрѣній и интригъ, живя въ непрестанномъ страхѣ, Елизавета чувствовала, что въ ней просыпаются свирѣпыя инстинкты ея отца. Да и, кромѣ Лопухиной, она мечтала унижить въ этомъ процессѣ еще другую соперницу, пожалуй, болѣе ненавистную ей,—королеву Марію-Терезію, которая, если не красотой, то царственностью рода, характеромъ, высокимъ положеніемъ среди другихъ монарховъ и безупречностью поведенія такъ далеко превосходила ее. И эта дочь императоровъ принимала участіе въ заговорѣ противъ дочери Петра Великаго! Убѣдить въ этомъ вспыльчивую и мстительную Елизавету было очень не трудно. Она загорѣлась ненавистью и гнѣвомъ, и у нея помутилось въ глазахъ отъ жажды крови.

Дыба, кнутъ, самыя разнообразныя пытки были примѣнены къ обвиняемымъ въ продолженіе слѣдствія. Я уже рассказывалъ о томъ, какъ при этомъ не пощадили даже беременную Софью Лиліенфельдъ, рожденную княжну Одоевскую, мужъ которой былъ камергеромъ на дѣйствительной службѣ. Послѣ этого особый судъ, въ составъ котораго, кромѣ сенаторовъ, вошло трое представителей духовенства, приговорилъ большинство подсудимыхъ и ихъ сообщниковъ къ колесованію, четвертованію и обезглавленію. Но, по обыковенію, послѣдовало смягченіе наказанія. Получивъ приговоръ, Елизавета нѣсколько дней медлила подписать его и, наконецъ, вернувшись съ бала, проявила монаршее милосердіе. Нѣсколько высѣченныхъ кнутомъ спинъ и отрѣзанныхъ языковъ, а также манифестъ, въ которомъ она открыто называла маркиза Ботта сообщникомъ наказанныхъ преступниковъ, удовлетворили ея справедливость и жажду мести.

Видъ набережной Невы и дома графа Г. Г. Орлова (нынѣ Мраморный дворець) въ XVIII столѣтїи.

Съ гравюры того времени Эйглера.

31 августа 1734 года на «театрѣ»—такъ назывался въ официальныхъ документахъ эшафотъ, воздвигнутый на этотъ разъ передъ зданіемъ коллегій—Бестужева, рожденная Головкина, сестра бывшаго вице-канцлера и невѣстка вице-канцлера, находившагося въ настоящую минуту у власти, жена одного изъ самыхъ видныхъ государственныхъ дѣятелей, и, по первому браку, вдова «птенца гнѣзда Петрова» знаменитаго Ягужинскаго, выказала удивительное мужество и самообладаніе. Въ то время, какъ палачъ раздѣвалъ ее, ей удалось незамѣтно сунуть ему золотой крестъ, осыпанный брилліантами. Съ профессиональной ловкостью, еще недавно возводившейся въ Россіи палачами до степени настоящаго искусства—вспомните Достоевскаго—онъ въ благодарность сдѣлалъ только видъ, что подвергаетъ ее наказанію. Кнутъ едва коснулся ея плечъ, и ножъ почти не задѣлъ ея языка. Для Лопухиной же ея темпераментъ нѣмки сослужилъ при этомъ дурную службу. Когда съ нея сорвали одежду и—подъ шутки и издѣвательства толпы—обнажили ея красоту, до послѣдняго времени затмевавшую всѣхъ на самыхъ пышныхъ празднествахъ, она потеряла голову, стала отчаянно отбиваться, ударила и укусила палача. Онъ сдавилъ ей горло и заставилъ выпустить свою руку, а черезъ минуту уже протягивалъ толпѣ свой кулакъ, въ которомъ краснѣлъ кусокъ окровавленнаго мяса:

— Не нуженъ ли кому языкъ? Дешево продамъ,—прокричалъ онъ.

Правы того времени допускали эти жестокія представленія. Палачъ былъ полнымъ хозяиномъ на своемъ помостѣ, и зрители дѣнили въ немъ не только его ловкость, но и юморъ, за который вознаграждали его рукоплесканіями и мелкими подачками. Но Лопухина не слышала радостнаго рева, которымъ толпа привѣтствовала ея истязаніе и позоръ. Она потеряла сознаніе. Кнутъ привелъ ее опять въ чувство, и пьяный палачъ избилъ ее имъ безошадно. Несчастная женщина пережила всетаки ужасную пытку, и въ глубинѣ Сибири, въ Селенгинскѣ, раздѣлила ссылку съ мужемъ, тоже безчеловѣчно высѣченнымъ кнутомъ и скончавшимся въ 1748 году. Десять лѣтъ спустя она сдѣлала попытку тронуть религіозное чувство Елизаветы, обратившись въ православіе, но должна была дожидаться восшествія на престолъ Петра III, чтобы получить помилованіе. Она тогда вновь появилась въ Петербургѣ, но никто уже не узналъ въ ней былую

красавицу. Бестужева была сослана въ Якутскъ и здѣсь до 1761 года умирала медленною смертью отъ голода и холода въ то время, какъ ея дочь продолжала блистать въ Петербургѣ, а мужъ развѣзжалъ по иностраннымъ дворамъ и состоялъ нелегальнымъ мужемъ г-жи Гаугвицъ. Слѣды другихъ осужденныхъ теряются въ далекихъ каторжныхъ тюрьмахъ¹.

Казалось бы, трудно было Михаилу Бестужеву ускользнуть отъ послѣдствій катастрофы, погубившей его жену. А между тѣмъ, пользуясь всемогущимъ покровительствомъ Разумовскаго, онъ, какъ и его братъ, вице-канцлеръ, вышли чистыми изъ этого темнаго дѣла. Такимъ образомъ, Лестокъ не достигъ своей цѣли, и надежда французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ была разбита. Напрасно д'Аллионъ игралъ во время процесса отвратительнѣйшую роль, осыпая подсудимыхъ самыми неправдоподобными обвиненіями и требуя для нихъ самыхъ безжалостныхъ пытокъ²; все осталось по старому и среди министровъ, и при дворѣ, и въ городѣ. Мать бѣдняжки Лиліенфельдъ, тоже исчезнувшей въ снѣжной пустынь Сибири, старая княгиня Одоевская, бывшая когда-то модной красавицей, не покинула даже довѣреннаго поста, который занимала при императрицѣ, и продолжала завѣдывать ея туалетами. А сама Елизавета, удовлетворенная ужаснымъ зрѣлищемъ, въ которомъ Лопухиной пришлось сыграть такую жестокую роль, и оскорбленіемъ, публично нанесеннымъ представителю Венгерской королевы, успокоенная поведеніемъ своихъ подданныхъ, отнесшихся къ осужденнымъ отчасти равнодушно, отчасти враждебно, уже занялась иными заботами или иными забавами, едва прерванными на нѣсколько недѣль.

Франція была обманута въ своихъ ожиданіяхъ, и маркизъ Шетарди почувствовалъ глубокое разочарованіе. Онъ надѣялся на двойную побѣду: надъ своими врагами въ Москвѣ и надъ противниками въ Версали. Ему опять пришлось упасть съ высоты своихъ несбывшихся мечтаній. Но, падая, онъ уцѣпился

¹ См. подробности этой драмы въ превосходно документированной статьѣ «Русской Старины» 1874 г., т. XI; Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XXI, стр. 276 и сл. и переписка Пецольда въ «Сборникѣ Ист. Общ.», т. VI, стр. 490, 557. Я пользовался также перепиской Мардефельда въ Берлинскомъ архивѣ.

² См. его депеши отъ 10 и 27 августа 1743 г. архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

все-таки за новую химеру. Перенесетъ ли Марія-Терезія терпѣливо обиду, нанесенную ей въ лицѣ ея посла? Правда, при первомъ извѣстїи о событіяхъ, разыгравшихся въ Петербургѣ, Фридрихъ, тоже задѣтый неправдоподобнымъ обвиненїемъ, которое предъявили маркизу Ботта, поспѣшилъ обезоружить недовѣріе или гнѣвъ Елизаветы вмѣсто того, чтобъ отвѣтить ей, какъ подобаешь, на полученное имъ оскорбленіе. Пославъ въ Вѣну съ требованїемъ немедленно отозвать скомпрометированнаго дипломата, онъ одновременно отправилъ другого курьера въ Москву съ совѣтомъ упрятать какъ можно подальше маленькаго Іоанна Антоновича и его родителей. Его совѣтъ, какъ извѣстно, былъ найденъ «отеческимъ», и такимъ образомъ Брауншвейгская фамилія тоже попала въ число жертвъ мнимаго заговора.

Но Марія-Терезія не походила на Фридриха. Между тѣмъ Елизавета, не довольствуясь оскорбленїемъ, которое ея манифестъ косвенно наносилъ Венгерской королевѣ, требовала отъ нея черезъ своего посла въ Вѣнѣ Лапчинскаго еще строгаго слѣдствїя и примѣрнаго наказанїя для виновнаго дипломата. Не могло быть сомнѣнїя,—думалъ Шетарди,—чтобы гордая Марія-Терезія не подняла голову подъ нанесеннымъ ей ударомъ. А это должно было отозваться не только на всей политикѣ Бестужева, по существу австрїйской, но и пошатнуть положеніе самого канцлера, хотъ онъ и дѣлалъ видъ, что держится по прежнему твердо: но стоитъ сдѣлать на него еще одинъ рѣшительный натискъ, и онъ будетъ поверженъ въ прахъ.

Воображеніе Шетарди опять унеслось далеко, и, къ сожалѣнію, въ Версалѣ не нашлось никого, чтобъ подрѣзать крылья его фантазіи. Вы помните, впрочемъ, что въ принципѣ вопросъ о возвращенїи молодого дипломата въ Россїю былъ рѣшенъ уже давно въ утвердительномъ смыслѣ. Часъ отъѣзда былъ предоставленъ ему самому, и онъ нашелъ, что этотъ часъ теперь пробилъ. Всѣ преклонились передъ его волей. Но, конечно, не могло быть больше и рѣчи о честолюбивой программѣ, которую маркизъ составилъ прежде. Дю-Тейль разбилъ ее своей критикой, да и времена были уже иныя. Шетарди ѣхалъ теперь въ Россїю не создавать новыя системы союзовъ, а только свергнуть министра, враждебнаго Франціи. Цѣль его посольства была такимъ образомъ совершенно опредѣленной. Но надо было еще составить инструкцію для него, какъ для посла, а гово-

рить въ ней открыто о томъ, что логически должно было бы въ ней заключаться, было нѣсколько затруднительно. Добрый дю-Тейль взялъ на себя разрѣшеніе этой задачи и добросовѣстно исписалъ пятьдесятъ страницъ—чтобы размѣры документа соотвѣтствовали его значенію—наборомъ словъ, лишенныхъ болѣе или менѣе смысла. Онъ развивалъ въ своей инструкціи главнымъ образомъ ту мысль, что торговый договоръ скрѣпить интересы обѣихъ сторонъ и ихъ дружбу. Къ его великому удивленію, Шетарди остался недоволенъ:

— Я ѣду туда, чтобъ заниматься политикой, а не торговлей,—возразилъ онъ.

— Но политически Россія уже связана съ нашими злѣйшими врагами!

— Развѣ моя миссія не состоитъ въ томъ, чтобы положить этому конецъ?

Пришлось ему уступить. Дю-Тейль вновь взялся за перо и такъ долго вертѣлъ его въ рукахъ, что въ концѣ концовъ придумалъ слѣдующую удивительную комбинацію: союзъ Россіи со Швеціей подъ покровительствомъ Франціи, которая тоже могла бы приступить къ союзному договору. На этотъ разъ Шетарди остался доволенъ, но нашелъ всетаки, что при инструкціи не хватаетъ одной существенной вещи,—упоминанія о знаменитомъ «въѣздѣ», о которомъ при Версальскомъ дворѣ позабыли, но о которомъ не забылъ самый тщеславный изъ пословъ. Имѣя въ виду финансовыя затрудненія своего двора, онъ скромно исчислилъ общую сумму на «въѣздъ» въ размѣрѣ 150.000 ливровъ: 60.000 ливровъ на экипажи, 25.000 ливровъ на упряжь; 11.800 ливровъ на мундиры берейторовъ, егерей и пажей; 42.000 ливровъ на лакеевъ... Все было вычислено съ большой точностью.

Въ Версалѣ надѣялись было остановить эти новыя требованія маркиза, указавъ ему на примѣръ князя Кантемира, который обошелся безъ всякаго «въѣзда».

— О, если дѣло стало только за этимъ,—возразилъ маркизь,—то и у него будетъ въѣздъ.

— Думаете вы, что это ему нужно?

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь; я самъ съ нимъ поговорю.

Но Кантемиръ и слышать не хотѣлъ ни о какомъ «въѣздѣ». Онъ уже страдалъ болѣзнью, менѣе чѣмъ черезъ годъ унесшей его въ могилу, и принужденъ былъ жить въ полномъ уедине-

ніи и по состоянію своего здоровья и вслѣдствіе скудости своего жалованья, выплачиваемаго ему очень неправильно; у него не было ни охоты, ни средствъ входить въ большіе расходы. Онъ держался вдали отъ двора, питался однимъ молокомъ и почти всѣ свои обязанности ограничилъ покупкой засахаренныхъ фруктовъ и сыра для стола императрицы и портретовъ королевской семьи для галереи ея величества ¹.

Видя настойчивость Шетарди, онъ вынулъ изъ кармана бумагу и небрежнымъ тономъ задалъ своему собесѣднику вопросъ:

— Ваши вѣрительныя грамоты даютъ моей государынѣ титулъ императорскаго величества?

Вы помните, что маркизъ хлопоталъ объ этой уступкѣ Елизаветѣ, но натолкнулся на рѣшительный отказъ. Онъ долженъ былъ признаться въ этомъ русскому послу.

— Это очень осложняетъ дѣло, — сказалъ Кантемиръ, — вы навѣрное не получите возможности представить ваши вѣрительныя грамоты и явиться официально ко двору. Но во всякомъ случаѣ это совершенно устраняетъ вопросъ о «вѣздѣ». Я какъ разъ получилъ по этому поводу очень категорическія указанія, о которыхъ собираюсь сообщить вашему двору.

Осложненіе дѣйствительно получилось ужасное. Черезъ нѣсколько дней, послѣ настойчивыхъ упрасиваній, Шетарди удалось наконецъ вырвать въ Версалѣ согласіе на такую уловку: ему разрѣшили обращаться лично къ Елизаветѣ, именуя ее тѣмъ титуломъ, котораго она требовала, но отказывались итти въ настоящую минуту дальше, приводя очень вѣское основаніе: Франція ничего другого, кромѣ титула императрицѣ, и не могла предложить Россіи. Это было неоспоримымъ фактомъ, и самыя хитрыя комбинаціи не могли въ этомъ ничего измѣнить: Англія давала Россіи деньги; Пруссія и Австро-Венгрія войска; а Франція могла дать только это. И если бы она добровольно пошла теперь на эту уступку, которой приписывала большое значеніе, то осталась бы съ пустыми руками, въ крайне невыгодномъ положеніи для того, чтобы начинать переговоры о сближеніи. Титулъ, котораго добивалась царица, долженъ былъ служить приманкой и—какъ выражался Дю-Тейль на своемъ напыщенномъ языкѣ — «печатью» возможнаго союза съ этой государы-

¹ «Архивъ кн. Воронцова», т. I, стр. 392.

ней, если бы она разорвала свои договоры съ другими державами.

Но въ послѣднюю минуту, въ концѣ сентября, когда Кантемиръ довелъ до свѣдѣнія Версальскаго двора о полученномъ имъ рескриптѣ, маркизу Шетарди дали еще два письма отъ короля къ Елизаветѣ, «чтобы воспользоваться ими въ крайнемъ случаѣ»: въ одномъ письмѣ—это было придумано весьма хитроумно—упоминался императорскій титулъ, но оно не было вѣрительной грамотой, оно называлось просто «дружественнымъ письмомъ»; другое было точной копіей перваго и подлинной вѣрительной грамотой, но было написано рукой короля и не скрѣплено кацлеромъ, что придавало ему менѣе официальное значеніе¹. Кантемиръ ничего не зналъ обо всѣхъ этихъ ухищреніяхъ. Бесѣдуя съ министрами короля, онъ высказывалъ безпокойство по поводу разрѣшенія этого щекотливаго вопроса. «*Tout cela s'ajustera en peu de temps*» — «все уладится въ скоромъ времени»,—отвѣтили ему.

Но маркизь Шетарди и теперь уже измѣнилъ свой планъ. Такъ какъ онъ не могъ сдѣлать «въѣзда», достойнаго его положенія, и по этикету рисковалъ даже не быть официально признаннымъ, какъ дипломатъ; такъ какъ, наконецъ, цѣль его возвращенія въ Россію сводилась къ тому, чтобы возобновить борьбу съ его прежними противниками,—то онъ былъ готовъ принять на себя всѣ послѣдствія этого исключительнаго положенія. Онъ явится къ русскому двору, какъ частное лицо; онъ будетъ игнорировать этихъ министровъ, обреченныхъ на близкую гибель; онъ, черезъ ихъ головы, обратится непосредственно къ самой Елизаветѣ и для заключенія союза съ Франціей, на который государыня согласится въ благодарность за императорскій титулъ, поставитъ непремѣннымъ условіемъ ихъ отставку и отказъ отъ ихъ политики. Лестокъ увѣрялъ въ своихъ письмахъ, что «герой страстно мечтаетъ о титулѣ». И, разжигая въ Елизаветѣ эту страсть, а вмѣстѣ съ нею, можетъ быть, и другія чувства, Шетарди надѣялся добиться своей цѣли. Послѣ этого онъ соглашался принять официальное положеніе посла и сдѣлать «въѣздъ», какого еще никогда не видали въ

¹ Ср. Vandal, «Louis XV et Elisabeth», стр. 186. Эта подробность имѣла свое значеніе, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго.

² «Архивъ кн. Воронцова», т. I, стр. 379 и сл.

Россіи; если только... Но тутъ маркизъ не договаривалъ до конца своихъ мыслей. Лестокъ указывалъ какъ-то своему другу, что ни одинъ официално акредитованный при русскомъ дворѣ дипломатъ никогда не бывалъ близокъ къ императрицѣ. Это былъ вопросъ принципа, да и самъ паломникъ въ Троицкую Лавру хорошо помнилъ, что государыня пригласила его поѣхать на богомолье лишь послѣ прощальной аудіенціи. Даже Мардефельдъ, зорко слѣдившій за нравами и взглядами Елизаветы, отмѣтилъ это обстоятельство ¹.

И человекъ, который и прежде мечталъ сыграть въ Россіи роль болѣе выдающуюся, нежели роль простого дипломата,—хотя бы и самаго счастливаго въ своихъ начинаніяхъ,—стоило надъ этимъ призадуматься.

Съ такими планами представитель Франціи отправился въ путь, чтобы исполнить возложенное на него порученіе,—хотя официално и не былъ посломъ,—но вмѣсто этого нарвался на самую непріятную и унижительную изъ исторій.

VI.

Возвращеніе маркиза Шетарди въ Россію.

Маркизъ выѣхалъ изъ Парижа въ первыхъ числахъ октября 1743 года; онъ подвигался впередъ очень медленно, завернувъ по дорогѣ въ Копенгагенъ и въ Стокгольмъ, откуда маркизъ Ланмари поддерживалъ съ д'Аллиономъ очень дѣятельную переписку. Предметомъ этой переписки служило все то же паденіе Бестужевыхъ, котораго всѣ ждали съ нетерпѣніемъ. Д'Аллионъ увѣрялъ, что энергически подготавливаетъ его, надѣялся твердо на успѣхъ и былъ не мало раздосадованъ, узнавъ, что въ Петербургъ возвращается его бывший начальникъ. Онъ находилъ, что пріѣздъ Шетарди уменьшаетъ его шансы на побѣду, и не преминулъ написать объ этомъ въ Версаль. По его словамъ появленіе маркиза «придастъ только новыя силы противной партіи», и «препятствія, которыя эта партія готовитъ бывшему послу, вызваны скорѣе личнымъ нерасположеніемъ къ нему, нежели отношеніемъ русскаго двора къ Франціи» ². Представи-

¹ Письмо Мардефельда къ Фридриху отъ 28 декабря 1742 г Берлинскій архивъ.

² Письмо д'Аллиона къ Амло отъ 7 декабря 1743 года. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

тели другихъ державъ не вполне раздѣляли эту точку зрѣнія. Особенно тревожился англійскій посоль; онъ былъ неувѣренъ въ Лестокъ и, заплативъ ему пенсію за три мѣсяца, спрашивалъ себя, не брошенныя ли это на вѣтеръ деньги ¹.

Вся эта переписка была, разумѣется, перехвачена вице-канцлеромъ, и ему удалось пробудить къ ней любопытство въ самой Елизаветѣ, настолько сильное при этомъ, что императрица лично занялась поддѣлкой печатей, употребляемыхъ иностранными послами ². Бестужевъ прекрасно зналъ поэтому о подготавливаемомъ на него нападеніи и держался на-сторожѣ.

Но маркизъ Шетарди посѣтилъ дружественные дворы не только для того, чтобъ подготовиться къ своей миссіи; была еще другая причина, по которой онъ хотѣлъ затянуть свое путешествіе. Онъ составилъ маршрутъ съ такимъ расчетомъ, чтобы пріѣхать въ Петербургъ 24 ноября. 25-го Елизавета праздновала восшествіе на престолъ, и въ этотъ день она не могла отказать въ пріемѣ челоуѣку, которому—какъ она сама говорила—она была обязана престоломъ; она должна была поступиться придворнымъ этикетомъ на этотъ разъ. Но, къ несчастью, расчетъ маркиза оказался неточнымъ. Онъ слишкомъ довѣрился кучерамъ-шведамъ, везшимъ его на почтовыхъ, русскимъ дорогамъ и сѣверной зимѣ. Чуть не свернувъ себѣ шею на ухабахъ и растерявъ по дорогѣ большинство слугъ и сломавшаго руку секретаря, онъ достигъ предмѣстья столицы лишь въ ночь съ 24 на 25 ноября. Тутъ его ждала новая неудача: онъ долженъ былъ переѣхать на другой берегъ, а переправа черезъ Неву была воспрещена. Былъ сильный ледоходъ, и трое офицеровъ погибло накануне, пытаясь перебраться черезъ рѣку. И бѣдному маркизу, полумертвому отъ усталости, холода и голода, пришлось встрѣтить въ пустынной хижинѣ на берегу Невы день, на который онъ возлагалъ столько надеждъ. Лишь въ девять часовъ утра офицеръ и сержантъ, высланные къ нему навстрѣчу, пріѣхали предложить ему свои услуги. Достигнувъ кое-какъ съ ихъ помощью противоположнаго берега по доскамъ, переброшеннымъ со льдины на льдину по рукавамъ рѣки, маркизъ, черезъ непроходимые пустыри, добрался наконецъ пѣшкомъ до отдаленнаго квартала Петербурга, гдѣ его ждала придворная карета и

¹ «Сборникъ Р. И. О.», т. ХСІХ, стр. 416.

² «Архивъ кн. Воронцова», т. II, стр. 385; т. IV, стр. 359.

записка отъ Лестока. Лейбъ-медикъ сообщалъ ему о сожалѣннѣи императрицы по поводу опасности, которую маркизу только что пришлось пережить, и предлагалъ ему свое гостепріимство, такъ какъ помѣщеніе, приготовленное для Шетарди ея величествомъ, оказалось слишкомъ сырымъ. Это было дурное начало. А пріѣхавъ къ своему другу, маркизъ узналъ, кромѣ того, что пріемъ во дворцѣ, на которомъ онъ разчитывалъ появиться, уже состоялся. Однако вечеромъ у Брюммера Шетарди могъ еще увидѣть императрицу. Ну, что жъ?—свиданіе и разговоръ наединѣ вмѣсто официальнаго пріема, это было еще не такъ плохо! Но, видно, испытанія еще не кончились для злополучнаго маркиза въ этотъ день. Пріѣхавъ вечеромъ къ камергеру герцога Голштинскаго, онъ засталъ у него большое общество, среди котораго было не мало «развѣдчиковъ и креатуръ г. Бестужева». Окруженная многочисленной свитой, императрица встрѣтила путешественника очень милостиво, но чувствовала себя какъ будто стѣсненной. Благодаря ловкимъ маневрамъ, ему удалось всетаки добиться разговора съ нею съ глазу на глазъ и онъ хотѣлъ воспользоваться этимъ, чтобъ немедленно перейти къ жгучему вопросу объ императорскомъ титулѣ. Но Елизавета уклонилась отъ этой темы и стала спрашивать его о здоровьи французскаго короля. Тогда, все пытаясь придать своей бесѣдѣ съ государыней интимный характеръ, онъ намекнулъ на проектъ брака, когда-то отвергнутаго во Франціи, и воспоминаніе о которомъ, казалось бы, не могло быть очень пріятнымъ бывшей невѣстѣ. Король,—сказалъ онъ,—не забылъ до сихъ поръ обстоятельство 1725 года: Они оставили въ его сердцѣ неизгладимое воспоминаніе. И онъ убѣжденъ, что *ваше императорское величество* примете его портретъ съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ онъ вамъ его посылаетъ».

Этотъ не совсѣмъ удачный мадригалъ, благодаря титулу, придававшему ему особое значеніе, заставилъ всетаки Елизавету вспыхнуть отъ удовольствія.

— Правда! Вы привезли портретъ короля...

Шетарди на минуту растерялся. Онъ очень хлопоталъ о портретѣ въ Версалѣ, но, какъ и на другія свои ходатайства, получилъ уклончивый отвѣтъ: ему дали согласіе на присылку портрета Людовика XV лишь условно—въ томъ случаѣ, если удастся заключить союзъ между Россіей и Франціей. Маркизъ, какъ умѣлъ, старался теперь выпутаться изъ затрудненія:

«Желая придать своему изображенію большее сходства, — увѣрилъ онъ Елизавету, — король заказалъ для нея новый портретъ, и художникъ не успѣлъ еще закончить своей работы». Елизавета покраснѣла опять и подозвала рукой Брюммера и Лестока, чтобъ маркизъ въ ихъ присутствіи повторилъ свой комплиментъ»¹.

На этомъ разговоръ окончился. Но и сказаннаго было достаточно, чтобъ внушить серьезныя опасенія врагамъ Франціи, тѣмъ болѣе, что въ послѣдующіе дни Шетарди видимо опять сблизился со своимъ бывшимъ дипломатическимъ союзникомъ: Мардефельдъ былъ убѣжденъ, что Бестужевъ безповоротно, и душой и тѣломъ, преданъ Австріи, а послѣднія инструкціи Фридриха указывали на то, что прусскій король собирается возобновить свой споръ съ венгерской королевой. Поэтому прусскій посланникъ былъ готовъ прійти на помощь своему французскому коллегѣ съ тѣмъ, чтобъ, въ свою очередь, воспользоваться услугами, которыя маркизъ могъ оказать ихъ общему дѣлу. На слѣдующій же день послѣ пріѣзда маркиза въ Петербургъ онъ отправилъ въ Берлинъ депешу, въ которой намекалъ на свои новые планы. Въ незашифрованной части этой депеши мы читаемъ: «Императрица приказала принцу Гессенскому послать людей, чтобъ устроить переправу черезъ Неву, и такимъ образомъ маркизъ Шетарди прибылъ вчера, а черезъ два часа имѣлъ уже честь ухаживать въ апартаментяхъ господина Брюммера за ея величествомъ, которая сказала ему, что рада его видѣть, какъ графа Перузскаго (sic), но что, если онъ желаетъ говорить съ нею о дѣлахъ, то пусть обратится къ ея министрамъ». А шифромъ къ этому было прибавлено слѣдующее: «Все это была одна игра, и императрица сдѣлала вышеуказанный отвѣтъ Шетарди, только чтобъ обмануть своихъ министровъ; онъ же далъ ей понять, что пріѣхалъ не какъ посолъ, а какъ преданный, вѣрный слуга, чтобъ наблюдать за ея интересами и раскрывать передъ ней плутни нѣкоторыхъ ея министровъ; при этомъ онъ совѣтовалъ ей вести дружбу исключительно съ вашимъ величествомъ»².

Плохо освѣдомленный на этотъ разъ, Мардефельдъ, очевидно, передавалъ лишь то, что слышалъ отъ самого Шетарди. Но онъ

¹ Письмо Шетарди къ Амло, отъ 14 декабря 1743 г.

² Донесеніе Мардефельда Фридриху отъ 7 декабря 1743 г. Берлинскій архивъ.

вѣрилъ своему коллегѣ на слово и черезъ нѣсколько дней писалъ опять: «Маркизь такъ же хорошо принятъ при дворѣ, какъ и въ былыя времена». Это было вѣрно; но было преждевременно всетаки приписывать этому большое значеніе. Шетарди, правда, имѣлъ свободный доступъ во дворецъ, гдѣ его встрѣчали очень любезно. Онъ присутствовалъ на всѣхъ приемахъ и торжествахъ

Яйцо, осыпанное драгоценными камнями, поднесенное императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ маркизомъ де-ла-Шетарди.

(Императорскій Эрмитажъ).

и въ день основанія ордена Андрея Первозваннаго появился залитый брилліантами, о происхожденіи которыхъ всѣ переплетывались между собой, а англійскій посланникъ замѣтилъ лукаво, что, вслѣдствіе толкотни во дворцѣ, одна изъ великолѣпныхъ звѣздъ на груди маркиза потеряла нѣсколько лучей. Но, несмотря на весь этотъ наружный почетъ, самъ маркизь не

могъ не видѣть, что Елизавета упорно избѣгаетъ дѣловыхъ разговоровъ съ нимъ, хоть и относится къ нему попрежнему милостиво. Ея же министры, которыхъ онъ пытался игнорировать, откровенно платили ему тѣмъ же и подчеркивали, что признаютъ представителемъ Франціи одного д'Алліона, отказываясь, впрочемъ, входить съ этимъ послѣднимъ въ сношенія, такъ какъ въ его нотахъ не упоминался императорскій титулъ. И д'Алліонъ—въ своихъ депешахъ въ Версаль и въ разговорѣ съ возвратившимся посломъ, который въ сущности посломъ не былъ—доказывалъ все болѣе горячо и настойчиво на неудобства такого неестественнаго положенія. Оно создавало между маркизомъ и его подчиненнымъ натянутыя отношенія и должно было неизбежно привести къ полному разрыву между ними, что и произошло вскорѣ въ самой нежелательной формѣ.

Въ архивѣ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ² хранится документъ подъ заглавіемъ: *Истинная исторія г. д'Алліона*; на поляхъ его сдѣлано примѣчаніе неизвѣстной рукой: «Это сочиненіе—романъ, полный выдумокъ». Въ немъ сказано, что французскій повѣренный въ дѣлахъ былъ сыномъ майнцага парикмахера; приставленный къ г. де Бонакъ, онъ сопровождалъ его въ Константинополь, откуда, послѣ ряда непопулярныхъ выходокъ, былъ отосланъ въ Персію. Впослѣдствіи онъ служилъ въ Россіи при Шетарди и, оставшись его замѣстителемъ въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ, злоупотреблялъ своимъ положеніемъ дипломата, устроилъ въ домѣ посольства складъ товаровъ и открылъ въ немъ торговлю. На этой почвѣ между обоими французами и вспыхнула ссора. На упреки Шетарди, д'Алліонъ сталъ дерзко отпираться, и маркизъ, выйдя изъ себя, ударилъ его по лицу. Повѣренный въ дѣлахъ выхватилъ тогда шпагу, и Шетарди порѣзалъ себѣ два пальца, схватившись за лезвіе; если бы не вмѣшательство секретаря, то исходъ этого столкновенія могъ бы быть трагическимъ.

Въ томъ, что между Шетарди и д'Алліономъ дѣйствительно произошла ссора, которая могла имѣть роковой исходъ, не остается сомнѣнія. О ней стало сейчасъ же извѣстно въ городѣ—и притомъ въ самыхъ разнообразныхъ версіяхъ. Такъ, нѣсколько недѣль спустя, встрѣтившись на почтовой станціи по дорогѣ въ

¹ «Сборникъ Р. И. О.», т. ХСІХ, стр. 461, 463.

² Русскій отдѣлъ, т. ХLIX, фол. 278.

Петербургъ съ д'Аллиономъ, въ то время уже отозваннымъ во Францію, преемникъ Вейча, лордъ Тироули, старался найти подъ парикомъ бывшаго повѣреннаго въ дѣлахъ знакъ отъ бутылки, которую Шетарди будто бы бросилъ ему въ голову. «Когда я пріѣхалъ въ Лиссабонъ,—писалъ Тироули,—посланникъ короля, мой предшественникъ, тоже только что побилъ консула; такова, должно быть, моя судьба при миссіяхъ къ иностраннымъ дворамъ»¹. Очевидно, рукопашныя схватки были въ дипломатическихъ нравахъ того времени. Но такъ или иначе, — а Шетарди былъ раненъ д'Аллиономъ. Онъ явился на пріемъ во дворецъ съ рукою на перевязи и увѣрялъ, что повредилъ ее, производя какой-то опытъ съ порохомъ. Елизавета разсмѣялась на это, сказала, что его слѣдуетъ высѣчь, какъ ребенка, и послала ему розгу². Ни она, ни ея приближенные не повѣрили его объясненію, и вся эта исторія не могла естественно поднять его престижа.

Добившись вскорѣ послѣ этого отозванія д'Аллиона и подаривъ Брюммеру портретъ короля, а Лестоку—цинично объявившему, что онъ предпочитаетъ изображеніе его величества въ видѣ монетъ — 60.000 ливровъ, Шетарди всетаки ничего этимъ не достигъ, такъ какъ Елизавета не мѣняла своего обращенія съ нимъ. Она весело пошутила насчетъ его раны и съ тою же дружественной фамиллярностью поздравила его съ чиномъ бригадира, который онъ въ то время получилъ: «Я не знаю, для чего я васъ такъ хорошо принимаю, для того, что мнѣ надобно было на васъ досадовать; мы оба были вмѣстѣ полковниками, а нынѣ я принуждена быть подъ вашею командою, понеже вы уже генераломъ»³. Все это было, безъ сомнѣнія, очень мило, но оно ни къ чему не вело. Уже въ январѣ 1744 года въ Версалѣ отчетливо поняли это и стали настаивать на томъ, чтобы Шетарди воспользовался скорѣе льготами, которыя были ему даны, чтобы оформить свое положеніе и начать серьезные переговоры о союзѣ. Но онъ придумывалъ въ оправданіе своего упрямаго непослушанія всевозможныя извиненія и отговорки: ему было трудно затронуть въ разговорѣ съ царицей вопросъ

¹ «Сборникъ Р. И. О.», т. СII, стр. 18.

² Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XXI, стр. 298 и сл.

³ Письмо Шетарди къ Амло отъ 17 (28) янв. 1744 г. Архивъ фр. Мин. Ин. Дѣлъ. Ср. «Архивъ кн. Воронцова», т. I, стр. 478 и сл.

объ императорскомъ титулѣ; она уѣзжала теперь въ Москву, и тамъ онъ надѣялся найти болѣе подходящій случай для подобной бесѣды. Но онъ не говорилъ при этомъ всей правды. Мардефельдъ эту правду зналъ, а черезъ него она стала извѣстна и намъ: маркизь *запрогивалъ передъ Елизаветой вопросъ объ императорскомъ титулѣ* и предлагалъ даже обсудить его съ однимъ изъ ея министровъ; онъ не захотѣлъ только, чтобы этимъ министромъ былъ Бестужевъ. Елизавета же, какъ и самъ прусскій посоль, — находила его требованіе непомѣрнымъ; но представитель Фридриха остерегался, разумѣется, высказать Шетарди свой откровенный взглядъ на этотъ счетъ.

Вообще роль прусской дипломатіи во всемъ этомъ дѣлѣ никогда не была достаточно освѣщена, что объясняется, главнымъ образомъ, отсутствіемъ документовъ: такъ все, что относится къ нему въ перепискѣ Фридриха съ Мардефельдомъ, не было напечатано въ *Politische Correspondenz*, на умышленные пропуски въ которой мнѣ уже приходилось указывать. Я постараюсь восполнить теперь этотъ пробѣлъ. До возникновенія дѣла Ботта, разлученныя примиреніемъ Фридриха съ Маріей-Терезіей, французская и прусская политика не дѣлали попытокъ къ сближенію; съ другой стороны, прусскій король не придавалъ тогда большого значенія своему союзу съ Россіей въ виду явно австрійскихъ симпатій Бестужева. Но мнимый заговоръ противъ Елизаветы, вызвавшій международныя осложненія, измѣнилъ его взглядъ на дѣло. Можно съ увѣренностью сказать, что Фридрихъ до нѣкоторой степени раздѣлялъ иллюзіи Шетарди насчетъ послѣдствій этого событія. Это видно по приказаніямъ, которыя онъ немедленно послалъ въ Москву: «Надо ловить мячъ на-лету (*sic*),—писалъ онъ Подевильсу,—я не пожалѣю денегъ, чтобъ привлечь на свою сторону Россію... теперь для этого подходящая минута, или намъ никогда не удастся этого сдѣлать. Мы должны расчистить себѣ дорогу, поваливъ Бестужевыхъ и всѣхъ, кто можетъ быть намъ враждебенъ, и когда мы хорошенько зацѣпимся въ Петербургѣ, то будемъ имѣть возможность громко командовать Европѣ» ². А Мардефельду онъ писалъ: «Надо ковать

¹ Донсеніе Мардефельда Фридриху отъ 11 января 1744 г. Берлинскій архивъ.

² Письмо Фридриха къ Подевильсу отъ 21 августа 1743. «*Politische Correspond.*», т. II, стр. 408.

желѣзо, пока оно горячо; необходимо, чтобъ наши интересы и интересы императрицы были абсолютно тѣ же... надо свергнуть Бестужевыхъ, или подкупить ихъ... я убѣжденъ, что теперь благопріятное время для того, чтобы я привлекъ къ себѣ Россію, или она никогда не будетъ моею»¹.

Такимъ образомъ, сближеніе обѣихъ дипломатій, прусской и французской, произошло автоматически, безъ предварительнаго соглашенія между ними, а просто влѣдствіе точнаго совпаденія цѣлей, которыя—въ одно и то же время и тѣми же средствами—преслѣдовала каждая изъ нихъ. Вопросъ шелъ и съ той, и съ другой стороны о томъ, чтобъ уничтожить въ Россіи австрійское вліяніе и для этого «свалить» Бестужевыхъ. Фридрихъ рѣшилъ дать на подмогу своему послу союзника, но выборъ его палъ первоначально не на Шетарди. Вскорѣ послѣ возвращенія маркиза въ Россію, послѣдовало событіе неисчислимой важности для всего будущаго Россіи и для развитія ея международныхъ отношеній: въ Петербургъ пріѣхала принцесса Цербстская вмѣстѣ съ дочерью, официально предназначившейся въ супруги герцогу Голштинскому. Совѣтуя Елизаветѣ остановить свой выборъ на этой невѣстѣ, прусскій король очень рассчитывалъ на то, что мать и дочь будутъ служить его интересамъ. Но, узнавъ, что онѣ встрѣтятся при Петербургскомъ дворѣ съ отважнымъ французскимъ дипломатомъ, онъ не колеблясь рѣшилъ воспользоваться и имъ: онъ предписалъ принцессѣ Цербстской во всемъ слѣдовать совѣтамъ прусскаго посла, а Мардефельду приказалъ завязать дружбу со своимъ французскимъ коллегой и во всемъ оказывать ему содѣйствіе. При этомъ Фридрихъ «подъ печатью самой ненарушимой тайны» вновь сообщалъ ему, что готовъ «вновь сойтись съ Франціей»:

Очевидно, прусскій король уже подумывалъ о новой войнѣ съ Маріей-Терезіей и подготавливалъ будущую коалицію. Предложивъ Шетарди свои услуги и вліяніе принцессы Цербстской, Мардефельдъ долженъ былъ, взаимнъ этого, просить у марки помощи для заключенія союза между Пруссіей, Россіей и Швеціей. Здѣсь опять совпали комбинаціи Версаля и Берлина, возникшія одновременно при обоихъ дворахъ: вы, вѣроятно, не за-

¹ Письма Фридриха къ Мардефельду отъ 20, 21 и 25 авг. 1743 г. «Pol. Corresp.», т. II, стр. 406—409. Ср. Droysen, «Geschichte der preussischen Politik», т. V (II), стр. 149.

были о тройственномъ союзѣ дю-Тейля, упомянутомъ въ инструкціяхъ Шетарди. Прусская комбинація относится нѣкоторыми историками ¹ къ другому, болѣе позднему времени, когда французская попытка уже потерпѣла пораженіе. Пруссія имѣла тогда будто бы цѣлью связать Францію и Россію—безъ вѣдома этой послѣдней, — но этотъ маневръ былъ разоблаченъ проникательностью Бестужева. Это несомнѣнная ошибка. Если бы оба тройственные союзы, о которыхъ идетъ рѣчь, были заключены, то они, естественно, должны были бы слиться; но пока каждый изъ нихъ служилъ самостоятельно предметомъ переговоровъ, причемъ съ одной стороны—со стороны французской—не имѣлъ тоже никакихъ шансовъ на успѣхъ, такъ какъ никогда не обсуждался серьезно. Послѣ же неудачи, постигшей Шетарди, на очереди осталась одна прусская комбинація, и Бестужеву пришлось сдѣлать видъ, что онъ ее поддерживаетъ. Въ это время—что касается Франціи—Фридрихъ хлопоталъ въ Петербургѣ только объ одномъ: какъ бы не выдать своего прежняго тайнаго договора съ ней, который бы его скомпрометировалъ. Этотъ договоръ былъ заключенъ до пораженія Франціи, а послѣ него Фридрихъ сейчасъ же отрекся отъ бывшей союзницы: достаточно знать сложные и всегда двуличные приемы его политики, чтобы не сомнѣваться въ томъ, что это именно такъ и было.

Пока же это франко-прусское соглашеніе, хоть и желательное для Фридриха и даже устроенное имъ, было всетаки далеко неполнымъ. Миссія Шетарди, которая, казалось бы, должна была служить цѣлямъ прусскаго короля, пугала его во многихъ и различныхъ отношеніяхъ. Онъ считалъ ее опасной и находилъ рискованнымъ для себя имѣть такого неосторожнаго сотрудника. Но больше всего онъ боялся тѣхъ преимуществъ, которыя Франція могла бы извлечь изъ своей побѣды. Поэтому, не жалѣя ничего, чтобы сохранить дружбу маркиза, и выказывая ему при всякомъ случаѣ полное довѣріе, Мардефельдъ долженъ былъ въ то же время зорко и бдительно слѣдить за своимъ коллегой и насколько возможно—только чтобъ не выдать себя,—мѣшать французамъ завладѣть безгранично довѣріемъ императрицы и слишкомъ сильно подчинить ее своему вліянію. Кромѣ того, подготавливая вмѣстѣ съ нимъ паденіе вице-канцлера, онъ долженъ былъ вести дѣло

---

¹ Вильбасовъ, «Исторія Екатерины II», т. I, стр. 109. Ср. «Polit. Congress». т. III, стр. 81, 117 и «Сборникъ Р. И. О.», т. СII, стр. 66.

такъ, чтобы, въ случаѣ неудачи, ненависть (Бестужева) пала на голову одного Шетарди»¹.

Эта двойственная роль, играя которую прусскому дипломату пришлось выказать много хитрости и ума, была весьма некрасива, и когда замыслы Фридриха постигла неудача, какъ онъ это и предвидѣлъ, онъ счелъ болѣе удобнымъ для себя не предавать гласности нѣкоторыя свои указанія Мардефельду. Издатели его переписки послѣдовали его примѣру и проявили такую же сдержанность.

Теперь мы знаемъ, какія сѣти были разставлены французскому послу и какимъ жалкимъ оружіемъ онъ предполагалъ сражаться со своими грозными врагами. У него былъ только одинъ сомнительный союзникъ, происки котораго могли скорѣе погубить его, нежели принести ему помощь, а, пріѣхавъ въ Москву, онъ встрѣтился здѣсь съ новымъ и страшнымъ противникомъ. При первомъ извѣстіи объ отъѣздѣ маркиза въ Россію, Лондонскій кабинетъ встревожился и рѣшилъ замѣнить Вейча болѣе опытнымъ и тонкимъ дипломатомъ; выборъ его палъ на лорда Тироули. Когда лордъ уже выѣхалъ въ Россію, его по дорогѣ нагналъ курьеръ и привезъ ему добавочныя инструкціи: Франція готовилась въ это время напасть на Англію, и вопросъ шелъ не только о томъ, чтобы помѣшать возобладанію прусскаго вліянія въ Россіи, но о томъ, чтобы заставить Россію двинуть къ границѣ Лифляндіи вспомогательный корпусъ въ 12.000 человекъ, который она была обязана выставить согласно послѣднему договору². Новый посланникъ успѣшилъ прибыть на свой постъ и черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда въ Москву, въ свою очередь, отправилъ въ Англію курьера, сообщая — въ очень таинственныхъ выраженіяхъ — что онъ ручается за успѣхъ по всѣмъ пунктамъ новой инструкціи, оговариваясь лишь относительно *статьи 6*.

Эта *статья 6* имѣла въ виду побудить Петербургскій дворъ выслать маркиза Шетарди изъ Россіи. «Завязалась игра между Англіей и Франціей»,—говорилъ впоследствии Тироули, вспоминая это время. Чтобъ выиграть ее, у него было въ рукахъ два

¹ Делеши Фридриха къ Мардефельду отъ 14 и 31 декабря 1743 г. Берлинскій архивъ. Вторая изъ этихъ депешъ напечатана въ «Politische Congress», т. II, стр. 497; но все относящееся къ Шетарди въ ней совершенно выпущено.

² «Сборникъ Р. О. И.», т. СII, стр. 24.

kozyря: во-первыхъ, онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Бестужевыми и обѣщалъ «помочь имъ подвести мину» подъ французскаго дипломата; во-вторыхъ, онъ хвалился тѣмъ, что затмить своего соперника при дворѣ, состязаясь съ нимъ въ богатствѣ, элегантности и изысканности обхожденія. При первой же аудіенціи, цѣлуя руку Елизаветы, онъ преклонилъ колѣно, заявивъ, что обязанъ этой почестью «самой могущественной государынѣ въ Европѣ». Никогда Шетарди не рѣшился бы на чтонибудь подобное. И ореоль очарованія, которымъ маркизъ былъ окруженъ въ глазахъ Елизаветы, началъ тускнѣть послѣ пріѣзда англичанина. При этомъ, въ Москвѣ, какъ и въ Петербургѣ, маркизу все не удавалось исполнить приказаній, которая ему неумоимо посылали изъ Версаля. Онъ продолжалъ тянуть старую пѣсню о невозможности «встрѣтиться съ императрицей и сосредоточить ея вниманіе» хотя бы на четверть часа. «Это такъ же трудно, какъ найти философскій камень,— писалъ онъ,—такую она ведетъ разсѣянную жизнь и такъ боится всего, что хотя бы отдаленно напоминаетъ серьезный разговоръ». Но, высказывая подобныя жалобы, онъ въ то же время зналъ достовѣрно, что вся его переписка вскрывается и расшифровывается для вице-канцлера! Слѣдовательно, о ней, вѣроятно, докладывали и императрицѣ! И та «мина», на которую таинственно намекалъ Тироули, и была эта переписка, гдѣ то и дѣло попадались все менѣе и менѣе лестные отзывы о характерѣ, умѣ и привычкахъ Елизаветы,—отзывы, доходившіе до нея дословно, благодаря Бестужеву.

Но Елизавета не подавала и виду, что что-нибудь о нихъ знаетъ. Напротивъ, она становилась все болѣе любезной съ Шетарди. Въ апрѣлѣ, встрѣтивъ его у принцессы Цербтской, она спросила его о подробностяхъ послѣдней битвы между англичанами и французами и выразила надежду, что эти послѣдніе одержали побѣду. «Я странная союзница,—прибавила она смѣясь,—но я предпочитаю слѣдовать движеніямъ моего сердца.»¹ Увы! Лестокъ могъ бы открыть своему другу глаза на цѣнность подобныхъ увѣреній: немного времени спустя Елизавета спокойно сообщила лейбъ-медику о договорѣ, только что подписанномъ ею съ Саксонскимъ дворомъ и косвенно вовле-

¹ Письмо Шетарди къ Амло отъ 2 апрѣля 1744 г. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

кавшемъ ее въ австро-англійскую коалицію. Напрасно онъ выходилъ изъ себя, называлъ Бестужевыхъ негодьями и просилъ отставки: она осталась невозмутима. Впрочемъ, Елизавета нерѣдко обращалась съ милостивыми словами, которыя расточала такъ легко къ Тироули, и когда Мардефельдъ получилъ отъ Фридриха предписаніе держаться золотой середины между французомъ и англичаниномъ¹, этотъ послѣдній сумѣлъ получше Шетарди использовать дружбу прусскаго посла. Договоръ Россіи съ Саксоніей, подписанный 24 января 1744 года, повторившій ихъ взаимныя обязательства, данныя въ 1743 году, самъ по себѣ не имѣлъ большого значенія и въ первую минуту Фридрихъ не придавалъ ему никакого. Но онъ поневолѣ сталъ думать иначе, увидѣвъ, какую выгоду собирается извлечь изъ него англичанинъ, и на запросъ Подевильса, надо ли поздравить министровъ Елизаветы и Августа III съ заключеніемъ договора, о чемъ они официально сообщили Прусскому двору въ апрѣлѣ 1744 года, онъ написалъ на докладѣ министра, раздавивъ свое перо о бумагу: «Поздравьте этихъ свиней!» (*Faites compliment à ces cochons* ²).

Шетарди же умѣлъ только жаловаться на бѣдственное положеніе, въ которое его ставилъ его дворъ. Ему отказывали даже въ портретѣ короля, присылки котораго Елизавета продолжала ждать, и придирались къ его тратамъ въ Россіи въ то время, какъ прусскій король совѣтовалъ своему посланнику «бросать золото пригоршнями!» И это была правда! Бережливый Фридрихъ дошелъ до того, что увеличилъ на 2.000 талеровъ годовое содержаніе Мардефельда, и объявилъ ему, что не будетъ считать денегъ, которыя тотъ истратитъ на подкупъ. Съ каждой депешей Фридрихъ все шире раскрывалъ свои планы. Лѣто не пройдетъ безъ войны,—писалъ онъ. Вѣроятно, она разразится въ августѣ. И если бы Бестужевъ могъ быть къ тому времени «поваленъ», король надѣялся получить отъ императрицы хотя бы ея «калмыковъ». Много ему ихъ не нужно! «Пристегнуть какънибудь имя Россіи къ своей арміи»,—вотъ все, чего онъ желалъ³.

¹ Письмо Фридриха къ Мардефельду отъ 26 ноября 1743 г. Берлинскій архивъ. Это мѣсто въ письмѣ Фридриха выпущено въ «*Politische Correspondenz*».

² Приписано на поляхъ письма Подевильса отъ 30 апр. 1744. Берлинскій архивъ. Неопубликованный текстъ.

³ «*Politische Correspondenz*», т. III, стр. 85.

Но жалобы Шетарди уже не достигали цѣли. Амло былъ больше не у дѣль. Управление иностранной политикой Франціи перешло къ графу д'Аржансону, герцогу Ноайлю и дю-Тейлю, которымъ было трудно столковаться вмѣстѣ; и—хотя одинъ умъ хорошо, а два лучше—они, несмотря на то, что ихъ было даже трое, никакъ не могли понять то, что творится въ Россіи. Изъ донесеній маркиза, становившихся все безсвязнѣе, они выносили только одно

Торговецъ дичью
въ Елизаветинское время.
Съ офорта Дальстена.

отчетливое и тревожное впечатлѣніе,—что французскую политику ведутъ въ Петербургѣ къ вѣрному разгрому. И дѣйствительно, Шетарди наполнялъ свои депеши свѣдѣніями, не имѣвшими никакого отношенія къ дѣлу, не смѣя говорить въ нихъ о томъ, что составляло главный предметъ его заботъ, надеждъ и страховъ. Онъ не думалъ больше ни о переговорахъ о союзѣ, ни о своей борьбѣ съ Тироули, ни о томъ, чтобы попытаться счастья возлѣ Елизаветы. Онъ продолжалъ только бросать золото въ карманъ ненасытнаго Лестока, потому что въ его единоборствѣ съ Бестужевымъ, поглощавшемъ всѣ его силы, лейбъ-медикъ былъ его послѣднимъ прибѣжищемъ. Исходъ этого единоборства, которое должно было рѣшить судьбу и его самого, и судьбы Франціи, зависѣлъ отъ придворной интриги, а ея нити были всецѣло въ рукахъ у Лестока, обѣщавшаго довести ее до благополучнаго окончанія.

Между тѣмъ эта интрига, едва возникнувъ, была уже приостановлена на полномъ ходу! зоркій лейбъ-медикъ, бывшій всегда на-сторожѣ, успѣлъ открыть подземную мину, которую подводили подъ его друга, хотя тотъ объ этомъ ничего не подозрѣвалъ. Взвѣсивъ въ умѣ вѣроятность успѣха у обѣихъ партій, Лестокъ счелъ болѣе брагоразумнымъ не подвергать себя риску пораженія и осторожно, втихомолку, отошелъ въ сторону, заматая за собою слѣды. Кладя себѣ въ

карманъ послѣдніе французскіе червонцы, онъ уже подумывалъ о томъ, гдѣ бы ему найти теперь менѣе компрометирующіе источники доходовъ. И только принцесса Цербстская, вовлеченная въ борьбу Мардефельдомъ, продолжала волноваться и осаждала Елизавету увѣщаніями и мольбами, которыя выводили императрицу изъ себя и заставляли ее желать, чтобъ всей этой исторіи былъ положенъ скорѣе конецъ.

А подкопъ быстро подвигался впередъ и былъ почти законченъ. Наконецъ въ іюнѣ, видя нетерпѣніе государыни, противники Шетарди рѣшили, что наступила подходящая минута для нападенія, и взорвали свою мину.

VII.

Катастрофа.

Еще во время пребыванія Шетарди во Франціи Бестужевъ старался проникнуть въ тайны его переписки съ Лестокомъ и обратился съ наивною просьбою къ Фридриху перехватывать въ Берлинѣ письма обоихъ друзей. Король, со свойственной ему колкостью, не замедлил отвѣтить ему отказомъ: переписываются ли Шетарди и Лестокъ съ согласія императрицы? Если да, то иностранный монархъ не можетъ вмѣшиваться въ это дѣло; если нѣтъ, то вице-канцлеръ имѣетъ достаточно власти, чтобъ принять противъ ихъ переписки свои мѣры¹. Впослѣдствіи Бестужеву удалось разыскать у себя въ канцеляріяхъ писца, который довольно искусно расшифровывалъ иностранный текстъ. Это былъ нѣмецкій еврей—по фамиліи Гольдбахъ. И за послѣдніе мѣсяцы вице-канцлеръ ежедневно представлялъ императрицѣ отрывки изъ переписки маркиза, очень умѣло выбранные и подчеркнутые: длинныя страницы въ русскомъ переводѣ, часто неточномъ и искажающемъ подлинникъ, а рядомъ дословныя цитаты на французскомъ языкѣ, которыя особенно привлекали вниманіе Елизаветы. Блѣднѣя отъ гнѣва, она читала, «что никогда нельзя рассчитывать ни на благодарность, ни на вниманіе столь разсѣянной принцессы», и что, вслѣдствіе «ея тщеславія, легкомыслія, ея прискорбнаго поведенія, слабости и опрометчивости,—съ ней невозможенъ серьезный разговоръ».

¹ «Politische Corresp.», т. II, стр. 33.

Въ перепискѣ любого другого посла Гольдбахъ и его начальникъ могли бы, конечно, сдѣлать такія же находки. Вейчъ, на-примѣръ, писалъ въ апрѣлѣ 1743 года: «Her Imperial Majesty's attachement to her pleasures and her neglect of all foreign concern make affairs move very slow»¹. А Мардефельдъ, какъ мы это видѣли, при случаѣ высказывался еще откровеннѣе. Но указывая на то, что онъ родился подданнымъ прусскаго короля, Гольдбахъ отказывался расшифровывать переписку Мардефельда, а для того, чтобъ не копаться въ денешахъ англійскихъ дипломатовъ, Бестужевъ имѣлъ собственныя, весьма вѣскія основанія. Елизавета, правда, могла бы заподозрить точность расшифрованныхъ отрывковъ, которые ей показывали². Но маркизъ уже надоѣлъ ей, особенно съ тѣхъ поръ, какъ появился Тироули. Самая легенда о томъ, что онъ возвелъ ее на престолъ, начинала раздражать ее: она теперь не нуждалась въ подобныхъ легендахъ, находя, что ея положеніе императрицы достаточно упрочилось и безъ нихъ. Нѣсколько лѣтъ спустя она наивно выдала это чувство недоброжелательства по отношенію къ Шетарди въ разговорѣ съ Иваномъ Шуваловымъ, неосторожно упомянувшимъ о роли французскаго дипломата въ государственномъ переворотѣ 25 ноября. «Что ты болтаешь?—перебила его неволью Елизавета—я уважала Шетарди, пока онъ былъ честнымъ человѣкомъ, но онъ сталъ *шельмой* по отношенію ко мнѣ, и я обязана имперіей только Богу, моему рожденію и любви моихъ подданныхъ»³. Шетарди—это было ея прошлое, прошлое, которое она охотно забывала теперь, особенно, когда говорила съ Тироули. На балу, въ послѣднихъ числахъ мая, протанцовавъ минуетъ, она перешла черезъ всю залу, чтобъ подойти къ любезному и блестящему англичанину. Но не успѣла она сказать съ нимъ и двухъ словъ, какъ маркизъ съ умильнымъ, но самодовольнымъ лицомъ, бросился къ ней, чтобъ вмѣшаться въ разговоръ. Она сейчасъ же круто повернулась, удалилась въ свои покои и уже больше не пока-

---

Record office. Русскій отдѣлъ, № 43.

² Эти отрывки были напечатаны въ «Архивѣ кн. Воронцова», т. I, стр. 455—628. См. сравненіе ихъ съ оригиналомъ и очень справедливыя примѣчанія Бильбасова, «Исторія Екатерины II», т. I, стр. 106 и сл.

³ Письмо Бернеса къ Ульфелъду отъ 30 сент. 1750 г. Вѣнскій архивъ, написано на французскомъ языкѣ:—по свидѣтельству молодого Бестужева, присутствовавшаго при этой сценѣ.

зывалась на балу ¹. И на слѣдующій день Бестужевъ нашель ее вполне расположенной къ тому, чтобы выслушать его инисиуаціи. Она не могла болѣе выносить ни Шетарди, ни принцессу Цербстскую. Но какъ отдѣлаться отъ этихъ назойливыхъ людей? Вице-канцлеръ повторилъ ей тогда въ десятый разъ то, что говорилъ и прежде: маркизъ ничто; онъ не занимаетъ никакого официальнаго положенія, не имѣетъ званія посла. Онъ, какъ частное лицо, пользуется высокомиловитивымъ гостепримствомъ Елизаветы и злоупотребляетъ имъ, чтобъ злословить про ея священную особу и заводить преступныя интриги съ принцессой Цербстской. Такая неблагодарность и наглость заслуживаетъ наказанія, и дерзкій иностранецъ долженъ быть высланъ изъ Россіи. Но Елизавета колебалась. Воспоминанія о часахъ, пережитыхъ ею съ маркизомъ у Троицы, уже изгладилась изъ ея сердца, и она была готова доказать это Шетарди. Но поссориться съ Франціей послѣ того, какъ она бросила вызовъ Австріи, и оскорбить одинъ за другимъ два первые двора Европы—это было дѣломъ серьезнымъ. Но тутъ подвернулся Тироули, чтобъ успокоить ее. Развѣ онъ, съ его великолѣпной самоувѣренностью и громкою рѣчью, въ которой имя Англіи звучало въ его устахъ такъ гордо, не сумѣетъ ее оберечь?.. Тогда она предоставила Бестужеву свободу дѣйствій, а сама, слѣдуя неизмѣнной привычкѣ удаляться, принявъ важное рѣшеніе, изъ Москвы, отправилась въ тотъ самый монастырь, гдѣ когда то подарила счастье очаровательному французу, и куда возвращалась теперь, чтобъ дать свершиться его паденію.

Изъ предосторожности она взяла съ собою Лестока ², Брюкмера и всѣхъ ихъ русскихъ друзей—бывшихъ на жалованьи у Шетарди—Румянцова съ женой и Трубецкого. Она приказала также великому князю и обѣимъ принцессамъ Цербстскимъ немедленно къ ней присоединиться. Это происходило 28 мая 1744 г. Три дня спустя великій князь объявилъ маркизу, что отправляется въ Троицкую лавру, и предупредилъ его, что проѣдетъ мимо его дома въ девять часовъ вечера. Въ указанный часъ онъ появился на улицѣ, сопровождая верхомъ коляску, въ

¹ «Сборникъ Р. И. О.», т. СІІ, стр. 52.

² См. «Сборникъ Р. И. О.», т. СІІ, стр. 61. Тироули невѣрно указываетъ на то, что Лестокъ оставался въ Москвѣ. См. «Петербургскія Вѣдомости», 1744 г. № 49 и «Записки Екатерины ІІ», стр. 46, изд. 1907 года.

которой сидѣли принцессы. Шетарди бросился за ними и когда, обмѣнявшись съ ними шопотомъ нѣсколькими словами, онъ вернулся домой, то секретарь его былъ пораженъ его задумчивымъ и угнетеннымъ видомъ ¹. Предупредили ли они его о грозившей ему опасности? Возможно, что да. Елизавета довѣрилась, правда, пока только одному Воронцову, а онъ продолжалъ выказывать Шетарди большую дружбу, хотя, подражая Лестоку, втихомолку поддерживалъ Бестужева ². Но въ эту минуту всѣ предчувствовали близость неизбежной катастрофы; принцесса Цербстская сознавала, что ея положеніе и счастье ея дочери очень непрочны, и между нею и Шетарди, какъ между болѣе или менѣе добровольными и сознательными участниками одной и той же интриги, естественно могъ произойти обмѣнъ мыслей по поводу общей опасности и возможныхъ средствъ къ спасенію.

Для маркиза этихъ средствъ не существовало. Въ Троицкой лаврѣ послѣ бурнаго объясненія съ Елизаветой, принцессѣ Цербстской удалось если и не оправдать свое поведеніе, то по крайней мѣрѣ доказать полную невиновность дочери. Въ Москвѣ же пять дней прошло безъ всякой перемѣны; но 6 (17) июня ³ между пятью и шестью часами утра маркиза внезапно разбудили, и въ комнату рядомъ съ его спальней вошло нѣсколько чиновниковъ, офицеровъ и солдатъ; Шетарди поблѣднѣлъ, увидѣвъ во главѣ ихъ страшнаго Ушакова. Секретарь Иностранной Коллеги Курбатовъ держалъ въ рукѣ большой красный портфель и торжественно вынулъ изъ него бумаги. Здѣсь было прежде всего объявленіе, въ которомъ пространно перечислялись всѣ провинности иностраннаго дипломата: его слова о необходимости подкупать свѣтскія и духовныя лица, чтобы добиться отставки министерства; его оскорбительныя выраженія о священной особѣ ея императорскаго величества и т. д. Затѣмъ слѣдовали выдержки изъ его перехваченныхъ депешъ, устанавливающія его виновность; и наконецъ, приказъ императрицы, — въ которомъ ему предписывалось выѣхать изъ Москвы въ двадцать четыре часа...

¹ «Дневникъ секретаря Морамбера». Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ. Записки и документы, т. I, стр. 193.

² «Polit. Congresp.», т. III, стр. 340.

³ Ср. Vandal, «Louis XV et Elisabeth», стр. 194. Число, помѣченное авторомъ (12 июня), не точно.

Въ приказѣ приводился примѣръ *принца Селимара* (prince Selimar) (*sic*) и подчеркивалось, что императрица оказываетъ ему особую милость, не подвергая его «тягчайшему наказанію». И въ первую минуту ошеломленный маркизъ почувствовалъ именно только благодарность за эту оказываемую ему «милость». Присутствіе Ушакова и извѣстные ему прецеденты могли немало его напугать. Ему не пришло въ голову,—хотя нѣкоторые историки и утверждали противное,—указать на свое званіе посла, которое онъ такъ безумно отказывался до сихъ поръ оформить. Онъ совершенно растерялся и чуть ли не сталъ оправдывать мѣры, принятой противъ него русскимъ правительствомъ: «У меня есть вѣрительныя грамоты, — сказалъ онъ, — но я былъ достаточно долго посломъ, чтобы понимать, что теперь онѣ не имѣютъ цѣны». Онъ только слабо пытался оспаривать точность цитатъ, на которые ссылалось обвиненіе.

— У васъ должны были сохраниться черновики,—возразили ему,—мы установимъ подлинность текста. Впрочемъ, вотъ оригиналы.

И ему показали нѣкоторыя изъ его послѣднихъ депешъ.

Тогда, инстинктивно прикрывъ рукою уличавшія его бумаги, онъ не сталъ больше настаивать на своей невинности¹. По пути къ границѣ, который совершалъ подъ конвоемъ шести гренадеръ и офицера, его ждали новыя неожиданности, обычныя для всѣхъ сосланныхъ въ Россіи. Въ Новгородѣ онъ получилъ приказъ вернуть портретъ императрицы. Вы помните эту табакерку съ украшавшимъ ее портретомъ Елизаветы, и обстоятельства, при которыхъ она была подарена Шетарди. Маркизъ, дѣлая непростительную ошибку, сталъ сопротивляться, говоря, что разстанется съ драгоценнымъ для него изображеніемъ лишь по полученіи собственноручнаго приказа отъ государыни. На это послѣдовалъ отвѣтъ Бестужева, присланный съ курьеромъ: «Онъ (Шетарди) въ нынѣшнемъ его состояніи уже недостойнъ того, чтобы за собственнымъ Ея Императорскаго Величества подписаніемъ указу требовать могъ... И буде онъ портрета не отдастъ... при самовольномъ его упрямствѣ и ослу-

---

¹ Официальное донесеніе, поданное Ушаковымъ и другими чиновниками. «Архивъ кн. Воронцова», т. II, стр. 11. Для послѣдующихъ подробностей см. тамъ же, т. VI, стр. 101—102.

шані съ нимъ, яко съ простымъ арестантомъ поступлено и онъ на дорогѣ задержанъ будетъ». Бывшій посланникъ всетаки не сдался и продолжалъ отчаянно отбиваться, чтобъ избѣжать неизбѣжнаго. Онъ даже рѣшился написать принцессѣ Цербстской, хотя, казалось бы, долженъ былъ испытать на себѣ силу ея вліянія! Бѣдняга все еще сохранилъ какія-то иллюзіи: можетъ быть, императрица не знаетъ того, что съ нимъ случилось. Въ своемъ ослѣпленіи несчастный изгнанникъ дошелъ даже до такого нелѣпаго предположенія! Требуя отъ него портретъ, который она ему подарила, Бестужевъ, — думалъ, онъ — разставляетъ ему западню. Онъ хочетъ увѣрить государыню, что ея бывший спутникъ по богомолью пренебрегаетъ ея прекраснымъ подаркомъ и самъ отсылаетъ его ¹. Новый приказъ отъ вице-канцлера: отнять портретъ силой, если маркизъ не отдастъ его добровольно. Тогда Шетарди совершенно потерялъ голову. Незадолго до того онъ рѣшилъ передать портретъ въ руки конвоирующаго его офицера, и теперь пришелъ къ убѣжденію, что его догадки не обманули его. Письма и депеши, которыя, начиная съ этой минуты, онъ сталъ отправлять въ Москву и въ Версаль, напоминаютъ какой-то бредъ. «Бестужевъ, — писалъ онъ, — дѣйствовалъ безъ вѣдома императрицы и, желая скрыть отъ нея свои преступленія, онъ, конечно, приложить всѣ старанія, чтобы его жертва исчезла. Но онъ увидитъ, какъ французы умѣютъ защищать свою жизнь и честь». Бывшій посланникъ имѣлъ при себѣ и прежде пять паръ пистолетовъ. Теперь онъ приобрѣлъ тайно еще двѣнадцать ружей «съ полной амуницией пороха, дроби и пуль» и, вооруживъ ими своихъ шестнадцать лакеевъ, приготовился къ правильной осадѣ.

Но всѣмъ этимъ онъ достигъ лишь того, что Версальскій дворъ, которому, въ силу обстоятельствъ, пришлось бы и безъ того его осудить, теперь могъ сдѣлать это по совѣсти. Поведеніе маркиза вызвало во Франціи единодушное негодованіе: всѣ признали, что онъ поступилъ, какъ безумный; надѣлавъ массу неосторожностей и ошибокъ, онъ еще осложнялъ свое положеніе неприличными выходками! Король въ очень строгомъ письмѣ приказать ему немедленно возвратиться во Францію, не появляться въ Парижѣ и представить свои объясненія въ Версалѣ,

¹ Письмо Шетарди къ принцессѣ Цербстской отъ 26 іюня 1744 г. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

если только маркизь имѣлъ что сказать себѣ въ оправданіе ¹. Въ то же время были посланы д'Аллиону вѣрительная грамота и новыя инструкціи, которыя признавали законность высылки маркиза изъ Россіи. Вѣрительная грамота была обращена къ *Императрицѣ Елизаветѣ*, а въ инструкціяхъ поведеніе бывшаго посла осуждалось безпощадно.

Какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, весь міръ, казалось, объединился теперь, чтобы добить поверженнаго врага Бестужева. Морицъ Саксонскій гостилъ когда-то у маркиза въ Москвѣ ². Возможно, что Шетарди не сумѣлъ тогда услужить личному честолюбію графа. Но теперь Морицъ, боясь, чтобы тѣнь неудовольствія, которое маркизь вызвалъ противъ себя въ Россіи, не пала на него, счелъ нужнымъ написать д'Аллиону, чтобы себя обѣлить. «Je vous avoueraï maime, — прибавлялъ знаменитый воинъ со своимъ легендарнымъ правописаніемъ, — que je tes embarrasses quelque fois de me trouver ches luy» («Признаюсь даже, что я иногда стѣснялся тѣмъ, что жилъ у него») ³.

Однако маркизь, несомнѣнно самъ во многомъ виноватый, имѣлъ всетаки и сообщниковъ. Ему было нетрудно указать на нѣкоторыхъ изъ нихъ даже въ Версалѣ, что онъ и не преминулъ сдѣлать въ своей оправдательной запискѣ. Онъ продолжалъ въ ней, правда, завираться, утверждая, что было невозможно расшифровать его депеши, и требовалъ, чтобы посадили въ Бастилію его перваго секретаря Дюпре. Секретарь, женившись въ Россіи на дѣвушкѣ—француженкѣ по отцу и калмычкѣ по матери ⁴, дѣйствительно внушалъ нѣкоторыя подозрѣнія, но его пришлось отпустить, такъ какъ никакихъ уликъ противъ него не было. Ссылка Шетарди на безволие и непослѣдовательность Елизаветы, какъ на причину постигшей его неудачи, произвела больше впечатлѣнія. И, наконецъ, весь характеръ его посольства и тѣ иллюзіи, которыя въ свое время раздѣляли вмѣстѣ съ нимъ очень высокопоставленныя лица во Франціи, были тоже признаны смягчающими его вину обстоятельствами.

¹ Письмо безъ числа. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ. Русскій отдѣлъ, т. XLV, стр. 82.

² См. Waliszewski «L'Héritage de Pierre le Grand», стр. 65.

³ Письмо Морица Саксонскаго къ д'Аллиону, Куртрэ. 17 августа 1744 г. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

⁴ «Архивъ кн. Воронцова», т. III, стр. 676.

Что касается этих иллюзий, то онъ еще даже не исчезли— по крайней мѣрѣ у самого бывшего посла. Въ допросѣ, которому былъ подвергнутъ Лестокъ послѣ своего паденія, я нашелъ упоминаніе о табакеркѣ, присланной лейбъ-медику маркизомъ уже послѣ его высылки изъ Россіи и предназначенной для Елизаветы! Разумѣется, Лестокъ остерегся исполнить данное ему порученіе.

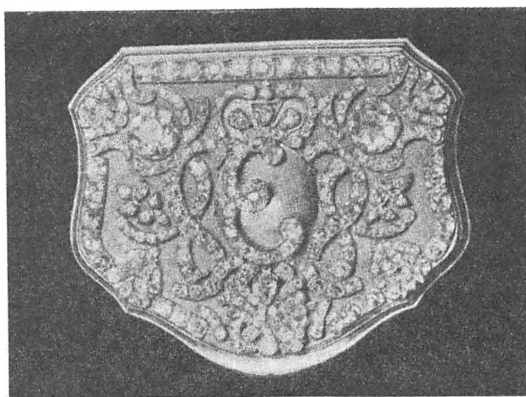
Сосланный въ свое имѣніе въ Лимузенѣ, Шетарди держалъ себя тамъ, какъ человѣкъ, лишь временно находящійся въ опалѣ; и событія показали вскорѣ, что онъ не ошибался: не прошло и восьми мѣсяцевъ, какъ маркизъ вновь поступилъ на службу въ армію. Но онъ очень жалѣлъ о своей бывшей карьерѣ, и ему такъ хотѣлось къ ней вернуться, что въ 1749 году даже пришла—по обыкновенію—неудачная мысль просить покровительства Фридриха II ¹. Встрѣтивъ со стороны прусскаго короля рѣшительный отказъ, онъ обратился къ помощи другихъ лицъ, добился того, что его назначили посломъ въ Туринъ и сейчасъ же заставилъ Версальскій дворъ раскаяться въ своей уступчивости. Маркизъ слишкомъ сблизился въ Туринѣ съ графиней Сентъ-Жерменъ, любовницей сардинскаго короля и надѣлалъ много долговъ, доказавъ безповоротно, что его темпераментъ не годится для дипломата ². Тогда онъ возвратился опять въ армію, принималъ участіе въ Семилѣтней войнѣ и скончался въ 1758 году комендантомъ въ Ганау.

Теперь я перейду къ разсказу о томъ, что сдѣлалъ д'Алліонъ съ тяжелымъ наслѣдіемъ, доставшимся ему отъ Шетарди, по волѣ Версальскаго двора. Прежде всего я долженъ признать, что изъ всѣхъ лицъ, на которыхъ Франція могла остановить свой выборъ послѣ пережитаго ею униженія, д'Алліонъ былъ безусловно худшимъ и словно нарочно созданнымъ для того, чтобы довершить разрывъ между обѣими державами: предотвратить этотъ разрывъ могъ бы только дипломатъ большого таланта. Впрочемъ, можетъ быть, этотъ печальный конецъ — если его считать печальнымъ — былъ, все равно, неизбеженъ: агентамъ Фридриха пришлось въ скоромъ времени раздѣлить горькую участь французовъ, хотя они далеко не подра-

¹ «Pol. Corresp.», т. VI, стр. 469.

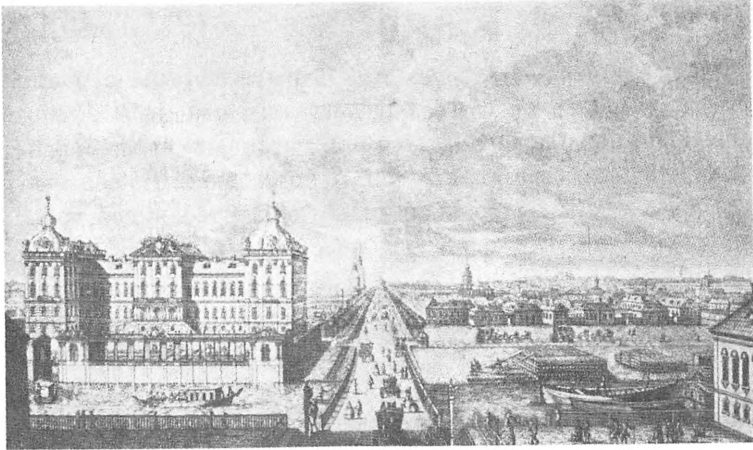
² Flissan, «Histoire de la diplomatie», т. V, стр. 216; «Архивъ вн. Воронцова», т. III, стр. 645.

жали этимъ послѣднимъ въ ихъ заблужденіяхъ и ошибкахъ. Франція, конечно, не сумѣла разыграть своей игры. Положимъ, ей были сданы плохія карты, а ея партнеры были очень искусны и въ передергиваніяхъ и въ подтасовкѣ. Но все-таки она могла выйти изъ сраженія если не побѣдительницей, то во всякомъ случаѣ съ честью. А она не сумѣла этого сдѣлать.

Золотая табакерка, осыпанная брилліантами.

(Императорскій Эрмитажъ).

Видъ Аничкина дворца и Невскаго проспекта въ половинѣ XVIII вѣка.
Съ гравюры М. И. Махасва.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Разрывъ съ Франціей и Пруссіей. Австрійскій союзъ.

I. Вмѣшательство Австріи. — Графъ Розенбергъ въ Петербургѣ. — Ботта приносится въ жертву. — Письмо Маріи-Терезіи къ Елизаветѣ. — Проектъ союза. — Финансовыя затрудненія. — Бестужевъ хлопочетъ о субсидіи и ждетъ награды. — Отчаяніе Розенберга. — Мардефельдъ предлагаетъ деньги и ввѣвъ беретъ верхъ. — II. Прусская дипломатія и французская дипломатія. — Фридрихъ требуетъ вооруженнаго вмѣшательства Россіи. — Предложеніе посредничества со стороны Россіи. — Смерть императора Карла препятствуетъ этому. — Ничтожество д'Аллиона. — Его хвастовство. — Онъ вводитъ д'Аржансона въ заблужденіе относительно намѣреній Россіи. — Письмо французскаго короля къ Елизаветѣ («La lettre d'agacerie»). — Вольтеръ въ качествѣ секретаря Людовика XV. — Неудача. — Предложенія д'Аллиона Бестужеву. — «Милліоны на словахъ». — Отказъ русскаго канцлера. — Фридриху приходится разсчитывать только на собственныя силы. — Сдѣлка Мардефельда съ Бестужевымъ и Воронцовымъ. — Опасность вооруженнаго вмѣшательства со стороны Россіи устранена. — Фонтенуа. — Положеніе Австріи и Англіи поколеблено. — Одна Пруссія извлекаетъ выгоду изъ побѣды. — Попытка д'Аллиона начать переговоры о союзѣ. — Окончательная неудача. — Двуличная политика Бестужева. —

Ссора двухъ представителей Англіи въ Петербургѣ. — Фридрихъ переходитъ къ наступленію. — Гогенфридбергъ. — Ганноверская конвенція. — Отъѣздъ Розенберга. — Саксонія въ отчаяніи взываетъ къ Россіи. — Рѣшеніе Петербургскаго двора прійти ей на помощь. — Слишкомъ поздно! — Дрезденскій миръ. — Торжество Фридриха. — Франція не принимаетъ въ немъ участія. — III. Австро-Русскій договоръ. — Новый посланникъ Маріи-Терезіи въ Петербургѣ. — Баронъ Претлакъ. — Энергичная дипломатическая кампанія. — Новыя опасенія Фридриха. — Прусская дипломатія и англійская дипломатія. — Гиндфордъ обманываетъ Мардефельда. — Тайна короля Георга. — Подписаніе договора. — Воронцовъ во Франціи. — Радужный пріемъ. — Заблужденіе. — Подвиги д'Аллиона. — Вестужевъ пьетъ за успѣхъ англійской арміи. — Пораженіе франко-прусской партіи въ Петербургѣ. — Отъѣздъ Мардефельда. — Русскій канцлеръ ведетъ переговоры о субсидіи съ морскими державами. — Русская армія по пути къ Рейну. — VI. Аахенскій миръ. — Русскіе не дѣлаютъ ни одного выстрѣла. — Они исключены изъ переговоровъ. — Возвращеніе въ Россію. — Новыя опасенія Фридриха. — Вопросъ о Швеціи. — Русская опасность. — Коалиція, составленная прусскимъ королемъ противъ нея. — Онъ не боится больше Россіи и отзываетъ своего посла. — V. Разрывъ. — Фридрихъ и Елизавета. — Личная неприязнь императрицы. — Ея причина. — Скрѣпленіе союза съ Австріей. — Его послѣдствія.

I.

Вмѣшательство Австріи.

Пруссія была также сильно скомпрометирована исторіей съ Шетарди. Напрасно Фридрихъ старался скрыть свое участіе въ неудавшихся замыслахъ француза. Онъ слишкомъ горячо подерживалъ ихъ прежде. Еще въ маѣ онъ писалъ своему послу, что отъ нихъ зависитъ и судьба его дома, и участь всей Пруссіи¹. И Мардефельдъ, подстрекаемый его письмами, невольно выдалъ себя отчасти. Принцесса Цербтская, для которой вопросъ шелъ о томъ, какъ спасти будущее дочери, не колеблясь обвинила его во всѣхъ сдѣланныхъ ею ошибкахъ, да и обстоятельстве были, повидимому, противъ прусскаго посла. Представитель Фридриха не сумѣлъ устоять противъ очарованія, которое продолжалъ находить въ обществѣ Шетарди, и слишкомъ любилъ его изысканный столъ. Еще наканунѣ катастрофы онъ ужиналъ у маркиза. Теперь онъ, разумѣется, тоже пытался снять съ себя всякую отвѣтственность. Виною всему, — говорилъ онъ, — неосторожность самого французскаго посла и легкомысліе принцессы.

¹ «Polit. Corresp.», т. III, стр. 118, 145.

Шетарди сдѣлалъ непростительную ошибку, допустивъ открыть тайну своего шифра. «Если бы не это несчастное обстоятельство, генераль Румянцовъ былъ бы назначенъ великимъ канцлеромъ, а Бестужевъ былъ бы поверженъ въ прахъ, и наша партія вполнѣ бы восторжествовала». Что касается принцессы, то она стала слѣдовать его совѣтамъ лишь въ самую послѣднюю минуту. Тогда она «объявила себя готовой на все», но было уже поздно. «Она особа весьма любезная, но женщина, и этимъ все сказано»¹. Фридрихъ рѣшительно осуждалъ мѣру, принятую Елизаветой и ея министрами противъ французскаго дипломата: «какими бы красками его ни расписывали, но это нарушеніе человѣческихъ правъ»². Тѣмъ не менѣе онъ надѣялся оградить себя лично отъ послѣдствій этого непріятнаго происшествія. Но не успѣлъ еще маркизъ выѣхать изъ Россіи, какъ надъ Берлиномъ разразился новый ударъ. Графъ Розенбергъ, представитель венгерской королевы, совершенно неожиданно объявилъ о своемъ отъѣздѣ. Ему было приказано взять отпускъ на нѣсколько недѣль и отправиться въ Петербургъ, чтобы поздравить Елизавету съ восшествіемъ на престолъ. Король ни одной минуты не сомнѣвался въ томъ, что это обозначаетъ. Марія-Терезія до сихъ поръ категорически отказывалась удовлетворить требованія императрицы по отношенію къ Ботта, и ссора между обѣими государынями все разгоралась, такъ какъ венгерская королева выразила желаніе дать своему бывшему посланнику повышеніе въ военныхъ чинахъ, а Елизавета возразила на это угрозой предать его заочной казни³. Очевидно, путешествіе Розенберга возвѣщало новый поворотъ въ отношеніяхъ Австріи и Россіи, вызванный высылкой Шетарди. Австрія рѣшила воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы вернуть себѣ вліяніе въ Петербургѣ, хотя бы цѣной униженія. И дѣйствительно, узнавъ о цѣли своей поѣздки въ Петербургъ и о вызвавшихъ ея причинахъ, Розенбергъ писалъ Ульфелдъ, министру иностранныхъ дѣлъ Маріи-Терезіи: «Вотъ что приведетъ въ ярость нашихъ враговъ!». 5 августа 1744 года онъ былъ

¹ Донесенія Мардефельда королю отъ 4 августа 1744 года. Берлинскій архивъ.

² Письмо Фридриха къ Мардефельдъ отъ 7 іюля 1744 г. Берлинскій архивъ. Неопубликованный текстъ.

³ Письмо Мардефельда королю отъ 5 ноября 1743 года. Берлинскій архивъ.

уже въ Ригѣ, а 4 сентября писалъ изъ Москвы, что, хотя онъ и не вполне увѣренъ въ пріемъ, который ему окажетъ императрица въ виду дѣла Ботта, но находить, что дѣла его двора «принимають превосходный оборотъ», тогда какъ дѣла прусскаго двора «вскорѣ дойдутъ до того, что стануть непримиримыми» (sic). Бестужевъ былъ склоненъ покончить полюбовно съ «проклятымъ дѣломъ» Ботта и надѣялся даже убѣдить свою государыню предпринять рѣшительный шагъ противъ прусскаго короля. Тироули и Герсдорфъ, саксонскій посланникъ, доказывали канцлеру, какъ удобно было бы теперь напасть на Восточную Пруссію, гдѣ почти не осталось войскъ, и эта мысль видимо очень нравилась Бестужеву. Онъ говорилъ только, что необходимо подождать возвращенія государыни, находившейся въ то время въ Кіевѣ. Но другой представитель польскаго короля, графъ Флеммингъ, отправленный къ императрицѣ въ Украину, утверждалъ, что и она ничего не имѣетъ противъ этихъ плановъ. Она лично увѣряла его, что поддержитъ его государя, и что прусскій король «усмирень будетъ»¹. Успѣхъ зависѣлъ только отъ денежнаго вопроса. Бестужевъ говорилъ, что русская казна совершенно истощена, и надѣялся, что морскія державы согласятся «оказать себѣ самимъ услугу», заплативъ Россіи два милліона «альбертовыхъ ефимковъ» взаменъ 40.000 солдатъ регулярнаго войска, которыхъ всегда будутъ держать наготовѣ.

Въ ноябрѣ съ «проклятымъ дѣломъ» Марія-Терезія, какъ и предвидѣлъ Фридрихъ, пошла для этого не только на униженіе, предложивъ посадить Ботта въ крѣпость и держать его тамъ до тѣхъ поръ, пока это будетъ угодно императрицѣ, но даже еще дальше: Розенбергъ получилъ для Елизаветы письмо, которое должно было стоить очень дорого самолюбію его государыни; недвусмысленно осудивъ въ немъ поведеніе своего бывшаго посла, высказавъ огорченіе по поводу случившагося и взывая къ чувству солидарности обѣихъ странъ противъ общихъ враговъ, Марія-Терезія написала слѣдующія строки: «Ваше величество, одаренныя большой пронципальностью, отдадите, безъ сомнѣнія, справедливость чистотѣ моихъ намѣреній по отношенію къ вамъ и чувству благодарности, которое я сохраняю до смерти къ па-

¹ Письма Розенберга къ Ульфелъду отъ 5 авг., 4 сент., 5 и 19 октября 1744 г. Вѣнскій архивъ. Сравнить «Архивъ кн. Воронцова», т. II, стр. 69.

мяти вашей покойной матушки, императрицы Екатерины, которая съ самаго моего ранняго дѣтства окружила меня своими заботами, давъ мнѣ гарантію на торжественные договоры 1725 года и на наслѣдіе моихъ предковъ. Дай Богъ, ваше величество, чтобъ я, исполняя ваши славныя предначертанія, была и вамъ обязана равною благодарностью»¹.

Показавъ этотъ документъ Бестужеву, Розенбергъ благоразумно положилъ его въ карманъ, сказавъ, что сообщить его официально, когда недоразумѣнія между обоими дворами уже уладятся. Но канцлеръ тѣмъ не менѣе пролилъ слезы радости, называя посланника «спасительнымъ Моисеемъ»; Елизавета, которой доложили о письмѣ венгерской королевы, раздѣлила радость Бестужева, и не прошло и мѣсяца, какъ проектъ наступательнаго союза Россіи и Австріи противъ Пруссіи былъ уже выработанъ.

Впрочемъ, радость русскаго министра была далеко не полной: хотъ онъ и рассчитывалъ исключительно на помощь морскихъ державъ, чтобы вывести свой дворъ изъ финансовыхъ затрудненій, но—поскольку дѣло касалось его лично—онъ былъ все-таки увѣренъ, что раскаяніе Маріи-Терезіи будетъ сопровождаться какимъ-нибудь матеріальнымъ знакомъ ея щедротъ. Каково же было его удивленіе, когда Розенбергъ, съ которымъ онъ вскорѣ завязалъ пріятельскія отношенія, повѣдалъ ему о своемъ горѣ! Не только въ Вѣнѣ не подумали о томъ, чтобъ дать своему послу возможность отвѣтить на законное ожиданіе русскаго канцлера, но и самого его оставили безъ всякихъ средствъ, несмотря на расходы, которые ему предстояли при петербургскомъ дворѣ. Послѣ возвращенія императрицы изъ Кіева, положеніе его стало очень затруднительнымъ. Государыня оказала ему честь пригласить его къ своему карточному столу и, несчастный посланникъ обливался холоднымъ потомъ въ страхѣ, что проиграетъ сумму, которой не въ силахъ будетъ заплатить. На слѣдующій день послѣ вечера у Елизаветы онъ писалъ: «Я выигралъ вчера 400 рублей у императрицы; это почти все мое достояніе». А немного времени спустя, вмѣсто того, чтобы предложить Бестужеву нѣсколько тысячъ талеровъ, онъ самъ былъ поставленъ въ необходимость прибѣгнуть къ кошельку канцлера, и къ концу 1744 года сталъ его должникомъ на три тысячи рублей².

¹ Вѣнскій архивъ, копія безъ числа.

² Письма Розенберга къ Ульфельду, Москва, 28 и 30 ноября 1744 г. Вѣнскій архивъ, на французскомъ языкѣ.

Императрица Елизавета Петровна.
Съ портрета Л. Каравача и гравюры Штенглина.

Между тѣмъ Фридрихъ, видя надвигающуюся на него опасность, ничего не жалѣлъ, чтобы ее предотвратить. Правда, онъ уже не думалъ о томъ, чтобы свергнуть Бестужева или подкупить его: Елизавета только что назначила Бестужева великимъ канцлеромъ, скрѣпивъ этимъ его торжество. Но она дала ему помощника въ лицѣ Воронцова, и въ эту сторону Фридрихъ и рѣшилъ закинуть свои сѣти. Когда Мардефельдъ написалъ ему, что добиться содѣйствія новаго вице-канцлера нетрудно, и что это дастъ Пруссіи возможность тормозить политику Бестужева, то онъ разрѣшилъ ему предложить Воронцову до 50.000 рублей¹. Къ тому же, вскорѣ послѣ отъѣзда Шетарди и несмотря на прибытіе Розенберга, прусскій посланникъ увѣрилъ своего государя, что русская армія не двинется съ мѣста до конца года,—какія бы попытки ни дѣлались, чтобы вовлечь ее въ войну: казна Россіи пуста, и никто, насколько можно судить, не выражаетъ желанія ее пополнить. Тогда Фридрихъ не взирая на неудачу, постигшую его планы, и, какъ всегда, рѣшивъ взять смѣлостью, двинулъ свою армію въ Богемію черезъ Саксонію и занялъ Прагу. Онъ, правда, былъ принужденъ отступить передъ саксонцами, предводительствуемыми принцемъ Саксенъ-Вейсенфельсомъ, но рассчитывалъ въ скоромъ времени отплатить имъ за это, если только Россія не вмѣшается въ дѣло.

Вмѣшательство ея становилось, впрочемъ, все менѣе вѣроятнымъ. Розенбергъ въ свою очередь начиналъ понимать, какъ трудно вести переговоры съ людьми, съ которыми не столкнешься безъ помощи золота. «Нельзя себѣ представить, какъ здѣсь относятся къ дѣламъ,—писалъ онъ. Это превосходитъ воображеніе, и никто въ мірѣ не могъ бы дать объ этомъ приближительнаго понятія». Онъ писалъ, что совершенно «ошеломленъ» тѣмъ, что ему пришлось встрѣтить при Русскомъ дворѣ. И въ концѣ концовъ ему пришла странная мысль заставить принца Лихтенштейна заплатить тѣ два милліона талеровъ, безъ которыхъ нельзя было двинуть ни одного солдата изъ стотысячной арміи Елизаветы. Принца, думалъ онъ, можно было бы вознаграждать за это «какой-нибудь частью Гельдерна или герцогства Клевскаго»². Но Бестужевъ, не довольствуясь неизбежной

¹ «Pol. Congres.», т. III, стр. 307.

² Письмо Розенберга къ Ульфелду отъ 28 ноября 1744. Вѣнскій архивъ. на французскомъ языкѣ.

двухмилліонной субсидіей, находилъ еще безусловно необходимымъ, чтобъ Розенбергъ привлекъ на свою сторону Воронцова, заплативъ ему «знатную» сумму. Любопытный разговоръ произошелъ по этому поводу между посломъ и канцлеромъ.

— Вы мнѣ недавно говорили, что Воронцовъ отказался принять 50.000 рублей отъ Мардефельда, а что, узнавъ объ этой попыткѣ подкупить его, императрица выказала крайнее негодованіе.

— Она видимо измѣнила теперь свой взглядъ на этотъ счетъ...

Въ виду всего этого Пруссія и Франція могли считать, что дѣло ихъ еще не окончательно проиграно. И Фридрихъ, который незадолго передъ тѣмъ брезгливо отвернулся отъ французской дипломатіи, узнавъ объ ея пораженіи, теперь опять пожелалъ съ нею сблизиться. Но что же дѣлалъ въ это время д'Алліонъ на посту, къ несчастью, порученномъ ему версальскимъ дворомъ? Вначалѣ въ Версалѣ какъ будто признали неудачность этого выбора. Въ ноябрѣ 1744 года управленіе иностранными дѣлами перешло всецѣло въ руки д'Аржансона, и по всему можно было предполагать, что политика Франціи станетъ теперь рѣшительнѣе и разумнѣе. Новый русскій посланникъ во Франціи Гроссъ заявилъ отъ имени Елизаветы, что ей не доставитъ никакого удовольствія вновь встрѣтиться съ д'Алліономъ¹; Людовикъ XV прислалъ тогда императрицѣ письмо, въ которомъ извѣщалъ о скоромъ приѣздѣ въ Россію другого посла, а именно графа Сень-Северина, французскаго резидента въ Варшавѣ. Но, къ сожалѣнію, Сень-Северинъ захворалъ по дорогѣ въ Россію, и д'Алліону, который, воспользовавшись этимъ, поспѣшилъ вернуться въ Петербургъ, ничего не стоило убѣдить свой дворъ, что онъ не хуже Сень-Северина сумѣетъ исполнить обязанности посланника. По его словамъ, дѣла французскаго короля, несмотря на происки Розенберга, шли въ Петербургѣ прекрасно, и онъ ручался, что подъ его руководствомъ они и впредь будутъ идти также. Ему повѣрили на слово; самолюбіе же Людовика XV въ дѣлѣ этого назначенія не играло никакой роли, вопреки утвержденіямъ нѣкоторыхъ историковъ².

Итакъ, что же дѣлалъ въ Петербургѣ французскій повѣренный въ дѣлахъ? Отвѣтъ: ничего. Онъ посылалъ изъ Петербурга

¹ «Архивъ кн. Воронцова», т. 17, стр. 137.

² Ср. Vandal, «Louis XV et Elisabeth», стр. 202.

депешы, полныя хвастливыхъ и самонадѣянныхъ обѣщаній; но находя, что въ настоящую минуту усиѣхъ его миссіи зависитъ всецѣло отъ стараній Мардефельда, предоставилъ прусскому послу вести одному ту страшную борьбу, въ которой рѣшалась будущность Европы, и не оказывалъ ему никакой поддержки.

II.

Французская дипломатія и прусская дипломатія.

Въ эту борьбу вступалъ теперь новый боецъ, что усиливало опасность для франко-прусскаго лагеря. Нидерландскіе Генеральныя штаты рѣшили послать въ Россію своего представителя, — безъ сомнѣнія, для того, чтобы начать переговоры о субсидіи. Выборъ Голландіи остановился на дипломатѣ де-Дье, пользовавшемся лестной извѣстностью. Тѣмъ не менѣе, опираясь на Воронцова, Мардефельдъ не унывалъ, — и въ декабрѣ 1744 года Фридрихъ, уже не думая о вмѣшательствѣ Россіи въ пользу Австріи, сталъ требовать отъ Елизаветы, чтобы она оказала ему помощь противъ Маріи-Терезіи согласно недавно подписанному ею договору¹. Въ январѣ 1745 года Мардефельдъ и Воронцовъ очень сошлись, и вице-канцлеръ объявилъ прусскому послу, что императрица намѣрена предложить свое посредничество воюющимъ сторонамъ. Фридрихъ не могъ желать ничего лучшаго, тѣмъ болѣе, что Воронцовъ повѣрилъ въ то же время своему другу о твердомъ рѣшеніи его двора обезпечить Пруссіи владѣніе провинціями, пріобрѣтенными ею по Бреславльскому договору; въ отвѣтъ на это прусскій король написалъ на поляхъ депешы своего посла: «Это прекрасно, но Мардефельдъ долженъ настоять на томъ, чтобы я получилъ удовлетвореніе за убытки, нанесенные мнѣ въ верхней Силезіи, и далъ бы понять, что венгерская королева, напавъ на мои земли, обязана мнѣ возмѣщеніемъ расходовъ»³. Онъ становился требовательнымъ, такъ какъ подъ «возмѣщеніемъ расходовъ» подразумѣвалъ всю верхнюю Силезію, пограничныя земли въ Моравіи, такъ назы-

¹ Письмо Фридриха императрицѣ отъ 19 декабря 1744 года. Берлинскій архивъ, неопубликованный текстъ.

³ Деша Мардефельда Фридриху отъ 23 янв. 1745 г. Берлинскій архивъ. Примѣчаніе Фридриха не было напечатано. Ср. «Pol. Congr.», т. IV, стр. 35.

ваемые Верхнія Силезскія горы и нѣкоторые города вокругъ графства Глацкаго. Но одновременно съ этимъ Мардефельдъ получилъ позволеніе предложить Бестужеву двѣсти тысячъ талеровъ съ тѣмъ, что этотъ подарокъ будетъ уменьшенъ, если канцлеръ найдетъ притязанія Фридриха чрезмѣрными.

Эти приказанія короля, дружескія сообщенія Воронцова и необходимость представить Елизаветѣ «реквизионное письмо», которымъ Фридрихъ хотѣлъ добиться вооруженнаго вмѣшательства Россіи въ свою пользу, ставили прусскаго посла въ очень затруднительное положеніе. Онъ думалъ помочь дѣлу, забѣжавъ впередъ и приложивъ къ письму просьбу о посредничествѣ, которое, по словамъ Воронцова, императрица сама собиралась предложить надняхъ. Но онъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Елизавета на посредничество согласилась, но отказала въ вооруженной помощи. Она твердо рѣшила не подавать ея ни одной изъ воюющихъ сторонъ. Этотъ отвѣтъ императрицы былъ непріятенъ не одному Мардефельду: онъ удивилъ и оскорбилъ и новаго англійскаго посла, котораго Бестужевъ незадолго передъ тѣмъ завѣрялъ, что русскій дворъ откажетъ въ посредничествѣ, и что армія въ двѣнадцать тысячъ человѣкъ, обѣщанная Англии, будетъ предоставлена въ ея распоряженіе по первому ея требованію: «У насъ не было иного способа уклониться отъ требованія прусскаго короля касательно русскихъ вспомогательныхъ войскъ»,—говорилъ теперь канцлеръ¹. Фридрихъ со своей стороны былъ очень неудовлетворенъ. Истративъ столько денегъ на подкупъ русскихъ министровъ, онъ рассчитывалъ что они хотя бы «изъ приличія» выкажутъ ему благодарность. И почему это они говорятъ о посредничествѣ, о которомъ онъ будто бы «просилъ!» Никогда онъ не просилъ ни о чемъ подобномъ!² Новое и еще худшее затрудненіе для Мардефельда. Онъ чувствовалъ, что король готовъ отъ него отречься. Къ счастью, онъ могъ довести въ эту минуту до свѣдѣнія своего государя новость, которая должна была нѣсколько утишить его гнѣвъ: Русскій дворъ только что предупредилъ Саксонскій, что не допуститъ съ его стороны нападенія на Пруссію. Это извѣстіе имѣло свою цѣну, и Фридрихъ на этотъ разъ смягчился. 4 марта 1745 года онъ написалъ въ Петербургъ о своемъ согласіи принять посред-

¹ «Сборникъ», т. СІІ, стр. 203, 214.

² «Pol. Corresp.», т. ІV, стр. 57.

ничество императрицы и въ то же время поручилъ Мардефельду выразить его самую горячую благодарность русскимъ министрамъ и особенно Бестужеву ¹.

Такимъ образомъ, борьба, вооружившая Европу, принимала новый оборотъ и шла, повидимому, къ мирному разрѣшенію. Но въ это время совершилось событіе, разрушившее эти надежды: смерть главы Священной-Римской имперіи (послѣдовавшая 20 января 1745 года) открыла новое поле дѣйствія для честолюбія Маріи-Терези. Шансы склонить Австрію къ тому, чтобы она приняла добрыя услуги Россіи, сразу сильно понизились, и вскорѣ неожиданный шагъ Порты, предложившей, въ свою очередь, сыграть роль посредницы между враждующими сторонами, заставили С.-Петербургскій кабинетъ отказаться отъ его миролюбиваго плана, чтобы не сталкиваться съ подобными соперниками.

Д'Аллионъ не принималъ никакого участія въ возникшихъ по этому переговорамъ. Съ нимъ обращались, какъ съ ничтожествомъ, держались отъ него въ сторонѣ, но онъ даже намекомъ не говорилъ объ этомъ въ депешахъ, которыя посылалъ въ Версаль, и такъ ловко вводилъ свой дворъ въ заблужденіе относительно истинныхъ чувствъ Россіи, что толкнулъ д'Аржансона на самую бесполезную и неумѣстную демонстрацію: я говорю о знаменитомъ письмѣ («*lettre d'agacerie*»), посланномъ Людовикомъ XV Елизаветѣ въ апрѣлѣ 1745 года, за которое впоследствии такъ упрекали французскаго министра. Людовикъ XV выражалъ въ немъ согласіе на посредничество, о которомъ и Елизавета и другіе давно перестали и думать, и котораго она не предлагала Франціи. Разсчитывая тронуть сердце царицы, д'Аржансонъ поручилъ составить это посланіе Вольтеру, и тотъ блеснулъ въ немъ своимъ талантомъ придворнаго: «Чѣмъ счастливѣе для меня эта война, — писалъ онъ отъ имени французскаго короля, — тѣмъ усерднѣе я умоляю ваше величество положить ей конецъ... Государынѣ, къ которой я питаю глубочайшее уваженіе, народы будутъ обязаны величайшимъ благодѣяніемъ». И такъ какъ — даже въ скромной роли секретаря — Вольтеръ не былъ человѣкомъ, способнымъ забыть о себѣ, то къ письму короля былъ приложенъ экземпляръ «Генриады» съ посвященіемъ, въ которомъ сближеніе между двумя Елизаветами — Англійской и Русской — давало автору поводъ къ

---

¹ «*Pol. Corresp.*» т. IV, стр. 72. Слова, относящіяся къ русскимъ министрамъ, не напечатаны.

очень лестнымъ сравненіямъ¹. Д'Аржансонъ прибавилъ къ этому еще бюро фіолетоваго дерева и стѣнные часы въ семь тысячъ ливровъ,—и д'Алліонъ увѣрялъ, что все это произведетъ въ Петербургѣ фуроръ. Но извѣстно, что изъ этого вышло. Бестужевъ безцеремонно заявилъ французскому повѣренному въ дѣлахъ, что вопросъ идетъ не объ окончаніи войны, а напротивъ о настойчивомъ ея продолженіи, и далъ ему понять, что сама Россія намѣрена принять въ ней участие,—при этомъ не въ качествѣ союзницы Франціи. И дѣйствительно одновременно съ этимъ Розенбергъ извѣстилъ свой дворъ, что императрица и ея министры ничего не имѣютъ теперь противъ возобновленія договора 1726 года².

Д'Аржансонъ горько сожалѣлъ о письмѣ и о прелестномъ бюро, и заявилъ, что русскій канцлеръ, которому д'Алліонъ предлагалъ до пятидесяти тысячъ червонцевъ, перешелъ на сторону Англіи только потому, что та дала ему больше. Мои читатели знаютъ, что это обвиненіе несправедливо. Лондонскій кабинетъ никогда не тратилъ на подкупъ такихъ большихъ денегъ. Да притомъ д'Алліонъ—на предложеніе Мардефельда подкупить Бестужева или Воронцова—хвалился въ 1745 году, что можетъ дать имъ несравненно болѣе крупную сумму, что-то около двухсотъ тысячъ рублей (милліонъ ливровъ по курсу того времени). Фридрихъ очень радовался тогда этому; онъ былъ увѣренъ, что у канцлера «слишкомъ большой аппетитъ», чтобъ онъ могъ отказаться отъ такого лакомаго куска³. Но, къ сожалѣнію, Гольдбахъ продолжалъ работать у Бестужева, и канцлеръ зналъ цѣну деньгамъ д'Алліона. Представителю Франціи ничего не стоило предлагать на словахъ милліоны: на дѣлѣ онъ не могъ добиться того, чтобъ ему заплатили его собственное жалованье! И тогда какъ Фридрихъ говорилъ своему послу, что никогда не будетъ спрашивать у него отчета въ его тратахъ, до какой бы суммы онѣ ни дошли, д'Аржансонъ попрекалъ д'Алліона за то,

¹ Записка д'Аржансона къ Ледрану отъ 15 апрѣля 1745 г. Архивъ французск. Мин. Ин. Дѣлъ. Русскій отдѣлъ; Voltaire, «Oeuvres», издание Beuchot, т. XXXVI, стр. 30. *Congres. gén.* 3 мая 1745 г.;—Broglie, «Marie-Thérèse impératrice» т. I, стр. 327; Zévort, «Le Marquis d'Argenson», 1880 г., стр. 176.

² Письмо Розенберга къ Ульфелдъу отъ 18 мая 1745 года. Вѣнскій Архивъ, на французскомъ языкѣ.

³ Примѣчаніе короля на поляхъ депеши Мардефельда отъ 23 января 1745 г. Берлинскій архивъ. Не напечатано.

Императрица Австрійская Марія-Терезія.

Съ оригинала А. Киліана.

что тотъ записываетъ за счетъ короля свои личные расходы! ¹. По одному этому можно судить, какая пропасть раздѣляла обоихъ дипломатовъ.

Вскорѣ Фридрихъ понялъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло, и сталъ разсчитывать только на собственныя силы. Онъ долгое время мечталъ или примириться съ Россіей, или, напротивъ, имѣть возможность пренебречь ея угрозами ², но въ мартѣ измѣнилъ свой взглядъ на дѣло, узнавъ, что между Саксонскимъ, Лондонскимъ и Вѣнскимъ дворами затѣвается противъ него союзъ, чтобъ общими силами напасть на него въ Силезіи. Обозвавъ русскихъ министровъ «чудовищами криводушія», онъ приказалъ Мардефельду сообщить имъ, что онъ готовъ пойти для нихъ на какія угодно денежныя жертвы, и заказалъ для Елизаветы карету. Карета, сработанная въ Парижѣ, вышла великолѣпная, и послѣ усердныхъ переговоровъ—во время которыхъ прусскій король тщетно старался найти хоть какую нибудь помощь въ д'Алліонѣ,—Мардефельдъ сторговался наконецъ и съ Бестужевымъ и съ Воронцовымъ, порѣшивъ съ ними на пятидесяти тысячахъ талерахъ на человѣка. Заплативъ, кромѣ того, Лестоку и Брюкмеру ихъ полугодовую пенсію, онъ объявилъ своему государю, что опасность теперь предотвращена, и русская армія не приметъ участія въ походѣ. Это подтверждалось, впрочемъ, и тѣми свѣдѣніями, которыя онъ получалъ со стороны. Онъ уже давно велъ тѣсную дружбу съ русскимъ генераломъ Кейтомъ, мечтавшимъ перейти на службу къ Фридриху. И Кейтъ ручался ему, что русскія войска не двинутся съ мѣста. Получивъ приказъ приготовить къ выступленію свой корпусъ, Кейтъ долженъ былъ заявить по начальству, что у него нѣтъ ни провіанта, ни боевыхъ запасовъ, ни даже солдатъ. Полки его были далеко не укомплектованы. Въ отвѣтъ на его требованія ему прислали «восемьдесятъ негодяевъ, которыхъ понабрали изъ тюремъ»; когда онъ продолжалъ настаивать, только разсмѣялись ему въ лицо. Въ Ригѣ фельдмаршалъ Ласси удивился наивности Мардефельда: «Какъ вы можете предполагать, что кампанія состоится? Приказы издаются лишь на бумагахъ, а также на нихъ и отвѣчаютъ». Чтобъ совершенно успокоиться на этотъ счетъ, Мар-

¹ Письмо д'Алліона къ д'Аржансону отъ 16 (27) ноября 1745 года. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

² «Pol. Corresp.», т. IV, стр. 16, 35, 70, 141

дефельдъ обратился за справками еще къ другимъ генераламъ и даже полковникамъ. Всѣ они повторяли въ одинъ голосъ: «Русская армія не выступить, потому что она не въ состояніи выступить».

Но не обманывали ли Мардефельда его друзья? На сомнѣніе, которое Фридрихъ высказалъ ему по этому поводу, прусскій дипломатъ отвѣтилъ нѣсколько запальчиво: «Смѣю увѣрить ваше величество, что я знаю границы, до которыхъ доходить русская добросовѣтность; поэтому у меня до сихъ поръ не было ни одного близкаго друга среди этого народа, и никогда не будетъ»¹. И прусскій король, успокоенный въ свою очередь, принялъ соответствующія мѣры: въ маѣ 1745 года онъ объявилъ, что будетъ распоряжаться въ Германіи, не считаясь съ Россіей: «Если удастся, мы пойдемъ въ Саксонію, и тогда будь, что будетъ; а чтобъ не допустить Россію помогать ей, Лейпцигскій банкъ дастъ мнѣ къ тому средства... Саксонцы и австрійцы вошли вчера въ Силезію, и мы исполнимъ свой долгъ, выгнавъ ихъ оттуда. Какъ только съ этимъ будетъ покончено, нашъ корпусъ, который уже стоитъ наготовѣ, нападетъ на Саксонію, и Мардефельдъ можетъ сказать тогда: «Развѣ я не былъ правъ?»².

Мардефельдъ ликовалъ и ободрялъ своего государя. Бестужевъ, который не съ нимъ однимъ успѣлъ войти въ сдѣлку, пытался, правда, убѣдить Елизавету приступить къ Варшавскому договору³, подписанному 8 января 1745 года между Австріей, Саксоніей, Англіей и Голландіей; но на совѣщаніи министровъ, Воронцовъ возсталъ противъ этого, и его мнѣніе возоблагодало. Гиндфордъ со своей стороны напрасно изошрялся въ краснорѣчіи и уловкахъ. Онъ то хотѣлъ «напугать» Россію, дѣлая видъ, что требуетъ отъ нея денегъ на основаніи одной изъ статей англо-русскаго договора, по которой 12.000 солдатъ, обѣщанныхъ Россіей, могли быть замѣнены, по желанію Англіи, пятьюстами тысячами рублей, то предлагалъ взять на жалованье русскую армію въ тридцать-сорокъ тысячъ человѣкъ.

¹ Донесеніе Мардефельда королю отъ 4 апрѣля 1745 года. Берлинскій архивъ.

² Помѣтка на поляхъ депеши Мардефельда отъ 12 мая 1745 г. Неопубликованный текстъ. Ср. «Pol Congres», т. IV, стр. 146.

³ Мардефельдъ называетъ его Гродненскимъ договоромъ, такъ какъ переговоры о немъ начались на польскомъ сеймѣ, засѣдавшемъ въ Гроднѣ, въ октябрѣ 1744 г. Дешепа отъ 18 и 22 мая 1745 г. Берлинскій архивъ.

На это въ Петербургѣ соглашались, но подъ условіемъ, что эти войска будутъ употреблены только противъ Франціи¹.

Бестужевъ былъ готовъ отказаться отъ золота д'Аллиона, но не отъ талеровъ Мардефельда; да и мысль о субсидіи отталкивала еще Елизавету.

Правда, канцлеръ начиналъ находить, что Фридрихъ запрашиваетъ слишкомъ много за свои деньги. Говоря, что ему угрожаетъ Варшавскій договоръ, король возобновилъ свои настойчивыя требованія относительно вспомогательнаго отряда или дипломатическаго вмѣшательства Россіи, и когда Мардефельдъ написалъ ему, что Бестужевъ затягиваетъ отвѣтъ, онъ пришелъ въ негодованіе: «Я заключаю изъ вашего донесенія, что канцлеръ проданся Англіи, что вице-канцлеръ васъ обманываетъ и что нельзя ни въ чемъ полагаться на этотъ дворъ»². Однако важно было всетаки не возстановить русскихъ противъ себя, если уже нельзя было привлечь ихъ на свою сторону; но за это Мардефельдъ ручался: «Ни одинъ человѣкъ не двинется отсюда на помощь кому бы то ни было»,—писалъ онъ. А въ концѣ мая онъ сообщилъ, что Елисавета сдѣлала серьезное внушеніе Саксонскому двору не предпринимать ничего противъ Пруссіи, и указывалъ, что сильно возбужденная противъ Вѣнскаго двора «царица была очень довольна, узнавъ о побѣдѣ французовъ».

Это была побѣда при Фонтенуа.

Она, казалось бы, должна была вернуть Франціи удачу—въ Россіи, какъ и вездѣ. Она поколебала еще непрочное положеніе Австріи и Англіи, но только одна Пруссія сумѣла широко использовать ее въ Петербургѣ, потому что интересы Франціи защищаль при Русскомъ дворѣ все тотъ же д'Аллионъ. Англійскій посланникъ и русскій канцлеръ ежедневно поздравляли другъ друга съ тѣмъ, что французскій повѣренный въ дѣлахъ остается на своемъ посту³. Его роль продолжала быть совершенно ничтожной. Въ первую минуту, узнавъ, что они могутъ получить отъ него по 50.000 талеровъ, Бестужевъ и Воронцовъ выказали сильное желаніе сговориться съ человѣкомъ, который

¹ «Сборникъ Р. И. О.», т. СII, стр. 283—287.

² Помѣтка на поляхъ депеши Мардефельда отъ 1 мая 1745 г. Берлинскій архивъ. Неопубликованный текстъ.

³ «Сборникъ Р. И. О.», т. СII, стр. 255.

приводилъ въ свою пользу такіе убѣдительные аргументы, но когда они пожелали получить нѣкоторый авансъ въ зачетъ обѣщанныхъ суммъ, и увидѣли, что ихъ провели, то рѣзко измѣнили свое отношеніе къ д'Алліону и показали ему «свои когти». Онъ на каждомъ шагу наталкивался на ихъ враждебность, сознавалъ это, но, терпя неудачу за неудачей, утѣшалъ себя удивительной философіей. «Положеніе наше при Русскомъ дворѣ такъ безпросвѣтно,—писалъ онъ,—что эта новая попытка насъ очернить врядъ ли сдѣлаетъ его болѣе мрачнымъ»¹. Ему пришлось ждать своей первой аудіенціи очень долго,—до конца марта 1745 года — и Елизавета оказала ему очень немилостивый приемъ. Но еще бы! Д'Алліонъ отказался поцѣловать руку, къ которой Тироули прикасался не иначе, какъ преклонивъ колѣно². Къ тому же версальскій дворъ, незадолго передъ тѣмъ осудившій поведеніе Шетарди, теперь предписывалъ д'Алліону выдавать себя за друга и защитника бывшего посла! Одинъ историкъ былъ правъ, называя эту безтактность болѣе чѣмъ изумительной³. И несмотря на все это, французскому повѣренному въ дѣлахъ внушали въ то же время, чтобъ онъ вступилъ съ русскими министрами въ переговоры насчетъ союза. Легко догадаться, какой приемъ онъ встрѣтилъ у нихъ. Онъ напрасно завѣрялъ Бестужева и Воронцова, что 50.000 червонцевъ будутъ немедленно выплачены имъ послѣ подписанія договора:

— Благодаримъ покорно! Щедрость императрицы избавляетъ насъ отъ нужды.

Бѣднягу тогда осѣнило: «Я только предлагаю имъ деньги, а англичане даютъ»,—писалъ онъ. Да, конечно, въ этомъ и было все дѣло! Послѣ неотступныхъ приставаній ему удалось все-таки завязать переговоры съ канцлеромъ и Воронцовымъ. Но это привело его лишь къ новому разочарованію: ни тотъ, ни другой не хотѣли и слышать о политическомъ союзѣ. Императрица, говорили они, уже вступила въ соглашеніе съ другими державами.

¹ Депеша д'Алліона къ д'Аржансону отъ 23 января 1745 г. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

² Депеша д'Алліона отъ 28 марта 1745 г. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ. Ср. Vandal, «Louis XV et Elisabeth», стр. 290. Авторъ напрасно довѣрился версіи Флассана.

³ Zévort, «Le Marquis d'Argenson», стр. 180.

— Тогда общайте мнѣ хоть нейтралитетъ на время настоящей войны.

— Невозможно. Этому препятствуютъ наши обязательства относительно Англіи и Саксоніи.

— Но почему же вы первоначально соглашались обсуждать со мной вопросъ о союзѣ?

— Теперь обстоятельства измѣнились.

Этотъ разговоръ происходилъ въ іюнѣ 1795 года ¹ и далъ поводъ одному историку предполагать, что союзъ между Россіей и Австріей былъ заключенъ еще въ маѣ этого года ². Но это ошибка. Австро-русскій договоръ былъ подписанъ лишь годъ спустя. И если Австрія просила Елизавету о заступничествѣ противъ Фридриха, то дѣлала это, опираясь или на свой прежній договоръ 1726 года, или на недавнее соглашеніе Россіи съ Саксоніей. Но договоръ 1726 года Елисавета отказывалась признавать, а соглашеніе съ Саксоніей давало поводъ къ различнымъ толкованіямъ. Австрія, Англія и Саксонія тщетно добивались приступленія императрицы къ Варшавскому договору; Мардефельдъ энергически боролся противъ этого; англійская же дипломатія была въ это время связана по рукамъ и по ногамъ ссорой, разыгравшейся между Тироули и его преемникомъ Гиндфордомъ. Тироули просилъ о своемъ отозваніи, но потомъ рѣшилъ остаться въ Петербургѣ, желая принять участіе въ подписаніи будущаго договора, чтобъ приписать себѣ честь его заключенія и получить за это денежную награду, а можетъ быть, еще и по другой причинѣ, тайна которой осталась между нимъ и Елизаветой. Но это очень не нравилось Гиндфорду, находившему, что одинъ изъ англійскихъ пословъ въ Петербургѣ — лишній ³. Бестужевъ, по наущенію Мардефельда, воспользовался этой ссорой, чтобъ затянуть переговоры и не переходить открыто ни на ту, ни на другую сторону. Онъ предупреждалъ Дрезденскій дворъ, чтобъ тотъ не нападалъ на Пруссію и не рассчитывалъ на вооруженную помощь Россіи, но—одновременно съ этимъ—сообщилъ и въ Берлинъ, что, по мнѣнію С.-Петербургскаго двора, Саксонія не нарушила нейтра-

¹ Деша д'Аллиона къ д'Аржансону отъ 4 (15) іюня 1745 г. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

² Vandal, «Louis XV et Elisabeth», стр. 202.

³ «Сборникъ Р. И. О.», т. СII, стр. 188—206.

литета, выполняя свои обязанности по отношенію къ венгерской королевѣ¹.

Фридрихъ громко негодовалъ на двуличность канцлера, но Мардефельдъ, понимавшій игру Бестужева, продолжалъ успокаивать своего государя. Король могъ вступить съ войсками въ Саксонію, если ему это было угодно; Россія навѣрно не будетъ препятствовать ему². Фридрихъ такъ и поступилъ. 4 іюня 1745 года онъ разбилъ саксонскую армію при Гогенфридбергѣ, а 4 сентября, одобряя Мардефельда, который пытался добиться отъ д'Алліона помощи, чтобъ не допустить вмѣшательства Россіи, сообщилъ ему въ то же время по секрету, что въ сущности теперь это излишне. Онъ силой оружія заставилъ Англію вступить съ нимъ въ договоръ, и вскорѣ также поступить и съ Саксоніей.

Это была знаменитая Ганноверская конвенція.

Саксонія устояла еще до конца года; но русскія войска по прежнему не трогались съ мѣста, а Розенбергъ съ горечью долженъ былъ признать, что цѣною всѣхъ своихъ усилій онъ добился только двухъ вещей: сумѣлъ «сорвать маску съ русскихъ министровъ и доказалъ ихъ неспособность и недобросовѣтность». Онъ прибавлялъ: «Если бы королева была менѣ красива и менѣ украшена высокими качествами души, она не вызывала бы здѣсь зависти, и тогда, можетъ быть, тутъ держались бы болѣе твердыхъ взглядовъ. Но интересы (государства) должны уступить и быть принесены въ жертву этой зависти... такимъ образомъ, я служу представителемъ прекрасной Елены, изъ-за которой ведется война»³. Вслѣдъ за этимъ, подъ предлогомъ, что его государыня возведена въ императорскій санъ, онъ отпросился домой, сдавъ всѣ дѣла посольства опять Гогенгольцу.

По поводу роли Россіи въ этомъ кризисѣ высказывалось, между прочимъ, мнѣніе, что Елизавета, обѣщавъ Августу III свою помощь противъ Фридриха, отказалась потомъ, «повинуясь женскому капризу», исполнить выработанный въ Вѣнѣ планъ

¹ Донесеніе Подевильса Фридриху отъ 3 іюня 1745 г., письмо Фридриха къ Мардефельду отъ 8 іюня 1745 г. Берлинскій архивъ. Неопубликованные тексты.

² Деша Мардефельда королю отъ 22 іюня 1745 г. Берлинскій архивъ.

³ Письма Розенберга къ Ульфельду отъ 24 іюля и 11 сент. 1745 г. Вѣнскій архивъ.

о нападеніи на Пруссію черезъ Саксонію ¹. Долженъ сказать, что я не нашелъ никакихъ слѣдовъ подобнаго соглашенія между Елизаветой и Августомъ III, а свѣдѣнія, которыя посылалъ Мардефельдъ до войны и во время нея, повидимому, исключаютъ его возможность. «Ни одинъ солдатъ не перейдетъ границы этой имперіи,—писалъ онъ въ іюнѣ,—какіе бы слухи объ этомъ ни

Григорій Николаевичъ Тепловъ.

Съ портрета работы Ф. С. Рокотова.

распускались, и недавно императрица размѣялась отъ души на просьбу маршала Ласси заготовлять провіантъ въ Курляндіи». А въ августѣ онъ писалъ: «Сама императрица говорила не разъ послѣ сраженія при Фридбергѣ, въ присутствіи графа Лестока, Брюммера и другихъ лицъ, что такъ какъ войну началъ поль-

¹ Le duc de Broglie, «Marie-Térèse impératrice», 1888 г., т. II, стр. 324.

скій король, то онъ не можетъ разсчитывать на ея помощь... Знаю, что могу поплатиться за это головою, и что Бестужевъ, подкупленный польскимъ королемъ, дѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы услужить ему,—но долженъ сказать, что всѣ свѣдѣнія, которыя я имѣю, сходятся на томъ, что русская армія не приметъ участія въ походѣ»¹.

Въ августѣ, получивъ изъ Саксоніи требованіе о помощи, русскій канцлеръ представилъ въ совѣтъ свое мнѣніе о томъ, что необходимо ее оказать, Воронцовъ не согласился съ нимъ, и Елизавета осталась этимъ видимо недовольна; она немедленно дала вице-канцлеру заграничный отпускъ, что очень походило на немилость². Но Кейтъ вновь успокоилъ своего друга. Ему посылали приказъ за приказомъ о выступленіи, но не давали возможности исполнить ихъ; такимъ образомъ, онъ остается при убѣжденіи, что все это дѣлается только *для виду*³. Когда Розенбергъ сообщилъ о своемъ отъѣздѣ, Елизавета встревожилась.

— Что это значитъ?—спросила она у Бестужева.

— Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго! Ваше величество покинули Австрію въ такое время, когда она крайне нуждается въ помощи. И другіе послы—датскій, голландскій и англійскій—тоже уѣдутъ, видя, что имъ незачѣмъ у насъ жить...

Испуганная и смущенная императрица сейчасъ же приказала созвать, одинъ за другимъ, два чрезвычайныхъ совѣта. Воронцовъ на нихъ не присутствовалъ. Члены совѣта признали Ганноверскую конвенцію вѣроломной, а по прочтеніи перехваченной депеши отъ д'Аржансона къ д'Аллиону, которая произвела на нихъ такое впечатлѣніе, словно прусскій король дѣйствовалъ сообща съ Франціей, постановили единогласно послать Саксоніи помощь⁴. Второй совѣтъ собрался 4 октября. Было уже слишкомъ поздно, чтобы двинуть армію въ походъ; рѣшили, поэтому, расквартировать ее въ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи съ тѣмъ, чтобъ она могла выступить весною. Подписавъ декларацію объ этомъ, Елизавета, согласно преданію, упала передъ образомъ на колѣни, призывая Бога въ свидѣтели, что поступаетъ по

¹ Депеши Мардефельда королю отъ 5 іюня и 14 авг. 1745 г. Берлинскій архивъ.

² Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XXII, стр. 60—61.

³ Дешепа Мардефельда отъ 4 сент. 1745 г. Берлинскій архивъ.

⁴ Письмо Гиндфорда Гаррингтону отъ 3 августа 1745 г., «Сборникъ Р. И. О.», т. СII, стр. 366.

совѣсти. Затѣмъ она въ страхѣ спросила Ласси: «Что онъ думаетъ о принятой мѣрѣ?»

— Я не министръ, а солдатъ, и мой долгъ исполнять только повелѣнія...

— Но всетаки?

— Думаю, слѣдуетъ обуздать прусскаго короля.

— Да, да! это—шахъ-Надиръ прусскій!

На этотъ разъ Фридрихъ увидѣлъ, что ему грозитъ серьезная опасность. Мардефельдъ напрасно упорствовалъ въ своемъ скептическомъ оптимизмѣ: «Не всякая собака кусаетъ, которая лаетъ,—писалъ онъ:—что-то говоритъ мнѣ, что здѣшнія войска не забудутся до такой степени, чтобъ заслужить здоровую трепку отъ войскъ вашего величества». Но король, раздѣлявшій прежде надежды своего посла, за ноябрь совершенно измѣнилъ и свой взглядъ на дѣло, и тонъ. Онъ еще недавно поздравлялъ Мардефельда по поводу его отвѣта на неприличныя рѣчи Бестужева и увѣрялъ его, что такъ же обходится въ Берлинѣ и съ графомъ Чернышевымъ; при этомъ Фридрихъ заявлялъ, что больше не нуждается во Франціи и намѣренъ опять повернуть ей спину. Но теперь онъ затянулъ другую пѣсню. Словно въ мрачномъ предчувствіи, великій полководецъ испугался возможной встрѣчи съ русскими войсками, про которыя ему продолжали говорить, что они не собираются на него нападать, да и не въ силахъ устоять противъ его арміи. Онъ пересталъ этому вѣрить и, чтобъ защититься отъ нихъ, находилъ теперь необходимой для себя поддержку Франціи. Считаая недостаточнымъ хлопотать о ней—при посредствѣ Мардефельда—черезъ д'Алліона ², онъ обратился къ самому Людовику XV, съ удивительнымъ апломбомъ высказывая въ письмѣ къ нему ту мысль, что онъ, Фридрихъ, принесъ себя въ жертву французскимъ интересамъ и поэтому льститъ себя надеждой, что французскій король не оставитъ, при нынѣшнихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, единственнаго союзника, котораго имѣетъ въ Германіи ³.

¹ Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XXII, стр. 68; «Сборникъ Р. И. О.», т. СII, стр. 227; т. CIV, стр. 50—53.

² Письма Фридриха къ Мардефельду отъ 9 и 16 ноября 1745 г. Берлинскій архивъ. Неопубликованный текстъ. Ср. «Preussische Staatsschriften», т. I, стр. 716.

³ Письмо Фридриха къ Людовику XV отъ 15 ноября 1745 г. «Pol. Corresp.», т. IV, стр. 339.

Тѣмъ временемъ въ Берлинъ пріѣхала принцесса Цербтская съ порученіями отъ Елизаветы; прежде всего ее просили добиться отозванія Мардефельда, этого «интригана и безпокойнаго человѣка». Фридрихъ приказалъ тогда своему представителю предложить Бестужеву 100.000 талеровъ, «какъ крайнюю мѣру». Черезъ своего агента въ Англія, Андріе, онъ пробовалъ, кромѣ того, воздѣйствовать на Гиндѣфорда, хотя и предупреждалъ Мардефельда, что его догадки относительно того, что англійскій посолъ втайнѣ стремится ускорить выступленіе русской арміи, не лишены повидимому основанія ¹.

Но несмотря на всѣ эти тревоги и дипломатическіе происки, Фридрихъ попрежнему твердо вѣрилъ въ свою звѣзду и въ свой геній. Онъ продолжалъ кампанію, несмотря на наступленіе зимы, занявъ Люзацію и Саксонію, 15 декабря разбилъ саксонцевъ при Кессельдорфѣ и къ концу мѣсяца писалъ уже Мардефельду, что можно сберечь тѣ 100.000 талеровъ, которые нѣсколько недѣль назадъ предназначались для русскаго канцлера. Занявъ Дрезденъ, онъ могъ, какъ побѣдитель, диктовать какія ему угодно условія мира и покончить споръ съ Саксоніей и Австріей на основаніи Ганноверской конвенціи ².

Итакъ, годъ кончался для него побѣдоносно. Но Франція не принимала въ его торжествѣ никакого участія. Только въ послѣднюю минуту, въ декабрѣ, д'Алліонъ возобновилъ, по настоянію Мардефельда, свои денежныя предложенія Бестужеву. Но, какъ и раньше, они произвели на канцлера очень мало впечатлѣнія,—все по тѣмъ же причинамъ. Бестужевъ зналъ, что петербургскіе и парижскіе банкиры отказываютъ въ кредитѣ французскому посланнику, и читалъ депеши д'Аржансона, который писалъ своему агенту: «Вамъ ничто не удастся; ваши разговоры съ русскими министрами—пустая болтовня; вы не сумѣли найти себѣ никакого хода къ нимъ;... вы всѣ дѣла ведете черезъ канцлера, который со дня на день становится все болѣе австрійцемъ и англичаниномъ» ³. Онъ читалъ также и донесенія д'Алліона, называвшаго его «безчестнымъ человѣкомъ», который продаетъ свое вліяніе за золото англичанамъ и австрій-

¹ «Pol. Corresp.», т. IV, стр. 359, 379.

² Письма Фридриха къ Мардефельду отъ 23 и 26 декабря 1745 г. Берлинскій архивъ. Неопубликованный текстъ.

³ Депеши д'Аржансона къ д'Алліону отъ 3 августа и 12 декабря 1746 г. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

памъ, не отнимая отъ себя, впрочемъ, возможности заработать и въ другомъ мѣстѣ»¹. И на поляхъ одной изъ этихъ денешъ, представленной на прочтеніе Елизаветѣ, онъ сдѣлалъ слѣдующую помѣтку: «Сіи и сему подобныя, Даліономъ чинимыя враки ему непримѣтнымъ образомъ путь въ Сибирь приготавливаютъ; но понеже оныя со временемъ усугубятся... того ради слабѣйше мнится ему еще на нѣсколько время свободу дать ядъ его да-лѣ испущать».

Судьба обрекала Францію дѣлать—въ ея союзѣ съ Фридрихомъ—лишь одни его пораженія, а они были теперь близки.

III.

Австро-русскій договоръ.

Извѣстіе о взятіи Дрездена и о мирѣ, предписанномъ Фридрихомъ его врагамъ, уже застало въ Петербургѣ новаго австрійскаго посла. Генералъ баронъ Претлакъ былъ присланъ съ официальнымъ порученіемъ возвѣститъ Елизаветѣ о восшествіи на престолъ императора Священной Римской имперіи, а въ дѣйствительности, чтобъ вернуться къ прерваннымъ его предшественникомъ переговорамъ о возобновленіи трактата 1726 года. Претлакъ былъ совсѣмъ не похожъ на Розенберга. Своей военной выправкой, свѣтскими манерами и тонкимъ умомъ онъ сумѣлъ понравиться и императрицѣ, и ея канцлеру; къ тому же онъ имѣлъ въ рукахъ болѣе вѣрныя средства, чтобы достичь своихъ цѣлей.

Марія-Терезія, — послѣ того, какъ Россія отказалась прийти ей на помощь, была принуждена подчиниться тяжелой необходимости и согласиться на миръ съ Фридрихомъ. Но она была готова возобновить свою борьбу съ нимъ, если-бъ только на этотъ разъ ей оказали поддержку. Для этого она соглашалась пойти на неизбѣжныя жертвы: она предлагала Петербургскому двору субсидію въ два милліона флориновъ, поручивъ своему послу прибавить къ нимъ еще крупную сумму въ личное распоряженіе канцлера. Первоначально это предложеніе было встрѣчено Бестужевымъ довольно холодно: субсидія должна была

---

¹ Дешета д'Аллиона къ д'Аржансону отъ 4 янв. 1746 г. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

быть уплачена лишь послѣ того, какъ новая императрица вернетъ себѣ Силезію.

— Хороша помощь, которую вы собираетесь намъ оказать!— замѣтилъ канцлеръ.—Намъ нужны средства, чтобы снарядить войско, и я только что предложилъ морскимъ державамъ армію въ тридцать тысячъ человѣкъ за наличныя деньги.

— Думаете ли вы,—возразилъ Претлакъ,—что послѣ опыта послѣднихъ мѣсяцевъ въ Лондонѣ и въ Гаагѣ довѣряютъ силѣ вашего оружія?

Увы! У Бестужева были вѣскія основанія, чтобы сомнѣваться въ этомъ: Англія не торопилась отвѣчать на его предложеніе. Она предоставляла Россіи столкнуться прежде съ Австріей, и С.-Петербургскому двору поневолѣ приходилось согласиться на комбинацію Претлака, чтобы не остаться совершенно одинокимъ среди европейскихъ державъ.

Но Фридрихъ уже почувялъ надвигающуюся опасность, — тѣмъ болѣе, что вѣсти, которыя онъ получилъ изъ Франціи, заронили въ его сердце подозрѣніе, что его союзница не прочь отплатить за его бывшя измѣны, примирившись съ Австріей. «Если это случится, — писалъ онъ Мардефельду, — венгерская королева можетъ двинуть противъ меня шестьдесятъ тысячъ человѣкъ, которые вмѣстѣ съ двадцатью тысячами саксонцевъ и сорока тысячами русскихъ составятъ стодвадцатитысячную армію, тогда какъ я могу выставить противъ нихъ лишь отъ ста до ста двѣнадцати тысячъ солдатъ, самое большее». И онъ вновь побуждалъ своего посла подкупить Бестужева, назначая на этотъ разъ для канцлера громадную сумму: двѣсти тысячъ талеровъ¹. Но какъ разъ въ это время Претлакъ нашелъ себѣ въ Петербургѣ неожиданнаго и безконечно цѣннаго союзника въ лицѣ Гиндфорда. Послѣ Дрезденскаго мира, англійскій дипломатъ долженъ былъ, въ силу Ганноверской конвенціи, дѣйствовать сообща съ прусскимъ посломъ, и съ формальной стороны онъ ревностно исполнялъ эту обязанность, разыскавъ передъ Мардефельдомъ въ выраженіяхъ преданности и обѣщаніяхъ поддержки; онъ очень хвалился этимъ въ своей перепискѣ съ Гаррингтономъ. «Мардефельдъ мой духовникъ», — писалъ онъ. Но кромѣ того онъ переписывался еще и съ барономъ Штейн-

¹ Письмо Фридриха къ Мардефельду отъ 19 апрѣля 1746 г.; «Pol. Congresp.», т. V, стр. 64.

Графъ Михаилъ Иларіоновичъ Воронцовъ.
Съ портрета Л. Токе и гравюры Шмидта.

бергомъ, представителемъ короля Георга въ Ганноверѣ. А у короля Георга тоже была своя «тайна», которая заключалась въ непримѣримой ненависти къ Фридриху, и Гиндфордъ вполне раздѣлялъ это чувство ¹.

Такимъ образомъ прусскій дипломатъ сталъ въ свою очередь жертвой двуличности, какою былъ прежде Шетарди по отношенію къ нему. Неблагодарный Бестужевъ обращался съ нимъ все болѣе высокоумѣнно, и онъ долженъ былъ прикинуться больнымъ подагрой. Лишь благодаря мнимому припадку этой болѣзни онъ достигъ того, что Петербургскій дворъ не слишкомъ энергически настаивалъ на его отозваніи; въ концѣ концовъ ему пришлось предоставить непосредственное участіе въ переговорахъ своему коварному сотруднику, а тотъ передавалъ Бестужеву и Претлаку все, что Мардефельдъ повѣрялъ ему по секрету, и вмѣстѣ съ ними добивался того, чтобы австро-русскій договоръ былъ скорѣе заключенъ.

Между тѣмъ д'Аржансонъ, который въ январѣ 1746 года собирався отправить въ Петербургъ посла, способнаго загладить промахи невозможнаго д'Аллиона, въ мартѣ вдругъ передумалъ и съ комплиментами, очень неожиданно смѣнившими прежніе попреки, возвѣстилъ французскому повѣренному въ дѣлахъ, что объ его отозваніи не можетъ быть больше и рѣчи. Д'Аллионъ долженъ оставаться на своемъ посту, «ожидая лучшаго времени, которое не замедлитъ наступить». Причиной этого былъ русскій повѣренный въ дѣлахъ Гроссъ: на вопросъ Версальскаго двора, находить ли Елизавета нужнымъ замѣнить его посломъ, онъ далъ отвѣтъ, догадаться о которомъ нетрудно ².

Вслѣдъ затѣмъ, 22 мая 1746 года, не «замедлило наступить» подписаніе австро-русскаго договора о заключеніи оборонительнаго союза между обѣими державами; въ случаѣ нападенія на одну изъ нихъ другая выставляла на помощь ей отрядъ въ 30.000 человекъ, причемъ происходившая въ то время между Австріей и Франціей война формально исключалась изъ *casus foederis*. Но, конечно, этотъ договоръ былъ лишь первымъ шагомъ Россіи по пути, по которому она неизбежно

¹ См. эту переписку у Borkovsky, «Die englische Friedensvermittlung im J. 1746». Берлинъ, 1888, стр. 81 и сл.

² Письма д'Аржансона къ д'Аллиону отъ 3 и 23 марта 1746 г. Архивъ фр. Мин. Ин. Дѣлъ.

должна была пойти теперь рука объ руку со всѣми настоящими и будущими врагами французской монархіи.

Бестужевъ получилъ шесть тысячъ червонцевъ за свое участіе въ этомъ дѣлѣ ¹.

Въ Версалѣ долго ничего не знали о подписаніи договора; впрочемъ, и д'Аллионъ, находившійся въ Петербургѣ, былъ не лучше освѣдомленъ. Сообщение о союзѣ было сдѣлано представителямъ иностранныхъ державъ лишь въ началѣ августа, но французскій повѣренный въ дѣлахъ былъ исключенъ изъ ихъ числа. И д'Аржансонъ, ничего не подозревавшій о происшедшемъ, разыгралъ глупѣйшую роль, устроивъ пышный и радушный приѣмъ русскому вице-канцлеру, пріѣхавшему во Францію. Въ то время, какъ въ Петербургѣ готовили будущую встрѣчу русскихъ и французскихъ войскъ на берегахъ Рейна, французскій король, королева и маршалъ Саксонскій изощрялись въ любезности къ путешественнику, который принималъ таинственный видъ, говоря о милости къ нему Елизаветы, о своемъ разногласіи съ Бестужевымъ и о своихъ симпатіяхъ къ Франціи. Онъ былъ окруженъ всеобщимъ вниманіемъ и засыпанъ подарками, и послѣ того, какъ онъ уѣхалъ въ Россію, д'Аржансонъ сталъ съ простодушною довѣрчивостью ждать «переворота», который должно было вызвать возвращеніе Воронцова въ Петербургъ. Но, вмѣсто извѣстія, на которое онъ рассчитывалъ, онъ получилъ: первое о событіи 22 мая, теперь уже обнародованномъ, а второе—о женитьбѣ единственнаго сына Бестужева на племянницѣ Разумовскаго, что должно было еще болѣе укрѣпить положеніе канцлера.

Я читаю у извѣстнаго историка: «На этотъ разъ версальскій дворъ не колебался больше и отозвалъ д'Аллиона» ².

Мнѣ хотѣлось бы, чтобы это было такъ. Но, увы! д'Аллиону самому, по собственному почину, пришлось хлопотать *годъ спустя*—не о своемъ отозваніи—а только объ отпускѣ на нѣсколько мѣсяцевъ. Пока же онъ старался отомстить за Францію, дѣлая это въ нѣсколько своеобразной формѣ. Обѣдая у русскаго канцлера вмѣстѣ съ Гиндфордомъ, онъ отказался пить за здоровье англійскаго короля. На это, когда англійскій кон-

¹ Письма Претлака къ Ульфелдуду отъ 7 и 30 августа 1746 г. Вѣнскій архивъ, на французскомъ языкѣ.

² Vandal, «Louis XV et Elisabeth», стр. 203.

сулъ Вульфъ поднялъ бокаль за французскаго короля, Гиндфордъ всталъ и заявилъ, что онъ знаетъ лучше д'Аллиона, какимъ уваженіемъ онъ обязанъ—и во время мира и во время войны—коронованной главѣ другого государства. Д'Аллионъ продолжалъ сидѣть.

— Я никогда не пью за здоровье иностраннаго монарха прежде, чѣмъ выпить за здоровье моего государя, — объявилъ онъ.

— Но встаньте, сударь, — загремѣлъ Гиндфордъ, — разъ вы видите, что я стою!

А Бестужевъ, опъянѣвъ отъ гнѣва и отъ вина, схватилъ стаканъ и воскликнулъ:

— Я пью за побѣду англійской арміи!¹

Французская дипломатія могла, безъ сомнѣнія, найти иные способы, чтобы отплатить русскому двору за свою обиду, хотя я не стану упрекать ее, какъ это дѣлаетъ цитированный мною историкъ, за то, что она не сумѣла воспользоваться однимъ важнымъ предложеніемъ, сдѣланнымъ ей въ это время². Вопросъ идетъ о союзѣ съ Портой, о которомъ очень хлопотали знаменитый Бонневаль и французскій посолъ въ Константинополѣ. Самъ по себѣ этотъ фактъ вѣренъ, но только предложеніе о союзѣ было сдѣлано Франціи не *послѣ* заключенія австро-русскаго договора, какъ предполагаетъ Вандаль, а *до* его подписанія, что совершенно мѣняетъ дѣло. Ошибка Вандалья относительно времени заключенія союза Россіи съ Австріей, на которую я указывалъ выше, вызвала теперь и это недоразумѣніе. Предложеніе союза было сдѣлано Портой въ 1745 году. А въ это время угроза вмѣшательства Россіи въ австро-французскій конфликтъ была далеко не мнимой. У Маріи-Терезіи не было даже настоящаго представителя въ Петербургѣ послѣ отъѣзда Розенберга. И вступить въ эту минуту въ союзъ съ Портой значило бы итти въ разрѣзъ съ тѣмъ, къ чему должна была бы стремиться французская дипломатія, а прусская дѣйствительно и стремилась, — именно къ нейтралитету великой сѣверной державы. Въ Берлинѣ это понимали настолько ясно, что не колеблясь отвергли аналогичное предложеніе Турціи. Впрочемъ, была еще другая причина, по которой слѣдовало

Письмо Гиндфорда къ Гаррингтону отъ 11 февраля 1746 г. «Сборникъ Р. И. О.», т. СІІІ, стр. 16.

² Vandal, «Louis XI et Elisabeth», стр. 213.

отклонить предложеніе Порты. Какую цѣну имѣлъ союзъ съ Турціей? Въ 1745 году—никакой, потому что, занятая войной съ Персіей, Порта не могла предоставить въ распоряженіе своей союзницы ни одного солдата. Война эта кончилась лишь въ октябрѣ 1746 года, но тогда русская и австрійская дипломатія заняли въ Константинополѣ первенствующее положеніе, исключавшее возможность соперничества съ ними ¹.

Но что французская дипломатія дѣйствительно могла сдѣлать, чтобы смягчить для себя послѣдствія неудачи, которой она не сумѣла избѣжать, да и избѣжать которую было, пожалуй, невозможно,—такъ это отказаться отъ комической роли, разыгранной ею еще во время пребыванія Воронцова во Франціи. А она, къ сожалѣнію, продолжала играть ее и въ Петербургѣ.

Торжество австрійской политики сдѣлало положеніе представителя Людовика XV при Русскомъ дворѣ почти невыносимымъ. Прежніе сторонники Франціи были или удалены, какъ Брюмеръ, или запуганы. «Пріятно видѣть,—писалъ Претлакъ,—какъ Лестокъ и нѣкоторые другіе дрожатъ отъ страха, что теперь наступаетъ ихъ чередъ... Великая княгиня такъ встревожена паденіемъ вышеупомянутыхъ лицъ и, главнымъ образомъ, Брюмера, что плачетъ, не переставая, и дошла въ своемъ огорченіи такъ далеко, что третьяго дня пришлось пустить ей кровь. По словамъ Претлака, необходимо было только оказать еще кой-какіе знаки вниманія Елизаветѣ для того, чтобы Марія-Терезія могла быть совершенно увѣрена въ томъ, что русская армія будетъ предоставлена въ ея распоряженіе въ слѣдующемъ году: напиримѣръ, прислать портретъ императора и императрицы, что позволить царицѣ, въ свою очередь, предложить свой, «такъ какъ она любитъ, чтобъ ее считали красивой и интересовались этимъ». Къ портретамъ слѣдовало прибавить нѣсколько бутылокъ токайскаго, чтобы «спрыснуть подарокъ» ². А вскорѣ и Мардефельду пришлось исчезнуть съ Петербургскаго горизонта, гдѣ онъ такъ долго рѣшалъ судьбу всѣхъ переговоровъ. Въ ту минуту, когда онъ—по настойчивому приказанію Фридриха, согласившагося еще разъ, скрѣпя сердце, развязать кошелекъ—пытался въ сотый разъ искутить продажность Вестужева, канцлеръ рѣзко оборвалъ его,

¹ Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XXII, стр. 172.

² Письмо Претлака къ Ульфельду отъ 5 ноября 1746 г. Вѣнскій архивъ, на французскомъ языкѣ.

сказавъ, что не имѣетъ права съ нимъ сноситься. Согласно желанію прусскаго короля, Елизавета согласилась отозвать Чернышева изъ Берлина, но потребовала, чтобы и Мардефельдъ немедленно выѣхалъ изъ Петербурга. И съ минуты отозванія русскаго посла она воспретила своимъ министрамъ входить въ сношеніе съ представителемъ Пруссіи. Пришлось покориться. Въ сентябрѣ 1746 года единственнымъ представителемъ прусскихъ интересовъ въ Петербургѣ остался секретарь посольства Варендорфъ, получавшій двѣсти талеровъ жалованья въ годъ. Въ то же время Лондонскій кабинетъ, пользуясь случаемъ и уступая личнымъ симпатіямъ Гиндфорда, разрѣшилъ своему послу вступить съ Бестужевымъ въ переговоры относительно новаго трактата о «доставленіи» Англіи и ея союзникамъ русскаго войска въ количествѣ тридцати тысячъ человѣкъ.

Заключеніе этого договора затянулось до 1747 года, вслѣдствіе ожесточеннаго спора о размѣрахъ субсидіи и требовательности канцлера, желавшаго получить для себя десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Когда изъ Лондона пришелъ уклончивый отвѣтъ, онъ швырнулъ проектъ договора на полъ и грозился отозвать изъ Курляндіи и тѣ войска, которыя были туда уже посланы. «Это называется не вести переговоры,—писалъ Честерфильдъ,—а заключать сдѣлку съ ростовщиками-вымогателями (*extortioners*), которые не знаютъ ни совѣсти, ни мѣры». Наконецъ, 12 іюня 1747 года обѣ стороны столковались. Россія помирилась на ста тысячахъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ.

Бестужевъ же просилъ триста семьдесятъ пять тысячъ за каждую тысячу солдатъ; но за то морскія державы приняли на себя расходы по продовольствію русскаго вспомогательнаго отряда ¹.

Узнавъ объ этомъ, д'Аллионъ понялъ, какую глупую роль онъ играетъ въ Петербургѣ, и хотѣлъ было просить позволенія послѣдовать за Мардефельдомъ. Но черезъ минуту онъ уже передумалъ, рѣшивъ, что нашелъ безошибочное средство восторжествовать надъ своими врагами. Положеніе Лестока,—писалъ онъ въ Версаль,—слегка поколебленное за послѣднее время, теперь опять укрѣпилось, благодаря браку лейбъ-медика, имѣющему высокое политическое значеніе. Гиндфордъ покатился со смѣху, читая вмѣстѣ съ Бестужевымъ эту депешу французскаго

¹ «Сборникъ Р. О.», т. СІІ, стр. 109, 159, 233, 284, 309, 326.

повѣреннаго въ дѣлахъ, перехваченную, какъ и всѣ остальные. Онъ самъ послалъ недавно графу Штейнбергу описаніе этого брака, «надъ которымъ потѣшался весь дворъ и весь городъ». Лестокъ уже много лѣтъ находился въ связи съ г-жей Менгденъ, сестрой бывшей фаворитки Анны Леопольдовны, что вызывало очень нежелательные толки, и въ концѣ концовъ былъ принужденъ жениться на своей старой любовницѣ. Но врядъ ли онъ могъ этимъ что-нибудь выиграть ¹. Д'Аржансонъ же, — какъ это ни странно, — отнесся серьезно къ мистификаціи злополучнаго д'Аллиона. И только въ октябрѣ 1747 года, когда завѣдываніе иностранными дѣлами перешло отъ него къ маркизу Пюизье, въ Версалѣ поняли, что Францію уже достаточно унижали на берегахъ Невы. Д'Аллионъ долженъ былъ сдать дѣла французскому консулу Сень-Соверу, и дипломатическія сношенія обѣихъ странъ прервались на длинный рядъ лѣтъ.

Такимъ образомъ подготовилось событіе, которое одинъ изъ моихъ предшественниковъ назвалъ — на мой взглядъ не вполне справедливо — «неслыханнымъ, почти невѣроятнымъ и безпримѣрнымъ со времени великаго нашествія монголовъ или татаръ ², а именно, появленіе на берегахъ Рейна русскаго корпуса, посланнаго, чтобъ охладить воинственный пылъ побѣдителей при Року и Бергенъ-опъ-Цоомѣ. Франція и Западная Европа, со всѣмъ не въ такія далекія времена, а еще сравнительно очень недавно, видѣли на тѣхъ же поляхъ сраженія русскую армію Ласси. Но, безъ сомнѣнія, это зрѣлище было еще достаточно ново, чтобы произвести впечатлѣніе.

IV.

Ааханскій миръ.

Дипломаты Фридриха и Людовика XV потерпѣли въ Петербургѣ полное пораженіе. Однако, послѣ 1745 года, положеніе Версаля и Берлина по отношенію къ Россіи не было одинаково. Прусскій король сумѣлъ оградить себя Ганноверскою конвенціей отъ нападенія морскихъ державъ и ихъ вспомогательныхъ отря-

¹ Borkovsky, «Die englische Friedensvermittlung im J. 1795». Berlin, 1884, стр. 122.

² Duc de Broglie, «Maurice de Saxe et le marquis d'Argenson». 1891 г., т. II, стр. 379.

Бокаль съ крышкой слоновой кости.
(Императорскій Эрмитажъ).

довъ; поэтому выступленіе русскаго корпуса, о которомъ такъ много кричали въ Европѣ, не могло ему угрожать. И благодаря тому, что онъ твердо стоялъ на почвѣ своего соглашенія съ Лондономъ и постарался примириться съ Петербургомъ, приславъ туда новаго посла, графа Финкенштейна, онъ дѣйствительно добился того, что русскія войска не нанесли ему никакого ущерба. Правда, июньскій договоръ 1747 года былъ дополненъ въ ноябрѣ и въ декабрѣ новыми статьями, въ силу которыхъ русскій вспомогательный корпусъ увеличивался съ тридцати тысячъ человѣкъ до сорока тысячъ, а одна изъ этихъ «секретныхъ статей» заранѣе обрекала на неуспѣхъ миссію Финкенштейна: она открыто подчеркивала, что англо-русскій договоръ заключался съ единственною цѣлью сломить прусскаго короля. «Кромѣ того,—писалъ Претлакъ въ Вѣну,—канцлеръ по приказу императрицы далъ письменное обязательство, что, въ случаѣ столкновенія русскаго корпуса съ войсками прусскаго короля, императрица не только усилитъ отрядъ, но отдастъ немедленный приказъ снарядить къ будущей веснѣ двѣнадцать военныхъ кораблей и шесть фрегатовъ для совмѣстныхъ дѣйствій съ флотиліей галеръ на берегахъ Помераніи»¹.

Это секретное условіе настолько противорѣчило недавнему соглашенію Англіи съ Фридрихомъ II, что самое существованіе его вызываетъ до сихъ поръ большія сомнѣнія. Но надо помнить, что англійская политика подчинялась въ то время двумъ различнымъ теченіямъ, изъ которыхъ одно было явно враждебно Пруссіи. Съ другой стороны и Бестужевъ, вступая въ договоръ съ морскими державами, долженъ былъ считаться съ личными чувствами своей государыни. А Елизавета, какъ мы это знаемъ, согласилась принять участіе въ войнѣ и поставить свою имперію въ униженное положеніе находящейся на жалованьи иностраннаго государства державы исключительно изъ ненависти къ *шаху-Надиру* прусскому. Онъ былъ въ ея глазахъ главнымъ и единственнымъ врагомъ Россіи: онъ несправедливо затѣялъ ссору съ Австріей и Саксоніей, безпрестанно нарушалъ миръ, и, какъ вѣроломный измѣнникъ, заслуживалъ того, чтобъ Европа развѣ навсегда хорошенько проучила его. Въ январѣ 1748 года она выѣхала изъ Петербурга и прожила нѣсколько дней за городомъ,

¹ Письма Претлака Ульфелдуду отъ 30 ноября и 26 декабря 1747 г. Вѣнскій архивъ, на французскомъ языкѣ.

несмотря на то, что стояли большіе морозы, только для того, чтобъ не присутствовать на праздникѣ прусскаго ордена Чернаго Орла ¹.

Секретная статья договора, какъ и декларація Бестужева, была уступкой ея чувствамъ. Фридрихъ зналъ это, но не волновался, не придавая большого значенія этимъ документамъ. «Пока я въ соглашеніи съ Англіей,—писалъ онъ Финкенштейну,—мнѣ нечего бояться Россіи». И дѣйствительно, новый прусскій посолъ, почти дословно повторяя выраженія Мардефельда, сталъ посылать ему одну за другою успокоительныя депеши. «Бестужевъ обращается съ нами довольно плохо, а императрица еще хуже; впрочемъ, онъ старается не попадаться государынѣ слишкомъ часто на глаза, но зато проситъ разрѣшенія не оставлять безъ отвѣта «грубости» канцлера, которыя никакихъ послѣдствій имѣть не могутъ, такъ какъ русскія войска, безъ сомнѣнія, не угрожаютъ прусскому королю». Фридрихъ отвѣтилъ ему на это: «Охотно позволяю вамъ обрывать его всякій разъ, какъ вы это найдете нужнымъ» ².

Первыя недѣли апрѣля 1748 года оправдали самонадѣянный и высокомерный тонъ Пруссіи. Двинувшись по направленію къ Рейну въ то время, когда въ Аахенѣ уже шли предварительные переговоры о мирѣ, русскія войска старались тщательно избѣгать прусскія владѣнія. Передъ ними лежала другая дорога, проложенная еще Петромъ Великимъ для всѣхъ армій сѣверо-восточной Европы: въ ожиданіи будущаго раздѣла, Польша съ общаго согласія была признана нейтральной территоріей, открытой для всякаго, кто пожелаетъ на нее ступить. Фридрихъ тоже держался смирно, вновь предавъ Францію и предоставивъ ей одной сражаться съ ихъ общими врагами. Для этого онъ воспользовался все той же «секретной статьей» англо-русскаго договора, слѣды которой такъ основательно затерялись во всѣхъ архивахъ Европы, что Фридриха даже обвиняли въ томъ, что онъ самъ ее выдумалъ ³. Но прусскій король зналъ, что она существуетъ, и заранѣе принялъ противъ нея свои мѣры предосторожности въ Лондонѣ и въ Петербургѣ; и теперь, чувствуя себя

¹ «Сборникъ Р. И. О.», т. СШ, стр. 501.

² «Pol. Corresp.», т. VI, стр. 27.

³ Duc de Brogle, «La Pais d'Aix la Chapelle», 1893, стр. 23, примѣчаніе. Авторъ говоритъ, что нигдѣ не могъ найти указанія на существованіе этой тайной статьи договора.

въ полной безопасности отъ нея, онъ сталъ коварно указывать на то, что она ему угрожаетъ, чтобы оправдать свое новое вѣроломство.

Впрочемъ если бы вооруженное вмѣшательство Россіи и могло оказать какое-нибудь вліяніе на исходъ войны, то лишь косвенное и незначительное. Русскому корпусу, предводительствуемому старикомъ Репнинымъ, не пришлось сдѣлать ни одного выстрѣла, и онъ находился на полпути отъ театра военныхъ дѣйствій, когда они уже прекратились. Переговоры о мирѣ затянулись въ Аахенѣ до октября 1748 года, и обѣ стороны признали, что русская армія, ни къ чему не служившая, становится только помѣхой для всѣхъ. О ней не упоминалось при перемирии, и, совершивъ первые переходы чрезвычайно медленно, она лишь теперь двинулась быстрѣе, когда ее перестали ждать. Было рѣшено вовсе выключить Россію изъ переговоровъ. Напрасно русскій посланникъ въ Лондонѣ ссылаясь на текстъ прежнихъ соглашеній Россіи съ морскими державами и требовалъ, чтобы его дворъ принялъ участіе хотя бы при заключеніи окончательнаго договора о мирѣ во избѣжаніе мести со стороны Пруссіи и Франціи. «Если мы допустимъ къ переговорамъ наемныя державы,—возразилъ надменно французскій уполномоченный графъ Сень-Северинъ, тотъ самый, который едва не былъ назначенъ посломъ въ Россію,—то никогда не покончимъ съ дѣломъ». А такъ какъ съ заключеніемъ мира очень торопились, то съ Россіей не стали церемониться¹, потребовавъ отъ князя Репнина, чтобы онъ немедленно отступилъ со своимъ корпусомъ: иначе Франція не соглашалась вывести войска изъ Нидерландовъ. Русскому же двору предложили присоединиться къ Аахенскому договору впоследствии. Въ это время русскій главнокомандующій уже умеръ; его преемникъ, генераль-поручикъ графъ Ливень, долженъ былъ уступить настояніямъ союзниковъ, и второй походъ русской арміей въ Европу кончился такъ же безславно, какъ и первый.

Но онъ всетаки очень напугалъ Фридриха. Видъ «сѣверныхъ медвѣдей», двинувшихся на западъ, чтобы помѣряться силами съ французами, произвелъ на прусскаго короля большое впечатлѣніе. Ему казалось, что они готовы «кинуться и на него». Онъ только что отозвалъ Финкенштейна изъ Петербурга, думая, что

¹ Flissan, «Histoire de la diplomatie», т. V, стр. 405.

таланты этого дипломата сослужать ему лучшую службу на другомъ посту, и замѣнилъ его «новичкомъ» барономъ Гольцемъ. Теперь онъ жалѣлъ объ этомъ. А ноты русскаго правительства въ Стокгольмъ, указывавшія на протѣстъ императрицы противъ подготовлявшейся въ Швеціи реформы правленія, еще усиливали его тревогу. Шведскій король былъ при смерти, и ходили слухи, что нѣкоторые его подданные хотятъ возстановить въ Швеціи самодержавіе. Фридрихъ былъ братомъ наслѣдной принцессы, притомъ недавно вступилъ въ союзъ съ безпокойной страной «шляпъ» и «шапокъ», и боялся, что его вовлекутъ въ борьбу между Русскимъ и Стокгольмскимъ дворами. Правда, онъ преувеличивалъ опасность—и ввелъ этимъ въ заблужденіе нѣкоторыхъ историковъ¹—но это была его обычная манера. Судя по тревожнымъ депешамъ, которыми онъ предостерегалъ своихъ агентовъ въ Петербургѣ и въ Копенгагенѣ, и его отчаяннымъ письмомъ къ сестрѣ², можно было думать, что Бестужевъ дѣйствительно вошелъ въ соглашеніе съ Лондонскимъ и Вѣнскимъ дворами, чтобы измѣнить порядокъ престолонаслѣдія въ Стокгольмѣ и возвести на престолъ принца Фридриха Гессенскаго. Въ мартѣ 1749 года русскій канцлеръ въ промеморіи, поданной послу Маріи-Терезіи, указывалъ, правда, на «замышляемую перемѣну формы правительства» въ Швеціи и требовалъ въ виду этого поддержки Австріи, согласно статьѣ 3-й договора 1746 г. Претлака въ то время уже не было въ Петербургѣ, и его преемникъ графъ Бернесъ, пьемонтецъ родомъ и человекъ очень тонкаго ума³, возразилъ канцлеру, что австро-русскій договоръ непримѣнимъ къ данному случаю. Бестужевъ страшно разсердился, отказался принять его отвѣтъ и заговорилъ о примиреніи съ Франціей. Изъ Вѣны объ этомъ сообщили Претлаку, находившемуся въ Франкфуртѣ. Тотъ сказалъ, что, по его мнѣнію, не слѣдуетъ смотрѣть на дѣло трагически: «Гнѣвъ канцлера,—писалъ онъ Ульфелъду,—въ сущности только скверная смѣсь глупости и лицемерія... и когда онъ узнаеть, что и другіе дворы не дадутъ ему болѣе удовлетворительнаго отвѣта, ему будетъ нетрудно уговорить свою императрицу..., если только

¹ Vandal, «Louis XV et Elisabeth», стр. 236.

² «Pol. Corresp.», т. VI, стр. 371, 461.

³ Бильбасовъ въ «Исторіи Екатерины II» т. I, стр. 286, 621, совершенно напрасно причислилъ его къ родственникамъ Берни, съ которымъ онъ не имѣлъ ничего общаго.

онъ не потеряетъ окончательно и небольшого прирожденнаго ума»¹.

Гиндфордъ тоже отнесся къ требованіямъ Бестужева, какъ къ «отвратительному крючкотворству»² и вскорѣ Бернесъ, къ удовольствію своему, увидѣлъ, что грозный канцлеръ смягчился. Онъ не соглашался, правда оставить Швецію въ покоѣ, но рѣшилъ добиться своей цѣли окольными путями, напавъ непосредственно на Пруссію. «Россія,—говорилъ онъ,—готова на всевозможныя жертвы, чтобы поддержать на сѣверѣ миръ; но, въ случаѣ, если бы ей пришлось взяться за оружіе, планъ ея былъ бы слѣдующій: произвести демонстрацію въ сторону Швеции, чтобы отвлечь вниманіе отъ главнаго передвиженія арміи, и тогда всѣми военными силами имперіи обрушиться на прусскаго короля. Это слѣдовало бы произвести зимою, чтобы застать Фридриха врасплохъ и перевезти войска на саняхъ; пятьдесятъ тысячъ солдатъ были бы двинуты прямо на Берлинъ. Швеція неизбѣжно вмѣшалась бы въ эту войну, но такъ какъ враждебныя дѣйствія были бы направлены не противъ нея, то получилось бы впечатлѣніе, что она первая напала на Россію, и это дало бы Петербургскому двору возможность требовать отъ Австріи признанія *casus foederis*. И прусскій король былъ бы вскорѣ сокращенъ «до предѣловъ своей мѣры».

Но Бернесъ опять охладилъ воинственный пылъ канцлера. «Идея дѣйствительно великая,—находилъ онъ:—но надо принять въ соображеніе, что Англія желаетъ уклониться отъ всякаго участія въ дѣлѣ, что она уже дала понять; и что Франція найдетъ у себя достаточно силы и средствъ, чтобы помѣшать этому плану». Дальше Бернесъ не сталъ распространяться, такъ какъ хорошо зналъ Бестужева и былъ увѣренъ, что тотъ является лишь «попугаемъ Апраксина». А этотъ генералъ, снѣдаемый честолюбіемъ, «настолько же неумѣстнымъ, какъ и чрезмѣрнымъ», строить планы, «выполнить которые ему было бы очень затруднительно»³.

¹ Письмо Претлака къ Ульфелъду отъ 4 іюля 1749 г. Вѣнскій архивъ на французскомъ языкѣ.

² Письмо Гиндфорда къ Бернесу отъ 29 іюля 1749 г. Москва. Вѣнскій архивъ, на французскомъ языкѣ.

³ Децеша Бернеса Ульфелъду отъ 8 ноября 1749 г. Москва. Вѣнскій архивъ, на французскомъ языкѣ.

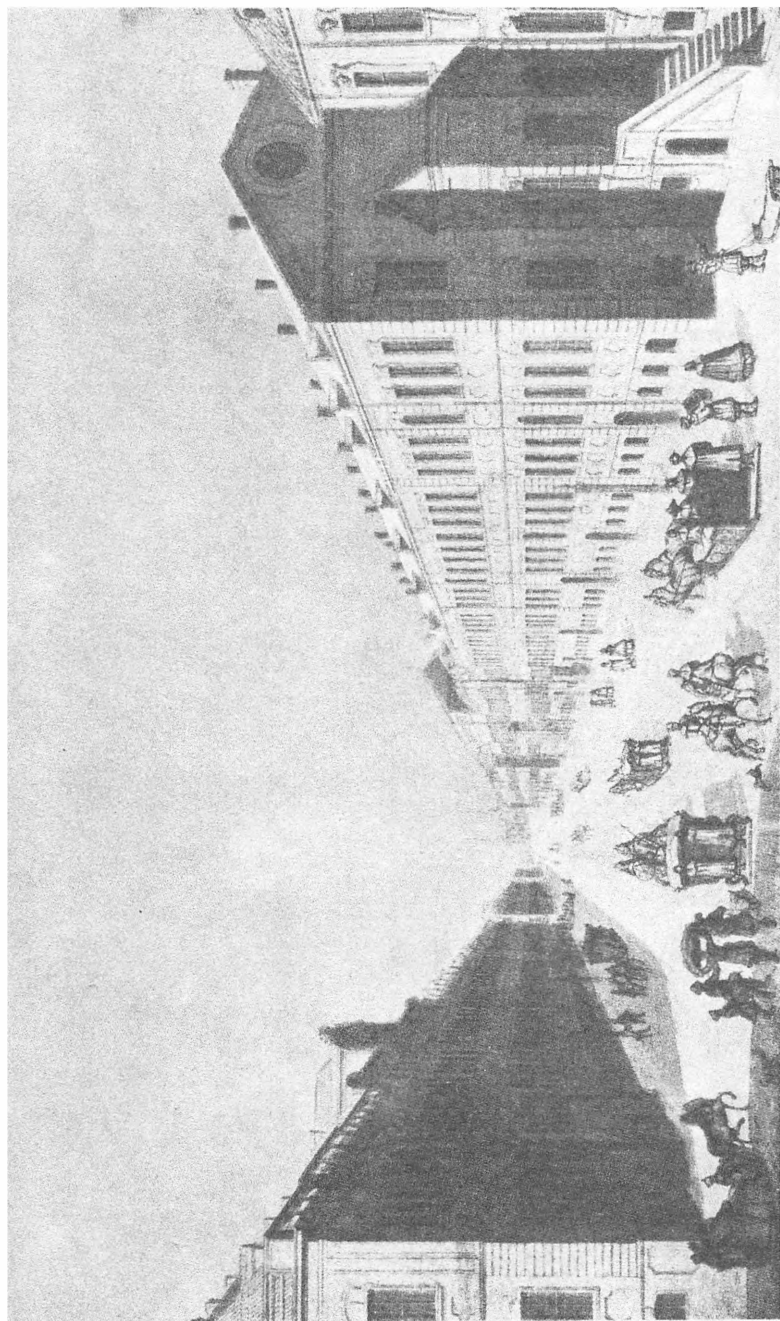
Но черезъ мѣсяцъ канцлеръ опять вернулся къ своему проекту. Подъ внушеніемъ недоброжелательнаго Воронцова, Елизавета до сихъ поръ не хотѣла о немъ слышать. Но теперь Бестужевъ нашелъ вѣрное средство, чтобы заставить ее сдаться. На нее легче всего было вліять, приводя ей соображенія чисто личнаго характера,—особенно такія, которыя касались ея безопасности. А русскій посланникъ въ Стокгольмѣ Панинъ только что открылъ заговоръ въ пользу Іоанна Брауншвейгскаго. Если бы извѣстіе объ этомъ дошло до императрицы черезъ Австрію, и удалось бы внушить ей, что прусскій король принимаетъ участіе въ преступномъ замыслѣ, Елизавета естественно сблизилась бы съ Маріей-Терезіей. Но для того, чтобы извѣстіе о заговорѣ произвело на нее болѣе сильное впечатлѣніе, необходимо было, чтобы оно пришло одновременно изъ разныхъ источниковъ, и съ этою цѣлью слѣдовало разослать представителямъ Россіи и Австріи при главныхъ европейскихъ дворахъ соотвѣтствующія предписанія.

У Бестужева былъ связанъ съ этою своеобразной интригой еще другой расчетъ, очень характерный для его изобрѣтательнаго ума: убѣжденная, что обязана своимъ спасеніемъ «императрицѣ-королевѣ», Елизавета согласится выдать Австріи, «какъ залогъ ея совершенной признательности, принца Брауншвейгскаго, которому, можетъ быть, не всегда суждено играть роль опаснаго соперника императрицы. Если у великаго князя не будетъ дѣтей, «что въ нравственномъ смыслѣ можно предполагать», то этотъ принцъ будетъ неизбѣжно призванъ на престолъ Россіи» и станетъ тѣмъ болѣе преданъ августѣйшему дому (Австріи), что всѣмъ будетъ ему обязанъ¹.

Бернесь, конечно, не придавалъ серьезнаго значенія этимъ фантазіямъ, въ которыхъ ясно сказалась враждебность Бестужева къ великокняжеской четѣ. Однако, по настоянію канцлера, онъ долженъ былъ все-таки написать въ указанномъ смыслѣ кой-кому изъ своихъ коллегъ, между прочимъ графу Пюбла, посланнику Австріи въ Копенгагенѣ. Но Фридрихъ уже принялъ противъ этого своя мѣры. Предупредивъ Версальскій, Стокгольмскій и Копенгагенскій дворы о подготавливающейся противъ Швеціи интригѣ, онъ ловко сумѣлъ возбудить въ нихъ подозрѣніе

---

¹ Децеша Бернеса Ульфельду отъ 13 дек. 1749 г. Москва. Вѣнскаго архива, на французскомъ языкѣ.

Большая Нѣмецкая — нынѣ Миллионная.

Съ рисунка М. И. Махаева 1756 г.

(Императорская Академія Художествъ).

къ Россіи и Англіи. Такимъ образомъ, онъ очутился во главѣ настоящей коалиціи, громко говорилъ объ услугѣ, которую ему оказала Франція, заявившая въ Лондонѣ энергическій протестъ противъ Русскаго и Англійскаго дворовъ, обнимался при свидѣтеляхъ съ Валори и былъ готовъ бросить Россіи вызовъ.

Въ мартѣ 1750 года онъ отозвалъ Гольца, находя, что и Варендорфъ справится въ Петербургѣ съ тѣмъ, что ему тамъ оставалось сдѣлать. Русскаго же посланника Гросса, который, несмотря на это, не уѣзжалъ изъ Берлина, Фридрихъ игнорировалъ настолько, что забывалъ посылать ему официальные приглашенія на придворные праздники. Наконецъ, въ ноябрѣ, послѣ явно невѣжливаго поступка короля по отношенію къ Гроссу, русскій посланникъ былъ отозванъ. Въ *Исторіи моего времени*, Фридрихъ старается объяснить все дѣло недоразумѣніемъ. Гросса будто бы вездѣ искали, чтобъ пригласить его на ужинъ во дворецъ, но не нашли, а раньше не пригласили по недосмотру. Но тутъ превосходная память Фридриха настолько ему измѣняетъ, что онъ относитъ этотъ случай ко времени свадьбы принца Генриха, которая состоялась два года спустя послѣ отъѣзда русскаго дипломата. Король забываетъ, кромѣ того, прибавить, что австрійскій посланникъ Бубна тоже не попалъ въ число приглашенныхъ на ужинъ; поэтому увѣренія Фридриха, что все произошло непредумышленно съ его стороны, кажется маловероятнымъ ¹.

V.

Разрывъ.

Официальной причиной, вызвавшей отозваніе русскаго посланника, с.-петербургскій кабинетъ призналъ отказъ Фридриха вернуть въ Россію русскихъ подданныхъ, служившихъ въ его арміи. По этому вопросу между обоими дворами уже давно велась переписка, но, конечно, онъ не могъ быть ни поводомъ, ни даже предлогомъ для разрыва. Однако Варендорфъ выѣхалъ въ свою очередь изъ Петербурга, ни съ кѣмъ не простившись, и дипломатическія сношенія между обоими государствами пре-

---

¹ «Замѣтки на воспоминанія Фридриха Великаго» барона Бюллера. «Русскій Архивъ» 1887, т. III, стр. 307. Ср. Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XXIII, стр. 63 и «Архивъ кн. Воронцова», т. III, стр. 86.

кратились. Этотъ разрывъ былъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ новаго направленія русской политики, въ которую Елизавета вносила много своей горячности, непостоянства и непримиримости.

Говорятъ, что Бестужевъ, желая возбудить въ императрицѣ личную враждебность къ Фридриху, передавалъ ей остроты, которыми на каждомъ шагу сыпалъ прусскій король, безпощадно издѣваясь надъ всѣми коронованными особами. Но надо замѣтить, что, по отношенію къ царицѣ, ученикъ Вольтера выказывалъ извѣстную сдержанность, — по крайней мѣрѣ въ своихъ сочиненіяхъ. Въ сборникѣ стиховъ, напечатанномъ въ 1750 году для небольшого круга друзей, онъ едва упоминаетъ ея имя, тогда какъ надъ всѣми другими монархами Европы смѣется очень зло. Даже обидный для Елизаветы отрывокъ изъ «*Palladion*» (*Oeuvres de Frédéric le Grand*, XI, 242), напечатаннаго тоже въ 1750 году, но никому не розданнаго, касается больше политики Россіи, нежели личности самой государыни. Вообще же августѣйшій авторъ не стѣснялся выражаться очень рѣзко и о русскомъ народѣ, и о министрахъ, которые имъ управляли (*Oeuvres de Frédéric II*, X, 34, 147, 156); онъ нападалъ на Бестужева и глумился надъ нимъ, и только русскую императрицу избѣгалъ задѣвать при этомъ. Но былъ ли онъ такъ же остороженъ и въ разговорѣ? Врядъ ли. А по странной случайности—если только это была случайность—большинство иностранныхъ дипломатовъ, посланныхъ въ Россію — Розенбергъ и Бернесъ отъ Австріи, Гиндфордъ, Гюи-Диккенсъ, Уильямсъ отъ Англии, де-Шезъ отъ Даніи,—служили прежде въ Берлинѣ и, очевидно, не оставляли при себѣ того, что имъ приходилось тамъ слышать. Въ 1750 году двое гайдуковъ перешло отъ Фридриха на службу къ Елизаветѣ; вѣроятно, и они могли многое поразсказать. Кромѣ того, Бестужевъ указывалъ, можетъ быть, набожной царицѣ на безвѣріе короля и на его распущенные нравы, отъ которыхъ страдала королева Елизавета; а подруга Разумовскаго, какъ извѣстно, была очень строга на этотъ счетъ. Наконецъ, онъ воспользовался дѣломъ русскихъ солдатъ, посланныхъ Анной Иоанновной отцу Фридриха, и которыхъ прусскій король не выдавалъ Россіи, хотя онъ и не былъ заинтересованъ въ томъ, чтобъ его армія состояла изъ великановъ. Теперь и въ Россіи признаютъ, что эти солдаты, женившись въ Пруссіи, сами не хотѣли возвращаться на родину ¹.

¹ «*Russische Revue*» 1880, т. VIII, стр. 161.

Но канцлеръ подчеркивалъ то обстоятельство, что они не могутъ исполнять на чужбинѣ своего религіознаго долга, и это очень безпокоило Елизавету; Фридрихъ же намѣренно отказывался съ этимъ считаться.

Его зоркій и проницательный умъ какъ будто измѣнилъ ему на этотъ разъ; съ явною непослѣдовательностью,—послѣ того, какъ онъ въ теченіе многихъ лѣтъ ничего не жалѣлъ, чтобъ привлечь на свою сторону Россію, и въ то время, когда она въ сущности даже не угрожала ему, только и думалъ о томъ, какъ бы отъ нея защититься—онъ теперь, въ 1750 году, слѣпо довѣрился непрочной защитѣ созданной имъ коалиціи. Въ своихъ разговорахъ съ Валори онъ несомнѣнно преувеличивалъ ея значеніе, называя ее своимъ *chef d'oeuvre* омъ. Отчасти въ этомъ отношеніи на него повліялъ Мардефельдъ, возвратившійся въ Берлинъ и назначенный въ совѣтъ короля. Человѣкъ очень умный и безусловно честный, этотъ дипломатъ раздѣлялъ ложный взглядъ большинства своихъ современниковъ на государственное устройство той страны, изъ которой онъ недавно уѣхалъ, и на ея экономическую и военную мощь. Онъ судилъ о ней по наружнымъ признакамъ, и видя продажность ея чиновниковъ, полный хаосъ въ гражданскомъ и военномъ управленіи и негодность ея вождей, выводилъ изъ этого заключеніе, что Россія слаба и неспособна къ нападенію. Этимъ онъ невольно побуждалъ своего государя къ открытому столкновенію съ ней, — столкновенію, котораго, по его словамъ, нечего было бояться, но которое оказалось для прусскаго короля роковымъ.

При этомъ, когда наступила рѣшительная минута борьбы, той коалиціи, на которую Фридрихъ возлагалъ свои надежды, уже не существовало. Въ европейской политикѣ постепенно подготавливался полный переворотъ: Франція возобновила ненадолго прерванную дружбу съ Петербургомъ, а Австрія соединилась съ Версалемъ, вопреки долгимъ вѣкамъ вражды; картина международныхъ отношеній измѣнилась до неузнаваемости.

Австро-русскій союзъ между тѣмъ становился все крѣпче, несмотря на мелкія недоразумѣнія и размолвки. Этотъ періодъ исторіи не представляетъ большого интереса, и я изложу его событія кратко. Въ ноябрѣ 1750 года, добившись приступленія Англіи къ австро-прусскому договору 1746 года, Бернесъ готовился почить на лаврахъ, когда на его горизонтѣ показалась тревожная туча: Воронцовъ все больше входилъ въ довѣріе им-

ператрицы, а Бестужевъ, и прежде не бывшій такъ близокъ къ Елизаветѣ, какъ вице-канцлеръ, теперь пересталъ даже появляться на нѣсколькихъ празднествахъ, на которыя Елизавета лично разсылала приглашенія. Это очень сердило канцлера; чтобъ утѣшиться, онъ хотѣлъ вернуться къ своимъ воинственнымъ замысламъ противъ Швеціи. Но Фридрихъ рѣшилъ отвѣтить ему на нихъ новой дипломатической кампаніей, хотя и направленной не непосредственно противъ Россіи, но всетаки сильно ей угрожавшей. Видя надвигающуюся опасность, Вѣнскій дворъ поспѣшилъ вернуть въ Россію Претлака; этотъ ловкій дипломатъ повелъ дѣло такъ успѣшно, что «если бы прусскій король получилъ какимъ-нибудь образомъ возможность проповѣдывать въ этой странѣ Евангеліе, то и тогда ему бы не повѣрили». И въ маѣ 1751 года С.-Петербургскій дворъ заявилъ, что онъ вполне удовлетворенъ тѣмъ оборотомъ, который приняли шведскія дѣла послѣ смерти короля, а также благими намѣреніями его наслѣдника. Однако въ сентябрѣ Претлакъ былъ въ свою очередь напуганъ письмомъ, которое ему показалъ канцлеръ. Бестужевъ получилъ его отъ графа Гюимона, бывшаго французскаго посланника въ Генуѣ; французъ просилъ разрѣшенія пріѣхать въ Россію, чтобъ «увидѣть столь блестящій дворъ и отдать дань восхищенія достоинствамъ государыни, пользующейся столь громкою славою во всемъ мірѣ». Онъ мечталъ познакомиться также и съ министромъ, «заслуги и высокія качества котораго выше всякой похвалы»¹. А почти одновременно въ Петербургъ пришло посланіе и отъ Людовика XV; онъ возвѣщалъ Елизаветѣ о рожденіи герцога Бургундскаго и говорилъ о своихъ «чувствахъ дружбы, которыя *ея императорскому величеству* (титулъ стоялъ полностью) хорошо извѣстны и остаются неизмѣнными до сихъ поръ»². Совпаденіе было очень знаменательно и врядъ ли случайно. Повидимому, эти письма были первымъ неувѣреннымъ шагомъ Франціи по пути къ сближенію съ Россіей. Но на этотъ разъ попытка не удалась. Въ Версалѣ сдѣлали двойную ошибку: во-первыхъ, направили Гюимона къ Бестужеву, во-вторыхъ, поручили написать письмо этому неопытному дипломату. Посовѣтовавшись со своимъ другомъ Претлакомъ, канцлеръ приказалъ

¹ Письмо гр. Гюимона Бестужеву отъ 18 іюля 1751 года. Боннъ. Вѣнскій архивъ. Копія.

² Письмо Людовика XV къ Елизаветѣ отъ 13 сентябрѣ 1751 г. Версаль. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

одному изъ своихъ секретарей дать ему слѣдующій весьма не-любезный отвѣтъ: «Его сіятельство поручилъ мнѣ сообщить г. Гюимону, что въѣздъ въ имперію всегда открытъ для всякаго честнаго человѣка... Повидимому, г. Гюимонъ далъ себѣ напрасный трудъ написать вышеупомянутое письмо, чтобъ получить разрѣшеніе ея величества нашей августѣйшей государыни и императрицы, титуломъ которой г. Гюимону не слѣдовало бы пренебрегать, такъ какъ самъ король, его государь, и всѣ другіе дворы никогда не отказываютъ въ немъ нашей всемилостивѣйшей государынѣ»¹.

Въ началѣ 1752 года Претлакъ нашелъ, что дѣла его двора обстоятъ настолько блестяще, что онъ имѣетъ право просить о своемъ отозваніи, такъ какъ «пять зимъ, проведенныхъ въ Россіи, составляютъ эпоху не только для здоровья, но и для всей послѣдующей жизни порядочнаго человѣка». Однако его задержали двусмысленные переговоры между Бестужевымъ и преемникомъ Гиндфорда Гюи-Диккенсомъ. Бестужевъ вернулся къ своей прежней мысли содержать русскія войска на субсидіи тѣхъ, кто согласится ихъ платить; Вѣнскій дворъ отвергъ его предложеніе, и онъ обратился въ Лондонъ. На это послѣдовалъ предварительный запросъ герцога Ньюкестля: «Съ какою цѣлью намъ предлагаютъ эти войска?» Гюи-Диккенсъ, котораго Претлакъ осаждалъ вопросами, повѣрилъ ему по секрету: «Англійскій дворъ желаетъ знать, согласится ли Россія въ случаѣ необходимости двинуть свои отрядъ въ имперію, чтобы поддержать и облегчить выборъ римскаго короля». «Но они съ ума сошли въ Лондонѣ!»—воскликнулъ Претлакъ. И ему удалось убѣдить Гюи-Диккенса, «достаточно благоразумнаго для англичанъ», не говорить объ этомъ ни слова канцлеру².

Но въ ноябрѣ 1752 года Претлака ждала новая тревога изъ-за извѣстнаго намъ дѣла о двѣнадцати тысячахъ червонцевъ, растраченныхъ Бестужевымъ изъ государственныхъ суммъ, и изъ-за необходимости прійти ему на помощь. Эта непріятная исторія совпала какъ разъ съ угрозами Фридриха на Гродненскомъ сеймѣ. Вѣнскій дворъ собирался требовать признанія *casus foederis* противъ прусскаго короля въ виду того, что его

¹ Отвѣтъ Бестужева Гюимону отъ 31 августа (11 сент.) 1751 г. Вѣнскій архивъ. Копія.

² Деша Претлака Ульфельду отъ 23 апрѣля 1752 г. С.-Петербургъ. Вѣнскій архивъ, на французскомъ языкѣ.

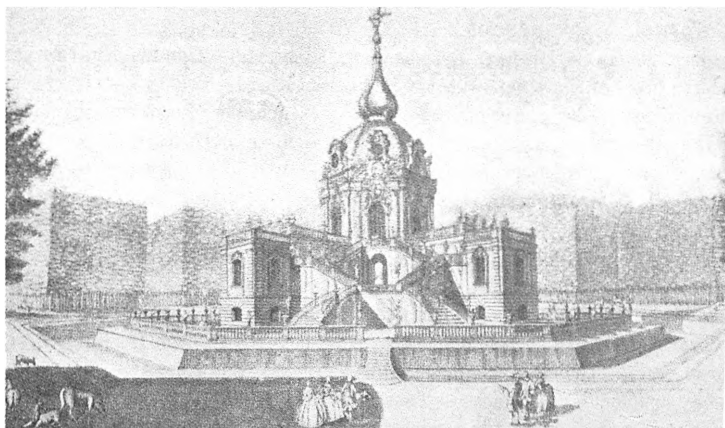
министръ открыто говорилъ о его намѣреніи захватить польскія владѣнія саксонскаго короля. И обѣщавъ канцлеру, что его выведутъ изъ его финансовыхъ затрудненій, Претлакъ могъ зато отправить въ Вѣну курьера съ извѣстіемъ, что *casus foederis* будетъ признано Россіей, если только другіе союзники Саксоніи не откажутся исполнить по отношенію къ ней своего долга. Гюи-Диккенсъ получилъ, правда, инструкцію не поддерживать Вѣнскаго двора въ Петербургѣ. Но это было выраженіе личной политики Ньюкестля, — и англійскій посолъ не скрывалъ, что не одобряетъ ея, находя, что она противорѣчитъ естественнымъ интересамъ его родины, и обѣщаль не предпринимать ни шагу, не посоветовавшись съ представителемъ Австріи ¹.

Подъ внушеніемъ посла Маріи-Терезіи въ Лондонѣ, графа Коллоредо, вопросъ о субсидіяхъ, о которыхъ хлопоталъ русскій канцлеръ, принялъ въ 1753 году новый оборотъ. Въ іюлѣ С.-Петербургскій дворъ заявилъ Англии, что будетъ смотрѣть на нападеніе Фридриха на Ганноверскія земли, какъ на поводъ къ вооруженному вмѣшательству Россіи. Въ отвѣтъ на это Георгъ II, вмѣстѣ со своимъ Ганноверскимъ министромъ Мюнхгаузенемъ и Картеретомъ, выразилъ готовность согласиться на предложеніе Бестужева, имѣя теперь въ виду цѣли, очень далекія отъ избранія римскаго короля. Тогда Фридрихъ опять взялся за свою игру, которая еще недавно такъ удалась ему въ вопросѣ о Швеціи: онъ началъ съ того, что забилъ преувеличенную тревогу, требуя отъ Версальскаго двора новыхъ декларацій, чтобъ хорошенько напугать англичанъ, а кончилъ выраженіемъ глубокаго равнодушія къ переговорамъ, которые велись между Лондономъ и Петербургомъ; все равно, они ни къ чему не приведутъ, потому что русскіе и англичане никогда не столкнутся насчетъ размѣровъ субсидіи. Да и Франція всегда успеетъ вмѣшаться въ дѣло ².

Прозорливость, свойственная гению, не подсказала Фридриху, что Франція дѣйствительно готовилась въ это время вмѣшаться въ его борбу съ Россіей, но только далеко не съ тѣми намѣреніями, какихъ онъ отъ нея ждалъ.

¹ Письмо Претлака Ульфелъду отъ 30 ноября 1752 г. С.-Петербургъ. Вѣнскій архивъ, на французскомъ языкѣ.

² «Pol. Congresp.», т. X, стр. 144, 371.

Охотничій павильонъ («Монбежъ») императрицы Елизаветы Петровны
въ Царскомъ Селѣ.

Съ гравюры М. П. Махасва.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Коалиція противъ Фридриха.

- I. Первые неуверенные шаги. — Россія первая дѣлаетъ попытку къ сближенію съ Франціей. — Дипломатъ-любитель. — Мишель. — Русскій путешественникъ во Франціи. — Графъ Санти. — Искатель приключеній. — Баронъ Летремъ. — Перемѣна политики въ Версалѣ. — Секретная дипломатія. — Миссія кавалера Дугласа. — Англо-русскій договоръ. — Возвращеніе Дугласа во Францію. — Новый французскій агентъ въ Россіи. — Мейссонье де Валькруассанъ. — II. Вестминстерскій договоръ. — Англо-русскій союзъ побуждаетъ Фридриха войти скорѣе въ соглашеніе съ Англіей. — Иллюзіи Фридриха насчетъ послѣдствій этого акта. — Впечатлѣніе, произведенное имъ въ С.-Петербурѣ. — Русскій дворъ признаетъ свой договоръ съ Англіей уничтоженнымъ. — Поворотъ французской политики. — Переговоры съ Австріей. — Россія выражаетъ желаніе принять въ нихъ участіе. — Австро-русскій союзъ. — Поднимается вопросъ о приступленіи Франціи къ этому союзу. — Безуспѣшныя стремленія Англіи помѣшать этому. — III. Дугласъ и Бехтѣвъ. — Возвращеніе французскаго эмиссара въ Петербургъ. — Кавалеръ д'Эонъ. — Милостивый пріемъ. — Затрудненія, встрѣченныя Дугласомъ вслѣдствіе неофіціальности его положенія. Онъ проситъ, чтобъ его акредитовали въ качествѣ полномочнаго министра, на это соглашаются подъ условіемъ, что во Францію тоже будетъ отпра-

вленъ посоль. — Приѣздъ Бехтѣва въ Парижъ. — Принцъ Конти пытается войти въ его довѣріе. — Затрудненія вслѣдствіе этикета. — Бехтѣвъ въ Компьенѣ. — Утренній приѣмъ короля. — Характеристика французовъ, сдѣланная русскимъ дипломатомъ. — Бехтѣвъ подчиненъ австрійскому послу по желанію С.-Петербургскаго двора. — Время препровожденія Бехтѣва въ Парижъ. — Его покупки для Елизаветы. — Русскіе въ Версалѣ. — Маркиза Помпадуръ. — Возвращеніе Бехтѣва въ Россію. — Отправленіе посоль. — Князь Голицынъ и маркизъ Лопиталь. — Начало военныхъ дѣйствій. — IV. Приступленіе Россіи къ Версальскому договору. — Почему Франція не вела переговоры непосредственно съ Россіей. — Истинный характеръ этихъ переговоровъ. — Они ведутся Австріей. — Военственные замыслы. — Просьба мобилизаціи. — Отказъ Елизаветы. — Затруднительное положеніе Дугласа. — Тактика Бестужева. — Вопросъ о Турціи. — Дугласъ соглашается на секретную декларацію. — Отказъ Версальскаго двора ратифицировать ее. — Елизавета сдается. — Подписаніе договора. — Образованіе коалиціи. — Присоединеніе къ ней Швеціи. — Второй Версальскій договоръ. — Война.

I.

Первые неувѣренные шаги.

Историки до сихъ поръ не рѣшили вопроса, которая изъ двухъ странъ—Россія или Франція—сдѣлала первый шагъ къ сближенію наканунѣ Семилѣтней войны. Споръ объ этомъ возникъ среди дипломатовъ еще въ 1757 году, и кто изъ нихъ правъ, сказать довольно трудно, если принимать въ соображеніе всѣ неудавшіяся, не серьезныя попытки къ примиренію, въ родѣ поѣздки Воронцова во Францію или намѣренія Гюимона посѣтить Петербургъ. Но въ смыслѣ дипломатической инициативы первенство, повидимому, принадлежитъ Россіи. И это вполне естественно: до 1755 года французская политика, стоявшая въ зависимости отъ Фридриха, не была свободна въ своихъ начинаніяхъ. А прусскій король могъ согласиться на примиреніе Версаля съ Петербургомъ лишь подъ условіемъ быть посредникомъ между ними; условіе же это, послѣ 1750 года, сдѣлалось неосуществимымъ. И тогда Фридрихъ, какъ мы это увидимъ ниже, началъ упорно и настойчиво хлопотать о томъ, чтобы не допустить и тѣни сближенія между обоими дворами. Самъ Бестужевъ шель, впрочемъ, на это сближеніе довольно туго. Но, начиная съ 1751 года, Елизавета или, вѣрнѣе, ея новый фаворитъ Иванъ Шуваловъ стали проводить личную политику, которая по цѣлому ряду причинъ—и частныхъ, и общихъ— была вра-

ждебна политикѣ канцлера. Это новое теченіе при Русскомъ дворѣ, сочувственное Франціи, и приняло рядъ мѣръ, которыя могли сбить нѣкоторыхъ историковъ съ толку въ виду личности агента, принимавшаго въ нихъ первоначально участіе. Это былъ простой коммерсантъ, по собственнымъ дѣламъ часто раздѣзжавшій между Парижемъ и Петербургомъ; звали его Мишель. Онъ былъ французъ, но родился въ Россіи, куда Петръ Великій привезъ въ 1717 году его отца, рабочаго съ суконной фабрики изъ Руана; сойдясь съ Шуваловыми и Воронцовыми, Мишель проникъ черезъ нихъ въ дипломатическіе круги въ качествѣ агента новой придворной партіи, состоявшей изъ фаворита, вице-канцлера и ихъ родственниковъ и друзей.

Въ сентябрѣ 1752 года онъ пріѣхалъ во Францію съ рекомендаціей отъ г. Шампо, французскаго резидента въ Гамбургѣ, которому онъ сообщилъ новыя и интересныя свѣдѣнія о Русскомъ дворѣ. По мнѣнію Мишеля, въ Петербургѣ были бы готовы примириться съ Франціей, если бъ не интриги Бестужева. Канцлеръ не побоялся извратить даже смыслъ и выраженія письма, написаннаго Людовикомъ XV Елизаветѣ по случаю рожденія герцога Бургундскаго, прибавивъ къ нему слова, непріятныя для государыни. Но царицу предупредилъ объ этомъ Иванъ Шуваловъ, который начинаетъ играть при дворѣ очень видную роль, что создаетъ въ Россіи новое и благопріятное для Франціи положеніе вещей.

Случайно—или, вѣрнѣе, подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній, возникшихъ при обоихъ дворахъ,—въ это время и до Петербурга дошли такіе же слухи. Въ ноябрѣ 1752 года церемоніймейстеръ Елизаветы, графъ Санти, только что возвратившійся изъ Франціи, счелъ долгомъ передать Воронцову впечатлѣнія, вынесенныя имъ во время своей поѣздки. Онъ говорилъ, что, по крайней мѣрѣ, одна часть французскаго общества, а именно ея финансовый и промышленный міръ, въ отчаяніи отъ разрыва между обѣими странами. А одинъ банкиръ, бесѣдуя съ наблюдательнымъ и любопытнымъ путешественникомъ, спросилъ его даже безъ обиняковъ: согласится ли Россія принять новаго французскаго посла¹.

Мишеля выслушали въ Версалѣ очень разсѣянно: Фридрихъ бдительно стоялъ на стражѣ Французскаго двора. Но годъ

¹ «Архивъ кн. Воронцова», т. III, стр. 642.

спустя Мишель возобновилъ разговоръ на ту же тему, дѣйствуя на этотъ разъ болѣе рѣшительно; онъ испросилъ аудіенцію у Сень-Контеста, министра иностранныхъ дѣлъ, и увѣрилъ его, будто бы ему поручено заявить, что Елизавета ничего не имѣетъ противъ возобновленія дипломатическихъ сношеній съ Франціей¹. И хотя мирнымъ предложеніемъ Мишеля опять пренебрегали,—пославшая его партія не унывала. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Воронцовъ далъ знать молодому графу Жизоръ, путешествовавшему по Германіи, что его были бы очень рады видѣть въ Россіи. Новая неудача: графъ не получилъ разрѣшенія заѣзжать такъ далеко. Тогда была сдѣлана еще одна попытка при посредствѣ нѣкоего барона Летрема: о ней сохранилось два противорѣчивыхъ разсказа. Согласно первому, баронъ, служившій въ войскахъ Фридриха II въ чинѣ капитана и затѣмъ перешедшій подполковникомъ въ русскую армію, пріѣхалъ въ Берлинъ въ февралѣ 1754 года, говоря, что ему даны секретныя и важныя порученія въ Германію и во Францію; а именно, ему велѣно заявить, что «утомленная деспотизмомъ Австріи», Елизавета желаетъ вступить въ дружественныя сношенія съ прусскимъ и французскимъ королями. Фридрихъ принялъ его, увидѣлъ, что у него нѣтъ никакихъ полномочій, и нашель, что баронъ сошелъ съ ума, переѣхавъ въ Россію. Обмѣнявшись съ нимъ незначущими словами, онъ выпроводилъ его вонъ и, какъ добрый другъ и союзникъ, предупредилъ г. Сень-Контеста, чтобы тотъ остерегался этого авантюриста. И когда Летремъ возвратился изъ Франціи, прусскій король отказался его принять².

Это версія Фридриха. А по другой, которая исходитъ отъ самаго Летрема, баронъ вовсе не видѣлъ прусскаго короля, когда по дорогѣ во Францію проѣзжалъ черезъ Берлинъ. Онъ говоритъ объ этомъ въ рапортѣ, поданномъ имъ, повидимому, Воронцову, агентомъ котораго онъ, должно быть и состоялъ³, но объ его путешествіи донесли королю, и тотъ немедленно отпра-

¹ Объ этомъ упоминается въ инструкціяхъ, данныхъ въ 1756 году маршалу Лопиталю, хотя Мишель въ нихъ и не названъ. О немъ упомянуто въ письмѣ кардинала Берни отъ 30 іюля 1757 года, въ которомъ кардиналъ излагаетъ это событіе заднимъ числомъ.

² «Pol. Congr.», т. X, стр. 246, 459—463.

³ Записка Летрема отъ 19 сентября 1754 г. «Архивъ кн. Воронцова», т. IV, стр. 46.

Императрица Елизавета Петровна.

Съ портрета работы Бухгольца.

вилъ въ Парижъ неблагопріятный отзывъ о личности самого подполковника и объ его миссіи и этимъ помѣшала ея успѣху. Осенью же, возвращаясь въ Россію, баронъ хотѣлъ проѣхать инкогнито черезъ владѣнія Фридриха, но былъ узнавъ на почтовой станціи въ Потсдамѣ и долженъ былъ явиться въ Санъ-Суси. Напрасно онъ увѣрялъ короля, что стоитъ вдали отъ государственныхъ дѣлъ; Фридрихъ выразилъ ему свое неудовольствие по поводу разрыва дипломатическихъ сношеній съ Россіей и сказалъ, что желалъ бы возобновить ихъ, если бы только былъ увѣренъ въ согласіи Петербургскаго двора.

Нетрудно рѣшить, какая изъ этихъ двухъ версій заслуживаетъ больше вѣры. Отдавая русскому вице-канцлеру отчетъ въ своей поѣздкѣ, Летремъ врядъ ли находилъ нужнымъ извращать факты; да онъ и не посмѣлъ бы этого сдѣлать, какъ Фридрихъ. Пруссійскій же король, помѣшавъ планамъ барона во Франціи, очевидно, хотѣлъ использовать ихъ въ Берлинѣ въ своихъ интересахъ, но, потерпѣвъ неудачу, счелъ болѣе благоразумнымъ вовсе не упоминать о своей попыткѣ.

Какъ бы то ни было, изъ поѣздки Летрема ничего не вышло. Для Версаля, по выраженію Фридриха, еще не наступилъ «его часъ».

Онъ пробилъ лишь въ началѣ 1755 года. Сень-Контеста смѣнилъ Рулье, человѣкъ болѣе широкаго ума, котораго притомъ сами обстоятельства заставляли дѣйствовать рѣшительнѣе. Положеніе Франціи было критическое: ей опять грозила война съ Англіей, и новый англійскій посолъ, Гембери Уильямсъ поспѣшилъ въ Петербургъ, чтобы покончить съ договоромъ о субсидіяхъ, которыхъ такъ страстно добивался Бестужевъ. Да и со стороны Фридриха замѣчалось стремленіе сблизиться съ Англіей и вновь измѣнить своей союзницѣ въ минуту опасности, какъ онъ это сдѣлалъ уже однажды.

Извѣстно, что французская политика подчинялась въ то время двумъ различнымъ теченіямъ, и что одно изъ нихъ исходило отъ тайной дипломатіи, созданной Людовикомъ XV въ противовѣсъ ошибкамъ его министровъ и собственному слабости въ сношеніяхъ съ ними. Въ Версалѣ было какъ бы два различныхъ отдѣленія министерства иностранныхъ дѣлъ, оба находились подъ общимъ управленіемъ короля, но однимъ заведовалъ принцъ Конти, а другимъ рядъ официальныхъ представителей правительства. Терсье служилъ въ официальномъ отдѣленіи, но былъ посвященъ и въ тайны секретнаго, и та-

кимъ образомъ работалъ въ нихъ обоихъ. Параллельныя дѣйствія этихъ двухъ дипломатій естественно вели къ разногласію и столкновеніямъ, значеніе которыхъ, впрочемъ, сильно преувеличивалось историками. Хотя онѣ никогда не совѣщались вмѣстѣ и почти игнорировали одна другую,—имъ приходилось нерѣдко дѣйствовать сообща въ силу необходимости, которой онѣ обѣ одинаково должны были подчиняться. И теперь, когда наступила такая необходимость въ видѣ тройной опасности, о которой я говорилъ,—обѣ онѣ сознали отчетливо, что должны отвѣтить на авансы Россіи. Тайная дипломатія сдѣлала, правда, въ этомъ отношеніи первый шагъ. Въ апрѣлѣ 1755 года, по указанію принца Конти, король отправилъ съ секретной миссіей въ Россію кавалера Дугласа, приверженца Стюартовъ, бѣжавшаго во Францію. Невѣрно, что Рулье зналъ и подговаривалъ первое путешествіе этого агента. Мои предшественники утверждали это, потому что не имѣли подъ рукою документовъ, относящихся къ поѣздкѣ Дугласа, а именно его переписки; она завалилась въ темномъ углу архива министерства иностранныхъ дѣлъ и ускользнула отчасти отъ ихъ вниманія¹. Имъ не посчастливилось также напасть на бумаги, которыя относятся къ другой дипломатической миссіи, направленной одновременно въ Россію по инициативѣ министра и имѣвшей почти тѣ же цѣли. Дугласъ вошелъ въ сношенія съ Рулье лишь послѣ своего возвращенія изъ Россіи; но во время своего перваго путешествія онъ встрѣтился съ соперникомъ въ лицѣ таинственнаго Валькруассана, мытарства котораго впоследствии опишу.

Благодаря Бутарику, цѣль и главные перипетіи первой поѣздки Дугласа извѣстны со всей ея картинной обстановкой,—съ инструкціями, спрятанными въ табакеркѣ съ двойнымъ дномъ, и секретнымъ шифромъ въ видѣ аллегорическихъ фразъ, относящихся до продажи мѣховъ: «Съ горностаемъ крѣпко»—значило брать верхъ анти-французская, національная партія. «Рысьи мѣха повышаются въ цѣнѣ»—это начинало преобладать австрійское вліяніе. Мнѣ остается только дополнить и исправить здѣсь нѣкоторыя подробности².

¹ Vandal, «Louis XV et Elisabeth».

² Boutaric, «Corresp. secrète de Louis XV», 1866 г. т. I, стр. 203; Le duc de Broglie, «Le secret du Roi», 1878—1879 г.г., т. I, прибавленіе, стр. 445; Vandal, «Louis XV et Elisabeth», стр. 261 и сл. Ср. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ, дополненіе, т. VIII, листъ 15.

Дугласъ былъ посланъ въ Россію для рекогносцировки. Онъ долженъ былъ, въ качествѣ туриста, изслѣдовать страну и устройство двора и дать о видѣнномъ точный отчетъ. И онъ такъ увлекся своей ролью, что ввелъ въ заблужденіе своихъ біографовъ. А чтобы сбить съ толку любопытныхъ современниковъ, онъ принялъ имя Мишеля: этимъ и объясняется недоумѣніе одного изъ моихъ предшественниковъ по поводу путешествія настоящаго Мишеля во Францію съ секретнымъ посланіемъ отъ Елизаветы ¹. Ни подлинный, ни ложный Мишель никогда, впрочемъ, не получали отъ императрицы никакихъ порученій.

9 іюля 1855 года Дугласъ писалъ изъ Страсбурга: «Я собрался въ путь, и моя карета заложена. Теперь я безъ риска и безъ труда пушусь куда глаза глядятъ по первой открывшейся мнѣ дорогѣ. Моя страсть и любопытство какъ къ литературнымъ, такъ и къ естественнонаучнымъ изысканіямъ доставили мнѣ здѣсь знакомство и даже дружбу съ однимъ изъ вашихъ академическихъ сотрудниковъ, знаменитымъ Шефелиномъ, и мнѣ кажется, что, благодаря его отзыву, меня будутъ принимать во время всѣхъ моихъ странствованій за самаго отъявленнаго библіомана, минералога и любознательнаго путешественника, каковы всѣ мои соотечественники». Въ концѣ мѣсяца онъ пріѣхалъ въ Лейпцигъ; въ Дрезденѣ у него не было романическаго приключенія, въ чемъ его подозрѣвали, такъ какъ этотъ городъ не лежалъ на его пути, но онъ очень напугалъ своихъ покровителей въ Версалѣ, завязавъ близкія отношенія съ одной прекрасной путешественницей, которая едва не увезла его съ собою въ Берлинъ. Онъ всетаки сумѣлъ устоять противъ искушенія и въ концѣ сентября, послѣ довольно продолжительнаго пребыванія въ Данцигѣ, послалъ наконецъ изъ Риги свое первое письмо на таинственномъ языкѣ мѣховъ. Но онъ не могъ сообщить ничего веселаго. На чернобурую лисицу (Уильямса) былъ чрезвычайно большой спросъ; соболь (Бестужевъ) былъ попрежнему въ модѣ, а рысь (Австрія), хоть и употребляемая исключительно для дорожныхъ шубъ, стояла всетаки въ цѣнѣ.

Это образное описаніе вполнѣ отвѣчало очень печальной дѣйствительности. Въ то время, какъ Дугласъ слишкомъ естественно разыгрывалъ въ Германіи роль странствующаго тури-

¹ Vandal, «Louis XV et Elisabeth», стр. 271.

ста, Уильямъ не терялъ ни минуты, и прежде, чѣмъ кавалеръ успѣлъ доѣхать до Петербурга, Россія уже дала обязательство—по договору, подписанному 19 сентября 1755 года—предоставить въ распоряженіе Англіи армію въ семьдесятъ тысячъ человекъ. Новый австрійскій посолъ Эстергази очень успѣшно содѣйствовалъ заключенію этой конвенціи при этомъ не столько онъ лично, сколько закулисный сотрудникъ, котораго Вѣнскій дворъ нашелъ нужнымъ ему дать по совѣту Претлака. Это былъ саксонскій резидентъ Функъ, получившій за свои услуги соотвѣтствующее вознагражденіе. Бестужеву Англія заплатила десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ, а Олсуфьеву—тысячу пятьсотъ дукатовъ и, кромѣ того, обѣщала пенсію ¹.

Достигнувъ наконецъ цѣли своего путешествія въ первыхъ числахъ октября 1755 года, кавалеръ Дугласъ увидѣлъ, что имъ не приняты необходимыя мѣры для того, чтобы добиться желательнаго приѣма въ Петербургѣ. Рекомендательное письмо, которое ему дали къ шведскому посланнику Поссе, не могло сослужить ему никакой службы. По обычаю, иностранецъ могъ быть представленнымъ ко двору только посломъ своего государя. Поссе не зналъ, впрочемъ, что думать объ этомъ путешественникѣ. На запросъ, отправленный имъ въ Стокгольмъ, маркизь д'Аврэнкуръ, французскій посолъ въ Швеціи, отвѣтилъ ему, что, по его мнѣнію, Дугласъ просто «авантюристъ», подосланный внушать мысль, что французскій король ведетъ о чемъ-то переговоры съ Россіей безъ вѣдома Швеціи» ².

Итакъ, Дугласъ не могъ явиться ко двору; но благодаря Мишелю онъ имѣлъ случай видѣться съ Воронцовымъ; тутъ ему пришлось скинуть маску: только, къ сожалѣнію, подъ маской у него ничего не оказалось. Тщетно вице-канцлеръ требовалъ какого нибудь документа, который позволялъ бы шотландцу говорить отъ имени французскаго короля, и напрасно самъ кавалеръ хвалился своею близостью къ принцу Конти: ему пришлось удовольствоваться комплиментами Воронцова по адресу принца и самого короля, да еще увѣреніемъ вице-канцлера, что

¹ Деша Функа къ Претлаку отъ 1 апрѣля 1755 г. Вѣнскій архивъ, на французскомъ языкѣ.

² Это мѣсто въ перепискѣ Дугласа (Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ. Россія; дополненіе, т. VIII) находитъ подтвержденіе въ депешѣ Эстергази Кауницу отъ 13 ноября 1755 г. Петербургъ. Вѣнскій архивъ, на нѣмецкомъ языкѣ.

ничто не дало бы ему «большаго удовлетворенія, какъ жить, продолжая пользоваться уваженіемъ того и другаго»¹.

Это было немного, и Дугласъ былъ достаточно уменъ, чтобы понять, что при такихъ условіяхъ его дальнѣйшее пребываніе въ Петербургѣ можетъ только повредить его дѣлу. Поэтому въ концѣ октября онъ былъ уже въ Нарвѣ на обратномъ пути во Францію; но онъ условился съ Мишелемъ и съ самимъ Воронцовымъ, что немедленно возвратится въ Россію, заручившись на этотъ разъ необходимыми полномочіями. Во Франкфуртѣ онъ нашелъ письма отъ представителя министерства, завѣдывавшаго тайной перепиской, Терсье, который въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ укорялъ его за неуспѣхъ его миссіи. Дугласъ горячо защищался въ посланномъ Терсье отвѣтѣ: «Хоть онъ и былъ лишенъ всякой помощи, — писалъ онъ ему, — однако его успѣхъ превысилъ всѣ его надежды и честолюбивыя стремленія, которые могъ бы имѣть самый извѣстный и способный изъ дипломатовъ. Вскорѣ занавѣсъ поднимется и сцена освѣтится». И дѣйствительно, онъ не замедлилъ получить подробныя посланія отъ Мишеля и два письма отъ Воронцова, которые доказали, что непризнанный французскій посолъ не вполнѣ потерялъ въ Петербургѣ свое время и трудъ. Вице-канцлеръ не рѣшался, правда, — хоть это и утверждали, — повторять вслѣдъ за Мишелемъ, что Елизавета вполнѣ согласна на примиреніе съ Франціей, если только оно будетъ полнымъ и послужитъ къ установленію открытаго союза. Нѣкоторые историки перепутали тутъ результаты двухъ послѣдовательныхъ поѣздокъ Дугласа. Но, выразивъ надежду вскорѣ вновь увидѣться съ кавалеромъ въ Петербургѣ, Воронцовъ разсѣялъ въ Версалѣ послѣднія сомнѣнія относительно его добрыхъ намѣреній, совпадающихъ, повидимому, съ желаніями его государыни. А если въ Петербургѣ оставалась какая нибудь неувѣренность насчетъ отвѣтныхъ чувствъ Франціи, то вторая французская миссія, о которой я уже упоминалъ мимоходомъ, въ свою очередь должна была вскорѣ положить ей конецъ.

Мнѣ было нетрудно раскрыть тайну, окружавшую до сихъ поръ исторію этой миссіи, что важно не только въ виду прямого интереса этого дипломатическаго шага, но и потому, что даетъ мнѣ возможность снять съ политики Людовика XV одинъ

---

¹ Автобіографическая замѣтка Дугласа, безъ числа. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ. Россія, Записки и документы, т. V, 172.

изъ самыхъ тяжкихъ упрековъ, которые ей дѣлали. Знаменитый историкъ *Тайны короля*,—авторитетъ и талантъ котораго не могутъ быть, конечно, поколеблены этой случайной ошибкой,—настойчиво указываетъ въ своей книгѣ на антагонизмъ, существовавшій между двумя представителями секретной дипломатіи Людовика XV, между Дугласомъ въ Петербургѣ и графомъ Брольи въ Варшавѣ, которымъ было одновременно поручено: первому хлопотать о сближеніи съ Россіей, а другому возбуждать поляковъ противъ этой державы ¹.

Приключенія кавалера Мейссонье-де-Валькруассана показываютъ, что въ дѣйствительности этого не было. Всѣ документы, относящіеся къ поѣздкѣ Валькруассана, присоединены въ архивѣ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ къ остававшейся до сихъ поръ неизслѣдованной перепискѣ Дугласа ². Изъ нихъ видно, что нѣсколько недѣль спустя послѣ отъѣзда шотландца изъ Петербурга, а именно въ декабрѣ 1755 года, другой французскій путешественникъ былъ арестованъ въ Ригѣ. Отъ него не могли добиться, что онъ здѣсь дѣлаетъ. Собственно говоря, ему было дано двойное и даже тройное порученіе. Онъ былъ причисленъ къ французскому посольству въ Польшѣ и бывалъ въ Петербургѣ прежде по дѣламъ; теперь, въ качествѣ агента Рулье и французскаго резидента въ Варшавѣ Дюрана, онъ долженъ былъ слѣдить за вооруженіемъ Россіи, снаряжавшей для Англіи вспомогательный отрядъ. Но, кромѣ этого, онъ имѣлъ частное порученіе отъ графа Брольи, просившаго его вывѣдать истинныя намѣренія Петербургскаго двора относительно сближенія съ Франціей ³. Такимъ образомъ, тайная дипломатія Людовика подчинялась и въ Варшавѣ однимъ и тѣмъ же указаніямъ, и никакого разногласія между ея агентами не было. Болѣе того, самъ Рулье былъ, повидимому, заинтересованъ не только въ первой, но и во второй, неофициальной цѣли поѣздкѣ Мейссонье. Вся ихъ переписка посвящена почти исключительно этому вопросу. Арестъ Мейссонье-де-Валькруассана былъ вызванъ его неосторожностью. Онъ встрѣтился въ Ригѣ съ третьимъ французомъ, уже извѣстнымъ намъ кавалеромъ Люсси, или Чуди,

¹ Duc de Broglie, «Le secret du Roi», т. I, стр. 161.

² Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ. Россія; дополненіе, т. VIII.

³ Переписка Валькруассана вообще очень неясна; но о порученіи, данномъ ему графомъ Брольи, упоминается въ письмѣ Терсье къ Дугласу отъ 12 іюня 1756 года. Тамъ же.

Фридрихъ II, Великій король Пруссіи.

Съ оригинала Киліана.

который называлъ себя графомъ Пютланжомъ¹ и ѣхалъ во Францію, вѣроятно съ какимъ-нибудь порученіемъ отъ своего новаго покровителя, Ивана Шувалова. Такъ какъ онъ долженъ былъ по дорогѣ заѣхать въ Варшаву, Мейссонье пришла въ голову злополучная мысль передать ему письма для французскаго посольства въ этомъ городѣ. Они были тотчасъ же пересланы фавориту, и тотъ приказалъ арестовать иностранца. Отправленный въ Петербургъ, Мейссонье постарался скрыть то, что было наиболѣе компрометирующаго въ его миссіи, а именно свои обязанности военнаго шпіона. На допросѣ, которому онъ былъ подвергнутъ по приказанію императрицы Петромъ и Иваномъ Шуваловыми, онъ ссылался главнымъ образомъ на политическую цѣль своей поѣздки, въ которой, въ виду сочувственнаго настроенія при Петербургскомъ дворѣ, не могло быть ничего оскорбительнаго для Россіи. Онъ сильно преувеличилъ значеніе данныхъ ему порученій и добился того, что съ нимъ обошлись довольно милостиво; фаворитъ пригласилъ его даже къ себѣ обѣдать и сдѣлалъ ему интересныя признанія. Онъ рассказалъ ему объ огорченіи, которое причиняютъ Елизаветѣ французскія газеты, отзываясь нелестно объ ея правленіи и странѣ. Печать уже въ то время начинала играть во всѣхъ странахъ видную роль, очень рѣдко проводя ее, впрочемъ, со сдержанностью, умомъ и тактомъ. «Я не понимаю,—говорила государыня,—какое удовольствіе находитъ Франція оскорблять меня. Развѣ я не обязана помогать моимъ союзникамъ? И развѣ не зависитъ отъ Франціи вступить въ ихъ число?» По увѣренію фаворита, Елизавета высказывала все это съ большой грустью. Мейссонье, очевидно, получившій въ Варшавѣ отъ графа Брольи такія же наставленія, какъ Дугласъ въ Версалѣ отъ принца Конти, возразилъ на это, что во власти самой императрицы положить немедленно конецъ недоразумѣніямъ между обоими дворами, и что Шуваловъ заслужитъ «безсмертную славу», если убѣдитъ ее это сдѣлать. Затѣмъ, подкупивъ одного изъ своихъ сторожей, онъ послѣшилъ отправить въ Версаль подробный отчетъ объ этихъ бесѣдахъ, при чемъ адресовалъ его не Терсье, а Рудье².

¹ См. про него: Aubigny, «Mémoires sur la Russie». Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ. Записки и документы, т. IX, л. 1744; «Mémoires de Douglas», тамъ же, т. V, л. 173.

² Дешени Вальеруассана отъ 18 и 24 марта 1756 г. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ, Россія, дополненіе, т. VIII, л. 180 и сл.

Въ Петербургѣ не сомнѣвались, что имѣють дѣло со вторымъ вѣстникомъ мира; но всетаки посадили его въ крѣпость и, по приказанію Елизаветы, скрыли отъ Бестужева пѣль его приѣзда въ Россію. Онъ былъ освобожденъ лишь въ концѣ года, когда кавалеру Люсси пришла злополучная мысль продолжить свое путешествіе во Францію, гдѣ его ждало готовое помѣщеніе въ Бастиліи, какъ награда за его измѣну, и когда Версальскій и Петербургскій дворы, успѣвшіе уже стать на дружественную ногу, рѣшили обмѣняться заключенными¹, Дугласъ въ это время вновь появился въ Россіи, и обстоятельства помогли ему на этотъ разъ довести свою задачу до благополучнаго конца.

II.

Вестминстерскій договоръ.

Весною 1755 года, Фридрихъ, встревоженный надвигающейся франко-англійской войной и не зная, какой приемъ встрѣтятъ въ Лондонѣ его предложенія о союзѣ, посовѣтовалъ Версальскому двору двинуть войска въ сторону Ганновера. На это онъ получилъ отвѣтъ черезъ французскаго посла въ Берлинѣ де-ла-Туша: «Это слѣдовало бы сдѣлать вамъ самимъ». Король пришелъ въ ярость, повторилъ свое обычное выраженіе: «У меня пятьдесятъ тысячъ русскихъ сидятъ на шеѣ въ Курляндіи»², и сейчасъ же повелъ дипломатическіе переговоры съ Лондономъ болѣе усиленнымъ темпомъ. Но они всетаки затянулись до октября, несмотря на нетерпѣніе Фридриха, у котораго были основательныя причины торопиться. Слухъ объ его переговорахъ съ Сенъ-Джемскимъ кабинетомъ разнесся по всей Европѣ; Версальскій дворъ испугался и рѣшилъ отправить въ Берлинъ герцога Нивернэ, чтобы разузнать о намѣреніяхъ короля. Но прежде чѣмъ принять этого дипломата, самъ Фридрихъ хотѣлъ узнать вполне точно, какой отвѣтъ онъ получитъ отъ Англій. Она же съ этимъ отвѣтомъ не спѣшила, поджидая извѣстій изъ Петербурга. И когда Уильямсъ покончилъ съ порученнымъ ему дѣломъ, Фридрихъ

¹ «Архивъ кн. Воронцова», т. III, стр. 578; т. VI, стр. 196.

² Донесеніе де-ла-Туша отъ 3 апрѣля 1755 г. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ, Пруссія. Ср. Schaefer, «Geschichte des siebenjährigen Krieges», 1867—1874, т. I, стр. 104; Waddington, «Louis XV et le renversement des alliances», стр. 193 и сл.

очутился въ рукахъ своего англійскаго дяди. По мнѣнію этого послѣдняго, заключенный договоръ съ Россіей былъ направленъ противъ Франціи, чтобы защитить Ганноверъ отъ нашествія французовъ. Елизавета же придавала этому акту совершенно иное значеніе. Ничего не подозрѣвая о переговорахъ дяди и племянника, которые, какъ ей было извѣстно, не питали другъ къ другу нѣжныхъ чувствъ, она подписала соглашеніе съ Англійей съ единственной цѣлью напасть на прусскаго короля. И когда, въ концѣ ноября 1755 года, Фридрихъ получилъ сообщеніе объ англо-русскомъ договорѣ, опасное положеніе Пруссіи стало ему ясно: онъ понялъ, что долженъ во что бы то ни стало столкнуться съ Англійей, потому что иначе русскіе дѣйствительно сядутъ ему на шею. Въ нѣсколько недѣль имъ была выработана конвенція о трехъ статьяхъ, изъ которыхъ послѣдняя — и единственно важная — обязывала англійскаго и прусскаго королей объединить свои силы, чтобы не допустить на нѣмецкую территорию вторженія иностранныхъ войскъ, откуда бы они ни исходили.

Этотъ договоръ, подписанный 16 января 1756 года въ Вестминстерѣ, не далъ Фридриху всѣхъ тѣхъ преимуществъ, которыхъ онъ добивался, но позволилъ ему всетаки одурачить бѣднаго герцога Нивернэ, пріѣхавшаго между тѣмъ въ Берлинъ. Фридрихъ убѣдилъ его, что своими соглашениями съ Англійей онъ «оказалъ существенную услугу Франціи», получивъ возможность задержать или во всякомъ случаѣ стѣснить дѣйствія шестидесяти тысячъ русскихъ и столькихъ же австрійцевъ; въ то же время онъ вошелъ съ посломъ въ техническое обсужденіе вопроса о возможномъ нападеніи Франціи на Англію. Очень серьезнымъ тономъ онъ разбиралъ вмѣстѣ съ нимъ шансы Франціи на успѣхъ и указывалъ на необходимыя для этого мѣры¹. Сверхъ того,—и на этотъ разъ, какъ мнѣ кажется, вполне искренно² онъ надѣялся, что Вестминстерскій договоръ

¹ Письмо Нивернэ къ Рулье отъ 31 янв. 1756 г. Архивъ фран. Мин. Ин. Дѣлъ. Пруссія. Ср. Waddington, «Louis XV et le renversement des alliances», стр. 218.

² Вопреки Леману (Lehmann, «Friedrich der Grosse und der Ursprung der siebenjährigen Krieger», 1894 г.); Дельбруку (Delbrück, «Der Ursprung des siebenjährigen Krieger», «Preuss. Jahrbücher», т. LXXIX, стр. 245); Луквальдту (Luckwaldt, «Die Westminster Convention», тамъ же, т. LXXX, стр. 230 и сл.), я скорѣе согласенъ въ данномъ случаѣ съ Фольцемъ (Volz, «Kriegsführung

послужить препятствіемъ для общеевропейской войны. Онъ очень долго сохранялъ странныя иллюзіи относительно значенія этой конвенціи. Гордясь тѣмъ, что онъ однимъ почеркомъ пера «предоставилъ Англій и Франціи продолжать, какъ они знаютъ, *ихъ тресковую войну* (*leur guerre de merluches*), досадилъ венгерской королевѣ, унижилъ Саксонію и привелъ въ отчаяніе канцлера Бестужева», онъ разсчитывалъ въ то же время сохранить добрыя отношенія съ Версальскимъ дворомъ. Посылая въ декабрѣ 1756 года въ Константинополь своего адъютанта Варенна, онъ направилъ его къ маркизу Верженну, а въ мартѣ 1756 года предписывалъ своему посланнику въ Лондонѣ Митчеллю добиваться того, чтобы Англія примирила его съ Россіей! Онъ находилъ, что Вестминстерскій договоръ долженъ былъ естественно къ этому привести ¹.

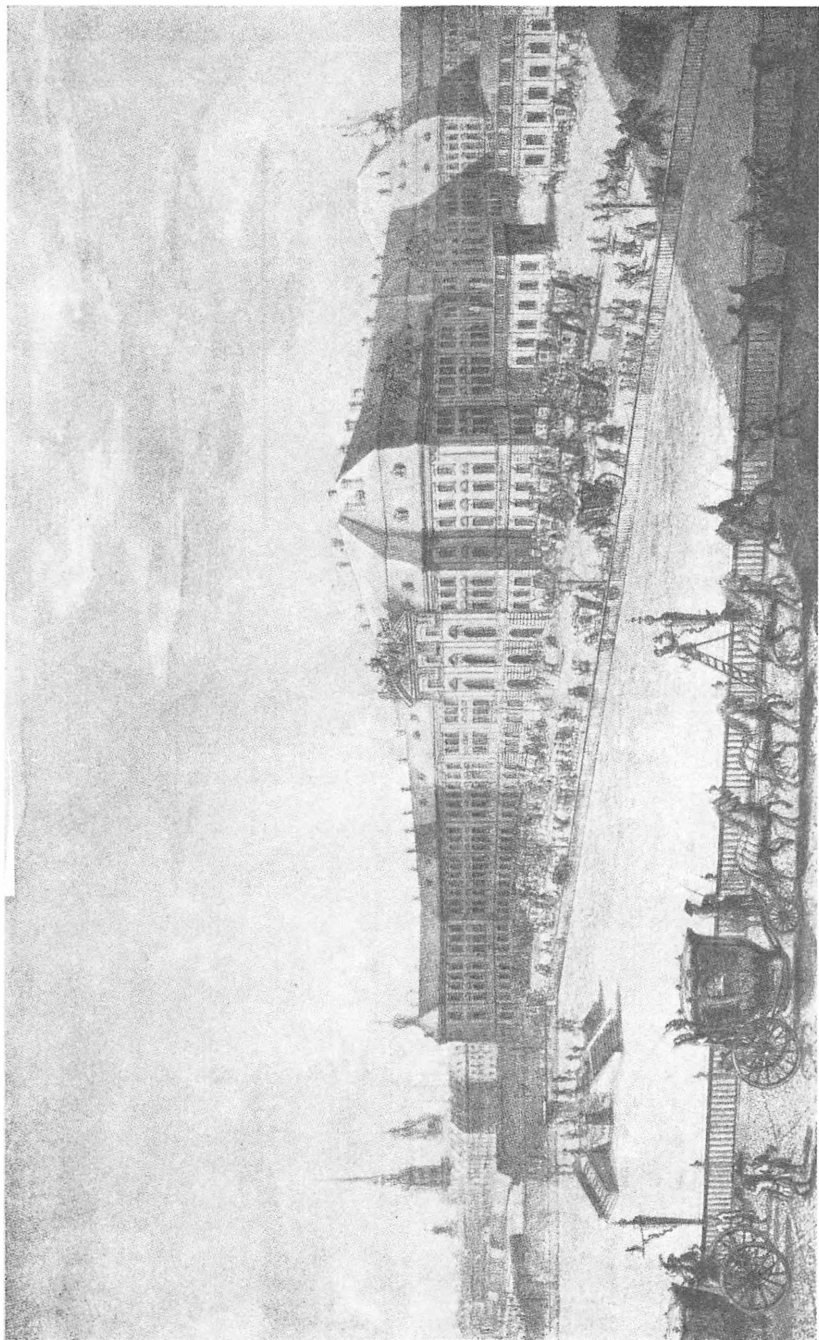
Нѣмецкіе историки признаютъ, что его взглядъ на трагическое положеніе Пруссіи былъ удивительно недалководенъ и неглубокъ.

Извѣстіе о Вестминстерской конвенціи пришло въ Петербургъ въ февралѣ 1756 года, два дня спустя послѣ ратификаціи англо-русскаго договора. Оно произвело впечатлѣніе громаваго удара. Напрасно Уильямсъ ссылаясь на Голдернесса, говоря, что оба обязательства, взятые на себя Англійей, вполнѣ примиримы, если даже предполагать, что Фридрихъ имѣетъ «какія либо злостныя намѣренія». Елизавета засыпала Бестужева упреками; всѣ его товарищи считали его виновникомъ происшедшаго, и онъ былъ принужденъ отвѣтить на заявленіе Уильямса «секретнѣйшей деклараціей», въ которой его дворъ объявлялъ Лондонскому, что русскія войска не могутъ быть употреблены ни въ Нидерландахъ, ни еще менѣе въ Ганноверѣ, но должны быть направлены исключительно противъ прусскаго короля. Въ указѣ, посланномъ одновременно князю Голицыну, русскому послу въ Лондонѣ, канцлеръ, правда, старался смягчить значеніе этого документа. Установивъ въ очень пространныхъ выраженіяхъ несовмѣстимость англо-русскаго договора съ новымъ

---

und Politik König Friedrichs des Grossen in den ersten Jahren des siebenjährigen Krieges», 1896, стр. 3 и сл.), съ Ноде «Naudé («Friedrich der Grosse vor dem Ausbruch des siebenjährigen Krieges», «Hist. Zeitschrift», т. LV, стр. 404 и сл., 425 и сл.) и съ Козеромъ (Koser. «König Friedrich der Grosse», 1893, т. I, стр. 584). Ср. Valory, «Mémoires», т. I, стр. 303.

¹ «Pol. Corresp.», т. XII, стр. 8, 19, 28, 205, 225.

Зимній дворець съ Адмиралтейскаго луга.

Съ рисунка М. И. Махлова 1753 г.

(Императорская Академія Художествъ).

соглашеніемъ, въ которое только что вступила Англія по отношенію къ Россіи, какъ и съ тѣмъ, что связывало Россію съ Австріей, онъ выражалъ надежду, что Сенъ-Джемскій дворъ придетъ къ болѣе справедливому пониманію своихъ обязательствъ¹. Но Коллегія иностранныхъ дѣлъ не была склонна къ подобнымъ полумѣрамъ. Призванная высказать свое мнѣніе, она произнесла его рѣзко и открыто. Елизавета, согласно преданію, въ первую минуту гнѣва разорвала только что подписанный ею договоръ и бросила обрывки пергамента на полъ, а Коллегія заявила, что англо-русскій договоръ уничтожается Вестминстерской конвенціей. Бестужевъ пробовалъ было замѣтить, что, согласившись на субсидіи, Россія не имѣетъ права указывать, противъ кого должны быть употреблены ея войска. Субсидіи были ему особенно дороги: «Что же до платежа англійскихъ субсидій принадлежитъ, то подлинно не надлежитъ о томъ домогаться; но когда англійскій дворъ ихъ самъ платитъ станетъ, то принимать съ *индифферентностью*» (sic)². Но совѣтъ Бестужева былъ признанъ неприемлемымъ. Англійское правительство, въ свою очередь, отнеслось высококомѣрно къ неудовольствію Россіи. Голдернессъ отослалъ декларацію назадъ, поручивъ Уильямсу сказать, что договоръ, ратификованный императрицей, «не нуждается въ комментаріяхъ»³. Обѣ стороны шли къ явному разрыву.

Извѣстно, какое впечатлѣніе произвели эти событія въ Версалѣ. Еще въ мартѣ 1756 года Бестужевъ почувалъ, что между Франціей и Австріей ведутся переговоры о союзѣ, на который теперь никто уже не смотритъ, какъ на слѣдствіе личной мести маркизы Помпадуръ или любовныхъ свиданій въ «Babiolle». И,

¹ «Архивъ кн. Воронцова», т. III, стр. 333; см. также относительно этого эпизода Brückner, «Russische Actenstücke zur Geschichte des Jahres 1756», «Baltische Monatschrift», т. XXI, стр. 309. Ср. Дешешу Голдернесса Уильямсу отъ 26 дек. 1755 г., Record-Office; депешу Уильямса къ Голдернессу отъ 19 февр. 1756 г., тамъ же (русская декларація присоединена къ этой депешѣ); депешу Эстергази Маріи-Терезіи отъ 25 февр. 1756 г. Вѣнскій архивъ, на нѣмецкомъ языкѣ; депеши его же къ Кауницу отъ 17 февр. и 29 марта 1756 г., тамъ же; Waddington, «Louis XV et le renversement des alliances», стр. 225, невѣрно предполагаетъ, что англо-русскій договоръ былъ ратификованъ уже послѣ того, какъ пришло извѣстіе о новой англо-русской конвенціи.

² «Архивъ кн. Воронцова», т. III, стр. 368 и сл.

³ Дешеша Голдернесса къ Уильямсу отъ 30 марта 1756 г., Record-Office.

бесѣдуя съ Эстергази, русскій канцлеръ успѣшилъ выразить надежду, что Австрія не пожелаетъ «einseitig zu Werk gehen»¹. Но посолъ Маріи-Терезіи былъ плохо освѣдомленъ о томъ, что происходило въ Вѣнѣ. Онъ только черезъ нѣсколько недѣль получилъ инструкцію, которая дѣлаетъ честь Вѣнскому кабинету, такъ она ясно, искренно и убѣдительно составлена. Планъ будущей коалиціи противъ Фридриха намѣчается въ ней съ поразительною отчетливостью. И дѣйствительно: Австрія вела съ Франціей переговоры только объ оборонительномъ союзѣ; но, намѣреваясь напасть на прусскаго короля, она Россіи предлагала наступательный союзъ: оружіе она рѣшила положить не раньше, какъ Марія-Терезія вернетъ себѣ Силезію и графство Глацское. Россія же могла, въ свою очередь, завоевать Восточную Пруссію, которую впоследствии передала бы Польшѣ, расширивъ, взаимнѣ того, свои границы со стороны Украйны.

Вопросъ о томъ, что инициатива этого союза принадлежала Австріи, тоже вызвалъ разногласіе среди историковъ, что объясняется, на мой взглядъ, довольно просто. Эстергази, хлопотавшій о секретной аудіенціи, на которой онъ могъ бы сообщить императрицѣ о полученныхъ имъ инструкціяхъ, былъ принятъ ею лишь 25 марта 1756 года. А за нѣсколько дней до этого онъ написалъ въ Вѣну, что въ совѣтѣ Елизаветы рѣшено не упускать удобнаго случая для того, чтобы вернуть владѣнія прусскаго короля къ ихъ прежнимъ границамъ, и,—если отношенія съ Франціей позволяютъ это,—двинуть противъ него восьмидесятитысячную армію. Въ то же время Бестужевъ предупредилъ посла Маріи-Терезіи, что вскорѣ ему будетъ сдѣлано въ этомъ смыслѣ официальное предложеніе. Протоколъ конференціи 14 марта 1756 года сохранился, и мы видимъ, что на ней дѣйствительно было принято это рѣшеніе, при чемъ не указано, чтобы оно являлось отвѣтомъ на предложеніе со стороны Австріи. Конференція говоритъ, напротивъ, о томъ, что Россіи необходимо самой начать съ Австріей переговоры о заключеніи наступательнаго союза, и ссылается на инструкцію, полученную Эстергази, какъ на доказательство того, что Вѣнскій дворъ раздѣляетъ намѣренія С.-Петербуржскаго двора.

¹ Денеша Эстергази Кауницу отъ 16 марта 1756 г. Вѣнскій архивъ, на нѣмецкомъ языкѣ.

Дѣло вотъ въ чемъ. Послѣ того, какъ австрійскій посолъ былъ принятъ Елизаветой, вопросъ о союзѣ сталъ внѣ спора. При первыхъ же словахъ Эстергази, императрица заявила ему, что она намѣрена («im Begriff») предоставить его двору проектъ союза, который желателенъ и Вѣнѣ. Она хочетъ напасть на прусскаго короля еще въ нынѣшнемъ году, даже если Франція откажется принять участіе въ войнѣ. Вслѣдъ за этимъ, 10 апрѣля, при дворѣ опять собралась конференція, по выходѣ изъ которой Бестужевъ сказалъ Эстергази, что Россія намѣрена не только занять Восточную Пруссію и спалить ее огнемъ («zu sengen und zu brennen»), но и двинуть значительную армію къ Одеру¹. На слѣдующую конференцію, созванную одиннадцать дней спустя, былъ приглашенъ и австрійскій посолъ, и здѣсь онъ сдѣлалъ заявленіе, которое сбило съ толку нѣкоторыхъ историковъ. Вѣнскій дворъ хотѣлъ вести дѣло такъ, чтобы Фридрихъ казался зачинщикомъ затѣванной противъ него войны, потому что тогда Франція была бы обязана въ нее вмѣшаться. Эстергази потребовалъ поэтому абсолютной тайны относительно сдѣланнаго имъ предложенія и такъ упорно на этомъ настаивалъ, что, хотя предложеніе Австріи и послужило основаніемъ для будущаго союза, но Елизавета и ея правительство согласились игнорировать его официально и при дальнѣйшихъ переговорахъ дѣлали видъ, что инициатива союза исходитъ отъ Россіи.

Это и дало нѣкоторымъ моимъ предшественникамъ поводъ предполагать, что соглашеніе съ Австріей, имѣвшее такія роковыя послѣдствія, было задумано въ Россіи, и что она дала первый толчокъ для начала жестокой войны, въ теченіе семи лѣтъ заливавшей Европу кровью².

Вскорѣ возникъ вопросъ о приступленіи С.-Петербургскаго двора къ трактату, о которомъ шли переговоры между Вѣной и Версалемъ, и, начиная съ этой минуты, Россія загорѣлась

¹ Денеша Эстергази къ Маріи-Терезіи отъ 22 апрѣля 1756 г. Вѣнскій архивъ, на нѣмецкомъ языкѣ.

² Arneth «Geschichte Maria-Theresia's», т. IV, стр. 24 и сл.; ср. Ranke, «Der Ursprung des siebenjährigen Krieges», 1871 г., стр. 139 и сл.; Beer, «Hist. Zeitschrift», 1872 г., т. XXVII, стр. 362 (исслѣдованіе предыдущей работы); Koser, «König Friedrich der Grosse», 1893 г., т. I, стр. 590; Lehmann, «Friedrich d. Grosse und der Ursprung d. siebenjährigen Krieges», 1888 г. стр. 27; «Архивъ кн. Воронцова», т. III, стр. 384.

воинственнымъ жаромъ, который показался въ Вѣнѣ чрезмѣрнымъ или во всякомъ случаѣ преждевременнымъ. Прежде чѣмъ нападать на Пруссію, Марія-Терезія хотѣла извлечь изъ договора съ Франціей, подписаннаго ею въ маѣ 1756 года, тѣ выгоды, которыя онъ неизбѣжно и естественно долженъ былъ принести, но которые не были включены въ его условія. Помощи одной Россіи ей было недостаточно, тѣмъ болѣе, что она ждала со стороны С.-Петербургскаго двора просьбъ о субсидіи. И хотя она вмѣстѣ съ Кауницемъ рѣшила, что Россія эту субсидію получить, но хотѣла, чтобъ ее заплатила Франція, и для этого ей надо было вступить съ Версальскимъ дворомъ въ дополнительные переговоры. Императрица-королева и ея министръ всячески старались поэтому повліять на Россію, чтобы она не слишкомъ торопилась и не начала раньше срока военныхъ дѣйствій противъ Фридриха ¹. И только въ августѣ 1756 года, когда посолъ прусскаго короля, Клинггреффенъ, представилъ Маріи-Терезіи грозный ультиматумъ, а она какъ разъ въ это время получила извѣстіе изъ Компьени отъ Штаремберга о благополучномъ исходѣ его переговоровъ съ Франціей ²,—Кауницъ поручилъ Эстергази требовать вооруженнаго вмѣшательства Россіи, гарантируя ей субсидію въ два милліона флориновъ ³. До этого, только одинъ Петербургскій дворъ, подстрекаемый Саксоніей, выражалъ желаніе немедленно сразиться съ Фридрихомъ, и даже самъ Бестужевъ, перемѣнивъ тактику, заговорилъ о томъ, что вскорѣ «русскій медвѣдь пустится въ плясъ» и «надѣлаетъ хлопотъ прусскому королю» ⁴.

Это настроеніе прусскаго канцлера было, впрочемъ, непродолжительно. Австрійская система, которой онъ держался до сихъ поръ, потеряла для него все свое обаяніе послѣ того, какъ англійскія гиней перестали поднимать ея цѣну въ его

---

¹ Депеша Кауница къ Эстергази отъ 22 мая 1756 г. Вѣнскаго архива. Ср. Arneht, «Geschichte Maria-Theresia's», т. V, стр. 476 и Schulenburg, «Einige neue Actenstücke über die Veranlassung d. siebenjährigen Krieges», 1841 г., стр. 37.

² Депеша Штаремберга къ Кауницу отъ 20 августа 1756 г. Вѣнскаго архива.

³ Депеша Кауница къ Эстергази отъ 22 августа 1756 г. Вѣнскаго архива. Ср. Arneht, «Geschichte Maria-Theresia's», т. V, стр. 48, примѣчаніе.

⁴ Herrmann, «Sachsisch-polnische Beziehungen während d. siebenjährigen Krieges», «Preussische Jahrbücher», т. XLVII, стр. 562.

глазахъ. И въ іюлѣ 1756 года Бестужевъ почувствовалъ раскаяніе, выразившееся въ просьбѣ о пенсіи, съ которой онъ обратился къ Уильямсу; въ то же время и великая княгиня, сблизившаяся теперь съ канцлеромъ, стала хлопотать у англійскаго посланника о ссудѣ въ десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ. На ссуду въ Лондонѣ согласились, а для уплаты пенсіи поставили необходимымъ условіемъ, чтобы канцлеръ вернулъ русскую политику къ ея прежнему направленію ¹.

Но это значило требовать невозможнаго. Утративъ свой престижъ дипломатической непогрѣшимости послѣ сдѣланной имъ непростительной ошибки, когда онъ убѣдилъ императрицу подписать договоръ, совершенно противный ея намѣреніямъ; затравленный политическими врагами; брошенный друзьями; лишенный необходимой помощи послѣ отъѣзда Функа, отозванія котораго добился Уильямсъ, — Бестужевъ потерялъ почву подъ ногами посреди новыхъ вѣяній, охватившихъ его страну. Онъ не отказывался отъ желанія и надежды заставить когда-нибудь Россію повернуть назадъ, но пока долженъ былъ плыть по теченію, стремясь лишь къ тому, чтобы удержаться у власти и создать себѣ хоть временные источники дохода. Получивъ отказъ отъ Уильямса, онъ сталъ ухаживать за Эстергази, внушая ему, что помощь русской арміи безусловно стоитъ двѣнадцати тысячъ червонцевъ, которые слѣдовало бы раздѣлить между обоими русскими канцлерами: великій канцлеръ при этомъ всетаки остался бы въ убыткѣ, такъ какъ принужденъ былъ пожертвовать ста тысячами рублей англійскихъ денегъ!

И въ общемъ все это привело къ тому, что Дугласъ встрѣтилъ при своемъ возвращеніи въ Петербургъ такой пріемъ, на который не смѣлъ и рассчитывать.

III.

Дугласъ и Бехтѣевъ. Версальскій договоръ.

Дугласъ появился въ Петербургѣ въ концѣ апрѣля 1756 г., какъ разъ въ то время, когда Вѣнскій дворъ склонялъ Россію къ рѣшенію, совпадавшему съ порученіями, съ которыми пріѣхалъ французскій агентъ. И—хотя это считалось до сихъ поръ

---

¹ Дешпа Уильямса Голдернессу отъ 9 іюля 1756 г. секретно, дешпа Голдернесса Уильямсу отъ 6 августа 1756 г., секретно; Record-Office.

достовернымъ—его не сопровождалъ на этотъ разъ пресловутый д'Эонъ, который, согласно легендарнымъ рассказамъ, игралъ будто бы еще при первомъ приѣздѣ Дугласа въ Россію романтическую и важную роль. Гальярде не можетъ приписать себѣ даже чести созданія этой басни, такъ какъ мы находимъ ея слѣдъ въ запискахъ г-жи Кампанъ и въ другомъ болѣе раннемъ изданіи, относящемся къ 1785 году (*l'Espion anglais*). Какъ я ни цѣню преданія, я не могу принимать на вѣру тѣхъ изъ нихъ, ложность которыхъ доказана; поэтому я оставляю въ сторонѣ картинныя подробности, произвольно введенныя въ эту главу исторіи, тѣмъ болѣе, что она достаточно любопытна и характерна и внѣ всякаго вымысла. Д'Эонъ никогда не состоялъ фрейлиной Елисаветы и не служилъ лектриссой у государыни, которая никогда не читала. Онъ не носилъ женскаго платья въ Россіи и приѣхалъ туда въ первый разъ лишь въ августѣ 1756 года, четыре мѣсяца спустя послѣ Дугласа. По своимъ официальнымъ обязанностямъ онъ былъ простымъ курьеромъ, которому поручались депеши, правда, очень важныя, такъ какъ въ нихъ шла рѣчь о присоединеніи Россіи къ Версальскому договору, послужившему основаніемъ будущей коалиціи. Впослѣдствіи его рѣшили оставить въ Петербургѣ, въ качествѣ секретаря Дугласа и мелкаго агента тайной дипломатіи.

Итакъ, онъ былъ величина не крупная; но, проѣзжая черезъ Германію, онъ держалъ такія странныя рѣчи и такъ ловко сумѣлъ раздуть свою роль, что иллюзіи на его счетъ сохранились отчасти и до нашихъ дней. Дипломатъ, поставленный во главѣ французской миссіи, долженъ былъ ступеваться предъ своимъ подчиненнымъ, и скромная личность Дугласа—эта небольшая звѣздочка, засвѣтившаяся на горизонтѣ новаго франко-русскаго соглашенія,—почти потухла въ яркихъ лучахъ появившейся рядомъ съ ней кометы. Д'Эону удалось, впрочемъ, пустить пыль въ глаза и самому Дугласу: онъ прибылъ въ Петербургъ, выдержавъ въ пути страшную бурю, подробности которой онъ описываетъ слѣдующимъ образомъ:

«Нашъ бѣдный капитанъ, котораго англичане навѣрное не выбрали бы въ преемники адмирала Бинга, совсѣмъ растерялся. Онъ искалъ компасъ, который навѣрное покоился мирнымъ сномъ вмѣстѣ съ его пушками, и, не зная, гдѣ находится, удовольствовался тѣмъ, что заперъ насъ всѣхъ обманомъ въ сво-

ей каютѣ, велѣлъ спускать паруса, ругался съ матросами, топалъ ногами не хуже датскаго жеребца, находившагося на нашемъ кораблѣ и предназначеннаго для великаго князя; и, сливая свой ужасный голосъ съ лаемъ семнадцати датскихъ договъ и блеяніемъ одной англійской овцы, тоже находившихся на нашемъ кораблѣ и тоже предназначавшихся для великаго князя, кричалъ изо всѣхъ силъ: «Omingotte!» (Mein Gott?). Въ

Князь Василій Владиміровичъ Долгорукій.

Съ портрета Я. И. Аргунова и гравюры В. Храпцова.

ногахъ у меня были англійскіе, нѣмецкіе и другіе пассажиры, которые чувствовали себя такъ плохо, что можно было подумать, они взяли на себя поставку пищи для морскихъ рыбъ... Впрочемъ, я пріѣхалъ бодръ и свѣжъ, точно проѣхался не дальше Сенъ-Клу... Кавалеръ Дугласъ, видя, какъ я схожу съ корабля ^{со шлюзомъ} ~~съ шлюзомъ~~ на боку, со шляпой подъ мышкой, въ бѣлыхъ чулкахъ и съ напудренной какъ слѣдуетъ головою, по-

думалъ, что передъ нимъ Парижскій щеголь, только что вышедшій изъ галюта у подножія Понъ-Рояля, чтобы прокатиться по Тюильери»¹.

Шотландецъ былъ, разумѣется, въ восторгѣ отъ такого важнаго и элегантнаго сотрудника, но, къ сожалѣнію, онъ не могъ предложить ему пока никакой работы. Онъ самъ выдавалъ себя въ Россіи за простаго путешественника, хотя на этотъ разъ онъ и заручился письмомъ Рулье къ Воронцову, указывавшимъ на его полномочія. Кромѣ того онъ передалъ вице-канцлеру записку, содержащую личное и секретное сообщеніе Людовика XV Елизаветѣ. Довольно некстати, король начиналъ въ ней съ того, что возобновилъ программу печальной памяти Шетарди и совѣтовалъ царицѣ прогнать министра, «который открыто передъ лицомъ всей Европы приносить въ жертву славу своей государыни и истинные интересы своей родины». Но вслѣдъ за этимъ неудачнымъ вступленіемъ шло откровенное предложеніе возобновить дипломатическія сношенія между обѣими странами. Елизавета дала на эту записку отвѣтъ, какого и слѣдовало ожидать. Въ своемъ письмѣ къ королю, помѣченномъ 7 мая 1756 года, она, ни словомъ не упоминая о Бестужевѣ, говорила, что «съ особеннымъ удовольствіемъ» узнала о личныхъ чувствахъ короля къ ней и была очень рада «видѣть хорошее расположеніе его величества къ возстановленію добраго согласія и тѣсной дружбы между обоими дворами»... Она ждала только случая увѣрить короля въ своихъ чувствахъ къ нему, неизмѣнно ею сохраненныхъ, и охотно соглашалась на взаимное назначеніе «министровъ съ посольскимъ характеромъ; съ этою цѣлью она уже назначила въ соотвѣтствіе присылки Дугласа отправить во Францію русскаго агента².

Все это было полно обѣщаній для будущаго. Но пока личное положеніе Дугласа оставалось всетаки очень затруднительнымъ. Иванъ и Петръ Шуваловы, знавшіе о подготовлявшемся сближеніи съ Франціей, относились къ французскому эмиссару съ большимъ почетомъ. Оба Разумовскіе, Нарышкины, Голи-

¹ Письмо д'Эова къ Майлье отъ 7 августа 1756 г. С.-Петербургъ. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ, Россія, прибавленіе, т. VIII, л. 326.

² Депеша Дугласа Терсье отъ 12 (23) мая 1756 г. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ, Россія; прибавленіе т. VIII. Ср. «Архивъ вк. Воронцова», т. III, стр. 415. Примѣчанія Воронцова, напечатанныя въ этомъ томѣ, вполне подтверждаютъ донесенія Дугласа.

цыны, Чернышевы, Шереметевы, баронъ Строгановъ, генераль Бутурлинъ и другіе представители высшаго свѣта и интимнаго кружка Елизаветы, тоже догадывавшіеся о цѣли пріѣзда Дугласа, оказывали свое вниманіе таинственному иностранцу. Но именно эта его таинственность и создавала нѣкоторую натянутость въ обращеніи съ нимъ. Никто не зналъ, за кого собственно его принимать, и онъ самъ не зналъ, за кого выдавать себя. Воронцову онъ представился шутя въ качествѣ «комиссіонера по продажѣ винъ» и довѣреннаго лица принца Кюнти. Но онъ не имѣлъ никакого опредѣленнаго званія или чина, необходимыхъ, чтобы явиться ко двору. Елизавета желала, чтобы Бестужевъ не зналъ о порученіи, данномъ Дугласу, «пока все дѣло не будетъ окончено». Поэтому онъ не могъ играть въ Петербургѣ никакой официальной роли. Наконецъ, онъ былъ англійскимъ подданнымъ и въ силу этого подчинялся британскимъ законамъ. А Уильямсъ не скрывалъ своего намѣренія напомнить ему объ этомъ. Чтобъ принять рѣшительныя мѣры противъ шотландца, онъ ждалъ только приказаній изъ Лондона, куда уже послалъ по этому поводу запросъ.

Читатели *записокъ* Мессельера склонны нѣсколько преувеличивать опасности, которымъ подвергался бѣдный «комиссіонеръ», и я думаю, что, если бы ему дѣйствительно грозило быть убитымъ¹, то онъ упомянулъ бы объ этомъ хоть мимоходомъ въ своей перепискѣ. А онъ жаловался въ ней только на неприятности и затрудненія менѣе трагическаго характера, на которыя ему, вслѣдствіе неофициальности его положенія, приходилось наталкиваться на каждомъ шагу; онъ настойчиво просилъ, чтобъ во Франціи положили этому конецъ. Странное дѣло—онъ видимо не догадывался о причинѣ, заставлявшей Версальскій дворъ отказывать ему въ его требованіи, хотя понять ее было нетрудно: Франція упрямо не хотѣла назначить первая въ Россію посла. И лишь въ концѣ 1756 года къ Дугласу былъ отправленъ курьеръ съ вѣрительною грамотой, дававшей безъименному дипломату званіе полномочнаго министра: въ Парижъ наконецъ пріѣхалъ русскій агентъ, о которомъ писала Елизавета.

Это былъ Федоръ Дмитріевичъ Бехтѣевъ, приближенный Воронцова. Онъ довольно долго жилъ за-границей и считался

¹ Vandal, «Louis XV et Elisabeth», стр. 269.

человѣкомъ разсудительнымъ и осторожнымъ. Свою осторожность онъ блестяще показалъ на дѣлѣ, представивъ вице-канцлеру передъ отъѣздомъ рядъ подробныхъ вопросовъ, на которые онъ потребовалъ точнаго отвѣта по всѣмъ пунктамъ:

— Ежели французское министерство потребуетъ отъ меня, чтобы я оному, такъ же какъ и Дукласу, подалъ на письмѣ— съ чѣмъ я присланъ?

— Можно сочинить меморіалъ на имя г. Рулье, по содержанию инструкціи и даннаго здѣсь отвѣта г. Дукласу.

— Въ словахъ же и, если приказано будетъ, на письмѣ, употреблять ли сіи термины: что я присланъ отъ ея императорскаго величества и что я по ея высочайшему повелѣнію предложенія чиню, или только: съ соизволенія ея величества отъ вашего сіятельства отправленъ и отъ васъ приказано мнѣ?

— Сии послѣднія слова можете употреблять, что по высочайшему соизволенію ея императорскаго величества вы отъ меня отправлены и къ г. Рулье прямо адресованы; дабы чрезъ него король извѣстенъ былъ о сентиментахъ и склонностяхъ здѣшняго двора къ возстановленію дружбы и корреспонденціи.

— Если спросятъ о заключенной конвенціи нашей съ англичанами?

— Сей пунктъ весьма деликатенъ, и хотя Франція повидимому алчно вѣдать желаетъ, токмо о немъ ни въ какую экспанцію вступать не должно, а сказать можно, что отъ обстоятельства дѣлѣ и времени многія въ свѣтѣ обращенія происходятъ и зависятъ; токмо ея императорское величество есть вѣрный другъ своимъ союзникамъ, и безъ наиважнѣйшей причины отмѣнять оныя не изволитъ.

— Какимъ образомъ отзываться о трактатѣ, заключенномъ между Англіей и королемъ прусскимъ?

— На сіе можно сказать: заключенный трактатъ между королями англійскимъ и прусскимъ, по причинѣ неожиданной здѣсь вѣдомости, немалое удивленіе здѣсь причинилъ и что о томъ нѣкоторыя изъясненія съ аглинскимъ дворомъ чинятся.

— О планѣ соединенія обоихъ дворовъ, который во второй Дукласовой промеморіи предложенъ отъ принца Контія, въ какой силѣ изъясняться?

— Чтобъ онъ о содержаніи онаго прежде точно объявилъ вамъ или здѣсь черезъ г. Дукласа представилъ, а инако, не знавъ содержанія, ничего напередъ объявить не можно ¹.

Бехтѣву было предписано, кромѣ того, внушать Версальскому двору, что Россія отказывается отъ англійскихъ субсидій «въ уваженіе постоянно подаваемыхъ со стороны императрицы-королевы обнадеживаній, что французскій король будетъ болѣе, чѣмъ Англія, готовъ вступить въ виды Россіи». Онъ долженъ былъ настаивать на необходимости немедленнаго и полного соглашенія между обоими дворами, не указывая, впрочемъ, на характеръ этого соглашенія. А если бы французскіе министры стали настаивать на томъ, чтобы онъ объяснился подробнѣе, онъ долженъ былъ отослать ихъ къ графу Штарембергу, съ которымъ былъ обязанъ дѣйствовать во всемъ сообща, слѣдуя его совѣтамъ и даже выдавая себя за его подчиненнаго ².

Задача Бехтѣва была заранѣе очень облегчена ему: Версальскій договоръ удивительно сблизилъ Парижъ и Петербургъ, еще недавно отдѣленные такимъ далекимъ разстояніемъ. Но на первыхъ порахъ русскому дипломату пришлось натолкнуться всетаки на тѣ же неудобства, что и Дугласу въ Россіи. Во-первыхъ, сейчасъ по пріѣздѣ его встрѣтилъ Мишель съ порученіемъ отъ Конти. Принцъ хотѣлъ видѣть Бехтѣва прежде, чѣмъ тотъ переговоритъ съ Рулье, и предостерегалъ его противъ министра: Онъ «велѣлъ мнѣ сказать,—пишетъ Бехтѣевъ,—что увидя, съ чѣмъ я пріѣхалъ, онъ тотчасъ примется за дѣло и станетъ докладывать королю, притомъ накрѣпко рекомендовалъ остерегаться, чтобъ о томъ отнюдь г. Рулье не свѣдалъ; ибо ежели сей министръ то провѣдаетъ, скажетъ маркизѣ Помпадуръ, съ

Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ.

Съ портрета И. Варду и гравюры Н. Мамютина.

¹ «Архивъ кн. Воронцова», т. III, стр. 422.

² Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XXIV, стр. 70.

которою у принца не очень ладно, и стануть препятствовать для того только, что дѣло чрезъ его руки пойдетъ. Но вслѣдъ за Мишелемъ явился Терсье и пригласилъ бѣднаго Бехтѣва ѣхать съ нимъ немедленно въ Компьенъ, гдѣ ихъ ждалъ министръ. Рулье показался Бехтѣву наиболѣе разумнымъ изъ всѣхъ: но и тутъ его ждало разочарованіе. Получивъ письмо Воронцова, Рулье съ трудомъ старался разобрать его подпись.

«Когда я письмо подавалъ, — рассказываетъ Бехтѣвъ, — не узнавая имя вашего, спрашивалъ онъ у меня, отъ кого, упоминая притомъ имена его сіятельства канцлера и господъ Шуваловыхъ. На что я ему повторилъ, что то отъ вашего сіятельства... А какъ я у министра въ пятницу по приѣздѣ въ другоредъ былъ, учинилъ онъ мнѣ между прочимъ весьма странной и нечаянной вопросъ, а именно, при иностранныхъ ли дѣлахъ ваше сіятельство министромъ?»

Бехтѣвъ едва не упалъ въ обморокъ отъ изумленія. Но, обмѣнявшись съ министромъ нѣсколькими словами, онъ увидѣлъ, что тотъ повидимому ничего не знаетъ о первомъ путешествіи Дугласа, и что принцъ Конти былъ правъ, хвалясь, что эту поѣздку устроилъ онъ одинъ. Принцъ, стоявшій во главѣ тайной дипломатіи, передавалъ также Бехтѣву о выработанномъ имъ самимъ проектѣ союза съ Россіей, и выражалъ даже готовность ѣхать лично въ Петербургъ, чтобы добиться согласія Елизаветы. Предложеніе это было очень соблазнительно; но, къ сожалѣнію, получивъ необходимыя справки у Мишеля, Бехтѣвъ убѣдился, что проектъ принца явно враждебенъ австрійскому, а въ этомъ отношеніи инструкціи русскаго дипломата не допускали никакихъ компромиссовъ.

Новое препятствіе: переговоры съ министромъ, Бехтѣвъ хотѣлъ представиться королю. Но въ качествѣ кого онъ могъ явиться къ его величеству? Въ карманѣ у него лежала вѣрительная грамота въ родѣ той, что была послана и Дугласу. Но на ней не стояло числа, и ему было разрѣшено предъявить ее лишь въ тотъ день, когда французъ предъявитъ въ Петербургѣ свою. Оба двора подвигались навстрѣчу другъ къ другу очень осторожно, отмѣривая каждый свой шагъ, а въ смыслѣ этикета дипломаты всѣхъ странъ были всегда усердными подражателями Китая.

— Вы будете представлены королю подъ именемъ подполковника Россійскаго, — сказалъ Рулье смущенному дипломату.

— Но кажется, было бы съ моей стороны весьма непорочно назваться тѣмъ, чего мнѣ не пожаловано,—отвѣтилъ Бахтѣевъ.

Наконецъ, они условились, что, вернувшись изъ Компьени, Бехтѣевъ будетъ допущенъ на утренній пріемъ короля въ качествѣ «русскаго дворянина». Людовикъ XV дѣйствительно оказалъ ему честь «утирать» въ его присутствіи свои руки, затѣмъ, надѣвъ «сорочку», поданную ему дофиномъ, «убравшись со всѣмъ, пошелъ къ пульпету, стоящему въ головахъ у постели, для отправленія краткія молитвы» въ то время, какъ всѣ присутствующіе преклонили колѣно, и хотѣлъ уже пройти изъ своей спальни въ церковь, когда оберъ-камергеръ «дукъ» Флери указалъ ему на «русскаго дворянина». Его величество соблаговолилъ тогда замѣтить иностранца и спросилъ его, какъ здоровье императрицы. Поклонившись до земли, Бехтѣевъ не успѣлъ подняться, какъ король уже прошелъ мимо. Но короля смѣнилъ принцъ Конти. Не дождавшись Бехтѣева въ Парижѣ, онъ разыскалъ его во дворцѣ и цѣлый часъ не отпускалъ отъ себя. Этотъ разговоръ не удовлетворилъ однако ни одного изъ собесѣдниковъ. Бехтѣевъ вынесъ убѣжденіе, что принцъ хлопочетъ вовсе не о сближеніи съ Россіей: онъ на каждомъ шагу поминалъ Польшу, домогаясь, очевидно, наслѣдства Августа III. И путешествіе, которое онъ собирался совершить въ Петербургъ, повидимому, не имѣло иной цѣли¹.

Русскій агентъ рѣшилъ тогда сноситься съ однимъ Рулье и съ официальными представителями министерства. Но и они удивили его и обманули его въ ожиданіяхъ. Судя по тому, что ему приходилось слышать о нихъ въ Россіи, Бехтѣевъ представлялъ себѣ французовъ, какъ народъ легкомысленный, быстро поддающийся чужому вліянію, и думалъ, что ихъ нетрудно заставить плясать по своей дудочкѣ. А между тѣмъ онъ встрѣтилъ здѣсь людей, въ смыслѣ послѣдовательности и твердости въ отстаиваніи своихъ интересовъ себѣ равныхъ,—такъ, по крайней мѣрѣ, онъ утверждаетъ въ своихъ письмахъ.

Этотъ взглядъ на французскихъ дипломатовъ стоитъ того, чтобы его запомнить. Я думаю, что и послѣ Бехтѣева многимъ пришлось его раздѣлить.

¹ «Архивъ кн. Воронцова», т. III, стр. 159 и сл. Переписка Бехтѣева.

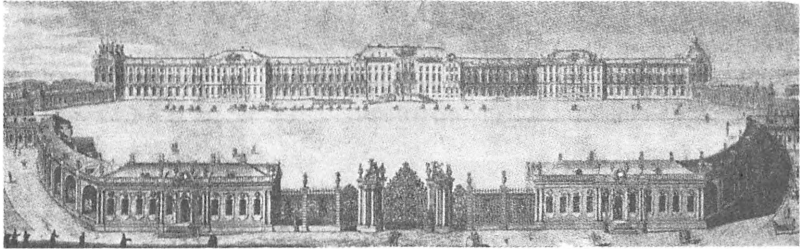
Между тѣмъ Бехтѣевъ сталъ замѣчать, что даже послѣ того, какъ онъ представилъ свои вѣрительныя грамоты, его попрежнему держать въ сторонѣ отъ переговоровъ и ведутъ ихъ, минуя его, непосредственно съ Вѣной. Это было вполне естественно въ виду того положенія, въ которое самъ С.-Петербургскій дворъ поставилъ своего агента по отношенію къ Бестужеву. Канцлеръ зналъ объ его отъѣздѣ и принималъ даже наружно участіе въ приготовленіяхъ къ его путешествію, но истинная цѣль посольства Бехтѣева была отъ него скрыта. Бехтѣевъ посылалъ Бестужеву для формы официальные рапорты, наполняя ихъ ничего не говорящими фразами, но, кромѣ того, онъ долженъ былъ еще отправлять другія донесенія Воронцову, которыя передавались непосредственно Елизаветѣ съ собственноручными примѣчаніями вице-канцлера. Бѣдный Бехтѣевъ совершенно терялся среди всѣхъ этихъ тонкостей, и видя, что никто не приписываетъ ему серьезной роли, потерялъ въ концѣ концовъ желаніе ее играть.

Однако, оставаясь въ Парижѣ до 1757 года, онъ имѣлъ удовольствіе сообщить своему двору о радушномъ приѣмѣ, который стали оказывать русскимъ сановникамъ и ихъ женамъ въ Версалѣ. Русскіе уже давно не появлялись при французскомъ дворѣ, а теперѣ ихъ видѣли здѣсь ежедневно. Московскія княгини допускались въ видѣ особой милости въ обыкновенныхъ платьяхъ въ спальню королевы, тогда какъ французскія дамы самыхъ знатныхъ родовъ должны были присутствовать на утреннемъ выходѣ въ парадныхъ костюмахъ. Даже маркиза Помпадуръ, вопреки предсказаніямъ принца Конти, была очень любезна къ русскимъ и устроила въ ихъ честь праздникъ въ своемъ парижскомъ домѣ.

Но хотя дипломатическія обязанности оставляли Бехтѣеву много свободнаго времени, онъ былъ все-таки очень занятъ. Онъ получалъ мало бумагъ и еще меньше ихъ подписывалъ, но зато цѣлыми днями исполнялъ порученія Елизаветы: бѣгалъ по магазинамъ, покупая «рукавицы», ленты, духи, «спирты, воды, помады, румяны», слѣдилъ за изготовленіемъ громаднаго туалетнаго зеркала въ шесть футовъ высоты въ рамѣ, работы Жермена, за которое спрашивали три тысячи ливровъ, а взяли пять тысячъ талеровъ; собралъ точныя справки, какъ мыть чулки въ простой водѣ безъ мыла, и какого фасона ихъ носятъ. «Чулки заказалъ; стрѣлки у нихъ новомодныя, шитыхъ стрѣлокъ болѣе не носятъ, для того, что показываютъ ногу толще». И, ку-

пивъ еще сверхъ всего карету и одноколку, онъ выѣхалъ, наконецъ, въ Россію. Одни парижскіе купцы замѣтили его исчезновеніе ¹.

Вниманіе дипломатическаго міра было обращено въ другую сторону. По той дорогѣ, по которой еще недавно проѣзжали, какъ странствующие рыцари, Бехтѣвъ, Дугласъ, Мишель и другіе безвѣстные агенты дипломатіи, теперь должны были вскорѣ прослѣдовать полномочные послы, окруженные пышною свитой. Князь Голицынъ въ Петербургѣ и маркизь Лопиталь въ Версалѣ получили приказаніе двинуться въ путь. И въ это время выступилъ еще третій путешественникъ, который всегда торопился и привыкъ идти широкой дорогой, не заботясь о томъ,

Видъ Большаго Царскосельскаго Дворца.

Изъ проспектовъ М. Махасва.

чтобъ его быстрыя движенія совпадали съ медленнымъ ходомъ дипломатическихъ комбинацій: очнувшись, наконецъ, отъ своихъ странныхъ иллюзій, Фридрихъ понялъ, къ какой страшной опасности привела его смѣлая и недалъновидная политика, и, какъ всегда, рѣшилъ идти напроломъ, начавъ первымъ борьбу, которая была теперь неизбѣжна. Въ августѣ 1756 года онъ неожиданно занялъ Саксонію, стараясь найти въ дипломатической перепискѣ разграбленнаго имъ архива Дрездена доказательства воинственныхъ замысловъ своихъ враговъ, а въ рядахъ саксонской арміи, принужденной сдаться, рекрутовъ для своего побѣдоноснаго войска.

Это было начало великой войны, о которой мечтали одинаково страстно и въ Петербургѣ, и въ Вѣнѣ. И это было также осу-

¹ «Архивъ князя Воронцова», т. VI, стр. 208 и сл. Переписка Бехтѣва напечатана въ томахъ III и VI этого изданія безъ всякой послѣдовательности.

ществование задуманнаго Кауницемъ плана, основаннаго на безусловно вѣрномъ пониманіи темперамента и генія человѣка, противъ котораго этотъ планъ былъ направленъ. Великій полководецъ сыгралъ безсознательно роль, предназначенную ему великимъ политикомъ. Онъ развязалъ руки Франціи и далъ Кауницу возможность вовлечь ее въ борьбу, въ которой ей нечего было дѣлать. Конечно ¹, съ той точки зрѣнія, что на войнѣ наступленіе всегда выгоднѣе оборонительнаго положенія, — Фридриху ничего другого и не оставалось дѣлать. Но онъ довелъ себя до этой войны, не отдавая себѣ въ этомъ отчета, въ приступѣ сомнамбулизма, свойственнаго людямъ, которые ищутъ удачи и счастья и, какъ онъ, избалованы счастьемъ. Онъ не видѣлъ, какъ образовались и сдѣпились звенья будущей грозной коалиціи, вскорѣ сжавшей его со всѣхъ сторонъ мертвою петлей. И ударами, которая начала наносить его армія въ Саксоніи и которые болѣзненно отзывались и въ Версалѣ и въ Петербургѣ, онъ самъ сковывалъ все крѣпче союзъ своихъ враговъ.

IV.

Присоединеніе Россіи къ Версальскому договору.

Политику Людовика XV упрекали — въ чемъ только ее не упрекали, впрочемъ² — за то, что она не сумѣла воспользоваться удобнымъ случаемъ и заключить съ Россіей непосредственный союзъ, который позволилъ бы обѣимъ державамъ не становиться въ зависимость отъ Австріи и даже положить, можетъ быть, конецъ начавшейся войнѣ, заставивъ Фридриха принять ихъ посредничество. При этомъ ссылаются обыкновенно на слова, сказанныя Елизаветой Дугласу, произвольно истолковывая ихъ въ этомъ смыслѣ, будто императрица была готова увлечь Версальскій дворъ на этотъ мирный путь, но натолкнулась на отказъ со стороны Франціи².

Смѣло утверждаю, что Елизавета никогда не помышляла объ этомъ, и могу завѣрить, что Людовикъ XV и его совѣтники сами

¹ См. по этому поводу Lehmann, «Friedrich der Grosse und der Ursprung des siebenjährigen Krieges», стр. 26 — 56; Naudé, «Friedrichs des Grossen Angriffspläne gegen Oesterreich». 1893, passim.

² Vandal, «Louis XV et Elisabeth», стр. 271—272.

навѣрное сдѣлали бы ей подобное предложеніе, если бы только могли надѣяться на ея согласіе. Французы, конечно, не хотѣли войны въ Европѣ, но Елизавета желала ея, и желала во что бы то ни стало. Она и согласилась такъ охотно на примиреніе съ Франціей только потому, что Австрія считала это примиреніе необходимымъ условіемъ осуществленія воинственныхъ замысловъ противъ Фридриха. И говоря Дугласу, что она «не нуждается въ третьемъ лицѣ—въ посредникѣ для своего соглашенія съ его королемъ», царица выдала въ этихъ словахъ лишь чувство обиды, вызванное въ ней тѣмъ, что въ переговорахъ, которые велись между Версалемъ и Вѣной, она не принимала никакого участія. Она сама была въ этомъ виновата, подчинивъ Бехтѣва Штарембергу, но теперь по непослѣдовательности, свойственной женщинамъ и на престолѣ, это причиняло ей досаду. Еще въ 1756 году Воронцовъ увѣрялъ Эстергази, что развѣзжавшіе съ депешами между Петербургомъ и Парижемъ Бехтѣевъ и Мишель не посвящены въ *главную тайну* ¹. А эта главная тайна и заключалась въ общей войнѣ трехъ державъ противъ Фридриха. Поэтому, единственнымъ предметомъ переговоровъ между Россіей и Франціей было присоединеніе Россіи къ Версальскому договору, чтобы начать эту войну. Въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ, никакой иной цѣли не преслѣдовали ². Вопросъ о мирномъ вмѣшательствѣ Россіи—но одной Россіи, а не въ союзѣ съ Франціей,—правда, возникалъ въ Петербургѣ на короткій срокъ, но личныя чувства Елизаветы и намѣренія ея министровъ были тутъ не причемъ: Уильямсъ въ сентябрѣ 1756 года предложилъ императрицѣ быть посредницей между Пруссіей и Австріей. Елизавета отвѣтила ему категорическимъ отказомъ ³, и въ дипломатическомъ отношеніи продолжала подчинять свою политику Австріи.

Это ненормальное положеніе вещей заставляло нетолько страдать самолюбіе русской императрицы. но и вызывало несрав-

¹ Деша Эстергази Кауницу отъ 20 іюля 1756 г. Спб. Вѣвскій архивъ; на французскомъ языкѣ.

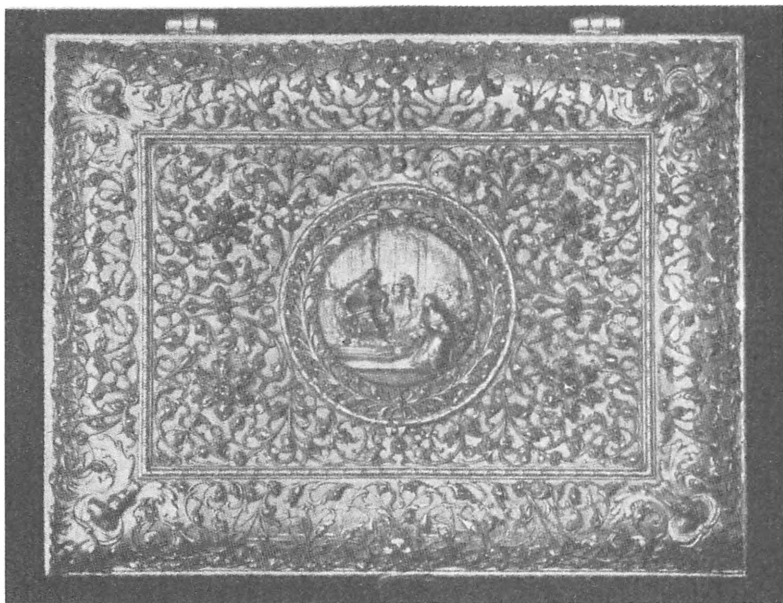
² Рескриптъ императрицы Бехтѣеву отъ 30 сентября 1756 г. Московскій архивъ. Отрывокъ изъ него хранится также въ Архивѣ франц. Мин. Ин. Дѣлъ. Смыслъ его не оставляетъ въ этомъ отношеніи никакихъ сомнѣній.

³ Деша Уильямса Митчелю отъ 18 сентября 1756 г. Петербургъ, «Pol. Sogger.», т. XIII, стр. 516. Деша Эстергази Кауницу отъ 27 сентября 1756 г. Вѣвскій архивъ, на нѣмецкомъ языкѣ; «Архивъ вн. Воронцова», т. III, стр. 462.

ненно болѣе крупное осложненіе, тѣмъ болѣе, что самъ Дугласъ очень часто не получалъ непосредственныхъ указаній отъ своего начальства и былъ въ сущности тоже отданъ подъ опеку Эстергази. И въ ту минуту, когда его переговоры съ Петербургскимъ дворомъ уже приходили къ концу, онъ, вслѣдствіе своей неосвѣдомленности, приготовилъ Франціи очень непріятный сюрпризъ. Чтобъ заключить съ Россіей оборонительный союзъ на случай войны, Версальскому двору пришлось пожертвовать Польшей. Вѣдь онъ не могъ не согласиться, что русскимъ войскамъ, намѣривавшимся напасть на Фридриха, было необходимо пройти черезъ владѣнія республики? Поэтому онъ рѣшилъ даже требовать пропуска русской арміи черезъ польскія земли. Но по отношенію къ Турціи онъ не желалъ сдѣлать той же уступки, такъ какъ интересы Порты могли быть задѣты болѣе серьезно въ предстоявшей войнѣ. Дугласа слѣдовало бы объ этомъ предупредить, а онъ получилъ лишь 27 ноября 1756 года депешу отъ Рулье, гдѣ министръ предписывалъ ему настаивать на томъ, чтобы Порта была формально исключена изъ *casus foederis* въ будущемъ договорѣ Россіи съ Франціей. Но эта депеша пришла слишкомъ поздно. Дугласъ успѣлъ уже войти въ соглашеніе съ русскимъ правительствомъ. Онъ боялся показаться несговорчивымъ, такъ какъ Бестужевъ, найдя себѣ новаго ментора, который былъ ему необходимъ для того, чтобъ поддерживать равновѣсіе между его поступками и намѣреніями, опять поднялъ голову и, получивъ отъ Эстергази четыре тысячи дукатовъ, собирался заработать вдвое больше на службѣ у Уильямса. Этотъ менторъ былъ самъ англійскій посолъ, который зналъ теперь, какъ воздѣйствовать на русскаго канцлера ¹. Съ другой стороны Дугласъ боялся вызвать неудовольствіе Елизаветы, которую все болѣе обидало отношеніе къ ней союзныхъ дворовъ. Эстергази велъ въ это время переговоры о новой конвенціи съ Франціей для совмѣстныхъ дѣйствій противъ прусскаго короля, причемъ вопросъ шелъ, главнымъ образомъ, о субсидіяхъ. Царицѣ по прежнему претило принимать деньги отъ другихъ державъ, однако и она должна была дать понять союзникамъ, что безъ субсидіи они не могутъ рассчитывать на существенную помощь съ

¹ Депеша Эстергази Кауницу отъ 22 окт. 1756 г. С.-Петербургъ. Вѣнскій архивъ, на нѣмецкомъ языкѣ. Депеша Уильямса Митчеллю отъ 28 сент. 1756 г. С.-Петерб. «Pol. Corresp.», т. XIII, стр. 547.

ея стороны. Чтобъ разсѣять свои сомнѣнія на этотъ счетъ, она хотѣла бы, чтобъ отъ нея не скрывали подробностей переговоровъ, которые Вѣнскій дворъ велъ въ это время съ Франціей, добываясь ея финансовой помощи и, слѣдовательно, соглашаясь въ свою очередь на роль «наемной державы». И это былъ для царицы не только вопросъ самолюбія. Помимо естественнаго желанія, чтобъ Австрія была поставлена по отношенію къ Франціи въ то же положеніе, что и Россія, Елизавета хотѣла быть увѣрена въ томъ, что субсидіи будутъ ей дѣйствительно упла-

Серебряно-вызолоченный ларецъ, украшенный алмазами.

(Императорскій Эрмитажъ).

чены. Эстергази получалъ большія деньги на свои болѣе или менѣ тайные расходы, иногда по сту тысячъ дукатовъ заразъ. Времена Розенберга были теперь далеки. И хотя Елизавета и подозрѣвала, откуда у него это богатство, но хотѣла бы знать это достовѣрно, такъ какъ Бестужевъ попрежнему указывалъ ей на ненадежное положеніе ея финансовъ. А Вѣнскій и Версальскій дворы хранили по этому поводу полное молчаніе, на что она не переставала жаловаться, выказывая въ то же время большое равнодушіе къ перспективамъ земельныхъ завоеваній,

которыми ее прельщаль посолъ Маріи-Терезіи. Воронцовъ называль ихъ бреднями, а Бестужевъ замѣчаль многозначительно, что «не убивъ медвѣдя, шкуры не дѣлать».

Въ виду всего этого, когда русскій канцлеръ заявилъ Дугласу, что если Турцію исключать изъ *casus foederis*, то союзный договоръ будетъ имѣть въ глазахъ Россіи значеніе «листа чистой бумаги», а Эстергази напомнилъ ему, что по его инструкціямъ онъ долженъ слѣдовать совѣтамъ австрійскаго посла, кавалеръ не сталъ колебаться больше. Подписавъ 31 декабря 1756 года актъ присоединенія Россіи къ австро-французской конвенціи, онъ, правда, исключилъ изъ него Турцію, но согласился прибавить къ новому союзному договору секретнѣйшую декларацію, по которой, въ случаѣ войны Россіи съ Портой, Франція должна была оказать своей союзницѣ помощь не войскомъ, а деньгами.

Въ Версалѣ это вызвало страшное негодованіе; Терсье прислалъ Дугласу рѣзкую отвѣдь и заявилъ ему, что его подпись будетъ опротестована, и что Версальскій дворъ никогда не согласится ратификовать договоръ съ добавленіемъ подобной деклараціи. Дугласъ въ свою очередь отвѣтилъ на это упреками, пожалуй, болѣе справедливыми, чѣмъ упреки Терсье: «Вожакъ заводитъ слѣпого въ болото и потомъ насмѣхается надъ нимъ, предоставляя ему самому выбраться оттуда. Я прежде читаль, что у насъ продѣлываются подобныя штуки, но не надо было шить ихъ бѣлыми нитками и запрещать мнѣ—шесть мѣсяцевъ спустя послѣ подписанія моихъ полномочій—включать въ условія договора единственное, что могло побудить Петербургскій дворъ къ сближенію съ нами»¹.

Дугласъ, впрочемъ, нѣсколько преувеличиваль положеніе дѣлъ. Россія имѣла иныя побудительныя причины, чтобы искать сближенія съ Франціей, и будущее доказало это. Рулье безъ обиняковъ написалъ въ Константинополь, что согласіе на декларацію было получено Россіей хитростью; и что Версальскій дворъ призналъ ее недѣйствительной, и когда Людовикъ XV обратился къ самой Елизаветѣ съ просьбой отказаться отъ нея, польщенная царица сдалась. Бестужевъ и Воронцовъ разорвали въ присутствіи Дугласа бумагу, вызвавшую столько препирательствъ, и договоръ былъ ратификованъ безъ упоминанія о

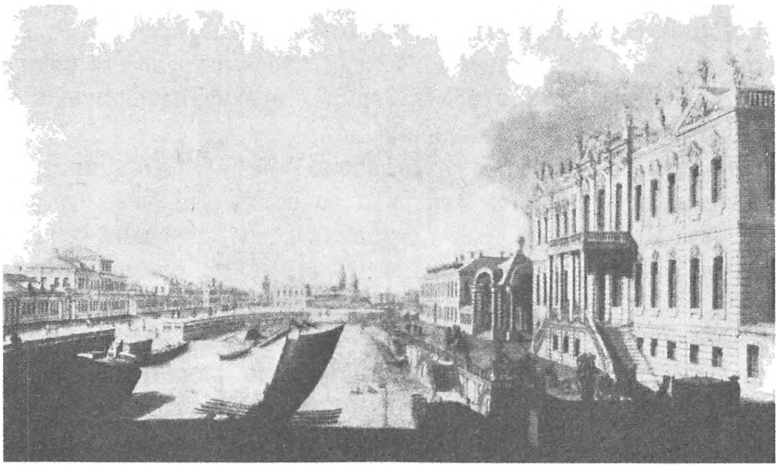
¹ Деша Дугласа къ Терсье отъ 8 марта 1757 г. Петербургъ. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ. Ср. «Архивъ кн. Воронцова», т. III, стр. 240, 287.

войнѣ Россіи съ Турціей. Дугласъ написалъ Терсье: «Теперь вы не можете больше упрекать меня въ томъ, что я продался людемъ безъ совѣсти, безъ стыда и безъ чести»¹. Между тѣмъ Эстергази успѣлъ воспользоваться уступкой, вырванной у французскаго посланника, чтобъ довести до конца дѣло о новомъ соглашеніи съ Россіей съ условіемъ выплачивать ей ежегодную субсидію въ два милліона флориновъ, хотя Вестужевъ спрашивалъ четыре милліона. Но надежда поссорить Францію съ Портой помогла австрійскому послу побѣдить послѣднія колебанія Елизаветы и умѣрить требовательность ея министровъ. Австрія и Россія обязывались выставить каждая по 80.000 человѣкъ войска въ теченіе всей будущей войны противъ прусскаго короля, причемъ Россія должна была, кромѣ того, напасть на него и съ моря не менѣе, чѣмъ съ пятнадцатью-двадцатью линейными кораблями и сорока галерами. Этотъ наступательный союзъ былъ заключенъ 22 января 1757 года. Два мѣсяца спустя договоръ, подписанный въ Стокгольмѣ Франціей и Австріей (21 марта), включилъ въ коалицію и Швецію, а второй версальскій договоръ (отъ 1 мая 1757 года) увеличилъ до ста пяти тысячъ человѣкъ французскую армію, предназначавшуюся для военныхъ дѣйствій въ Германіи.

Желѣзный обручъ, который Марія-Терезія и ея министр хотѣли сомкнуть вокругъ Фридриха со всѣхъ сторонъ, былъ уже скованъ. Но ихъ опасный противникъ, съ которымъ они считывали теперь легко покончить, выказалъ все превосходство своего генія. Въ то время, когда маркизъ Лопиталь собрался въ Петербургъ, чтобъ поторопить выступленіе русскихъ войскъ, а первые французскіе батальоны медленно двинулись въ сторону Ганновера, Фридрихъ, занявъ Саксонію, вошелъ со своею побѣдоносною арміей въ Богемію и разбилъ австрійцевъ подъ стѣнами Праги (6 мая 1757 г.). Война разливалась все шире, но приносила пока союзникамъ одни пораженія; въ Вѣнѣ и въ Петербургѣ мечтали не о такой кампаніи. Кажется, для того, чтобы Фридрихъ устоялъ въ ней до конца, — необходимо было чудо; и дѣйствительно наступилъ день, когда, сознавая свою неосторожность и видя себя затравленнымъ со всѣхъ сторонъ, прусскій король готовъ былъ уже сдаться на милость побѣди-

¹ Депеша Дугласа къ Терсье отъ 29 марта 1757 г. С.-Петербург. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

телей. Но тутъ и произошло то чудо, на которое въ душѣ онъ не переставалъ рассчитывать, и спасло его. Въ этой чудовищной борьбѣ принимали участіе люди искусные, люди разсудительные, люди осторожные и одинъ безумный. И безумный одержалъ надъ всѣми верхъ, благодаря «его священному величеству Случаю», къ которому онъ любилъ взывать. Этому «Случаю» помогалъ его удивительный талантъ полководца, его беззавтнная храбрость и... англійское золото, безъ котораго дуэль маленькой страны со всей континентальной Европой не была бы возможна. Но если бы Елизавета прожила на нѣсколько мѣсяцевъ дольше, династія Гогенцоллерновъ пресѣклась бы и, во всякомъ случаѣ, была бы безсильна сыграть въ исторіи ту роль, которую она играетъ теперь.

Видъ по рѣкѣ Мойкѣ (на Синій мостъ).

Съ рисунка М. Махаева, находящагося въ Академіи Художествъ.

Портретъ Императрицы Елизаветы Петровны на золотой табакеркѣ.
(Императорскій Эрмитажъ).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Завоеваніе Пруссіи.

- I. Посольство маркиза Лопиталя. — Два С.-Петербургскихъ двора. — Будущая Сѣверная Семирамида. — Недоразумѣнія и размолвки. — Секретная дипломатія. — «Письмо довѣрія» Людовика XV. — Елизавета на него не отвѣчаетъ. — Замыслы принца Ковти. — Постигшая ихъ неудача. — Пассивная роль Лопиталя. — Несогласіе между союзниками. — Превосходство Фридриха надъ ними. — II. Первая встрѣча русскихъ и пруссаковъ. — Восточная Пруссія. — Защита провинціи. — Генераль Левальдтъ и его армія. — Самоувѣренность Фридриха. — Попытка вступить въ переговоры о мирѣ. — Русское нашествіе. — Положеніе обѣихъ армій въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніи. — Прусскіе шпіоны. — Первое столкновеніе. — Битва при Гроссъ-Эгерсдорфѣ. — Побѣда русскихъ. — Дорога на Кенигсбергъ открыта. — Отступленіе Апраксина. — Его причины. — Обморозъ и болѣзнь Елизаветы. — Судъ надъ Апраксинымъ. — Послѣдствія отступления. — Росбахъ. — III. Паденіе Бестужева. — Интриги канцлера. — Понятовскій. — Бестужевъ и Екатерина. — Арестъ канцлера. — Екатерина и Елизавета. — Ссора и примиреніе. — Паденіе Бестужева — побѣда французовъ. — Зарождающіяся симпатіи между обѣими странами. — Проектъ замѣны англійскихъ товаровъ французскими на русскомъ рынкѣ. — Неудача. — IV. Кенигсбергъ и Цорндорфъ. — Русская армія подъ командованіемъ Фермора. — Возвращеніе въ Пруссію. — Взятіе Кенигсберга. — Захватъ провинціи. — Командованіе прусской арміей перек. валишевскій, дочь Петра Великаго.

ходить къ Дона. — Онъ не можетъ остановить наступленія русскихъ, угрожающихъ Бранденбургу. — Осада Кюстрина. — Фридрихъ является къ нему на помощь. — Битва при Цорндорфѣ. — Сомнительная побѣда. — Отрицательный результатъ кампаніи. — Армія Фридриха обезсилена въ сравненіи съ русской. — V. Версаль и Петербургъ. — Отношеніе Елизаветы къ Франціи становится все болѣе дружественнымъ. — Благопріятное для Франціи рѣшеніе курляндскаго вопроса. — Отъѣздъ Понятовскаго. — Предложеніе, сдѣланное Франціи, приступить къ австро-русскому договору. — Недовѣріе Берни. — Подозрѣнія, вызванныя въ немъ завоеваніемъ Пруссіи. — Коалиція въ разбродѣ. — Новые поводы къ соглашенію. — Пуассонъ въ Петербургѣ. — Врачъ - дипломатъ. — Елизавета соглашается вести секретную переписку съ Людовикомъ XV. — Министерскій кризисъ въ Версалѣ. — Опасенія и миролюбивыя намѣренія Берни. — Онѣ совпадаютъ съ желаніями австрійскихъ министровъ. — Сопrotивленіе со стороны женщинъ. — Марія-Терезія, Елизавета и маркиза Помпадуръ. — Торжество партіи войны. — Герцогъ Шуазель.

I.

Посольство маркиза Лопиталья.

Новый французскій посолъ Поль Галлюціо маркизъ Лопиталь, маркизъ де-Шатонефъ, лейтенантъ королевской арміи и бывший посолъ въ Неаполѣ (съ 1740 до 1751 года), употребилъ шесть мѣсяцевъ, ушедшихъ на приготовленія къ его отъѣзду. Эту медлительность требовалъ отчасти этикетъ. Когда Бехтѣвъ сталъ настаивать, чтобъ Лопиталь немного поторопился, Рулье возразилъ ему: «Нельзя, чтобы посолъ короля, прискакавъ по почтѣ, явился *comme un polisson*». Чобъ собраться въ путь, маркизу понадобилось болѣе четырехсотъ тысячъ ливровъ, полтора ста тысячъ ливровъ ему было дано на дорогу. Онъ везъ съ собою свиту въ восемьдесятъ человекъ и окружилъ себя неслыханною роскошью, которая должна была возмѣститъ недостатокъ его дипломатическихъ дарованій. И эта предосторожность, хотя и слишкомъ дорогая для Версальскаго двора, оказалась, пожалуй, не лишней. Въ качествѣ генерала, маркизъ Лопиталь, казалось бы, долженъ былъ вполне подходить для своихъ новыхъ обязанностей, носившихъ отчасти военный характеръ въ виду войны; но онъ страдалъ частыми приступами жестокой подагры, которая превращала его временами въ калѣку, и хотя у него было много обходительности, опытности и даже ума, но онъ вступалъ въ ту пору жизни, когда всѣ эти

блестящія способности уже требуютъ отдыха. Франція остано-вила на немъ свой выборъ главнымъ образомъ для того, чтобы имѣть достойнаго ея представителя при дворѣ, считавшемся однимъ изъ самыхъ блестящихъ въ Европѣ. Впрочемъ теперь въ Петербургѣ было, собственно говоря, два двора: одинъ—Елизаветы, другой—великой княгини, молодой дворъ, какъ его называли. Первый показался маркизу Лопиталю малодоступнымъ. Императрица появлялась лишь въ тѣсномъ кругу близкихъ ей лицъ, изъ котораго иностранцы были изгнаны и который съ каждымъ годомъ становился все уже. Второй сразу оттолкнулъ его отъ себя. Достаточно сказать, что будущая великая Екатерина показала ему распущенной женщиной, въ вѣчныхъ поискахъ приключеній, а ея общество—рискованнымъ для тѣхъ кто его раздѣлялъ. «Поведеніе этой принцессы такъ дурно,—писалъ онъ черезъ нѣсколько недѣль послѣ своего пріѣзда,—что императрица махнула на нее рукой, и это доказываетъ, что она вовсе перестала интересоваться ею». Что касается великаго князя, то Лопиталь согласился вполне съ мнѣніемъ Уильямса на его счетъ: «Это то, что французы называютъ шутъ... Если онъ будетъ продолжать вести ту жизнь, которую ведетъ теперь, то не надо быть пророкомъ, чтобы предвидѣть, что онъ проживетъ еще не много лѣтъ. Потеря будетъ невелика»¹.

Въ книгѣ, которая, надѣюсь, сохранилась въ памяти моихъ читателей², я пытался обрисовать характеръ этого молодого двора; я указывалъ также и на его роль въ событіяхъ, къ изложенію которыхъ теперь приступаю. Здѣсь я дополню сказанное прежде немногими словами, тогда мнѣ будетъ легче сосредоточить на послѣдующихъ страницахъ весь интересъ на томъ, что составляетъ главный предметъ моего разсказа,—на борьбу Россіи съ Пруссіей.

Принужденный сдѣлать выборъ между этими двумя дворами, центрами политической и общественной жизни Россіи, которые, соперничая другъ съ другомъ, стали постепенно двумя враждебными силами, французскій посолъ послѣдовалъ естественному влеченію своего зрѣлаго возраста и мирнаго нрава. Онъ рѣшилъ держаться «за главный стволъ дерева»;—какъ говорятъ фран-

¹ Деша Лопитали къ графу Брольи отъ 13 августа 1757 г. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ. Россія, дополненіе, т. IX.

² «Романъ Императрицы».

цузы. «Главный стволъ»,—это была Елизавета, а въ Версалѣ нашли, что Лопиталь поступилъ вполне мудро. Когда Эстергази сталъ склонять маркиза принять участіе въ переговорахъ относительно интересовъ великаго князя въ Голштиніи, изъ Версаля отвѣтили, что представителю французскаго короля незначѣмъ вмѣшиваться въ чужія дѣла. Онъ аккредитованъ при императрицѣ, а не при великомъ князѣ и доженъ заниматься исключительно тѣми важными вопросами, которые послужили основаніемъ для соглашенія, недавно заключеннаго между Россіей и Франціей. Самъ же маркизъ вполне раздѣлялъ эту точку зрѣнія; но, когда онъ приступилъ къ исполненію своихъ обязанностей, ограниченныхъ такимъ образомъ, то натолкнулся на очень непріятный сюрпризъ. Во-первыхъ, при пристальномъ наблюденіи, онъ нашелъ, что соглашеніе обѣихъ странъ, на которое ссылался Версальскій дворъ, было весьма далеко отъ полнаго единенія въ ихъ намѣреніяхъ и чувствахъ. И затѣмъ онъ открылъ одно существенное недоразумѣніе. Желая заключить союзъ съ Франціей дополнительно къ австрійскому союзу, Россія, какъ вы помните, имѣла въ виду финансовую помощь Версаля общему дѣлу коалиціи. А подъ впечатлѣніемъ богатства и роскоши Французскаго двора, ослѣпительное доказательство которыхъ давалъ въ Петербургѣ маркизъ Лопиталь, Елизавета и ея министры стали придавать этой негласной статьѣ договора очень широкое толкованіе. Они еще прежде, черезъ Дугласа и Бехтѣва, намекали на свое желаніе заключить заемъ и называли сумму въ двадцать пять милліоновъ ливровъ. Впослѣдствіи, въ письмѣ къ герцогу Шуазелю, посланномъ въ 1760 году, д'Эонъ хвалился тѣмъ, что будто бы это онъ доказалъ предшественникамъ герцога несвоевременность этой денежной жертвы, на которую въ Версалѣ уже почти соглашались: двадцать пять милліоновъ ливровъ никогда не будутъ возвращены,—увѣрилъ онъ Рулье. Но я склоненъ думать, что въ Версалѣ вовсе и не выражали желанія итти на эту жертву, и депеша Рулье къ Лопиталю отъ 31 іюля 1757 года съ очень сухимъ отказомъ вполне подтверждаетъ мое предположеніе. Но, какъ бы то ни было, этотъ отказъ вызвалъ въ Петербургѣ большое разочарованіе, тѣмъ болѣе, что вскорѣ между обоими дворами произошло новое, не менѣе тягостное столкновеніе.

Великая княгиня должна была вскорѣ родить, когда новый посолъ появился въ столицѣ Россіи. Императрица думала о

томъ, кого бы пригласить въ крестные отцы ребенку, и рѣшила обратиться въ Версаль. Согласно увѣренію Воронцова, мысль объ этомъ ей подалъ самъ Лопиталь¹. Но изъ Версаля послѣдовалъ новый отказъ, обоснованный на этотъ разъ религіозными соображеніями. Тутъ въ Петербургѣ уже разсердились. Крестною матерью великаго князя была императрица-королева, и это не мѣшало ей быть ревностной католичкой. Берни, упустившій это изъ виду, хотѣлъ было взять свой отказъ назадъ, но было уже поздно, и маркизу Лопиталю пришлось пережить большую тревогу, какъ бы не нарушились едва установившіяся добрыя отношенія между обѣими сторонами.

Его тревога была бы еще болѣе острой, если бы онъ зналъ всю правду объ этихъ отношеніяхъ и видѣлъ, по какому опасному и скользкому пути они вновь уклонились въ сторону. Въ то время, какъ онъ медленно и торжественно подвигался по дорогѣ въ Петербургъ, Людовику XV была внушена мысль обратиться къ Елизаветѣ съ «письмомъ довѣрія», которое должно было создать между королемъ и императрицей болѣе близкія и непосредственныя сношенія. Мысль объ этомъ письмѣ первоначально пришла

Баронъ Иванъ Антоновичъ Черкасовъ, кабинетъ-секретарь Императрицы Елизаветы Петровны.

Съ гравюры неизвѣстнаго.

Рулье и понравилась Людовику, но онъ привелъ ее въ исполненіе помимо своего министра и посла. Въ этомъ и заключалась «секретность» его дипломатіи. Маркизь Лопиталь ничего не зналъ поэтому объ этомъ письмѣ, къ которому, кромѣ того, что въ него хотѣлъ включить Рулье, было прибавлено предложеніе о секретной перепискѣ съ Елизаветой и приложенъ особый шифръ. Дугласу, временно остававшемуся еще въ Петербургѣ, было поручено передать это посланіе короля по назначенію. Всей этой интригой руководилъ глава тайной дипломатіи, принцъ Конти, причемъ онъ еще болѣе осложнилъ

¹ «Архивъ вн. Воронцова», т. IV, стр. 507.

ее собственными честолюбивыми планами. Встрѣтивъ отказъ со стороны Бехтѣва, онъ рѣшилъ обратиться непосредственно къ Воронцову; вождѣнія его нѣсколько измѣнили теперь свое направленіе и характеръ. Августъ III не собирался, повидимому умирать, и принцъ обратилъ свои взоры къ болѣе доступной цѣли. Онъ далъ Дугласу, кромѣ письма Людовика къ Елизаветѣ, еще другое секретное порученіе, касавшееся его лично: онъ просилъ его вывѣдать у вице-канцлера, нельзя ли его высочеству получить, во-первыхъ, герцогство Курляндское и, во-вторыхъ, постъ главнокомандующаго русской арміи, выступившей противъ Фридриха.

Неудача, которая постигла двойной запросъ Дугласа, послужила предлогомъ для новыхъ обвиненій противъ политики Людовика XV. Я считаю эти упреки въ значительной мѣрѣ несправедливыми, такъ какъ они основаны на совершенно ложныхъ данныхъ. Обвинители сочинили настоящій романъ. Возвратившись въ Парижъ съ актомъ приступленія Россіи къ Версальскому договору, д'Эонъ будто бы привезъ принцу Конти отъ Елизаветы вполне благопріятный отвѣтъ. Но, къ несчастью, принцъ поссорился въ это время съ маркизой Помпадуръ и лишился, вслѣдствіе этого, не только завѣдыванія дѣлами тайной дипломатіи, но и довѣрія и дружбы короля. Людовикъ XV не далъ согласія на его новое назначеніе, и Франція потеряла такимъ образомъ честь и преимущество увидѣть члена королевской семьи на сосѣднемъ съ Россіей престолѣ и во главѣ русской арміи, которая подъ славнымъ начальствомъ французскаго принца навѣрное привела бы войну къ иному исходу¹. Но все это однѣ выдумки. Совѣсть Людовика XV и маркизы Помпадуръ такъ обременена передъ потомствомъ, что я считаю своимъ долгомъ снять съ нихъ эту лишнюю тяжесть. Чтобы усумниться въ разсказѣ д'Эона, достаточно знать общій духъ политики Елизаветы; но существуетъ еще одно неопровержимое и убѣдительное свидѣтельство противъ него: это записка Воронцова, гдѣ вице-канцлеръ заявляетъ, что онъ передалъ принцу черезъ Дугласа не утвердительный, а уклончивый отвѣтъ², и я убѣжденъ, что если онъ и осмѣлился доложить Елизаветѣ о просьбахъ Конти, то только для того, чтобы посмѣяться надъ ними

¹ Vandal, «Louis XV et Elisabeth», стр. 205.

² «Архивъ кн. Воронцова», VII, стр. 511.

вмѣстѣ съ нею. Историкъ, хотя бы поверхностно знакомому со взглядами и характеромъ дочери Петра Великаго, невозможно допустить и мысли, чтобы ей хоть на минуту могло прійти въ голову желаніе отдать французскому принцу наслѣдіе Меншикова и Бирона и командованіе русской арміи. И, наконецъ, просьбы принца Конти служили добавленіемъ къ предложенію короля о секретной перепискѣ. А Елизавета не могла бы, разумѣется, пренебречь просьбой государя и согласиться на просьбу его двоюродного брата. Между тѣмъ, оскорбленная отношеніемъ Франціи къ ея собственнымъ ходатайствамъ, *она оставила безъ вниманія просьбу самого короля!* Это несомнѣнный, неоспоримый фактъ. Несмотря на хлопоты Терсье и даже Воронцова, король едва не потерялъ надежды получить отъ Елизаветы отвѣтъ на свое конфиденціальное письмо, прождавъ его не болѣе, не менѣе, какъ два года. Мнѣ еще придется вернуться къ этому вопросу.

Итакъ, маркизь Лопиталь ничего не зналъ объ этомъ двойномъ предложеніи и о постигшей его двойной неудачѣ. Но послѣдствія этой неудачи отразились на немъ, и онъ былъ принужденъ—какъ онъ, впрочемъ, того и желалъ—ограничиться чисто декоративною частью своей роли, такъ какъ только тутъ онъ могъ быть увѣренъ, что не встрѣтитъ при этомъ противоdѣйствія. Онъ потребовалъ дополнительныхъ суммъ, чтобы играть эту роль съ большимъ великолѣпіемъ, и въ Версалѣ съ большою щедростью согласились на это. Жалованье маркиза было увеличено съ двухсотъ тысячъ до двухсотъ пятидесяти тысячъ ливровъ,—но это было сдѣлано «въ тайнѣ, чтобы не возбуждать зависти»; кромѣ того, Лопиталь попросилъ еще пятьдесятъ тысячъ секретныхъ фондовъ, «не для подкупа, а для вознагражденія», и не сохранилось никакихъ указаній на то, чтобы онъ истратилъ эти деньги въ политическихъ цѣляхъ. Онъ вскорѣ пришелъ къ убѣжденію, что цѣли эти вообще не заслуживаютъ ни матеріальныхъ жертвъ, ни усилій и заботъ съ его стороны. Его мнѣніе о Россіи начинало все болѣе совпадать со взглядами Мардефельда. «Это громадная держава на географической картѣ, но она неспособна выдержать системы Петра Великаго по своему политическому устройству», писалъ онъ. И онъ дѣлалъ отсюда то заключеніе, что его двору слѣдуетъ содержать въ Россіи «спокойнаго и великолѣпнаго посла, ограничить расходы исключительно содержаніемъ этого послѣд-

няго». А для роли подобнаго дипломата никто не подходилъ, разумѣется, лучше самого маркиза Лопиталья..

Но въ Версалѣ этимъ не интересовались вовсе. Людовикъ XV рѣшилъ заняться внѣшней политикою лично, помимо своего посла, заранѣе усчитывалъ свои успѣхи на дипломатическомъ поприщѣ, а его министры были поглощены другими заботами. Въ это время громъ орудій разносился съ одного конца Европы до другого и заглушалъ голосъ дипломатовъ. Ихъ особы и переговоры, которые они вели, отступили на второй планъ. Но, скажутъ мнѣ, развѣ не должны были союзныя державы совѣщаться относительно военныхъ операцій, занимавшихъ въ это время всеобщее вниманіе, и стараться объединить свои усилія? Развѣ не былъ обязанъ маркизь Лопиталь склонять С.-Петербургскій дворъ къ тому, чтобы онъ вошелъ въ соглашеніе съ другими членами коалиціи? Маркизь не подумалъ это сдѣлать, да и въ Версалѣ не нашли нужнымъ использовать съ этою цѣлью его таланты. Сдѣлавъ по дорогѣ въ Петербургъ смотрѣ въ Ригѣ нѣсколькимъ полкамъ Апраксина, Лопиталь рѣшилъ, что исполнилъ свой долгъ въ качествѣ посла союзной державы, и его начальство, повидимому, раздѣляло его взглядъ. По правдѣ сказать, положеніе военнаго вѣдомства въ Россіи было таково, что почти исключало для русской арміи возможность совмѣстныхъ дѣйствій съ другими. Когда началась война, Вѣнскій дворъ прислалъ въ Петербургъ своего генерала, а другого прикомандировалъ къ русскому генеральному штабу. За ними появились вскорѣ и французскіе военные агенты. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ и австрійцы, были блестяще одарены, но на русскихъ военныхъ совѣтахъ имъ блистать не приходилось, всѣ свои знанія и опытность они могли употреблять лишь на суровую критику русской арміи, которую та безусловно заслужила. Въ ней царилъ полный хаосъ и безпорядокъ, которые постепенно передались всей коалиціи. Общій планъ войны, если бы только удалось его выработать и неуклонно привести къ исполненію, вызвалъ бы немедленную, неминуемую гибель Фридриха и вѣрный разгромъ его войска. Но этотъ планъ существовалъ лишь въ видѣ техническаго *desideratum*, составляемой въ началѣ кампаніи. И въ то время, какъ великій полководецъ напрягалъ весь свой гений для того, чтобы выставить послѣдовательно противъ каждаго изъ своихъ враговъ всю массу своихъ силъ,—союзники, не имѣя общаго плана дѣйствій,

сражались каждый за свой страх и этимъ помогали тактикѣ Фридриха. Кампанія 1757 года служить въ этомъ отношеніи образцомъ всѣхъ остальныхъ. Впрочемъ, и Фридрихъ, упорно продолжая смотрѣть на Россію, какъ на ничтожную величину, сдѣлалъ въ этотъ годъ жестокою ошибку, за которую долженъ былъ дорого поплатиться.

II.

Первая встрѣча русскихъ съ пруссаками. Гроссъ-Эгерсдорфъ.

Фридрихъ, по различнымъ причинамъ, придавалъ нападенію Россіи второстепенное значеніе, и нѣкоторыя изъ нихъ были вполне основательны.

Повидимому, русскіе угрожали только восточной части его владѣній. А по причудливой формѣ его государства, съ еще не установившимися вполне границами, эта область была какъ бы дальнимъ островкомъ, заброшеннымъ среди польскихъ земель и отрѣзаннымъ ими отъ остальной монархіи. Со своею столицей Кенигсбергомъ, она представляла собой отдѣльную провинцію, называвшуюся въ то время «Прусскимъ королевствомъ». И конечно, не здѣсь должны были рѣшиться судьбы войны. Поля сраженій въ Силезіи, Богеміи и Саксоніи имѣли въ глазахъ Фридриха несравненно высшее стратегическое значеніе. Притомъ Фридрихъ находилъ, что защита Восточной Пруссіи вполне обезпечена. Онъ, правда, вывелъ изъ нея лучшія войска, но и та часть его арміи—этого превосходнаго военного механизма—которую онъ въ ней оставилъ съ Гансомъ фонъ-Левальдтомъ, губернаторомъ, генералиссимусомъ и ветераномъ прежнихъ войнъ во главѣ, была всетаки очень внушительной силой; въ ея составъ входили опытные офицеры, какъ Манштейнъ, Мантейфель и Дона, безстрашный начальникъ авангарда; лихіе кавалеристы Платенъ, Платенбергъ и Рюшъ, трансильванецъ, заживавшій своихъ черныхъ гусаръ огнемъ своей венгерской или румынской крови, и тридцать тысячъ пѣхоты съ многочисленной кавалеріей, — родъ оружія, который Фридрихъ предпочиталъ всѣмъ другимъ. Прусская легкая конница была, какъ вся прусская армія, впрочемъ, прекрасно вооруженная, выдресирована и полна воодушевленія, и, казалось, одна могла преградить путь казакамъ и калмыкамъ Елизаветы. По-

этому, подписавъ 23 іюня 1756 года подробную инструкцію для главнокомандующаго, Фридрихъ нетолько безъ колебанія пророчилъ ему въ ней побѣду, но и предусмотрительно отдалъ распоряженія насчетъ того, какія выгоды слѣдовало изъ этой побѣды извлечь. «Русскій генераль, — писалъ онъ, — видя свое пораженіе, пришлетъ парламентаря, чтобъ просить выдачи тѣлъ убитыхъ и узнать число взятыхъ въ плѣнъ. И тутъ Левальдтъ, покончивъ со своими обязанностями военачальника, долженъ будетъ превратиться въ дипломата и начать переговоры о мирѣ. Условія этого мира будутъ зависѣть отъ того, какая изъ двухъ армій, русская или австрійская, будетъ разбита первой. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ король рѣшилъ предъявить Россіи очень скромныя требованія: онъ готовъ былъ удовлетвориться небольшимъ земельнымъ приобрѣтеніемъ, при этомъ даже не за счетъ побѣжденной Россіи. Для этого могла послужить Польша. Она, правда, не будетъ разбита, такъ какъ не принимаетъ участія въ войнѣ, но тѣмъ не менѣе расплатится за всѣхъ. И получивъ Эльбингъ, Торнъ и нѣкоторыя сосѣднія старства, Фридрихъ признаетъ себя удовлетвореннымъ»¹.

Но, несмотря на эту великолѣпную самоувѣренность, король два мѣсяца спустя счелъ всетаки болѣе благоразумнымъ сдѣлать, при посредствѣ Уильямса, попытку примириться съ Петербургомъ и предложилъ Елизаветѣ посредничество, что, въ случаѣ согласія, конечно, помѣшало бы Левальдту одержать ожидаемыя побѣды. Но хлопоты англійскаго посла совпали, къ несчастію, съ дѣломъ, которое сильно взволновало Тайную Канцелярію и, хотя относилось, собственно говоря до внутренней политики Россіи, но набрасывало нежелательную тѣнь и на личныя намѣренія Фридриха. Вопросъ шелъ о тобольскомъ мѣщанинѣ Иванѣ Зубаревѣ, который пытался проникнуть въ Пруссію съ порученіями отъ раскольниковъ, живущихъ въ Польшѣ. Его арестовали въ деревнѣ въ Малороссіи, и онъ разсказалъ удивительныя вещи о своемъ прежнемъ пребываніи въ Берлинѣ: онъ будто бы видѣлся тамъ съ самимъ Фридрихомъ, который приказалъ ему передать людямъ старой вѣры, что прусскій король вскорѣ вступится за Ивана Антоновича и пошлетъ въ Архангельскъ флотъ, чтобъ освободить сверженнаго императора. Легко догадаться, какое впечатлѣніе произвели эти

¹ «Pol. Corresp.», т. XII, стр. 448, 456.

розказни на Елизавету, и это отразилось, разумѣется, на отвѣтѣ, который получилъ Уильямъ на свои предложенія. Однако Фридрихъ не унывалъ и въ октябрѣ 1756 года постарался привлечь на свою сторону Воронцова, а въ декабрѣ обратился къ великой княгинѣ, увѣренный, что она не откажетъ ему въ помощи: если она не можетъ, — просилъ онъ ей передать, — остановить движенія русской арміи, то не сообщитъ ли она ему по крайней мѣрѣ о планѣ будущей кампаніи? Русскіе временами начинали сильно тревожить его. По складу своего характера, Фридрихъ былъ всегда склоненъ переходить отъ крайней самоувѣренности къ глубокому отчаянію, и то же повторялось съ нимъ въ теченіе всей послѣдующей войны. Но весной 1757 года Левальдтъ получилъ изъ Петербурга успокоительныя вѣсти: императрица была при смерти. И Фридрихъ сейчасъ же написалъ своей сестрѣ, маркграфинѣ Байрейтской: «Это (извѣстіе) имѣетъ для меня больше значенія, нежели все остальное. Теперь мнѣ не страшны французы и Регенсбургскій сеймъ». И онъ немедленно отправилъ въ Лузацію запасной корпусъ изъ Помераніи и собирался уже употребить въ другомъ мѣстѣ армію Левальдта ¹.

Феодоръ Яковлевичъ Дубянской (духовникъ императрицы Елизаветы Петровны).

Съ гравюры М. И. Ивановой (Скородумовой).

Послѣ своей побѣды надъ австріяцами подъ стѣнами Праги въ маѣ 1757 года, онъ остался при убѣжденіи, что русская армія не выступитъ, хотя петербургскіе слухи и оказались невѣрны. Въ іюнѣ онъ узналъ о своемъ заблужденіи, но ограничился тѣмъ, что послалъ Левальдту новую инструкцію, указывавшую на безошибочное средство покончить съ врагами. Средство это было очень простое, и, какъ это ни странно, планъ кампаніи, составленный на этотъ разъ великимъ полководцемъ, удивительно напоминалъ планъ опереточнаго генерала. Русскіе, говорилось въ немъ, будутъ навѣрное итти тремя отрядами. Левальдтъ долженъ будетъ напасть на одинъ изъ нихъ и, раз-

¹ «Pol. Corresp.», т. XIII, стр. 567; т. XIV, стр. 82, 165, 352, 354.

бивъ его на-голову, заставитъ отступить два остальные. Бѣглецы, вѣроятно, спасутся въ Польшу, гдѣ онъ долженъ будетъ ихъ преслѣдовать ¹. И тутъ Фридрихъ опять переходилъ къ вопросу о раздѣлѣ несчастной Польши, безцеремонно распоряжаясь ею по своему усмотрѣнію.

Совершенно иной характеръ носили приказанія, отданныя въ то время русскому главнокомандующему. Страхъ передъ опаснымъ противникомъ сквозилъ въ нихъ въ каждой строкѣ. Кромѣ того, Апраксинъ получилъ еще секретную инструкцію отъ И. И. Шувалова, въ которой ему предписывалось рисковать битвой съ Фридрихомъ лишь въ случаѣ явнаго превосходства силъ или безусловной необходимости ². Получивъ такое предостереженіе противъ излишней храбрости, русскій генералъ и не выказывалъ никакого желанія ее проявлять, и отъ солдата до офицера вся русская армія заразилась его отсутствіемъ воинственнаго пыла. Болотовъ, принимавшій участіе въ кампаніи, наивно говоритъ въ своихъ «Запискахъ» о паникѣ, пережитой русскими при первыхъ столкновеніяхъ съ Левальдтомъ. Старые ветераны, и тѣ не могли съ собой совладать, и Болотовъ признается, что, ободряя солдатъ, онъ самъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Несчастный исходъ первой стычки казаковъ съ прусскими гусарами на аванпостахъ еще усилилъ среди русскихъ общій ужасъ и уныніе ³.

Эта разница въ настроеніи двухъ лагерей объясняется просто. Левальдтъ командовалъ превосходно обученными, дисциплинированными войсками, привыкшими къ побѣдамъ. А тѣ донесенія, которыя онъ получалъ объ арміи Апраксина, могли служить лишь подтвержденіемъ высокомѣрныхъ предсказаній Фридриха. Русская армія кишѣла прусскими шпіонами; одинъ изъ нихъ записалъ о ней свои впечатлѣнія очень подробно ⁴. Онъ говоритъ, что Апраксинъ заботился лишь о томъ, чтобъ имѣть многочисленный штабъ и блестящее снаряженіе, и Боло-

¹ Тамъ же, т. XV, стр. 165, 168.

² «Русскій Архивъ», 1867 г., стр. 67.

³ Болотовъ, «Записки», т. I, стр. 467.

⁴ «Lettre d'un voyageur sur l'armée russe». Рига, 1758. Оно воспроизведено въ книгѣ Газенкампа (Hasekamp, «Ostpreussen unter dem Doppelaar», 1806) и напечатано въ русскомъ переводѣ въ «Архивѣ кн. Воронцова», т. VI, стр. 479. Авторомъ его является, повидимому, капитанъ Ламбертъ.

товъ подтверждаетъ это въ своихъ запискахъ, распространяя этотъ приговоръ на всю русскую армію. Даже солдаты, говорятъ онъ, шли, казалось, на парадъ, а не на войну. На каскахъ и шапкахъ у нихъ развѣвались перья и султаны, но на ногахъ были рваные сапоги. Прусскій шпионъ указываетъ, кромѣ того, на полное отсутствіе спеціальнаго образованія и опытности у русскаго главнокомандующаго. Апраксинъ сражался прежде только противъ турокъ при осадѣ Очакова и полагался теперь всецѣло на храбрость солдатъ и на начальника своего штаба, генерала Веймарна, человѣка очень свѣдущаго въ теоріи, но не имѣвшаго до сихъ поръ случая примѣнить своихъ знаній на дѣлѣ. Нѣмцевъ среди высшаго начальства русской арміи было вообще очень много. Мантейфели и Бюловы служили въ ней даже представителями прусской аристократіи. Но цѣна этимъ перебѣжчикамъ была, конечно, невелика. Фридрихъ не выпустилъ бы изъ своихъ рукъ подданныхъ, которые могли бы послужить украшеніемъ для его чудесныхъ батальоновъ. Среди русскихъ генераловъ выдѣлялся знаніями и энергіей Румянцовъ, но прусскій шпионъ находилъ его слишкомъ молодымъ и горячимъ. Генераль-аншефъ Лопухинъ думалъ лишь о томъ, какъ бы хорошо выпить и поѣсть. Генераль-майоръ Панинъ умѣлъ обращаться съ солдатами на ученіи при маневрахъ. Въ томъ же родѣ были и остальные. Въ пѣхотѣ наибольшее сопротивление могли оказать гренадеры; но, хотя и сильные и выносливые, они были мало подвижны и не смысленны. Другіе полки стояли ниже самыхъ плохенькихъ нѣмецкихъ милицій. Артиллерія, по слухамъ, могла выставить до двухсотъ пушекъ, но не хватало лошадей, чтобъ ихъ перевозить, а начальникъ ея генераль-лейтенантъ Толстой самъ признавался, что никогда не присутствовалъ ни при одномъ сраженіи. Въ кавалеріи изъ шести кирасирскихъ полковъ только два заслуживали названія конницы; люди были необучены, лошади никуда не годны; всякое передвиженіе сопровождалось разстройствомъ въ рядахъ и частыми паденіями. Въ остальныхъ полкахъ этого рода оружія нѣкоторые офицеры вполне заслуживали поговорку, ходившую въ то время въ арміи: «Глупъ, какъ драгунскій офицеръ». Гусары были лучше, но не имѣли понятія о рекогносцировкахъ и патруляхъ. Храбрые калмыки, хотя и лихіе наѣзники были вооружены только луками и стрѣлами. Казацкій бригадиръ Краснощековъ считался колдуномъ и славился главнымъ образомъ

своимъ искусствомъ попадать при стрѣльбѣ въ цѣль; его казаки могли бы составить хорошее войско для авангарда, но они не привыкли нести ночной службы и потому серьезной пользы оказать не могли. Вся армія была загромождена бесчисленнымъ обозомъ, который отнималъ у нея возможность быстрыхъ передвиженій.

Отзвукъ этому суровому приговору Фридрихъ и Левальдтъ могли бы найти даже въ оптимистическомъ рапортѣ маркиза Лопиталья, составленнаго имъ послѣ смотра въ Ригѣ. Лопиталь писалъ: «Русская армія очень хороша по составу солдатъ. Они никогда не бѣгутъ и не боятся смерти. Но ей недостаетъ офицеровъ...и она не знаетъ азбуки военнаго искусства; поэтому приходится сильно опасаться, что она будетъ разбита при столкновеніи съ такими опытными и прекрасно обученными войсками, каковы войска прусскаго короля».

Одинъ д'Эонъ, который тоже счелъ своимъ долгомъ обривизовать армію Апраксина, далъ о ней другой отзывъ. Онъ напелъ въ ней «могучихъ великановъ и старыхъ воякъ» и былъ убѣжденъ, что, «если бы у этихъ молодцовъ были хорошіе командиры, они разнесли бы въ пухъ и прахъ не мало пруссаковъ». Онъ встрѣтился у русскаго главнокомандующаго съ войсковымъ докторомъ, «большимъ и толстымъ человѣкомъ, способнымъ съѣсть за завтракомъ до пятисотъ устриць», и вывелъ изъ этого заключеніе, что, при такомъ врагѣ, будущіе противники Фридриха могли бы смѣло обойтись безъ госпиталей. Однако д'Эонъ тоже сдѣлалъ оговорку относительно вышшаго начальства русской арміи.

Большинство русскихъ историковъ идетъ въ разрѣзъ съ тѣмъ приговоромъ, который былъ единогласно вынесенъ современниками относительно боевой тактики русскихъ въ семилѣтнюю войну. Вовсе не подражая туркамъ въ построеніи войска во время сраженія, какъ это утверждалъ одинъ военный писатель ¹, русская армія,—говорятъ они—слѣдовала, напротивъ, самымъ ученымъ тактическимъ приемамъ, существовавшимъ въ то время, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже опередила ихъ ².

¹ Богдановичъ, «Русская армія въ вѣкъ Екатерины». 1880 г., т. II, стр. 4.

² Масловскій, «Русская армія въ Семилѣтнюю войну», 1882 г.; примѣчанія къ перепискѣ Панина. «Русскій Архивъ», 1888 г., т. II, стр. 90, и «Строевая и полевая служба русскихъ войскъ временъ императора Петра Великаго и императрицы Елизаветы», прибавленіе, стр. 22. Въ томъ же духѣ высказывается и Сухотинъ, «Фридрихъ Великій», 1882 г., стр. 217.

Я не имѣю достаточно авторитета, чтобы высказаться категорически въ этомъ спорѣ. Но думаю, что по тѣмъ фактамъ, которые я постараюсь изложить во всей ихъ простотѣ, можно будетъ судить, кто въ немъ правъ. Я не буду также касаться другого вопроса, вызвавшаго не менѣе разногласій, а именно о распущенности солдатъ Апраксина и звѣрствѣ и варварствѣ, проявленныхъ ими на прусской территоріи. «Война всегда жестока»,—сказалъ еще недавно одинъ монархъ. Болотовъ съ негодованіемъ говорить въ своихъ «Запискахъ» о томъ, какъ прусскихъ крестьянъ вѣшали безъ суда и отрубали имъ пальцы правой руки, если находили при нихъ оружіе. Казаки и калмыки, принимавшіе участіе въ завоеваніи Восточной Пруссіи, не могли, конечно, служить образцомъ гуманности. И герой русскихъ легендъ, Краснощекъ, котораго англійскій посланникъ Финчъ еще въ 1741 году сравнивалъ съ пресловутымъ «Black Beard the pirate», тоже не отличался вѣроятно на войнѣ кротостью и сдержанностью въ проявленіи своихъ чувствъ. Онъ былъ теперь уже семидесятилѣтній старикъ, израненный съ головы до ногъ, огрубѣвшій и дикій; но входило ли въ его привычки проламывать черепъ плѣннымъ, «чтобы рука не ослабла», и въ принципы—«уничтожать дичь, избивая дѣтенышей», т. е. женщинъ и дѣтей¹, я не берусь ни утверждать, ни отрицать. Преданіе приписывало этому казацкому атаману не одинъ подвигъ, котораго онъ въ дѣйствительности не совершалъ, какъ напримѣръ взятіе Берлина и похищеніе «прусачки», не то жены, не то дочери Фридриха. Въ этомъ вопросѣ я тоже предоставляю слово фактамъ. Негодованіе Болотова не можетъ, впрочемъ, служить противъ русскихъ укоризной. Въ одну изъ послѣднихъ войнъ мы еще очень недавно были свидѣтелями насилій, которыя со стороны дѣйствующихъ армій, ихъ совершавшихъ, не вызывали ни жалости, ни великодушнаго гнѣва.

Но самые рѣшительные защитники русской арміи, сражавшейся въ 1757 году съ Фридрихомъ, признаютъ, что въ ея устройствѣ былъ одинъ основной недостатокъ—ея интендантская часть была поставлена изъ рукъ вонъ плохо. Вполнѣ соглашаясь съ этимъ, я привожу еще одну подробность, указанную Болотовымъ, которая окончательно выяснитъ вамъ нравственное состояніе двухъ враждебныхъ лагерей въ ту минуту, когда

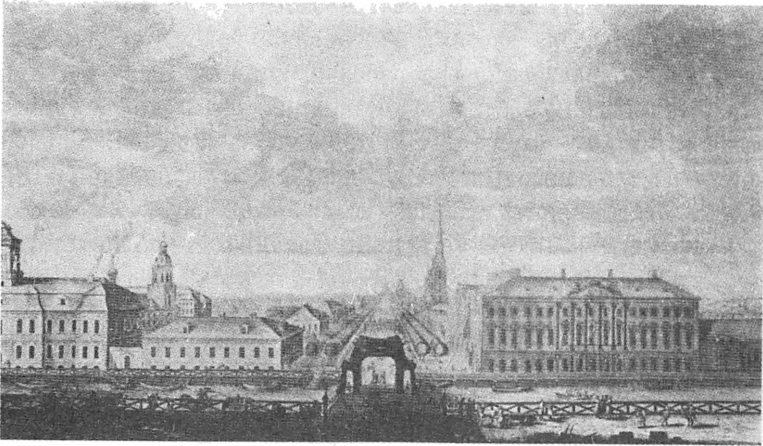
¹ «Сборникъ», т. ХСІ, стр. 250, Англійская депеша.

они готовились сразиться. Передъ тѣмъ, какъ сдѣлать первый выстрѣлъ въ битвѣ при Гроссъ-Эгерсдорфѣ, Болотовъ только тутъ замѣтилъ, что у его ружья нѣтъ курка!

Но и несмотря, на то, что на русскихъ, особенно въ началѣ войны, нерѣдко нападалъ паническій страхъ, и даже храбрецы среди нихъ дрожали передъ пруссаками,—ихъ армія не состояла изъ трусовъ. Они доказали это на дѣлѣ. Обученные, вооруженные и одѣтые на европейскій ладъ, подчиненные по преимуществу офицерамъ нѣмцамъ, они вмѣстѣ со старыми ветеранами Миниха, принимавшіе участіе въ походѣ, по внѣшнему виду мало отличались отъ западныхъ образцовъ. Современныя русскія войска съ ихъ тяжелыми сапогами и мѣховыми папахами несравненно болѣе уклонились отъ общеевропейскаго типа солдата. Просмотрите въ интересной книгѣ Рамбо (*Russes et Prusiens*) гравюры, изображающія военные силуэты изъ лагерей Апраксина или Салтыкова: развѣ только какой-нибудь уральскій казакъ напоминаетъ среди нихъ варварскій Востокъ. А гренадеры, драгуны, стрѣлки кажутся одѣтыми во французскій мундиръ временъ Людовика XV. Подъ этимъ мундиромъ душа у русскихъ солдатъ была, правда, иная. Но, не умѣя скрыть отъ непріятеля своихъ слабыхъ сторонъ, они обнаружили зато неожиданно и свою силу, которая совершенно сбила съ толку ихъ судей и спутала всѣ расчеты ихъ враговъ. Готовясь вступить въ бой съ противникомъ, который—они это знали—всегда и надъ всѣми одерживалъ до сихъ поръ верхъ и былъ окруженъ въ ихъ суетвѣрныхъ глазахъ ореоломъ чего-то легендарнаго; находясь подъ впечатлѣніемъ непріятныхъ случайностей, въ въ родѣ той, что обезоружила Болотова; недостаточно организованные и плохо управляемые, они сами этой силы какъ будто не подозрѣвали и только на дѣлѣ могли ее познать. И вскорѣ имъ для этого представился случай.

Когда Фридрихъ убѣдился, наконецъ, въ твердомъ намѣреніи русскихъ занять Восточную Пруссію, онъ могъ выставить противъ нихъ только двадцать восемь тысячъ человекъ, изъ которыхъ восемь тысячъ было гарнизоннаго войска. Страшное пораженіе, понесенное имъ только что при Колинѣ (18 іюня 1757 года), побѣда французовъ при Гастенбекѣ (26 іюня 1757 года), вступленіе въ кампанію шведовъ—значительно сократили его силы. Русская же армія, которая 7 и 8 августа перешла черезъ Прегель и двинулась къ Кенисбергу, на бумагѣ въ пять разъ

превосходила численностью прусскій отрядъ, а въ дѣйствительности равнялась приблизительно семидесяти одной тысячѣ человекъ¹. Разница въ силахъ была громадная, но, при извѣстныхъ взглядахъ Фридриха, это не мѣшало ему быть увѣреннымъ въ побѣдѣ. Левальдтъ не рѣшился однако привести въ исполненіе планъ короля. Онъ ограничился тѣмъ, что прикрылъ Кенигсбергъ и укрѣпился впереди Велау, вблизи историческаго поля сраженія къ сѣверу отъ Тильзита и къ югу отъ Эйлау и Фридланда, памятныхъ всѣмъ по походамъ другой великой арміи. Прусскій генераль остановился при слияніи Прегеля и Аллы на

Видъ Невскаго проспекта со стороны Адмиралтейства.

Съ гравюры М. Махаева.

перекресткѣ дорогъ, которыя изъ Тильзита и изъ Ковно шли къ столицѣ Восточной Пруссіи. Апраксинъ видимо намѣревался или сбить его съ этой позиціи, или обойти, и обѣ арміи въ теченіе нѣсколькихъ дней стояли неподвижно, невидимыя одна другой и отдѣленные съ прусской стороны Норкиттенскимъ, а съ русской — Гроссъ-Эгерсдорфскимъ лѣсомъ. Деревня Гроссъ-Эгерсдорфъ лежитъ посреди небольшой равнины, сжатой между двумя лѣсами и словно нарочно созданной для битвы. Поле здѣсь довольно ровное, но топкое и неудобное для передвиженія конницы и артиллеріи и слишкомъ узкое для того, чтобы русская армія могла развернуться на немъ со своимъ гигантскимъ обозомъ.

¹ Лееръ, «Обзоръ войнъ Россіи отъ Петра Великаго до нашихъ дней». 1898 г. IV часть, книга II, стр. 168.

18 августа, видя, что онъ запертъ между Прегелемъ и Ауксиной и чувствуя недостатокъ въ фуражѣ, Апраксинъ отдалъ приказъ двинуться на Алленбургъ. Онъ хотѣлъ обойти непріятеля. И утромъ 19 августа русскія войска вошли въ Гроссъ-Эгерсдорфскій лѣсъ по узкимъ и почти непроходимымъ дорогамъ, на которыхъ выстроиться было невозможно. Проведя ночь подъ ружьемъ, русскіе на разсвѣтѣ хотѣли двинуться въ путь, когда впереди первыхъ колоннъ трубачъ прусской арміи, уже вышедшей изъ Норкиттенскаго лѣса и построеной въ боевой порядокъ, неожиданно заигралъ въ атаку. Получивъ точныя свѣдѣнія отъ своихъ развѣдчиковъ, Левальдтъ, оправдывая довѣріе своего государя, засталъ Апраксина врасплохъ во время сложнаго и опаснаго маневра русской арміи¹.

«Боже мой! Какое сдѣлалось тогда во всей нашей арміи и обозахъ смятеніе!— пишетъ Болотовъ.—Какой поднялся вопль, какой шумъ и какая началась скачка и какая безпорядица! Индѣ слышенъ былъ крикъ: «Сюда! Сюда! артиллерію!» Въ другомъ мѣстѣ кричали: «Конницу, конницу скорѣй сюда посылайте!» Индѣ кричали: «Обозы, прочь! Прочь! Назадъ! Назадъ! Назадъ!»

Легко себѣ представить какое впечатлѣніе должна была произвести на безпорядочную толпу русскихъ правильная атака прусскаго генерала и залпы его артиллеріи. Въ нѣсколько минутъ Нарвскій и 2-й Гренадерскій полки были перебиты на половину. Генераль Зыбинъ былъ убитъ, генераль Лопухинъ, смертельно раненый, попалъ въ руки пруссаковъ. Русскіе дрогнули и были отброшены къ лѣсу. Казалось, это было полное пораженіе и разгромъ русской арміи, которые предсказывалъ Фридрихъ.

---

¹ Основываясь на рассказѣ г. Масловскаго, Рамбо (Rambaud, «Russes et Prussiens», стр. 92) допускаетъ, что Апраксинъ принялъ заранѣе мѣры предосторожности противъ этого неожиданнаго нападенія, отдавъ соответствующія приказанія насчетъ передвиженія своей арміи, такъ что къ утру 19 августа «почти вся масса его войска уже вышла изъ лѣсу». А на слѣдующей страницѣ мы читаемъ: «Звукъ прусской трубы и первые выстрѣлы неожиданно разбудили русскую армію; русскіе запутались среди повозокъ обоза. Было почти невозможно... пробираться сквозь этотъ густой и непроходимый лѣсъ.. Армія Апраксина была застигнута врасплохъ». Повидимому, до непроходимости запутанъ также и рассказъ г. Масловскаго въ его «Исторіи Семилѣтней войны»; но за то во второмъ трудѣ этого извѣстнаго военнаго историка, на котораго я указывалъ выше, онъ, подводя общій итогъ фактамъ на основаніи русскихъ и нѣмецкихъ данныхъ, излагаетъ событія почти въ томъ же видѣ, какъ это дѣлаю я.

Но нѣтъ! Въ эту минуту случилось то, что не разъ повторялось впоследствии въ исторіи будущихъ войнъ съ народомъ Петра Великаго. Черезъ лѣсъ, по болотамъ, считавшимся непроходимыми, примчался новый русскій полкъ, 3-ій Новгородскій, и ударилъ въ штыки. Откуда онъ явился? Никто не могъ этого сказать. Его велъ молодой Румянцовъ, но, согласно преданію, новгородцы по собственному желанію ринулись въ бой. А вслѣдъ за ними появилось еще четыре полка, тоже остававшихся въ арьбергартѣ. Кто приказалъ имъ выступить? Только не Апраксинъ, — это извѣстно достоверно. Потерявъ голову и обезумѣвъ отъ страха, онъ вовсе пересталъ распоряжаться сраженіемъ. Когда впоследствии маршалу Кейту доложили о томъ, что подъ русскимъ главнокомандующимъ была ранена лошадь, старикъ¹ возразилъ на это: «Да, его собственными шпорами, конечно». Но принадлежала ли Румянцову инициатива этого отвѣтственного шага или, какъ это предполагали другіе, сами солдаты его полка и четырехъ остальныхъ, услыша перестрѣлку и отчаянные крики погибавшихъ товарищей, бросились исполнять завѣтъ Петра Великаго: «Помогайте другъ другу», — во всякомъ случаѣ, результатъ этого нападенія былъ блестящій. Забывъ свой ужасъ передъ пруссаками, русскіе ударили на нихъ съ такою стремительностью и жаромъ, что подъ ихъ яростнымъ натискомъ Левальдтъ еще до Наполеона испыталъ на себѣ, какую громадную силу представляетъ безпорядочная человѣческая толпа, когда она повинуется чувству, болѣе могучему, чѣмъ соображенія военнаго искусства, и болѣе глубокому, чѣмъ страхъ смерти. Левальдтъ въ свою очередь слишкомъ растянулъ свой фронтъ и, поддаваясь численности врага, былъ принужденъ скомандовать отступленіе. Онъ причинилъ непріятелю громадный уронъ, по русскимъ донесеніямъ, въ два раза превосходившій его собственныя потери, но не только оставилъ въ рукахъ русскихъ поле сраженія, а открылъ имъ и дорогу на Кенигсбергъ².

¹ De Catt, «Journal», 1885, стр. 400.

² Масловскій, «Русская армія въ Семилѣтнюю войну», т. I, стр. 263 и сл.; Schaefer, «Geschichte des siebenjährigen Krieges», т. I, стр. 343 и сл.; Лееръ, «Обзоръ войнъ Россіи...», т. I, стр. 197. Этотъ послѣдній историкъ указываетъ, что потери русскихъ и пруссаковъ равнялись 4560 человѣкъ съ одной и 2500 человѣкъ съ другой стороны. Левальдтъ потерялъ, кромѣ того, 29 пушекъ.

Эта первая встрѣча русскихъ съ пруссаками была побѣдой численнаго превосходства и стихійной храбрости надъ наукой и дисциплиной; но тѣмъ не менѣе всѣ расчеты Фридриха были разбиты. Апраксину ничего не стоило теперь протянуть черезъ завоеванную имъ Пруссію руку шведамъ, находившимся въ Помераніи, и вмѣстѣ съ ними появиться подъ стѣнами Берлина.

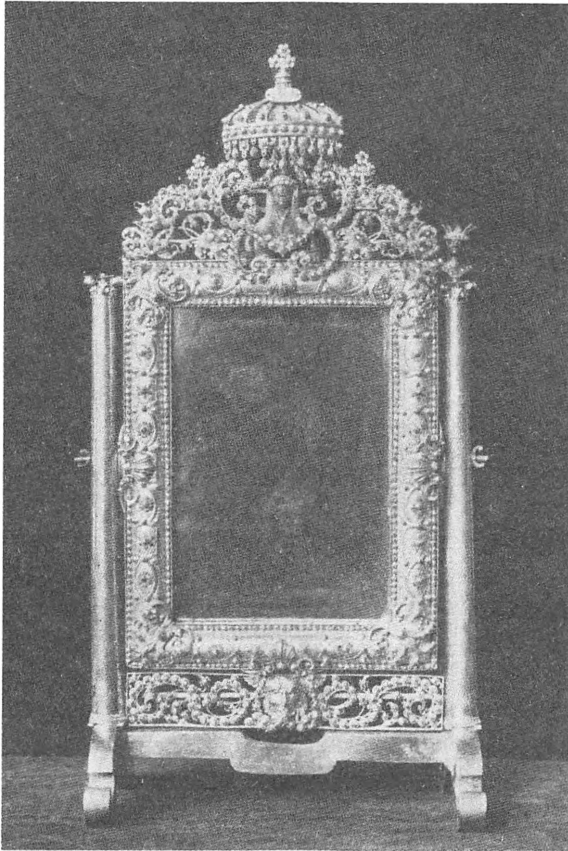
Какъ извѣстно, онъ и не подумалъ этого сдѣлать. Новый сюрпризъ ожидалъ европейскій міръ, готовый уже провозгласить торжество коалиціи. Подвинувшись было впередъ, Апраксинъ повернулъ затѣмъ обратно къ Тильзиту, сдѣлалъ видъ, что хочетъ здѣсь укрѣпиться, но черезъ нѣсколько недѣль окончательно отступилъ и перешелъ за Нѣманъ. Причина этого невѣроятнаго отступленія вызвала среди историковъ множество споровъ, которые не кончились и до сихъ поръ. Старались объяснить ее и продажною русскаго главнокомандующаго, и преданностью великаго князя Пруссіи, и интригами великой княгини, и происками Бестужева, и наконецъ, какъ и всегда, ошибками тайной дипломатіи Людовика XV и ея симпатіями къ полякамъ ¹.

Прежде всего я сниму подозрѣніе съ послѣдней обвиняемой. Утверждали, будто отступленіе Апраксина было вызвано вмѣшательствомъ графа Брольи, который сдѣлался въ Варшавѣ защитникомъ подданныхъ Августа III, жестоко страдавшихъ отъ войны. Русская армія стояла, дѣйствительно, на берегахъ Вислы, и мѣстные жители терпѣли отъ солдатъ всевозможныя неудобства, реквизиціи и незаконные поборы. На это раздавались, конечно, жалобы, вполне основательныя, какъ это признали впоследствии даже русскія военныя власти ²; вполне естественно также, что въ силу историческихъ отношеній, установившихся между Польшей и Франціей, представитель Людовика XV сталъ адвокатомъ пострадавшихъ. Но чтобы его воля или власть могли остановить побѣдоносное шествіе Апраксина и помѣшать успѣхамъ русскихъ наканунѣ рѣшительнаго столкновенія между французской и прусскою арміями,—это совершенно неправдоподобно и въ то же время бездоказательно. Если бы французскій агентъ сдѣлалъ такую попытку, это было бы съ его сто-

¹ Vandal, «Louis XV et Elisabeth», стр. 315—316.

² «Архивъ кн. Воронцова», т. VI, стр. 360.

роны актомъ государственной измѣны, и уdatся ему она ни въ какомъ случаѣ не могла. Но переписка графа Брольи доказываетъ, что онъ никогда не помышлялъ ни о чемъ подобномъ. Онъ защищалъ въ ней своихъ польскихъ кліентовъ,—это правда, но въ письмахъ къ маркизу Лопиталю онъ говорилъ о необхо-

Туалетное зеркало императрицы Елизаветы Петровны.

(Императорскій Эрмитажъ).

димости замѣнить Апраксина болѣе энергичнымъ и твердымъ генераломъ, а послѣ Гроссъ-Эгерсдорфа указалъ на опасность, которая, по его мнѣнію, грозила Польшѣ не отъ дальнѣйшаго движенія русской арміи въглубь Пруссіи, напротивъ отъ ея отступленія, связаннаго съ зимовкой — въ предѣлахъ Рѣчи

Посполитой. А когда Апраксинъ отступилъ, онъ строго осудилъ его ¹.

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, я, пристально изучивъ факты, относящіеся къ этому спорному вопросу, пришелъ со своей стороны къ заключенію, что отступление русскаго генерала стоитъ въ несомнѣнной связи съ нездоровьемъ Елизаветы, случившимся въ первыхъ числахъ сентября. 8-го, въ день Рождества Богородицы, когда императрица возвращалась одна изъ приходской церкви въ Царскомъ Селѣ, ей сдѣлалось дурно, и она упала замертво въ нѣсколькихъ шагахъ отъ храма. Ее окружила толпа, не смѣвшая подойти къ ней близко, и въ первую минуту думали, что она скончалась; какая-то женщина изъ народа прикрыла ей платкомъ лицо. Сбѣжавшіяся придворныя дамы тщетно старались привести Елизавету въ чувство. Лейбъ-медикъ императрицы, Кондоиди, былъ боленъ и за его отсутствіемъ не знали, къ кому обратиться. Наконецъ явился французскій хирургъ Фюзадье и пустилъ императрицѣ кровь, но это не дало августѣйшей больной облегченія; принесли кушетку и ширмы и два часа неотступно ухаживали за Елизаветой; она попрежнему не приходила въ себя. Когда ее перенесли во дворецъ, обморокъ кончился, но императрица не могла говорить, такъ какъ прикусила себѣ языкъ. Нѣсколько дней она оставалась между жизнью и смертью ², и роковой исходъ казался не только возможнымъ, но почти неизбѣжнымъ. А это возвѣщало: перемѣну царствованія, которая должна была произвести полный переворотъ во внѣшней политикѣ Россіи, восшествіе на престолъ государя, и душой, и тѣломъ преданнаго Фридриху, и торжество Бестужева; находившагося, какъ это было всѣмъ извѣстно, въ большой милости у молодого двора. И какъ разъ въ ту минуту, когда до Апраксина могло дойти извѣстіе о болѣзни государыни, онъ и отдалъ приказъ объ отступленіи. Нѣкоторые историки смѣшали при этомъ два различныхъ движенія русской арміи: ея возвращеніе къ Тильзиту по распоряженію военнаго совѣта, собравшагося 27 августа, и рѣшеніе эвакуировать Пруссію, принятое въ ночь съ 14 на 15 сентября. Первое

¹ Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ, Россія, т. IX, письма гр. Врольи отъ 18 іюня, 25 іюля, 29 и 30 сент. и 21 окт. 1757 г.

² «Mémoires de Catherine», стр. 298. Лондонское изданіе; Бильбасовъ, «Исторія Екатерины II», т. I, стр. 337.

объяснялось отсутствием провіанта, но не исключало намѣренія двинуться дальше на Кенигсбергъ, когда запасы провіанта будутъ пополнены ¹, второе же не имѣло никакой видимой причины. Чтобъ объяснить его, ссылались на безпорядокъ, царившій въ интендантской части арміи, не знавшей, гдѣ взять лошадей для обоза, и куда дѣвать пятнадцать тысячъ больныхъ и раненыхъ. Но вѣдь это были обычные условія, въ которыхъ всегда приходилось дѣйствовать русской арміи!

Апраксинъ, конечно, не сумѣлъ принять необходимыхъ мѣръ, чтобъ обезпечить своимъ войскамъ продовольствие, а своимъ поведеніемъ въ завоеванной страны онъ создалъ себѣ только новыя препятствія въ этомъ отношеніи. Австрійскій военный агентъ говоритъ объ этомъ въ своемъ рапортѣ: «(Апраксинъ) горячо увѣрялъ жителей Пруссіи, что будетъ покровительствовать имъ. Они приходили къ нему со всѣхъ сторонъ, приносили присягу на вѣрность и покорно отдавали все, что отъ нихъ требовали. Но едва они выказали свое довѣріе, какъ русскіе стали злоупотреблять имъ, сжигая ихъ деревни, убивая и насилуя жителей, взламывая двери церквей и отрывая погребенныхъ, и наконецъ неслыханными ужасами превратили въ пустыню воздѣланную и плодородную страну, въ которой всякая другая армія нашла бы возможность прокормиться въ теченіе долгаго времени» ². Но и этимъ обстоятельствомъ можно объяснить лишь отступленіе Апраксина въ Тильзитъ, а никакъ не его бѣгство за Нѣманъ. Впрочемъ, картина, нарисованная австрійскимъ офицеромъ, несомнѣнно страдаетъ преувеличеніемъ, и ему вѣришь съ трудомъ, когда онъ рассказываетъ, какъ казаки поднимали раненыхъ и рѣзали ихъ на куски, чтобъ ѣсть. Вопреки русскимъ военнымъ писателямъ, которые, мнѣ кажется, должны были уступить въ данномъ случаѣ требованіямъ официальной исторіи, я остаюсь при моемъ предположеніи, тѣмъ болѣе, что въ то время, когда происходили всѣ эти событія, никто не объяснялъ иначе отступленія Апраксина. Въ Петербургѣ Эстергази былъ пораженъ совпаденіемъ, на которое я указывалъ выше, и вывелъ изъ него тѣ же заключенія, что и я ³. Объ этомъ совпаденіи упоминалось, повидимому, и въ слѣдствіи, наряженномъ противъ

¹ Лееръ, «Обзоръ войнъ...», т. IV, стр. 181.

² Ноябрь 1757 г. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ, Россія, LIV, 324.

³ Деша Эстергази Кауницю отъ 27 сент. 1787 г. С.-Петерб. Вѣнскій архивъ, на нѣмецкомъ языкѣ.

русскаго главнокомандующаго; и такъ же объясняетъ дѣло и сама Екатерина въ своихъ «Запискахъ»¹, стараясь снять при этомъ лично съ себя всякую отвѣтственность. У Апраксина было при дворѣ много друзей, готовыхъ за него вступиться. Но ихъ усилія не привели ни къ чему, и побѣдитель при Гроссѣ-Эгерсдорфѣ былъ смѣщенъ въ концѣ ноября, когда стали очевидны послѣдствія его гибельнаго рѣшенія, и положеніе его побѣжденнаго врага рѣзко измѣнилось къ лучшему.

Въ сентябрѣ, послѣ сраженія Левальдта и капитуляціи герцога Кумберландскаго въ Клостерсевенъ (8 сентября 1757 г.) Фридрихъ могъ считать себя погибшимъ. Но въ октябрѣ, поручивъ Левальдту прогнать шведовъ изъ Помераніи, онъ съ нѣсколькими полками двинулся навстрѣчу французской арміи Субиза, которую Бехтѣвъ, основываясь на парижскихъ слухахъ, ставилъ еще ниже, нежели маркизъ Лопиталь русскую, видѣнную имъ въ Ригѣ. Ее называли, писалъ Бехтѣвъ, «арміей крайней дружбы», объясняя причинами сентиментальнаго свойства выборъ главнокомандующаго; армія же, во главѣ которой стоялъ д'Эстре, называлась «*armée d'admiration*», «ибо всѣмъ этотъ второй выборъ былъ удивителенъ», и наконецъ корпусъ герцога Ришелье назывался «арміей бочаровъ»—«*armée des tonneliers*», потому что «она опредѣлена была для подкрѣпленія округовъ имперскихъ, и они, какъ бочары, имѣли бочку *обручами* (*par les cercles*) скрѣплять»². Встрѣча прусскаго короля съ этими войсками, которыя заранѣе высмѣивались, произошла 5 ноября.

Эта встрѣча была битвой при Росбахѣ.

А нѣсколько недѣль, спустя лишенный командованія, Апраксинъ былъ арестованъ въ Ригѣ; ему грозилъ судъ, который друзьямъ его удалось оттянуть до августа 1758 года. Но слѣдствіе надъ нимъ закончилось, едва начавшись, потому что Апраксинъ скончался отъ апоплексическаго удара при первомъ же допросѣ. Но зато этотъ ничего не открывшій процессъ принесъ другой результатъ, который, съ точки зрѣнія интересовъ антипрусскаго коалиціи, почти вознаградила ее за пораженія, понесенныя ею во время кампаніи. Я говорю о паденіи Бестужева.

¹ «Mémoires de Catherine». Лонд. изд., стр. 284.

² «Архивъ кн. Воронцова», т. III, стр. 294.

III.

Паденіе Бестужева.

Оно было вызвано еще и другими причинами. Послѣ Росбаха маркизъ Лопиталь сталъ мечтать объ отомщеніи прусской партіи за общія несчастья на войнѣ и вошелъ въ соглашеніе съ графомъ Брольи, чтобы отозвать изъ Петербурга поляка, которому было суждено сыграть въ исторіи такую странную роль, и который передъ тѣмъ, какъ служить въ Варшавѣ безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ великой Екатерины и великаго Фридриха, съ тою же преданностью, слѣпо защищалъ теперь въ Россіи интересы великой княгини и ея политическихъ друзей. Графа Брольи напрасно упрекали въ томъ, что онъ поступилъ въ данномъ случаѣ самовольно¹. Понятовскій былъ племянникомъ Чарторыйскихъ и представителемъ русской партіи, во главѣ которой они стояли въ Польшѣ,—слѣдовательно, естественнымъ противникомъ политики французскаго посла въ Варшавѣ. Но прежде чѣмъ предпринять противъ него какія нибудь мѣры, графъ Брольи заручился на этотъ счетъ формальнымъ приказомъ отъ Берни, о которомъ, впрочемъ вѣроятно, самъ хлопоталъ². Этотъ приказъ былъ отданъ еще до болѣзни Елизаветы въ сентябрѣ 1757 года, когда Версальскій дворъ только и думалъ о томъ, какъ бы угодить императрицѣ, по донесеніямъ маркиза Лопиталья, съ нескрываемымъ нетерпѣніемъ переносившей интриги поляка и его интимныя отношенія съ великой княгиней, которыя получали съ каждымъ днемъ все болѣе нежелательную огласку. Но послѣ болѣзни Елизаветы Берни испугался и рѣшилъ вернуть себѣ скорѣе милость великой княгини и великаго канцлера, по слухамъ опять входившаго въ силу. Онъ немедленно послалъ поэтому второй приказъ, отмѣнявшій первый³, что и могло ввести въ заблужденіе нѣкоторыхъ историковъ. Понятовскій захворалъ очень кстати, чтобъ отложить свой отъѣздъ, и маркизъ Лопиталь долженъ былъ согласиться на его присутствіе въ Петербургѣ. И Елисавета съ удивленіемъ узнала, что невыносимый интриганъ, котораго уже такъ давно осуждала

¹ Vandal, «Louis XV et Elisabeth», стр. 316.

² Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ. Россія, прибавленіе, т. IX, л. 129.

³ Дешети Берни отъ 25 января, 9 и 18 февраля 1758 г. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

Франція, теперь остается при ея дворѣ съ соизволенія своихъ прежнихъ обвинителей. Она не колеблясь объяснила этотъ неожиданный оборотъ дѣла новыми происками великой княгини и канцлера и увидѣла въ этомъ вызовъ, брошенный ей молодымъ дворомъ. Возбужденные надеждой захватить вскорѣ власть въ свои руки, Екатерина и ея сторонники дѣйствительно потеряли всякое чувство мѣры и осторожность въ своихъ поступкахъ. И уже давнишнее раздраженіе Елизаветы противъ ея неискренняго и вѣроломнаго министра дошло теперь до того, что она не могла сдерживать его больше.

Бесѣдуя съ государыней, Эстергази былъ пораженъ ея враждебностью къ Бестужеву, которую она уже не пыталась скрывать.

— Не знаю право, что дѣлать съ этимъ человѣкомъ!—говорила она.

Онъ отвѣтилъ шутя:

— Поручите его моимъ заботамъ, ваше величество. Я дамъ ему пенсію. Мы только выиграемъ отъ этого.

Этотъ разговоръ происходилъ во время бала, въ отдаленной гостиной, куда Елизавета, чувствовавшая себя по обыкновенію плохо, скрылась отъ шума. Маркизь Лопиталь присутствовалъ при немъ. Бестужевъ, насторожившись, бродилъ возлѣ дверей съ озабоченнымъ лицомъ. Великій князь бросалъ въ сторону гостиной взгляды, полные гнѣва. Въ воздухѣ чувствовалось приближеніе бури. Австрійскому послу и прежде приходило въ голову, что царица подумываетъ о томъ, чтобы освободить изъ темницы несчастнаго Іоанна Антоновича и измѣнить въ его пользу завѣщаніе о престолонаслѣдіи. Возможно, правда, что дважды приказывая привозить его къ себѣ, Елизавета дѣйствовала не только подъ вліяніемъ простаго любопытства. Воронцовъ, тоже встревоженный, уговаривалъ великаго князя подойти къ теткѣ.

— Я не хочу быть въ обществѣ этого арлекина!

Такъ называлъ великій князь Лопиталья. Затѣмъ онъ прибавилъ: «Я не могу больше жить при этомъ дворѣ! Я попрошу императрицу, чтобы она отпустила меня на мою родину, гдѣ мнѣ будетъ пріятнѣе жить въ качествѣ простаго поручика»... ¹

¹ Эстергази Каупицу. С.-Петербург. 23 ноября 1757 г. Вѣнскій архивъ, на нѣмецкомъ языкѣ.

Елизавета навѣрное замышляла что-то серьезное; но болѣзнь опять помѣшала исполненію ея плановъ. Въ ноябрѣ у нея повторился обморокъ, и она замѣтила, оправившись, какъ порѣдѣли ряды ея приближенныхъ. Когда она спрашивала кого-нибудь, ей неизмѣнно отвѣчали, что это лицо находится у великаго князя или у великой княгини. Взоры всѣхъ были обращены въ сторону восходящаго солнца. Почувствовавъ себя нѣсколько лучше въ январѣ 1758 года, она съ еще большимъ жаромъ рѣшила продолжать войну противъ Фридриха, и когда Вѣнскій дворъ сталъ хлопотать о присылкѣ вспомогательнаго корпуса въ 30.000 человекъ, она немедленно подписала указъ о его выступленіи. Въ то же время Александръ Шуваловъ отправился въ Нарву, чтобы допросить Апраксина, котораго подозревали въ томъ, что онъ поддерживалъ секретную переписку съ великой княгиней. Черезъ нѣсколько недѣль Бестужевъ былъ арестованъ, и повидимому и Екатерина должна была раздѣлить съ нимъ немилость императрицы. Ихъ обоихъ считали виновниками отступленія русской арміи.

Дѣло молодого двора было проиграно. Такъ можно было думать, по крайней мѣрѣ. Но великокняжеская чета научилась въ придворномъ мѣрѣ, гдѣ требуется столько гибкости и податливости, быстро примѣняться къ обстоятельствамъ. Молодой великій князь первый подалъ примѣръ женѣ. Маркизь Лопиталь былъ пораженъ, увидѣвъ его съ сіяющимъ лицомъ при извѣстіи объ арестѣ Бестужева:

— Какъ я жалѣю, маркизь, что мой бѣдный другъ Шетарди уже умеръ! Это извѣстіе доставило бы ему столько удовольствія!

Екатерина вначалѣ держала себя вызывающе; но черезъ нѣсколько дней, сознавъ свое безсиліе, смирилась и унизилась до того, что обратилась за помощью къ французскому послу. Къ Лопиталю явился сперва французскій купецъ Раймбертъ, довѣренное лицо Екатерины по ея денежнымъ дѣламъ, затѣмъ Штамке, министръ великаго князя, и еще другіе гонцы, которые умоляли маркиза воспользоваться своимъ вліяніемъ на императрицу, чтобы утишить ея гнѣвъ. Вопреки тому, что утверждалъ одинъ историкъ¹, и что было бы со стороны маркиза Лопиталья непростительной ошибкой, онъ не отказалъ Екатерину въ своихъ

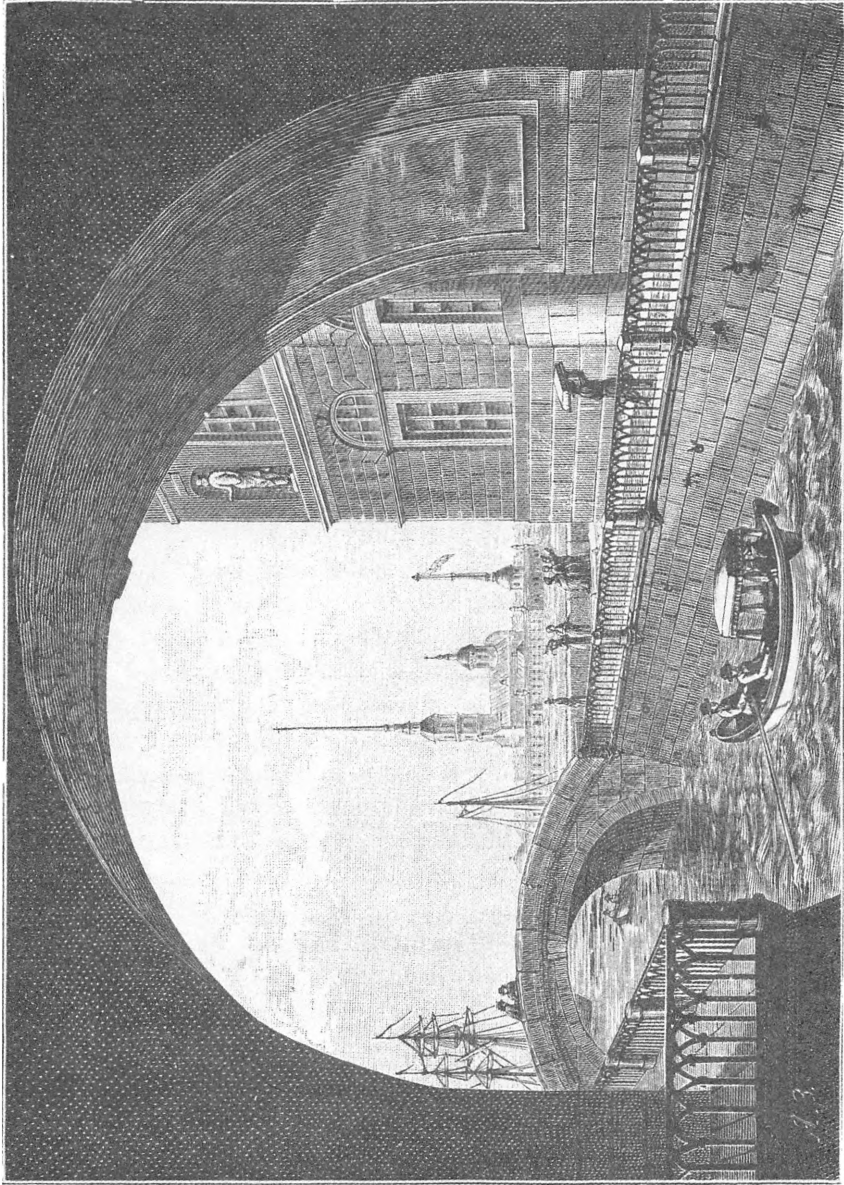
¹ Vandal, «Louis XV et Elisabeth», стр. 323.

услугахъ и устроилъ знаменитое свиданіе императрицы и великой княгини 13 апрѣля; Екатерина далеко не выказала при этомъ той неукротимой гордости, которой нѣкоторые историки надѣлили ее слишкомъ щедро. Будущая Сѣверная Семирамида проявила гораздо больше непослѣдовательности, чѣмъ гордости; послѣ разговора она было вернулась къ своимъ честолюбивымъ планамъ, потомъ кинулась къ Шувалову и даже прибѣгала къ услугамъ камердинера своего мужа, француза Брессана. Тутъ маркизъ Лопиталь дѣйствительно нашелъ, что ему незачѣмъ вмѣшиваться дальше въ чужія дѣла и, согласно французской поговоркѣ, «совать палецъ между деревомъ и корою». Онъ любилъ образныя выраженія. Впрочемъ, вторичное свиданіе обѣихъ женщинъ въ маѣ, повидимому, вполне ихъ примирило¹; интересы же Франціи, въ сущности, не затрагивались этой ссорой, которая была слѣдствіемъ французской побѣды.

Потому что паденіе Бестужева было несомнѣнно побѣдою Франціи. Только ни Россія, ни Франція не сумѣли воспользоваться ею, и, вслѣдъ за неудачами, постигшими ихъ на войнѣ, онѣ сдѣлали рядъ новыхъ ошибокъ. Зарождавшіяся между обѣими странами симпатіи подняли вопросъ громадной важности для будущаго ихъ взаимныхъ отношеній: вопросъ о замѣнѣ англійскихъ товаровъ французскими на русскомъ рынкѣ. Но французскіе коммерсанты выказали тутъ, къ сожалѣнію, тѣ же отрицательныя свойства—излишнюю и щепетильную осторожность, которыя и теперь парализуютъ ихъ предприимчивость въ ущербъ передъ ихъ конкуррентами. Французскій консулъ въ Петербургѣ объяснялъ въ своемъ письмѣ въ Парижъ, почему начатые были переговоры ни къ чему не привели:

«Новыя обложенія, которыя генеральныя откупщики нашли необходимымъ произвести, прежде чѣмъ вступить въ договоръ съ Россіей (вопросъ шель какъ разъ о торговлѣ табакомъ), послужили для заключенія его непреодолимымъ препятствіемъ, вслѣдствіе чего договоръ, подписанный господами Раймбертомъ и Мишелемъ вмѣстѣ съ графомъ Петромъ Шуваловымъ, надо считать уничтоженнымъ... Онъ (Шуваловъ) крайне обиженъ, и это вполне естественно, тѣмъ, что мы ему измѣнили послѣ того, какъ склонили его при посредствѣ нашего посла... нару-

¹ Дешеш маркиза Лопиталья отъ 24 марта, 14 и 23 мая 1658 года. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ. Ср. «Романъ Императрицы», стр. 121.

Видъ Петропавловской крѣпости въ концѣ XVIII столѣтія.

Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры Иренѣусомъ.

(Изъ собранія П. Я. Дашкова).

шить договоръ, заключенный имъ съ одной англійской фирмой... Отвѣтъ его былъ таковъ:—«Я больше не хочу слышать о французсахъ; они ничего не понимаютъ въ дѣлахъ». Онъ сказалъ также другому лицу, говоря объ англичанахъ и французсахъ:—первые негоціанты, а вторые лавочники»¹.

Итакъ, побѣждая Францію на морѣ, Англія и тутъ сумѣла воспользоваться нерѣшительностью своей соперницы. Въ то же время и Европа, удивленная пораженіемъ при Росбахѣ и склонная первоначально смотрѣть на него, какъ на случайную неудачу, которую будетъ легко исправить, напрасно поджидала съ театра войны извѣстія о томъ, что слава французскаго оружія возстановлена. Въ Петербургѣ разочарованіе послѣ Росбаха было очень велико, и это отразилось на тѣхъ зарождающихся симпатіяхъ, о которыхъ я говорилъ выше, тѣмъ болѣе, что въ эту зиму, столь несчастную для коалиціи, война, казалось, обрушилась всей своей тяжестью на одну Россію, отдавъ въ ея руки и лавры побѣдительницы, и судьбу Фридриха.

IV.

Кенигсбергъ и Цорндорфъ.

Въ январѣ 1758 года русская армія, подъ начальствомъ новаго главнокомандующаго, графа Фермора, двинулась впередъ по пути, съ котораго отступилъ Апраксинъ. Вступивъ вновь въ Тильзитъ, Ферморъ увидѣлъ, что дорога на Кенигсбергъ передъ нимъ открыта. Фридрихъ считалъ бесполезнымъ повторять опытъ Гроссъ-Эгерсдорфа, и Левальдтъ былъ далеко: сперва онъ былъ занятъ освобожденіемъ Помераніи, затѣмъ отозванъ вглубь Германіи. И 10 января въ русскій лагерь явилась депутація отъ почетныхъ гражданъ Кенигсберга, соглашавшихся отдать городъ безъ бою, «подъ условіемъ сохраненія ихъ правъ, льготъ и преимуществъ»: они требовали многого за очень малую цѣну: Левальдтъ предусмотрительно вывезъ изъ Кенигсберга и гарнизонъ, и деньги, и провіантскіе магазины. Однако Ферморъ согласился на капитуляцію и добросовѣстно выполнилъ ея условія. Онъ былъ человѣкъ германской культуры, а его штабъ, какъ извѣстно, состоялъ по преимуществу изъ нѣмцевъ. Русскіе историки единогласно и довольно строго осуждаютъ его за эту снис-

¹ 1 янв. 1758 г. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ. Россія, дополн., т. X.

ходительность къ пруссакамъ. Фридрихъ, — говорятъ они, — поступалъ совершенно иначе въ Саксоніи. Это правда, но не всякій могъ позволить себѣ нарушать безнаказанно самыя священныя права справедливости и человѣчности, какъ это дѣлалъ прусскій король. Ему давала на это право его безпримѣрная смѣлость, почти всегда увѣнчивавшаяся успѣхомъ. Но зато, благодаря проявленной русскими умѣренности, они въ теченіе всей войны мирно владѣли завоеванной провинціей, почти не встрѣчая съ ея стороны сопротивленія.

На слѣдующій день русскія войска вошли въ Кенигсбергъ подъ звуки трубъ и литавръ и колокольный звонъ. Ферморъ былъ назначенъ «генераль-губернаторомъ Прусскаго королевства» и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ двуглавый орелъ парилъ надъ краемъ, когда-то оторванномъ отъ Польши. Оружіемъ другого племени — увы! — и подъ другимъ знаменемъ славянство вернуло себѣ свое прежнее владѣніе. Но, къ несчастью, — мы обязаны быть справедливыми и къ нашимъ врагамъ — на этой землѣ, обработанной и воздѣланной трудолюбивыми потомками тевтонскихъ меченосцевъ, и въ ея столицѣ Кенигсбергѣ, откуда вскорѣ ученіе Канта разнеслось по всему міру, славяне сыграли на этотъ разъ печальную роль. Побѣдителями стариннаго университетскаго города оказались товарищи разгульнаго и удалого офицера, который, прежде чѣмъ повести Екатерину къ престолу, избралъ завоеванную Пруссію и ея столицу ареной для своихъ подвиговъ: красавецъ Орловъ оставилъ въ Кенигсбергѣ непріятныя воспоминанія. Но это обычное возмездіе исторіи. Съ одиннадцатаго до шестнадцатаго вѣка Восточная Пруссія принадлежала другимъ славянамъ, и отъ германцевъ, не отличавшихся въ то время въ этихъ краяхъ ни трудолюбіемъ, ни знаніями, зависѣло предоставить Польшѣ Ягелловъ закончить начатое ею здѣсь культурное дѣло, которое она столь блестяще выполняла въ другихъ мѣстахъ, вспахавъ прибрежныя равнины Вислы, основавъ промышленные города у подножія Карпатъ и открывъ въ Краковѣ славянскій университетъ, раньше Кенигсбергскаго, раньше Лейпцигскаго и Гейдельбергскаго (1364 г.). Но весь этотъ культурный трудъ былъ разрушенъ огнемъ и мечомъ, и воинствующая Германія приняла участіе въ его истребленіи. Теперь война заставила ее за это расплатиться.

Русскіе не могли, конечно, продолжать въ Восточной Пруссіи дѣла, начатаго поляками. Тѣмъ не менѣе ихъ образъ дѣй-

ствій въ этой провинціи нашель себѣ своеобразныхъ защитниковъ и при этомъ—долженъ прибавить— не въ Россіи. Одинъ нѣмецкій историкъ, говоря о завоеваніи Пруссіи, указаль на нѣкоторыя черты побѣдителей, которымъ другой его французскій собратъ, въ силу предвзятого и неумѣстнаго доброжелательства къ русскимъ, придасть преувеличенное значеніе: «Многіе русскіе офицеры, — говоритъ французскій историкъ, — принадлежали къ семьямъ болѣе богатымъ и съ болѣе утонченной культурой, нежели тѣ, что жили въ завоеванной провинціи... Они лучше говорили по-французски; носили платье изящнаго покроя, они привыкли къ изысканному столу, тонкимъ винамъ, къ нарядной и роскошной сервировкѣ... Они распространили въ Пруссіи почти неизвѣстный тамъ прежде чай, бывшій большою рѣдкостью, кофе, и пуншъ, который удивилъ и привелъ въ восторгъ пруссаковъ... Русскій губернаторъ приглашалъ нѣмецкихъ дамъ къ себѣ на вечера. Офицеры плѣнили ихъ свѣтскостью своего разговора и ловкостью въ танцахъ... Не одинъ романъ завязался между просвѣтителями и просвѣщаемыми». Такимъ образомъ,—заканчиваетъ авторъ свои восхваленія,—совершился тотъ неожиданный фактъ, что «русскіе цивилизовали нѣмцевъ въ Восточной Пруссіи»¹.

Я считаю всякіе комментаріи къ этому излишними. Авторъ «Критики чистаго разума» въ то время уже родился; онъ только что напечаталь въ Кенигсбергѣ свои первые философскіе опыты, и легко судить, какое вліяніе могли оказать на его умъ эти, иного рода, культурные опыты русскихъ просвѣтителей.

Побѣдители вели себя въ Пруссіи довольно человѣчно и миролюбиво: вотъ все, что можно поставить имъ въ заслугу. Они предоставили жителямъ свободу вѣры и торговли и открыли имъ доступъ на русскую службу: повидимому, русскіе были намѣрены обосноваться въ Восточной Пруссіи прочно. Двуглавые орлы вездѣ замѣнили прусскіе. Вскорѣ въ Кенигсбергѣ появилась православная церковь; затѣмъ здѣсь выстроили монастырь; стали чеканить монету,—а въ нѣкоторыхъ коллекціяхъ сохранились еще экземпляры русской серебряной монеты съ изображеніемъ Елизаветы и подписью: *Elisabeth rex Prussiae*².

¹ A. Rambaud, «Russes et Prussiens», стр. 142; см. Hasenkamp, «Ostpreussen unter dem Doppelaar».

² Существованіе этой монеты напрасно оспаривается нѣкоторыми нѣмецкими писателями; образчики ея можно видѣть въ извѣстныхъ коллекціяхъ.

Населеніе въ общемъ быстро свыклося съ новымъ режимомъ, и въ 1760 году отправило въ Петербургъ депутацію благодарить новаго *прусскаго короля* за его милостивое правленіе. Но Фридрихъ не могъ раздѣлять этихъ чувствъ, тѣмъ болѣе, что завоеваніе Восточной Пруссіи было, повидимому, лишь первой оставкой русскихъ на ихъ пути вглубь его страны. Ферморъ, правда, не торопился подвигаться впередъ. Однако весной 1758 года получивъ настоячивыя приказанія изъ Петербурга, онъ выступилъ со своими войсками по направленію къ Бранденбургу. Извѣстіе объ этомъ вначалѣ не испугало героя Росбаха, еще полного упоеніемъ недавнихъ побѣдъ, къ которымъ въ декабрѣ 1757 года прибавилась Лейденская битва, столь гибельная для австрийцевъ. Что же касается до сраженія при Гроссъ-Эгерсдорфѣ, то Фридрихъ, много разъ измѣняя свой взглядъ на нее, въ концѣ концовъ пришелъ къ убѣжденію, что ея несчастный исходъ былъ слѣдствіемъ неспособности старика Левальдта. Молодой генералъ, рѣшилъ онъ, легче справится съ «сѣверными медвѣдями». Онъ поручилъ, поэтому, графу Дона командованіе корпусомъ, который долженъ былъ остановить движеніе русскихъ, и написалъ Кейту, бывшему генералу русской службы, перешедшему въ его армію: «Думаю, что мы раздѣлаемся съ ними быстро и недорогою цѣной... это жалкія войска» ¹.

И дѣйствительно, русскіе попрежнему производили на иностранцевъ жалкое впечатлѣніе. Двое прикомандированныхъ къ арміи Фермора французскихъ офицеровъ, Менаже и Фиттингофъ, изъ которыхъ второй былъ курляндецъ родомъ, писали: «Правда заставляетъ насъ сказать, что только чистой случайности надо будетъ приписать тѣ счастливыя событія, которыя могутъ произойти съ этой арміей... Нарушеніе дисциплины увеличивается въ ней съ каждымъ днемъ; грабежъ становится всеобщимъ;... главнокомандующій прячется;... когда онъ выходитъ изъ лагеря, то никогда не знаетъ, куда отправиться теперь. Часто недостатокъ воды и неудобства почвы заставляютъ его армію сдѣлать при переходѣ лишніхъ три, четыре мили... Обозъ подѣзжаетъ обыкновенно только на третій день. Изъ дивизіи князя Голицына за двѣ недѣли дезертировало сто солдатъ... Кромѣ того болѣзнь, вызванная недостаткомъ пищи и бессонными ночами, употребленными на то, чтобы молотъ зерно, уноситъ много

¹ «Pol. Corrесп.», т. XVI, стр. 329.

людей...; полки, состоящіе изъ тысячи четырехсотъ человѣкъ едва ли насчитываютъ теперь и половину»¹.

Однако свидѣтель, правдивости котораго, въ виду его нѣмецкаго происхожденія, казалось бы, трудно заподозрить, а именно пасторъ Теге, авторъ записокъ, ставшихъ теперь почти библіографической рѣдкостью², утверждаетъ противное,—что касается, по крайней мѣрѣ, вопроса о воинской дисциплинѣ у русскихъ: она была будто бы образцовой, даже среди калмыковъ. Правда, Теге, хоть и нѣмецъ родомъ и протестантъ, состоялъ при русской арміи и могъ быть не вполне безпристрастнымъ; да и приключеніе, случившееся съ нимъ самимъ, опровергаетъ въ большой мѣрѣ его слова: онъ рассказываетъ, какъ на него напали казаки и ограбили его до-чиста, снявъ съ него даже платье.

Ферморъ оправдывалъ вначалѣ самые нелестные отзывы объ его арміи медлительностью ея передвиженія. Но въ іюлѣ, подгоняемый приказами изъ Петербурга, онъ появился наконецъ подъ стѣнами Кюстрина, этого ключа Бранденбурга. Фридрихъ никакъ не ожидалъ, что онъ зайдетъ такъ далеко. Какъ смѣлъ Дона не остановить его раньше? Король отдалъ Дона на этотъ счетъ самый точный приказъ и, кромѣ того, какъ прежде Левальдту, составилъ для него подробную инструкцію и чуть ли не планъ будущей битвы: «Вы можете разбить ихъ (русскихъ) со стороны Штернберга, и затѣмъ повернете свои войска противъ шведовъ». И онъ укорялъ теперь Дона за то, что этотъ преувеличиваетъ численность войскъ Фермора. Русскій генералъ могъ имѣть въ своемъ распоряженіи не больше тридцати пяти тысячъ человѣкъ,—увѣрялъ Фридрихъ.

Урокъ Гроссъ-Эгерсдорфа пропалъ для него даромъ.

Но упрекать Дона было уже поздно, и Фридрихъ рѣшилъ лично исправить его ошибку: если Кюстринъ будетъ взятъ, то Берлину грозитъ участь Кенигсберга. Форсированнымъ маршемъ онъ двинулся на соединеніе со своимъ генераломъ, приказавъ гарнизону крѣпости держаться до его прихода «подъ страхомъ смерти и величайшихъ наказаній, если только кто-нибудь заикнется о сдачѣ»³. 11-го августа обѣ прусскія арміи соединились,

¹ Рапортъ, посланный изъ Познани, отъ 9 іюля 1758 г. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

² Переводъ ихъ напечатанъ въ «Русскомъ Архивѣ» за 1864 г.

³ «Pol. Congres.», т. XVII, стр. 174.

но Кюстринъ уже пылалъ. Фридрихъ гнѣвно смотрѣлъ на пожаръ изъ Франкфурта и поспѣшилъ разгласить по всей Европѣ о варварствѣ своихъ враговъ. По его словамъ, они совершили ужасы, которыхъ «чувствительное сердце не могло выносить безъ жесточайшей горечи», насильовали женщинъ, высѣкли одну принцессу и увели ее въ лѣсъ... «Если бы они насильовали только женщинъ!»—воскликнула со своей стороны въ негодованіи жена Бейтенскаго бургомистра, ставшаго жертвой самаго отвратительнаго изъ покушеній¹. Мы были бы вполнѣ правы раздѣлить эту «чувствительность» и негодованіе, если бы не рассказъ приближеннаго короля, де-Катта, о несчастномъ калмыкѣ, попавшемъ въ руки прусскихъ развѣдчиковъ. Этотъ рассказъ показываетъ, что войска Фридриха не оставались передъ русскими въ долгу. Калмыка привели къ нѣмецкому генералу: «Увидя, что у него на груди виситъ образокъ, генералъ хотѣлъ дотронуться до него палкой. Но плѣнный, думая, что у него отнять его святого, закрылъ образокъ обѣими руками. Генералъ въ ярости сталъ бить его по рукамъ палкой и съ такой силой, что руки вспухли и почернѣли. Однако калмыкъ не сдавался и продолжалъ прятать своего святого, и только съ грустью смотрѣлъ на генерала, бывшаго его столь жестоко; тотъ сталъ наносить ему тогда удары по лицу и залилъ его кровью»².

Война всегда жестока... Однако необходимо было, не теряя времени, наказать русскихъ за сожженіе Кюстрина и прійти на помощь осажденному городу. Но тутъ Фридрихъ увидѣлъ, что дѣло, порученное имъ прежде Дона, было далеко не столь просто, какъ казалось ему со стороны. И, отдавъ приказъ о непзбѣжной теперь битвѣ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ написалъ и свое завѣщаніе³. Это входило, правда отчасти въ его привычки, но лишь наканунѣ роковыхъ сраженій, когда, какъ при Лейтенѣ, онъ пыталъ счастье почти безъ надежды на успѣхъ. Впослѣдствіи великій полководецъ до безконечности мѣнялъ цифры, опредѣляя силы обѣихъ армій; русскія данныя на этотъ счетъ также довольно сбивчивы, и мы можемъ, поэтому, указать только приблизительныя чісла. Прусская армія равнялась, повидимому, тридцати

¹ De Catt, «Journal», 1885 г. стр. 402.

² Онъ же, «Mes entretiens avec Frédéric», 1885, стр. 153—154.

³ «Politische Correspondenz», т. XVII, стр. 183.

двумъ тысячамъ человѣкъ, а русская — пятидесяти тысячамъ, не считая нестроевыхъ войскъ. Ферморъ значительно ослабилъ свои силы, отдавъ Румянцову безумный приказъ двинуться къ сѣверу и осадить Кольбергъ, тогда какъ русскіе должны были еще прежде взять Кюстринъ, а для этого побѣдить самого Фридриха! Но двѣсти сорокъ русскихъ пушекъ противъ сотни прусскихъ орудій давали всетаки Фермору большой перевѣсъ надъ противникомъ. Зато съ пруссаками былъ ихъ король, и Фридриху ничего не стоило заставить Фермора снять осаду и перейти Одеръ у него на глазахъ. Разрушивъ ближайшія къ Кюстрину батареи, русскій главнокомандующій отступилъ къ сѣверо-востоку и укрѣпился въ деревнѣ Цорндорфъ, защищенной съ фронта рѣчкой Митцель съ очень высокими и крутыми берегами, на которыхъ онъ разставилъ свою сильную артиллерію. Но Фридрихъ и не подумалъ нападать на него съ фронта, а рѣшилъ его обойти и ударить по его незащищенному тылу и, прижавъ его къ рѣкѣ, отрѣзать ему путь къ отступленію. Благодаря этому маневру, онъ въ то же время становился между Румянцовымъ и главной русской арміей, фактически лишая Румянцова возможности съ ней соединиться, хотя русскаго генерала и упрекали впоследствии въ Петербургѣ за то, что онъ не примчался на помощь къ своему главнокомандующему¹. Это происходило днемъ 13 августа; отдавъ распоряженія о завтрашней битвѣ, король провелъ вечеръ съ де-Каттомъ въ разговорахъ о Мальзербѣ и Расинѣ. Онъ забавлялся тѣмъ, что передѣлывалъ на свой ладъ строфы Расина и Руссо и, прощаясь со своимъ секретаремъ, предложилъ ему винограду: «Кто знаетъ, придется ли намъ ѣсть его завтра?»² — сказалъ онъ.

На слѣдующій день Ферморъ очутился какъ разъ въ томъ положеніи, на которое рассчитывалъ Фридрихъ. Русская армія должна была сдѣлать полный крутой поворотъ, чтобъ перемѣнить фронтъ, и перевозить свою артиллерію въ виду непріятели, готоваго ринуться въ бой. «Ни одно ядро не пропадетъ у насъ даромъ!» — воскликнулъ весело Фридрихъ и приказалъ открыть огонь по разстроеннымъ рядамъ русскихъ колоннъ, отброшенныхъ одна на другую и сжатыхъ въ плотную, беспорядочную массу. Подъ градомъ прусскихъ пуль замѣшательство среди рус-

¹ Catherine, «Mémoires», Лондонское изд., стр. 297.

² De Catt, «Journal», стр. 156.

скихъ усилилось, и король послалъ сказать Зейдлицу, чтобъ онъ докончилъ начатое артиллеріей истребленіе непріятеля, обмѣнявшись при этомъ съ начальникомъ своей блестящей конницы слѣдующими эпическими фразами:

— Скажите генералу, что онъ отвѣтитъ мнѣ головою за битву.

— Скажите королю, что послѣ битвы моя голова въ его распоряженіи.

Прусская кавалерія налетѣла на русскихъ въ критическую для нихъ минуту, удачно выбранную удалымъ боевымъ генераломъ, и подъ его бѣшеннымъ натискомъ армія Фермора дрогнула. Посреди круговаго движенія, которое ей приходилось совершать на глазахъ у непріятеля, ни одинъ изъ ея полковъ уже не стоялъ на своемъ мѣстѣ: нѣкоторые изъ нихъ, очутившись на противоположномъ концѣ лагеря, случайно наткнулись на маркитанскія бочки съ водкой, разбили ихъ, въ одну минуту тысячи солдатъ опьянѣли. Никто уже не слушалъ команду. Ферморъ, впрочемъ, бѣжалъ съ поля сраженія еще чуть ли не при первой атакѣ, говоря австрійскому генералу Сентъ-Андре: «Если нужно, я дойду и до Шведта». Тамъ стоялъ Румянцовъ со своимъ корпусомъ.

Но значило ли это, что Фридрихъ одержалъ наконецъ побѣду надъ русскими,—побѣду, которая не далась въ свое время Левальдту? Въ первую минуту король не сомнѣвался въ этомъ; однако онъ вскорѣ долженъ былъ признать свое заблужденіе. До побѣды было еще далеко. Того, на что рассчитывалъ Фридрихъ,—*нравственнаго* пораженія непріятеля, безъ котораго его матеріальныя потери стоили немногаго, не было замѣтно вовсе. Предоставленная самой себѣ, почти отданная во власть нападающихъ, русская армія продолжала драться. Она была въ безвыходномъ положеніи, но не выказывала никакого волненія. Не говоря уже о солдатахъ, даже офицеры не сознавали, повидимому, того, что происходитъ. Пруссаки появились съ сѣверной стороны, а не съ южной: не все ли равно? По справедливому замѣчанію одного русскаго историка ¹, фронтъ битвы былъ для нихъ тамъ, откуда нападалъ непріятель. И съ равнодушіемъ, тупымъ, но въ то же время великимъ, которымъ они послѣ Фридриха удивляли и приводили въ ужасъ не одного полководца,

¹ Лееръ, «Обзоръ войнъ...»

они не думали ни о бѣгствѣ, ни о сдачѣ. «Сами пруссаки говорятъ, что имъ представилось такое зрѣлище, какого они никогда еще не видывали,—пишетъ Болотовъ въ своихъ «Запискахъ».—Они видѣли вездѣ россiянъ малыми и большими кучками и толпами, стоящихъ по разстрѣляніи всѣхъ патроновъ своихъ, какъ каменныхъ, и обороняющихся до послѣдней капли крови, и что имъ легче было ихъ убивать, нежели обращать въ бѣгство. Многие, будучи прострѣлены насквозь, не переставали держаться на ногахъ и до тѣхъ поръ драться, покуда могли ихъ держать на себѣ ноги; иные, потерявъ руку и ногу, лежали уже на землѣ, а не переставали еще другою здоровою рукою обороняться и вредить своимъ непріятелямъ...» Де-Каттъ свидѣтельствуемъ о томъ же: «Русскіе полегли рядами; но когда ихъ рубили саблями, они цѣловали стволъ ружья и не выпускали его изъ рукъ». Самъ Фридрихъ подтверждаетъ это: «Они неповоротливы, но они держатся стойко, тогда какъ мои негодяи на лѣвомъ флангѣ бросили меня, побѣжавъ, какъ старья . . . .»¹.

Эта битва была въ короткихъ чертахъ тѣмъ, что повторилось впослѣдствіи при Эйлау, Смоленскѣ, Бородинѣ. Вечеромъ король отправилъ въ Берлинъ извѣщеніе о побѣдѣ, но онъ не достигъ той цѣли, которую преслѣдовалъ: русская армія, хотя и понесшая громадныя потери, не была уничтожена, не была доведена до необходимости сдаться и даже не была заперта въ томъ тупикѣ, въ который ее загналъ король: безпорядочное бѣгство лѣваго крыла прусской арміи дало ей свободный выходъ отъ рѣки, хотя до захода солнца она и не думала воспользоваться имъ для отступленія. Только ночью, вернувшись на свой постъ, Ферморъ приказалъ очистить поле битвы, которое его войска защищали такъ горячо. И Фридрихъ, уже возвѣстившій о капитуляціи русскихъ: «Ферморъ сдается... онъ сдался... впрочемъ, я еще не увѣренъ въ этомъ», долженъ былъ взять свои слова назадъ и утѣшиться, риемуя:

Quel vainqueur ne doit qu'à ses armes
Sôn triomphe et son bonheur?

Русскіе потеряли восемнадцать тысячъ убитыми и ранеными, восемьдесятъ пять пушекъ и около трехъ тысячъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ пять генераловъ. Они продолжали отступать, дойдя

¹ De Catt, «Journal», стр. 167; «Mes entretiens avec Frédéric», стр. 358.

до Ландсберга и переставъ угрожать Кюстрину¹. Однако, оставивъ въ свою очередь на полѣ сраженія десять тысячъ чело-
вѣкъ, а въ рукахъ непріятеля полторы тысячи плѣнныхъ, побѣдитель ихъ не могъ похвалиться тѣмъ, что уравнивалъ теперь съ ними свои силы. Ферморъ отступилъ на укрѣпленную пози-
цію, защищенную лучше первой

отъ неожиданныхъ сюрпризовъ отъ непріятеля, и, соединившись со свѣжими войсками Румянцова, могъ со дня на день дать Фридриху новую битву. Король готовился къ ней и былъ такъ мало увѣренъ въ побѣдѣ, что, когда одна крестьянка пришла просить его о мѣстѣ для своего сына, онъ отвѣтилъ: «Милая, какъ вы хотите, чтобъ я далъ мѣсто вашему сыну, когда я самъ не знаю, останусь ли на своемъ?»

Но у Фермора не хватило инициативы, и онъ продолжалъ воевать съ Фридрихомъ лишь при помощи реляцій, которыя посылалъ съ театра войны, газетныхъ статей и молебновъ. Но, увы! и тутъ его ждала неудача. Помѣстивъ первую депешу короля о побѣдѣ, газета «*Berlinische Nachrichten*» могла присоединить къ ней, въ номерѣ отъ 29 августа, еще вторую, радостную для пруссаковъ вѣсть о капиту-

ляціи Луисбурга, вмѣстѣ съ которымъ англичане получили и ключи отъ Канады! А Ферморъ въ первомъ рапортѣ, отправленномъ имъ въ Петербургъ, долженъ былъ назвать битву при Цорндорфѣ *неудачнымъ случаемъ*. Впослѣдствіи онъ измѣнилъ о ней свое мнѣніе; онъ тоже отслужилъ благодарственное молебеніе за по-

Матросъ Елизаветинскаго времени.

Съ гравюры Дальстена.

¹ См. подробности этого отступленія въ рапортѣ, посланномъ (изъ Ландсберга, 22-го августа 1758 г.) Воронцову принцемъ Карломъ саксонскимъ, присутствовавшимъ при битвѣ, но, повидимому, не выказавшимъ въ ней большой доблести. Его разсказъ полонъ горькихъ упрековъ по адресу Фермора. «Архивъ кн. Воронцова», т. IV, стр. 113.

бѣду, и русское правительство потребовало— правда безуспѣшно— чтобы Лондонская официальная газета напечатала опроверженіе извѣстій, пришедшихъ изъ Берлина, и чтобы журналистъ, посмѣявшійся надъ противниками Фридриха, былъ наказанъ. Въ Парижѣ же рѣшили, что Цорндорфская битва была побѣдой союзниковъ, и даже стали носить банты «à la Цорндорфъ»¹. Теперь этотъ спорный вопросъ уже не вызываетъ сомнѣній. Фридрихъ былъ побѣдителемъ при Цорндорфѣ, какъ въ свое время Наполеонъ при Бородинѣ, по тѣмъ же причинамъ, въ тѣхъ же предѣлахъ и съ тѣми же результатами. На обѣихъ поляхъ сраженій геній, расчетъ, дисциплина, превосходство вооруженія и военной организаціи дали все, что они могли дать, и до нѣкоторой степени возмѣстили недостатокъ численности, но рѣшительной побѣды не одержали,—потому что численность, эта матеріальная сила, была подкрѣплена со стороны русскихъ другой, нравственной силой, безграничной по своей устойчивости. Ферморъ не взялъ Кюстрина, какъ предполагалъ, и не открылъ себѣ дорогу въ Берлинъ. Но и Фридрихъ не уничтожилъ русскую армію и не отбросилъ ее за Варту, какъ намѣревался сдѣлать. Ограниченность русскаго главнокомандующаго проявилась при этомъ еще и въ томъ, что, отославъ Румянцова въ ту минуту, когда его присутствіе было такъ необходимо въ русской арміи, Ферморъ не сталъ ждать его возвращенія, а, поддавшись ложнымъ маневрамъ Фридриха, самъ двинулся на сѣверъ навстрѣчу своему младшему генералу². И кампанія кончилась тѣмъ, что обѣ арміи разошлись въ разныя стороны,—прусская въ Силезію, русская въ Померанію, гдѣ одинъ изъ нѣмецкихъ генераловъ Фермора, Пальменбахъ, приступилъ наконецъ къ осадѣ, столь не вовремя порученной Румянцову: Кольбергъ, плохо защищенный слабымъ гарнизономъ изъ двухъ баталіоновъ милиціи и нѣсколькихъ инвалидовъ, казался легкой добычей. Однако онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сумѣлъ устоять передъ натискомъ осаждающихъ. Хотя Фридрихъ и рассчитывалъ на это, но послѣ

¹ Goncourt, «La femme au dix-huitième siècle», стр. 333.

² Schaefer, «Geschichte des siebenjährigen Krieges», т. II, стр. 91; Schottmüller, «Die Schlacht von Zorndorf», 1858 г.; Масловскій, «Русская армія во время Семилѣтней войны», т. II, стр. 281 и сл.; Лееръ, «Обзоръ войнъ...», т. IV 2, стр. 190 и сл.; «Pol. Congresp.», т. XVI, стр. 191, 194, 198, 203, 241; «Архивъ вн. Воронцова», т. VI, стр. 314, т. VII, стр. 354; Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XXIV, стр. 204 и сл.

того, какъ онъ по личному опыту узналъ, какую силу представляютъ собою русскія войска, мысли его оставались мрачными. Онъ еще въ сентябрѣ писалъ своему брату: «Всѣ наши арміи находятся теперь въ критическомъ положеніи, слѣдовательно и ваша—также. Я это знаю, чувствую, но обязанъ держаться здѣсь твердо, пока не заставлю этихъ дикихъ звѣрей уйти за Ландсбергъ». Въ то же время черезъ Кейта, англійскаго посла, который оставался въ Петербургѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что Англія не ведетъ войны непосредственно съ Елизаветой, онъ пробовалъ войти съ Русскимъ дворомъ въ соглашеніе, и когда вдова Манштейна доставила ему рукописныя записки генерала, онъ поручилъ Герцбергу вычеркнуть изъ нихъ всѣ оскорбительныя для Россіи страницы¹. Въ октябрѣ, соединивъ съ войскомъ принца Генриха въ Саксоніи свою армію, сильно порѣдѣвшую послѣ понесенныхъ ею потерь, онъ потерпѣлъ при Гохкирхенѣ (14 окт. 1758 г.) жестокое пораженіе. Только его искусство и трусливость его побѣдителя спасли его отъ непоправимыхъ послѣдствій полного разгрома. Фридрихъ сумѣлъ даже заставить Дауна вывести австрійскія войска изъ Силезіи, и въ то же время нѣсколько эскадроновъ его гусарь, подъ командой Платена, навели панику на осаждавшихъ Кольбергъ и обратили ихъ въ бѣгство.

Годъ приходилъ къ концу, не давъ ни одному изъ противниковъ рѣшительнаго перевѣса, но всетаки значительно обезсилилъ армію Фридриха, особенно въ сравненіи съ русской. А Елизавета выражала между тѣмъ все болѣе твердое намѣреніе продолжать начатую борьбу, «хотя бы ей пришлось пожертвовать для этого послѣднимъ рублемъ и послѣднимъ солдатомъ»,—какъ она говорила Эстергази². Но зато внѣ Петербурга уже начинали возникать споры объ условіяхъ этой войны и о возможности ея продолженія. Рядъ непрерывныхъ пораженій вызвали въ Версалѣ утомленіе и упадокъ духа. «Повѣрьте мнѣ, безъ мира мы погибнемъ и погибнемъ постыдно»,—писалъ Берни Стенвиллю въ маѣ 1758 года³. Да и завоеваніе Восточной Пруссіи внушало Франціи вполнѣ понятныя опасенія, хотя она и не могла пожаловаться на поведеніе Россіи.

¹ «Pol. Corresp.», т. XVII, стр. 326, 440.

² Эстергази Маріи-Терезіи, С.-Петербургъ, 13 сент. 1758 г. Вѣнскій архивъ, на нѣмецкомъ языкѣ.

³ Bernis, «Mémoires», т. II, стр. 282.

V.

Версаль и Петербургъ.

Елизавета же, напротивъ, старалась, повидимому, угодить своей новой союзницѣ. Такъ, она рѣшила вопросъ о Курляндіи въ желательномъ для Франціи смыслѣ. Послѣ ссылки Бирона герцогство управлялось совѣтомъ, получавшимъ приказанія отъ русскаго резидента, хотя въ принципѣ и продолжало считаться польскимъ леннымъ владѣніемъ. А чтобъ поддержать въ Курляндіи свой авторитетъ, Россія требовала съ нея уплаты долга, достигавшаго по нѣскольکو произвольному расчету до двухъ съ половиною милліоновъ рублей¹. Но весною 1758 года Августъ III прислалъ въ Петербургъ своего сына Карла, который имѣлъ счастье понравиться императрицѣ; онъ домогался, при тайномъ содѣйствіи маркиза Лопиталья, наслѣдія Бирона, и Елизавета согласилась на его кандидатуру. Польскій сенатъ тоже перешелъ на его сторону послѣ того, какъ сеймъ былъ сорванъ, и Карлъ Саксонскій, по дорогѣ въ русскую армію, сумѣлъ добиться въ Варшавѣ тѣхъ же успѣховъ, что и въ Петербургѣ, несмотря на происки дочери Бирона, которая, обратившись въ православіе и допущенная въ кругъ близкихъ лицъ къ Елизаветѣ, находила коварную поддержку своимъ планамъ въ томъ же французскомъ послѣ². Добрѣйшій Лопиталь былъ однимъ изъ тѣхъ дипломатовъ, которые прибѣгаютъ къ двуличности изъ любви къ искусству, не зная, какъ примѣнить ее къ дѣлу.

Съ другой стороны, по мѣрѣ того, какъ Франція терпѣла и въ Америкѣ и въ Германіи неудачу за неудачей, — царица становилась все любезнѣе къ маркизу Лопиталю. Послѣ пораженія графа Клермона при Крефельдѣ (23 іюня 1758 г.) она сказала ему: «Я раздѣляю ваше огорченіе, но счастье оружія переменчиво... Вы вскорѣ возьмете свое». Три раза въ теченіе вечера она подходила къ нему подъ удивленными взглядами присутствующихъ и, взявъ его фамиллярно за руку, по-

¹ Stuhr, «Forschungen... über Hauptpunkte der Geschichte des siebenjährigen Krieges». 1842 г. т. II, стр. 153—157.

² Эстергази Кауницу, 1 ноября, 1758 г. С.-Петербург., Вѣнскій архивъ, на нѣм. яз.; ср. Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XXIV, стр. 222; Szujski, «Dzieje Polski...» 1866 г., т. IV, стр. 347.

вторяла ему слова утѣшенія: «Мой милый посоль, прошу васъ, не волнуйтесь. Подождемъ подробныхъ извѣстій. Вначалѣ всегда все преувеличиваютъ»¹.

Воронцовъ, правда, только что получилъ отъ милого посла пятьдесятъ тысячъ рублей въ видѣ ссуды.

Въ августѣ 1758 года послѣ безумной выходки—подробности ея разсказаны мною въ другомъ мѣстѣ²—которая, придавъ отношеніямъ Понятовскаго къ великой княгинѣ еще больше гласности, сдѣлала его дальнѣйшее пребываніе въ Петербургѣ невозможнымъ, онъ былъ отозванъ, что довершило желанія французской партіи. Но вслѣдъ за этимъ маркизу Лопиталю пришлось выдержать нападеніе, къ которому онъ долженъ былъ быть приготовленъ милостями Елизаветы. Дѣло шло о преступленіи Франціи къ австро-русскому договору, подписанному 22 января 1757 года. Этотъ договоръ внушалъ Берни крайнее недовѣріе—и при этомъ не столько то, о чемъ упоминалось въ немъ, сколько именно то, о чемъ въ немъ умалчивалось. Его условія не давали Россіи явно никакихъ выгодъ, никакого вознагражденія за жертвы, понесенныя ею во время войны. Очевидно, у нея были честолюбивые планы, въ которыхъ она до поры до времени не хотѣла признаваться. И то обстоятельство, что она устроилась хозяйкой въ Восточной Пруссіи и обращалась съ этой областью, какъ со своей собственностью, только подтверждало въ глазахъ французскаго министра его подозрѣнія. Повидимому, Россія стремилась расширить свои владѣнія или со стороны Германіи, или со стороны Польши, а и то и другое казалось Берни одинаково недопустимымъ³. Такимъ образомъ, въ то время, какъ на поляхъ сраженія «перемѣнчивое счастье оружія» дѣлало исходъ войны все болѣе неувѣреннымъ, въ европейскихъ канцеляріяхъ возникъ грозный вопросъ, который въ теченіе двухъ послѣдующихъ лѣтъ давилъ на рѣшеніе союзниковъ, парализовалъ ихъ усилія и еще больше разъединялъ ихъ.

Однако въ концѣ 1758 года въ дипломатическомъ мірѣ Версаля и Петербурга произошло событіе, само по себѣ не важное,

¹ Лопиталь къ Берни, 19 іюня 1758 г. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

² «Романъ Императрицы», стр. 102 русскаго изданія.

³ Берни къ Лопиталю 11 августа 1758 г. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ. Ср. Vandal, «Louis XV et Elisabeth», стр. 333.

но которое, по совпадению его съ другими, получило большое значеніе и должно было еще больше скрѣпить союзъ обѣихъ державъ. Въ Петербургъ въ концѣ октября пріѣхалъ новый французскій врачъ Пуассонье, чтобы изслѣдовать здоровье императрицы и руководить ея леченіемъ; его уже давно вызывалъ маркизъ Лопиталь. Императрица, которая интересовалась больше своей французской комедіей, хлопотала, собственно говоря, о томъ, чтобы ей прислали Клеронъ, Ле-Кена и Превиля; но она должна была отъ нихъ отказаться—не потому, конечно, чтобы Версальскій дворъ, какъ это утверждали впослѣдствіи, безтактно не согласился на ея желаніе, а просто потому, что сами актеры не захотѣли ѣхать въ Россію¹. Зато Елизаветѣ обѣщали прислать Пуассонье. Но знаменитый врачъ находился при французской дѣйствующей арміи, и прошелъ цѣлый годъ, прежде чѣмъ его разыскали въ одномъ изъ лагерей и, согласно желанію Елизаветы, обставили его пріѣздъ въ Петербургъ такъ, чтобы объ этомъ никто не зналъ. По примѣру Людовика XV, Елизавета полюбила таинственность. На первыхъ порахъ Пуассонье было трудно вступить въ исполненіе своихъ обязанностей, потому что старшій лейбъ-медикъ императрицы, Кондоиди, отказался вести дѣло съ человѣкомъ, не имѣвшимъ даже чина статскаго совѣтника. «Все здѣсь основано на внѣшнемъ почетѣ и мишурѣ»,—писалъ Лопиталь. Но это препятствіе было нетрудно устранить, и вновь прибывшій врачъ оказался человѣкомъ очень полезнымъ, даже съ дипломатической точки зрѣнія. Онъ вошелъ въ довѣріе императрицы, которая стала давать ему во Францію порученія, не имѣвшія никакого отношенія къ медицинѣ, а затѣмъ, подъ его внушеніемъ, она вспомнила о болѣе простомъ и непосредственномъ способѣ высказывать Версальскому двору свои чувства и желанія, которымъ пренебрегала до сихъ поръ. Какъ я уже говорилъ, она въ свое время оставила безъ отвѣта королевское «письмо довѣрія», полученное ею въ февралѣ 1757 года. Двѣ таблицы шифра, привезенныя д'Эономъ въ искусно переплетенномъ томѣ *Esprit des lois*, оставались безъ употребленія, и въ октябрѣ 1758 года Терсье былъ вынужденъ обратиться къ Воронцову съ просьбой уничтожить ихъ такъ же, какъ и относящуюся къ нимъ переписку. Но Пуассонье сумѣлъ избавить Людовика XV отъ этого униженія, и въ февралѣ 1759 года

¹ «Архивъ кн. Воронцова», т. II, стр. 344.

король, къ удовольствію своему, получилъ собственноручное письмо Елизаветы, положившее начало близкимъ сношеніямъ между ними, чего онъ такъ желалъ ¹.

По правдѣ сказать, это письмо разочаровало Людовика XV. Дочь Петра Великаго выказала въ немъ полный упадокъ своихъ духовныхъ силъ, бывшихъ и прежде слабыми и неглубокими, а теперь, несмотря на короткія вспышки энергіи и проблески ума, быстро разрушавшихся, какъ и ея здоровье. Съ 1759 до 1760 года знаменитая переписка короля и императрицы представляла собой—не болѣе, какъ рядъ общихъ мѣстъ и пустыхъ замѣчаній, а затѣмъ прекратилась вовсе, за недостаткомъ темъ и интереса. Но само существованіе ея указываетъ все-таки на взаимное желаніе обоихъ государей—войти для общаго дѣла въ тѣсное соглашеніе и по возможности уберечь его отъ вліянія ихъ приближенныхъ.

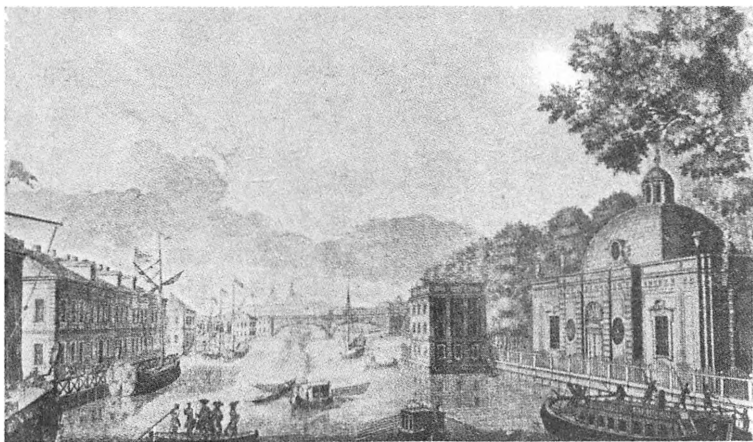
Въ это время неспособность Берни выдержать на своихъ плечахъ тяжесть положенія, отвѣтственность котораго онъ сознавалъ въ полной мѣрѣ, создала во Франціи министерскій кризисъ и передала непосильную для Берни ношу въ болѣе твердыя руки. Графъ Стенвиль, получившій въ августѣ 1758 года титулъ герцога Шуазеля, выѣхалъ въ ноябрѣ изъ Вѣны, чтобы взять на себя управленіе иностранными дѣлами Франціи. Причины и политическое значеніе этой перемѣны министерства извѣстны. Опасенія Берни и его миролюбивыя намѣренія находили отзвукъ даже въ Вѣнѣ, среди приближенныхъ императрицы. Но зато они встрѣтили противодѣйствіе въ твердомъ и пылкомъ умѣ самой Маріи-Терезіи, въ надеждахъ маркизы Помпадуръ вернуть славу французскому оружію и въ непоколебимой волѣ Елизаветы продолжать войну. Коалицію, утомленную неожиданнымъ сопротивленіемъ Фридриха, только и поддерживали воинственный духъ или капризъ этихъ трехъ женщинъ, столь различныхъ по своему душевному складу.

Герцогъ Шуазель былъ ставленникомъ маркизы Помпадуръ. Его назначеніе указывало на торжество ея плановъ и на то,

---

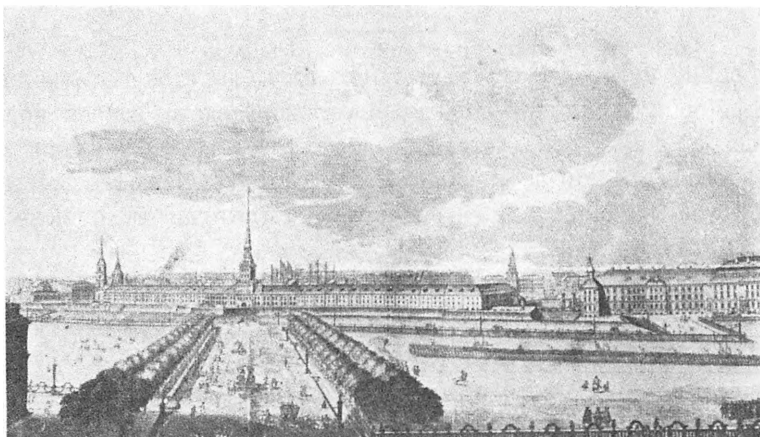
¹ «Архивъ кн. Воронцова», т. VII, стр. 508 и сл. Эстергази зналъ если не о самомъ предметѣ этой переписки, то во всякомъ случаѣ объ ея существованіи и о томъ, что Елизавета такъ замедлила отвѣтить на письмо короля. См. его депешу къ Кауницу отъ 15 іюня 1759 г. С.-Петербург. Вѣнскій архивъ, на нѣмецкомъ языкѣ.

что войну будутъ продолжать во что бы то ни стало. Эта война, правда, опять готовила противникамъ прусскаго короля поражение, а побѣдителю при Цорндорфѣ неожиданныя удачи на полѣ сраженія. Но со стороны Россіи, стоявшей въ лицѣ своей арміи уже на порогѣ Бранденбурга, она грозила ему новымъ и страшнымъ ударомъ.

Видъ Фонтанки въ XVIII в.

Съ гравюры М. Махаева.

Видъ съ Невскаго пр. на Адмиралтейство и Зимній Дворецъ.

Съ гравюры М. Махаева.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Отчаянное положеніе Фридриха. — Смерть Елизаветы.

I. Кунерсдорфъ. — Политика герцога Шуазеля. — Его честолюбивые замыслы. — Проектъ высадки французскихъ войскъ въ Англии. — Отказъ Россіи принять въ немъ участіе. — Причины этого отказа. — Возвращеніе герцога Шуазеля къ миролюбивымъ планамъ. — Предложеніе о заключеніи мира. — Противоположный проектъ Воронцова. — Завоевательные планы Россіи. — Вопросъ о Восточной Пруссіи и объ Украйнѣ. — Возобновленіе военныхъ дѣйствій. — Новый главнокомандующій русской арміи. — Салтыковъ. — Планъ кампаніи, выработанный между Петербургомъ и Вѣной. — Несогласіе между Дауномъ и Салтыковымъ. — Движеніе русскихъ къ Франкфурту. — Фридрихъ поручаетъ командованіе Веделлю. — «Диктаторъ». — Пораженіе Веделля при Кафъ. — Фридрихъ идетъ къ нему на помощь. — Битва при Кунерсдорфѣ. — Разгромъ арміи Фридриха. — Берлинъ въ опасности. — Отчаяніе короля. — Намѣреніе покончить съ собой. — «Чудо Бранденбургскаго дома». — Отступленіе русскихъ и австрійцевъ. — Его причины. — II. Дипломатическая кампанія. — Новая попытка герцога Шуазеля склонить Россію къ заключенію мира. — Официальная и секретная дипломатія. — Характеръ и предѣлы ихъ антагонизма. — Польскій вопросъ. — Французская политика въ Польшѣ. — Турецкій вопросъ. — Франція отказывается вступить въ договоръ съ Россіей. — Соглашеніе

Россіи съ Австріей. — Конвенція 23 марта 1760 года. — Франція одобряетъ ее, но отказывается къ ней приступить. — Маркизь Лопиталь одуроченъ. — Назначеніе новаго посла. — Баронъ Бретейль. — Офіціальныя и секретныя инструкціи, данныя ему. — Событія на театрѣ войны мѣшаютъ ему привести ихъ въ исполненіе. — III. Взятіе Берлина. — Смѣлый набѣгъ. — Генераль Тотлебенъ. — Русскіе и австрійцы. — Осада города. — Капитуляція. — Контрибуція, грабежъ и разрушеніе города. — Шарлоттенбургъ разграбленъ. — Пріѣздъ Фридриха. — Отступленіе побѣдителей. — Салтыковъ замѣненъ Бутурлинымъ. — Русскіе во второй разъ осаждаютъ Кольбергъ. — Паника среди осаждающихъ. — Осада снята. — Фридрихъ тѣмъ не менѣ находится въ безвыходномъ положеніи. — Новая попытка вступить въ отъѣльное соглашеніе съ Россіей. — IV. Герцогъ Шуазель старается связать съ ними проектъ непосредственнаго договора съ Россіей. — Желаніе придать этому трактату характеръ исключительно торговаго договора. — Баронъ Бретейль превышаетъ свои полномочія и предлагаетъ политическій союзъ. — Уступка, сдѣланная во Франціи касательно польскаго вопроса. — Воронцовъ не принимаетъ ея. — Покинуты въ Версалѣ, Польша находитъ себѣ защитниковъ въ Петербургѣ. — Двѣ русскія политики. Умѣренная и миролюбивая программа канцлера. — Честолюбивая и воинственная программа Шувалова. — Шуваловъ беретъ верхъ. — Польшѣ суждено быть растерзанной. — Намѣреніе Людовика XV предложить миръ въ Лондонѣ. — Отказъ Россіи и Австріи принять посредничество короля. — Русскій проектъ благоприятенъ Австріи и партіи войны. — Французскій контръ-проектъ. — Переговоры предоставляется вести Россіи. — Начало переговоровъ въ Лондонѣ. — Благодаря Россіи, они терпятъ полную неудачу. — Отчаяніе Фридриха. — Измѣна Тотлебена раскрыта. — Августѣйшій шпіонъ. — Взятіе Кольберга. — Фридрихъ покинутъ Англіей. — Онъ хочетъ просить мира. — V. Смерть Елизаветы. — Последніе годы ея жизни. — Болѣзнь и кончина. — Восшествіе на престолъ Петра III. — Послѣдствія этого событія. — Измѣна Россіи коалиціи. — Пруссія спасена. — Союзники Россіи принуждены согласиться на разорительный для нихъ миръ. — Начинается новая страница европейской исторіи. — Заключеніе.

I.

Кунерсдорфъ.

Вначалѣ преемникъ Берни хотѣлъ, какъ извѣстно, чтобы даже на поляхъ сраженія почувствовалось присутствіе новаго начальника; онъ намѣревался придать военнымъ дѣйствіямъ новое направленіе и нанести рѣшительный и сильный ударъ въ другую сторону; планы его были очень грандіозны. Въ январѣ 1759 года маркизь Лопиталь получилъ отъ него предписаніе склонить Россію къ тому, чтобы она оказала поддержку высадкѣ

французскихъ войскъ въ Шотландіи¹. Да, въ то время какъ подъ командой маршала Броули и маршала Контада обѣ французскія арміи собирались вновь перейти въ Германіи въ наступленіе, а русскія войска, для которыхъ подыскивали въ Петербургѣ новаго главнокомандующаго вмѣсто неспособнаго Фермора, двинутся на Берлинъ, — двѣ сильныя французскія эскадры, снаряженныя въ Брестѣ и въ Тулонѣ, вмѣстѣ съ флотиліей плоскодонныхъ судовъ, должны были осуществить планъ, который Фридрихъ обсуждалъ когда-то съ герцогомъ Ниверне, и перевезти на берега Англии армію принца Субиза. Чтобъ помочь въ этомъ Франціи, русскій корпусъ, отдѣлившись отъ главной арміи, долженъ былъ спуститься по Одеру до Штеттина, сѣсть на шведскія суда, соединиться въ Готтенбургѣ со вспомогательнымъ отрядомъ въ двѣнадцать тысячъ человекъ и нагнать Субиза въ Шотландіи по дорогѣ въ Эдинбургъ и Лондонъ.

Познакомившись съ этимъ проектомъ, про который Вольтеръ съ присущимъ ему здравымъ смысломъ сказалъ, что онъ «заимствованъ изъ *Тысячи и одной ночи*», Воронцовъ не отвергъ его. Онъ былъ сговорчиваго нрава и притомъ слишкомъ цѣнилъ легкость, съ которой могъ заключать у французовъ займы. Онъ только представилъ Шуазелю нѣкоторыя возраженія относительно подробностей плана, ускользнувшихъ, повидимому, отъ вниманія министра, но оказавшихся весьма существенными. Ни Одеръ, ни Штеттинъ не были въ рукахъ Россіи; не было у нея и экспедиціоннаго корпуса, который можно было бы отправить въ Англию. Чтобъ завладѣть только однимъ среднимъ теченіемъ рѣки, русскій генеральный штабъ счелъ нужнымъ соединить русскую армію съ австрійскимъ корпусомъ Лаудона, дѣйствовавшимъ въ Силезіи. А осада Кольберга не вызывала желанія повторить тотъ же опытъ съ Штеттиномъ, который былъ гораздо лучше укрѣпленъ. Обезсиленная потерями на поляхъ сраженія и необходимостью оставлять гарнизоны въ городахъ Восточной Пруссіи, русская дѣйствующая армія насчитывала теперь только пятьдесятъ тысячъ человекъ, едва достаточныхъ, чтобы справиться съ тѣми тридцатью или тридцатью пятью тысячами пруссаковъ, которыхъ могъ выставить противъ нея Фридрихъ. И, наконецъ, ни Россія, ни Швеція не вели войны

¹ 19 января 1759 г. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣль. Ср. Vandal, стр. 155. Почтенный историкъ сдѣлалъ незначительную ошибку въ датѣ.

непосредственно съ Англіей, и обѣ находили выгоднымъ для себя такое положеніе вещей. По заключенной 8 марта 1759 года конвенціи, къ которой Франціи и Даніи было предложено присоединиться, онѣ вошли въ соглашеніе, имѣвшее цѣлью закрыть военнымъ иностраннымъ судамъ досупъ въ Балтійское море, гарантируя въ то же время свободу торговли всѣмъ портамъ, не подверженнымъ блокадѣ, и отказываясь отъ права вооружать капера, и, такимъ образомъ, выставляя впервые принципы, послужившіе основаніемъ будущей лигѣ нейтральныхъ державъ, осуществленной въ 1780 году Екатериной¹.

Но предоставленная собственнымъ силамъ, Франція не могла выполнить честолюбивыхъ замысловъ своего министра. И тщетно прождавъ нѣкоторое время грознаго появленія французскаго флота и десанта, Англія наконецъ сама отправилась къ нимъ навстрѣчу на французскіе берега. Лѣтомъ 1759 года, несмотря на блестящую побѣду маршала Броули въ Бергенѣ и на смѣлое движеніе Контада на Везеръ, бомбардировка Гавра и гибель французской средиземной эскадры быстро охладили воинственный пылъ Шуазеля. Въ началѣ іюля курьеръ герцога привезъ въ Петербургъ предложеніе, уже совершенно противоположное тому, которое было сдѣлано Франціей шесть мѣсяцевъ назадъ. Дѣло шло теперь о вооруженномъ посредничествѣ Россіи, которымъ Россія принудила бы Австрію и Пруссію заключить миръ на основаніи «*statu quo ante*». Для Франціи,—говорилъ Шуазель,—не имѣетъ никакого смысла продолжать войну съ Пруссіей, и ей было бы нетрудно заключить съ нею миръ, если бы не ея обязательства по отношенію къ Россіи и Австріи. А когда враждебныя дѣйствія между воюющими сторонами были бы приостановлены на материкѣ, Франція обратилась бы къ добрымъ услугамъ С.-Петербургскаго двора, чтобъ примирить ее съ Англіей. Этотъ планъ долженъ былъ быть представленъ русскому канцлеру, какъ личная мысль французскаго министра².

Но маркизъ Лопиталь получилъ эту инструкцію въ такое время, когда онъ не могъ воспользоваться ею даже и въ этой конфиденціальной формѣ, и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ самъ Шуазель не торопилъ его. Дѣло въ томъ, что Воронцовъ,

¹ См. «Романъ Императрицы», стр. 374 русскаго изданія.

² Шуазель Лопиталю, 8 іюля 1750 г. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

въ свою очередь, сдѣлалъ французскому послу серьезное сообщеніе которое, заставило Лопиталья промолчать о планахъ его министра. Вы помните, что еще въ 1756 году между С.-Петербургомъ и Вѣнскимъ дворами произошелъ обмѣнъ мнѣній относительно расширенія русскихъ границъ за счетъ Польши, ввѣннъ чего Россія уступила бы Рѣчи Посполитой свои завоеванія въ Восточной Пруссіи, частью или полностью. Эта идея не была новой. Еще въ 1744 году Бестужевъ высказывалъ ее Тироули: Восточная Пруссія, отнятая у Фридриха и переданная Польшѣ, казалась ему вѣрнымъ средствомъ, чтобы заставить Рѣчь Посполитую окончательно отказаться отъ Пскова и Смоленска съ окружающими ихъ землями, и также чтобы вовлечь Елизавету въ войну. Онъ рассчитывалъ затронуть религиозное чувство императрицы, указавъ ей на возможность расширить владѣнія православной церкви.¹ Но тогда этотъ планъ показался недостаточно соблазнительнымъ. Теперь же вопросъ о немъ всплывалъ вновь, хотя и въ нѣсколько иной формѣ, такъ какъ война съ Фридрихомъ была уже въ полномъ разгарѣ, и Пруссія завоевана. Воронцовъ рѣшилъ поэтому вывѣдать у посла Людовика XV намѣренія Франціи: отнесется ли она благосклонно, при заключеніи мира «къ новому разграниченію владѣній между Россіей и Польшей»².

Отвѣгить на это Воронцову предложеніемъ Шуазеля и хлопотать о *statu quo ante*, т. е. объ отреченіи отъ всякихъ земельныхъ приобрѣтеній, у людей, которые уже мечтаютъ обмѣнять завоеванныя ими земли на другія,—было невозможно. Чтобы понять эту простую истину, Лопиталю незачѣмъ было совѣщаться съ д'Эономъ и подчиняться при его посредствѣ вліянію секретной дипломатіи—(нѣкоторые историки, повидимому, слишкомъ довѣрчиво отнеслись къ утвержденіямъ самого кавалера д'Эона, отличительнымъ качествомъ котораго не была скромность)³. Маркизь успѣшилъ предупредить объ этомъ своего начальника. Но не успѣлъ онъ еще получить отъ него новыя приказанія, какъ произошло событіе, отнявшее послѣднюю надежду у миролюбиво настроенной Франціи и придавшее, напротивъ, громаднѣйшій вѣсъ честолюбивымъ замысламъ Россіи.

¹ Тироули Картерету, 8 окт. 1744 г. «Сборникъ И. О.», т. СП, стр. 129.

² Лопиталь Шуазелю, 7 августа 1759 г. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

³ Vandal, «Louis XV et Elisabeth», стр. 358.

Въ началѣ 1759 года коалиція стянула вокругъ границъ Пруссіи, уже отчасти прорванныхъ ею, около 440.000 человѣкъ: 125.000 французовъ стояли на Рейнѣ и Майнѣ, 45.000 имперскихъ войскъ въ Франконіи, 155.000 австрійцевъ, подъ командой Дауна, въ Богеміи, 50.000 русскихъ по нижнему теченію Вислы и 16.000 шведовъ возлѣ Штральзунда. А прусскій король могъ выставить противъ нихъ въ общей сложности не больше 220.000 человѣкъ, изъ которыхъ семидесяти тысячамъ приходилось отражать нападеніе однихъ французовъ¹. Но русская армія продолжала удивлять Европу, успокаивать Фридриха, смущать Шуазеля и приводить въ отчаяніе Елизавету своею пассивностью. До мая одинъ вопросъ о томъ, кого назначить главнокомандующимъ—Фермора или «идіота» Бутурлина, какъ его называлъ Эстергази,—служилъ большимъ препятствіемъ для наступательнаго движенія русскихъ. Наконецъ императрица остановилась на третьемъ генералѣ,—но ея выборъ казался еще неудачнѣе. Избранника звали Петръ Семеновичъ Салтыковъ. Онъ былъ уже старъ, долго жилъ вдали отъ двора вслѣдствіе своей преданности Брауншвейгской фамилии, и большая часть его карьеры прошла въ командованіи украинскими ландмилицкими полками, кромѣ того онъ слылъ *пруссаконъ* еще болѣе, нежели самъ великій князь, и повидимому вовсе не годился для своей новой роли. Когда онъ въ началѣ іюня пріѣхалъ въ армію, маленькій, невзрачный, въ бѣломъ мундирѣ своихъ милиціонеровъ, то всѣ были поражены. Солдаты называли его «*курочкой*» и открыто обвиняли въ трусости.

Идя навстрѣчу желанію Вѣнскаго двора, С.-Петербургская конференція выработала для наступающей кампаніи планъ, вполне отвѣчавшій намѣреніямъ Маріи-Терезіи. Главная масса русскихъ войскъ должна была двинуться въ сторону Силезіи, чтобъ соединиться съ Дауномъ, а другой русскій отрядъ, въ тридцать—сорокъ тысячъ человѣкъ, назначался для дѣйствій въ Помераніи и осады Кольберга. Сверхъ того, послѣ соединенія двухъ императорскихъ армій русскій главнокомандующій долженъ былъ во всемъ руководиться совѣтами своего австрійскаго коллеги². Конференція предполагала, что, выйдя изъ Богеміи,

¹ Лееръ, «Обзоръ войнъ...», т. IV, 2, стр. 198.

² Arneth, «Geschichte Maria-Theresia's», т. VI, стр. 7, 31 и сл. Авторъ приводитъ письмо Елизаветы къ генералъ-майору Шпрингеру отъ 5 іюня 1759 года.

Даунъ пойдетъ навстрѣчу русской арміи; но въ Петербургѣ не считались при этомъ съ хорошо извѣстными привычками австрійскаго фельдмаршала. Подъ тѣмъ предлогомъ, что русскій главнокомандующій еще не назначенъ, и что это задерживаетъ совмѣстныя дѣйствія союзныхъ армій, Даунъ не двинулся съ мѣста, и только въ концѣ юня, получивъ настоятельный приказъ изъ Вѣны, а также извѣстіе о томъ, что русскіе сосредоточиваютъ свои силы въ окрестностяхъ Познани, онъ выступилъ къ Квейсѣ въ Силезіи и занялъ позицію у Марклиссы. Но Салтыковъ не могъ добиться отъ него, чтобы онъ сдѣлалъ хотя бы шагъ дальше. Уступивъ мольбамъ русскаго главнокомандующаго, онъ согласился лишь отправить къ нему на помощь Лаудона съ отрядомъ въ восемнадцать тысячъ человѣкъ, въ это же время генералъ Гаддикъ съ другимъ австрійскимъ корпусомъ долженъ былъ напасть въ Саксоніи на принца Генриха.

Впрочемъ, самъ Фридрихъ сталъ теперь держаться тактики, имѣвшей мало общаго съ обычной ему стремительностью нападений. «У меня въ этомъ году двадцатифунтовыя гири привѣшены къ ногамъ,—писалъ онъ своему брату.—Но,—прибавлялъ онъ,—и Даунъ тащитъ на себѣ, по крайней мѣрѣ, шестидесятифунтовую тяжесть. Это человѣкъ, котораго Св. Духъ медленно вдохновляетъ»¹. Впрочемъ, прусскому королю медленность казалась теперь лучшимъ средствомъ борьбы, въ виду численнаго превосходства австрійцевъ. Что касается русскихъ, то Дона долженъ былъ застигнуть ихъ врасплохъ въ это время, какъ они будутъ стягивать свои отряды, и разбить каждый изъ нихъ отдѣльно. Въ распоряженіе Дона было отдано тридцать тысячъ человѣкъ. Салтыковъ очутился, такимъ образомъ, въ Познани между Дауномъ, не выражавшимъ ни малѣйшаго желанія съ нимъ соединиться, и Дона, который грозилъ отрѣзать русскую армію отъ Восточной Пруссіи, служившей ей главной базой. Вслѣдствіе этого, вмѣсто того, чтобы итти на югъ къ Глогау, какъ того желалъ австрійскій главнокомандующій, русскій генералъ двинулся на западъ къ Франкфурту, гдѣ ему было легче сохранить сообщеніе съ Пруссіей и куда онъ надѣялся привлечь австрійцевъ, разъ что его встрѣча съ ними на границѣ Силезіи становилась невозможной.

¹ «Pol. Corresp.», т. XVIII, стр. 305.

Императрица Елизавета Петровна.

Съ портрета гр. П. Ротари.
(Большой Петергофскій Дворецъ).

Обязанность Дона была помѣшать этому движенію: такъ находилъ по крайней мѣрѣ Фридрихъ. Но его генераль оказался во второй разъ неспособнымъ выполнить данное ему порученіе. Русскіе отряды представляли собою, даже каждый въ отдѣльности, довольно значительную силу, и онъ не рѣшился на нихъ напасть. Прусскій король строго разбилъ несчастнаго Дона и замѣнилъ его 24 іюля генераломъ Веделлемъ, «который исполняетъ всегда прекрасно то, что ему поручаютъ, и даже превосходитъ каждый разъ мои ожиданія»,—такъ говорилъ про него Фридрихъ ¹. Этому «храбrecу» и «другу» онъ далъ власть римскаго диктатора (*was ein Dictator bei der Römerzeiten vorstellte*), приказавъ ему итти прямо на непріятели, нападать на него вездѣ, гдѣ бы онъ его ни встрѣтилъ, и разбить его на-голову, что должно быть очень просто. Но нѣсколько дней спустя Фридриха взяло раздумье. У него мелькнула мысль о случайностяхъ, которыя могли сдѣлать этотъ легкій планъ очень труднымъ, и онъ написалъ опять Веделлю: «Если русскіе будутъ занимать такое положеніе, что напасть на нихъ будетъ невозможно, вы можете оставить ихъ въ покоѣ» ².

Но было уже поздно. Повинуясь данному ему первоначально приказанію, Веделль попробовалъ напасть на русскихъ врасплохъ во время ихъ движенія на Цюллихау, но это привело лишь къ тому, что они обошли его, отрѣзали отъ Одера и Франкфурта, разбили при Каѣ (или Пальцигѣ) и нанесли ему потери отъ шести до восьми тысячъ человекъ ³. Дорога на Одеръ, Франкфуртъ и Берлинъ была теперь совершенно открыта побѣдителямъ.

«Возможно ли вести себя такъ нелѣпо!»—воскликнулъ Фридрихъ, получивъ извѣстіе объ этой битвѣ. Веделль былъ теперь въ его глазахъ не храбrecъ, не другъ, а худшій изъ глупцовъ. Однако надо было подумать объ его спасеніи. «Я спасу его или погибну,—писалъ король своему брату. — Но, — прибавлялъ онъ, имѣя въ виду пораженіе, которое французская армія только что понесла при Минденѣ (1 августа нов. ст.),—мои сѣверные медвѣди не французы, и артиллерія Салтыкова въ сто разъ выше артиллеріи Контада».

¹ De Catt, «Journal», стр. 238.

² «Pol. Corresp.», т. XVIII, стр. 442; «Preussische Urkundebücher», т. II, стр. 64, 65.

³ Schaefer, «Geschichte des siebenjährigen Krieges», т. II, стр. 295; Масловскій, «Русская армія въ Семилѣтнюю войну», т. III, стр. 58.

26 іюля Фридрихъ пошелъ на соединеніе съ побѣжденнымъ диктаторомъ, а 29-го подъ его командой стало сорокъ восемь тысячъ' человекъ съ сто четырнадцатью орудіями крупнаго калибра, не считая полковыхъ пушекъ; это была одна изъ самыхъ многочисленныхъ армій, какими ему когда-либо приходилось командовать, и вполнѣ достаточная, казалось бы, чтобы, подъ начальствомъ такого командира, справиться съ сорока одной тысячей регулярныхъ войскъ и двумястами тяжелыхъ орудій Салтыкова, даже если прибавить къ нимъ восемнадцатитысячный отрядъ Лаудона, казаковъ и калмыковъ¹; русскіе и австрійцы, впрочемъ, не только еще не соединились, но и не сталкивались, какъ дѣйствовать сообща. Ихъ раздѣлялъ Одеръ, и обѣ арміи отказывались перейти рѣку. Салтыковъ требовалъ, чтобы Даунъ пришелъ къ Франкфурту и оттуда вмѣстѣ съ нимъ двинулся на Берлинъ, гдѣ они продиктовали бы Фридриху условія мира. А австрійскій главнокомандующій хотѣлъ привлечь русскихъ въ Силезію, чтобы вновь отвоевать эту провинцію. Салтыковъ не желалъ считаться съ данными ему инструкціями, которыя подчиняли его Дауну въ случаѣ соединенія обѣихъ армій, такъ какъ этого соединенія еще не произошло, и Лаудонъ прибѣгалъ къ этой же условкѣ, отказывая русскому главнокомандующему въ повиновеніи. Ссора генераловъ распространилась и на солдатъ; вражда разгорѣлась между союзниками подъ самыми стѣнами Франкфурта, и русскіе, успѣвшіе занять городъ, не пускали туда ни одного австрійца².

Фридрихъ зналъ обо всѣхъ этихъ подробностяхъ, но тѣмъ не менѣе не находилъ въ своей душѣ прежней преувеличенной самонадѣянности и того высомѣрнаго презрѣнія, съ какимъ относился раньше къ «сѣвернымъ варварамъ». Цорндорфъ и Кай произвели на него глубокое впечатлѣніе. «Осужденный въ чистилище не въ худшемъ положеніи, нежели я,—писалъ онъ опять принцу Генриху — мы нищіе, у которыхъ все отнято; у насъ ничего не осталось кромѣ чести; и я сдѣлаю все возможное чтобы спасти ее»³. Онъ долженъ былъ опасаться, кромѣ того, движенія Гаддика на Берлинъ. Рѣшительная побѣда надъ

¹ Лееръ, «Обзоръ войнъ...», т. IV, стр. 206.

² Донесеніе Лаудона Дауну отъ 8 августа 1759 г. «Hist. Zeitschrift», т. XXIII, стр. 334.

³ 10 августа (н. с.) 1759 г. «Pol. Corresp.», т. XVIII, стр. 481.

русскими была для него единственнымъ средствомъ спасенія, и онъ рѣшилъ къ нему прибѣгнуть. Въ ночь на 31 іюля онъ перешелъ черезъ Одеръ, чтобы напасть на Салтыкова, и этимъ положилъ конецъ распрѣ между русскимъ и австрійскимъ генералами. Подъ страхомъ быть обвиненнымъ въ измѣнѣ, Лаудонъ долженъ былъ послѣдовать за прусскимъ королемъ.

Какъ и при Цорндорфѣ, король хотѣлъ обойти русскую армію и разбить ее, прежде чѣмъ Лаудонъ придетъ къ ней на помощь. По извѣстіямъ, полученнымъ въ прусскомъ лагерѣ, австрійскій генераль уже перешелъ Одеръ и остановился возлѣ предмѣстья Франкфурта въ мѣстности, извѣстной до сихъ поръ подъ именемъ *Loudonsgrund*; болото отдѣляло его отъ праваго крыла русской арміи. Салтыковъ же занималъ по сосѣдству съ городомъ укрѣпленную возвышенность возлѣ деревни Кунерсдорфъ. Но армія Фридриха была уже не та, что подъ Росбахомъ и Лейтеномъ. Растерявъ своихъ лучшихъ солдатъ въ двадцати смертельныхъ бояхъ, она была наполнена наспѣхъ обученными рекрутами, и не имѣла ни прежней подвижности, ни силы; при ней не было и той превосходной развѣдочной службы, которой она отличалась раньше. Движеніе въ обходъ русскимъ удалось Фридриху, но онъ произвелъ его слишкомъ вяло и далъ непріятелю гораздо больше времени, нежели при Цорндорфѣ, чтобы перемѣнить фронтъ съ сѣвера на югъ. Лаудонъ успѣлъ соединиться съ русскими по дорогѣ, насыпанной черезъ болото на скорую руку. Фридрихъ могъ начать битву только въ одиннадцать часовъ утра, и, повидимому, Салтыковъ былъ вполне готовъ, чтобы встрѣтить атаку пруссаковъ.

Однако въ первую минуту казалось, что Фридрихъ опять одерживаетъ блестящую побѣду. Окинувъ русскую армію своимъ безошибочнымъ взглядомъ, онъ рѣшилъ напасть на ея лѣвое (восточное) крыло, какъ на самое слабое, хуже другихъ защищенное и наиболѣе отдаленное отъ австрійцевъ; имъ командовалъ Голицынъ, и Фридрихъ безъ труда разбилъ его на-голову. Въ два часа онъ завладѣлъ Мюльбергомъ, одной изъ трехъ высотъ, на которыхъ укрѣпился Салтыковъ. Въ три часа онъ отнялъ у непріятеля болѣе половины поля, находившагося утромъ въ рукахъ у русскихъ и, какъ и при Цорндорфѣ, послалъ въ Берлинъ извѣстіе о побѣдѣ. Какъ разъ въ эту минуту къ нему прибылъ курьеръ отъ принца Генриха съ подробностями о битвѣ при Минденѣ, и король гордо послалъ сказать брату:

«Мы можемъ отвѣтить вамъ тѣмъ же». А Салтыковъ, сойдя съ коня, бросился въ это время на колѣни въ виду своихъ солдатъ и съ мольбой и отчаяніемъ слезно зывалъ къ Богу, который, какъ онъ думалъ, одинъ можетъ спасти его теперь отъ неминуемой гибели¹.

Болѣе свѣдущіе, нежели я, писатели отзывались съ большой похвалой о русскомъ главнокомандующемъ, находя, что во время этой битвы и въ теченіе всей послѣдующей кампаніи онъ выказалъ себя достойнымъ помѣряться силами съ побѣдителемъ при Росбахѣ и Лейтенѣ. Не смѣю опровергать ихъ и предоставляю читателямъ вывести самостоятельное заключеніе изъ фактовъ, которые я рассказываю; замѣчу только, что оба полководца, безъ сомнѣнія, не прибѣгали къ одинаковымъ средствамъ борьбы, и что въ дѣлѣ набожности ученикъ Вольтера долженъ былъ быть заранѣе побитъ. Но, можетъ быть, молитвами Салтыкова и божественнымъ вмѣшательствомъ, вызваннымъ ими, и надо объяснить дальнѣйшія перипетіи этой битвы.

Въ три часа дня она была почти выиграна Фридрихомъ. Долженъ ли былъ король удовольствоваться этой полупобѣдой? Таково было мнѣніе всѣхъ его военачальниковъ, за исключеніемъ Веделля. Побѣжденный при Каф мечталъ о реваншѣ, и ему было нетрудно заставить Фридриха согласиться съ его взглядомъ. Самъ Фридрихъ добивался если не реванша, то во всякомъ случаѣ рѣшительной побѣды, которая остановила бы наступательное движеніе русскихъ и положила бы конецъ кампаніи. Ему было необходимо уничтожить русскую армію, освободить Франкфуртъ, защитить Бранденбургъ и имѣть возможность двинуть всѣ свои силы противъ Гаддика и Дауна. «Итакъ, впередъ!»—воскликнулъ король. Къ нему вернулась обычная самоувѣренность, но вмѣстѣ съ нею и ослѣпленіе, которое уже не разъ оказывалось для него роковымъ: онъ слишкомъ положился на то развращающее вліяніе, которое должно было произвести на русскую армію пораженіе одной изъ ея частей.

А между тѣмъ ея центръ и правое крыло еще не принимали участія въ боѣ, такъ же, какъ и корпусъ Лаудона. Въ центрѣ, за стѣнами кладбища, превращеннаго въ крѣпость, тяжелая русская артиллерія стояла въ полной боевой готовности, защищая густыя колонны солдатъ, среди которыхъ не замѣчалось ника-

¹ Болотовъ, «Записки», т. I, стр. 918.

кого волненія. И они встрѣтили невозмутимо и твердо яростный натискъ самонадѣяннаго побѣдителя. Нѣмецкіе историки единогласно приписываютъ Лаудону и австрійцамъ честь побѣды во время этой второй половины битвы. Конечно, знаніе и мужество одного изъ лучшихъ генераловъ Дауна принесли свою пользу. Но, по свидѣтельству самого Фридриха, военная тактика не играла никакой роли въ этомъ сраженіи, и не она рѣшила его исходъ. Просто волна пруссаковъ ударилась о живую скалу русскихъ и разбилась о нее: вотъ впечатлѣніе, которое выносишь изъ наиболѣе достовѣрныхъ разсказовъ очевидцевъ. Король три раза водилъ въ атаку свою пѣхоту, и три раза она отступала, неся страшный уронъ отъ русскихъ батарей. Фридрихъ хотѣлъ пустить въ ходъ собственную артиллерію, но увидѣлъ, что песчаная мѣстность мѣшаетъ подвезти ее впередъ. Тогда онъ велѣлъ Зейдлицу пустить кавалерію въ атаку.

— Мы будемъ перебиты!—отвѣтилъ отважный солдатъ, не раздѣлявшій иллюзій своего государя.

Но Фридрихъ настойчиво повторилъ ему свое приказаніе, и онъ повиновался, ставъ во главѣ одного изъ первыхъ эскадроновъ. Къ пяти часамъ прусская кавалерія была уже не способна сражаться, а пѣхота не двигалась съ мѣста, не повинаясь голосу самого короля. Австрійцы наступали между тѣмъ все ближе. И когда Лаудонъ пустилъ на разстроенные ряды пруссаковъ свои четырнадцать свѣжихъ эскадроновъ, они легко опрокинули войска Фридриха и обратили ихъ въ бѣгство. Пораженіе Фридриха было полнымъ. Подъ нимъ было убито двѣ лошади, и все его платье было пробито пулями; онъ тоже долженъ былъ умчаться галопомъ съ поля сраженія. Золотой портсигаръ, лежавшій у него въ карманѣ, спасъ его при этомъ отъ вѣрной смерти, остановивъ шальную пулю. Ротмистръ Притвицъ, жертвуя собою, конвоировалъ вмѣстѣ съ сорока гусарами спасавшагося бѣгствомъ короля ¹.

Среди жертвъ этого боя съ прусской стороны находился Эвальдъ фонъ-Клейстъ, авторъ *Весны*, павшій во время атаки, которую онъ велъ на австрійскій батальонъ.

Разгромъ арміи Фридриха былъ ужасенъ. Изъ сорока восьми тысячъ человѣкъ, которыми онъ командовалъ наканунѣ, въ его

---

¹ Schaefer, «Geschichte des siebenjährigen Krieges», т. II, стр. 301—315; Stiehle, «Die Schlacht bei Künersdorf», 1859 г.; Лееръ, «Обзоръ войнъ...» т. IV, 2, стр. 204 и сл.; Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XXIV, стр. 261 и сл.

распоряженіи осталось только три тысячи. Онъ былъ увѣренъ, что Салтыковъ съ Лаудономъ будутъ теперь преслѣдовать его, соединятся съ Гаддикомъ и Дауномъ, займутъ Бранденбургъ, Силезію, завладѣютъ Берлиномъ и Бреславлемъ и заставятъ его молить ихъ о пощадѣ, и чтобъ помѣшкать этому, у него не было никакихъ средствъ спасенія, ничего. Это былъ конецъ, развязка неравной борьбы, въ которой онъ роковымъ образомъ долженъ былъ пасть,—развязка, повидимому, настолько неизбежная и сознаваемая имъ столь отчетливо и мучительно, что его твердая, какъ сталь, душа, готова было уже сломиться. Онъ опять взялся за перо и написалъ своему брату:

«Я не переживу этого; послѣдствія этого дѣла ужаснѣе, нежели оно само. У меня нѣтъ средствъ къ спасенію... Мнѣ кажется, все погибло... Я не переживу потери моей родины. Прощай навсегда».

Въ теченіе четырехъ или пяти дней, которые послѣдовали за поражениемъ, Фридрихъ, кажется, серьезно думалъ о самоубійствѣ. На 2 и 3 августа онъ уступилъ командованіе арміей генералъ-лейтенанту Финку, ссылаясь на свое нездоровье, и одинъ изъ его секретарей писалъ министру Финкенштейну: «Его Величество находится въ уныніи, которое не можетъ не вызывать безконечнаго огорченія въ тѣхъ, кто имѣетъ честь быть къ нему приближеннымъ... Положеніе дѣлъ признается почти отчаяннымъ и сообразно съ этимъ всѣ и поступаютъ».

Однако русскіе и австрійцы все медлили перейти въ наступленіе и 5 августа Финкенштейнъ съ радостью прочелъ записку короля, въ которой сказался Фридрихъ былыхъ дней. Мы можемъ не любить этого героя, потому что онъ и не внушаетъ любви, но мы не можемъ, со своей стороны, передъ нимъ не преклониться, потому что онъ представлялъ собою несомнѣнно одну изъ самыхъ чудесныхъ умственныхъ и нравственныхъ организацій, когда либо существовавшихъ на свѣтѣ. Король уже пришелъ въ себя и писалъ: «Если русскіе перейдутъ Одеръ и станутъ угрожать Берлину, мы вступимъ съ ними въ бой скорѣе для того, чтобъ умереть подъ стѣнами нашей родины, нежели въ надеждѣ ихъ побѣдить... Я рѣшилъ погибнуть, защищая васъ». Къ Фридриху еще не вернулась вѣра въ успѣхъ, но въ немъ уже проснулась его доблесть и твердая воля, хотя онъ попрежнему отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, какъ опасно и почти безвыходно его положеніе. Нѣсколько отрядовъ, избѣжав-

шихъ ужасной бойни подъ Кунерсдорфомъ, сошлись вокругъ него. Занявъ съ ними позицію при Мадлицѣ, къ сѣверу отъ Фюрстенвальда, чтобъ загородить русскимъ дорогу на Берлинъ, онъ писалъ: «Я буду драться потому, что дѣлаю это—для родины; но смотрите на мое рѣшеніе, какъ на послѣднее напряженіе моихъ силъ... Клянусь вамъ, нельзя рисковать больше,

Графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышовъ, участникъ Семилѣтней войны.

Съ портрета Ф. Де-Мейса.

чѣмъ я рискую теперь. Вскорѣ у меня будетъ тридцать тысячъ человѣкъ. Ихъ было бы достаточно, если бы съ ними были наши лучшіе офицеры, и если бы эти негодяи исполняли свой долгъ. Но чтобъ ничего не утаивать отъ васъ, скажу вамъ, что я больше боюсь собственныхъ войскъ, чѣмъ непріятеля, который даритъ мнѣ, неумѣстно для себя, много времени... Я этимъ и воспользовался, чтобъ исполнить мой долгъ вѣрности къ госу-

дарству, но если эта сволочь меня покинетъ, я этого не переживу»¹.

«Жалкіе», «негодяи», «старыя....», «сволочь», готовая бросить своего короля и внушавшая ему больше страха, нежели враги,— вотъ какія войска пришлось Фридриху противопоставить доблестнымъ солдатамъ Салтыкова, умиравшимъ, цѣлуя ружье. И въ этомъ и заключалась тайна его поражений. Но показавъ, чего стоятъ его солдаты, Салтыковъ собирался теперь показать, каковъ былъ ихъ главнокомандующій.

Прошло еще нѣсколько дней, и вопреки опасеніямъ Фридриха и всякой правдоподобности, ни русскіе, ни австрійцы не появлялись тамъ, гдѣ ихъ ждали. Наконецъ, 30 сентября (н. с.) Фридрихъ возвѣстилъ принцу Генриху о «чудѣ Бранденбургскаго дома»². Въмѣсто того, чтобы наступать общими силами и и добить пруссаковъ, побѣдители разошлись въ разныя стороны, одни въ Саксонію, другіе въ Силезію. Берлинъ былъ спасенъ, и Фридрихъ могъ вздохнуть свободно.

На это была своя причина. Когда, на слѣдующій день послѣ Кунерсдорфа, Лаудонъ явился на русскую главную квартиру, чтобъ условиться насчетъ преслѣдованія Фридриха, онъ увидѣлъ, что русскіе пируютъ, справляя побѣду, и намѣрены почить на лаврахъ. Армія Салтыкова потеряла 13.477 человекъ убитыми и ранеными, и русскій главнокомандующій не хотѣлъ и слышать о новой встрѣчѣ съ Фридрихомъ, побѣду надъ которымъ ему пришлось купить такой дорогой цѣной. Теперь очередь сражаться съ прусскимъ королемъ была, по его мнѣнію, за австрійцами. «Хорошо»,—отвѣтилъ Лаудонъ:—Даунъ не замедлитъ явиться сюда». И дѣйствительно, узнавъ о пораженіи Фридриха, австрійскій главнокомандующій примчался—но одинъ, безъ арміи. Ему надо было время, чтобъ привести ее и чтобы выработать съ Салтыковымъ планъ дальнѣйшей кампаніи.

Единственный возможный планъ былъ, впрочемъ, очень простъ: гнаться за Фридрихомъ по пятамъ, а если онъ убѣжитъ, идти на Берлинъ. У короля было только нѣсколько тысячъ солдатъ; онъ самъ признался въ этомъ впослѣдствіи, и это была правда. А русскіе и австрійцы представляли собой значительную силу и могли быть увѣрены, что не встрѣтятъ се-

¹ «Pol. Corresp.», т. XVIII, стр. 481—493.

² Тамъ же, гл. XVIII, стр. 501.

рѣзанаго сопротивленія. Но надо было торопиться: а этого не умѣлъ Даунъ. И надо было вообще дѣйствовать, а этого не хотѣлъ Салтыковъ. Какъ только между главнокомандующими начались переговоры, обнаружилось все ихъ ничтожество. Даунъ строилъ планы: идти вмѣстѣ на Берлинъ, или двинуться общими силами въ Силезію, или остаться подъ Франкфуртомъ, отправивъ небольшой отрядъ противъ прусской столицы. Но Салтыковъ возсталъ противъ этого: идти въ Силезію—значитъ заставить русскихъ служить интересамъ одной Австріи! А кто пойдетъ на Берлинъ, разъ Даунъ не привелъ съ собой своихъ войскъ? Опять русскіе съ незначительнымъ вспомогательнымъ австрійскимъ отрядомъ! Нѣтъ, это не годится! Русскіе достаточно приносили себя въ жертву союзникамъ. Они поработали уже для общаго дѣла и заслужили себѣ отдыхъ и славу.

Свиданіе обоихъ главнокомандующихъ въ Губентѣ, 11 августа, не привело ни къ чему. Между тѣмъ Фридрихъ уже собрался съ силами, и теперь нельзя было надѣяться взять Берлинъ безъ боя, а чтобъ начать совмѣстныя дѣйствія въ Силезіи, самъ Даунъ находилъ необходимымъ подождать взятія Дрездена, осажденнаго австрійцами. Нѣсколько дней спустя послѣ этого свиданія, узнавъ, что прусскій король вновь ослабилъ свои силы, отославъ неизвѣстно куда одинъ изъ корпусовъ, Салтыковъ почувствовалъ что-то въ родѣ раскаянія въ своемъ равнодушіи къ дѣлу и въ своей робости. Онъ предложилъ Дауну попытать счастье. Тотъ отвѣтилъ, что съ удовольствіемъ присоединится къ нему, но что ему надо не менѣе трехъ недѣль, чтобъ перенести свою главную квартиру изъ Прибеля, гдѣ онъ стоялъ, къ мѣсту предполагаемаго сраженія! Русскій главнокомандующій принялъ этотъ отвѣтъ за насмѣшку надъ собой и, словно въ отместку, двинулся къ Либрозѣ, на югъ, и далъ Фридриху возможность соединиться съ принцемъ Генрихомъ.

«Эти люди ведутъ себя, какъ пьяные»,—сказалъ король, узнавъ объ этомъ¹. Дрезденъ былъ взятъ 24 августа, раньше, чѣмъ ожидали союзники, но и это не побудило ихъ къ рѣшительнымъ движеніямъ противъ Фридриха. Даунъ попрежнему подыскивалъ предлоги, чтобы оправдать свое бездѣйствіе, а Сал-

¹ «Pol. Corresp.», т. XVIII, стр. 269. Ср. Arneht «Geschichte Maria-Teheresia's» т. VI, стр. 42 и сл.; Масловскій, «Русско-австрійскій союзъ въ 1759 г.», стр. 10 и сл., 180—186.

тыковъ съ легкимъ сердцемъ отказывался отъ новыхъ лавровъ. Эта кампанія принесла, такимъ образомъ, Россіи много славы, но никакихъ матеріальныхъ выгодъ, и положеніе воюющихъ сторонъ послѣ разныхъ колебаній вернулось опять къ прежнему, заставивъ только наиболѣе пострадавшихъ изъ нихъ, разочарованныхъ и утомленныхъ войной, перенести ее на дипломатическую почву.

II.

Дипломатическая кампанія.

Въ этой кампаніи первымъ выступилъ герцогъ Шуазель. Еще раньше, едва получивъ извѣстіе о битвѣ при Кунерсдорфѣ, онъ поспѣшилъ отвѣтить на запросъ Воронцова по поводу земельныхъ приобрѣтеній, которыя Россія мечтала сдѣлать въ Польшѣ. Далъ онъ тогда канцлеру отрицательный или хотя бы уклончивый отвѣтъ? Нѣкоторые историки предполагали это ¹. Но мнѣ было бы трудно этому повѣрить, даже если бы я не читалъ подлинной депеши французскаго министра. Вотъ ея слова, относящіяся къ этому щекотливому вопросу: «Его величество сдѣлаетъ очень охотно все зависящее отъ него, чтобы доставить ея императорскому величеству полное удовлетвореніе касательно взаимнаго разграниченія владѣній между Россійской имперіей и Польшей» ². Это было написано, какъ я уже говорилъ, послѣ Кунерсдорфа. По всей Европѣ еще гремѣла вѣсть о поражениі Фридриха; казалось, что Россія своимъ побѣдоноснымъ оружіемъ можетъ поправить пошатнувшіяся дѣла коалиціи и вмѣстѣ съ нею продиктовать прусскому королю свои условія мира. Но черезъ мѣсяць картина перемѣнилась. Вмѣстѣ съ престижемъ Россіи погибла и надежда заставить Фридриха сдаться, и Шуазель сейчасъ же вспомнилъ о предложеніи, которое онъ самъ сдѣлалъ или собирался сдѣлать въ Петербургѣ по поводу мира и слѣдовательно о необходимости для Россіи отказаться отъ завоеваній. Почему же маркизъ Лопиталь не позаботился до сихъ поръ о томъ, чтобъ предложеніе герцога встрѣтило въ Петербургѣ благопріятный пріемъ. О чемъ онъ думалъ? Шуазель забывалъ, какія причины заставляли его подчи-

¹ Vandal, «Louis XV et Elisabeth», стр. 363, 372.

² Шуазель Лопиталю, 9 сент. 1759 г. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

неннаго хранить молчаніе, хотя до послѣдней минуты онѣ ему самому казались вполне основательными; но въ такихъ случаяхъ, какъ этотъ, подчиненные всегда виноваты. Шуазель послалъ маркизу рѣзкій выговоръ; «въ виду нежеланія или неспособности исполнять присланныя ему порученія, послу остается только просить о своемъ отозваніи...»¹.

Маркизь Лопиталь совершенно не заслуживалъ этихъ упрековъ; онъ уже сдѣлалъ попытку склонить С.-Петербургскій дворъ къ миру, какъ только событія на театрѣ войны позволили ему заговорить на эту тему. Но онъ ничего не добился. Воронцовъ попросилъ его отложить разговоръ о мирѣ до конца кампаніи и опять поднялъ вопросъ о территориальномъ вознагражденіи Россіи².

По поводу этого вопроса и роли, сыгранной Франціей въ переговорахъ, вызванныхъ имъ, были высказываемы постоянно ошибочныя мнѣнія и сдѣланы такія невѣрныя заключенія, что я нахожу нужнымъ опровергнуть ихъ здѣсь въ короткихъ словахъ.

Подъ вліяніемъ запоздалаго открытія о существованіи секретной французской дипломатіи въ восемнадцатомъ вѣкѣ, извѣстной теперь подъ названіемъ «Тайны короля» («Le secret du Roi»), которая отнюдь не была характерна только для этой эпохи и только для Франціи,—хотя обстоятельства и придали ей преувеличенное значеніе въ царствованіе Людовика XV,—нѣкоторые историки не устояли противъ искушенія преувеличить въ свою очередь различіе во взглядахъ и политическихъ указаніяхъ, вызванныхъ этимъ дипломатическимъ дуализмомъ. Они утверждали, что по интересующему насъ вопросу разногласіе двухъ дипломатій дошло будто бы до открытой вражды между герцогомъ Шуазелемъ и французскимъ королемъ, такъ какъ первый понималъ необходимость стоять за русскіе инте-

¹ Шуазель Лопиталю, 2 октября 1759 г. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ. Ни эта депеша, ни июльская, содержавшая тѣ же инструкціи, не встрѣтились по дорогѣ въ Петербургъ, какъ это утверждаетъ Вандаль (Vandal, «Louis XV et Elisabeth», стр. 359) съ курьерами, которые везли изъ Германіи и изъ Россіи извѣстіе о битвѣ при Кунерсдорфѣ. Въ июлѣ это было бы слишкомъ рано, такъ какъ сраженіе произошло въ августѣ, а въ октябрѣ—слишкомъ поздно, такъ какъ 15-го сентября Людовикъ XV уже прислалъ Елизаветѣ поздравленіе съ побѣдой.

² Лопиталь Шуазелю отъ 3и 27 октября 1759 г. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

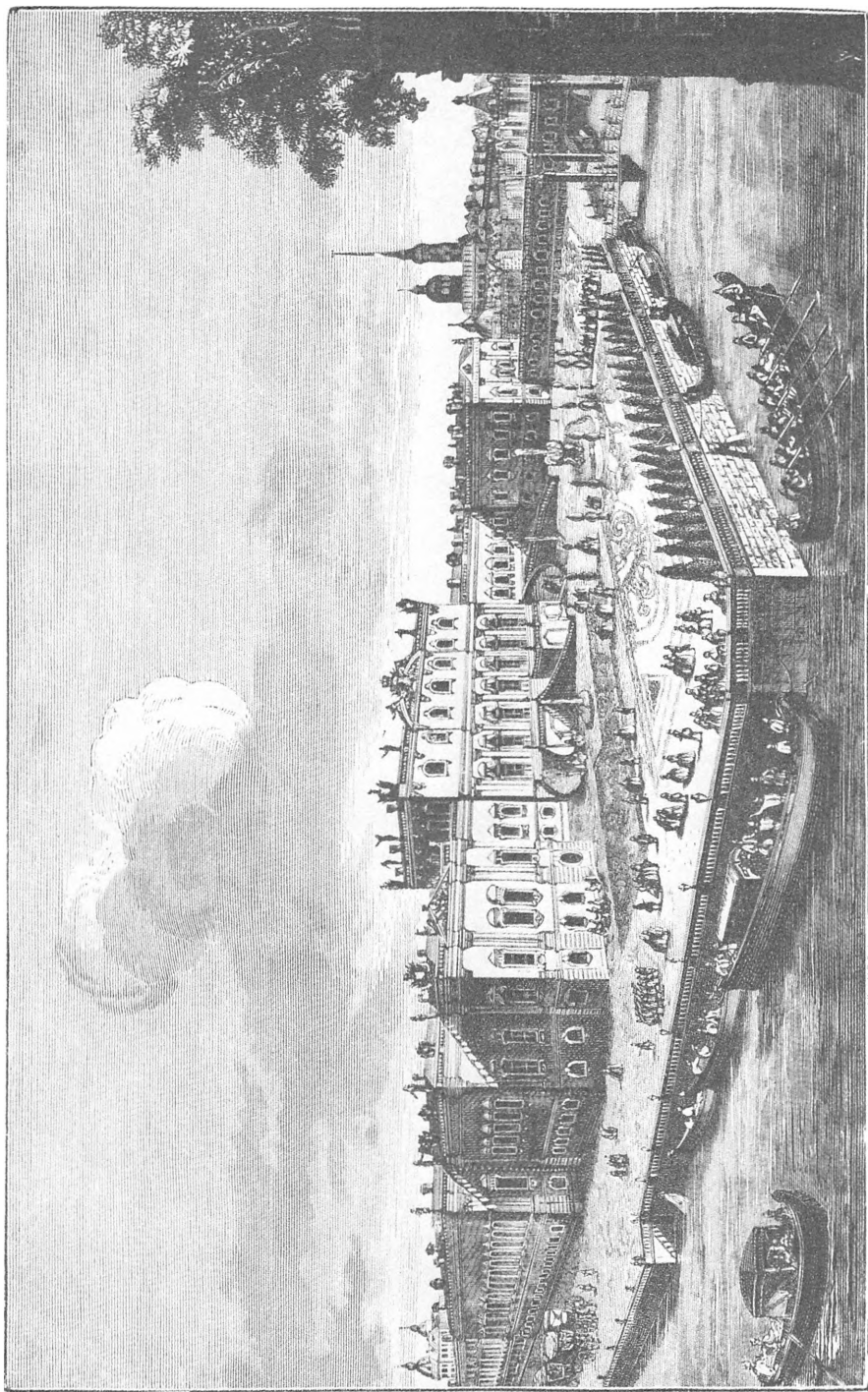
ресы, солидарные съ французскими, а второй упорно оспаривалъ ихъ во имя покровительствуемыхъ имъ поляковъ и подъ вліяніемъ требованій, которыя ему предъявляла тайная дипломатія. Воля государя естественно взяла верхъ и отъ проекта земельного обмѣна, для осуществленія котораго Россія просила содѣйствія Франціи, пришлось отказаться; такимъ образомъ Франція была принесена въ жертву Польшѣ¹.

Тутъ остается только развести руками. Вѣдь вопросъ, какъ вы помните, шелъ о томъ, чтобы уступить Рѣчи Посполитой Восточную Пруссію взамѣнъ части Украйны, — т. е. объ осуществленіи самой прекрасной мечты, какую только могъ лелѣять въ то время польскій патриотъ. Вернуть уже раздробленному наслѣдству Пястовъ и Ягеллоновъ эту польскую землю, бывшую колыбелью ихъ могущества; возвратить Польшѣ, отказавшейся отъ владѣній, которыя все равно должны были ускользнуть изъ ея рукъ, дѣйствительное обладаніе моремъ вмѣстѣ съ полосой берега отъ Эльбинга до Мемеля въ сто миль шириной; поставить ее вновь на путь ея естественнаго развитія, нанося въ то же время смертельный ударъ возрастающему и грозному могуществу ея прежняго вассала, — да вѣдь это было спасеніе Польши, защита ея политическаго будущаго отъ слишкомъ очевидныхъ опасностей, обезпеченіе ея экономическаго процвѣтанія, широкой открытый горизонтъ для ея неисчислимыхъ успѣховъ! И этому-то собиралось помѣшать преувеличенное полонофильство Людовика XV и его тайныхъ совѣтниковъ!

Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ явной нелѣпости. Она объясняется тѣмъ, что у историка, о которомъ я упоминалъ выше, и исходная точка разсужденія, и взглядъ на традиционную роль французской политики на берегахъ Вислы — совершенно невѣрны. Вмѣшиваясь во внутренніе раздоры Рѣчи Посполитой и поддерживая въ ней анархію, герцогъ Шуазель не положилъ начала никакой новой политической системѣ. Эта система примѣнялась уже давно, какъ я это доказалъ въ своей полемикѣ

---

¹ Vandal, «Louis XV et Elisabeth», стр. 297 и сл. Ср. Бильбасовъ, «Исторія Екатерины II», т. I, стр. 360 и сл. Я затрудняюсь, впрочемъ, обсуждать этотъ вопросъ и нѣкоторые другіе съ русскимъ историкомъ, такъ какъ г. Бильбасовъ держится почему-то мнѣнія (т. I, стр. 416, 434), что въ 1761 г., если не раньше, герцогъ Шуазель уступилъ свой портфель другому министру иностранныхъ дѣлъ, а именно графу Броули.

Лѣтній (нынѣ не существующій) дворецъ въ Петербургѣ въ XVIII столѣтїи.

Съ гравюры М. Магеева.

съ самымъ свѣдущимъ и самымъ любезнымъ изъ противниковъ, признавшимъ меня въ концѣ концовъ правымъ ¹.

Служила ли эта политика интересамъ Польши? Врядъ ли ктонибудь сумѣлъ бы это доказать! Она служила интересамъ самой Франціи, какъ это, впрочемъ, ей и подобало; она создавала для Франціи въ ея вѣковой борьбѣ съ Германіей лишнюю точку опоры—въ родѣ тѣхъ, что были устроены ею въ Турціи, Венгрии и Швеціи.—И могла ли Франція измѣнить эту эксцентрическую оборонительную линію, которая тянулась отъ Константинополя до Стокгольма, во имя новыхъ европейскихъ союзовъ, созданныхъ Версальскимъ договоромъ? Въ Версалѣ это всѣмъ казалось недопустимымъ. Тамъ находили, что союзъ не вѣченъ, а что Польша, которой такъ легко управлять, всегда можетъ пригодиться. Надо признать однако, что Людовикъ XV, благодаря случайнымъ обстоятельствамъ, понималъ дѣло лучше, глубже и отчетливѣе, нежели официальные французскіе дипломаты. Эти случайныя обстоятельства заключались въ томъ, что его неофициальнымъ совѣтникомъ былъ принцъ Людовикъ-Францъ Конти, и что въ канцеляріяхъ его министерства иностранныхъ дѣлъ находился чиновникъ по имени Терсье. Принцъ былъ честолюбецъ, мечтавшій стать гдѣ-нибудь царствующимъ королемъ или герцогомъ, а чиновникъ былъ скромный человѣкъ, соединившій съ безупречнымъ пониманіемъ политическаго положенія Европы исключительно здравый и проницательный умъ. Первый сумѣлъ обратить вниманіе своего двоюроднаго брата на Польшу, гдѣ онъ подстерегалъ престолъ, и на отношенія этой страны и ея сосѣдей къ Франціи; второму удалось убѣдить своего государя, что невозможно примирить непримиримое: дружбу съ Рѣчью Посполитой и тѣсный союзъ съ Россіей, обязательства, данныя въ Константинополѣ и въ Стокгольмѣ, и тѣ, въ которыя пришлось бы вступить на берегахъ Невы для совершенно противоположныхъ цѣлей. А что союзъ съ Россіей могъ вполне вознаградить Францію за тѣ дипломатическія позиціи, которыя бы ей пришлось изъ-за него покинуть,—это никому не приходило въ голову. Послѣ смерти Петра Великаго Россія прошла черезъ почти непрерывный рядъ революціонныхъ кризисовъ и,

---

¹ См. въ «Revue d'histoire diplomatique», 1888 г., въ 1-й и 2-й кн. статьи объ этомъ вопросѣ по поводу книги герцога Брולי и отвѣтъ на нихъ автора.

казалось, была обречена и впредь на новыя и неминуемыя смуты. Никто въ Европѣ не считалъ ее способной сохранить надолго ея настоящее положеніе великой державы. Никто не догадывался, какъ неисчислимы ея наличныя средства, и сколько въ ней таится еще скрытой силы.

Выставить открыто кандидатуру принца Конти въ преемники Августу III было невозможно; взгляды Терсье послѣ Версальскаго договора, новыя тенденціи котораго они въ значительной мѣрѣ нарушали, тоже требовали тайны; и, наконецъ, по самому складу своей робкой натуры, по привычкамъ личной жизни, отданной тайнымъ наслажденіямъ, Людовикъ XV любилъ игру въ прятки и секреты; такимъ образомъ зародилась, развилась и процвѣла его тайная дипломатія. Защищая польскіе интересы? О, нѣтъ! Защищая интересы Франціи въ Польшѣ. Возможно, правда, что представитель этой дипломатіи въ Варшавѣ, французскій посоль графъ Брольи, человѣкъ съ великодушнымъ сердцемъ и мечтательнымъ умомъ, упуская по временамъ изъ виду эту основную цѣль и, подъ влияніемъ окружавшей его среды, заражался мыслями, чувствами, страстями и ослѣпленіемъ группы экзальтированныхъ польскихъ патріотовъ, которые вели, впрочемъ, свою родину къ вѣрной гибели. Но объявивъ вмѣстѣ съ ними войну Россіи, онъ въ душѣ былъ увѣренъ, что служить Франціи. Такъ что русскія вождельнія показались опасными Людовику XV и самому герцогу Шуазелю — когда воспоминаніе Кунерсдорфа перестало смущать министра—исключительно съ французской точки зрѣнія; они показались имъ опасными, во-первыхъ, потому, что, нарушая уже и безъ того поколебленное европейское равновѣсіе, открывали доступъ въ Германію или Россію, отчего та непомѣрно бы возрасла, или Польшѣ, которая окрѣпла бы и могла стать менѣе послушной, и во-вторыхъ, и главнымъ образомъ потому, что они, очень угодныя Австріи, должны были въ то же время сильно не понравиться Турціи. Послѣ Вестминстерскаго договора, Франція поневолѣ должна была согласиться на знаменитую *перетасовку союзовъ* (*le renversement des alliances*); однако она шла при этомъ на вѣрный рискъ. Она измѣняла государю, который былъ ей, правда, вѣроломнымъ другомъ, но признавалъ зато Рейнъ естественной границей своей сосѣдки ¹.

¹ Frédéric, «Histoire de mon temps», изд. 1746 г., въ «Publicationen aus den preussischen Staatsarchiven», IV, 206 (Max Posner).

И вмѣсто этого она сближалась—съ кѣмъ же? Со своимъ «вѣковымъ врагомъ», какъ она привыкла называть Австрію, и съ «коварной Россіей», какъ ее называлъ д'Аржансонъ ¹. При такихъ условіяхъ ей было болѣе чѣмъ рискованно разрывать свои тоже вѣковыя добрыя отношенія съ Турціей. Если бы обмѣнъ земель, о которомъ мечтала Россія, осуществился, то у Турціи, вмѣсто слабой и миролюбивой Польши, появился бы очень могущественный и воинственный сосѣдь. И Франція, принявъ участіе въ этой комбинаціи или хотя бы согласившись на нее, нарушила бы вопіющимъ образомъ тѣ традиціи, которыя поддерживали въ Константинополѣ Вилльневъ, Бонневаль и Кастелланъ.

Герцогъ Шуазель былъ не такой человѣкъ, чтобы не понимать этого вовсе. Онъ сознавалъ это не такъ хорошо, какъ Людовикъ XV или Терсье, во-первыхъ потому, что видѣлъ, ясно лишь общую картину положенія, а мелкія подробности ея терялись для него—онъ страдалъ своего рода дальновзоркостью въ политическомъ отношеніи—и, во-вторыхъ, потому, что соприкасался болѣе непосредственно съ тѣми затрудненіями, на которыя приходится наталкиваться власти. Король увлекался отвлеченной политикой и настаивалъ на принципахъ, а министръ проводилъ въ жизнь политику практическую, изыскивая къ тому средства. И если, отнесясь благопріятно въ сентябрѣ 1759 года къ предложенію, сдѣланному Воронцовымъ, онъ затѣмъ отъ него отвернулся, то онъ сдѣлалъ это исключительно по той причинѣ, на которую я указывалъ выше, а именно потому, что въ сентябрѣ онъ имѣлъ дѣло съ побѣдителями при Кунерсдорфѣ, а въ октябрѣ лавры, сорванные Салтыковымъ, уже успѣли увянуть. Скрытое же воздѣйствіе на него тайной дипломатіи—слѣдовъ ея вмѣшательства въ это дѣло мы, впрочемъ, нигдѣ не находимъ,—тутъ совершенно не при чемъ.

Разногласіе, возникшее между официальной и секретной дипломатіей Версаля, было вызвано главнымъ образомъ вопросомъ о тѣхъ *мѣраxъ*, которыя слѣдовало принять, чтобы выйти изъ создававшегося труднаго положенія и примирить давнишнюю связь Франціи съ Турціей, Польшей и Швеціей и тѣсный союзъ ея съ Россіей. Герцогъ Шуазель находилъ, что это примиреніе осуществимо, а король считалъ его невозможнымъ, и это несогла-

¹ D'Argenson, «Journal», 1759 г., т. XI, стр. 281.

сіе во взглядахъ естественно должно было вызвать нѣкоторое противорѣчіе въ инструкціяхъ, которыя посылались изъ Версаля въ Петербургъ и въ Варшаву. Но это разногласіе никогда не имѣло большого значенія, а событія вскорѣ смягчили его и затѣмъ вовсе изгладили, заставивъ представителей и той и другой дипломатіи пойти на единственное логически возможное для нихъ рѣшеніе съ его неизбѣжными послѣдствіями.

Какъ это случилось, будетъ видно изъ дальнѣйшаго.

Еще въ концѣ 1759 года герцогъ Шуазель не смѣлъ открыто противодѣйствовать честолюбивымъ планамъ Россіи. Онъ замѣтилъ только — прежде ему это почему-то не приходило въ голову, — что они не касаются непосредственно Франціи, такъ какъ эта послѣдняя ведетъ войну съ Пруссіей лишь въ силу своего союза съ Австріей¹. Воронцовъ понялъ, что Франція уклоняется отъ прямого отвѣта, щадя своихъ прежнихъ союзниковъ, но противъ этого онъ ничего не могъ сдѣлать. Въ мартѣ 1760 года онъ представилъ Эстергази проектъ договора, въ которомъ вопросъ о Восточной Пруссіи рѣшался въ указанномъ выше смыслѣ: Россія и Австрія будутъ продолжать войну, пока Марія-Терезія не вернетъ себѣ Силезію и графство Глацкое, а Елизавета не обезпечитъ себѣ обладаніе Восточной Пруссіи съ правомъ обмѣнять ее у Польши на другую область. Объ этомъ послѣднемъ условіи упоминалось въ особой деклараціи, присоединенной къ трактату, причемъ договаривающіяся стороны выражали въ ней надежду, что Франція и другія державы не будутъ имѣть ничего противъ этой сдѣлки, такъ какъ она въ интересѣ Рѣчи Посполитой. Эстергази не имѣлъ полномочій, чтобъ подписать этотъ договоръ; но въ виду того, что Кауницъ только что прислалъ ему инструкціи, вполнѣ совпадавшія съ желаніями русскихъ, а Воронцовъ грозился, что если вопросъ не будетъ рѣшенъ немедленно, то русскія войска не двинутся съ мѣста, — между тѣмъ приближалась весна, и каждый потерянный день могъ погубить кампанію, — то австрійскій дипломатъ принужденъ былъ уступить и подписать договоръ 23 марта 1760 года².

Это вызвало въ Вѣнѣ нѣкоторую тревогу. Австрія дала обязательство не вступать въ договоры съ Россіей безъ вѣдома

¹ Шуазель Лопиталю, 14 декабря 1759 г. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

² Кауницъ Эстергази, 24 февраля 1760 г.; Эстергази Кауницу, 2 апрѣля 1760 г. Вѣнскій архивъ, на нѣмецкомъ языкѣ.

Франціи, и Шуазель на это и рассчитывалъ, прикрываясь именемъ своей союзницы. Въ Версалѣ довольно долго ничего не подозрѣвали о новой конвенціи. Подъ тѣмъ предлогомъ, что Шуазель самъ устранился отъ рѣшенія вопроса Восточной Пруссіи, Воронцовъ не говорилъ о ней маркизу Лопиталю. Новый договоръ заключалъ въ себѣ, впрочемъ, еще другую *секретнѣйшую* статью, сообщить о которой Франціи было бы несравненно затруднительнѣе. Она была направлена противъ Турціи и открыто признавала войну съ Портой однимъ изъ условій, когда Россія имѣла права требовать помощи своей союзницы. Русскій канцлеръ былъ вполне правъ, полагая, что необходимо долго и осторожно готовить Версальскій дворъ къ ознакомленію съ этой статьей; онъ находилъ, поэтому, болѣе удобнымъ для себя переговориться съ Франціей лишь относительно менѣе жгучаго польскаго вопроса, при этомъ не для того, чтобы открыть ей то, что заключалось въ подписанномъ договорѣ съ Австріей, а чтобы еще разъ вывѣдать ея мнѣніе на этотъ счетъ. Обмѣнявшись съ Эстергази подписями, онъ, ни словомъ не упоминая о трактатѣ, заговорилъ съ французскимъ посломъ въ тонѣ задушевной бесѣды: «Россія не имѣетъ вовсе намѣренія оставить за собою Пруссію. Но зато она уже давно желаетъ расширить свои владѣнія со стороны Украйны. Поэтому, если французскій король и императрица-королева согласятся на это, она охотно уступитъ полякамъ всю завоеванную ею провинцію или часть ея». Канцлеръ предвидѣлъ, какое возраженіе можетъ быть сдѣлано на это со стороны Франціи. Очевидно, — сказалъ онъ, — (отмѣйте эту очевидность) Франція не можетъ смотрѣть благосклонно на расширение польскихъ владѣній. Но опасность (обратите вниманіе и на это выраженіе) тутъ только кажущаяся, потому что по всей вѣроятности поляки останутся всетаки въ прежнемъ состояніи анархіи ¹.

Вотъ какимъ языкомъ говорили съ воображаемыми покровителями Рѣчи Посполитой. Нѣтъ, не о Польшѣ тутъ шла рѣчь и не объ ея интересахъ!

Маркизъ Лопиталь не зналъ, что отвѣтить на изліянія русскаго канцлера; но депеша герцога Шуазеля отъ 3 апрѣля вскорѣ вывела его изъ затрудненія. Когда Штарембергъ обратился къ

---

¹ Лопиталь Шуазелю, 24 марта 1760 г. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ. № привожу основной смыслъ документа, а не его подлинныя слова.

Французскому министру съ запросомъ, какъ онъ смотритъ на русское предложеніе относительно территоріальнаго вознагражденія, Шуазель прибѣгнулъ къ прежней уловкѣ. Вопросъ, сказалъ онъ, долженъ быть рѣшенъ между Россіей и Австріей. Когда С.-Петербургскій и Вѣнскій дворы столкнутся между собою, король посмотритъ, удобно ли ему будетъ присоединиться къ ихъ соглашенію. Въ принципѣ его величество находитъ нежелательнымъ присоединеніе Россіей Восточной Пруссіи, такъ какъ подобное увеличеніе предѣловъ этой державы отдастъ въ ея руки большую часть Балтійскаго моря, и она получитъ слишкомъ большой перевѣсъ надъ Польшей. Но во всякомъ случаѣ, если даже Австрія найдетъ нужнымъ уступить по этому пункту, король желаетъ, чтобы никто не имѣлъ права говорить, что «Франція повліяла на это рѣшеніе»: онъ хочетъ «избѣжать упрековъ своихъ прежнихъ союзниковъ».

Этотъ отвѣтъ, переданный Вѣнскому двору, успокоилъ Марію-Терезію относительно послѣдствій новаго договора. И на совѣтѣ императрицы-королевы было рѣшено не дѣлать больше тайны изъ того, что произошло въ Петербургѣ. Герцогу Шуазелю сообщили о новомъ трактатѣ, и онъ не выразилъ ни удовольствія, ни досады. Онъ только что потерялъ надежду, которую лелѣялъ короткое время, заключить отдѣльный миръ съ Англіей. Войну было необходимо продолжать; Россія была нужна, чтобы сохранить шансы на побѣду; и если приходилось покупать ея помощь той цѣной, которую она сама назначала, то Австрія ничего не оставалось, какъ ратифицировать договоръ 23 марта. *Франція же попрежнему стояла въ сторонѣ отъ этого дѣла* Французскій министръ формально заявилъ это Штарембергу¹.

Итакъ, Франція заботилась лишь о томъ, чтобы соблюсти декорумъ. И Лопиталю было тѣмъ легче достичь этого въ Петербургѣ, что до конца мая, несмотря на слухи, которые ходили по всѣмъ канцеляріямъ, Воронцовъ продолжалъ его мистифицировать. Нѣтъ, до сихъ поръ, — увѣрялъ онъ, — Россія не договорилась съ Австріей. Но Эстергази, узнавъ, что Шуазель посвященъ въ дѣло, счелъ излишнимъ продолжать эту игру.

Онъ предупредилъ своего коллегу, который изъ депешъ, полученныхъ имъ одновременно изъ Франціи, уже зналъ, впрочемъ, то, что давно было извѣстно Европѣ. Русскій канцлеръ

¹ Arneth, «Geschichte Maria-Theresia's», т. VI, стр. 91.

Императрица Елизавета Петровна.
Рельеф изъ слоновой кости.
(Императорскій Эрмитажъ).

сослался тогда на забывчивость, и бѣдный французскій посолъ долженъ былъ удовлетвориться этимъ коварнымъ извиненіемъ. Но Эстергази наболталъ ему, кромѣ того, много лишняго: по его словамъ, Франція одобряла трактатъ и безъ всякаго затрудненія готова была къ нему приступить. Тутъ Шуазель уже разсердился. Это было болѣе чѣмъ нескромностью со стороны австрійскаго посла: это было оскорбленіе чувствъ короля и истины. Король «находитъ нужнымъ изучить прежде тщательно эти акты (договоръ и присоединенную къ нему декларацію) и сравнить ихъ съ данными имъ раньше обязательствами»¹. Французскій министръ передалъ это Штарембергу, поручивъ ему повторить его заявленіе въ Вѣнѣ, и потребовалъ, чтобы поведение Эстергази было строго осуждено, и чтобы этотъ послѣдній официально опровергнулъ свои слова.

Съ польской точки зрѣнія, Людовикъ XV и его министръ должны были бы поступить, конечно, совершенно иначе. А ихъ пугливость и недовѣрчивость внушили Вѣнѣ и Петербургу ту мысль, что Франція противится намѣренію передѣлать карту сѣверо-восточной Европы въ пользу Рѣчи Посполитой. И оба двора сейчасъ же вступили въ обсужденіе новой комбинаціи: Россія намѣревалась теперь обмѣняться Восточной Пруссіей уже не съ Польшей, а съ Даніей, чтобы положить конецъ недоразумѣніямъ, возникшимъ между этой державой и великимъ княземъ изъ-за Голштиніи. Вотъ какимъ образомъ упорство французской дипломатіи въ этомъ трудномъ вопросѣ служило интересамъ Варшавы, которой она покровительствовала! Впрочемъ, вѣдь вопросъ шелъ только о Польшѣ! А на пиру жизни эта несчастная страна присутствовала, какъ и герой шекспировской драмы. Полоній, — для того, чтобы *not to eat, but to be eaten*.

Во всемъ этомъ спорѣ мы не находимъ и слѣда личнаго вмѣшательства Людовика XV, если не считать его осужденія слишкомъ болтливаго Эстергази. Кромѣ того, Лопиталю, который такъ простодушно позволилъ провести себя за носъ, было рѣшено дать помощника съ тѣмъ, чтобы тотъ сталъ впослѣдствіи его замѣстителемъ. Какъ разъ въ это время скончался представитель Россіи во Франціи Михаилъ Бестужевъ, послѣ тяжелой болѣзни, въ продолженіе года державшей его совершенно

¹ Шуазель Лопиталю, 22 іюля 1760 г. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

вдали отъ дѣлъ. Бестужева смѣнилъ графъ Чернышевъ. Такимъ образомъ и съ той и съ другой стороны новые люди должны были положить начало новому фазису дипломатическихъ отношеній между обѣими странами.

Изъ Версаля выѣхалъ въ Петербургъ Луи-Огюсть Ле-Тоннелье, баронъ Бретейль, кавалерійскій офицеръ и почти новичокъ въ дипломатической карьерѣ, въ которой—послѣ его скромнаго дебюта въ Кельнѣ—онъ былъ выдвинутъ теперь на первый планъ. Онъ долженъ былъ играть двойную роль. Шуазель подарилъ его своимъ довѣрiемъ, а Людовикъ XV довѣрилъ ему свою тайну. Это устроили Терсье и графъ Брولي. Секретная инструкція, составленная для новаго посла, послужила предметомъ подробнаго изслѣдованія и краснорѣчиваго осужденія, къ которому я и отсылаю моихъ читателей¹, прибавивъ къ нему лишь нѣсколько словъ. Историкъ, котораго я имѣю въ виду, подчеркиваетъ нарочитое намѣренiе короля дать Брейтейлю указанія, совершенно противоположныя тѣмъ, что были продиктованы ему министромъ въ официальной инструкціи. Эта официальная инструкція предписывала ему, какъ то и подобало, приложить всѣ старанія къ тому, чтобы извлечь возможную для Франціи выгоду изъ ея союза съ Россiей, какъ въ цѣляхъ войны, такъ и въ цѣляхъ мира; а секретная инструкція говорила, напротивъ, о томъ, что онъ долженъ всячески бороться съ возрастающимъ могуществомъ Россiи, и для этого, *если только обстоятельства позволятъ это, остановить даже успѣхи ея арміи.*

Итакъ, послѣ Росбаха и Кунерсдорфа, можетъ быть, наканунѣ новаго пораженія, которое должно было отнять у Франціи послѣдній шансъ на почетный миръ, она, или по крайней мѣрѣ ея король, не отдававшій себѣ отчета въ своихъ поступкахъ и почти вѣроломный, старались помѣшать побѣдамъ единственныхъ войскъ, разбивавшихъ до сихъ поръ Фридриха и подававшихъ его противникамъ надежду на успѣхъ! Развѣ не очевидно послѣ этого безуміе тайной дипломатiи и ея антагонизмъ съ дипломатiей официальной?

Я намѣренно подчеркиваю эту мысль во всей ея силѣ. Но не могу признать ее справедливой, потому, что меня останавливаютъ слѣдующія строки въ *секретной* инструкціи, переданной барону Бретейлю:

¹ Vandal, «Louis XV et Elisabeth», стр. 372 и сл.

«*Министерскія* инструкціи объявляютъ очень подробно, чего надо бояться отъ возрастанія русскаго могущества, и какъ важно предупредить возможныя послѣдствія его»¹.

И дѣйствительно, этотъ объемистый документъ, написанный подъ диктовку герцога Шуазеля, распространялся на указанную выше тему на многихъ страницахъ. Итакъ, по вопросу, который считали причиной антагонизма между официальной и тайной дипломатіями, между ними существовало, напротивъ, полное единеніе; и если онѣ и расходились въ чемъ, то лишь въ степени важности, которую приписывали этой части своей программы, и въ выборѣ средствъ для ея осуществленія. Герцогъ Шуазель не заходилъ еще пока такъ далеко, чтобы признавать необходимость мѣшать военнымъ операціямъ державы, внушавшей ему однако, какъ и Людовику XV, равное подозрѣніе. Но подождите: со временемъ и онъ пришелъ къ этому. Развѣ мы не видѣли, какъ—не то что въ канцеляріяхъ, а на полѣ сраженія, въ виду непріятели,—обострялось взаимное недоброжелательство русскихъ и австрійцевъ и не позволяло имъ помогать другъ другу изъ страха, что общая побѣда принесетъ одному изъ союзниковъ больше выгоды, чѣмъ другому? Въ этомъ недостаткѣ согласія между членами коалиціи, въ этомъ соперничествѣ, которое парализовало ихъ усилія, и заключалась исторія всей этой войны. Такова, впрочемъ, исторія всѣхъ коалицій! Когда нѣсколько мѣсяцевъ спустя русскіе вновь подтвердили превосходство своего оружія новой побѣдой, то обратясь уже не къ Людовику XV секретнымъ путемъ, а къ герцогу Шуазелю, официально, баронъ Бретейль указалъ министру, что *нельзя увеличивать затрудненія прусскаго короля*, такъ какъ тогда заключеніе мира встрѣтитъ еще больше препятствій². И герцогъ на этотъ разъ уже не протестовалъ!

Это еще не все. Какъ смотрѣла официальная дипломатія на будущее отношеніе между Франціей и Россіей? По причинамъ, извѣстнымъ намъ, Людовикъ XV и его тайные совѣтники были противъ непосредственнаго политическаго союза съ имперіей Елизаветы. Но герцогъ Шуазель? Онъ предписалъ барону Бретейлю ограничиться предложеніемъ Россіи торговаго договора.

¹ Архивъ франц. Мин. Им. Дѣлъ, Россія, т. LXII, фол. 65.

² Бретейль Герцогу Шуазелю, 28 октября 1760 г. Архивъ франц. Мин. Им. Дѣлъ.

Намѣренія официальной и секретной дипломатіи и здѣсь совпадаютъ.

Дальше. Почему новый посолъ, не имѣвшій за собой ни опыта, ни возможности проявить до сихъ поръ свои таланты, обратилъ на себя вниманіе министра? Ему было двадцать семь лѣтъ, онъ былъ красивъ, представительнъ, т. е. имѣлъ именно тѣ качества, которыя были нужны, чтобъ понравиться... кому? Елизаветѣ? Нѣтъ. Бѣдную Елизавету уже не принимали больше въ этомъ отношеніи въ расчетъ. Въ Версалѣ всѣ взоры были тоже обращены въ сторону восходящаго солнца. Барона Бретейля предназначали для романической и двусмысленной роли, имѣя въ виду Екатерину и находя, что онъ будетъ *the right man in the right place*. Чья же это была мысль? Герцога Шуазеля. Завѣдывавшій секретной перепиской Терсье не принималъ въ этой интригѣ никакого участія и даже не пророчилъ ей успѣха. «Развѣ можно внушать любовь по заказу, писалъ онъ.— У барона Бретейля есть притомъ жена, которую онъ, кажется, любить»¹. Итакъ, волею министра и подъ покровительствомъ официальной дипломатіи, новый посолъ былъ прикомандированъ специально къ молодому двору. А между тѣмъ, въ Версалѣ знали объ отношеніяхъ этого двора къ двору императрицы, знали также и объ его преданности Пруссіи. И посылать, при такихъ условіяхъ, представителя Франціи къ ногамъ великой княгини—развѣ это не значило выказывать въ извѣстной мѣрѣ чувства, враждебныя Россіи? Вѣдь это значило отправить въ Петербургъ новаго Понятовскаго, присутствія котораго Елизавета не могла переносить. Все это должно было грозить серьезными недоразумѣніями и даже разрывомъ съ Россіей, и этотъ рискъ официальная дипломатія принимала на себя.

Интрига не удалась, потому что баронъ Бретейль—независимо отъ того, былъ ли онъ или не былъ предупрежденъ о надеждахъ, которыя возлагались на его личное обяніе,—не пожелалъ использовать его въ политическихъ цѣляхъ. Онъ привезъ съ собой въ Петербургъ жену и, согласно одной изъ статей данной ему официальной инструкціи, въ которой герцогъ становился въ явное противорѣчіе не съ тайной дипломатіей, а съ самимъ собой, началъ хлопотать о возвращеніи... Понятов-

¹ Терсье графу Брольи, 2 сент. 1759 г. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ. См. «Le secret du Roi», т. I, стр. 370.

скаго собственной его особой. Я отказываюсь понимать, какихъ счастливыхъ результатовъ ждалъ министръ отъ этой встрѣчи? Секретная инструкція болѣе логично высказывалась за то, чтобы полякъ оставался въ Варшавѣ. И, если не считать тѣхъ мелкихъ размолвокъ, на которыя я указывалъ выше,—это единственный пунктъ, вызывавшій въ то время разногласіе между программами обѣихъ дипломатій. Да и тутъ Людовикъ XV вскорѣ почти уступилъ своему министру, приказавъ барону Бретейлю дѣйствовать сообразно съ волей Елизаветы ¹.

Преемникъ маркиза Лопиталья вообще не оправдалъ довѣрія, возлагавшагося на его дарованія. Приѣхавъ въ Петербургъ въ іюнѣ 1760 г., онъ очутился здѣсь на второмъ планѣ, куда его отодвинуло, во-первыхъ, присутствіе прежняго посла, замѣшкавшагося на берегахъ Невы, а теперь, повидимому, намѣренно откладывавшаго свой отъѣздъ, и, во-вторыхъ, ходъ событій на театрѣ войны. Теперь было не время вести дипломатическіе переговоры: надо было драться съ Фридрихомъ. И война, которая, по опасеніямъ Версаля, могла дать Россіи слишкомъ большое преимущество надъ ея союзниками, дѣйствительно готовила ей рядъ блестящихъ побѣдъ.

III.

Взятіе Берлина.

За время отъ ноября 1759 до февраля 1760 года Фридрихъ сдѣлалъ новыя попытки примириться съ Петербургомъ черезъ посредство генерала Вейлиха, которому было поручено вступить съ Россіей въ переговоры по поводу обмѣна плѣнными, и черезъ г. Пехлина, бывшаго полковника голштинской службы. Фридрихъ по прежнему находилъ свое положеніе крайне непрочнымъ. «Почти глупо съ моей стороны существовать еще»,—говорилъ онъ де-Катту ². Встрѣтивъ отказъ со стороны Россіи несмотря на то, что, по его предположеніямъ, посредникомъ между нимъ и Елизаветой долженъ былъ быть самъ великій князь,—онъ предался мрачнымъ опасеніямъ, которыя повѣрялъ въ письмахъ принцу Генриху: «Я дрожу, когда вижу приближеніе кампаніи», писалъ онъ ³.

¹ Boutaric, «Correspondance secrète de Louis XV», т. I, стр. 257.

² De Catt, «Journal» стр. 253.

³ «Pol. Corresp.», т. XVIII, стр. 636; т. XIX стр. 141, 183, 496.

Начало этой кампаніи не оправдало однако его страховъ. Переговоры, которые велись между Россіей и Австріей, надолго задержали военныя приготовленія австрійцевъ, а вопросъ о главнокомандующемъ, вновь поднятый въ Петербургѣ, грозилъ остановить и армію Салтыкова. Осужденный и заподозрѣнный еще со времени прежней кампаніи, Салтыковъ долженъ былъ раздѣлить свою власть съ Ферморомъ, который, впрочемъ, внушалъ всѣмъ такое же недовѣріе, какъ и его товарищъ. Командованіе арміей исходило, въ сущности, изъ самого Петербурга; *конференція*, учрежденная Елизаветой, была ея главнымъ штабомъ, и малѣйшія передвиженія войскъ рѣшались указами, которые обсуждались и составлялись за много сотенъ верстъ отъ театра войны.

Иные изъ этихъ указовъ были, естественно, неисполнимы; другіе нелѣпы и даже безумны. Но въ сентябрѣ былъ изданъ одинъ, которому было суждено нанести Фридриху страшный ударъ. По инициативѣ французскаго военнаго агента графа Монталамбера и австрійскаго военнаго атташе, по происхожденію англичанина Пленкета, между Петербургомъ и Вѣной вырабатывался планъ движенія на Берлинъ общими силами; Салтыковъ и даже Даунъ ничего не знали объ этомъ. Когда пришло время осуществить этотъ планъ, Салтыковъ захворалъ, Ферморъ не хотѣлъ о немъ и слышать, и Даунъ тоже отказался отъ его исполненія. Но въ Петербургѣ продолжали настаивать, и *конференція* заговорила угрожающимъ тономъ. Тогда Даунъ и Ферморъ рѣшили произвести, вмѣсто предписанной имъ операціи съ главными арміями, смѣлый набѣгъ небольшого отряда. Съ двумя тысячами гренадеровъ, двумя драгунскими полками, небольшимъ числомъ казаковъ и двадцатью пушками русскій генераль Тотлебенъ быстро двинулся въ сторону прусской столицы. За нимъ слѣдовали вспомогательный русскій корпусъ подъ командой Чернышева и австро-саксонскій корпусъ подъ начальствомъ Ласси; каждый изъ нихъ шелъ на разстояніи одного или двухъ дней пути другъ отъ друга. Въ Берлинѣ стоялъ гарнизонъ изъ трехъ батальоновъ и почти не было укрѣпленій; Фридрихъ былъ принужденъ очистить дорогу къ городу; набѣгъ Тотлебена могъ разсчитываться такимъ образомъ на полный успѣхъ.

Салтыковъ однако нашелъ его опаснымъ и бесполезнымъ, и надо признаться, что его мнѣніе нашло подтвержденіе у самаго авторитетнаго изъ судей. «Если бы движеніе русскихъ было

скомбинировано съ движеніемъ шведской арміи,—сказалъ Наполеонъ¹—отъ него зависѣлъ бы исходъ войны, но въ томъ видѣ, какъ оно было произведено, оно не было опасно». Вопреки этому приговору, я нахожу вопросъ еще спорнымъ. Вы сами будете объ этомъ судить.

Пройдя саксонскую Лузацію, Тотлебенъ проникъ въ Бранденбургъ черезъ Губенъ и Буковъ и очутился у воротъ Берлина 23 сентября. Комендантъ города, генераль лейтенантъ фонъ Роховъ, счелъ сопротивленіе бесполезнымъ. Но старикъ Левальдтъ побѣжденный при Гросс-Эгерсдорфѣ, и Зейдлицъ, еще не оправившійся отъ полученныхъ имъ при Кунерсдорфѣ ранъ, склонились къ противоположному мнѣнію. Послѣ неудачнаго штурма Тотлебенъ, артиллерія котораго не могла дѣйствовать — «всѣ (пушки) были ранены и разорваны и вся амуниція выстрѣлена», писалъ онъ въ своей реляціи, — потребовалъ подкрѣпленій, въ то время какъ принцъ Вюртембергскій, призванный на помощь осажденнымъ, собралъ наспѣхъ четырнадцать тысячъ человекъ и готовился дать сраженіе русскимъ. Но тутъ подошли Ласси и Чернышовъ съ восемнадцатью тысячами человекъ, и въ ночь на 28 сентября прусская армія отступила. Берлинъ, брошенный на милость побѣдителей, готовился пережить всѣ ужасы нашествія враговъ, когда въ ту же ночь, не посоветовавшись съ Ласси и Чернышовымъ и даже открыто нарушая ихъ приказаніе, Тотлебенъ вступилъ въ переговоры съ почетными гражданами Берлина и подписалъ капитуляцію, которая впослѣдствіи не безъ основанія была признана вопіющимъ актомъ измѣны.

Степанъ Федоровичъ Апраксинъ.
Генераль-Фельдмаршалъ,
1-й главнокомандующій въ Семи-
лѣтнюю войну.

Изъ собранія гравированныхъ портретовъ
П. Векстова.

¹ «Précis des guerres de Frédéric II».

Тотлебенъ былъ подкупленъ Фридрихомъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ—это со временемъ обнаружилось—и поддерживалъ съ нимъ секретную переписку.

Берлинъ откупился контрибуціей въ полтора милліона талеровъ и двумя стами тысячъ талеровъ на войско, которыя, если вѣрить австрійцамъ, были очень неравномѣрно распредѣлены между союзниками. «Мы играемъ роль зрителей и, такъ сказать, рабовъ Тотлебена»,—писалъ Ласси. Очистивъ военные склады и арсеналы, взорвавъ два литейныхъ и одинъ ружейный заводъ и шесть пороховыхъ мельницъ на Шпрее, побѣдители не тронули, однако, Потсдамскаго дворца; но зато русскіе, австрійцы и саксонцы, всѣ съ одинаковымъ удовольствіемъ предали самому варварскому разграбленію Шенгаузенъ и Шарлоттенбургъ, причемъ погибла драгоцѣнная коллекція антиковъ, доставшаяся Фридриху по наслѣдству отъ кардинала Полиньяка. Все было разгромлено отъ Берлина до Шпандау, и, чтобы доказать свое усердіе, Тотлебенъ пригрозилъ высѣчь нѣсколько журналистовъ, провинившихся въ томъ, что они дурно отзывались о Россіи во время войны. Онъ ограничился, впрочемъ, лишь подобіемъ экзекуціи на городской площади, и бѣдные журналисты, уже раздѣтые для порки, остались цѣлы и невредимы. Одинъ купецъ польскаго происхожденія, Гоцковскій, добившійся сокращенія контрибуціи, назначенной первоначально въ размѣрѣ четырехъ милліоновъ, спасъ, кромѣ того, еще королевскія фабрики, между прочимъ, суконную, которая одѣвала всю армію. А 30 сентября столица Пруссіи была уже свободна. Фридрихъ мчался къ ней на помощь изъ глубины Силезіи, и, узнавъ объ его приближеніи, русскіе, австрійцы и саксонцы «разсыпались въ одинъ мигъ всѣ, какъ дождь»,—по выраженію Болотова. Первые укрылись за Одеръ, чтобы соединиться съ главной арміей; вторые ушли въ Саксонію навстрѣчу къ Дауну, а шведы, уже двинувшіеся на Берлинъ, опять отступили въ Померанію¹.

Разумѣется, такой набѣгъ, хотя и увѣнчавшійся успѣхомъ, не могъ имѣть рѣшающаго значенія для войны. Ключи Берлина, въ теченіе трехъ дней занятаго русскими, хранятся до сихъ

---

¹ Schaefer, «Geschichte des siebenjährigen Krieges», т. II, 2, стр. 80 и сл.; Болотовъ, «Записки» т. II, стр. 27; Монталамберъ, Донесеніе отъ 10 октября 1760 г., Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ. Реляція Тотлебена, «Архивъ кн. Воронцова», т. VI, стр. 458.

поръ въ Казанскомъ соборѣ, но это приблизительно все, чего достигла Россія своей блестящей, но эфемерной побѣдой. Однако вслѣдъ за Восточной Пруссіей и Бранденбургъ легко могъ перейти въ руки русскихъ, и врядъ ли Фридрихъ могъ утѣшиться тѣмъ, что враги при его появленіи разсѣялись, какъ дымъ, все разграбивъ по пути и надругавшись надъ его «родиной», которую онъ еще недавно собирался защищать цѣною своей жизни. Теперь всякій могъ войти въ нее, какъ въ мельницу, и потсдамскій мельникъ напрасно сталъ бы взывать къ судьямъ въ Берлинѣ. По своему замыслу набѣгъ русскихъ могъ быть очень опасенъ; но и при всей своей кратковременности онъ ранилъ прусскаго короля прямо въ сердце. Фридрихъ, правда, продолжалъ отбиваться, но лишь потому, что его враги, какъ и прежде, помогали ему сопротивляться. Въ русской арміи Салтыкова и Фермора смѣнилъ старый, невѣжественный и безтолковый Александръ Борисовичъ Бутурлинъ. По свидѣтельству Болотова, въ арміи долгое время отказывались вѣрить этому назначенію. Всѣ говорили, что новый главнокомандующій неспособенъ командовать даже полкомъ и каждый день напивается пьянымъ въ обществѣ проходимцевъ; онъ уже давно служилъ посмѣшищемъ всему Петербургу. Подъ Кольбергомъ, вторично осажденнымъ въ августѣ восемью тысячами сухопутнаго войска подъ командой генерала Олица и русской эскадрой, состоявшей изъ двадцати шести линейныхъ кораблей, пяти фрегатовъ и ста мелкихъ судовъ, къ которымъ вскорѣ присоединилась еще шведская эскадра, неспособность русскихъ военачальниковъ тоже приготовила Фридриху пріятный сюрпризъ. 11 сентября появленіе генерала Вернера, посланнаго Фридрихомъ съ тремя тысячами человѣкъ, вызвало среди осаждающихъ страшную панику. Распространился слухъ, что слѣдомъ за прусскимъ генераломъ идетъ самъ король съ двадцатью тысячами человѣкъ, и атака прусскихъ гусаръ обратила русскихъ въ бѣгство. Бросившись въ смятеніи на свои корабли, они сняли осаду съ города¹.

«Впрямь подумаютъ, что только умѣемъ города жечь, а не брать»,—писаль И. И. Шуваловъ по поводу этого пораженія².

Читатель, вѣроятно, уже обратилъ вниманіе на эту непостижимую измѣнчивость въ настроеніи русской арміи, которая прояв-

¹ Schaefer, «Geschichte des siebenjährigen Krieges», т. III, стр. 79.

² Шуваловъ Воронцову, 25 сент. 1760 г. «Русскій Архивъ», 1870 г., стр. 1406.

ляла то непоколебимое мужество, то полный упадокъ духа, смотря по обстоятельствамъ. Когда имѣешь дѣло съ первобытной силой, всегда приходится наблюдать подобное явленіе. Неуклонность и стойкость вырабатываются лишь навыкомъ и упражненіями. А когда у толпы нѣтъ высшихъ и умѣлыхъ руководителей, она представляетъ собой, по самому своему существу, нѣчто глубоко измѣнчивое, импульсивное, способное кидаться то въ ту, то въ другую крайность, въ зависимости отъ почти ничтожныхъ причинъ. И въ общемъ, войска Елизаветы надо было, повидимому, прежде хорошенько побить, чтобы заставить драться. Плохо организованные, плохо управляемые, они умѣли дѣйствовать лишь рефлексивно, отражая полученный ударъ.

Однако желѣзный кругъ, который коалиція стягивала вокругъ Фридриха, — хоть Фридрихъ и разбивалъ его двадцать разъ—становился все уже и уже, не оставляя никакихъ иллюзій относительно исхода борьбы. Рано или поздно прусскій король долженъ былъ пастъ въ ней. Поэтому, когда наступленіе зимы дало ему небольшую передышку, онъ сейчасъ же началъ мечтать объ отдѣльномъ соглашеніи съ Россіей. Секретный агентъ Баденгауптъ, братъ нѣмецкаго доктора, жившаго въ Петербургѣ, долженъ былъ подкупить съ этой цѣлью обоихъ Шуваловыхъ. Фавориту король соглашался заплатить громадную сумму—милліонъ талеровъ — только за обѣщаніе держать въ бездѣйствіи русскую армію во время будущей кампаніи. Эта попытка не удалась. И. И. Шуваловъ выказалъ себя «французомъ до мозга костей»¹. Но въ это время Франція, тоже готовая сломиться подъ тяжестью ударовъ, которые ей наносила Англія, въ свою очередь—но болѣе серьезнымъ тономъ—заговорила о мирѣ.

IV.

Переговоры о мирѣ.

Стараясь въ концѣ августа 1860 г. склонить Англію къ миру, Шуазель рѣшилъ повести и въ Петербургѣ съ этою цѣлью дипломатическую кампанію, воспользовавшись для этого предложеніемъ Франціи, сдѣланнымъ еще прежде, о заключеніи съ Россіей непосредственнаго договора. Договоръ этотъ долженъ былъ

¹ «Pol. Corrèsp.», т. XX, стр. 153, 158, 388.

быть только торговый, какъ я на это указывалъ выше, но, въ намѣреніяхъ министра, онъ готовъ былъ довольно неожиданно измѣнить свой характеръ. «Мнѣ кажется, — писалъ онъ Бретейлю: — что С.-Петербургскій дворъ совершенно чистосердечно былъ бы радъ миру при условіи сохраненія Пруссіи и при надеждѣ заключить съ Франціей субсидный договоръ»¹. Какимъ образомъ очень твердое намѣреніе Франціи — какъ мы это увидимъ впоследствии — исключить изъ своего предполагаемаго соглашения съ Россіей всякій политическій элементъ можно было примирить съ этой мыслью о субсидіяхъ, я не берусь сказать, такъ какъ герцогъ не объяснилъ своей мысли подробнѣе. Но вскорѣ вопросъ былъ поставленъ именно въ этой формѣ и поставленъ только со стороны Франціи. Вопреки увѣреніямъ одного историка², я нигдѣ не нашелъ доказательствъ того, чтобы Россія въ это время или раньше дѣлала Франціи предложеніе о непосредственномъ союзѣ.

Самъ баронъ Бретейль не зналъ, какъ ему понимать планъ его начальника. Онъ былъ въ то же время довѣреннымъ лицомъ короля, и, казалось бы, это должно было побуждать его не только не расширять начертанную ему программу, но, напротивъ, по возможности суживать ее. Но его способъ дѣйствій совершенно уничтожаетъ легенду о враждебныхъ отношеніяхъ, будто бы существовавшихъ между обѣими дипломатіями, представителемъ которыхъ онъ являлся въ Петербургѣ. Вступивъ съ Воронцовымъ въ переговоры, онъ по собственному почину замѣнилъ проектъ торговаго договора предложеніемъ «болѣе серьезнаго» союза, и писалъ герцогу Шуазелю: «Я былъ далекъ отъ того, чтобы укрѣплять непосредственный союзъ съ русской имперіей, пока я считалъ возможнымъ покончить наше дѣло о мирѣ съ Англіей безъ ея помощи; но теперь, когда я вижу бесполезность испанцевъ, побѣды англичанъ въ Канадѣ, опасность, угрожающую Пондишери и невозможность овладѣть курфиршествомъ Ганноверскимъ, я убѣжденъ болѣе сильно, чѣмъ кто-либо другой, что мы ничѣмъ не должны пренебрегать, чтобъ обезпечить нашу связь съ этой имперіей, главнымъ образомъ для того, чтобы вовлечь ее въ затрудненія, вызванныя нашими переговорами съ Англіей. При осуществленіи нашего соглашения съ Рос-

¹ Шуазель Бретейлю, 24 августа 1760 г. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

² Vandal, «Louis XV et Elisabeth», стр. 397—398.

сіей намъ грозитъ нѣкоторая опасность со стороны Порты оттоманской и недоразумѣнія со стороны сѣверныхъ державъ; но мы или предупредимъ эти недоразумѣнія, или послѣдующія событія ихъ уничтожатъ»¹.

Итакъ, агентъ секретной дипломатіи преподавалъ урокъ главѣ официальной дипломатіи, совѣтуя ему отказаться отъ недовѣрія по отношенію къ Россіи и пожертвовать этой державѣ не только Польшу и Швецію, но и Турцію! Въ то же время онъ безъ колебанія воспользовался своей официальной инструкціей, чтобъ объявить Воронцову, что Франція ничего не будетъ имѣть противъ окончательнаго присоединенія Восточной Пруссіи къ Россіи.

Поведеніе Бретейля вызвало неудовольствіе и порицаніе не только у Людовика XV, но и у самого герцога Шуазеля. Однако первое препятствіе къ заключенію союза между Франціей и Россіей и къ пожертвованію Польшей, которое этотъ союзъ, по видимому, долженъ былъ за собой повлечь, было поставлено не Версалемъ. Такимъ образомъ, всю исторію этого эпизода въ томъ видѣ, какъ ее рассказывали до сихъ поръ, говоря объ авансахъ Россіи и о пренебрежительномъ отпорѣ Франціи, надо отнести къ области преданій. Авансы были сдѣланы не Россіей, а Франціей, и Воронцовъ принялъ ихъ съ восторгомъ: «Вы довершаете мои желанія!—воскликнулъ онъ, пожимая руки посла. Но тутъ же онъ поспѣшилъ оговориться. Для того, чтобы Франція могла выплачивать Россіи субсидіи, необходимо было заключить прежде миръ—баронъ Бретейль далъ это понятъ Воронцову,—а чтобы заключить миръ, Россіи приходилось отказаться отъ приобрѣтенія Восточной Пруссіи. Завоеваніе этой провинціи «было мыслью Шувалова», и лично канцлеръ на немъ не настаивалъ. Но, какъ бы не довѣряя Бретейлю и его слишкомъ смѣлымъ планамъ, Воронцовъ рѣшилъ объясниться непосредственно съ герцогомъ Шуазелемъ. Его письмо къ французскому министру отъ 9 декабря 1760 года сохранилось въ архивахъ; нѣкоторые историки высказывали мнѣніе, что въ этомъ письмѣ и было передано секретно Людовику XV о желаніи императрицы подписать съ Франціей новый договоръ о союзѣ, «болѣе обширный и подробный, нежели предыдущіе»². Но Воронцовъ писалъ

¹ Бретейль Шуазелю, 20 и 26 ноября 1760 г. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

² Vandal, «Louis XV et Elisabeth», стр. 394.

Шуазелю, а не Терсье; его письмо было отвѣтомъ на предложенія Бретейля, отвѣтомъ очень уклончивымъ, по сколько дѣло касалось Украйны, и выжидательнымъ относительно будущаго союза. Черезъ нѣсколько дней, по прежнему избѣгая барона Бретейля, русскій канцлеръ пригласилъ къ себѣ маркиза Лопиталья, собиравшагося уже уѣзжать изъ Петербурга, и, попросивъ у него сохранить настоящую бесѣду въ тайнѣ отъ барона, сообщилъ ему содержаніе записки о мирѣ, которую онъ, Воронцовъ, только что представилъ императрицѣ. Онъ указывалъ въ ней на истощеніе силъ у союзниковъ, на неувѣренность успѣха въ случаѣ, если война затянется и—въ заключеніе—на необходимость отказаться отъ присоединенія къ Россіи Восточной Пруссіи: пусть Россія предоставитъ союзникамъ выбрать для нея иной способъ вознагражденія за войну; прусскій король сохранитъ такимъ образомъ всѣ свои владѣнія, Швеція получитъ деньги и нѣкоторыя земли въ Помераніи; вполсѣдствіи по ходу переговоровъ будетъ видно, можно ли будетъ присоединить сюда и Данію. Маркизъ Лопиталь,—закончилъ. Воронцовъ,—могъ бы предварительно, столковавшись съ герцогомъ Шуазелемъ, сдѣлать соотвѣтствующія предложенія въ Вѣнѣ, когда будетъ проѣзжать черезъ нее по дорогѣ въ Парижъ¹.

Что же это означало? Только то, что въ Петербургѣ было также два различныхъ политическихъ теченія и двѣ дипломатіи. Возлѣ постели уже умиравшей императрицы двѣ партіи соперничали изъ-за власти. Одна, находившаяся подъ болѣе непосредственнымъ вліяніемъ Елизаветы или—вѣрнѣе—сама внушавшая ей свои воинственные планы, стояла за войну и за

Графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ, главнокомандующій арміей, находившейся въ Пруссіи во время Семилѣтней войны, побѣдитель при Кунерсдорфѣ.

Съ портрета, писаннаго въ 1760 г. Ротари и принадлежащаго Е. А. Балашовой.

¹ Лопиталь Шуазелю, 11 декабря 1760 года, Петербургъ. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

завоеваніе Восточной Пруссіи; другая, которой приходилось нести на себѣ всю тягость этой нескончаемой борьбы и отвѣтственность за нее, стремилась положить ей конецъ при помощи того соглашенія съ союзниками, которое казалось въ то время единственно осуществимымъ. Какъ и въ Версалѣ, правительство тайное боролось въ Петербургѣ съ правительствомъ официальнымъ. И официальное правительство, настроенное болѣе миролюбиво, готово было отказаться отъ Восточной Пруссіи, имѣя въ виду другое вознагражденіе.

Но что должна была означать эта уступка? Она являлась слѣдствіемъ желаній, выраженныхъ недавно въ Версалѣ. Франція относилась враждебно къ обмѣну Восточной Пруссіи на другія земли, отъ котораго выиграла бы Польша; но въ то же время она ничего не имѣла противъ того, чтобы Россія и Польша произвели новое разграниченіе своихъ владѣній; другими словами, чтобы Польша выполнѣла безкорыстно и за свой счетъ дала возможность Россіи увеличить свою территорію, что послужило бы этой послѣдней вознагражденіемъ за побѣды, на которое она считала себя въ правѣ. Фридрихъ, разумѣется, не сталъ бы возражать противъ такого рѣшенія вопроса, и заключить съ нимъ миръ было бы не трудно, такъ какъ одна Польша расплатилась бы за войну, которой не вела.

Франція, повидимому, охотно соглашалась на эту комбинацію и во всѣхъ отношеніяхъ шла навстрѣчу намѣреніямъ русскаго канцлера. Его письмо къ герцогу Шуазелю и депеши Бретейля и Лопиталья, сообщавшія французскому министру о новыхъ планахъ Воронцова (Лопиталь не скрылъ ихъ отъ своего преемника) встрѣтились по дорогѣ съ агентомъ версальскаго кабинета, посланнымъ въ Петербургъ. Это былъ чиновникъ Фавье, не посвященный въ тайну. Онъ везъ Бретейлю дополнительныя инструкціи, въ которыхъ барону предписывались быть очень несговорчивымъ относительно Восточной Пруссіи и очень уступчивымъ по вопросу объ Украинѣ; кромѣ того, Фавье долженъ былъ передать императрицѣ декларацію короля о мирѣ. Заботясь о благополучіи своихъ подданныхъ, страдавшихъ отъ войны, Людовикъ XV сообщалъ своимъ союзникамъ, что онъ готовъ «заняться съ ихъ согласіемъ и при ихъ содѣйствіи вопросомъ о средствахъ къ заключенію мира, одинаково желательнаго для всѣхъ». Онъ предлагалъ созвать съ этою цѣлью два различныхъ конгресса: одинъ, чтобъ вести переговоры между Франціей и

Англійей, другой, чтобъ примирить Пруссію съ ея многочисленными врагами. Въ принципѣ ни одно предложеніе не могло быть болѣе пріятно Воронцову: совпадая съ его личными намѣреніями, оно имѣло поэтому большіе шансы на успѣхъ. Но французскій король совершенно умалчивалъ объ условіяхъ этого будущаго мира, и это молчаніе показалось въ Петербургѣ тревожнымъ. Притомъ, Бретейль, которому было поручено передать предложеніе о конгрессахъ, долженъ былъ оговорить въ немъ одинъ важный пунктъ: Людовикъ XV желалъ, чтобъ союзники пригласили именно его сдѣлать первые шаги къ примиренію съ Фридрихомъ для того, чтобы повести мирные переговоры съ той быстротой, которую требовали обстоятельства; успѣхъ предпріятія и желаніе короля участвовать въ немъ зависѣли всецѣло отъ этого условія.

Объ этомъ условіи баронъ Бретейль повелъ прежде всего рѣчь съ Воронцовымъ. Прибѣгнувъ къ хитрости, онъ сдѣлалъ видъ, будто хочетъ, чтобы русская императрица взяла на себя инициативу, о которой мечталъ его король. Воронцовъ испугался. По отношенію къ Англии, пожалуй,—сказалъ онъ:—посланникъ его величества англійскаго короля уже далъ ему понять, что вмѣшательство Елизаветы будетъ встрѣчено въ Великобританіи благосклонно. Но развѣ можетъ Россія стать въ то же положеніе по отношенію къ Пруссіи? Императрица никогда на это не согласится! Бретейль разыгралъ большое разочарованіе, затѣмъ, точно сдѣлавъ надъ собой усиліе, онъ высказалъ небрежно свою затаенную мысль: что жъ? если императрицѣ такъ не хочется, чтобъ думали, что она хлопочетъ о мирѣ, королю придется принести эту жертву. Но канцлеръ, повидимому, уже разгадалъ тактику посла и сталъ возражать ему. Лукавство, казалось, ни къ чему не приведетъ; надо было говорить искренно и вести открытую игру. Баронъ Бретейль, еще не привыкшій къ такого рода дипломатическимъ аргументамъ, сейчасъ же перемѣнилъ тонъ. Онъ признался, что дѣло идетъ о личномъ желаніи короля, который сумѣетъ оцѣнить оказанную ему услугу. Канцлеръ получилъ отъ его величества, въ видѣ займа, значительную сумму: его освободятъ отъ уплаты этого долгъ, и благодарность короля не ограничится этой любезностью. Воронцовъ проворчалъ въ отвѣтъ нѣсколько словъ, которыя не были отказомъ, и о бѣщаль сдѣлать все возможное.

Но онъ не былъ хозяиномъ положенія, и послѣдующія событія показали это. Елизавета и ея безпечность, Шуваловъ и

его воинственные замыслы, *Конференція* и ея вѣчные разногласія—все это были препятствія, о которыя должно было разбиться усердіе канцлера. Начиная съ 13 января 1761 года, когда Бретейль сдѣлалъ свое сообщеніе Воронцову, по 13 февраля новаго стиля, въ Петербургѣ шли споры и интриги, которые привели наконецъ къ «плану негоціаціи», представленному французскому послу. Нашлись историки, которые утверждали, будто этотъ планъ былъ даже выгоднѣе для Франціи, нежели французскій проектъ¹.

Это любопытный примѣръ заблужденія, вызваннаго тѣмъ ложнымъ взглядомъ на эту главу международной исторіи, который господствовалъ до сихъ поръ во Франціи. Когда Бретейль получилъ русскій «планъ», онъ не колеблясь предложилъ Воронцову триста тысячъ ливровъ только за то, чтобы убѣдить Елизавету отъ него отказаться. И въ Версалѣ не напли, чтобы Бретейль бросалъ деньги зря. Прежде всего Франція вовсе не предлагала, какъ мы это знаемъ, настоящаго проекта мирныхъ переговоровъ въ полномъ значеніи слова; слѣдовательно русскій проектъ не могъ быть его отзвукомъ. Онъ, правда, отвѣчалъ нѣкоторымъ мыслямъ, намѣченнымъ прежде и по случайному поводу герцогомъ Шуазелемъ; но онъ былъ благопріятенъ, главнымъ образомъ, для Австріи. Соглашаясь на принципъ двухъ конференцій, онъ въ то же время заранѣе опредѣлялъ условія будущаго мира, а именно: 1) для Австріи обладаніе землями, которыя она завоевала и могла еще завоевать въ Силезіи; 2) для польскаго короля «пристойное вознагражденіе», въ видѣ приобрѣтенія нѣкоторыхъ прусскихъ округовъ въ Лузаціи; 3) для Швеціи «лучшее округленіе границъ» въ Помераніи и, наконецъ, 4) для Россіи—если миръ будетъ безусловно зависѣть отъ ея отказа отъ Восточной Пруссіи, хотя ея единственное намѣреніе уступить эту провинцію Польшѣ, чтобы покончить свои давнишнія съ ней распри — «равносильное вознагражденіе», соотвѣтственно ея достоинству и чести.

Несмотря на то, что Россія не ставила своего предполагаемаго отказа отъ Восточной Пруссіи въ зависимость отъ заключенія морского мира, или отъ поддержки, которую Франція должна была оказать ея планамъ о земельныхъ приобрѣтеніяхъ въ

¹ Vandal, «Louis XV et Elisabeth», стр. 393.

Украинѣ, какъ это утверждали ¹,— баронъ Бретейль, спрошенный Воронцовымъ, категорически потребовалъ и добился уничтоженія этихъ двухъ условій ²— русскій проектъ съ французской точки зрѣнія былъ негоденъ по самой своей основѣ. Онъ умалчивалъ о томъ главномъ условіи, которое баронъ Бретейль, побуждаемый своими инструкціями, столь настойчиво защищалъ передъ Воронцовымъ. Очевидно, Россія не принимала его, а за отсутствіемъ соглашенія по этому пункту въ Петербургѣ и въ Версалѣ могли строить планы за планами: они, все равно, должны были остаться безъ практическаго примѣненія. Вотъ почему въ Версалѣ и придавали такую цѣну этому условію, и почему Россія не хотѣла на него согласиться. При дворѣ Елизаветы восторжествовала вновь партія войны, и Шуваловъ одержалъ побѣду надъ Воронцовымъ.

Баронъ Бретейль безошибочно понялъ это. «Отвѣтъ Россіи, за исключеніемъ пожертвованія Пруссіей, *не оправдываетъ ни одного изъ желаній короля*, — писалъ онъ. Я въ отчаяніи... Я все сдѣлалъ, чтобъ побѣдить слабость канцлера, я боролся неутомимо до послѣдней минуты». Чтобы добиться успѣха, французскій посолъ на всѣ стороны предлагалъ деньги на сумму, доходившую въ общемъ до восьмисотъ тысячъ ливровъ. Но Шуваловъ оказался сильнѣе его ³. Такъ же объясняли и въ Версалѣ неудачу, постигшую Францію. «Король, — писалъ герцогъ Шуазель, — до крайности удивленъ отвѣтомъ, который Русскій дворъ сдѣлалъ на его декларацію. Онъ указываетъ на тотъ недостатокъ добросовѣстности, котораго всегда надо ждать со стороны этой державы» ⁴.

По этому поводу утверждали, будто бы французскій министръ принялъ вначалѣ благосклонно русскій отвѣтъ, затѣмъ «одумался» и долженъ былъ отклонить его подъ влияніемъ все той же секретной дипломатіи и личнаго мнѣнія Людовика XV ⁵. Но это новое заблужденіе, вызванное все той же причиной. Въ подтвержденіе его ссылались на депешу французскаго министра, помѣченную 10 марта 1761 года. Цитированный же текстъ этой

¹ Тамъ же, стр. 394.

² Бретейль Шуазелю, 4 февраля 1761 г. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ. Текстъ русскаго «плана» см. тамъ же, т. LXVI, фол. 132. Россія.

³ Бретейль Шуазелю, 6 (17) февраля 1761 г. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

⁴ Шуазель Бретейлю, 18 марта 1761 г. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

⁵ Vandal, «Louis XV et Elisabeth», стр. 394—397.

депеша относится въ дѣйствительности ко 2 марта и былъ написанъ прежде, чѣмъ русскія предложенія стали извѣстны въ Версалѣ. Они были сообщены барону Бретейлю лишь 13 февраля, а онъ не могъ такъ скоро передать ихъ во Францію. Итакъ, 2 марта герцогъ Шуазель, забѣгая впередъ, высказывалъ свое одобреніе не «плану», окончательно принятому С.-Петербургскимъ дворомъ, а тому проекту, согласія на который французскій посолъ надѣялся добиться отъ канцлера Елизаветы. И когда же герцогъ Шуазель могъ успѣть измѣнить свое мнѣніе? Тотъ неблагопріятный отзывъ о знаменитомъ «планѣ», который я приводилъ выше, былъ сдѣланъ имъ 18 марта. А такъ какъ подобная переменчивость во взглядахъ кажется мало правдоподобной на протяженіи одной или двухъ недѣль, то ее, недолго думая, отнесли къ маю мѣсяцу¹. Но это уже чистая фантазія. Вопросъ былъ поставленъ, обсужденъ и рѣшенъ между февралемъ и мартомъ 1761 года, при этомъ не только въ Версалѣ и въ Петербургѣ, но и въ Вѣнѣ, гдѣ переговоры велись одновременно при тѣхъ же условіяхъ, т. е. главнымъ образомъ по поводу права инициативы, котораго требовалъ Людовикъ XV. Они и въ Вѣнѣ привели къ тѣмъ же результатамъ. Подъ вліяніемъ Маріи-Терезіи, воинственныя стремленія одержали верхъ на берегахъ Дуная, какъ и на берегахъ Невы, и мысль «предоставить всецѣло французскому королю вести переговоры о мирѣ» показалась неприемлемой, такъ какъ при этомъ условіи мирныя переговоры могли слишкомъ быстро увѣнчаться успѣхомъ и остановить враждебныя дѣйствія.

Антагонизмъ между официальной и секретной дипломатіями проявился въ данномъ случаѣ лишь въ одномъ пунктѣ. Соглашаясь, въ интересахъ мира, отказаться отъ Восточной Пруссіи, Россія, какъ я говорилъ выше, хотѣла прежде поставить эту уступку въ зависимость отъ той поддержки, которую Франція оказала бы ей въ ея намѣреніяхъ относительно польской Украйны. Баронъ Бретейль, связанный секретною инструкціей и имѣя полное основаніе думать, что она совпадаетъ съ чувствами самого Шуазеля, рѣшительно отвергъ это условіе. А между тѣмъ Франція, смотрѣвшая прежде очень недоброжелательно на честолюбивые планы Россіи, уже не могла теперь, конечно, относиться къ нимъ съ безусловной непримиримостью. Она готова была

Vandal, «Louis XV et Elisabeth», стр. 396.

даже помогать имъ и соглашалась пожертвовать для этого Польшей, если только можно было купить миръ этой дѣвой. Въ послѣднихъ инструкціяхъ привезенныхъ къ Бретейлю Фавье, Шуазель высказывался по этому поводу вполне откровенно, и было ясно, что министръ готовъ дѣйствовать безъ всякихъ колебаній

Графъ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ.

Одинъ изъ русскихъ главнокомандующихъ въ Семилѣтнюю войну.

Съ портрета работы Д. Лодерса.

(Гатчинскій Дворецъ).

или угрызений совѣсти по отношенію къ Польшѣ. Въ инструкціяхъ было сказано, что король «будетъ съ удовольствіемъ содѣйствовать желаніямъ императрицы, чтобы побудить Рѣчь Посполитую согласиться на намѣренія, которыя ея величество могла бы имѣть относительно установленія новыхъ границъ» ¹. Это

¹ 18 декабря 1760 г. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

было рѣшенное дѣло. Но при этомъ Шуазель дѣлалъ формальную оговорку, что вопросъ объ Украинѣ не долженъ быть поставленъ открыто при переговорахъ о мирѣ. Онъ долженъ послужить впослѣдствіи предметомъ особаго соглашенія. Надо было соблюсти декорумъ и приличія по отношенію къ Европѣ. Поэтому Бретейль очень горячо возсталъ противъ того, чтобы указанное выше условіе было включено въ «планъ» мирныхъ переговоровъ и добился своего. Въ окончательной редакціи русскаго документа объ этомъ условіи не упоминалось ни словомъ. Россія безъ дальнѣйшихъ объясненій отказывалась отъ Восточной Пруссіи и давала весьма недвусмысленное доказательство своей искренности, пославъ немедленно приказъ Бутурлину не щадить больше провинцію¹. Взамѣнъ Пруссіи, Россія рассчитывала получить другое «равноспльное» вознагражденіе, не указывая, впрочемъ, какое именно. Польша угрожало такимъ образомъ быть сѣжденной во всякомъ случаѣ, но пока на ея участь стыдливо набрасывали покровъ и этимъ давали ей слабую надежду спасенія.

Это было вѣселою маленькой побѣдой, достигнутой въ интересахъ Рѣчи Посполитой и ея защитниковъ и, какъ она ни скромна, я готовъ былъ бы поставить ее въ заслугу секретной дипломатіи, если бѣ меня не останавливало слѣдующее. Извѣстіе объ уступкѣ, которой добился Бретейль, еще не пришло въ Парижъ, когда онъ получилъ отъ герцога Шуазеля вышеупомянутую депешу отъ 2 марта, гдѣ говорилось, что эта уступка бесполезна. Французскій министръ готовъ былъ принять русскій планъ въ его первоначальной редакціи. Онъ соглашался принести Польшу въ жертву передъ лицомъ всего свѣта. Что же сдѣлалъ баронъ Бретейль? Обратился ли онъ за разъясненіемъ къ королю и къ секретной дипломатіи? Нѣтъ. Онъ рѣшилъ, что если между тѣми двумя лабораторіями, гдѣ выработывалась внѣшняя политика его родины, и существовало прежде разногласіе, то теперь оно, къ счастью, уничтожилось послѣдней нотой министра, и, быстро измѣнивъ позицію, завелъ съ Воронцовымъ новый разговоръ. Онъ хорошо понималъ тѣ соображенія, которыми руководился его начальникъ; это видно по его письму: «Самое сильное желаніе Россіи—это увеличить свои владѣнія за счетъ Польши со стороны Украины, и мы можемъ и должны извлечь отсюда большую выгоду... Поляки не будутъ

¹ Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XXIV, стр. 368.

очень довольны, и турки могут сильно разсердиться; но, конечно, эти соображенія должны уступить передъ тѣмъ преимуществомъ, которое мы можемъ получить, обезпечивъ себѣ возвращеніе нашихъ владѣній въ Америкѣ,—или, по крайней мѣрѣ, облегчивъ его»¹.

Людовикъ XV, правда, отвергъ эту сдѣлку и, побѣдивъ свою лѣнь, даже самъ взялся за перо. Въ письмѣ отъ 8 іюня 1761 г. баронъ Брейтель получилъ отъ короля довольно рѣзкіе упреки и странный, но рѣшительный приказъ приложить всѣ свои усилія къ тому, «чтобы вернуть герцога Шуазеля къ болѣе благопріятнымъ по отношенію къ Польшѣ принципамъ, нежели тѣ, которые онъ имѣлъ теперь». Намѣреніе короля было безусловно похвальное, но, къ сожалѣнію, оно сильно запоздало. Въ томъ единодушномъ соглашеніи съ Россіей, надъ созданіемъ котораго дружно работали и французскій министръ и посолъ короля за счетъ несчастной Польши, за послѣднее время не все шло гладко. Виновницей разногласія была, какъ и прежде, Россія. Воронцовъ былъ продажный, но въ извѣстномъ смыслѣ всетаки честный человѣкъ. Такіе люди встрѣчаются нерѣдко въ нѣкоторыхъ странахъ и на извѣстныхъ ступеняхъ цивилизаціи. Русскій канцлеръ былъ однимъ изъ тѣхъ представителей своей родины, которые всегда отворачиваются отъ крайняго злоупотребленія силой и слишкомъ грубаго нарушенія права. Эта идея заставить Польшу расплатиться за войну, въ которой она не принимала участія,—эта беззастѣнчиво макиавелистическая комбинація исходила не отъ него. Онъ самъ не скрывалъ этого. Воспользоваться этой идеей онъ готовъ былъ, такъ какъ не могъ поступить иначе; но она претила ему. Онъ желалъ мира во что бы то ни стало, хотя бы безъ вознагражденія за военные расходы. Еще въ ноябрѣ 1760 года онъ подробно и откровенно изложилъ свои взгляды по этому поводу въ запискѣ, представленной имъ въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ². Онъ также откровенно объяснился и съ Брейтелемъ, отказавшись возобновить съ нимъ переговоры объ Украинѣ, которые были прерваны, по крайней мѣрѣ временно. Развѣ герцогъ Шуазель не находилъ еще недавно неудобнымъ примѣшивать этотъ щекотливый вопросъ къ обсужденію условій о мирѣ,

¹ Брейтель Шуазелю, 10 апрѣля 1761 г. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

² «Архивъ кн. Воронцова», т. IV, стр. 174.

которое само по себѣ должно представлять большія затрудненія? Почему же онъ отказывается теперь отъ столь мудраго рѣшенія? Если впоследствии необходимость заставитъ вернуться къ этому вопросу—канцлеръ думалъ о Шуваловыхъ—и заключеніе мира будетъ зависѣть отъ него, то всегда будетъ время заняться имъ ¹.

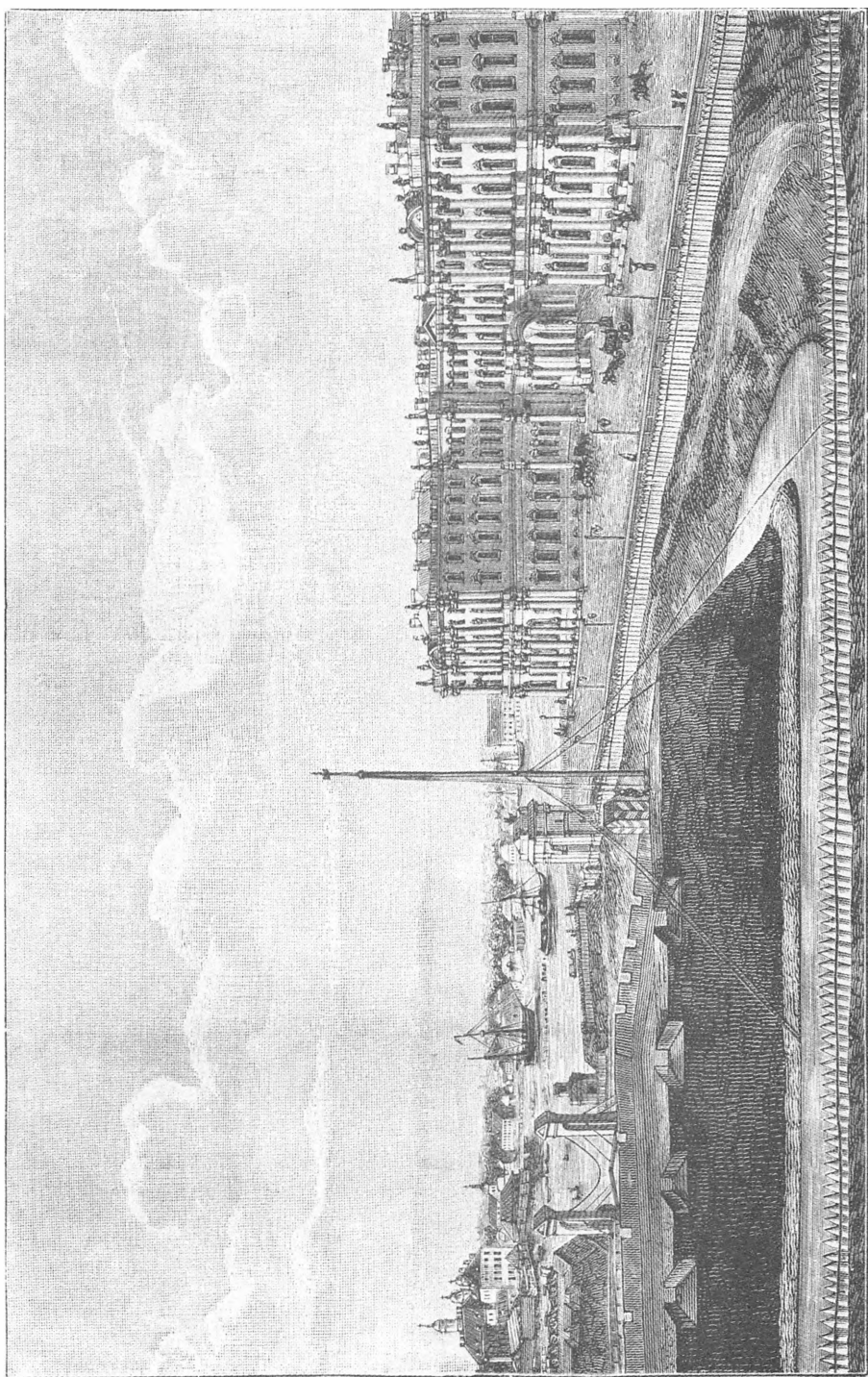
Посоль долженъ былъ передать этотъ отвѣтъ своему начальнику, который не могъ, конечно, выказать себя болѣе русскимъ, нежели самъ канцлеръ Елизаветы, тѣмъ болѣе что Воронцовъ повторялъ лишь его собственные слова. Шуазелю не оставалось ничего другого, какъ самому вернуться къ тому, что онъ говорилъ прежде, и онъ это и сдѣлалъ въ своей депешѣ отъ 13 мая 1761 года; высказывали взглядъ, будто эта депеша служить новымъ указаніемъ побѣды, одержанной секретной дипломатіей надъ официальной ². Но побѣдителемъ здѣсь былъ одинъ Воронцовъ, и эта депеша,—простой отзвукъ того, что Бретейль услышалъ мѣсяцъ назадъ изъ устъ русскаго канцлера,—указываетъ въ дѣйствительности лишь на двойное пораженіе французовъ. Русская политика одержала верхъ надъ Франціей въ лицѣ обѣихъ своихъ руководящихъ партій; она диктовала свою волю, и это было естественнымъ слѣдствіемъ побѣдъ, одержанныхъ ею на поляхъ сраженія. Польша, несчастная Польша имѣла теперь серьезныхъ защитниковъ только въ Петербургѣ!

Въ теченіе марта мѣсяца новое французское предложеніе по поводу приступленія къ мирнымъ переговорамъ довершило торжество Россіи. Герцогъ Шуазель подсказалъ мысль объ общей деклараціи, которая могла бы быть сдѣлана въ Лондонѣ отъ имени всѣхъ союзныхъ державъ черезъ представителя Россіи, князя Голицына. Въ Петербургѣ не могли желать ничего лучшаго. Но въ совѣтѣ Елизаветы партія войны опять возобладала и взяла въ свои руки веденіе переговоровъ только для того, чтобы привести ихъ къ полной неудачѣ; отрицательное отношеніе къ польскому вопросу, вновь проявленное герцогомъ Шуазелемъ, было тутъ совершенно не при чемъ. Утверждали, будто оно было причиною разрыва переговоровъ, «которые должны были вскорѣ открыться въ Лондонѣ» ³. Но гдѣ же и когда

¹ Брейтейль Шуазелю, 10 апрѣля 1761 года. Архивъ фран. Мин. Ин. Дѣлъ.

² Vandal, «Louis XV et Elisabeth», стр. 397.

³ Vandal, «Louis XV et Elisabeth», стр. 396.

Новый Зимний Дворецъ, построенный въ концѣ царствованія Елизаветы Петровны.

По акварели XVIII столѣтія Бенча.

(Изъ собранія П. Я. Дашкова).

выразилъ герцогъ это отрицательное отношеніе? Оказывается, своей депешей отъ 13 мая, будто бы продиктованной и внушенной ему—и къмъ же?—самимъ Людовикомъ XV! Но вѣдь я только что говорилъ, при какихъ обстоятельствахъ была написана эта депеша, и, кромѣ того, *переговоры уже велись въ это время въ Лондонѣ въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ!* Сама Россія устроила такъ, чтобы они ни къ чему не привели. Она сперва согласилась «желая польстить Франціи этой любезностью»¹, на принципъ двухъ отдѣльныхъ конгрессовъ и на заключеніе перемирія во время переговоровъ, но потомъ, «послѣ зрѣлаго размышленія», сочла невозможнымъ остановить военныя дѣйствія и потребовала созыва общаго конгресса. Англія помогла ей въ этомъ, выставивъ неисполнимыя требованія, и мирные переговоры были прерваны въ сентябрѣ 1761 года.

Теперь оставался еще вопросъ о непосредственномъ союзѣ между Петербургомъ и Версалемъ. Совершенно невѣрно, будто обмѣнъ мнѣній по этому поводу привелъ къ странному недоразумѣнію, такъ какъ Воронцовъ имѣлъ въ виду политическій союзъ, а баронъ Бретейль сдѣлалъ видъ, что рѣчь идетъ лишь о торговомъ трактатѣ². Депеша французскаго посла отъ 2 августа 1761 года, на которую ссылались въ подтвержденіе этого взгляда, *не существуетъ* въ томъ сборникѣ, гдѣ ее нашли; и притомъ Франція и Россія успѣли еще раньше обмѣняться не однимъ проектомъ и контръ-проектомъ по поводу заключенія чисто коммерческаго соглашенія между обѣими странами. Шуазель никакого другого соглашенія не допускалъ и недвусмысленно напомнилъ барону Бретейлю точный смыслъ данныхъ ему инструкцій, чѣмъ заставилъ французскаго посла и русскаго канцлера строго держаться указанныхъ имъ границъ. Но они никакъ не могли столкнуться между собою; и въ концѣ августа Воронцовъ, видя, что изъ этого своеобразнаго торговаго договора съ обѣщаніемъ субсидіи, который ему очень нравился, но условія котораго ни онъ, ни Шуазель никакъ не могли оформить, ничего не выходитъ, неожиданно рѣшилъ перенести вопросъ на ту почву, куда его первоначально поставилъ Бретейль по своему собственному почину. Тутъ французскій посоль дѣйствительно сдѣлалъ видъ, что не понимаетъ русскаго канцлера

¹ Эстергази Кауницу, 9 февр. 1761 г. Вѣвскій архивъ.

² Vandal, «Louis XV et Elisabeth», стр. 400.

но Воронцовъ добросовѣстно разъяснилъ ему, въ чемъ дѣло. «Я говорю вамъ о форменномъ союзномъ договорѣ»,—сказалъ онъ. Это было ясно, и не могло подать поводъ ни къ какимъ недоразумѣніямъ. Единственное, что было возможно для Бретейля, это прибѣгнуть къ обычному якорю спасенія дипломатовъ—къ затягиванію отвѣта, что еще недавно сдѣлалъ по отношенію къ нему Воронцовъ. Посоль рѣшилъ въ свою очередь воспользоваться этимъ средствомъ и черезъ мѣсяцъ извѣстія, пришедшія изъ Лондона, вывели его изъ затрудненія. Вопросъ о соглашеніи между обѣими странами былъ основанъ на точкѣ предположенія, что миръ вскорѣ будетъ заключенъ, и потому въ значительной мѣрѣ зависѣлъ отъ переговоровъ, которые велись по этому поводу на берегахъ Темзы. Такъ какъ лондонскіе переговоры были прерваны, и Франція, слѣдовательно, не могла предложить Россіи субсидій, а послѣдняя требовать ихъ, то главный поводъ къ соглашенію самъ собою отпадалъ. Шуазель прислалъ объясненіе въ этомъ смыслѣ, Воронцовъ не настаивалъ, и вопросъ о договорѣ между Россіей и Франціей былъ позабытъ.

Дипломатическая кампанія, въ которой проектъ этого договора игралъ, впрочемъ, вполнѣ второстепенную роль, привела между тѣмъ лишь къ тому, что былъ потерянъ почти годъ для военныхъ операцій. Секретную дипломатію Людовика XV обвиняли въ томъ, что она содѣйствовала этому печальному результату, помѣшавъ русскимъ завладѣть Данцигомъ—(польской территоріей), гдѣ они могли прекрасно укрѣпиться и найти много провіанта. Французскіе интересы будто бы были вновь принесены въ жертву Польшѣ². Но это опять лишь игра воображенія! Узнавъ въ январѣ 1761 года, что въ Петербургѣ замышляютъ движеніе русской арміи на Данцигъ, секретная дипломатія, взволнованная этимъ извѣстіемъ, рѣшила протестовать. Что скажутъ поляки, когда единственный портъ, который еще оставался у нихъ на Балтійскомъ морѣ, попадетъ въ руки ихъ могущественныхъ сосѣдей! Чувства, которыя могли бы проявить по этому поводу несчастные подданные Августа III, разумѣется, не принимались въ соображеніе, но присутствіе русскихъ въ томъ мѣстѣ, откуда они уже разъ прогнали французскую эскадру,—вы помните злополучную авантюру Лецинскаго—затрагивало

¹ Бретейль Шуазелю 24 августа 1761 г., Архивъ фран. Мин. Ин. Дѣлъ.

² Vandal, «Louis XV et Elisabeth», стр. 386.

иныя, отнюдь не польскіе интересы. Бретейль получилъ поэтому секретнымъ путемъ настоятельный приказъ препятствовать всѣми возможными средствами вторженію русскихъ въ Данцигъ. Но Бретейлю не пришлось его исполнить. Секретная дипломатія по обыкновенію опоздала. Еще 7 декабря 1760 года французскій посолъ и его коллега маркизъ Лопиталь, не посвященный въ тайны секретной дипломатіи, по собственному почину сдѣлали Воронцову представленіе о неудобствахъ этого проекта, съ чѣмъ канцлеръ согласился и сказалъ, что русскій главнокомандующій получить приказъ не приводить его въ исполненіе ¹.

Возникаетъ, впрочемъ, вопросъ, была ли бы эта попытка завладѣть Данцигомъ болѣе удачной, нежели осада Кольберга, продолжавшаяся безуспѣшно два года. Но хотя дипломатія враговъ Фридриха и продолжала такимъ образомъ работать въ его пользу, положеніе прусскаго короля оставалось по прежнему почти безвыходнымъ, и онъ былъ готовъ признать себя побѣжденнымъ. Въ мартѣ 1761 года онъ подписалъ съ Портой дружественный и торговый договоръ, который, встревоживъ сначала Россію, послужилъ для нея затѣмъ только лишнимъ предлогомъ вновь взяться за оружіе. Въ іюлѣ Данія, изъ-за своихъ споровъ съ великимъ княземъ, хотѣла было вступить за Пруссію; но русскій посланникъ въ Копенгагенѣ получилъ приказаніе немедленно оставить этотъ дворъ, если «страсть» возьметъ у датчанъ верхъ «надъ самымъ здравымъ разсудкомъ», и Данія сейчасъ же «изъявила умѣренность» ². И наконецъ въ октябрѣ прусскому королю былъ нанесенъ самый чувствительный ударъ—изъ Лондона. Выходъ Питта изъ кабинета лишилъ Фридриха его главной опоры. Преемникъ Питта, Бютъ, началъ съ того, что отнялъ у Фридриха субсидіи, которыя Англія платила своему союзнику, а вскорѣ затѣмъ вступилъ въ секретныя сношенія съ Маріей-Терезіей ³. Раскрытіе измѣны Тотлебена въ іюнѣ оказалось тоже гибельнымъ для Фридриха. У него было въ это время въ Россіи много шпіоновъ и среди нихъ одинъ—неоцѣнимый. Великій князь не скрывалъ роли, въ которую его вовлекало его страстное поклоненіе прусскому герою. «Король прусскій великій волшебникъ,—говорилъ онъ открыто въ боль-

¹ Фавье Шуазелю, 7 декабря 1760 г. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ.

² Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XXIV, стр. 412, 413.

³ Lecky, «A History of England», т. III, стр. 46.

шомъ обществѣ,—онъ всегда знаетъ заранѣе наши планы кампаніи. Не правда ли, Волковъ?»¹. Этотъ послѣдній сообщалъ великому князю необходимыя свѣдѣнія и служилъ ему посредникомъ въ его предательской перепискѣ съ Фридрихомъ. Но Тотлебенъ, принимавшій непосредственное участіе въ войнѣ, получавшій часто важныя и отвѣтственныя назначенія и пользовавшійся довѣріемъ своихъ начальниковъ, оказывалъ прусскому королю болѣе дѣйствительную помощь. Черезъ еврея Забадко онъ посылалъ въ прусскій лагерь правильные отчеты объ операціяхъ русской арміи, о всѣхъ планахъ и послѣднихъ приказахъ. Въ іюнѣ Забадко былъ пойманъ; вслѣдъ за этимъ арестовали и Тотлебена. И странное явленіе—между прочимъ, одного этого явленія было бы достаточно, чтобъ показать, какъ должны быть осторожны иностранцы въ своихъ сужденіяхъ о Россіи, которая не подходитъ подъ обычныя мѣрила нравственности и представляетъ собою особенный міръ—послѣ того какъ преступленіе измѣнника было доказано, и онъ самъ сознался въ немъ и былъ приговоренъ военнымъ судомъ въ царствованіе Елизаветы къ смертной казни, въ царствованіе Екатерины его помиловали и возвратили ему его военные чины!².

Въ концѣ года новое несчастье обрушилось на Фридриха. Кольбергъ былъ наконецъ взятъ русскими, подъ предводительствомъ неустрашимаго Румянцова, вмѣстѣ съ которымъ отличился и Суворовъ, будущій князь Италійскій. Кольбергъ былъ полуразвалиной, но упорство, съ которымъ его защищали Фридрихъ, показываетъ, какое значеніе придавалъ прусскій король этому городу. И дѣйствительно, наступающая русская армія уже приближалась къ шведской, петля вокругъ Фридриха стягивалась все крѣпче, и гибель его становилась все болѣе вѣроятной, почти неминуемой. Его могло спасти только чудо. Онъ зналъ это; безсильный отражать сыплющіяся на него со всѣхъ сторонъ удары, онъ взывалъ только къ «Его Священному Величеству Случаю». И мольба его была услышана.

¹ Мерси d'Аржанто Кауницу, 3 мая 1762 г., С.-Петербург. Вѣнскій архивъ. Ср. Arnoeth, «Geschichte Maria-Theresia's», т. VI, стр. 466. Бильбасовъ, «Исторія Екатерины II», т. I, стр. 391—392.

² См. подробности измѣны Тотлебена и его процесса: Schaefer, «Geschichte des siebenjährigen Krieges», т. III, стр. 254; Schönning, «Der siebenjährige Krieg», 1851 г., т. II, стр. 262—264; «Архивъ вн. Воронцова», т. VI, стр. 364, т. VII, стр. 379 и сл.

Герцогъ де-Шуазель, министръ Людовика XV.

(Съ гравюры неизвѣстнаго).

V.

Смерть Елизаветы.

Въ продолженіе всей этой кампаніи 1761 года Фридриху, уже не пытавшемуся, какъ раньше, препятствовать соединенію русскихъ и австрійцевъ, которое совершалось въ Силезіи у него на глазахъ, и принужденному запереться въ укрѣпленномъ лагерѣ Бунцельвица,—помогала лишь крайняя глупость его враговъ. Окруживъ его со всѣхъ сторонъ, русскіе, которыми по прежнему командовалъ слабоумный Бутурлинъ, и которые по прежнему находились въ ссорѣ съ австрійцами, почему-то затѣмъ отступили. Но зато, получивъ отъ Бутурлина вспомогательный корпусъ въ двадцать тысячъ человѣкъ подъ командой Чернышова, Лаудонъ взялъ первоклассную крѣпость Швейдницъ «почти невѣроятнымъ способомъ»,—какъ говорилъ Фридрихъ. И, чувствуя, что почва ускользаетъ у него подъ ногами, великій полководецъ вновь возвращался къ надеждѣ на помощь турокъ, пытаясь связать съ нею свое непрочное счастье. «Если эта надежда погибнетъ,—писалъ онъ Финкенштейну въ январѣ 1762 года,—надо будетъ подумать о томъ, чтобы сохранить тѣ остатки моихъ владѣній, которые, при помощи переговоровъ, удастся вырвать изъ жадныхъ рукъ нашихъ враговъ... Вѣрьте, что, если бы я видѣлъ хоть малѣйшую возможность, дѣною величайшей опасности, возстановить государство на его прежнихъ основаніяхъ, я бы не говорилъ вамъ того, что говорю теперь»¹.

Это было признаніе въ окончательномъ, непоправимомъ поражении, послѣдній отчаянный крикъ затравленнаго звѣря, который чувствуетъ, что его сейчасъ бросятъ на растерзаніе псамъ.

Но тутъ вмѣшался въ дѣло «Его Величество Случай» или Провидѣніе. Еще съ начала предшествовавшаго года здоровье Елизаветы внушало ея ближнимъ большую тревогу. Затянувшаяся война, которую ея религиозное чувство осуждало, но гордость заставляла продолжать; непрерывныя заботы о внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлахъ, тяжело давившія на нее съ тѣхъ

¹ «Pol. Corresp.», т. XXI, стр. 165.

поръ, какъ Бестужевъ не снималъ ихъ съ ея плечъ со своимъ невозмутимымъ апломбомъ; явная неспособность Воронцова и всѣхъ министровъ; вызывающій тонъ и скандальное поведеніе великой княгини; странности и преступныя происки великаго князя; интриги, направленныя противъ ея наслѣдія, которыя императрица видѣла вокругъ себя; полное отчаянія сожалѣніе объ утраченной красотѣ; безумный страхъ смерти,—все это соединилось вмѣстѣ, чтобъ сломить ея силы, и прежде распатанныя излишествами всякаго рода. Частые истерическіе припадки, не закрывавшіяся раны на ногахъ и кровотечения, съ которыми становилось все труднѣе бороться, говорили о неизбѣжномъ и близкомъ концѣ. Строгій режимъ могъ бы, конечно, отодвинуть его на нѣкоторое время, но Елизавета, хоть и вела съ каждымъ годомъ все болѣе замкнутую жизнь, не хотѣла отказать отъ удовольствій. За зиму 1760—1761 года она только разъ была на большомъ выходѣ въ праздникъ Андрея Первозваннаго; остальное время она запиралась у себя въ спальнѣ, черезъ длинныя промежутки времени принимая министровъ и выслушивая ихъ доклады, не поднимаясь съ постели; двери ея апартаментовъ были раскрыты только рѣдкимъ избранникамъ, болтливымъ кумушкамъ и тенору Компаньи, комику ея итальянской труппы, общества котораго искали поэтому иностранные послы, съ Эстергази во главѣ. Въ продолженіе долгихъ часовъ она разсматривала матеріи, примѣряла костюмы и говорила о тряпкахъ. Иногда какой-нибудь туалетъ казался ей удачнымъ, и она объявляла о своемъ намѣреніи быть въ театрѣ или на балу; но когда платье было надѣто, волосы Елизаветы торжественно зачесаны кверху, какъ въ былое время, когда она была во всеоружіи своей молодости, и искусство косметики примѣнено по всѣмъ правиламъ, чтобъ скрыть ея увядающую красоту, она, взглянувъ въ послѣдній разъ въ зеркало, отмѣняла спектакль или праздникъ и на многіе дни замыкалась въ одиночествѣ, предаваясь ничегонедѣланію и печали. Каждая попытка выйти изъ этого состоянія изнуряла ее. Она уже никогда не обѣдала внѣ дома, приглашала къ своему столу лишь близкихъ, ѣла мало и пила только квасъ или рюмку венгерскаго. Но, между тѣдой, стараясь стряхнуть съ себя уныніе и слабость, она пріучилась поглощать въ громадномъ количествѣ крѣпкія наливки. И, наконецъ, даже теперь, ея вѣрному и простодушному спальнику, оберегавшему ея ложе, приходилось

быть свидѣтелемъ такихъ же бессонныхъ ночей, какъ и прежде ¹...

17 ноября у императрицы былъ первый острый приступъ болѣзни; оправившись отъ него и чувствуя себя немного лучше, она пожелала заняться дѣлами. Но дѣла могли причинить ей лишь огорченіе. Извѣстія ихъ арміи были не тѣ, которыхъ она ждала, Фридрихъ продолжалъ сопротивляться, и Бутурлинъ дѣлалъ глупость за глупостью. Внутри страны нищета и безпорядокъ все росли. Самъ фаворитъ сознавалъ это: «Всѣ повелѣнія безъ исполненія, главное мѣсто безъ уваженія, справедливость безъ защищенія», — характеризовалъ онъ Воронцову положеніе дѣлъ ². Ни онъ, ни другіе сотрудники Елизаветы не могли даже исполнить послѣдняго желанія больной: она давно уже хотѣла выѣхать изъ своего стараго деревяннаго дворца, гдѣ жила подъ вѣчнымъ страхомъ одного изъ тѣхъ пожаровъ, какіе ей часто приходилось видѣть на своемъ вѣку. Ослабѣвшая, часто прикованная къ постели, она боялась, что пламя застигнетъ ее врасплохъ, и она, можетъ быть, сгоритъ живой. А постройка новаго дворца все не подвигалась впередъ. Чтобъ отдѣлать только собственные покои императрицы, архитекторъ Растрелли спрашивалъ 380.000 рублей, и никто не зналъ, гдѣ ихъ взять. Въ іюнѣ 1761 года ему хотѣли было выдать крупную сумму, но огонь истребилъ въ это время на Невѣ громадныя склады пеньки и льна, причинивъ ихъ владѣльцамъ миллионныя убытки и угрожая имъ разореніемъ. Елизавета отказалась тогда отъ своего дворца и приказала передать пострадавшимъ деньги, предназначавшіяся для Растрелли. Но въ ноябрѣ, когда она спросила объ этихъ деньгахъ, то узнала, что онѣ не были израсходованы по ея приказанію: всѣ свободныя суммы поглощались войной.

12 декабря императрицѣ стало опять очень плохо. У нея появился упорный кашель и кровохарканье; ея врачи, Мунсей, Шиллингъ и Крузе, пустили ей кровь и испугались воспали-

---

¹ Русскій дворъ въ 1761 году, «Русская Старина», т. XXIII, стр. 187 и сл. (годъ 1878), по запискѣ того времени, воспроизведенной очень неполно. Мерси-д'Аржанто императору, 14 ноября 1761 г. Вѣнскій архивъ, на французскомъ языкѣ; Лопиталь Шуазелею, 11 декабря 1759 г. Архивъ франц. Мин. Ин. Дѣлъ; Бретейль Шуазелею, 24 дек. 1761 г., тамъ же.

² «Архивъ кн. Воронцова», т. VI, стр. 298.

наго состоянія ея организма. Пять дней спустя произошло неожиданное улучшение. Олсуфьевъ отвезъ Сенату именной указъ съ повелѣніемъ освободить большое число заключенныхъ и изыскать средства, которыя могли бы замѣнить налогъ на соль, очень разорительный для народа.

Золотое ручное зеркало, осыпанное брилліантами, подаренное Турецкимъ Султаномъ Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ.
(Императорскій Эрмитажъ).

Это былъ послѣдній политическій актъ царствованія Елизаветы.

22 декабря 1761 года, послѣ новаго сильнаго кровотеченія горломъ, врачи объявили, что положеніе императрицы опасно. На слѣдующій день она исповѣдалась и причастилась, 24 де-

кабря соборовалась и приказала читать отходную, повторяя за священникомъ слова молитвы. Агонія продолжалась всю ночь и большую часть слѣдующаго дня¹. Она скончалась, едва вступивъ въ пятьдесятъ третій годъ своей жизни.

Остальное извѣстно: восшествіе на престолъ Петра III; курьеры, немедленно посланные новымъ императоромъ, чтобъ остановить враждебныя дѣйствія русской арміи и возвѣстить Фридриху о дружественномъ расположеніи государя, затѣмъ договоръ, заключенный съ прусскимъ королемъ, и измѣна русскихъ коалиціи, лишшейся посреди кампаніи своей самой твердой опоры. Фридрихъ и Пруссія были спасены, Франція и Австрія принуждены къ разорительному миру, и вскорѣ послѣ этого возведенная на престолъ Россіи смѣлымъ переворотомъ нѣмецкая принцесса, полупруссачка родомъ и избранница самого Фридриха, приступила вмѣстѣ съ побѣжденнымъ при Кунерсдорфѣ къ новому дѣлежу добычи.

Такова была воля Провидѣнія или «Случая», которому молился Фридрихъ. Но если бы война, начатая съ Пруссіей, и заключилась иначе, народъ Петра Великаго врядъ ли выигралъ бы отъ этого много. Онъ пожертвовалъ зависти своихъ союзниковъ и собственнымъ принципамъ тѣ завоевательные планы, о которыхъ мечталъ нѣкоторое время, и, добываясь лишь очень неопредѣленнаго и трудно осуществимаго вознагражденія за войну, продолжалъ сражаться просто изъ чувства чести и для удовольствія драться. Въ сущности, онъ и сражался съ самага начала только для чести и удовольствія фигурировать въ большой европейской коалиціи. Но для другихъ участниковъ этой борьбы иной исходъ ея имѣлъ бы, разумѣется, неизмѣримое значеніе. Проживи Елизавета еще нѣсколько мѣсяцевъ, и великій полководецъ, великій политикъ, передъ побѣдоноснымъ геніемъ котораго преклоняется теперь потомство, оставилъ бы по себѣ въ исторіи воспоминаніе, какъ о монархѣ, пожертвовавшемъ своими чудесными дарованіями во имя безумнаго, слѣпого и преступнаго честолюбія; онъ былъ бы признанъ виновнымъ въ гибели своего государства, остатки котораго онъ уже собирался дѣлить съ побѣдителями. Прошло бы еще нѣсколько мѣсяцевъ—и оружіе Апраксина, Салтыкова и Румян-

¹ Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XXIV, стр. 416—417.

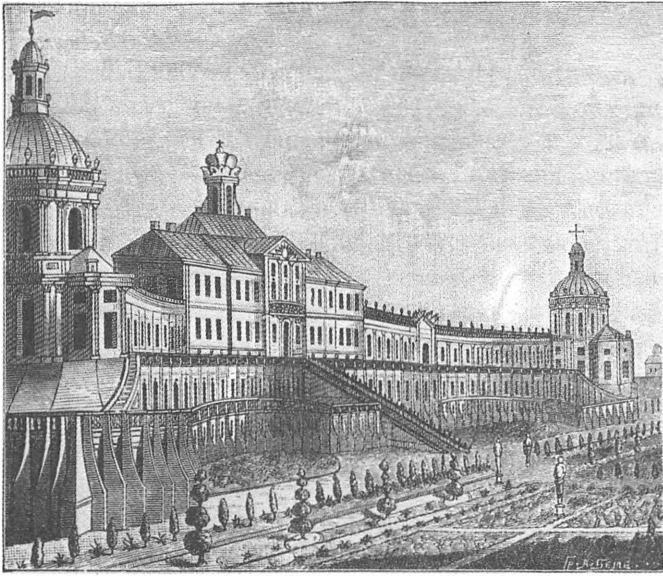

цова, храбрость ихъ солдатъ и мужество Елизаветы измѣнили бы ходъ европейской исторіи на нѣсколько вѣковъ.

Это побуждаетъ меня бросить общій взглядъ на событія, которыя были изложены въ этой главѣ и въ четырехъ предшествующихъ. Я надѣюсь подчеркнуть при этомъ для моихъ читателей всѣ тѣ выразительныя и характерныя черты этого царствованія въ его внѣшней и внутренней исторіи, которыя я пытался подмѣтить и запечатлѣть въ своемъ трудѣ.

Яковъ Мунсей, лейбъ-медикъ Императрицы
Елизаветы Петровны.
Съ гравюры Г. Шмидта.

Дворецъ въ Ораніенбаумѣ.
Съ гравюры XVIII вѣка.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Связанная, благодаря чисто случайнымъ обстоятельствамъ, австрійскимъ союзомъ, внѣшняя политика Елизаветы, слѣдуя программѣ Петра Великаго, на которую она любила ссылаться, была посвящена вооруженному вмѣшательству въ дѣла Западной Европы, что положило, начиная съ 1757 года, на страну непосильную задачу и не принесло никакой выгоды. Въ борьбѣ съ предпримчивымъ умомъ Бестужева, а затѣмъ со смѣлыми замыслами Шувалова здравый смыслъ и по природѣ миролюбивыя наклонности Елизаветы обеспечили вначалѣ ея царствованія довольно продолжительный миръ. Но знаменитая программа держала ее въ своихъ тискахъ, насилуя ея волю, и въ концѣ концовъ заразила ее воинственной лихорадкой честолюбія.

Эта программа, какъ извѣстно, включила двоякаго рода движеніе—центростремительное къ Россіи и центробѣжное изъ нея. Раскрывъ свои двери для иностраннаго нашествія, Россія, какъ рѣка, вздувшаяся отъ чрезмѣрнаго притока водъ, вышла изъ

своихъ границъ и разлилась по Европѣ. Торопливая ассимиляція чужого и неудержимое стремленіе въширь—эти двѣ новыя задачи народной жизни требовали громаднаго расхода силъ; а такъ какъ наличныя силы страны были очень скудны, то приходилось тратить ихъ всё безъ исключенія для этой двойной цѣли; отсюда вставала неотложная, настойчивая необходимость по возможности приумножать эти силы, развивая ихъ съ равной по всёмъ направленіямъ быстротой. Итакъ, это была программа просвѣтительная, требующая и экономическаго, и умственнаго, и социальнаго прогресса. Но несоотвѣтствіе между средствами, необходимыми для ея немедленнаго осуществленія, и тѣми, которыя въ данную минуту находились подъ рукой, мѣшало держать въ равновѣсіи обѣ части того парадоксальнаго цѣлага, что представляла собою программа, и придать работѣ внутри государства, какъ подспорью для его дѣйствій извнѣ, правильное движеніе и естественный порядокъ. Приходилось роковымъ образомъ прибѣгать вмѣсто реформъ—къ первымъ попавшимся средствамъ, вмѣсто обдуманнхъ рѣшеній—къ дѣйствіямъ наугадъ, вмѣсто рациональной, планомерной культуры—къ поспѣшнымъ заимствованіямъ отъ западной цивилизаціи. Отсюда рядъ аномалій и нелѣпостей, которыя были замѣтны еще при жизни Преобразователя и стали еще больше бросаться въ глаза при его преемникахъ.

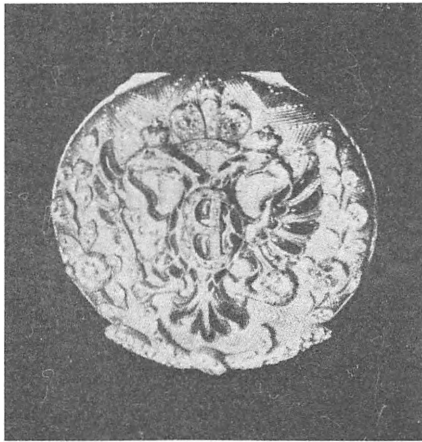
Въ царствованіе Елизаветы политика ея стремилась всёми средствами—въ мирный періодъ внутри страны, а въ послѣдніе годы за ея предѣлами—къ созданію престижа или иллюзіи могущества и величія Россіи. Это величіе покупалось цѣною жертвъ, съ каждымъ годомъ все болѣе мучительныхъ и жестокихъ, отъ которыхъ страдала матеріальная и духовная жизнь народа и даже его достоинство и честь: земледѣліе было запущено вслѣдствіе повальнаго бѣгства крестьянъ, не выносившихъ непосильнаго ига; зарождающаяся промышленность парализовалась фискальными требованіями, останавливающими ея развитіе; умственный прогрессъ задерживался преобладаніемъ милитаризма; иностранныя субсидіи, отъ которыхъ сначала отворачивались со справедливымъ презрѣніемъ, затѣмъ не только принимались, но выпрашивались безъ всякаго стыда; и, наконецъ, деспотизмъ, какъ обратная сторона рабства, распространялся все дальше и глубже; толпа лакеевъ держала подъ кнутомъ толпу рабовъ. Услужничество наверху и каторга внизу, всё виды униженій и позора.

И результатъ всего этого? Результатомъ была та двойственная, своеобразная фізіономія, которую современная Россія еще долго, послѣ Елизаветы, показывала міру: лицо сіяющее и въ то же время полное страданія, монументальный пышный фасадъ, скрывающій лачугу; армія, снаряженная и обученная на европейскій ладъ, побѣдоносно шествовавшая по Германіи, а дома—люди въ лохмотьяхъ, похожіе на звѣрей; блестящій дворъ, дворцы, казармы—и отсутствіе школъ и больницъ; серебряная монета, чеканенная въ Кенитсбергѣ, въ завоеванной странѣ, и фальшивая мѣдная монета, сфабрикованная въ Петербургѣ для мѣстнаго употребленія; роскошь и нищета одинаково чрезмѣрныя, цивилизація и варварство, идущія рука объ руку вездѣ, и свѣтлый геній Ломоносова, едва пробивающійся сквозь окружавшій его мракъ невѣжества.

Но несмотря на всѣ эти заблужденія и на это безумное и преступное расхищеніе живыхъ силъ великаго народа во имя честолюбивыхъ замысловъ, въ большинствѣ случаевъ ничѣмъ не оправдываемыхъ, царствованіе Елизаветы—благодаря неисчерпаемому богатству того капитала, который она тратила, не считая,—было всетаки несомнѣннымъ шагомъ впередъ даже во внутренней жизни Россіи. Оно сохранило державѣ, созданной Петромъ Великимъ, ея пугающій видъ громадной и грозной машины, работающей исключительно для вышнихъ матеріальныхъ завоеваній, въ то время какъ умственное, духовное и экономическое развитіе страны было исковеркано и подавлено этимъ слишкомъ одностороннимъ и несоразмѣрнымъ усиленіемъ. Но, давъ вначалѣ временную передышку переутомленной энергіи народа, оно всетаки направило ее къ болѣе полезнымъ цѣлямъ, которыхъ Россія никогда не упускала уже изъ виду, и къ болѣе плодотворной дѣятельности.

У Елизаветы не было знаній и умѣнья, но по самому своему темпераменту, по болѣе мягкому, нежели у отца, нраву, по своимъ болѣе утонченнымъ вкусамъ, она содѣйствовала этой эволюціи, наложивъ на права, побужденія и идеи своего народа новый отпечатокъ. Дочь Петра Великаго освѣтила мрачную исторію Россіи прелестью женской улыбки, и «въ трудъ избранный» народъ, котораго впереди ждали еще длинные годы испытаній, надолго сохранилъ воспоминаніе объ этомъ утѣшеніи и ласкѣ.

Съ другой стороны, вопреки компрометирующимъ союзамъ и нежелательнымъ компромиссамъ, которые помогли ея возвышенію, вопреки ея договору съ западнымъ міромъ, заключеннымъ ею въ силу ея программы, Елизавета, — какъ представительница рода, полтора вѣка назадъ призваннаго Россіей для опоры и защиты ея независимости—не нарушила этого другого договора, заключеннаго въ 1613 году для спасенія родины. И, несмотря на соблазны и опасность становившагося все болѣе тѣснымъ сближенія съ европейской цивилизаціей и политикой, она, по мѣрѣ силъ, охраняла независимость своего народа, какъ первое условіе его существованія, и культъ тѣхъ традицій, которыя составляютъ его душу.

Золотая коробочка для мушекъ.
(Императорскій Эрмитажъ)

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ.

- Августъ II, 5.**
Августъ III, 361, 388, 389, 439, 454, 468, 489, 514, 542.
Августъ Голштинскій, 125.
д'Авренкуръ, 420.
Ададуровъ, 160.
д'Акевиль, 78.
Аюста, 208.
Аксаковъ, 84.
Александръ I, 113.
Александръ В., 293.
Алексѣй, принцъ Брауншвейгскій, 48.
Алексѣй Михайловичъ, 132, 195, 247.
Алексѣй Петровичъ, 6.
д'Аллионъ, 46, 79, 108, 113, 114, 118, 123, 126, 127, 147, 149, 227, 232, 323, 327, 328, 330, 338, 341, 344, 349, 354, 355, 370, 378, 381, 382, 383, 385, 386, 388, 390—392, 395—397, 399, 400.
Амло, 19, 21, 22, 27, 113, 305, 309, 327, 336, 338, 340, 362.
Андріе, 392.
Анна Іоанновна, 5, 8, 9, 10, 12, 13, 34, 41, 45, 51, 58, 60—62, 68, 78, 83, 84, 87, 88, 102, 103, 106, 108, 111, 116, 124, 143, 144, 178, 179, 188, 212, 216, 222, 224, 227, 258, 259, 264, 285, 286, 408.
Анна Леопольдовна, 9, 10, 12—15, 17, 22—24, 30, 31, 34, 37, 38, 41, 43—48, 61, 68, 99, 144, 299, 331, 339, 340, 400.
Анна Петровна, 2, 6, 43.
Антонъ Ульрихъ, принцъ Брауншвейгскій, 10, 13, 14, 31, 44, 47, 48.
Апостоль, 186, 188.
Апраксинъ, 142, 160, 164, 167, 178, 179, 190, 224, 259, 405, 456, 460—472, 475, 477, 549.
Араія, 286, 291.
д'Аржансонъ, 78, 149, 362, 378, 381, 382, 390, 392, 395, 396, 400, 515.
Афонинъ, 274.
- Баденгауптъ, 528.**
Байеръ, 272.
Барядо, 80, 301.
Барсовъ, 274.
Ваторій, 172.
Вахерахтъ, 136.
Вачмановъ, 110.
Балкъ Матрена, 342.
Бекетовъ, 74, 81, 119, 120, 171, 264.
Бель-Иль, 22, 312.
Венедиктъ XIV, 173.
Бергаве, 136.
Бергеръ, 338, 339, 341.
Бергъ, 58, 135.
Бере, 86.
Бернарди, 160.
Бернесъ, 128, 148, 152, 315, 404—406, 408, 409.
Берни, 158, 160, 162, 453, 473, 488, 490, 492, 495.
Бернулли, 273.
Бестужева, 83, 196, 343, 344.
Бестужевъ, 30, 60.
Бестужевъ А., 60, 105, 106, 110, 120, 125, 128—130, 135, 139—146, 148—162, 164, 166, 168, 172—174, 181, 185, 187, 281, 306—311, 314, 316—318, 320—323, 325, 326, 331, 334, 338—341, 345, 349—352, 356—369, 374—377, 380—388, 390—402, 404—406, 408, 410—412, 414, 415, 417, 419, 420, 424, 426—431, 434, 435, 440, 444—447, 468, 470, 472—476, 498, 546, 551.
Бестужевъ М., 156, 157, 188, 330, 339, 344, 519, 520.
Бестужевъ-Рюминъ, 60.
Бестъ, 143.
Беттингеръ, 144.
Бехтѣва М., 114.
Бехтѣвъ, 81, 431, 435, 437—441, 443, 450, 452, 454, 472.

- Бецкій, 261.
 Бивгъ, 54, 432.
 Бирояъ 8, 10—14, 17, 36, 41, 46, 50, 52, 53, 57, 61, 62, 66, 89, 99, 108, 144, 171, 175, 302, 322, 324, 455, 489.
 Бирюковъ, 207.
 Бисмаркъ, 62.
 Бобринскій, 114.
 Болотовъ, 200, 264, 266, 267, 460, 461, 463, 464, 466, 485, 526, 527.
 Бонакъ, 354.
 Бонневаль, 397, 515.
 Борисякъ, 276.
 Ботта, 46, 81, 83, 155, 157, 201, 303, 315, 338—342, 342, 345, 356, 374, 375.
 Бревернъ, 60, 61, 112, 135, 145.
 Брессавъ, 476.
 Бретейль, 80, 129, 169, 173, 174, 242, 244, 520—523, 529—543.
 Броли, 312, 422, 423, 468, 469, 473, 496, 497, 514, 520.
 Броунъ, 135, 166.
 Брюммеръ, 66, 74, 139, 140, 336, 351, 352, 355, 365, 383, 389, 398.
 Брюсъ, 198, 284.
 Буадо, 266.
 Бубна, 407.
 Вуденброкъ, 333.
 Бужинскій, 276.
 Буске, 333.
 Бутарикъ, 418.
 Бутурлинъ А., 7, 8, 72, 101, 102, 180, 435, 499, 527, 538, 545, 547.
 Бутурлинъ, денщикъ Петра В., 16.
 Бѣлосельская, 85.
 Бытовъ, 273.
 Бюдовъ, 461.
 Бютъ, 543.

Валори, 22, 407, 409.
 Валькруассавъ, 418, 422, 423.
 Вальполь, 148, 312.
 Вандаль, 397.
 Вавтовичъ, 61.
 Ванъ-Лло, 287.
 Варендорфъ, 399, 407.
 Вареннъ, 426.
 Варлаамъ, 239.
 Варсонофій, 239.
 Васильчиковъ, 103, 105.
 Ведель, 501, 504.
 Вейлихъ, 523.
 Веймарнъ, 461.
 Вейсбахъ, 188.
 Вейчь, 137, 149, 324, 326, 329, 330, 355, 359, 364.
 Вельяминовъ, 274.
 Венденъ, 172.
 Верженнъ, 426.
 Вермиленъ, 135.
 Вернеръ, 527.
 Вешняковъ, 288.
 Вильднелъ, 515.
 Вильде, 271.
 Вильруа, 290.
 Винсловъ, 274.
 Вишневскій, 103, 104
 Вобанъ, 271.
 Водилонъ, 208.
 Войчинскій, 118, 119.
 Волковъ, 63, 289, 290, 544.
 Волконскій, 41, 62, 144, 258, 285.
 Вольтеръ, 73, 266, 271—273, 283, 291, 292, 300, 304, 381, 408, 496, 504.
 Вольфъ, 150, 151, 153, 154, 278, 282.
 Воронцова, 100.
 Воронцовъ А., 266, 267.
 Воронцовъ Г., 172.
 Воронцовъ И., 172.
 Воронцовъ М., 10, 24, 34, 60, 63, 78, 97, 118, 129, 130, 144, 155, 156, 159, 165, 168, 170—174, 177, 181, 281, 327, 366, 377—380, 382—386, 390, 396, 398, 406, 409, 414—416, 420, 421, 434, 435, 438, 440, 443, 446, 453—455, 459, 474, 490, 491, 496—498, 510, 511, 515—518, 529—535, 538—543, 546, 547.
 Воронцовъ Р., 118, 168, 173.
 Вульфъ, 397.
 Вяземскій, 241.

Гаддикъ, 500, 502, 504, 506.
 Гольдернессъ, 426, 427.
 Гальярде, 91, 432, 435.
 Гамбетта, 207.
 Гаррингтонъ, 394.
 Гассенди, 283.
 Гаугвиць, 157, 344.
 Гейнзіусъ, 271.
 Геймбургъ, 46.
 Гельдеряъ, 377.
 Гельмгольцъ, 283.
 Генкель, 278.
 Гендриковъ, 34, 72, 128, 322.
 Генрихъ Пруссійскій, 407, 488, 500, 502, 503, 508, 509, 523.
 Георгъ Вильгельмъ, 16, 395.
 Георгъ II, 412.
 Герсдорфъ, 375.
 Герцбергъ, 488.
 Гессенъ-Гомбургскій, 34, 63, 64, 66.
 Гильфердингъ, 288, 289.
 Гиндфордъ, 70, 81, 95, 96, 147, 149—152, 384, 387, 394—397, 399, 405, 408, 411.
 Гиппократъ, 320.
 Глѣбовъ, 164.
 Гмелинъ, 271, 281.

- Гогенгольцъ, 127, 341, 388.
 Голицынъ, кн. А. М., 42, 66, 167, 426,
 441, 480, 503, 540.
 Головинъ, 29, 60, 227.
 Головина, 58, 100.
 Головкинъ, 36, 41, 42, 50, 58, 139.
 Гольвина, 163, 343.
 Гольдбахъ, 363, 364, 382.
 Гольцъ, 404, 407.
 Гончаровъ, 258.
 Горлицкій, 270.
 Гортерь, 136.
 Гоцковский, 526.
 Госсе, 101.
 де-Граммонъ, 290.
 Граппъ, 218.
 Григорій, 47.
 Григорьевъ, 114.
 Грове, 283.
 Гроссъ, 378, 395, 407.
 Грюнштейнъ (жена), 68.
 Грюнштейнъ, 16, 32—34, 39, 63, 66,
 134, 142.
 Грюнтеръ, 278.
 Губертъ, 265.
 Гюи-Диккенсъ, 408, 411, 412.

 Давенъ, 27.
 Давыдовъ, 260.
 Давиловъ, 192.
 Дараганъ, 112.
 Даунъ, 488—500, 502, 504—506, 508,
 509, 524, 526.
 Делиль, 115, 116, 270, 271.
 Демидовъ, 208, 214, 257.
 Державинъ, 80.
 дю-Деффанъ, 96.
 Девьеръ, 61.
 Джемсъ, 178, 299.
 Джонъ-Барклай, 268.
 Дильтей, 274.
 Дирина, 202.
 Дитцель, 112.
 Дмитревскій, 290.
 Долгорукал Е., 8.
 Долгорукал Ирина, 86.
 Долгорукій А., 61.
 Долгорукій И., 7, 8.
 Долгорукій М., 61.
 Долгорукій В., 51, 61, 322.
 Долгоруковъ, 118, 119, 172.
 Доминико-Дадлолю, 91.
 Дона, 457, 480—482, 500, 501.
 Досифей, 111.
 Достоевскій, 348.
 Дрезденца, 259, 260.
 Дубянский, 86, 106, 110.
 Дугласъ, 93, 418—424, 431—438, 441—
 444, 446, 447, 452—454.
 де-Дье, 379.

 Дюплекъ, 54.
 Дюпре, 369.
 Дюранъ, 422.

 Евгеній, 339.
 Евлашевъ, 94.
 Евреиновъ, 293.
 Екатерина I, 2—6, 9, 12, 16, 43, 50,
 62, 88, 99, 119, 144, 156, 227, 246,
 263, 270, 288, 314, 342, 376.
 Екатерина II, 9, 49, 54, 57, 77, 84, 86,
 90, 94, 108, 111, 114, 117, 118, 120—
 122, 132, 142, 144, 160, 162, 168,
 195, 239, 251, 253, 254, 258, 259, 251,
 253, 254, 258, 259, 261, 294, 310, 365,
 366, 368, 373, 392, 451, 472—476,
 478, 497, 522, 544.
 Екатерина, пр-са Брауншвейгская, 44,
 49, 61, 78.
 Елагина 120.
 Елагинъ, 160.
 Елизавета, пр-са Брауншвейгская, 46,
 49, 324.
 Ермакъ. 272.
 Ермолай, 253.
 Ефимовскіе, 34, 72.

 Жерменъ, 440.
 Живоръ, 416.

 Забатко, 544.
 Закревскій, А., 112.
 Закревскій, Г., 112.
 Зейдиць, 484, 505, 526.
 Зиновьевъ, 202.
 Зубаревъ, 458.
 Зумъ, 70.
 Зыбединъ, 274.
 Зыбинъ, 466.

 Иберкампфъ, 32.
 Иванъ Грозный, 98, 132, 201, 279.
 Ивинскій, 37, 68, 118, 201.
 Ивковъ, 208.
 Измайлова, 110.
 Ильинскій, 270.
 Ирещкій, 228.

 Иоаннъ Антоповичъ, 11, 12, 37, 41, 43,
 44, 48, 85, 201, 280, 323, 339, 341 342,
 345, 406, 458, 474.

 Каанъ, 136.
 Кампанъ, 432.
 Кампредонъ, 4.
 Кантемиръ, 234, 292, 325, 346—348.
 Кантъ, 478.
 Карябановъ, 114.
 Каравакъ, 27, 288.
 Карлъ IV, 299.

- Карлъ Брандебургскій, 15.
 Карлъ Скавронскій, 9.
 Карлъ-Августъ Голштинскій, 6.
 Карлъ VII, 109, 138.
 Карлъ Саксонскій, 489.
 Карамзинъ, 181.
 Карно, 283.
 Картеретъ, 139, 329, 412.
 Кастеллянъ, 309, 340.
 Кастель, 271.
 Катилина, 293.
 де-Каттъ, 482, 483, 485, 523.
 Кауницъ, 93, 108, 171, 262, 430, 442, 516.
 Кейтъ, 67, 99, 134, 143, 178, 227, 383, 390, 467, 480, 483.
 Керштенсъ, 274.
 Клермонъ, 489.
 Клинггреффенъ, 430.
 Кобельниковъ, 281.
 Козловская, 252, 253, 256.
 Козицкій, 281.
 Кокошкина Е., 179.
 Компаньи, 546.
 Компасси, 92.
 Кондонди, 470, 491.
 Контадъ, 496, 497, 501.
 Конти, 27, 38, 290, 306, 417, 418, 420, 423, 435—440, 453—455, 513, 514.
 Корнель, 266, 291.
 Кордъ, 274.
 Корфъ, 47, 70.
 Кохъ, 192.
 Крамеръ, 16.
 Крапоткинъ, 192.
 Краснощекоевъ, 461, 463.
 Крашенинниковъ, 281.
 Крафтъ, 271.
 Крузе, 136, 547.
 Крузиусъ, 271.
 Креровъ, 491.
 Кудакоевъ, 268.
 Кулишъ, 189.
 Куракина, 167, 179.
 Курбатоевъ, 366.
 Кутузовъ, 226.

 Лабади, 135.
 Лабурдоне, 54.
 Лавостоевъ, 208.
 Ламбергъ.
 Ламбеке, 144.
 Ламоттъ, 144.
 Ландъ, 90, 91, 96, 264.
 Ланжеронъ, 265.
 Ланмари, 322, 329, 349.
 Лапи, 264—268.
 Лапчинскій, 345.
 Ласси, 27, 38, 39, 50, 134, 177, 178, 333, 383, 389, 391, 400, 524—526.

 Лаудонъ, 181, 496, 500, 502—506, 508, 546.
 Леваковский, 276.
 Левальдтъ, 457—460, 462, 465—467, 472, 477, 480, 481, 484, 525.
 Левенгауптъ, 28, 32, 303—305, 307, 333.
 Левенвольде, 29, 36, 37, 50, 58, 60, 66, 109, 338.
 Левендаль, 135.
 Ле-Кенъ, 491.
 Лекувреръ, 291.
 Лестокеъ, 16, 17, 23, 24, 28—36, 39, 45, 60, 62, 66, 84, 105, 108, 132, 134, 135, 137—142, 144, 145, 173, 310, 312, 316, 318, 322, 323, 326, 329—331, 336, 339, 341, 344, 348—352, 355, 360, 362, 363, 365, 366, 370, 383, 389, 398—400.
 Летремъ, 416.
 Лещинская, 82, 97.
 Лещинскій, 542.
 Лефортъ, 3, 5—7.
 Ливонъ, 135, 403.
 Лиліенфельдъ, 83.
 Лиліенфельдъ Софія, 342, 344.
 Линарь, 13, 14, 26, 29—31, 37.
 Линней, 274.
 Лирія, 8.
 Лихтенштейнъ, 377.
 Лицънъ, 262.
 Лозевъ, 102.
 Локатели, 291.
 Ломоносовъ, 47, 169, 170, 207, 267, 269, 272—276, 278—281, 283—285, 289, 292, 294, 533.
 Лопатинскій, 9.
 Лопиталь, 91—93, 97, 99, 129, 130, 158—160, 163, 165, 179, 180, 287, 441, 441, 447, 450—454, 455, 456, 462, 469, 472—476, 489—491, 495, 497, 498, 510, 511, 517—519, 523, 531, 532, 543.
 Лопухина, 82, 112, 196, 338, 341—344.
 Лопухинъ-отецъ, 338, 341, 461, 466.
 Лопухинъ Ив., 339, 341.
 Лорренъ, 287.
 Лудвигъ, 274.
 Луиза, 125.
 Луи-Франсуа-Лагренаъ, 287.
 Лукерія Михайловна, 110, 111.
 Львовъ, 242.
 Лядинъ, 88, 118.
 Лятуръ-де-Лоней, 79.
 Любрасъ, 66.
 Людовикъ XV, 3, 4, 18, 19, 101, 130, 163, 271, 302, 304, 305, 307, 308, 311, 327, 351, 378, 381, 391, 398, 400, 410, 415, 417, 421, 422, 434, 439, 442, 446, 453, 454, 456, 464, 468, 491, 492, 498, 511—515, 519—521, 523, 530, 532, 533, 535, 536, 539, 541, 542.
 Люсси или Чуди, 287, 422, 424.

- Мальзербъ**, 483.
Мантейфель, 457, 461.
Мантованина, 291.
Манштейнъ, 57, 134, 457, 488.
Маратъ, 265.
Мардефельдъ, 12, 15, 30, 33, 37, 60, 64, 68, 70, 71, 83, 98, 100, 118, 119, 127, 135, 136, 139—141, 146, 147, 174, 175, 218—220, 222—224, 228, 304—306, 308, 312—314, 318, 320, 324, 326—328, 330—334, 349, 352, 356—359, 361, 363, 364, 373, 378—385, 387—389, 391, 392, 394, 395, 398, 399, 402, 409, 455.
Мариво, 315.
Марія-Терезія, 46, 82, 93, 127, 128, 154, 155, 157, 177, 178, 259, 262, 264, 303, 312, 314, 315, 340, 342, 345, 356, 357, 374—376, 379, 381, 393, 397, 398, 404, 406, 412, 428, 430, 446, 447, 492, 499, 516, 518, 536, 543.
Массонъ, 251, 252.
Матвѣевъ, 205, 209.
Медея, 124.
Меллони, 283.
Мельгуновъ, 49.
Менаже, 480.
Менгденъ, 29, 50.
Менгдѣнъ Юлія, 14, 29, 30, 46—48, 141, 304, 400.
Менгдѣнъ Якобина, 48.
Ментенонъ, 101.
Меншикова Марія, 6, 7.
Меншиковъ, 4, 6, 7, 12, 13, 61, 132, 302, 455.
Мерси-д'Аржанто, 169, 174, 315.
Мессельеръ, 435.
Мещерская, 100.
Миллеръ, 46, 275, 281.
Милошевичъ, 188.
Минихъ, 10, 11, 13, 14, 29, 33, 36, 50, 51, 53, 54, 56—58, 66, 97, 104, 134, 175, 178, 179, 222, 224, 228, 464.
Митчель, 426.
Михайлова (псевдонимъ Елизаветы), 122.
Мишель, 415, 416, 419—421, 437, 438, 441, 443, 476.
Мишле, 225.
Мишуровъ, 227, 228.
Мойсей, 199.
Монастероль, 302, 320.
Монсъ, 342.
Монталамберъ, 179, 524.
Монтане-Вилльбрейль, 301.
Монфредини, 291.
Морамберъ, 34, 287.
де-Морвиль, 79.
Морозовъ, 192, 262.
Морицъ Саксонскій, 5, 70, 105, 317, 369.
Мунсей, 547.
Муравьевъ, 189.
Мусинъ-Пушкинъ, 118, 119.
Мюллеръ, Е., 138, 272.
Мюннгаузень, 412.
Наполеонъ I, 183, 226, 327, 467, 487, 525.
Нарышкина Е., 103, 116.
Нарышкинъ А., 102, 177.
Нарышкинъ С., 102, 435.
Нартовъ, 270, 280.
Наталія Алексѣевна, 8.
Нейпергъ, 304.
Неплюевъ, 190.
Нивернъ, 424, 425, 496.
Никонова Авдотья, 110.
Никонъ, 236.
Ноайль, 362.
Ножевщиковъ, 48.
Нолькенъ, 17, 19, 21—24, 26, 39, 311, 312.
Носова, 259.
Ньюкестль, 411, 412.
Ньютонъ, 282, 283.
д'Обиньи, 114.
Одоевская, 109.
Олицъ, 527.
Олсуфьевъ, 158, 177, 420, 548.
Орловъ, 103, 112, 171, 203, 478.
Остерманъ, 6, 7, 13, 24, 25, 29—32, 36, 50—54, 60, 66, 134, 135, 144, 178.
Павелъ I, 122, 132, 196, 284.
Пальменбахъ, 135, 487.
Панинъ, 118, 258, 406, 461.
Пассенахъ, 248.
Пейтлингъ, 135.
Перовщиковъ, 276.
Петръ Великій, 2, 3, 6, 9—14, 16, 17, 19, 21, 29, 37, 38, 41, 44, 47, 50, 56, 59, 61, 66, 68, 73—75, 77—79, 82, 84, 86—89, 96, 98, 105, 116, 118, 121, 122, 124, 130, 132, 136, 143, 144, 146, 155, 162, 178, 184—186, 191—194, 196, 198—200, 204—209, 212, 214, 217, 219, 222, 227—229, 232—234, 236, 238, 239, 241, 244, 245, 249, 250, 257, 259, 261—265, 269—271, 274, 277—281, 284, 287, 293, 294, 299, 303, 308, 312, 314, 327, 342, 343, 402, 415, 455, 467, 492, 513, 549, 551, 554.
Петръ II, 2, 6—8, 43, 61, 102, 124, 188.
Петръ III, 56, 72, 120, 123, 142, 160, 176, 253, 343, 549.
Петръ, принцъ Брауншвейгскій, 48.
Петръ (графъ), 134.
Пехлинъ, 523.
Пецольдъ, 125, 130, 306.
Пименовъ, 193.

- Питтъ, 543.
 Платенбергъ, 457.
 Платень, 457, 488.
 Пленкетъ, 524.
 Прассе, 135, 145.
 Прерадовичъ, 189.
 Претлакъ, 128, 148, 152—154, 177, 178, 181, 393—395, 398, 401, 404, 410, 411, 412, 420.
 Притвиць, 505.
 Прядуновъ, 209.
 Превиль, 491.
 Подевильсъ, 332, 356, 361.
 Полиньякъ, 526.
 Польми, 159.
 Полянский, 228.
 Помпадуръ, 101, 107, 222, 427, 437, 440, 454, 492.
 Понятовскій, 473, 490, 522, 523.
 Поповъ, 274, 281.
 Порошинъ, 109.
 Поссе, 420.
 Пуассонье, 85, 136, 491.
 Пуговишниковъ, 158.
 Пустоловъ, 206, 207.
 Пушкинъ, 192.
 Пушинъ А. С., 279, 285, 294.
 Пюбла, 406.
 Пюизье, 400.
 Пютланжъ, 423.

Раймбертъ, 475, 476.
 Разумовская (Нарышкина), 117.
 Разумовская (Разумиха), 104, 105, 114.
 Разумовская Е., 109, 114, 150, 156.
 Разумовскій А., 10, 34, 62, 63, 72, 74, 77, 81, 86, 88, 95, 97, 98, 100, 101, 103—108, 110—115, 118, 120, 138, 151, 153, 166, 167, 186, 187, 259, 271, 310, 320, 344, 396, 408, 434.
 Разумовскій Д., 104.
 Разумовскій К., 94, 95, 109, 112, 115—117, 179, 186, 187, 265, 271, 273, 281.
 Рамбо, 464.
 Рамбургъ, 79.
 Ранцовъ, 262.
 Расинъ, 15, 266, 483.
 Растрелли, 94, 547.
 Репнина, 261.
 Репнинъ, 178, 257, 258, 261, 403.
 Рейхель, 274, 275.
 Ришелье, 472.
 Робеспьеръ, 265.
 Розенбергъ, 374—376, 378, 382, 388, 390, 393, 397, 408, 445.
 Рѣзумъ (Разумовскій), 103, 104.
 Ролленъ, 468.
 Роста, 274.
 Ротари, 287.
 Ротамбо, 72.

 Роховъ, 525.
 Рухинъ, 262.
 Рулье, 417, 418, 422, 423, 434, 436—439, 444, 446, 450, 452, 453.
 Румовскій, 274.
 Румфордъ, 276.
 Румянцовъ, 177, 181, 229, 249, 251, 265, 374, 461, 467, 483, 484, 486, 487 544, 549.
 Руссо, 272, 315, 483.
 Рюнно, 266.
 Рюма, 143.
 Рюшь, 457.

 Сакристини, 92.
 Салетти, 92.
 Салтыкова, Г., 15, 82, 85.
 Салтыкова, 239, 249, 251, 253, 254, 256.
 Салтыковъ, 192.
 Салтыковъ, гр. П. С. 34, 44, 45, 47, 66, 110, 113, 131, 164, 178—180, 224, 227, 259, 464, 499, 500 — 504, 506, 508—510, 515, 524, 527, 549.
 Санти, 135, 145, 415.
 Санхецъ, 199.
 Саргъ, 289.
 Сатановъ, 270.
 Свистуновъ, 81.
 Селламора, 88.
 Семеновъ, 192.
 Сентъ-Андре, 223, 484.
 Сень-Северинъ, 378, 403.
 Сень-Соверъ, 400.
 Сень-Контеста, 416, 417.
 Сиверсъ, 61, 88, 118.
 Сильвестръ, 78.
 Симеонъ Полоцкій, 195.
 Симонъ, 200.
 Скавронская, 173.
 Скавронскій, 34, 72, 248.
 Снѣгиревъ, 111.
 Соймоновъ, 128.
 Соколовъ, 288.
 Софія, 63.
 Станиславъ, король, 82.
 Стенвиль, 158, 483, 492.
 Стефанъ Яворскій, 106, 235, 268.
 Стрепенцовъ, 112.
 Строганова, 57.
 Строгановъ, 191, 214, 287, 435.
 Струве, 194.
 Стюартъ, 418.
 Субязъ, 472, 496.
 Суворовъ, 544.
 Сумароковъ, 81, 119, 120, 259, 266, 268, 273, 285, 286, 289, 291—293.
 Супонева, 114.
 Сутерляндъ, 229.
 Сѣчоновъ Дмитрій, 235, 236.

Гальмонъ, 96.
 Тараканова, 111—118.
 де-Тарантъ, 265.
 Тардье, 200.
 Татищевъ, 191.
 Теге, 481.
 дю-Тейль, 336, 337, 345, 346, 347, 358, 362.
 Тенкинъ (Нарышкинъ), 102.
 Теодорскій Симонъ, 70, 72, 138.
 Тепловъ, 187.
 Терамень, 292.
 Тереза, 212.
 Терсье, 417, 421, 423, 488, 446, 447, 455, 491, 513—515, 520, 522, 581.
 Тимирязевъ, 30, 50.
 Тироули, 128, 355, 359, 360, 361, 862, 364, 375, 386, 387, 428.
 Теве, 3, 287.
 Толстой, 461.
 Тотлебенъ, 181, 524—526, 543, 544.
 Тренкъ, 145.
 Тредьяковскій, 115, 256, 267, 268, 273, 276, 279, 281, 285, 289, 292.
 Трубецкая, 330.
 Трубецкой, 159, 174—177.
 Трубецкой Н. Ю., 50, 51, 60, 261, 265.
 Туптало-Данила, 195.
 де-ля-Тушь, 424.
 Тютчевъ, 254.
 Тэвъ, 247.
 Уильямсъ, 170, 178, 408, 417, 419, 420, 424, 426, 427, 431, 435, 443, 444, 451, 458, 459.
 Ульфельдъ, 374, 404.
 Ушаковъ, 23, 60, 83, 179, 199, 366, 367.
 Ухтомскій, 94.
 Фавье, 332, 537.
 Фарадей, 283.
 Федоровъ, 119.
 Фелькерамъ, 135.
 Ферморъ, 135, 164, 179, 180, 224, 227, 477, 478, 480, 481, 483—487, 496, 499, 524, 527.
 Фенелонъ, 268.
 Филиппъ, 237.
 Финкенштейнъ, 141, 401—403, 506, 545.
 Финкъ, 506.
 Финчъ, 10, 20, 23, 30, 64, 306, 463.
 Фиттингофъ, 480.
 Флеммингъ, 375.
 Флери 19, 20, 22, 326, 336—338, 439.
 Флетчеръ, 244.
 Флоринскій Кириллъ, 66, 108.
 Флюкъ, 61.
 Фогель, 274.
 Фонвизинъ, 275.
 Фонтенель, 289.

де-Фонтенеъ, 5.
 Франклинъ, 282.
 Франсуа-Сантъ, 88.
 Фридрихъ Гессенскій, 404.
 Фридрихъ В. (прусскій король), 22, 45, 46, 57, 60, 64, 68—70, 75, 99, 100, 119, 130, 131, 137—139, 141, 149, 154, 155, 159, 160, 166, 170, 174, 178, 180, 181, 184, 218, 222—224, 226, 259, 260, 266, 278, 299, 300, 304, 305, 312, 314, 316, 318, 320, 324—326, 328, 331—334, 338, 339, 345, 352, 356—359, 361, 363, 370, 373—375, 377—380, 382—385, 387, 388, 391—395, 398, 400—412, 414—417, 424—426, 428—430, 441—444, 447, 454, 456—466, 468, 470, 472, 473, 475, 477, 478, 480—483, 492, 496, 498—506, 508—510, 520, 523, 524, 526—528, 532, 533, 543—545, 547, 549.
 Фуксъ, 90, 96, 98.
 Фуллертонъ, 135.
 Фунгъ, 420.
 Фузани, 287.
 Фувадье, 136, 470.
 Херасковъ, 249.
 Хованская, 236.
 Хорватъ, 189.
 Цинцендорфъ, 98, 264.
 Цитера, 321.
 Чарторыйскій, 473.
 Черкасовъ, 127, 156, 158.
 Черкасскій, кн., 53, 60, 64, 78, 145, 174, 329.
 Чернышевскій, 435.
 Чернышовъ, 177, 180, 181, 202, 326, 327, 391, 399, 520, 524, 525, 545.
 Честерфильдъ, 399.
 Чоглоковъ, 156, 218.
 Чулковъ, 100, 101.
 Шавюзо, 142.
 Шаденъ, 274, 275.
 Шалавуръ, 273.
 де-Шамбриу, 70.
 Шампо, 415.
 Шамшуренковъ, 210, 211.
 Шаховской, 41, 58, 126, 127, 175, 176, 241, 242, 262.
 Шварцъ, 16, 29, 31, 39, 66, 192.
 Шевичъ, 189.
 де-Шезъ, 408.
 Шеллингъ, 135.
 Шенбергтъ, 214.
 Шепелева, 100, 162, 167.
 Шепелевъ, 91.
 Шереметевъ, 435.

- Шереръ, 163.
 Шетарди, 10, 11, 15 — 17, 19 — 31, 33, 34, 43, 68, 70, 78 — 90, 96, 102, 103, 122, 135, 137, 139, 140, 147, 155, 178, 300—303, 305—316, 318—327, 329, 330, 334, 336—338, 340, 344—370, 373, 374, 377, 386, 395, 434, 475.
 Шефелингъ, 419.
 Шиллингъ, 547.
 Шлецеръ, 112, 283.
 Шмидтъ, 3.
 Шмидтъ, Якобина, 62, 113, 114, 128.
 Штамке, 475.
 Штарембергъ, 430, 437, 443, 517, 518, 519.
 Штейнбергъ, 400.
 Штелингъ, 280, 287.
 Штоффельвъ, 135.
 Штурмъ, 280.
 Шуваль, 80, 92, 452, 496—512, 515—522, 528—532, 534—542.
 Шубинъ, 14, 19, 61, 62, 88, 102, 113.
 Шувалова Е., 99, 101, 108, 145.
 Шувалова М., 167, 168.
 Шуваловъ А., 10, 34, 88, 167, 175, 199, 475.
 Шуваловъ, И. И., 10, 34, 63, 74, 88, 98, 100, 118, 121, 135, 136, 142, 156, 158, 162, 168—170, 172, 174, 176, 267, 274, 281, 282, 285, 287, 364, 414, 415, 423, 434, 460, 527, 528, 530, 533, 535, 540, 551.
 Шуваловъ, П. И., 34, 42, 48, 63, 68, 74, 101, 110, 118—120, 135, 136, 145, 156—158, 162—169, 172, 174, 176, 179, 194, 205, 206, 214—216, 218, 220, 221, 224, 415, 423, 434, 438, 476.
 Шумахеръ, 115, 270—272, 280, 281.
 Щербатовъ, 163, 194.
 Щуровскій, 276.
 Юрьевъ, 195.
 д'Юссонъ, 323.
 Юшкевичъ Амвросій, 59, 66.
 Юшковъ, 214.
 Эйлеръ, 273, 283.
 Эмме, 194, 195.
 д'Эонъ, 91, 92, 95, 96, 134, 178, 432, 452, 454, 462, 491, 498.
 Эразмусъ, 274.
 Эстергави, 154, 158—160, 169, 171, 177, 180, 221, 316, 420, 428—431, 443—447, 452, 471, 474, 488, 499, 516—519, 546.
 д'Эстре, 472.
 Ягужинская, 330, 343.
 Яковлевъ, 50.
 Теофанъ Прокоповичъ, 106.

Казимир Валишевский

Дочь Петра Великого

*Репринтное воспроизведение
издания 1911 года*

Ответственный за выпуск

В.И.Синюков

Технический редактор

Е.И.Полякова

ИБ № 1961

Подписано в печать 10.11.89. Формат 70х100 1/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 55,9. Усл. кр.-отт 111,8.
Уч.-изд. л. 37,0. Тираж 100 000 экз. Изд. № 4927.
Заказ № 607. Цена 14р. 90к.

Издательство "Книга"

125047, Москва, ул. Горького, 50.

Можайский полиграфкомбинат
В/О „Совэкспорткнига“ Государственного
комитета СССР по печати.
143200, Можайск, ул. Мира, 93

В $\frac{4702010101-012}{002(01)-90}$ — Без объявл.

ISBN 5-212-00358-X

